

Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте

**НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО:
ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ГРЯДУЩЕЕ.
НООНОМИКА**

V-й том

Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий
Института нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте по тематике концепции
нового индустриального общества второго поколения
и нооиндустриального развития общества

Санкт-Петербург
2021

Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. V-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 638 с.

В сборнике научных трудов Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте раскрываются результаты современных научных исследований, посвященных смене господствующей парадигмы экономической теории и трансформации экономической политики под влиянием радикальных социальных и технологических изменений последних десятилетий, в том числе под влиянием нового вызова развитию – пандемии Covid-19; проработаны различные аспекты концепции Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теории ноономики, как новых моделей социально-экономического устройства; исследуются прикладные аспекты экономического и социального развития современной России в условиях происходящих трансформаций.

Сборник трудов предназначен для профессорско-преподавательского состава университетов и научных сотрудников, занятых исследованием проблем современной экономики, докторантов, аспирантов, магистрантов, а также студентов бакалавриата, обучающихся по направлению 38.03.01 «Экономика». Материалы сборника могут быть использованы руководителями и специалистами аппарата управления бизнес-организаций и государственных органов при разработке программ и стратегий развития.

ISBN 978-5-00020-085-8

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2021

**НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО:
ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ГРЯДУЩЕЕ.
НООНОМИКА**

V том

Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Часть 1. НИО.2: концептуальные основы – российские практики и международные контексты (материалы семинаров и конференций ИНИР им. С.Ю. Витте).....	13
1.1. Материалы научного онлайн-семинара «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)» (21 мая 2020 г.) (стенограмма)	15
1.2. Материалы международной научной онлайн-конференции «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления» (28 мая 2020 г.) (стенограмма)	90
1.3. Материалы онлайн-семинара «Социализация экономики: человек как продукт и как активный субъект исторического процесса» (26 октября 2020 г.) (стенограмма)	190
Часть 2. НИО.2: что сегодня?	293
2.1. Бодрунов С.Д. Выступление на открытии онлайн-сессии Московского академического экономического форума (МАЭФ) (Москва, РАН, 14 мая 2020 г.).....	295

2.2. Бодрунов С.Д. «Инновации и технологии как базовый ресурс прорывного развития». Доклад на открытии Пленарной сессии Уральского экономического форума «Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России» (Екатеринбург, 21 октября 2020 г.).....	298
2.3. Бодрунов С.Д. «Социализация: тернистый путь к ноономике». Пленарный доклад на международном научном семинаре Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Социализация экономики: человек как продукт и как активный субъект исторического процесса» (26 октября 2020 г.)	315
2.4. Бодрунов С.Д. Доклад (Вступительное слово) на Всероссийском экономическом собрании (11 ноября 2020 г.).....	325
2.5. Бодрунов С.Д. Вступительное слово на Международной конференции-мемориуме «Фридрих Энгельс и наука XXI века» (в рамках Международного Форума «Энгельс–XXI» (к 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса) (28 ноября 2020 г.)	333
2.6. Бодрунов С.Д. «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм». Доклад на открытии Пленарной сессии объединенного Международного Конгресса «СПЭК-ПНО-2020» «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2-4 декабря 2020 г.)	341
Часть 3. Ноономика	355
3.1. Бодрунов С.Д. Материалы вводной лекции к учебному курсу «Общая теория ноономики» «Ноономика как модель социального устройства: предпосылки возникновения, сущность, механизм формирования» в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, 08 сентября 2020 г.), в Уральском государственном экономическом университете (Екатеринбург, 22 октября 2020 г.)	357

3.2. Бодрунов С.Д. Коронакризис как триггер противоречий современной экономики	391
3.3. Бодрунов С.Д. Пенетрация и риднесс (размышления о некоторых устойчивых закономерностях взаимодействия в естественных и общественных процессах).....	401
3.4. Бодрунов С.Д. На пути к ноономике: человек, технологии, общество	408
3.5. Бодрунов С.Д. К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма.....	428
3.6. Бодрунов С.Д. Мировые кризисы XXI века обнажают противоречия современной социально-экономической модели	446
3.7. Noonomy as the material basis for a promising humanitarian model of public order / Ноономика как материальный базис перспективной гуманистической модели общественного устройства.....	463
Часть 4. Новое индустриальное общество: перезагрузка (материалы презентаций).....	503
4.1. Презентация изданий ИНИР на объединенном Международном Конгрессе «СПЭК-ПНО-2020» «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (стенограмма, в сокращении) (2-4 декабря 2020 г.)	505
Часть 5. НИО.2: что дальше? (материалы коллоквиумов ИНИР им. С.Ю. Витте).....	527
5.1. Стенограмма коллоквиума на тему «Противоречия цивилизационного развития. Особенности текущего этапа» (04 апреля 2020 г.).....	529
5.2. Стенограмма коллоквиума на тему «Ноономика и финансовый капитал» (23 апреля 2020 г.)	545

5.3. Стенограмма коллоквиума по теме «Социализм, коммунизм, НИО.2, ноообщество: сравнительный анализ и методологические проблемы» (07 июня 2020 г.)	561
5.4. Стенограмма коллоквиума по теме «Культура и социальные аспекты теории ноономики» (13 июля 2020 г.)	580
5.5. Стенограмма коллоквиума по теме «Социализация и человек в ноономике» (31 августа 2020 г.)	588
5.6. Стенограмма коллоквиума по теме «Генезис ноономики. Качественные изменения в общественном производстве в процессе продвижения общества к ноономике – диффузия собственности (критическое сопоставление позиций классической политэкономии и неоклассических взглядов)» (03 января 2021 г.).....	602
5.7. Стенограмма коллоквиума по теме «Измерение результатов общественного развития: к постановке проблемы» (03 января 2021 г.)	620
5.8. Стенограмма коллоквиума по теме «Рост знаниеемкости производства ведет к диффузии стоимости и собственности (30 января 2021 г.)	629

Предисловие

Концепция Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теория ноономики: проверка коронакризисом

2020 год стал для человечества особенным. И причина этого общеизвестна. Мир столкнулся с угрозой своему стабильному развитию и функционированию, подобные которым, казалось бы, уже давно канули в прошлое. Но, как показала пандемия новой коронавирусной инфекции Covid-19, человек со всей его технологической и интеллектуальной мощью по-прежнему с трудом справляется с грозными природными явлениями, в частности – с инфекционными болезнями.

Пандемия Covid-19 и масштабные меры по противодействию её распространению вновь актуализировала проблему устойчивого развития (sustainable development). Мы – безусловно, не апологеты мальтузианства, но поневоле возникает ощущение, что сама природа подсказывает нам: необходимо стремиться к большей сбалансированности социальных, экономических и естественных процессов. Не «покорять», «подчинять» себе среду обитания, безвозвратно разрушая ее, а научиться выстраивать хозяйственную деятельность и социальную активность в симбиозе с природой, с учетом экологического фактора.

Как показывают итоги 2020 года, представление о том, что человек смог подчинить себе природные силы и властвует над ними – очень большое преувеличение. В этой связи концепция устойчивого развития в новых условиях приобретает несколько иное содержание. Речь идет о том, что соединение в единое целое социального, экономического и экологического целеполагания – это не просто очередная модная теоретическая тенденция, но и насущная потребность. В том числе, связанная с необходимостью снижения неравенства между населением различных стран и регионов.

Выяснилось, что от пандемии невозможно отгородиться даже самыми строгими карантинными ограничениями и контролем на границах. И эпидемиологическая вспышка, возникшая в одном регионе мира, очень быстро может охватить всю планету,

и для инфекции неважно – кого она поражает: образованных или не очень, бедных или богатых, верующих или атеистов, и т.д. Это означает, что лишь солидарные усилия общества, направленные на повышение справедливости социальной организации, снижение неравенства и обеспечение доступа людей во всем мире к благам цивилизации способны изменить ситуацию, предотвратить развитие подобных событий в будущем.

Следовательно, возникает теоретический вопрос относительно возможной модели такого будущего общественного и хозяйственного устройства. Модели, с одной стороны, генетически связанной с современными моделями, не требующей их коренной революционной ломки и полного разрушения, могущих обернуться глобальным кризисом, с другой стороны – опирающейся на возможности новых производственных и социальных технологий, на последние научные достижения, на принципы справедливости.

И эта, казалось бы, теоретическая задача приобретает огромное прикладное значение. Ибо, как известно, «нет ничего более практичного, чем хорошая теория». Теория, которая позволяет уверенно смотреть в будущее и вытраивать его, исходя из разумных (не «рационалистических», как принято в *mainstream* современной экономической науки, а именно «разумных») соображений и устремлений. Требуется переход от «рацио»- к «ноо» - принципам общественного и хозяйственного устройства.

И, следует сказать, основные контуры подобной модели уже разработаны. И разработаны они задолго до начала пандемии Covid-19, сам факт возможности которой (и главное – возможности столь разрушительных последствий для экономики и социума) еще несколько лет назад в среде серьезных экспертов вызвал бы, в лучшем случае, недоумение и непонимание. Это – предлагаемые директором Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте профессором С.Д. Бодруновым и творчески развиваемая коллективом этой исследовательской организации концепция Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теория ноономики.

Конечно, можно указать, что концепции НИО.2 и ноономики не являются единственными возможными теоретическими основами будущей социально-экономической модели (и так делают некоторые их критики). Здесь, как говорится, «возможны варианты». Но коронакризисный вызов, на который пока что так и не

найден убедительный ответ, показывает, что движение к формам общественной и хозяйственной организации, задаваемой этими концепциями, необходимо начинать уже сегодня. Попутно, конечно же, развивая и обогащая теоретические представления об их детальном содержании и конкретном наполнении.

Именно такого рода напряженной интеллектуальной работой занимается коллектив ИНИР им. С.Ю.Витте и множество российских и зарубежных исследователей, связанных с институтом в рамках научно-технической кооперации. Проблематика НИО.2 и ноономики пока еще нова для науки. Соответствующие концепции всё еще проходят этап «кристаллизации». Этим определяется значительное внимание к ней и её активное обсуждение на научных мероприятиях (семинарах, коллоквиумах, симпозиумах, конференциях и т.д.), которые в силу известных коронакризисных сложностей в последний год проходили преимущественно в дистанционном формате.

Как оказалось (и это еще одно подтверждение осуществления цифровой революции), этот формат не только не ослабил взаимодействие научных коллективов и отдельных специалистов, но, напротив, сделал его более тесным и продуктивным. В данном издании представлены исследовательские материалы и результаты их презентации на различных научных мероприятиях, организатором или участником которых выступал ИНИР им. С.Ю. Витте и его директор – профессор С.Д. Бодрунов – в течение 2020 года.

Среди наиболее значимых событий следует отметить онлайн-семинар «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», международную онлайн-конференцию «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления», онлайн-семинар «Социализация экономики: человек как продукт и как активный субъект исторического процесса» и другие мероприятия. Даже простое перечисление их наименований указывает на комплексность охвата рассматриваемой институтом исследовательской проблематики. Новые условия коронакризисного периода потребовали уточнения концептуальных взглядов на НИО.2 и ноономику и, с позиций технологического и социально-го развития, возможности их синергетического соединения.

В онлайн режиме в 2020 году были проведены уже ставшие традиционными для национальной социально-экономической исслед-

довательской повестки мероприятия: Московский академический экономический форум (МАЭФ), проведенный совместно с Вольным экономическим обществом (ВЭО) России и Российской академией наук, Всероссийское экономическое собрание (11 ноября), приуроченное к 255-летию учреждения старейшей общественно-научной организации страны и мира – ВЭО России, объединенный Международный Конгресс «СПЭК-ПНО-2020» и многие другие.

Значимый новый импульс развитию концептуальных взглядов на НИО.2 и ноономику был дан в программном докладе на пленарной сессии последнего мероприятия: «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм». В нем была обозначена «квадрига» факторов (НТП – диффузия собственности – социализация общества – солидаризм), совместное проявление и стремительная созволюция которых в недрах существующей социально-экономической модели ускоряют ее трансформацию.

При этом важно отметить, что эта трансформация происходит постепенно и непротиворечиво, вызывая не желание противодействовать ей со стороны обширных социальных групп, а – напротив – признание ее необходимости и желательности. Но, в то же время, она требует развитой материально-технической базы, создаваемой в процессе формирования нового технологического ядра экономики в рамках перехода к очередному технологическому укладу, что требует активного соучастия государства в этом процессе посредством проведения политики инновационной модернизации и реиндустриализации.

На последнем моменте сделан особый акцент в публикуемом в данной книге докладе профессора С.Д. Бодрюнова на пленарной сессии Уральского экономического форума 2020 года: «Инновации и технологии как базовый ресурс прорывного развития». В то же время, как показывает российский опыт, стимулирование инновационно-технологического развития со стороны государства не всегда дает ожидаемые результаты. Причина этого – в неучете таких свойств социально-экономических явлений и процессов, как «пенетрация» и «риднесс», которые требуют своего научного осмысления.

Следует отметить, что в деле популяризации концепций НИО.2 и ноономики 2020 год стал в некотором смысле переломным. Из академической, исследовательской плоскости они окончательно перешли в плоскость учебную, образовательную. Про-

фессором С.Д. Бодруновым был разработан оригинальный учебный курс «Общая теория ноономики», который включен в учебные программы ряда ведущих российских университетов.

По разработанному в рамках этого курса учебным и учебно-методическим материалам уже ведутся занятия в разных регионах России. Это означает, что оригинальные взгляды на будущее социально-экономическое устройство неизбежно приобретут новых сторонников, новых последователей и привлекут дополнительные творческие ресурсы.

Перечисленные выше и многие другие вопросы являются предметом исследований и дискуссий постоянных участников семинаров Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (Бодрунов С.Д., Бузгалин А.В., Гринберг Р.С., Десаи Р., Фриман А., Гэлбрейт Дж.К., Золотарев А.А., Клейнер Г.Б., Колганов А.И., Котц Д., Лайбман Д., Габриэль Л., Файзенфест Д., Ленчук Е.Б., Лэйн Д., Плотников В.А., Сорокин Д.Е., Ткаченко Е.А., Толкачев С.А. и другие известные российские и зарубежные специалисты).

Публикацией данного сборника трудов мы приглашаем читателей к продуктивной и конструктивной дискуссии по кругу рассмотренных в нем проблем, а также к активному сотворчеству в разработке новых и перспективных разделов современной экономической теории, связанных с теоретическим осмыслением концепции Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теории ноономики.

Золотарев А.А., к.э.н.

Плотников В.А., д.э.н., проф.

Часть 1.

**НИО.2:
концептуальные основы –
российские практики
и международные контексты
(материалы Санкт-Петербургских
семинаров ИНИР им. С.Ю. Витте)**

МАТЕРИАЛЫ
международного семинара «Глобальный кризис 2020:
вызовы будущему
(политико-экономический дискурс)»

21 мая 2020 года

21 мая 2020 г. в рамках работы Московского академического экономического форума (МАЭФ-2020) состоялся международный семинар «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте при поддержке Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Информационными партнерами мероприятия выступили журналы: «Экономическое возрождение России» и «Вопросы политической экономии».

Семинар прошел в онлайн-режиме, и включил в себя выступления 12 докладчиков, представлявших Москву, Санкт-Петербург, Кострому, Таллин:

Бодрунов Сергей Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества (ВЭО) России, президент Международного Союза экономистов

Пандемия и основное противоречие современной экономики

Гринберг Руслан Семенович, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН

Кризис: извлечь уроки

Мионов Владимир Васильевич, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

После пандемии: векторы будущего развития

Эпштейн Давид Беркович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАН

О фактах и прогнозах по поводу коронавируса и его последствий

Толкачев Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ

Новая сетевая матрица мировой экономики – строй «цивилизованных кооператоров»?

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора политической экономии Института экономики РАН

Политэкономия пандемии

Чекмарев Василий Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств

Ноономика: в поисках утраченного времени

Вайнгорт Владимир Леонтьевич, доктор экономических наук, член Международного комитета ВЭО России, член правления консалтинговой компании «Кардис» (Эстония)

Постэпидемический кризис – результат трансформации структуры занятости в экономике услуг

Яковлева Наталья Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН, ИНИР имени С.Ю. Витте, Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Кризис образования в эпоху позднего капитализма: тотальная маркетизация

Маслов Глеб Андреевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник сектора истории экономической мысли Института экономики РАН, ведущий научный сотрудник ИНИР имени С.Ю. Витте, научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Новые технологии – новый взгляд на корпоративное планирование

Барашкова Ольга Владимировна, научный сотрудник ИНИР имени С.Ю. Витте, Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Глобальный кризис: обострение проблемы неравенства (к методологии исследования)

Стенограмма
научного онлайн-семинара ИНИР им. С.Ю. Витте
«Глобальный кризис 2020: вызовы будущему
(политико-экономический дискурс)»

21 мая 2020 г.

Начало: 14.00.

Организатор мероприятия: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте при поддержке Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Руководитель научного семинара – директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов.

Модератор семинара – руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им.С.Ю. Витте, д.э.н., профессор А.В. Бузгалин

Бузгалин А.В.: Я рад всех приветствовать, уважаемые коллеги. Сейчас, я думаю, вы все видите нашу замечательную встречу, не забывайте, что вы все на экране. Я вас всех всячески приветствую. С вами Александр Владимирович Бузгалин, я буду вести эту встречу и выступать сразу в двух качествах: как руководитель Московского отделения Института нового индустриального развития Сергея Юльевича Витте и как директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ. Соответственно, эти две организации и являются главными инициаторами этого семинара, этой нашей встречи в эфире сегодняшнем. Я подчеркну, что встреча проходит у нас онлайн, и такой вариант, такая встреча – это, я думаю, именно то, что сейчас единственно возможно, но и то, что абсолютно необходимо.

Хочу сразу подчеркнуть, что именно в этом формате прошел Московский академический экономический форум (МАЭФ), и его пленарное заседание состоялось 14 числа. В нем приняли участие ведущие ученые нашей страны. Материалы доступны на сайте maef.veogus.ru. То, что происходит у нас сейчас с вами – это одно из заседаний, проходящих в рамках Московского академи-

ческого экономического форума. Одновременно идут конференции во многих регионах нашей страны. Но одновременно не в данный момент буквально, а на протяжении двух недель (с 14 по 31 мая). Это – пространство МАЭФ.

Сегодня в нашем семинаре участвует соорганизатор, Сопредседатель этого форума, профессор Сергей Дмитриевич Бодрунов, я его представлю чуть позже, и он получит возможность выступить с докладом, и, как и все мы, поучаствовать в этом мероприятии. Хочу подчеркнуть, что тема нашего сегодняшнего семинара – это «Глобальный кризис 2020» и, прежде всего, вопрос о том, какие вызовы будущему рождает уже сейчас этот кризис, и как будет обстоять ситуация в ближайшем будущем, или как она должна обстоять в ближайшем будущем. Наверное, это – тема, которая волнует всех, но мы выбрали политико-экономический дискурс, поскольку он является одним из ключевых для деятельности Института нового индустриального развития, и это одно из двух основных направлений и деятельности Центра современных марксистских исследований наряду с социальной философией.

В нашем семинаре сегодня участвуют известные ученые, я уже назвал профессора Бодрунова, член-корр. РАН Гринберг, член-корр. РАН Миронов, профессор Вайнгорт, наш коллега из Европы, и многие другие известные профессора, которых я буду представлять вам, а также молодое поколение Института нового индустриального развития и Центра современных марксистских исследований.

Пожалуй, главное, что я бы хотел сейчас объявить, это просто некоторые формальные правила нашей совместной работы. Мы работаем в онлайн-пространстве, поэтому есть достаточно жесткие ограничения: у докладчиков регламент порядка 10 минут, его нарушение возможно, но не приветствуется, хотя исключения, конечно, для известных ученых нам можно и, наверное, нужно будет сделать в первой сессии.

Гринберг Р.С.: То есть, они вне демократии?

Бузгалин А.В.: Руслан Семенович, в данном случае символом и ограничителем демократии будет модератор. Я рад вас тоже приветствовать в нашем эфире. Итак, мы работаем в такой модели, как я вам только что сказал. Вопросы (все те, кто нас

смотрит на Youtube, на канале Института нового индустриально-го развития имени Витте), коллеги, пожалуйста, вы можете присылать, но по электронной почте, поскольку иначе просто будет перегруз и невозможно воспринимать всю информацию нашим уважаемым участникам. Почту вы знаете, мы вам ее отсылали заранее, повторю коротко, это konf.inir@mail.ru.

Вот, пожалуй, это главное, что я хотел сказать. В нашей первой сессии принимают участие профессор Бодрунов, профессор Гринберг, профессор Миронов, профессор Эпштейн и профессор Толкачев. Сейчас, если вы все готовы, я рад предоставить слово одному из инициаторов нашего семинара, пожалуй, главному инициатору нашего сегодняшнего семинара, президенту Вольного экономического общества России, директору Института нового индустриального развития имени Витте и Сопредседателю МАЭФ Сергею Дмитриевичу Бодрунову.

Сергей Дмитриевич, добрый день. Пожалуйста, мы рады вас слышать и видеть.

Бодрунов С.Д.: Добрый день, Александр Владимирович! Добрый день, уважаемые коллеги! Я не просто формально вас приветствую, я действительно рад вас всех видеть в добром здравии, потому что сегодня это, пожалуй, не менее важно, чем те мысли, которыми мы с вами собираемся поделиться. Давно уже всех не видел, очень рассчитывал повидать вас всех на семинаре, который должен был состояться у нас в апреле, но, к сожалению, из-за этих всех эпидмероприятий перенесли его на май, надеясь, что все-таки в мае мы сумеем провести его в очном виде, но видите, ситуация такая, что это не позволяет, поэтому проводим в таком виде, как сейчас, в онлайн. Я, Александр Владимирович, признателен вам за то, что вы сделали такой хороший промоушн нашей будущей беседе.

Могу сказать, коллеги, что я, когда готовился к этому мероприятию, подумал о том, что какие-то базовые идеи, которые я планировал высказать на СПЭЖе в марте текущего года (который тоже перенесен) и хотел затем расширить на отмененном апрельском семинаре, я уже вынес в сжатом, тезисном варианте во вступительном слове на главной онлайн-сессии МАЭФ. Кто участвовал, это слышали.

Сегодня я делаю следующий шаг, то есть я немножко расширю то, что я докладывал на форуме очень коротко во вступительном слове, и в последующем я приглашу вас в один из наших крупных российских популярных журналов, где будет этот вариант доклада расширен до научной статьи. На это я, по крайней мере, надеюсь, и полагаю, что какие-то идеи, которые будут высказаны сегодня, возможно, тоже меня как-то вдохновят на какие-то корректировки этого самого текста, который в принципе готов. Итак, приступаю к докладу.

Уважаемые коллеги, вы знаете, последние пару месяцев пошел поток публикаций, в которых основной причиной разразившегося экономического кризиса провозглашена пандемия коронавируса. На мой взгляд, это далеко не так. Пандемия стала триггером кризиса, его акселератором – она не создала, а интенсифицировала тот системный кризис, о котором стратегически мыслящие исследователи уже говорили давно. Например, в 2019 году, в частности, директор-распорядитель Международного валютного фонда Кристалина Георгиева заявила (я процитирую): «Мировая экономика рискует вернуться в эпоху Великой депрессии, вызванной неравенством между разными группами населения стран и нестабильностью финансового сектора».

Полагаю, что на самом деле – это кризис сложившейся к настоящему времени общественной системы, основанной на рыночной экономике, частной собственности и прибыли как высшей цели деятельности. Он обусловлен внутренним противоречием этой системы, в которой подчинение человека товарному фетишизму, фирм – целям извлечения прибыли, социума – увеличению валового внутреннего продукта обуславливает господство отношений и институтов, ориентирующих общественное развитие на всех уровнях социальной структуры на максимизацию денежного дохода как главного результата и высшей ценности. Такая ориентация с неизбежностью ведет к росту социального неравенства во всем спектре его проявления: концентрация собственности и доходов в руках меньшинства, лишение большинства и того и другого, к росту бедности.

В течение последних десятилетий мы наблюдаем сильнейшую за всю историю поляризацию доходов, причем не только между крайне незначительным процентом богатых граждан и все

более увеличивающимся в размерах и глубине нищеты основным слоем населения, но и между странами. Этот разрыв увеличивается, как убедительно показал Пикетти в своей известной книге. При этом ускоренные темпы роста экономики, успехи технологического развития и тому подобное далеко непропорционально трансформируются в повышение жизненного устройства людей. Более того, добавим к рассуждениям мэтра свои, именно в условиях современной социально-экономической модели они влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов этого роста. Это – путь в тупик, поскольку главным субъектом платежеспособного спроса было и будет все более нищающее большинство, доходы которого относительно сокращаются.

Это – принципиальное противоречие капиталистической рыночной экономики, оно было показано еще в XIX веке Карлом Марксом, а впоследствии, во времена Великой депрессии 1929-1933 годов, под влиянием процессов социального строительства, начавшихся у нас в стране, в Советском Союзе, оно было переосмыслено Кейнсом и Рузвельтом, предложившими и теоретически, и практически пути смягчения ограничений спроса за счет снижения неравенства и усиления общественного регулирования.

Перейдем ближе, в конец XX – начало XXI века. В силу естественного развития рыночных отношений они взрастили глобализацию мировой экономики и ознаменовались новой волной деиндустриализации. Деиндустриализации, создавшей предпосылки для приоритетного развития финансового капитала и порождаемого, я бы сказал, постоянно поддерживаемого и нарастающего им симулятивного потребления. Рост последнего, создающий иллюзию для граждан улучшения доступа к благам, вновь на время отодвинул проблему маячащего на горизонте тупика данной модели претворения в жизнь потребностей. Однако финансово-экономический кризис 2008-2010 годов в очередной раз поставил ее, что называется, в полный рост, ну а глобальный кризис 2020 года сделал ее буквально общечеловеческой.

При этом отметим, что данное качество, естественным образом присущее рыночной экономике, не является результатом научно-технического прогресса. Я бы сказал так: более того, как раз использование глобальным капиталом научно-технического прогресса как инструмента достижения своих целей ведет к воз-

гонке проблемы, а наблюдаемое в последние десятилетия явление, которое мы назвали ускорением ускорения НТП, ведет, вследствие этого, к ускоренной поляризации центров присвоения общественного богатства. Таким образом, выделенное выше противоречие обостряется по мере возвышения современного научно-технического прогресса, несмотря на то, что достигнутый уровень технологий уже сейчас в принципе позволяет обеспечить, скажем так, достойную жизнь всему населению планеты.

Характерно, что всякий раз, когда начинается переход к качественно новым технологиям, это противоречие становится нетерпимым и требует глубоких изменений в экономике и обществе.

Достижения в сфере технологического развития поставлено на службу не прогрессу общества в целом, а в значительной и все увеличивающейся (подчеркну) мере той его части, которая является владельцем средств производственных капиталов, позволяет выкачивать средства из оставшейся части населения быстрее, чем прирастает доход этой части населения в силу расширения возможности внедрения потребности получаемого общества в результате НТП, что и обуславливает усиление поляризации. При этом прогресс информационно-коммуникационных технологий, иных новейших технологий, современных перспектив и жизненных укладов уже не позволяет отодвигать или смягчать проблему, что есть принципиальная особенность текущего этапа развития. Более того, он стал основой для осуществившегося господства финансово-спекулятивного капитала, симулятивных потребностей, внедряемых уже при помощи не товаров, а их знаков, причем чем дальше, тем больше в виртуальном пространстве, не имеющим реального измерения и наполнения.

Сейчас, в эпоху начавшейся четвертой индустриальной научно-технологической революции, в период перехода к шестому технологическому укладу – это именно та модель, которая исчерпала себя. Как отмечает нобелевский лауреат Стиглиц, это его цитата из свежего номера журнала «Вольная экономика»: «Возникает желание найти лучший подход к управлению структурой экономики».

Есть ли такие подходы? В ИНИРе есть на это свой взгляд. Мы предлагаем, во-первых, обоснование объективной необходимости таких изменений, вырастающие из противоречия развития

технологий и социально-экономических институтов. Во-вторых, концептуальную характеристику того нового качества социума, которое закономерно вызревает в недрах существующей общественной системы и которое состоит не просто в некоторой большей социализации существующей системы, но в переходе к новому типу социальной организации. Эти положения мы представили в серии наших работ, посвященных исследованию закономерности генезиса такой новой системы и ее атрибутов, и коллеги, участвующие в семинарах института, хорошо их представляют.

Здесь сейчас назову только некоторые базовые тезисы. Исходный пункт – выделение материальных предпосылок для выхода из тупиковой ситуации, порождаемой в том числе обостренным пандемией основным противоречием существующего социума. Отказ от миражей постиндустриализма позволяет увидеть, что новые технологии – это прежде всего качественно новое материальное производство; главным ресурсом развития его становится знание – это знаниеемкое производство. Его, можно сказать, сердце – индустрия нового поколения, основанная на робототехнике, интернете вещей и шире – на НБИКС-технологиях. Это – то, что мы в своих работах уже много лет назад назвали материальной основой нового индустриального общества второго поколения, НИО.2. Мы показали, что оно по спирали отрицания отрицания: новое индустриальное общество Дж. Гэлбрейта, далее – миражи постиндустриализма (я так их называю) Дэниела Белла – НИО.2. Эта цепочка приводит к созданию материально-технических оснований качественно новой системы общественных отношений и институтов.

Объективно – какие новые тренды диктуют, обуславливают сегодня формирование такой системы?

Прежде всего – негативные. Существующая система неэффективна в условиях глобального кризиса, а глобальный кризис – это реальность. Нужны глубокие трансформации.

Налицо и позитивные тренды, которые эмпирически наблюдаемы и уже фиксируются теоретиками.

Во-первых, это все настойчивее звучащее требование отката от ориентации экономики на рост ВВП, о необходимости переориентации мирового и национального развития на другие показатели и индексы, лучше отражающие удовлетворение реальных по-

требностей людей – более равного доступа к образованию, сохранению здоровья, достойного уровня социальной защищенности.

Во-вторых, это переоценка ценностей, создание системы общественных отношений и институтов, для которых приоритетными станут несимулятивные потребности – в первую очередь, в прогрессе человеческих качеств и технологическом прогрессе.

В-третьих, это система регуляторов, позволяющая снизить социальное неравенство как внутри национальных систем, так и на международном уровне, и создающая условия для возрождения массового спроса на блага, обеспечивающие устойчивое развитие на прогрессе человека и общества, а не на симуляции.

Эти новые потребности, как и любые потребности, останутся стимулом НТП, но станут новым ориентиром ускорения технологического развития (подчеркну) в создании социальных слоев, способных генерировать в массовом масштабе спрос на знания, на качественные средства развития, а не на симуляторы. Вот в этом будет состоять, я так полагаю, главная задача снижения социального неравенства.

В-четвертых, не могу не упомянуть о пока весьма ошибочно недооцениваемом тренде диффузии института собственности и социализации собственности, выражающиеся в практической экономике в развитии так называемых систем совместного пользования и совместной работы. Об этом мы собирались подробно поговорить на СПЭК-2020 в марте, как я уже говорил, но мы по понятной причине перенесли это обсуждение на другой срок.

Итак, коллеги, все эти тренды возникли до пандемии. Она, однако, рельефно обнажает их подлинную значимость. Но не только обнажает – в нынешний кризис ускоряет многие тенденции и процессы в экономическом развитии, а также и в нашем осмыслении пути разрешения не только текущих проблем, но способа трансформации нынешней модели жизни людей и нынешнего устройства общества.

Специфика пандемии, завершая, скажу, требующая новых моделей поведения человека и общества, отразится не только на будущей жизни, но и подтолкнет многие процессы. В частности, продвигающие нас в общественном пути – к новому типу, к новой генерации индустриального общества, а в сфере общественного производства и удовлетворения реальной потребности людей –

к трансформации нынешней экономической парадигмы развития в ноономику, составляющей материальную основу генезиса и качественно нового состояния общества, снимающего названные выше ограничения рыночной экономики и экономического типа отношений. Это мы с вами уже неоднократно обсуждали.

Спасибо за внимание, на этом завершаю.

Бузгалин А.В.: У меня к вам большая просьба, не забыть, коллеги, что надо включать микрофон, не следовать моему нехорошему примеру. Я только что сказал, что мы обязательно с вами обсудим доклады, которые прозвучат в первой сессии, но чуть позже. Вопросы для тех, кто нас в прямом эфире сейчас смотрит на YouTube на канале ИНИР, пожалуйста, направляйте в письменном виде по электронной почте konf.inir@mail.ru, и затем наш коллега выберет из большого количества, я уверен, вопросов те, которые будут наиболее значимыми, и каждый из участников первой сессии, естественно, получит возможность прокомментировать и доклады коллег, и ответить на вопрос.

Я сейчас рад предоставить слово Руслану Семеновичу Гринбергу, научному руководителю Института экономики Российской академии наук, члену-корреспонденту Российской академии наук, и так далее. Руслан Семенович, пожалуйста, вам слово.

Гринберг Р.С.: Спасибо, Александр Владимирович. Спасибо, Сергей Дмитриевич, за организацию очередной конференции.

Мы сегодня находимся либо в середине нашей беды, либо в конце, либо придется ждать еще вторую волну пандемии, где речь пойдет уже совсем о других проблемах.

Мне кажется, что нам нужно различать два аспекта теперешнего экономического и социального мира и России.

Первое, все-таки речь идет о выживании, а второе – это развитие, что будет. Но мы не знаем, повлияет ли сегодняшняя ситуация, сегодняшняя катастрофа экономическая, скажем так пока, или социально-экономическая, повлияет ли это на рождение какого-то нового типа производственных отношений, новой модели общественного устройства. Много разговоров на эту тему. Я думаю, что это достаточно серьезной глубины депрессия наша, и долго будет длиться. Мне кажется, что вообще такая закономерность есть, чем глубже кризис, чем глубже эта самая наша катастрофа, тем больше шансов на создание принципиально

новых моделей человеческого существования, человеческого бытия, если даже так можно сказать.

Что мы можем сейчас пока сказать, что более-менее очевидно, не аксиома, но более-менее очевидно?

Во-первых, отказ от гипер-глобализации, надежность важнее прибыли, цепочки создания добавленной стоимости, они, конечно, резко видоизменяются, резко модифицируются. Мы видим, вольно или невольно, всплеск импортозамещения. Надежность важнее прибыли. Часто раньше говорил Яков Миркин о том, что Россия, это пока России касается, что Россия перестала производить простые вещи. Но как-то это было правильно, поскольку все это импорт, и в общем как-то не обращали внимания на это, а сейчас это уже становится экзистенциальной проблемой.

Даже такая шутка есть, мне понравилась. Как только пандемия началась, шутка такая, человек один говорит: «Я, т.к. из Китая же все началось, решил избавиться от всего китайского. Стою сейчас голый в пустой квартире». В этом много смысла. Мне кажется, что в такой ситуации, в которой сегодня мы все живем, импортозамещение будет происходить под давлением императива: надежность, региональная интеграция вытесняет глобальную.

То, что Сергей Дмитриевич говорил о симулятивном потреблении, у меня всегда здесь вопрос есть. Конечно, кончается эра гипер-консюмеризма, наверное, в общем. Наверное, будет больше ориентации на простые вещи, но здесь всегда один и тот же вопрос возникает. Человечество всегда так, сначала: «Ой, ой, все будет по-другому, мы не будем дальше жить так, у нас победит коллективизм, исчезнет эгоизм, поскольку это абсолютно разрушающие действия человека», а потом смотришь, проходит год, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, и все забывается, мы возвращаемся к той же действительности.

В России мы имеем сегодня такой еще тренд, как сворачивание предприятий малого и среднего бизнеса. Он везде есть, но малый бизнес поддерживается там. Я имею в виду Европу, Америку. У нас же пока, по-моему, есть ориентация на его сокращение, сворачивание предприятий малого и среднего бизнеса и увеличение рыночной части крупных компаний. Это – плохая история, потому что у нас и без того гипертрофированная картелизация экономики есть.

Теперь – резкий рост государственной активности, как ответ на идеальный шторм. В этой аудитории, а она все-таки у нас такая социал-демократическая, поэтому я скажу так, мы все время говорим о том, что у нас в последнее время был недостаток государственной активности, и это так. Особенно игнорирование индустриальной политики привело к примитивизации структуры. Сам себя не похвалишь, никто тебя не похвалит: я в 1992 году, уже тогда, заметил эту примитивизацию структуры экономики и начал говорить о ней.

Сегодня мы видим какую историю? Резкий рост госактивности, но я боюсь, что это будет госактивность, если она не будет ограничена какими-то институтами, рост госактивности, как неизбежный ответ на идеальный шторм, то есть совпадение трех глобальных вызовов, геополитический, социальный и климатический, ясно, что без нее не обойтись, но здесь происходит очень большая, существования угроза ограничения индивидуальных свобод. Сейчас говорят о чипизации, о цифровом мошеннике, и много очень работ на эту тему, и в общем это рассматривается, как серьезная угроза.

Теперь я хотел бы сказать о том, что все-таки мне кажется, что мы действительно теперь присутствуем при смерти либеральной догмы. Мы все время об этом говорим, но я все время вспоминаю то замечательное утверждение: «Ленин умер, но дело его живет». Неoliberalизм умер в 2008-2009, и многие говорили на эту тему, а дело его продолжало жить. Сегодня я думаю, что это совсем другая история, по крайней мере, скажу так в общем, возрождение левого нарратива. Хорошее новое русское слово «нарратив». Это абсолютно очевидный факт. Как это будет осуществляться, здесь не ясно. Я лично думаю, что состоится переход к обновленной версии социального государства. Мой любимый безусловный базовый доход, здесь можно спорить о том, когда он будет, что это все-таки только очень богатые общества могут заниматься таким вопросом, а мне все больше кажется, что именно, как ни странно, более бедные общества могли бы его уже внедрять. Конечно, не таком уровне, как мы предполагали в Швейцарии, когда был референдум неудавшийся. Но, правда, неудавшийся исключительно из-за внешних причин, из-за притока мигрантов.

Мне кажется, что, если бы сегодня существовал в мире безусловный базовый доход, или основной, можно сказать, олицетворяющий прожиточный минимум, то не было бы тогда такого хаоса в том, как поддерживать, как печатать, как раздавать. Сегодня запутался весь мир, мы особенно, по-моему. Потому что непонятно, в очередь финансовой поддержки выстроились все, и работополучатели, и работодатели, от нефтяных компаний до мелких предприятий. Мне думается, что это было бы очень адекватным ответом на последующие возможные пандемии.

В общем, я хочу чем закончить? Мы могли бы подумать о том, что новое социальное государство должно родиться. Оно и было в 50-60-е годы, но закончило свое существование по разным причинам, не буду вдаваться в это. Но я думаю, что все-таки настанет такая эпоха, как бы сказать, апостол Павел говорил: «Кто не работает, тот не ест», и многие под этим предлогом хотят вообще отказаться от всяких даже таких мечтаний о безусловном базовом доходе, что люди не будут работать и все такое прочее. Я знаю, есть разные опросы общественного мнения, будут ли люди работать, если у них будет безусловный базовый доход, и разные подсчеты показали, что будет появляться пропорция 80 на 20, 80% людей не любят свою работу, а 20% любят. На самом деле похоже, что, и все опросы показывают, что люди, только лишь совсем ничтожный процент работополучателей, перестанут работать.

Но я еще хочу сказать о моральной стороне...

Бузгалин А.В.: Руслан Семенович, у вас регламент, пожалуйста, 1-2 минуты.

Гринберг Р.С.: Я знаю, да, последнее. Самое главное, я хотел сказать долго, но перебрал, я чувствую, скажу быстро. Главный урок этого пандемического кризиса или экономическая кризиса, усугубленного пандемией, заключается в том, что общество требует общественного образования и здравоохранения, культуры. И науки, само собой. Это, похоже, будет очень важным императивом. Поскольку о том, что говорит Сергей Дмитриевич о развитии знаниеемкой экономики и новая волна информационно-технологической революции, конечно, приведет к неравенству, и для того, чтобы его встретить нормально, мне кажется, безальтернативна просто государственная медицина, о которой все больше говорят везде. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Руслан Семенович. Извините, что я вас прервал, но вы самый главный и интересный тезис, по-моему, сформулировали в конце, и я вам искренне за это благодарен. Я думаю, все участники нашей сегодняшней встречи тоже. Я хочу подчеркнуть, что у нас сейчас в прямом эфире более 50 человек, скорее всего даже уже больше, это сколько было в самом начале нашего разговора, еще до того, как начал свой доклад Сергей Дмитриевич Бодрунов, а зарегистрировавшихся более 200 человек. Так что наш семинар имеет сегодня довольно широкий резонанс и, я думаю, потом получит еще более подробное освещение.

Я напоминаю, что вопросы будут в конце нашей сессии, участники сессии смогут их задать непосредственно друг другу, а те, кто смотрит нас на сайте ИНИР в канале YouTube ИНИРа, смогут и могут это сделать, отправив вопросы по почте konf.inir@mail.ru.

Я предоставляю слово Владимиру Васильевичу Миронову, члену-корреспонденту Российской академии наук, декану философского факультета Московского государственного университета им. Ломоносова.

Владимир Васильевич, пожалуйста, вам слово.

Миронов В.В.: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я согласен с тезисами предыдущих ораторов. Просто нет возможности развивать, поэтому немножко о другом буду говорить. Мне кажется, что эта пандемия, она показала, что человечество стало немножко подзабывать, что оно состоит вообще-то из биологических веществ. Биологическое существование – это борьба за выживание с другими биологическими существами, с условиями существования. В этом смысле вирус имеет такое же право на существование и может даже выступать формой биологической регуляции. В этом смысле человечество и человека заела гордыня, он увеличивает продолжительность жизни, он начинает излечивать от смертельных болезней, идет рост населения Земли, и вдруг пандемия, которая как бы нам говорит: «Ребята, вообще-то говоря, вы не царь Земли, не венец природы. Вы всего лишь один из вариантов ее проявления, правда, обладающий разумом, но мы знаем, что разум как раз не всегда разумен, позволяет соз-

давать в том числе и средства собственного уничтожения». В том числе – и вирусы, при желании, мы это тоже прекрасно знаем.

Можно, конечно, успокаивать себя мыслью о том, что ничего страшного не произойдет, если человечество вымрет, то есть перейдет просто в иное материальное состояние. Но это хорошо рассуждать относительно тысячелетий, относительно жизни одного поколения – это гораздо неприятнее. Здесь вспомнить надо гениальную мысль Циолковского, помните: «Земля – это колыбель человечества». С одной стороны, в этой фразе содержится мысль теплоты и привязанности к колыбели, а с другой стороны, зависимость. Зависимость в данном случае не только даже от Земли, а и от материального тела. Земля тоже материальное тело, и она тоже неизбежно исчезнет со всеми нашими прогрессами, регрессами и так далее.

Как возможно нам, существам биологическим, оторваться от биологической среды, можем ли мы от нее оторваться? Таким образом, перед нами ставится, вообще-то говоря, такой забытый ныне, но центральный вопрос: что есть человек, каковы перспективы его развития, насколько его развитие уже в лоне биосоциального существа делает возможным его сохранение, как вида, или напротив, социум задает новые параметры, в том числе – и самоуничтожения, или, вообще-то говоря, возможен некий синтез технологий, которые способны дать нам шанс на выживание, превратить человека, как модно говорить, в такое био-социотехнологическое существо, которое преодолет все опасности?

Соответственно, с философской позиции – это две общие позиции, я их выделю, которые разные занимают места, дихотомия такая.

Это – антропологизм, когда все пытаются объяснить сквозь призму интересов человека, и он ныне очень популярен, который безусловно имеет право на существование, но он не может быть во главе целей стратегического развития. Именно пандемия нам напомнила об ограниченности такого подхода, мы видим, как отступают на второй план и социальные условия, и демократические преобразования, и степень ума человека, богатства, статуса, социальной иерархии. Заболеть, как биологические существа, могут все, умные и глупые, богатые и бедные, начальники и подчиненные, и мы это прекрасно видим.

С другой стороны – технократизм, который как раз ведет к тому, что давайте мы будем развивать технологии, давай мы забудем о нашей сущности биологического и социального, и создадим нечто новое, некоего суперчеловека, который будет все эти проблемы щелкать.

Таким образом, технологии. Но здесь в технологиях, я как раз на этом остановлюсь, еще большие проблемы лежат. Мы об этом говорили раньше, до пандемии, а сегодня это просто обостряется, как в первом докладе было отмечено. Технологии способны трансформировать всю культуру, в частности, погружая ее в суперглобальную культуру, такая попытка была, и здесь пандемия напоминает опять же, глобальная культура, вообще-то говоря, я согласен с Русланом, не спущена господом богом, она конструируется по образцу той культуры, которая выступает в качестве технологического лидера. Соответственно, мы должны по этим лекалам были перестроить компоненты собственной культуры, экономику, право, государственное устройство, стандарты даже индивидуального поведения человека. В этом смысле я люблю напоминать миф о Вавилонской башне, библейский миф. Вы помните? Это же первый вариант глобальной культуры, но господь бог пришел, и ему это не понравилось, он сказал: «Ребята, давайте, не надо никакого одного языка, рассыпайтесь по собственным культурам». В этом был смысл, потому что синтез богаче тотального единства.

Технология влияет на трансформацию самого человека, на смену человеку разумному приходит человек коммуницирующий. Мы знаем, событием сегодня является не то, что есть на самом деле, а то, что медийно сконструировано, даже если его не было. Современные технологии приводят к тому, что пространство культуры, с одной стороны, расширяется, но у нее отсутствует горизонт, единый горизонт, это пространство становится много-классовым, в котором каждый может найти себе кластер, как коммунальную квартиру, и замкнуться в этом. Процессы цифровизации, что показала как раз особенно серьезно нынешняя ситуация, влияют на систему образования, мы видим, как быстро исчезают восторги по поводу онлайн-образования, потому что оно разрушает главную человеческую составляющую – диалог. Мы не видим глаза друг друга, я уже не говорю о технологиче-

ских сторонах, которые, к сожалению, не готовы для такого рода образования.

Современные технологические достижения воздействуют на поведение человека. Технологии чисто вспомогательного средства увеличивают комфортность, качество жизни превращается в доминирующий фактор. Мы сегодня зависим от смартфона, а не смартфон зависит от нас. Это не завидно, ибо закрепляется алгоритмическое мышление, когда человек просто ищет алгоритмы действия, не задумываясь, для чего он существует, теряет чувство ответственности. Мир начинает напоминать компьютерную игру, а смысловое пространство компьютерной игры, по сути, выступает, как новая реальность. Подчинение алгоритму приучает нас к тому, что размышление, как процесс, который должен предшествовать действию, становится вторичным. Мы сначала делаем часто, а потом думаем. Кстати, в борьбе с пандемией мы видим эти варианты наглядно. Человеку кажется, что в мире действительно, если в руках технология, он становится большей силой. На самом деле это не так.

Люди погружаются в бесконечный информационный поток, это условие манипуляции сознанием. Поскольку отфильтрованный на основе нашего цифрового следа интернет превращается в туннель реальности, то есть на самом деле искажение, когда ты говорил на общем мероприятии, у Платона пещера – это образ существования человека на Земле. Сегодня это такая же пещера, созданная современными коммуникационными технологиями, человек точно так же прикован и смотрит за теньями, только в качестве теней выступают экраны наших компьютеров. Тоже мы об этом упоминали, глобальная цифровая пещера, задолго до пандемии, которая, кстати говоря, лишь это доказала, может выступать моделью нового тоталитарного общества. Я говорил, что первая форма использования сходных процессов была осуществлена в Германии, Томас Вонсон-младший, в США, один из руководителей ИВМ, получил в 1937 году награду, орден за заслуги, германского орла. За что? Практически за организацию работы концентрационных лагерей, грубо говоря, за то, чтобы отличать евреев, цыган и так далее.

Вот вам первая форма цифровизации. Конечно, это можно метафорически рассматривать, но, по сути, это возможно. При

внешне сохраняющейся свободе нажимать кнопки, беседовать в социальных сетях, человек все в большей степени передает власть системе, в которой он становится постепенно цифровым винтиком и кодом, и это действительно опасно. Поэтому я, завершая, скажу: пандемия, с которой сейчас борется весь мир, наглядно обострила процесс трансформации культуры, наглядно показала неверность многих наших представлений и решений политических, экономических, образовательных, показала необходимость вспомнить о том, что мы живые существа, биологические в этом смысле существа, что мы существа биосоциальные, а поэтому надо думать, как нам эту жизнь сохранить в широком плане, в том числе развивая здравоохранение. Мы сегодня видим, как все почти страны с этим столкнулись, даже те, где на здравоохранение выделяется гораздо больше.

Последняя реплика про то, что говорил Руслан о неолевых настроениях. Я думаю, что пора перечитать книгу Владимира Ильича «Империализм, как высшая стадия капитализма», даже начало, как там начинается, это очень близко к тому, что мы можем сейчас получить. Спасибо.

Гринберг Р.С.: Володя, к луддитам надо возвращаться?

Бузгалин А.В.: Нет, Руслан Семенович, пожалуйста, к луддитам не надо. Я на правах модератора прошу вас таких страшных лозунгов не предлагать с большой трибуны, тем более, что количество тех, кто даже онлайн смотрит наш семинар, растет буквально по минутам, так что у нас очень широкая аудитория, коллеги. Если серьезно, Владимир Васильевич, огромное спасибо за то, что вы перекликались с первым докладом, поскольку у Сергея Дмитриевича, по сути, было не вступительное слово, а доклад постановочный, и вы поставили этот очень важный философский, я бы сказал антологический и гносеологический одновременно контекст для всех наших размышлений. Мы сегодня действительно должны соединить глобальные и стратегические смыслы с решением очень конкретных проблем здравоохранения, что вы и показали в своем выступлении.

Мы идем дальше, уважаемые коллеги, и я рад предоставить слово для участия в нашей дискуссии с таким контрапунктом философии, я думаю, более конкретным анализом существующей ситуации Давиду Берковичу Эпштейну, главному науч-

ному сотруднику Северо-Западного НИИ экономики и сельского хозяйства РАН. Давид Беркович – доктор экономических наук, профессор, и тема: «О фактах и прогнозах по поводу коронавируса и его последствий». Давид Беркович, мы рады предоставить вам слово, пожалуйста, включайтесь в наш разговор.

Эпштейн Д.Б.: Спасибо, благодарю за приглашение, благодарю за интересные услышанные доклады, я надеюсь, другие будут тоже интересные. Я в своем кратком выступлении попытаюсь остановиться на том, чему научила нас эта пандемия, оказавшаяся действительно коронной в том смысле, что она оказалась настолько сильной, что заставила остановить большую часть экономической деятельности на наиболее развитых континентах мира.

Независимость современного человека от природы весьма и весьма относительно уязвима, и это – первый урок этого кризиса, этой эпидемии. Краткость вынуждает к тезисному изложению, при случае рад буду расширить и ответить на вопросы.

Меня поразило, что с самого начала пандемии на наших ведущих каналах эксперты прямо-таки радовались, говоря, что наконец-то уходит глобализация, государства закрываются друг от друга, это – позитивная тенденция, и посыплется наконец стареющее, слабеющее образование, такое, как Европейский союз. Это было, на мой взгляд, поразительно именно потому, что – тенденция к усилению связей всех стран и народов, а в этом и есть подлинная суть, а не форма глобализации, эта тенденция очевидная, необратимая, закономерная и главное, в целом – прогрессивная.

Временно, конечно, ввиду самого характера такого явления, как пандемия, государствам и даже регионам, отдельным городам пришлось закрываться и селам, чтобы локализовать эпидемию, но она начала проходить, взаимодействие явно возобновляется. Должен сказать, что Европейскому союзу тоже суждено жить и крепнуть, хотя тоже не без противоречий, как и всему существу на Земле и во Вселенной. Более того, многие страны, как известно, активно помогали друг другу в этот период, в том числе, например, Россия и Куба помогала многим странам. Китаю в середине февраля предложили помощь более 30 стран, в том числе, помимо России, Белоруссия, Алжир, Камбоджа, Малайзия и многие другие.

Возможно и наверняка будут появляться другие более серьезные проблемы нашей биосферы, и к этому надо быть готовым, в которой существует наш мир, и бороться за выживание и процветание в этой биосфере человечеству придется, но делать это можно только совместно, и это также вселяет надежду на торжество разума и социального прогресса. Меня также удивляло, как еще месяц назад на ведущих каналах иные продвинутые эксперты говорили: «Никакой опасности нет, только информационная провокация мировой закулисы, нас просто хотят запугать, цифровизовать и так далее. От гриппа умирает намного больше». Надо сказать, даже крупные врачи позволяли себе такие высказывания с Первого и других высоких каналов, хотя с самого начала было известно, что из 100 инфицированных умирает в течение 3-4 недель от 2 до 20 человек. Оказалось, что этой тривиальной цифры многие эксперты, даже медики, не видят, не воспринимают, но тем не менее берутся давать советы всей стране.

Еще об одном аспекте, о математическом. Обнаружилось, что не только многие ведущие эксперты телевидения и медики не знают, что такое характер динамических процессов, и что он определяется не абсолютными величинами, а темпами роста, то есть процентом увеличения наблюдаемых величин. Не так важно для понимания ситуации, сколько человек заразилось сегодня, я говорю о пандемии, как то, сколько процентов уже составляет количество зараженных и количество заразившихся вчера. Но к счастью вчера, позавчера начали проценты называть.

Видел, как один из экспертов на Первом канале, академик, говорил о том, что мы наконец вышли на желанное плато, достигнута стабильность, порядка 10 тысяч новых заболеваний в сутки. Но это было в период, когда число заболевших составляло порядка 130-140 тысяч по России, а ежедневный прирост 10 тысяч – это порядка 7% ежедневного темпа прироста. Что такое 7% ежедневного прироста? Это удвоение числа заболевших за 11 дней и удесятерение за 11 дней. То есть при таком «плато», нам через месяц понадобилось бы в 10 раз больше реанимаций, реаниматоров и тому подобное. Постоянный тем прироста, это и означает слово экспонента. Так вот эти 7% на самом деле были страшной цифрой, ибо главной проблемой борьбы с пандемией, одной из главных, был резкий скачок нагрузки на медицинскую

систему, на реанимационные подразделения, задача как раз была в том, чтобы растянуть этот период, снизить нагрузку на лечебную систему.

Тем не менее – еще одно подтверждение, извините, никомушнего знания математики на самом высоком уровне. Глава Роспотребнадзора Анна Попова с 15 по 18 мая заявляла, что ситуация стабилизируется, и дословно: «Рост распространения коронавируса в России на сегодняшний день остановлен». О том же 18 мая заявил Мишустин, тоже крупный математик. Между тем, в этот период темп прироста числа заболевших колебался от 3,5 до 4,2%, а при 4% прироста удвоение числа заболевших происходит всего за 18 дней. Кстати говоря, сегодня еще темп прироста около 3%.

Понятно, что те, кто объявляет о прекращении роста числа заболевших, хотят нас успокоить. Но, как минимум, такое объявление – это не совсем правда и оно дает ложный сигнал властям регионов, слава богу, они больше слушают президента, чем все остальное. Но давайте от математики и психологии пандемии попробуем перейти к ее экономике и политэкономии.

Насколько российская экономика была готова к подобным ситуациям? Это – один из ключевых вопросов сегодня, и пандемия дала на него ответ. За три с половиной месяца с февраля 2020 года мы так и не смогли ни добиться производства простейших масок в необходимых количествах, они до сих пор не всегда есть в аптеках и магазинах даже в Петербурге, ни добиться, чтобы они были по ценам сопоставимы с затратами на их массовое производство, не по 35-40 рублей, а по 2-3, как это было еще в 2019 году, ни того, чтобы малый бизнес мог получить кредиты от банков по обещанным правительством низким субсидированным процентам, с большим трудом, как мы видим, доходит до врачей и медперсонала, оказавшихся в военных условиях с высокой степенью риска, обещанные президентом надбавки. Или не доходят, или с большим трудом. Мы, наконец, не смогли даже догадаться поставить в крупных продуктовых магазинах во всех экраны из оргстекла между кассирами и покупателями. Кстати, во многих магазинах продавцы до сих пор работают без масок.

Пандемия также наглядно продемонстрировала социальное неравенство и социальную несправедливость в нашей стране, кто-то на свои доходы уезжает за несколько морей, чтобы изоли-

ровать себя, а рабочие непрерывных производств должны по 5 дней в неделю, как минимум, по 40 часов отработывать на заводах, фабриках и так далее. Там доплаты за риск не полагаются, и маску тоже не всегда оденешь. Обращает также на себя внимание огромная смертность от коронавируса в развитых капиталистических странах Европы, от 7 до 16% от числа заболевших. В России эта цифра, слава богу, порядка 1%, в Белоруссии 0,5, на Украине около 3. Даже в Германии, поскольку часть населения там жила при социализме, я думаю в этом причина, намного смертность ниже, чем в других европейских странах, 4,6%. Это связано скорее всего с наличием в постсоциалистических странах остатков более сильной, я бы даже сказал в советский период это была тотальная система медицинской помощи, охватывающая всех и при любом заболевании. Я полагаю, что в связи с этим в Европейском союзе и не только, но и в Америке, будет серьезный разбор полетов, то есть гуманитарных и социальных результатов этой волны пандемии, и это повлечет дальнейшие крупные шаги в увеличении социализации европейского капитализма.

Выскажу в заключении уверенность, что мир после этой пандемии вынужден будет изменяться в лучшую сторону, то есть всем государствам придется объединять усилия, наращивать межстрановую координацию в борьбе с инфекционными заболеваниями, потребуются кардинальные изменения в системе медицинского обслуживания и медицинской помощи во всех странах, и особенно у нас, потребуется увеличение вложений в биологическую медицинскую науку, координацию работы и развитие средств в борьбе с эпидемией, а также в фундаментальную экономическую науку для выработки мер борьбы с экономическими кризисами такого нового типа. Потребуется серьезное усиление государственного регулирования экономики, то есть будут сделаны новые, важные шаги по управлению социализацией, то есть усиление общественного характера развития человеческой цивилизации. Спасибо за внимание.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Давид Беркович, вы идеально уложились в отведенный регламент и сформулировали целый ряд очень важных положений, да еще и с их конкретной аргументацией и цифровыми раскладками, особенно впечатляющими относительно заявлений некоторых представителей современной вла-

сти и того, как они, мягко говоря, некорректно информируют население. Действительно, есть такая проблема. Главная проблема – это то, что вы сформулировали в качестве вывода своего доклада о важности социализации экономики. Я думал, это может быть в некотором смысле вопрос к нашим докладчикам, насколько вы поддерживаете данный вывод профессора Эпштейна и насколько он вам кажется действительно обоснованным.

Я рад предоставить слово сейчас профессору Толкачеву. Сергей Александрович Толкачев, первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук. Сергей Александрович сказал скромно, что он хотел бы сделать небольшую реплику, но посмотрим, удастся ли ему уложить ее в 10 минут. Потому что обычно те, кто обещает короткие реплики, говорят больше всех. Сергей Александрович, мы рады вас видеть, приветствуем вас и слушаем вас.

Толкачев А.С.: Добрый день, уважаемые коллеги. Я заготовил презентацию под эту короткую реплику. Под эту реплику с таким названием я бы хотел подвести некоторые обоснования из области закономерности развития производительных сил и производственных отношений. Дело в том, что пару лет назад уже я выступил с таким тезисом, который был опубликован, в частности, и в журнале «Экономическое возрождение России», о том, что в настоящий момент мы находимся на коренном переломе парадигмального характера. То есть, происходит смена господствующей индустриальной парадигмы на наших глазах сейчас, которая по своему значению превышает обычные масштабы технологических укладов и чуть ли не превышает промышленную революцию. Потому что, если третий, четвертый, пятый технологические уклады в интерпретации существующего уклада или вторая, третья промышленные революции вместе характеризовались построением индустриальной парадигмы "локальный дизайн" и "глобальное производство", то в настоящий момент благодаря достижениям в этой информационно-коммуникационной революции, благодаря проникновению репликатов в сферу материального производства формируется принципиально иная парадигма, которую можно назвать, обратным образом, "глобальный дизайн" и "локальное производство".

В чем отличия, покажем на рисунке, на схеме. Итак, слева здесь представлена старая индустриальная парадигма, которая построена на следующих закономерностях. P1 – это финальный сборщик или финальный интегратор производимой продукции, которая поступает от множества поставщиков. Вот они P2, P3 и так далее. То есть разветвленная система суб-поставок, финальный сборщик, который имеет дело со множеством конкретных потребителей, и он направляет им готовую продукцию, удовлетворяет их запрос. В основе этой схемы лежит дизайнерское подразделение, которые штаб-квартира транснациональных корпораций, как правило, удерживает на своей территории, сопутствующие пункты маркетинговые, управленческие также входят в это дизайнерское подразделение. Кризис этой старой индустриальной парадигмы, его уже здесь сейчас называли, обсуждали, Руслан Семенович хорошо сказал, что надежность вместо эффективности. Это была парадигма эффективности, то есть она заключалась в том, чтобы, как можно больше на каждом этапе разделения труда достичь эффективности затрат, труда и капитала, повысить производительность труда, снизить издержки, произвести каждую деталь с меньшими издержками и поставить конечному поставщику, чтобы он тоже с меньшими издержками, минимизируя их, направлял их конечному потребителю.

В настоящий момент новая индустриальная парадигма, которую можно назвать парадигмой сетевой кооперационной деятельности, формируется на наших глазах постепенно, конечно, медленно, для этого нет технологических предпосылок, но кое-какие предпосылки есть в виде развития аддитивных технологий и промышленного интернета вещей. Тут сводится к тому, что функция дизайна будущей продукции не монополизирована в рамках крупнейшей ТНК, интегрированной корпорации. Этим могут заниматься многие мелкие фирмы и конкретно даже отдельные индивидуальные бюро. В США существует уже десятилетия движение мейкеров, создателей, которые занимаются в порядке даже личного творчества созданием этих программ, образцов продуктов, которые имеют программный код, их можно передавать по интернету и поставлять, продавать, иногда даже не продавать этим конкретными производителям продукции, которые гораздо меньше по масштабу, чем финальный сборщик, крупнейший ТНК, ко-

торый имеет дело с конкретными локализованными потребителями продукции. То есть каждый из них производит продукцию для конкретной небольшой группы потребителей.

Если мы представим, что эти производители, это фактически мелкие фирмы или даже какой-то индивид с принтером, способным производить определенные вид продукции, ту же самую обувь, одежду, различные пластиковые изделия, детали и так далее, то эта система приобретает свой законченный вид. Но повторюсь еще раз, разумеется она в начале своего этапа становления.

Более подробные различия, наверное, не будем их здесь рассматривать, между старой и новой индустриальной парадигмой я вывел в этой таблице. Я обращаю внимание на такой критерий, как характер создаваемых цепочек добавленной стоимости. Если для уходящей индустриальной парадигмы, характерной для второй, третьей индустриальной промышленной революции, была характерна последовательная линейная передача между распределенными производителями с жестко распределенными функциями и ответственностью, то формирующиеся цепочки добавленной стоимости характеризуются нелинейным, локализованным сотрудничеством с неопределенными ролями и ответственностью.

Сопутствующее важное изменение – это изменения типа взаимодействия производителя и потребителя. Если до нынешнего периода это был тип, который назовем просто "клиентский", термины "клиент", "удовлетворение потребностей клиентов" – мы слышим всегда отовсюду, что корпорации заботятся о том, чтобы полностью удовлетворить потребности клиентов, и клиент и производитель – это четко разделенные лица, то теперь тип взаимодействия скорее кооперационный, потому что потребитель и производитель вовлечены в совместный расширенный производственный процесс. Что в ходе изготовления продукции потребитель может вмешиваться, поставлять какую-то информацию, чтобы получилось это самое кастомизированное производство. Тоже новое русское слово, которое сейчас активно входит в наш оборот.

Теперь, собственно говоря, по поводу основного тезиса и цели нашей работы, этого сообщения, про строй цивилизованных кооператоров. Как известно, Владимир Ильич Ленин в одной из последних своих работ сформулировал этот тезис, он его до-

полнил там ссылками на общественную собственность и планомерное развитие, плюс цивилизованные кооператоры – это и есть социализм, как он считает. Затем, как мы знаем, логика промышленного развития, логика построения крупных, вертикально интегрированных корпораций везде в мире, в том числе и у нас в стране, по сути дела, задвинул этих кооператоров на обочину истории, а в нашей стране даже и круче с ними обошлись, как мы знаем. Оставаясь еще в рамках сталинской экономической модели, но в ходе хрущевских реформ они, социалистические кооператоры, негосударственная форма собственности, были полностью выведены.

Но в настоящий момент мы явно сталкиваемся, и об этом говорят, с кризисом социально-экономической модели, включая, разумеется, в кризис ее технологического производственного базиса, кризис вертикально интегрированного в гигантских корпорациях. Это – налицо, с этим уже особо никто не спорит. С другой стороны, благодаря развитию новых технологий, новых средств производства происходит наделение широких масс населения средствами производства нового типа, это 3D-принтеры, интернет, средства связи. Фактически – это аналог Земли и тех примитивных и немеханизированных орудий производства, которыми пользовались крестьяне и ремесленники в начале XX века в России. Владимир Ильич Ленин, понимая, что эту крестьянскую Россию с ее этим огромным господствующим укладом, с такой неорганизованной крупной корпорацией, отсутствием пролетариата, как подавляющей части населения страны, наоборот, когда страну составляют крестьяне и мелкие ремесленники, именно поэтому он указал этот путь цивилизованной кооперации, как путь к построению социализма.

Дальше. Важное значение для возможности построения неких кооперационных сетей производства заключается в мейкерах, создателях, в этом движении, как в носителях нового знания. Знания, как актива, аналог тех знаний, которыми обладали крестьяне и ремесленники в своей сфере. То есть крестьянин, знавший, как обрабатывать землю, приемы данного производства, и ремесленники, знавшие, как обращаться теми примитивными орудиями труда для того, чтобы, например, валенки свалить, произвести в рамках своего кооператива, это тогдашнее состоя-

ние производительных сил. Нынешнее состояние сил – это новые мелкие производители, знающие, как обращаться с 3D-принтерами и с интернетом.

Наконец, еще одно важное социально-экономическое условие для возможности этого строя цивилизованных кооператоров, это расширение горизонтальных каналов коммуникации благодаря нашей информационной революции и формированию сетевых сообществ. Это – сообщество мейкеров, которое в США сформировано – по сути дела, на новом этапе есть аналог общинно-деревенских связей, которыми обладали 100 лет назад подавляющее большинство жителей России.

Наконец, кризис потребительства, максимизации потребления, как знамя предшествующего этапа экономического технологического прогресса и необходимости осознания перехода на более умеренное потребление, возможно, в рамках новой локализации и кастомизации потребительских запросов. То есть новая модель взаимодействия производителей и потребителей, новая модель социального строя, очевидно, должна будет учитывать, что важна не максимизация потребления всего и вся, всяческих товаров и услуг, бесконечных ненужных каких-то материальных благ, изготавливаемых на китайских бесчисленных предприятиях, а важны какие-то кастомизированные ценностные запросы, которые могут удовлетворить местные локализованные производители.

Такие мысли по поводу аналогов условий для возникновения строя новых цивилизованных кооператоров спустя 100 лет фактически на новом витке истории, на основе новых достижений в развитии технологий производительных схем. Большое спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Александрович, доклад не только интересный с содержательной точки зрения, но и остроумный, и несколько неожиданный, когда интернет и 3D-принтер оказывается средством для нового строя цивилизованных кооператоров. Я думаю, это сильный ход и в перспективе, я уверен, эта разработка может получить широкий резонанс, много критики, поддержки и обсуждение. Большое спасибо за эту реплику.

Уважаемые коллеги, заканчивается первая сессия, но у нас есть 20 минут для того, чтобы сейчас выслушать вопросы и мы могли с вами вместе пообщаться. Итак, мы продолжаем нашу

работу, и мы с Ольгой Лемешонок взяли на себя инициативу отобрать часть вопросов из тех, что поступили к нашим уважаемым докладчикам. Я прошу вас, уважаемые коллеги, вернуться. Ольгу я попрошу сейчас прочитать вопросы, которые отобраны, которые пришли на почту. Плюс есть возможность для коротких реплик у самих докладчиков по отношению друг к другу. Единственное, я прошу придерживаться регламента в 3-4 минуты, поскольку вас 5, а времени 20 минут. Единственное, я не знаю, Сергей Дмитриевич Бодрунов у нас здесь есть или нет в нашем диалоге, но надеюсь, что Сергей Дмитриевич нас слышит. В крайнем случае мы еще раз вернемся к этому.

Бодрунов С.Д.: Не знаю, есть ли Сергей Дмитриевич в диалоге, но у меня замечание есть.

Бузгалин А.В.: Замечания есть, хорошо, вы сейчас включитесь, но сначала вопросы, которые поступили от наших зрителей. Хорошо, Сергей Дмитриевич? Ольга, слушаем, какие поступили вопросы, пожалуйста, прочитайте их.

Лемешонок О.: Да, всем добрый день. Вопросы к Сергею Дмитриевичу Бодрунову, вопрос от Карасевой Людмилы Аршавиловны, доктора экономических наук, профессора, заведующей кафедры экономической теории Тверского государственного университета. Уважаемый Сергей Дмитриевич, не могли бы вы подробнее осветить вопрос о роли государства вообще и в России, в частности, в осуществлении перехода к НИО.2 и к ноономике? Дальше вопрос от Сорокина Александра Владимировича, доктора экономических наук, профессора экономического факультета МГУ им. Ломоносова. Уважаемый Сергей Дмитриевич, какие вам представляются первоочередные шаги по преодолению наиболее острых противоречий нынешней социально-экономической системы?

Бузгалин А.В.: Ольга, может быть вы прочитаете вопросы всем остальным участникам. Сергей Дмитриевич, одна минута. Чтобы все услышали вопросы.

Лемешонок О.: Хорошо. Вопрос Гринбергу Руслану Семеновичу от доктора биологических наук Остроумова Сергея Андреевича. Уважаемый Руслан Семенович, как вам видится возможность кризиса в области водных ресурсов в будущем? Что можно было бы сделать сейчас, чтобы предотвратить этот кризис в России?

Далее вопрос к Миронову Владимиру Васильевичу от Яковлевой Натальи Геннадьевны, ведущего научного сотрудника центра экономических теорий социального сектора Института экономики РАН. Уважаемый Владимир Васильевич, какие уроки для образования можно извлечь из нынешнего кризиса?

Дальше вопрос Эпштейну Давиду Берковичу от Маслова Глеба Андреевича. Уважаемый Давид Беркович, надо ли включаться в посткризисный период России в глобализацию или развиваться, как автономной экономике?

Далее вопрос к Наталье Геннадьевне Яковлевой.

Бузгалин А.В.: Подождите, давайте мы на этом остановимся, Оля, хорошо. Спасибо. Сергей Дмитриевич, вы готовы включиться в наш диалог?

Бодрунов С.Д.: А как же, с удовольствием.

Бузгалин А.В.: Замечательно, слушаем вас.

Бодрунов С.Д.: Сначала скажу коротко свое мнение по поводу вопроса, свое отношение к вопросам, которые высказаны уважаемыми коллегами из-за пределов семинара. Значит, хотя бы коротко о том, что я успел записать, Людмила Карасева, роль государства в совершении перехода к НИО.2 и ноономике. Очень коротко здесь не ответишь, если мне на все про все три минуты, то могу сказать, что роль государства мной освящена в этом плане в специальной работе, которая называется у меня очень так специально, и названа она «Государство и революция». Чувствуете, почему? Такой же вопрос, взаимоотношение этих двух институций рассматривал классик на переломе эпох. И сейчас, вы это тоже чувствуете, этот вопрос не зря возник. Эта работа опубликована в журнале «Экономическое возрождение России», я не помню, какой номер, но, если хотите получить этот журнал или заказать на сайте ИНИР, вы можете его получить, и там подробно описывано мое представление роли государства в переходе как раз к НИО.2 и ноономике.

Если коротко говорить, то государство как институт возникло исторически с возникновением необходимости регулирования отношений между членами общества в процессе реализации общественных потребностей. Экономика, подразумевающая отношения присвоения, и институт государства неразделимы в истории, вплоть до настоящего дня. Соответственно, роль госу-

дарства как регулятора экономических отношений, с редуцированием самого предмета регулирования – экономики как способа организации удовлетворения потребностей людей, а об этом говорит концепция ноономики, эта роль будет снижаться. При этом возрастет значение регулирования отношений в сфере развития человека, и таковая функция будет осуществляться государством как общественным институтом регулирования отношений, либо неким его развитым, скажем условно, аналогом. Если государство в русском языке – от слова "государь", главный собственник (помните: «приди и володей нами!»!), да и сегодня государство -- институт, регулирующий нормы такого рода отношений, на ином, естественно, уровне, то в ноообществе, отношения в котором не будут основаны на собственности и будут строиться не на критериальной базе, проистекающей из присвоения, а будут строиться на ноокритериальной базе, это будет другой институт, выросший из института государства, некое "ноодарство", стряхнувшее с себя пелену регулирования экономических отношений и расправившее крылья регулирования ноотношений людей. А что сейчас? На этом этапе роль государства заключается в том, чтобы, осознав тренды (ноотренды!) развития, усилить соответствующие регулятивные нормы, как минимум, на первых шагах, и обозначить все это в стратегии развития, обозначить это в планах развития, в программах развития, с соответствующим финансированием и прочими другими вещами. Как мы и предлагаем, когда говорим о необходимости проведения соответствующей промышленной политики, направленной на достижение целей перехода, по крайней мере сейчас, к этапу экономики, той, которая характерна для НИО.2. Сейчас об этом я чуть-чуть скажу в комментариях к выступлениям коллег.

Касаясь второго вопроса – отмечу, я говорил об этом на главной сессии нынешнего МАЭФа, да и в нынешнем докладе. Сегодня главное противоречие, повторю упрощенно, за неимением времени – между возможностью дать обществу мощный толчок в удовлетворении реальных потребностей людей за счет достижений НТП, с одной стороны, и изживающим себя способом использования этих возможностей – для достижения целей глобального капитала. Как всякое противоречие, в момент своего напряжения оно требует разрешения.

Первоочередные шаги к преодолению сегодняшнего в общем-то кризиса и перехода к новой структуре экономики, к новому состоянию экономики и так далее, я могу сказать, что все шаги – первоочередные шаги. Тут нет таких шагов, которые были бы какими-то очень важными, а какие-то неважными. Потому что, знаете, как библейские заветы, там, условно говоря, нельзя выбрать нечто одно, а про все остальное сказать: «Ладно, это мы отложим на потом». Так и тут, надо подходить к такой задаче комплексно.

Но важно, что, какой тренд должен быть? Тренд – это усиление социальной направленности развития государства. То, что я сегодня коротко упомянул, я думаю, что я об этом напишу более детально в статье, о которой я упоминал, но мне кажется, это тот же самый Стиглиц, о котором я сегодня говорил, он вместе с коллегами уже занимается этой проблемой, проблемой создания новых индексов для того, чтобы определить уровень человеческой жизни и качества жизни, качества бытия, и так далее. Это – вовсе не ВВП и не те счетные показатели, которые являются у нас не просто притчей во языцех, а такими идолами, которым мы на самом деле молимся. Но надо здесь понимать, что в структуре ВВП далеко не всё относится к реальному удовлетворению потребностей людей, и чем дальше, тем эта доля становится меньше, а не больше, как это ни странно выглядит в условиях нашего уровня технического прогресса и шестой технологической революции.

Почему? Потому что к этому, как я уже неоднократно говорил, подталкивает и на это ориентируется сегодняшняя экономическая модель. В этом плане научно-технический прогресс – это тот самый инструмент, как нож, которым можно взять и рыбу чистить, а можно соседа пырнуть. Если у нас экономика направлена на второе, тогда мы можем ожидать негативного сценария.

Что по этому поводу могу сказать, переходя к комментариям выступлений коллег. Очень важную вещь, мне кажется, просто такую фундаментально важную вещь высказал Руслан Семенович Гринберг. Я редко когда так говорю, но здесь я должен это подчеркнуть, чтобы все запомнили. Он сказал фразу в самом начале своего доклада: надежность важнее прибыли. Это – на самом деле отражение того, что есть другая фундаменталь-

ная особенность человеческого существования: человек не любит неопределенности, он живет в условиях постоянной неопределенности, хаоса и пытается все время его как-нибудь, этот уровень энтропии, понизить, все время улучшить ситуацию, понизить риски, и прочее. В этом плане достижение прибыли сопряжено с большими рисками, и соответственно, возникает проблема надежности, повышения уровня надежности. От этих рисков надо уходить, это уже действительно экзистенциальная проблема. Это первое.

Что касается симулирующего потребления, о котором сказал Руслан Семенович. Не симулирующее, а симулятивное, наверное, надо понимать потребление, если я правильно расслышал. Это больше ориентация действительно может быть не столько на простые вещи, сколько на реально нужные вещи, в том числе, в первую очередь действительно более простые с точки зрения общего понимания. Но вообще-то, как сказал Руслан Семенович, человек возвращается все к той же действительности. Здесь знаете, как в анекдоте, очень свежий анекдот, я не знаю, насколько всем он известен. Один человек встречает другого человека в маске и спрашивает: «Слушай, что ты на морду маску нацепил? Тебя что, вирус уже заразил? – Нет, пока не заразил, но уже замордовал».

Здесь примерно то же самое происходит с сегодняшней ситуацией в экономике. То есть сейчас человек возвращается, Руслан Семенович сказал, к той же самой действительности, вирус пройдет, а он опять будет все тот же. Но я думаю, что нужно здесь относиться к этому инструменту, и к вирусу, и ко всей этой ситуации, как к научно-техническому прогрессу, он усиливает, как я уже сказал, два тренда. Я не особенно остановился на первом, но Руслан Семенович и особенно Владимир Васильевич в своем выступлении очень ярко обозначили негативный такой тренд, который ведет на самом деле к тупику. Далее – ведет к чему? Уже к нашему сегодняшнему, чем дальше, тем больше, осознанию тупиковости этого самого развития в этом направлении. Этот тренд развития еще не убил нас, но уже изрядно замордовал, и мы всё больше это понимаем.

Есть другой тренд, о котором мы говорим в концепции ноономики – это возможность развития социализации экономики,

движения к другой структуре экономики, которая будет основной на этапе НИО.2, к другим институтам и другому обществу. Здесь – тот самый левый нарратив, о котором говорит Руслан Семенович в этом ключе, это на самом деле совпадающие вещи, мы возвращаемся действительно к идее социального государства. Сюда же очень хорошо ложится и идея базового дохода, и доступного образования и здравоохранения, и сюда же – все идеи, которые высказал Давид Беркович. Мне кажется, тоже очень хорошо и ясно. Я все это подчеркиваю. Это естественный такой и адекватный ответ и на пандемию, которая возникла, и еще будут какие-то, и на другие кризисные явления. Потому что мы реально можем действительно, не переводя ситуацию в тупик, добиваться разрешения этих проблем.

Очень важную вещь, мне кажется, сказал Сергей Александрович Толкачев. Он сказал о том, что то наблюдение, которое я вижу у себя, если кто смотрел мою биографию, она на сайте висит. У меня есть активы некоторые, один из них – это предприятие, которое находится в Хорватии, это холдинг, сеть предприятий в его состав входит; он производит некоторую номенклатуру комплектующих для автомобилей. Так вот, когда я покупал этот актив 20 лет назад, он был в том самом первом варианте модели, о котором говорил Сергей Александрович, а сейчас он находится уже во второй стадии, то есть "глобальный дизайн" – "локальное производство". Это действительно была определенная, целенаправленная даже, перестройка реального бизнес-проекта. Я лично полагаю, что это – один лишь шаг к изменению структуры производственной деятельности в переходе к НИО.2, потому что там много разных аспектов, и в том числе один из этих аспектов – это такой: дальнейшее движение здесь – это "индивидуальный дизайн" и "индивидуализированное производство" под индивидуальные интересы. Этот, мне тоже кажется, этап когда-нибудь состоится с учетом развития технологий.

Наконец, сравнение НИО.2 и социализма. Я откровенно говорю, я вижу здесь некое сравнение с тем, что будет происходить в НИО.2, новом индустриальном обществе второго поколения. Мне представляется, что, конечно, НИО.2 в чем-то похоже внешне на социализм, но это – не социализм, потому что социализм – на базе общественной собственности и общественного

производства, как мы помним, а НИО.2 – это общественное производство на базе совместного использования собственности, на базе диффузной собственности. Вопросы собственности здесь не трафаретны. Эту тему мы уже готовились обсуждать на СПЭК, обсуждали на семинарах наших перед СПЭК. Я предлагаю Сергею Александровичу, очень шикарный, важный доклад у него сегодня был, расширить его и выступить на СПЭК в этом контексте. Мне кажется, это будет достаточно интересно, такие сравнительные вещи. Потому что здесь можно добавить еще не только переход в плане дизайна и производства, в этом аспекте, но и в других некоторых аспектах, например, структура производственных отношений и так далее на этапе НИО.2. Спасибо, больше я комментариев больше не имею.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Дмитриевич, очень интересные и важные комментарии. Я думаю, что сейчас и остальные участники встречи включатся в наш разговор, отвечая на вопросы и комментируя то, что уже прозвучало. Пожалуйста, Руслан Семенович Гринберг, давайте мы пойдем в порядке докладов.

Гринберг Р.С.: Во-первых, по вопросу кризиса водных ресурсов – как его решать. Я не специалист по водным ресурсам, но знаю, что около 3 миллиардов человек на Земле имеют очень большие проблемы с чистой водой. У них есть гаджеты, но нет чистой воды, и это, конечно, сильно влияет на продолжительность жизни и вообще на организм, и все такое прочее. Но этот вопрос меня спровоцировал на то, что сегодня дискутируется в мировом академическом сообществе, и не только в академическом, что пандемия способствовала тому, что мы все вернулись в национальные квартиры, своя рубашка ближе к телу, что ничего не изменилось, человек эгоистически настроен. Сейчас это особенно выразилось, Италия бедная осталась вообще одна в самый тяжелый момент, и вся эта европейская солидарность куда-то пропала.

Но мне нравится, что председатель Европейской комиссии хоть извинилась за это перед итальянцами. Но я это к чему клоню? К тому, что эти вопросы и сохранение среды обитания, которая разрушается, мы вообще забыли, и про этот вызов, а ведь он может решаться только лишь на национальной основе. Один американец умный сказал, что мы все живем в одной деревне, и нужен сельсовет, который как-то будет эти проблемы решать,

потому что одна Дания не может ничего сделать, как бы она хорошо не была настроена по отношению очистки воды, и так далее. Ясно, что здесь нужен консенсус и координация государственных политик, а этого всего нет. Я очень надеюсь, что эта беда наша сегодняшняя приведет к тому, что все-таки солидарность окажется выше эгоистических национальных интересов.

Есть один общий враг – это климатический вызов. Смотрите, и теперь уже ясно, что антропогенное вмешательство человека – это факт разрушения среды обитания. Что делать здесь? Но он не считается важным, по-прежнему есть геополитические разногласия, более того, взаимные угрозы без всяких договоров. Все это, конечно, не настраивает на оптимистический лад, но мне кажется, что альтернативы этому, координации государственных политик разных стран мира, нет. Больше мне нечего сказать.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Руслан Семенович, вы сказали очень много и очень важные тезисы. Я думаю, это – одна из тем для дальнейшего обсуждения. Владимир Васильевич, будьте добры, включитесь в нашу дискуссию.

Мионов В.В.: Включился. Наталья Геннадьевна задала вопрос, но на самом деле он такой: каковы уроки для образования. Уроки – общие, кризис, конечно, их стимулировал.

Во-первых, в стране отсутствует до сих пор экспертное сообщество в области развития образования, в области реформ, мы это уже тысячу раз говорили, его практически нет, или есть назначенные люди, которые называют себя реформаторами. Сколько было ошибок, это известно.

Второй вопрос. Пандемия сейчас что обострила? Все говорили об этом онлайн-образовании, но не подумали о том, что вообще вам надо было заранее, без всякой пандемии вкладывать серьезные средства. Вы знаете, что у нас есть регионы, мы в мегаполисе живем, где компьютер, грубо говоря, приваривают к тележке железной, потому что он один на всю школу, и возят, а мы говорим о поглощении компьютерами и так далее. Поэтому второй вопрос – это финансирование, то есть "более другие" средства.

Наконец, может быть, очень важный момент. Почему важный момент? То, что образование – это еще и люди. В той ситуации, в которой сейчас оказалось большинство профессоров,

они, по сути, стали наемными рабочими, прямо по Марксу один к одному, и более того, не случайно появились все те формы отчета, наукометрия и так далее. Я токарем работал, мне дают задание столько-то деталей сделать, мы сейчас также делаем статьи, мы уже не читаем, а пишем. Потому что читать невозможно такое количество. Это кратко.

У меня одна реплика, связанная как раз с тем, что Руслан перед этим сказал, к Давиду Берковичу. Мне очень понравилось выступление Давида Берковича, но я хотел бы уточнить свою позицию, и мне кажется, она совпадает с Русланом. Я не против глобализации, как таковой, я против данного типа глобализации, которая реализовалась следующим образом. Она не спущена богом, поэтому, по сути, были определены стихийно, не стихийно некоторые страны, которые являются лидерами, а остальным предлагалось в этот поезд вскочить – кто не успел, тот опоздал. А там – все перераспределено, и для большинства лидирующих стран, например, не очень хорошо, чтобы в России развивалось образование. Зачем? Это экономически невыгодно, мы лучше перетянем лучших людей, и так далее. Этот тип глобализации – он не нужен, а общие проблемы – надо решать, не отрицая свой культуры, и так далее. Я в 1998 году встречался с Гадерном, которому тогда было 98 лет, кстати говоря, и он, как ни странно, выступил противником единой Европы. У меня, говорит, два простых аргумента. Первый аргумент – ничего хорошего из этого не получалось ни разу в истории. Второй аргумент – я не понимаю, как в одной лодке могут плыть, извините, грек и швед.

То есть не учитывать культурных особенностей людей мы тоже не можем, поэтому – давайте, пусть будет глобализация, но учитывающая, в том числе, национальные интересы. Спасибо.

Гринберг Р.С.: Я могу одну реплику Володе сказать?

Бузгалин А.В.: Вы мне не дали спасибо сказать, Руслан Семенович. Конечно, можете, пожалуйста.

Гринберг Р.С.: Не могу молчать насчет шведа и грека. Я считаю, что Европейский союз – это большое чудо человеческой цивилизации. Если она и извлекает какие-то уроки, то это – самый главный урок, мирная, демократическая Европа со всеми своими национальными особенностями, с консенсусными решениями. Да, сколько я себя помню, она все время находится в кризисе и все

ждут ее конца, особенно в последнее время у нас, только и ждут. Либерализм умер, Европа умерла, там проблема, кругом одни проблемы. Но это я просто еще раз хочу подчеркнуть, что мы не можем говорить об идеальном обществе Томаса Мора, но, если и есть какая-то среда обитания, приближенная к идеалу, то это – только Европейский союз, дай бог ему здоровья.

Бугалин А.В.: Хорошо. Коллеги, я предлагаю не начинать дискуссию о Европейском союзе, у нас все-таки немножко другая тема семинара. Я вернусь к тому, что сказал Владимир Васильевич. Вы знаете, я просто с радостью услышал ваши слова, потому что они повторили декларацию всемирных социальных форумов, где собираются представители экологических, образовательных движений, профсоюзов, и говорят именно об этом: нужна интеграция, но совершенно другая, чем модель Вашингтонского консенсуса. Этот тезис звучал не раз и на конгрессах, которые проводит Институт нового индустриального развития, Вольное экономическое общество. Я думаю, это очень интересный и важный посыл в будущее.

Давид Беркович, пожалуйста. Только, коллеги, будьте лаконичнее. Прошу вас, Давид Беркович.

Эпштейн Д.Б.: Хорошо, разумеется. Вопрос был такой ко мне: надо ли включаться в глобализацию или развиваться как автономная экономика.

Во-первых, не включаться уже нельзя, потому что Россия включена в глобализацию, включена кривобоко, я бы сказал, своим ресурсным экспортом, а надо развивать свои отрасли такие, которые в первую очередь обеспечивают надежность страны, надежность ее существования, надежность ее обороны, надежность ее роста, и так далее. В первую очередь, я бы сказал, автоматизированное, компьютеризированное машиностроение, производство на современном уровне, что и составляет основу экономики и так далее на данный момент. Это – ответ на вопрос.

Руслан Семенович ответил на вопрос о глобализации, но все-таки мы должны выступать за то, чтобы глобализация была другой, с другим содержанием, более социализированным, более справедливым социально, и так далее, но само слово "глобализация", как понятие, на мой взгляд, не должно отрицаться. Собственно, будем мы его отрицать или нет, она будет развиваться.

С чем я согласен – что это одна из прекрасных сегодня существующих моделей взаимодействия стран. Лучше нет, хотя и при всей ее противоречивости. О противоречивости я сказал, и о проблемах – тоже. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Давид Беркович. Сергей Александрович, непосредственно вопросов от слушателей мы не успели вам задать, я хотел бы со своей стороны просто спросить. Считаете ли вы, что эта новая модель кооперации в производстве, точнее, в технологическом процессе, приведет к изменению производственных отношений, институтов, и можно будет говорить о некотором снятии то ли капитализма, то ли рынка вообще?

Толкачев С.А.: Я согласен, этот процесс просто чрезвычайно медленно идет – также, как медленно шли процессы перехода от феодализма к капитализму. Собственно говоря, капитал существовал длительное время, но назвать эту систему капитализмом удосужились, по-моему, только в конце XIX века. Также и сейчас мы являемся свидетелями длительного, затяжного перехода к новой социально-экономической организации, которая с разной скоростью идет в разных странах мира, которую можно будет, как предлагает Сергей Дмитриевич, назвать НИО.2, потому что базис производственный меняется радикально, и изменение производственных отношений неизбежно.

По поводу кризиса этих вертикально интегрированных крупных корпораций речь идет очень давно, очень многие экономисты, общественные деятели об этом говорят совершенно обоснованно, четко достаточно давно. Построение этих всяких сетевых сообществ – тоже процесс длительный, занимающий определенное время. Возможно, сражения идут, кто-то терпит поражение, кто-то, наоборот, выигрывает, какие-то откаты, но вектор, определяемый развитием, общей тенденцией развития производительных сил на данном этапе, как они сложились, когда вложены были большие ресурсы в эту информационно-коммуникационную революцию, в течение 50-60 лет – практически, и мы сейчас пожинаем плоды, эти spin off в других сопутствующих сферах. Эти spin off дошли наконец до сферы производства, и там сейчас происходят существенные перемены в организации производственных процессов. Неизбежно, разумеется, это затронет сферу производственных отношений, и в том числе

пресловутые рыночные отношения, подразумеваемые как контрактные отношения по обмену неких эквивалентных стоимостей. Потому что, например, в рамках этого движения мейкерства часть разработок этих дизайнерских происходит не на принципе "купи-продай", там не требуют разработчики эквивалентного возмещения стоимости своих затрат, даже трудно посчитать их затраты на производство этих моделей в электронном виде. Иногда они просто их дарят, иногда им просто это интересно.

Бузгалин А.В.: Сергей Александрович, мы сейчас уйдем в очень важную тему, но давайте здесь поставим многоточие, и я резервирую просто ваше выступление на эту тему на одном из наших форумов, и ваши публикации, мы будем рады их видеть. Сергей Дмитриевич вас пригласил к публикации, и со своей стороны могу пригласить вас в «Вопросы политэкономии», где вы к тому же еще и член редколлегии. Так что в свой собственный журнал пишете, это очень важная тема.

Коллеги, я искренне благодарю всех участников первой сессии. Мы с точностью русских железных дорог уложились ровно в час 30 минут нашей первой сессии, не считая небольшого вступительного слова и организационных моментов. Я надеюсь, что вы останетесь с нами и на второй сессии, где у нас будут выступать профессора Колганов, Вайнгорт, Чекмарев и плюс коллеги, которые являются нашим молодым продолжением. Я думаю, им будет важно услышать ваши ремарки, реплики, вопросы, поэтому прошу вас сохранить присутствие в нашем семинаре. Сейчас нас уже почти 70 человек смотрит, за исключением более чем дюжины участников в Zoom, около 70 человек нас смотрит в YouTube канале ИНИР, и я думаю, будут сотни просмотров затем в интернете, так что, я думаю, очень интересный получается у нас разговор. Но первую сессию мы заканчиваем. Руслан Семенович, вы хотите что-то еще обязательное сказать?

Гринберг Р.С.: Нет, нет, я хотел сказать, что мало.

Бузгалин А.В.: Нет, это много, у нас же семинар, у нас не мировой форум, Руслан Семенович. У нас научный семинар, который мы планировали, как посиделки некоторого круга известных ученых, а видите, оказывается, он вызывает как раз очень большой резонанс. Так что это не мало, это много. Во всяком случае я плохо себе представляю аудиторию нашего семинара,

где бы поточная аудитория людей была на много сотен человек. Так что отчасти мы все-таки добиваемся результатов несмотря на эту дурацкую изоляцию.

Еще раз всем огромное спасибо, давайте мы перейдем ко второй сессии, в ней у нас выступит профессор Колганов, профессор Вайнгорт, профессор Чекмарев, доцент Яковлева, уже молодой кандидат наук Глеб Маслов и Ольга Барашкова. Я прошу перевести, я не знаю, как сказать, в общем – включить в наш разговор Андрея Ивановича Колганова, доктора экономических наук, профессора, заведующего лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ.

Андрей, пожалуйста, тебе слово.

Колганов А.И.: Добрый день. Я в своем выступлении хотел бы, пожалуй, в какой-то мере конкретизировать те общетеоретические положения, которые высказал Сергей Дмитриевич Бодрунов.

Действительно, когда мы обращаемся к проблематике причин нынешнего кризиса, то обычная трактовка заключается в том, что причиной кризиса является пандемия коронавируса. Надо сказать, что эта трактовка в общем-то исходит из фактов. Пандемия есть? Есть. Ограничения, связанные с пандемией, карантинные мероприятия есть? Есть. Остановка производства из-за карантинных мероприятий есть? Есть. Остановка транспортного сообщения есть, остановка миграции рабочей силы есть – пожалуйста, причина кризиса.

Но, чтобы понять действительные причины этого кризиса, надо взглянуть несколько глубже и задать несколько другие вопросы. Конечная причина нынешнего кризиса, на мой взгляд, лежит вовсе не в самой по себе пандемии коронавируса. Давайте посмотрим, почему пандемия коронавируса вызвала остановку производств, почему реакцией мирового сообщества на возникновение вспышки коронавируса в Китае не была моментальная изоляция от очага заражения. Даже в самом Китае, который предпринимал наиболее быстрые и наиболее жесткие меры в области карантинных мероприятий, в общем-то эти меры запоздали, и коронавирус расползся по всему Китаю из Уханя. Почему так произошло?

Очень просто, экономические соображения бежали впереди противоэпидемических. Конечно, можно сослаться на то, что действовала там бюрократическая инерция государственного аппарата, что все думали, что, может быть, обойдется, но среди этих соображений экономические соображения играли далеко не последнюю роль. Никто не хотел нести экономические потери из-за карантинных мероприятий. Каков результат? Мы эти потери несем. Мы несем потери гораздо больше, чем если бы мы сразу же ввели жесткие ограничения по перемещению трансграничному людей, если бы мы сразу взяли всех перемещающихся через границы под строгий контроль, помещали их на обсервацию и так далее, тогда бы не было вообще пандемии, как явления, мы бы локализовали этот очаг. Но никто не хотел вводить эти жесткие ограничения, никто не хотел нести экономические потери.

Второй вопрос: почему система здравоохранения во всех без исключения странах, включая, кстати, и Китай, который лучше всех справился, но – включая все же и Китай, оказалась не готова дать ответ на вспышку коронавируса? Потому что во всем мире системы здравоохранения экономически оптимизированы, потому что эти системы здравоохранения совершенно четко оптимизированы под задачу текущего обслуживания населения. Того, что, говоря военным языком, называется мобилизационными мощностями, в этих системах здравоохранения нет вообще, как явления. Потому что это экономически невыгодно. Вспышки такого рода, какую мы наблюдаем сейчас, это – достаточно редкое явление, поэтому содержать противоэпидемические системы накладно.

России повезло в том смысле, что какие-то осколки старой советской противоэпидемической системы у нас сохранились, но именно – осколки. Потому что в 10 лет, предшествующих вспышке коронавируса, у нас систематически закрывались больницы и сокращался медицинский персонал. В Москве за последние 10 лет численность врачей-инфекционистов была сокращена на треть. Мы так готовились к пандемии коронавируса, мы оптимизировали систему здравоохранения по чисто экономическим критериям, а не по критериям здравоохранения, безопасности, надежности и так далее.

Поехали дальше. Таким образом именно этот экономический подход к системе здравоохранения и к реакции на пандемию коронавируса предопределил столь широкое ее распространение и то, что она приобрели именно пандемический характер. Понятно, что экономика в который раз оказалась впереди интересов людей.

Возникает вопрос: будет ли прекращение пандемии коронавируса, окончание противоэпидемических мероприятий означать восстановление мировой экономики по крайней мере до того же состояния, которое было до пандемии? Нет, такого автоматического восстановления не произойдет.

Почему? Потому что здесь вступают в действие те причины кризисных явлений, которые сформировались еще до пандемии. Что у нас было до пандемии? До пандемии у нас совершенно очевидно проглядывали два фактора: это – явный перегрев фондового рынка, переоцененность акций большинства крупных корпораций на мировом рынке, это первый фактор. Второй фактор – это очень высокий уровень закредитованности мировой экономики, более высокий, чем он был перед кризисом 2008-2009 годов. Эти факторы были видны многим экономистам, и на протяжении 2018-2019 годов этот вопрос широко обсуждался в экономическом сообществе – что вот-вот наступит кризис. Споры шли только о том, когда он наступит, в 2020, в конце 2020, в начале 2021, но в том, что он наступит, почти никто не сомневался.

Вот, собственно говоря, эта подкладочка экономическая, и она будет определять медленный темп выхода из тех кризисных явлений, которые сложились в связи с пандемией коронавируса. Тем более, что сама пандемия, конечно, приведет к значительному сокращению внутреннего спроса во всех национальных экономиках, к банкротству значительного числа предприятий, и это тоже будет выступать фактором, замедляющим выход из кризиса.

Теперь давайте посмотрим, какова реакция на этот кризис и каковы антикризисные мероприятия, которые предпринимает правительство. Как и в 2008-2009 году, огромное количество денежной ликвидности вливается в денежный сектор. Но нынешние решения все-таки отличаются от того, что было в 2008-2009 годах. Сейчас, помимо накачки ликвидностью финансового сектора, которая по масштабам, пожалуй, даже превосходит то, что

было в 2008-2009 годах, делаются и такие вещи, как прямая финансовая поддержка части реального сектора экономики и прямая финансовая поддержка населения. Скажем, в Германии наемным работникам простаивающих предприятий компенсируют от 60 до 67% их прежнего заработка из бюджета. Эта мера совершенно беспрецедентная, раньше которой не встречалось. Чтобы людям, которые по тем или иным причинам потеряли работу или доход, государство бы стало платить такие деньги, этого раньше не было. И в России не было того, чтобы, пусть и в гораздо меньших масштабах, чем в той же Германии, но какие-то подачки государство все-таки гражданам стало давать в условиях, когда они теряют работу и теряют доход.

О чем это свидетельствует? Это свидетельствует о том, что фактически признано банкротство модели свободного рынка, и государство действует совершенно не по либеральным рецептам, государство начинает действовать с радикально кейнсианских позиций, по меньшей мере, когда оно всеми силами пытается поддержать внутренний спрос в экономике, раздавая деньги направо и налево. Кстати сказать, что любопытно, даже либеральные экономисты присоединяются к хору тех, кто требует поддержки внутреннего спроса, хотя они раньше активно критиковали кейнсианский подход. Действительность заставляет поступать именно таким образом, действительность заставляет закрыть глаза на такие вещи, как рыночная эффективность и вообще механизмы автоматического рыночного саморегулирования, и заставляет действовать совершенно иными методами.

Теперь – что еще я хочу сказать. Пандемия коронавируса высветила и целый ряд проблем, которые свидетельствуют о том, что нынешняя экономическая модель в общем-то не благоприятствует борьбе с такого рода явлениями, которые затрагивают жизненные интересы большинства населения. Об этом здесь уже говорили. Я хочу обратить внимание на такие факты, достаточно широко известные, как попытки перехвата различными странами друг у друга средств противозидемической защиты, как попытки наложить руку на разработки противовирусной вакцины, причем эти попытки предпринимаются, что характерно, чисто экономическими методами. Противозидемические средства перекупают, разработчиков вакцины тоже перекупают. Здесь экономика опять идет

против интересов людей. Более того, сам факт пандемии коронавируса используется как предлог для нового витка борьбы за торговую гегемонию на мировом рынке. Претензии Соединенных Штатов Китаю в этом смысле очень характерны.

Наконец, что еще я хочу сказать по этому поводу. Будет ли реакцией мирового сообщества на эти кризисные явления рост солидарности, рост левых настроений и так далее? Я в этом, честно говоря, сильно сомневаюсь. Почему? Потому что та тенденция, которая сложилась перед пандемией, характеризовалась ростом национализма и правого популизма. Именно в этих направлениях значительная часть людей стала искать ответы на противоречия современной социально-экономической системе. Такие тенденции, которые в общем-то покоятся на стремлении встать в позицию "каждый сам за себя, и мы будем бороться за свои собственные интересы, а остальные пусть решают свои проблемы сами", эти тенденции тоже очень сильно пробивают себе дорогу в условиях пандемии коронавируса. Это – не единственная тенденция, есть и противостоящие тенденции, лежащие как раз в курсе левого дискурса, но я не уверен в том, что именно левый дискурс возобладает. Для того, чтобы он возобладал, нужны очень значительные усилия со стороны общественных движений и соответствующая позиция политиков и государства, потому что ответом на кризисные явления всегда были усиления радикальных течений, как левых, так и правых.

Если мы вспомним Великую депрессию, то ответом на нее был рост, с одной стороны, левых течений, а с другой стороны, вспышка нацизма в Европе, так что здесь надо быть готовыми к тому, что нам снова придется противостоять угрозам такого типа.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Андрей Иванович, особенно большое спасибо за акцент на противоречиях, которые в сегодняшней экономике обостряются в связи с пандемией, и в том числе – противоречия в разных тенденциях, в разных направлениях поиска выхода из той ситуации, которая сейчас объективна и субъективна по субъективным причинам сложилась.

Я рад перейти к следующему этапу нашей работы. Профессор Вайнгорт Владимир Леонтьевич, доктор экономических наук, член Международного комитета Вольного экономического

общества, представитель Эстонии, и тема его доклада связана с постэпидемическим кризисом и результатом трансформации структур занятости в экономике услуг.

Пожалуйста, мы рады вас приветствовать, Владимир Леонтьевич.

Вайнгорт В.Л.: Прежде всего, спасибо за предоставленную возможность выступить, и так получилось, что то, о чем я буду говорить, является в достаточной мере иллюстрацией некоторым тезисам, которые прозвучали в докладе Сергея Дмитриевича Бодрунова и ряда других докладчиков первой части.

Эстония дальше других постсоветских государств продвинулась в постиндустриальном развитии на основе цифровизации, и проблемы кризисного характера, с которыми сейчас сталкивается эстонская экономика, как ни странно, являются как раз продолжением тех достижений, которые произошли в этом движении.

Радикальная смена структуры экономики Эстонии характеризуется несколькими цифрами. Если в 1990 году доля промышленности в экономике составляла всего 40%, а сельского хозяйства 16%, то к началу кризиса, то есть в начале нынешнего года, доля промышленности – меньше 20%, сельское хозяйство практически исчезло, 2,6%, зато расширилась доля услуг, включающая инфо-технологии, и она составляет сегодня уже почти 52%, то есть более половины всей экономики Эстонии. Надо сказать, что называть сегодняшнюю экономику постиндустриальной экономикой услуг, может быть, не совсем точно, скорее – можно назвать экономикой знаний. Потому что, по расчетам банка Эстонии, окупаемость знаний, окупаемость магистерского образования сегодня почти в 3 раза выше, чем это было всего лишь где-то в 2005-2007 годах, то есть до первого кризиса 2000-х годов.

Меняется структура занятости, происходит радикальная трансформация цены труда. Если медианная зарплата по стране в феврале нынешнего года по стране была 1156 евро, то по 17 отраслям, если посмотреть зарплату (а благодаря цифровизации сегодня мы можем видеть буквально на третий день после окончания месяца среднюю зарплату в отраслевом, в региональном разрезе, это к слову), то практически самая высокая брутто-зарплата связана, действительно, со знаниями. То есть, IT-технологии – средняя зарплата в этой отрасли две с половиной

тысячи евро, то есть практически в два раза выше медианной, в университетском Тарту на втором месте по зарплате – зарплата научных работников и преподавателей, заметно выше средней и выше медианной – зарплата в здравоохранении. В Таллине это почти на 60% выше медианной, в Тарту почти в два раза выше.

В общем, зарплата отраслей, опирающихся на знания, сильно опережает остальные отрасли. Ниже медианной у нас, если я взял данные по 17 отраслям, извините за то, что грузу вас цифрами, они интересные в том смысле, что показывают, из 17 отраслей выше медианной – это отрасли, связанные со знаниями, с образованием, а ниже медианной традиционные индустриальные отрасли.

Но во всех этих радостях как-то незамеченным произошел очень интересный процесс. В Эстонии исчезает или, можно сказать, исчез средний класс. То есть – там, где зарплата ниже медианной, минимальная установленная зарплата в Эстонии в этом году 584 евро за 8-часовой рабочий день при полной загрузке в течение месяца, то есть от 600 евро до 1100 евро, это зарплата, которую получает половина всех получателей оплаты труда, ниже медианной зарплаты. Медианная зарплата 1100 евро – это зарплата, которая позволяет еле-еле сводить концы с концами семье с учетом того, что около 300 евро стоят расходы на жилье в 2-комнатной хрущевке, то есть где-то в 48-метровой квартире.

В этой ситуации совершенно неожиданно средний класс в Эстонии, который как-то образовывался на протяжении 20 лет после 1991 года, распался на два слоя. Один из них – это тот, который Ричард Флорида когда-то назвал креативный класс, который создает материальные и интеллектуальные ценности на основе знаний, и слой малообеспеченных работников, которые работают на должностях или исполняют работы, не требующие знаний, не требующие высокой квалификации. Этот слой работников, вернее этот слой рабочих мест, он нарастает в новой экономике. Прежде всего, он нарастает в здравоохранении, и более того, в социальной сфере. В результате развития здравоохранения в Эстонии значительно вырос возраст дожития, то есть в Эстонии растет возраст населения, и с этим связана геронтологическая медицина, которая развивается, и это потребовало совершенно нового уровня социальной защиты, социального обеспечения на-

селения. Только в Таллине почти около 20 специализированных пансионатов для обслуживания одиноких пенсионеров, а для тех, которым не нужен медицинский уход, которые все-таки способны жить в собственных квартирах, для одиноких пенсионеров существует развитая система социального обеспечения. Вся эта система создала совершенно новый вид рабочих мест, и они расширяются, но эти рабочие места – это нянечки, все эти люди, которым не нужно специально подготовки, и заработная плата у них соответствующая.

Я хочу сказать, что для того, чтобы как-то решать проблемы, а по данным Евростата почти 25% населения Эстонии живет на уровне относительной бедности, развитие в Эстонии получили общественные фонды потребления. Мне кажется, что этот опыт Эстонии очень интересен. Это бесплатный городской транспорт в Таллине, в Тарту, это практически бесплатное образование на всех уровнях, включая докторантуру, это бесплатное питание в школах. Я не буду это перечислять, это интересная отдельная тема разговора, но мне кажется, здесь, может быть, находится тот вариант решения проблемы, о которой Руслан Семенович говорил. О базовой зарплате, мне представляется, что, если будут развиваться общественные фонды потребления (а я думаю, что, может быть, я как-то опубликую весь обзор этого направления, которое сегодня в Эстонии становится нормой), здесь может быть мы найдем решения проблем работающих бедных, аналогов "желтых жилетов" во Франции. Спасибо за внимание.

Бузгалин А.В.: Спасибо большое и огромное спасибо за последний акцент. Более того, как главный редактор журнала «Вопросы политической экономии», я заказываю вам статью об общественных фондах потребления в Эстонии, это будет интересно. Журналы, о которых мы говорили, «Труды Вольного экономического общества», «Экономическое возрождение России» всегда рады получить аналитический материал, в том числе – по тем сдвигам в экономике, о которых вы сегодня говорили.

Уважаемые коллеги, к нашей работе, если я не ошибаюсь, к нам подключился профессор Чекмарев Василий Владимирович, член-корреспондент Академии образования. Мы очень рады вас видеть, слышать, большое спасибо, что вы включились в нашу работу. Пожалуйста, вам слово. Я в начале объявлял, что регла-

мент у всех 10 минут, в том числе и у иностранных участников и даже у член-корреспондентов.

Чекмарев В.В.: Спасибо. Здравствуйте все, товарищи-участники этого семинара.

Я думаю, семинар очень важный и своевременный.

Дело в том, что формулировка «экономический кризис» не до конца охватывает все процессы, которые реально произошли. Может быть, спорно, но в то же время можно вести речь о кризисе бытия. Потому что экономический кризис – это одна из форм динамики, повторяется, меняется, у нас сегодня всемирное плохое событие. В этом контексте я бы еще раз вспомнил у нашего Сергея Бодрунова в той части, в которой у него вышла книжка «Ноономика». Мне думается, она была очень своевременна, и на сегодняшний день до конца еще недооценена в полном объеме, чего она стоит.

Дело в том, что, когда почти 100 лет назад была озвучена идея создания ноосферы, ноономика – это часть ноосферы, и сегодня мы говорим о ноономике потому, что это «всемирная "экономика"». Это – не просто кризис капитализма, это – не просто кризис рынка, это – более широкое явление. Оно выходит за пределы в чистом виде экономических взаимоотношений, это – шире.

Давайте посмотрим на то, что ближе мне здесь в нашей Российской Федерации происходит. Мы пытаемся самоизолироваться. Вообще – одиночная камера в тюрьме – это самое страшное наказание, и когда мы таким образом защищаемся, а другого пути пока вроде бы нет, поэтому его и используем, но на самом деле это – лучший путь, в перспективе он возможен. Только ли мы от коронавируса должны защищаться? Что, других болезней нет? Что, со здравоохранением очень все хорошо? Что, национальная программа здравоохранения работает хоть в какой-то степени?

Давайте напомним несколько цифр. Когда в начале XXI века была принята фундаментальная программа обеспечения фундаментальными науками сферы здравоохранения, то есть физика, химия и так далее должны были сделать свой вклад, то в 2015 году она была закрыта. Мы на сегодняшний день до конца еще не знаем, что это за вирус, как с ним бороться, что с ним делать, а ведь могли бы быть уже готовы. Но меня не столько даже

коронавирус сейчас интересует. Почему? Потому что, кроме него, будут еще и другие, наверняка будут, потому что были и какой-то свиной грипп, и птичий грипп, и бог знает, что еще, мир в этой части многообразен. Вот о будущем, в этом смысле, мы уже защищены или мы будем защищены? Мы собираемся только спасти сегодняшнюю ситуацию – или мы думаем, что и завтра у нас что-то будет?

Эта проблема – очень серьезная, думается, постановка которой осуществлена Бодруновым своевременно, и даже – чуть запоздало. Больше, нужно развить эти идеи. И на Санкт-Петербургском, к сожалению, не состоявшемся форуме, но который хотя бы в заочной форме случится, и титул этого форума был связан с этим понятием, я думаю, очень правильно, и нужно сосредоточить свое внимание на этом. Не на отдельных частностях, не на сфере услуг, она тоже нужна, как и другие, ни еще на чем-то, а все-таки на более глобальных вещах. Мы никуда не денемся в мире от того, что мы сегодня все в одной лодке. Когда сегодня приводил пример Андрей Иванович по поводу того, что там кто-то у кого-то экономическим методом перехватывает и так дальше, это – не экономический метод, это – политический метод. Потому что, если бы был чисто экономический, его бы просто прервали, потому что политики о чем-то договариваются, к нашей радости иногда они стали сейчас о чем-то договариваться.

Поэтому вопрос шире. В этой части, когда мы говорим о ноономике, с моей точки зрения, мы даже приопоздали, мы сегодня ищем то утраченное время, которое случилось.

Приведу конкретные примеры. Костромская область, маленькая область, меньше 700 тысяч населения. В Костромской области – резкая нехватка врачей, не в связи с коронавирусом, а вообще. Когда предпринимаются определенные шаги для решения этой проблемы, давайте посмотрим, у нас вообще где-то избыток врачей есть? Нет. Когда была оптимизация здравоохранения, экономически там что-то задушили и так далее, перевели медсестер для того, чтобы повысить официально зарплату, доложить вернее об этом, что она повышена.

Областной прокурор Костромской области издает постановление, публикуется в нашей печати, о том, что, если в первой, во второй Горбольнице в городе Костроме не будет укомплекто-

ваны штаты врачей, а там 50%-я нехватка, то он будет наказывать юридически, уголовно главных врачей. Где их взять-то? Губернатор области съездил в Ярославский медицинский университет на выпуск, говорит: «Товарищи выпускники, приезжайте на работу в Костромскую область, создам все условия, жилье, зарплату, все создам». Сколько приехали? Один, на призыв губернатора. Естественно, что не укомплектовано, и не будет укомплектовано. Поэтому – вопрос об упущенном времени, вопрос о том, что мы и за год, и за два, и за три Россию вновь не подготовим. Когда сегодня в Москве, к сожалению, так надо было, студенты были направлены в волонтерском варианте или в каком-то другом на помощь больницам, но это же не может продолжаться вечно. Не только Москва болеет, и не только коронавирусом. Что, СПИД куда-то делся, рак куда-то делся? Можно перечислять еще бог знает сколько, вопрос о другом.

Принципиально надо менять структуру общественного производства, и не говорить о медицине или об образовании, как о социальных сферах, это первичные производственные компоненты народного хозяйства. Я думаю, на этом можно остановиться, Александр Владимирович, потому что – безграничная тема, и говорить очень много о чем хочется, но регламент есть регламент.

Бузгалин А.В.: Василий Владимирович, огромное спасибо, особенно за два последних акцента на том, что необходимо менять структуру общественного производства, и на том, что образование и здравоохранение, и так далее, это – основа общественного производства, и не только, наверное, XXI века, хотя сегодня – в первую очередь. Это – принципиально важные акценты, равно, как и те проблемы, которые вы подчеркнули. Большое спасибо за включение в этот разговор. С нами был Василий Владимирович Чекмарев, и надеюсь вы останетесь, поскольку у нас будут вопросы и обсуждения после окончания выступлений участников нашей сессии.

Я рад предоставить слово основному специалисту-организатору нашего сегодняшнего семинара, кандидату экономических наук, ведущему научному сотруднику Института экономики РАН и Институт нового индустриального развития имени Витте, а также Центра марксистских исследований МГУ Наталье Геннадьевне Яковлевой. Наталья Геннадьевна, добрый день, мы рады вас при-

ветствовать в рамках нашего семинара. Спасибо за участие, точнее не только за участие, но и за руководство его организацией.

Яковлева Н.Г.: Добрый день, уважаемые коллеги. Александр Владимирович, спасибо за представление. Я подготовила небольшую презентацию для своего доклада, я сейчас переключусь на нее и начну свой доклад. Сегодня уже не раз были затронуты вопросы социальной сферы, здравоохранения, образования, поэтому я не буду тратить время и сразу приступлю к теме своего доклада. Я его обозначила как "Кризис образования в эпоху позднего капитализма: тотальная маркетингизация".

Сейчас, когда в кризис обострились все острые углы, в том числе – и в образовании, не только в научно-образовательной среде, но и среди всех факторов образовательного процесса, и родителей, и учеников, и студентов, и преподавателей обсуждается очень много вопросов. Будет ли дистанционное образование законодательно закреплено, будет ли все очное образование переведено в разряд дистанционного, как будут сдавать единый государственный экзамен, как пройдет приемная кампания этим летом в вузы...

Но мне кажется, это – лишь технические вопросы, а кризис образования гораздо глубже. Я в своем коротком выступлении постараюсь ответить на вопрос, насколько глубже кризис образования сегодня.

Итак, первое, на чем бы я хотела остановить ваше внимание, и, в принципе, почти все докладчики об этом говорили, что в настоящее время, а точнее в конце XX, в начале XXI века разворачивание неолиберальной модели капитализма во многих странах привело к десоциализации экономики и общества. Естественно, это не могло не затронуть социальную сферу, и в частности образование, тему моего доклада. Я поставлю жесткий вопрос, который сейчас опять-таки волнует не только специалистов, но и всех. Почему в капиталистической системе сфера образования из общественной все более трансформируется в рыночную сферу?

На этот вопрос дал ответ еще Карл Маркс, но я не буду его цитировать. Дальше ответы на этот вопрос давали многие последователи Маркса и не только, это и Ленин, это и Гранжи, это Ильенко. Но я вам хочу привести цитату Иштвана Месароша, ученика и коллеги Дьердя Лукача, который считается у нас за-

падным марксистом или, как он сам себя назвал, постмарксистом. Наверное, не все знают, что он не только написал книгу «По ту сторону капитала», которая переведена на русский язык, он еще написал книгу «Образование по ту сторону капитализма», которая издана в 2008 году в Бразилии на португальском языке.

Его цитата: «Для того, чтобы не потерять контроль над ситуацией, современный неолиберальный капитализм вынужден усиливать не столько «внешнюю» агрессивную экспансию, сколько «внутреннюю», вторгаясь в сферы, которые раньше непосредственно не являлись рыночными. Это – образование, медицина, наука, культура, коммунальное хозяйство. С тем, чтобы коммерциализировать их и включить в систему получения прибавочной стоимости». Я считаю, что это – очень точный ответ на тот вопрос, который я поставила вначале этого слайда.

Далее я хотела, обращаясь и предыдущему докладчику, Василию Владимировичу, и другим докладчикам, остановиться на таком моменте: все-таки, то, что происходит в образовании, этот кризис, он чем-то обусловлен? Да, обусловлен, и обусловлен тем, что образование нужно рассматривать в контексте общественных отношений. То есть кризис в образовании обусловлен именно теми общественными отношениями, в которых эта система существует. Итак, если мы исходим из марксистской парадигмы, то система образования в том или ином обществе определяется системой общественных отношений, и более того, справедлива более жесткая постановка: в классовом обществе система образования носит классовый характер, а значит – цели и задачи системы образования, его содержание, методы изменяются в различных общественных экономических системах. И что более важно, в одной и той же системе по-разному определяется различными социальными группами.

Этот вывод, я думаю, мы все, россияне, почувствовали на себе, когда 30 лет назад при переходе от модели реального социализма к олигархическо-бюрократическому капитализму мы налицо видели трансформацию системы образования, когда из полностью бесплатного оно трансформировалось в платное, например, высшее образование на 50% сейчас является платным у нас в России. На смену планирования выпуска специалистов пришла погоня за конъюнктурой рынка, и самое главное, изме-

нились отношения внутри образовательной организации и изменилось содержание образования.

Следующий вопрос, который тоже волнует всех, уже – не только специалистов, но и все общество. Все-таки, образование – это общественное благо или коммерческая услуга? Я думаю, что вы со мной согласитесь, что по своему содержанию образование – это сфера сотворчества, в которой создается неограниченное общественное благо. Наверное, мы бы все хотели учиться именно в такой системе образования и получать именно такое образование, и своих и детей, и внуков тоже именно в такой системе обучать. Но однако, в капиталистической системе, где господствует отношение частной собственности, рынка и капитала, образование приобретает форму коммерческой услуги. Понимаете? Само образование и природа образования не изменяется никогда, по своей природе образование – это общественное благо, но, одевая сюртук общественных отношений, оно принимает какую-то форму, и в капиталистической системе оно принимает форму коммерческой услуги, а сама сфера образования из общественной трансформируется в рыночную, и происходит процесс так называемой маркетизации образования.

Опять же приведу пример известного человека, это Дерек Бок, дважды ректор Гарвардского университета, который в 2003 году выпустил книгу «Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования», эта книга в 2012 переведена на русский язык. Я приведу две его цитаты. Первая, это из предисловия этой книги: «На протяжении последних 25 лет университеты (он имел в виду американские университеты) с небывалой энергией продают свои знания и умения частным лицам и корпорациям». Заключение он заканчивает такими словами эту книгу: «Наблюдая за происходящим, я опасаясь, что под воздействием коммерциализации может измениться сама природа академических учреждений и нам придется об этом пожалеть».

Итак, идет маркетизация образования, наверное, здесь уже спорить никто не будет, что мы в процессе маркетизации. Но какие этапы мы прошли и на каких этапах мы сейчас маркетизации образования?

Я выделяю три этапа маркетизации. Посмотрите, если мы отступим от капиталистической системы и посмотрим в докапи-

талистические общественно-экономические системы, образование в докапиталистических системах необходимо было в основном для поддержания власти господствующих классов, аристократии и церкви, поэтому только выходцы из этих классов имели возможность обучения, в большинстве своем. В этих докапиталистических системах образование не имело экономических целей. Уже для капиталистической системы индустриального типа образование необходимо было не только для власти, то есть управление экономикой и обществом, но и для непосредственного функционирования экономики, то есть функционирования производства и производственной системы. Отсюда – расширившийся доступ к образованию, появление инженерных и рабочих специальностей и соответствующих сфер образования.

Таким образом, начинался процесс экономизации образования в капиталистической системе. Если схематично на графике маркетизации образования, то, пожалуйста. Начало – это экономизация, далее с развитием рыночных механизмов и усилением монетаризации экономики происходит процесс коммерциализации, то есть на экономизацию у нас накладывается процесс коммерциализации, это уже то, о чем пишет Дерек Бок в своей книге, и не только. Под коммерциализацией образования я понимаю процесс все большего подчинения всех слагаемых образовательного процесса, интересов, мотивов, ценностей, управления деятельности организаций, самого образовательного процесса целям получения капиталистического коммерческого результата. В качестве коммерческого результата, подчеркну, это может быть не прямая прибыль, а те же рейтинги, цитирование и так далее. В данном случае мы можем рассматривать это как коммерческий результат образовательных организаций.

Конечно, в большей степени коммерциализация захватила высшее образование, но сейчас это наблюдается уже и на других уровнях образования. Тому подтверждением – мировая статистика, но за неимением времени не могу ее здесь привести. Наконец, последние десятилетия под влиянием финансового капитала, все прекрасно мы знаем, наблюдается процесс финансиализации экономики и общества. Мы уже можем наблюдать явление финансиализации и образования тоже. Поэтому на последнем этапе

маркетизации, на экономизацию и коммерциализацию еще накладывается финансиализация образования.

Под финансиализацией образования я понимаю усиливающееся влияние финансовых мотивов и рынков, финансовых корпораций, учреждений, конкретных представителей финансовой сферы непосредственно на процесс управления образовательными организациями и на образовательный процесс, как таковой. Явно процесс финансиализации образования наблюдается, конечно, сейчас в странах ядра капиталистической системы, однако и даже у нас в России первые ростки и проявления финансиализации тоже известны.

Чтобы не заканчивать на грустной ноте, я бы хотела последний слайд посвятить выходу из глубокого кризиса образования. Возможен ли выход? Кризис глубокий. Я считаю, да, возможен, но для этого нужны очень такие совпадающие условия общества и государства. Я считаю, что выход возможен, если интерес и консолидация усилий одновременно и общества, и государства будет в направлении трансформации существующих общественных отношений, как в целом современной общественно-экономической системы, о чем говорили многие докладчики, но так и непосредственно внутри системы образования, потому что произошла экономизация и коммерциализация системы образования образовательных организаций, как таковых. Спасибо за внимание.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Наталья Геннадьевна. Я уверен, что будет много вопросов, как и к остальным докладам, но, как всегда, в конце сессии. Пожалуйста, оставайтесь вместе с нами. Мы идем дальше. Я рад предоставить слово еще одному участнику нашей сессии, это Глеб Андреевич Маслов, недавно блестяще защитивший кандидатскую диссертацию в Московском государственном университете, а сейчас Глеб – уже научный сотрудник Института экономики РАН, он был и остается научным сотрудником Института нового индустриального развития имени Витте, и там у него более высокая должность, ведущий научный сотрудник, и в Центре марксистских исследований философского факультета МГУ. Пожалуйста, Глеб, вам слово для сообщения.

Маслов Г.А.: Уважаемые коллеги, добрый день. Моя тема посвящена вопросу, который с пандемией явным образом не

связан, он скорее связан с последними технико-экономическими трансформациями. Однако мне кажется, что нынешняя вирусная реальность может подтолкнуть те тезисы, о которых я говорю, подтолкнуть к более быстрой их реализации.

Итак, говоря о последствиях четвертой промышленной революции, мы часто подразумеваем изменение моделей производства непосредственно на заводах, непосредственно на фабриках. Это неизбежно ведет и к переосмыслению проблемы планирования, в частности корпоративного, не только корпоративного, но в данном случае можно говорить о существенном изменении в целом способа ведения хозяйства на предприятии. Также, забегая вперед, скажу, что в условиях новых технико-экономических реалий особое значение получит трансформация со стороны спроса, то есть со стороны потребительского поведения.

Также, говоря о планировании, хотелось бы сказать, что оно неверным почему-то считается, как некоторый антоним свободной рыночной стихии. Это – не совсем корректно, хотя имеет свою основу, так как ранее в истории экономической мысли проблемами планирования в основном занимались критики капитализма, однако с ростом корпораций на новом этапе капиталистического развития очевидно, что планирование – это также безотрывный атрибут всей рыночной системы. Однако планирование все же выходило на видные роли в экономической теории, в частности, это связано с периодом после Второй мировой войны, особое значение приобрела книга Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», которая стала классической работой в данном направлении, и говоря о причинах актуализации, предпосылках актуализации данного вопроса, я бы отметил крупную индустриальную систему, связанную также с монополизацией экономики, и возможности сбора данных – в частности, в теории произошел новый виток математизации экономики, появилась эконометрика.

Можно говорить, во-первых, появились средства для таких детальнейших расчетов, во-вторых, крупная индустриальная система, производящая относительно однородный продукт, позволила проводить более качественные механизмы расчетов, механизмы планирования. Нужно при этом сказать, что при наступлении информационной революции эта тема снова отошла на вторые

роли во многом в связи с тем, что выросло разнообразие продуктовой массы, и производство уже не стало носить прежний индустриальный характер.

Говоря о четвертой промышленной революции, можно задать вопрос: какая тенденция возобладает, рост и разнообразие продуктовой массы, которую сложно будет как-то классифицировать, формализовать, соответственно, сложно будет строить какие-то алгоритмы планирующих систем, или же наоборот, рост вычислительных мощностей окажется таким высоким, что планирование вновь выйдет на передовые роли экономической науки? Мне кажется, более вероятен второй сценарий, так как сама начинка четвертой промышленной революции состоит в росте использования больших данных, искусственного интеллекта, то есть в механизмах расчета экономических показателей и их прогнозировании. Также нужно отметить, что никуда не делась монополизация, то есть крупные производства по-прежнему доминируют и, соответственно, растет важность планирования производства в рамках единой хозяйственной единицы.

Также я бы обратил внимание на книгу «Гэлбрейт: Возвращение», недавно вышла эта книга в ИНИРе, и она была приурочена к 50-летию со дня выхода оригинальной книги Дж.Гэлбрейта «Новое индустриальное общество». Почему мне кажется это символическим? Потому что, как мне кажется, она отражает именно идеи Гэлбрейта, они все же получают большую востребованность и, как я говорил, побеждает второй сценарий, то есть проблема планирования становится более актуальной в связи с ростом монополизации экономики и ростом расчетных возможностей.

Хотелось бы остановиться на более частном вопросе о специфике трансформации системы планирования, и, как я говорил вначале, эта специфика состоит в особой роли потребительского поведения. То есть, если раньше, условно говоря, планирование прежде всего подразумевало то, как построить производственную цепочку на предприятии, то сейчас можно в большей степени говорить о планировании спроса и выявлении спроса.

В этой связи я выделил два класса технологий. Во-первых, это нейротехнологии, позволяющие на естественно-научном уровне заглянуть в подсознательное человека и лучше него самого объяснить, что ему действительно нравится, какой

цвет вызывает большую симпатию в рекламном ролике, и так далее. Также вторая базовая технология – искусственный интеллект, он позволяет также, мне кажется, лучше самого человека изучать модель его потребительского поведения и предсказывать его будущие покупки.

Таким образом планирование и вместе с тем возможности навязывания спроса растут значительным образом, (и я делаю отдельную отсылку на то, что данные трансформации – по сути, я тут указал концепцию переосмысления «рассеянного знания» неоавстрийцев), можно сказать, по сути, данная идея научного направления полностью дискредитирована на новом этапе технико-экономического развития.

Чтобы быть лаконичным, я сразу перейду к заключению. Нужно подчеркнуть, что, с точки зрения развития экономической теории, мне кажется, абсолютно неизбежен переход темы планирования на передовые роли в экономической науке. При том нужно подчеркнуть, как сказал, кстати, Сергей Александрович, что новая модель производства обуславливает принципиально иную роль сетевых и внешних эффектов. Все эти явления были рассмотрены экономической наукой в начале XX века, однако на новом уровне, я бы сказал, с активным использованием политической экономии и различных направлений институционализма, потребуется изучение сложного переплетения экономического и, условно говоря, неэкономического в процессе хозяйствования мировой экономической системы. Таким образом система планирования будет неизбежно изучаться на междисциплинарном уровне и иметь много аспектов, которые будут изучаться различными теоретическими направлениями.

Также эти трансформации заставят задуматься о новой роли государства, о государстве, как об институте, который сдерживает противоречия между разными социальными группами. То есть, с одной стороны, понятно, корпорации будут использовать все методы планирования для максимизации прибыли – в то время, как это может привести к негативным внешним эффектам по самым разным направлениям, и тут уже встают вопросы морали. То есть, потребуется со стороны государства волей-неволей стать активным выразителем интересов остальной части общества и находить какие-то компромиссы, и, видимо, неизбежна переориентация

на новые цели хозяйственного развития. В связи с этим можно также говорить о новом витке социализации капитализма и окончательном отходе его модели воспроизводства, какой она была в эпоху неолиберализма. Собственно, уже сейчас эти вопросы потихоньку входят в мейнстрим экономической теории, а современный кризис только поспособствует еще большему ускорению данных явлений и переосмыслению, на уровне теорий и в публицистике, направлений развития всего общества. Тема планирования в данном случае может стать еще одним, конкретным предметом изучения, и корпоративное планирование может стать одним из передовых направлений дискуссии.

На этом я могу завершить, и в конце проанонсирую публикацию своей статьи в грядущем номере «Вопросы политической экономики», во втором номере. Статья как раз посвящена той теме, с которой я сейчас выступил, но раскрыта более подробно. На этом я могу завершить, спасибо.

Яковлева Н.Г.: Извините, пожалуйста, Александр Владимирович видимо у нас на время удалился, поэтому я позволю себе продолжить. Глеб, спасибо большое. Да, Александр Владимирович, пожалуйста.

Бугалин А.В.: Извините, Наталья Геннадьевна. Еще раз спасибо Глебу за очень интересный и важный доклад о планировании, мы продолжаем нашу работу, и я предоставляю слово для завершающего наш семинар доклада Ольге Владимировне Барашковой, научному сотруднику Института нового индустриального развития имени Витте и Центра современных марксистских исследований. Ольга Владимировна, пожалуйста, вам слово.

Барашкова О.В.: Коллеги, добрый день, рада всех приветствовать. Я постараюсь выступить кратко и несколько смещу акценты по сравнению с тем, что изначально планировала, ввиду того, что было сказано предшествующими докладчиками. Мой доклад посвящен обострению проблемы неравенства в свете кризиса, и планировалось посвятить его преимущественно методологии исследований. Но, поскольку здесь много аспектов затрагивалось также и чисто практических, о последствиях, вызванных пандемией и текущим кризисом, то я тоже хочу несколько сместить акцент.

В частности, давайте посмотрим на следующую таблицу об основных видах неравенства. Проблема неравенства актуальна, обсуждается экономистами на мировом уровне, нобелевскими лауреатами, активно дискутируется, но тем не менее часто для рассмотрения этой проблемы характерен узконаправленный подход, когда неравенство в основном рассматривается, как неравенство дохода.

Обратимся к эмпирическим данным. Здесь представлены результаты опроса того, неравенство в какой сфере является наиболее актуальным. Мы здесь видим, что действительно на первом месте – неравенство доходов, но следующие три пункта – это неравенство в доступе к медицинской помощи, неравенство жилищных условий и в доступе к хорошим рабочим местам. Эти три пункта, как показал кризис, связанный с пандемией, эти три пункта особенно актуальными становятся, и здесь неравенство доходов – далеко не главный фактор неравенства вообще.

В частности, неравенство жилищных условий. Каким неожиданным образом оно у нас сейчас актуализировалось? С переходом на дистанционный формат работы оказалось, что жилищные условия не всем позволяют работать, и работать полноценно. Конечно, небольшая квартира, в которой живет небольшая семья или даже стандартная семья, она, как правило, не предусматривает такого рабочего места, чтобы оно было изолировано от других членов семьи; соответственно, условия работы снижаются.

Неравенство в доступе к хорошим рабочим местам – какой здесь аспект хотелось бы раскрыть?

Появились исследования, которые прогнозируют, каким будет постпандемический мир, и в частности, расчеты показывают, что те, кто изначально – на более высокооплачиваемых рабочих местах, в этой сфере будет меньший спад занятости и меньшее увеличение безработицы, чем в сфере низкоквалифицированной рабочей силы. То есть, здесь это неравенство в условиях кризиса будет усугубляться.

Наконец, неравенство в доступе к медицинской помощи. Сама пандемия очень ярко показала эту важность того, что мир взаимосвязан, и на самом деле те проблемы, что не все имели доступ к медицинской помощи, о которых знали раньше, о которых говорили специалисты в определенных сферах – эти пробле-

мы не затрагивали общество в целом. Это не так было очевидно всему обществу, насколько же этот мир уязвим и насколько мы все взаимосвязаны. В частности, если к медицинской помощи, как показывает пандемия, не имеют доступа люди с низкими доходами, то распространяющийся среди них вирус неизбежно приведет к ущербу всего общества в целом. Это касается и невозможности продолжать функционирование экономики, поскольку, если будут страдать работники рабочих мест определенных, пусть с низкими доходами, но они вносят свой существенный вклад в функционирование предприятия в целом, то возникнут и другие аспекты проблемы.

Наконец, здесь, в этой таблице, также хотелось бы акцентировать внимание на неравенстве в доступе к образованию и возможностям для детей из разных слоев общества. Владимир Васильевич уже в своем докладе упоминал, что переход к дистанционному формату образования обострил, сделал очевидными те проблемы, которые раньше, может быть, были скрыты, и не столько внимания на них обращалось, что даже в современном обществе, где есть, казалось бы, цифровизация, компьютеризация, распространение сетей 5G, но даже в этих условиях есть множество регионов и слоев населения, которые не могут иметь беспрепятственный доступ к этим технологиям. Соответственно, возможность полноценно продолжать образование, она тоже в свете текущих событий оказывается под вопросом.

Эта табличка – результаты опроса еще за несколько лет до текущего кризиса, но кризис показал, что все эти измерения, которые были выявлены, актуальные тогда аспекты проблемы неравенства, сейчас они еще в большей степени актуализированы.

Теперь перейду к методологии. Стандартный подход к анализу неравенства в основном акцентируется на распределении доходов. Это измеряется различными показателями стандартными, коэффициентами фондов, это знакомо и обсуждается среди экономистов достаточно широко. Но, с точки зрения производственных отношений, если рассмотреть неравенство, а этот подход разрабатывается в нашем Центре современных марксистских исследований, он позволяет более многомерно раскрыть проблему неравенства и разрабатывать меры по его снижению. В частности, если рассмотреть с точки зрения системы производст-

венных отношений, то здесь следует вести речь о неравенстве, которое формируется в сфере аллокации ресурсов, в сфере распределения. Неравенство, которое обусловлено отношениями присвоения, отчуждения, неравенство, которое формируется в сфере отношений производства, это, как одна из составляющих, но не единственная уже в неравенстве распределения доходов.

Это просто также иллюстрация того, что все эти виды неравенств выделены на основе структуры системы производственных отношений. На этой схеме можно увидеть роль неравенства в распределении доходов в контексте структуры производственных отношений и системы категорий, которую отражает неравенство. Это – подтверждает то, что мы предлагаем более широкий взгляд на это. Можно выделить здесь стартовые неравенства, доступ к ресурсам, неравенство в сфере отношений собственности, отношений присвоения, отчуждения. Эти категории неравенства оказывают, в свою очередь, влияние на неравенство распределения доходов, и неравенство распределения доходов также оказывает влияние на неравенство, которое формируется в сфере отношений воспроизводства. То есть, эта схема позволяет наглядно продемонстрировать, что неравенство распределения доходов – это такая средняя часть айсберга, и для того, чтобы воздействовать на неравенство комплексно, необходимо учитывать как подводную часть, так и вершушку айсберга, которым также далеко не всегда уделяется должное внимание в исследовании.

Хотелось бы немного затронуть проблему социального неравенства и бедности, что это такое. В общем – бедность, здесь акцент на том, что есть люди, которые не могут обеспечить воспроизводство своих человеческих качеств. Эта невозможность обеспечить воспроизводство своих человеческих качеств может исключить их из полноценного, эффективного участия в воспроизводстве экономическом, и экономический кризис этим усугубляется, чрезмерным неравенством.

Наконец, неравенство экономического роста. Уровень социального неравенства, если он не чрезмерный, создает условия для экономического роста, раньше для нас это было очень актуально, до кризиса. Но в свете кризиса актуальна также и вторая составляющая, что отсутствие чрезмерного неравенства обеспечивает условия для устойчивого развития общества, человека

и природы. Сейчас эта устойчивость развития особенно актуализирована. Спасибо за внимание.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Ольга Владимировна, это очень важная тема, и в контексте пандемии и кризиса глобального, я думаю, проблема неравенства, еще и столь многоплановая, это – именно то, что принципиально важно для комплексного и целостного анализа нашей ситуации. Я хочу сейчас поблагодарить всех наших докладчиков во второй части, и у нас есть короткое время для дискуссии. Мы посмотрели с Ольгой Лемешонок на вопросы, которые нам поступили. Ольга, пожалуйста, выделите основные из них, и затем мы попросим задать вопросы друг другу и от тех участников, которые у нас сегодня находятся в эфире.

Лемешонок О.: Здравствуйте еще раз, коллеги. Итак, вопрос Андрею Ивановичу Колганову от Григория Сергеева. Уважаемый Андрей Иванович, современная глобальная капиталистическая система во многом основана на глобальных производственных сетях, ГПС или глобальные цепочки создания добавленной стоимости, которые контролируются транснациональными монополиями. Какие изменения, по вашему мнению, внесет пандемия в функционирование ГПС, и как это отразится, если отразится вообще, на глобальном механизме перераспределения стоимости из стран периферии в страны центра?

Далее – вопрос Маслову Глебу Андреевичу от Тамары Степановой. Уважаемый Глеб Андреевич, вы считаете опасными указанные тенденции досконального изучения поведения? Ведь это может способствовать манипулированию потребителем и вторжению в его частную жизнь. Или это, наоборот, скорее благо, которое будет давать потребителю более нужную и актуальную информацию?

Далее вопрос к Чекмареву Василию Владимировичу от Абрамовских. С позиции потерь общества упущенное время в равной степени относится к здравоохранению и образованию, или потери в образовании еще впереди?

Далее, вопрос Наталье Геннадьевне Яковлевой от Эпштейна Давида Берковича. Не станут ли реальными попытки властей оптимизировать образование переходом на онлайн-образование в ущерб традиционному?

На этом все, коллеги.

Бузгалин А.В.: Да, спасибо. Есть возможность участников нашей сессии-онлайн задать друг другу вопросы, может быть, у кого-то есть желание, пожалуйста, включайтесь в эфир, коллеги. Можно включить микрофон, даже если кто-то наложится друг на друга, это будет не страшно.

Бодрунов С.Д.: Александр Владимирович, я хотел бы участвовать тоже в дискуссии в завершение, когда все переговорим, и дать немножко еще информации о том, что будет дальше идти.

Бузгалин А.В.: Конечно, Сергей Дмитриевич, непременно. Хорошо, давайте тогда начнем с ответов на вопросы. К сожалению, мы не все можем включиться в эту полномасштабную дискуссию, мы очень активно работаем, но время семинара должно быть все-таки ограничено, иначе нас не поймут все те, кто нас слушает. Итак, пожалуйста, кто у нас был первым выступающим, Андрей Иванович Колганов получил вопрос. Пожалуйста, Андрей Иванович.

Колганов А.И.: У меня вопрос от Григория Сергеева относительно того, как изменятся глобальные цепочки добавленной стоимости после глобальной пандемии коронавируса. Я думаю, что здесь будут развиваться те же самые тенденции, которые были до кризиса, до пандемии коронавируса, и пандемия только подтолкнет эти тенденции дальше. Что это за тенденции? С одной стороны, это частичный возврат производственных мощностей из стран периферии в страны центра, так называемый рещоринг, вывод производственных мощностей обратно в страну или создания их снова. Имеются в виду как раз мощности, связанные с материальным производством в первую очередь. Вторая тенденция – это стремление стран периферии, полу-периферии сформировать в своей национальной экономике собственное научно-технологическое ядро, замещающее те научно-технологические разработки, которые они были вынуждены заимствовать из стран центра.

Эти две тенденции будут работать, я думаю, что пандемия только усилит эти тенденции, потому что она показывает то, о чем говорил Руслан Семенович Гринберг, надежность важнее экономической эффективности. Страны эти будут стремиться застраховать себя от разрыва этих цепочек создания добавленной стоимости равно, как и от стремления контролирующих эти це-

почки транснациональных монополий присваивать большую часть этих добавленных стоимостей в рамках этих цепочек, и контролировать в первую очередь те звенья этих цепочек, которые приносят наибольшую добавленную стоимость.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Андрей Иванович. К Владимиру Леонтьевичу Вайнгорту был вопрос от Руслана Семеновича Гринберга. Руслан Семенович, если вы еще можете быть с нами, я знаю, что у вас были обязательства в институте, будьте добры, у вас был вопрос нашему эстонскому коллеге.

Гринберг Р.С.: Да. Средний класс в Эстонии – это какой процент населения и по каким критериям он определяется?

Бузгалин А.В.: Спасибо большое. Пожалуйста, Владимир Леонтьевич.

Вайнгорт В.Л.: Спасибо за вопрос. В Эстонии произошла трансформация советского среднего класса, который к 90-м годам такой специфический был, такой сословный средний класс – равный в возможностях доходности, но с разными возможностями потребления. Средний класс, который образовался где-то от медианных доходов до 2-3 медианных доходов, и этот средний класс на основе очень быстрого подъема экономики благодаря приходу в финансовую систему шведских банков и дешевых кредитов, с одной стороны, сравнительно квалифицированной и дешевой рабочей силы, с другой, он к 2000-м годам, к вступлению Эстонии в Евросоюз и к переходу на евро, в общем, достаточно определенный характер носил, и он, кстати, давил на государство в том смысле, что оно демократизировалось и в нем развивались и образование, и медицина. Так бы я его определил.

Сегодня этот средний класс распался на эти 2 слоя, высокооплачиваемый слой высокообразованных людей, которые фактически конкурентны по доходам со своими европейскими коллегами, которые не опасаются никаких кризисных явлений, потому что они понимают, что они востребованы в Эстонии, ведь развивается сегодня цифровизация.

Гринберг Р.С.: Я хотел узнать, вы можете сказать в процентах, сколько богатых, сколько средних, сколько бедных?

Вайнгорт В.Л.: Эстонские богатые – это сравнительно богатые, но это где-то 10%. Средний класс к началу 10-х годов –

это где-то 40%, и 50% – это люди, которые по доходам ниже среднего класса.

Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Владимир Леонтьевич, это важно, и еще раз благодарим за участие в нашем международном диалоге. Я вас очень прошу, коллеги, коротко отвечать на вопросы. У нас следующая Наталья Геннадьевна Яковлева. Наталья Геннадьевна, пожалуйста, вам слово.

Яковлева Н.Г.: Александр Владимирович, там был вопрос Василию Владимировичу Чекмареву.

Чекмарев В.В.: Вы будете отвечать или мне говорить?

Яковлева Н.Г.: Вы, Василий Владимирович.

Чекмарев В.В.: Хорошо. Вопрос понятен, ситуация такая. В медицине, в здравоохранении время упущено и очень сильно, в образовании время еще не упущено, но процесс начался. Если будет весь переход к онлайн образованию – это будет страшно. Все.

Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Василий Владимирович. Извините, я немножко перепутал порядок, у меня ваш доклад стоит стрелочкой после Яковлевой. Но Наталья Геннадьевна решила восстановить справедливость, и она права. Пожалуйста, Наталья Геннадьевна, вам слово.

Яковлева Н.Г.: У меня по сути дела продолжение ответа на вопрос Василия Владимировича. Наблюдая за процессом адаптации образовательных организаций к тем условиям, в которых им пришлось работать во время кризиса, я сделала вывод, что никакой государственной программы, определенных действий не было. То есть – не то, чтобы каждый город, каждая область в сфере образования пристраивалась к этой ситуации по-своему. Каждая образовательная организация, как могла, выходила из этой ситуации. Конечно, это привело к тому, что сейчас за два месяца многие школы, университеты освоили различные платформы, перешли на полноценное дистанционное обучение.

Но я считаю, что, даже если правительство не выведет дистанционное обучение в ранг законодательно разрешенного, так называемые эффективные менеджеры образовательных организаций не упустят эту возможность. Потому что, во-первых, уже затрачены определенные ресурсы, во-вторых, это очень большая экономия. Если опять образовательные организации будут ста-

вить в условия экономической эффективности, дистанционка будет преобладать. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо Наталья Геннадьевна. Глеб Андреевич, пожалуйста, был вопрос к вам.

Маслов Г.А.: Я коротко отвечу. Во-первых, мне кажется, уже придется смириться с тем, что частная жизнь не будет такой приватной, как раньше, смириться как-то и привыкнуть к этому. Касательно двух тенденций, условно опасной и деструктивной и, наоборот, прогрессивной, то – куда больше будет крен, зависит от расстановки сил различных социальных групп. Мой прогноз – немного пессимистичный. Конечно, скорее всего будет, конечно, и то, и другое, но мой прогноз немного пессимистичный: не очень хорошие тенденции могут быть, и очень сильными. Но в данном случае, мне кажется, пессимистом быть хорошо, потому что я либо окажусь прав, либо я буду не прав, но ситуация будет развиваться в хорошем русле.

Бузгалин А.В.: Все будут счастливы, если бы вы ошиблись. Хорошо, Глеб, я благодарю вас за комментарий и за лаконичность. Благодарю наших участников дискуссии, потому что наш семинар заканчивается. Ольга Владимировна, я благодарю вас еще раз за доклад. Приношу извинения всем тем, кто прислал вопросы.

Бодрунов С.Д.: Александр Владимирович, про меня вы забыли совсем?

Бузгалин А.В.: Сейчас, Сергей Дмитриевич, я еще только пока делаю предварительные замечания, а сейчас вы будете делать заключение. Это я просто по поводу вопросов, чтобы Барашкову не обидеть, что мы ее не включили. Безусловно не забыл, Сергей Дмитриевич. Бодрунов Сергей Дмитриевич, мы вместе инициировали этот семинар. Сергей Дмитриевич, пожалуйста, вы выступаете с заключительными ремарками.

Бодрунов С.Д.: Спасибо, Александр Владимирович, я думал, что вы про меня совсем забыли.

Бузгалин А.В.: Я не могу забыть про вас совсем никак.

Бодрунов С.Д.: Я еще не готов расстаться со всеми, потому что настолько серьезно и интересно сегодня поговорили, что, честно говоря, мне кажется, что онлайн-семинары надо проводить чаще, чем обычные семинары. Потому что ощущение та-

кое, что люди в таком формате хорошо думают о том, о чем они собираются говорить.

Уважаемые коллеги, я постараюсь коротко, но не знаю, насколько это получится. Во-первых, кратко: мое понимание ситуации, у которой говорил Андрей Иванович Колганов, и о чем в какой-то мере Ольга Владимировна Барашкова, что нам необходимо действительно думать о том, каким образом менять нашу экономическую модель, трансформировать ее и так далее. Собственно говоря, мы этим, осознанием того, что сегодня необходимо это делать, с вами сейчас в данный момент и занимаемся, по большому счету. Мне кажется, что вклад в это дело мы вносим, поелику возможно, каждый из нас, и очень хорошо, что думаем над этой проблемой, и выносим ее в общественное пространство.

Я признателен профессору Вайнгорту, нашему эстонскому коллеге. Он дал яркую такую и очень конкретную картину, подтверждающую основной тезис моего доклада, некоторых других выступлений о том, что идет поляризация доходов, что необходимо думать о проблемах исчезновения среднего класса, и так далее. Но что меня особенно зацепило, и мне кажется, что это некая такая особенность на самом деле этого доклада. На самом деле профессор Вайнгорт не сослался на опыт СССР, где был широкий опыт общественных фондов потребления, развития фондов потребления. Но то, что идет развитие общественных фондов в Эстонии, это стоит учитывать и понимать, что умные люди от того, что было хорошее и правильное в предыдущей истории, на самом деле не отказываются, а трансформируют под свои сегодняшние нужды. В этом плане можно только апплодировать тем людям, которые этим занимаются у наших соседей. Но, когда мы говорим о развитии общественных фондов, я могу сказать, что мы эту проблему с Александром Владимировичем Бузгалиным и Андреем Ивановичем Колгановым обсуждали у нас на коллоквиумах ИНИР – об общественных фондах, об общественном благе, и так далее, мы и на СПЭЖе об этом говорили. Я считаю, что это – шаг к социализации и тому другому устройству социального общества, более высокого уровня организации. К тому, который будет характерен в развитом виде в НИО.2. На это нам нужно обратить серьезное внимание, коллеги, в наших дальнейших исследованиях.

Что касается выступления Василия Владимировича Чекарева. Во-первых, я благодарен за неоднократное упоминание, что «Ноономику» надо читать, и думаю, что мы все будем ее читать и развивать эту концептуальную платформу. Спасибо, и я признателен всем, кто этим озаботился.

Второе. Безусловно, я хотел бы подчеркнуть, что им была сказана очень важная вещь, что на самом деле этот кризис, который сегодня есть, это у нас – не кризис экономический, это абсолютно правильно, это – кризис нашего бытия. Экономика – только часть нашей жизни, и кризис отражается и на экономических реалиях, и на жизни общества, и так далее. Концепция ноономики тоже предполагает создание какого-то базиса нообщества, или ноосферного общества, о котором говорил Василий Владимирович. Важно понимать, что действительно ноономика – это еще и о том, что у нас общая лодка всего нашего человечества, не может быть построено это общество, нообщество, в отдельно взятом каком-то конгломерате государств или в одном государстве.

То, что сегодня начато у нас исследование экономической модели и ее критика на многих уровнях – это очень важный акцент, это значит – переход на самом деле к изменению структуры нашего общественного устройства, и нам в России надо очень активно к этому готовиться. Потому что мы должны прийти туда, куда нас, в общем-то, зовет общественная мысль, к повышению уровня образования, к повышению доступа к образованию, к культуре, к здравоохранению, то есть – к тому, что называется в целом "человек и его реальные потребности".

Наталья Геннадьевна Яковлева, я очень вам благодарен за организационную работу по проведению нашего сегодняшнего семинара. Но еще больше благодарен за название вашего доклада, потому что вы весьма важный акцент сделали – может быть, невольно, но, как говорится, оговорка по Фрейду. Вы назвали капитализм "поздним", и мне кажется, что это замечательно. Замечательна еще одна мысль: насчет того, что образование – это все-таки общественное благо или коммерческая услуга? Мне кажется, что господь нам многое дал, это – общее, на самом деле. Если – в положительной коннотации, то это – общественное на самом деле благо. Но в современной модели это всегда, я имею в виду образование, всегда коммерческие услуги, и нынешняя

модель ведет к тому, что и идет и коммерциализация, как вы говорите, маркетингизация в целом образования.

А почему? Попытаюсь ответить с позиций концепции ноономики. Потому что основным ресурсом НИО.2 и далее становятся знания, а ресурс – это то, что используется для извлечения прибыли. Поэтому, в том числе, происходит ускорение и поляризация доходов, и все другие такие негативные вещи. Мне кажется очень важным и верным термин «экономизация» в этом применении, потому что на самом деле, когда мы говорим о переходе к ноономике, мы полагаем, что переход происходит из экономики к ноономике, то есть из экономизации можно перейти в дальнейшем, если применим такой термин, в ноономизацию образования и доступа к знаниям.

Выступление Глеба Андреевича Маслова неожиданно для меня, я всегда с уважением относился к его исследованиям, но полагал, что они более конкретного, предметного и не столь широкого характера. Но однако он поднял очень важную такую, как говорит Руслан Семенович, экзистенциальную проблему, проблему соотношения планирования и рынка, и показал сегодня, мне кажется, хотя это, может быть, это не так акцентировано прозвучало, но, тем не менее – неантогонистичность плана и рынка, а, я бы подчеркнул, их взаимопроникновение, этих самых институций. Правильно сказал Глеб Андреевич о том, что есть некое переплетение экономического и неэкономического как раз в этой самой нашей коннотации перехода от экономики к ноономике, это звучит очень точно и, на мой взгляд, очень акцентировано.

Скажу более, что вообще, почему этот процесс будет развиваться? Потому что планирование – это снижение уровня той самой хаотизации, повышение уровня надежности при сохранении и расширении этого взаимопроникновения рынка и плана, расширение разнообразия возможностей и механизмов удовлетворения потребностей людей.

Очень важный акцент в этом докладе – о навязывании спроса. Не зря и вопрос прозвучал от наших слушателей. Мне кажется, что проблема, действительно, очень сильно связана с тем, на каком этапе развития общества мы находимся. Потому что тот инструментарий научно-технологический, которые используется, он очень опасен с точки зрения навязывания спроса.

Не удовлетворения реальных потребностей людей и исследования их, этих потребностей, более предметно, более детально, не для удовлетворения выявленных в результате этого потребностей, а как раз того, как проще и, кажется, легче навязать то, что уже производится, пусть оно и ненужное, лишь бы оно было дешевле в затратах, а то и, по большому счету, даже симулятивно. Это и есть очень большой риск, есть тоже одна из проблем современной экономической модели. Мне кажется, если мы сегодня говорим в наших докладах об этих вещах, то на это тоже следует обратить очень серьезное внимание.

В конце, теперь уже как Сопредседатель МАЭФ, я хочу сказать, что у нас, уважаемые коллеги, поскольку сегодняшнее мероприятие проходит в рамках МАЭФ, то все доклады, которые сегодня сделаны, я попрошу трансформировать и подготовить на их базе какие-то некие такие, может быть сжатые, может быть где-то расширить, такие тезисные документы, материалы, которые мы будем публиковать в нашем общем сборнике МАЭФ, потому что наш семинар туда включен.

Еще одно объявление. Теперь уже, как директор Института нового индустриального развития, хочу сказать, что я говорил раньше о том, что мы готовились к СПЭК, и готовили к нему одну из книг, которые должны были раздать. Эта книга так выглядит, издана по итогам нашего "Конгресса ПНО" в ноябре прошлого года, «Производство, наука и образование России», называется она «Технологические революции и социально-экономические трансформации», то есть как раз о том, о чем мы сегодня с вами говорили. В этой книге многие авторы из нашей большой страны, и не только нашей страны, дают свое представление о том, какие основные экономические трансформации приведут нас к улучшению ситуации, в частности – в производственном секторе, науке и образовании.

Наконец, несмотря на то, что у нас сейчас пандемия, институт работает, и работает не только виртуально, но и в реальном пространстве. Хотел вас познакомить с книгой, которую реально, в твердом виде, издал Институт нового индустриального развития в серии «Современная экономическая мысль». Это – книга нашей коллеги Радика Десаи «Геополитическая экономия. После американской гегемонии, глобализации и империи». Я ре-

дактировал перевод на русский язык этого ее недавно изданного в Соединенных Штатах большого академического труда. Я хотел бы предложить вам эту книгу, и, когда вы сможете добыть ее, посмотреть. Она доступна для вас, если хотите заказать, можете заказать в Институте нового индустриального развития, участникам семинара сегодняшнего я предоставлю бесплатно эту книгу, у нас есть некоторое количество экземпляров для раздачи.

Наконец, могу сказать, что мы пригласили госпожу Десаи, на следующей неделе у нас будет очень важная научная конференция международная, опять же в рамках МАЭФ, она будет там выступать, поэтому вы можете послушать ее доклад вживую.

Собственно, вот и все мои объявления, которые я хотел бы сегодня сделать.

Еще раз благодарю вас за то, что вы нашли и время, и возможность принять участие в сегодняшнем семинаре, а также и за ваше время, потраченное на подготовку докладов, это – действительно большой шаг в исследовании тех вопросов, которые мы изучаем в Институте нового индустриального развития. Я, еще раз, вам всем благодарен, спасибо большое.

Бузгалин А.В.: Сергей Дмитриевич, большое спасибо, вы сняли с меня обязанность сделать целую серию объявлений, и я искренне вам за это благодарен. Единственное, что я хотел бы еще раз повторить для всех наших участников, это то, что у нас 28 мая в 3 часа также на сайте Института нового индустриального развития будет трансляция онлайн-конференции международной, о которой только что сказал Сергей Дмитриевич. Конференция будет посвящена проблемам социально-экономических и технологических трансформаций, с главным акцентом на переходе к новому индустриальному обществу второго поколения и ноономике, с участием коллег из Соединенных Штатов Америки, Канады, Европы. Это действительно будет интересный, важный международный разговор.

Сергей Дмитриевич очень много и содержательно сказал о тех мероприятиях, которые у нас проходят, но, и главное, о тех итогах нашего семинара, который сегодня состоялся. Это, действительно, очень важный и интересный разговор. Мои оценки во многом совпадают с тем, что сказал профессор Бодрунов, поэтому не буду повторяться. Огромное спасибо всем, кто участвовал в его

создании. Огромное спасибо прежде всего Институту нового индустриального развития и Сергею Дмитриевичу за то, что он поддержал эту инициативу и стал одним из организаторов этого процесса, руководителем этого процесса. Я хочу специально высказать благодарность команде, которая технически обеспечила нашу работу, это Салават Исламгулов, который создал всю эту техническую базу и модерировал технически всю нашу деятельность. Это поверьте, не так просто. Ольга Лемешонок, Ольга Барашкова, Глеб Маслов и Наталья Геннадьевна Яковлева, как менеджер наших проектов. Это – те, кто сделали возможным наше общение.

До встречи в нашем эфире 28 числа в 3 часа дня по московскому времени.

Большое спасибо, до свидания, уважаемые коллеги, мы заканчиваем нашу работу.

МАТЕРИАЛЫ
международной онлайн-конференции «Технологические и
социально-экономические трансформации XXI века: опыт
концептуального осмысления»

28 мая 2020 года

28 мая 2020 г. в рамках работы Московского академического экономического форума (МАЭФ-2020) состоялась международная научная онлайн-конференция «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления», организованная Институтом нового индустриально развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте.

Конференция была посвящена анализу технологических и социально-экономических трансформаций и в центре внимания участников была теория перехода к Новому индустриальному обществу второго поколения и ноономике, разрабатываемая д.э.н., профессором Бодруновым С.Д.

В конференции приняли участие докладчики, представлявшие Россию (Москва, Санкт-Петербург, Челябинск) и зарубежные страны (Австрия, Великобритания, Канада, США):

Бодрунов Сергей Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества (ВЭО) России, президент Международного Союза экономистов, *Россия*

О методологических основах теории ноономики

Гэлбрейт Джеймс Кеннет, член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса, *США*

Эффективность и нестабильность рынка: почему Запад проваливает тест на коронавирус

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора политической экономики Института экономики РАН, *Россия*

Концепция ноономики как методологический ключ к исследованию технологических трансформаций

Фриман Алан, член Международного комитета ВЭО России, визит-профессор Университета Лондон-Метрополитен, *Великобритания*

Креативный труд, когнитивные способности и современная теория производства

Котц Дэвид, член Международного комитета ВЭО России, почетный профессор Колледжа социальных и поведенческих наук Университета Массачусетса (Амхерст), вице-президент Всемирной ассоциации политической экономики (WAPE), *США*

Уроки пандемии COVID-19 для индустриального развития в XXI веке

Толкачев Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, *Россия*

Объективные причины возрождения протекционизма в условиях становления нового мирохозяйственного уклада

Десаи Радика, профессор, директор Исследовательской группы геополитической экономики Университета Манитобы, *Канада*
Геополитэкономия коронавируса

Момджян Карен Хачикович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *Россия*

К вопросу о «разумных» и «неразумных» потребностях человека

Филхо Альфредо Саад, профессор Университета востоковедения и африканистики, сопредседатель Ассоциации по продвижению политической экономики (IPPE), *Великобритания*

Три кризиса неолиберализма: экономика, политика, здравоохранение

Хубиев Кайсын Азретович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *Россия*

О социально – экономическом факторе теории нооэкономики

Габриэль Лео, сопредседатель Австрийского социального форума, *Австрия*

Социальные и политические последствия пандемии для концептуализации экономики на Западе

Плетнев Дмитрий Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, *Россия*

Отчуждение и оппортунизм работника при переходе к нооэкономике

Маслов Глеб Андреевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник сектора истории экономической мысли Института экономики РАН, ведущий научный сотрудник ИНИР имени С.Ю. Витте, научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *Россия*

Теория НИО.2 и нооэкономики в русле развития современной экономической теории

В качестве дискуссионтов выступили:

Лэйн Дэвид, профессор Академии социальных наук Университета Кембриджа, *Великобритания*

Лайбман Дэвид, почетный профессор Бруклинского колледжа Университета Нью-Йорка, главный редактор журнала «Наука и общество», *США*

Файзенфест Дэвид, профессор Университета востоковедения и африканистики, *Великобритания*

Стенограмма
международной онлайн-конференции ИНИР им. С.Ю. Витте
«Технологические и социально-экономические
трансформации XXI века: опыт концептуального
осмысления»

28 мая 2020 г.

Начало: 15.00.

Организатор мероприятия: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Модераторы:

– директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов;

– руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор А.В. Бузгалин.

Бузгалин Александр Владимирович: Коллеги, я рад вас приветствовать на нашем сегодняшнем замечательном онлайн-мероприятии. Конечно, было бы гораздо счастливее сидеть всем вместе, с чашечкой кофе, с возможностью немножко поболтать в кулуарах. А, может быть, и много пообщаться...

Но жизнь устроена так, как она устроена, и мы сегодня работаем в онлайн-режиме. К чему все уже почти привыкли.

Я представляюсь, меня зовут Бузгалин Александр Владимирович, в данном случае я выступаю в качестве руководителя московской группы Института нового индустриального развития. А в свободное от этого время еще и профессор Московского государственного университета.

Мы сегодня с вами встречаемся для разговора об очень важной, принципиально важной теме. Теме, связанной с социально-экономическими и технологическими трансформациями, причем, в данном случае речь идет не о перечне каких-то фактов. Речь идет о концептуальном осмыслении этого процесса.

Тема была предложена задолго до нашей сегодняшней конкретной встречи. Но так получилось, что пандемия существенно скорректировала, однако принципиально не изменила повестку дня. Трансформации идут, и посткризисное развитие – это то, что потребует, я думаю, принципиального переосмысления сегодняшнего мира, как угодно его можно называть – рыночной экономикой, я предпочитаю называть капитализмом, поздним капитализмом. И вот об этом мы будем говорить сегодня. И в центре внимания нашего разговора будет интересующая нас (что объединяет участников) концепция, теория – концепция, теория генезиса нового индустриального общества второго поколения и ноономики.

Собственно, об этом и будет доклад второго модератора нашей конференции, профессора Сергея Дмитриевича Бодрунова, с которым большинство из вас хорошо знакомы.

Сергей Дмитриевич – не только директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, но и президент Вольного экономического общества России, которое, как вы знаете, является старейшей и крупнейшей общественной организацией России, ей больше 250 лет, в ней больше 300 000 членов. Вот такое серьезное, замечательное образование есть в нашей стране. Но это еще – и международная институция, и наша сегодняшняя конференция носит международный характер. У нас сегодня в ней принимают участие коллеги из США, мы всех вас будем представлять, дорогие друзья, коллеги из Канады, из стран Западной Европы. И, естественно, участники из России. У нас ограниченный круг дискуссионтов в Zoom, но сайт Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, канал в Youtube позволяет смотреть нашу конференцию. Накануне зарегистрировалось более 430 человек. Я не помню уже сейчас конкретную цифру, буквально каждые несколько минут добавляются новые участники. Те, кто предполагает включение в наш прямой эфир. Как показывает опыт, потом просмотров оказывается во много раз больше. Поэтому мы сегодня имеем неожиданно, а, может быть, и ожидаемо, поскольку это очень важная встреча, большую аудиторию.

Я хочу подчеркнуть, что сегодняшняя наша работа будет идти одновременно с синхронным переводом. Я надеюсь, здесь нет никаких проблем у коллег. Я даже, пожалуй, сейчас на всякий

случай проверю, как у нас идет английский перевод. Да, все идет совершенно замечательно. Мы авансом благодарим наших переводчиков. В конце, я думаю, мы им поаплодируем виртуально или реально. Посмотрим, как у нас это получится.

И хочу подчеркнуть, что наша конференция будет состоять из двух сессий. Одна из них включает чуть меньше спикеров, первая, чем вторая. Но, в результате каждой из сессий у нас будет возможность в течение минут 20-30 обсудить необходимые вопросы, обсудить их в онлайн-режиме. Единственное исключение – для тех, кто сейчас смотрит нашу конференцию на канале в Youtube, ваш доступ в эфир, к сожалению, невозможен. Просто 450 человек, если начнут одновременно включаться в эфир, мы не сможем работать. И мы просим вас писать ваши вопросы на русском языке, на электронную почту conf.inir@mail.ru. Вы эту почту хорошо знаете, она была вам выслана вместе с приглашением принять участие в нашей встрече. Программу вы тоже все, уважаемые коллеги, имеете. Поэтому повторять я ее не буду.

Хочу подчеркнуть, что в центре, как я уже сказал, нашей конференции концепция Сергея Дмитриевича Бодрунова и, поэтому, посоветовавшись среди инициаторов, мы решили, что будет правильно, если Сергей Дмитриевич будет говорить 20-25 минут, это его регламент для пленарного доклада. И я еще раз подчеркиваю – профессор Бодрунов является одним из модераторов. И я надеюсь, что Сергей Дмитриевич будет включаться с комментариями или с короткими репликами после докладов. И в конце мы будем ждать, естественно, каких-то финальных ремарок и в рамках первой, и в рамках второй сессии. Еще раз хочу подчеркнуть, что регламент для докладчиков – порядка 12 минут. Ну, если вы их немножко превысите, мы, естественно, будем максимально благожелательны, но просьба все-таки быть в рамках этого временного промежутка. Ведь так устроена наша жизнь, что в онлайн-эфире работать несколько дней, по много часов – все-таки очень сложно.

Специально хочу отметить, что наша конференция проходит в рамках Московского академического экономического форума 2020 г. Этот форум проходит в онлайн-режиме на протяжении двух недель. Его открытие состоялось 14 мая, открывали форум президент Российской академии наук, академик А.М. Сергеев и

президент Вольного экономического общества России профессор Бодрунов. В пленарном заседании приняли участие ведущие ученые нашей страны, доклады были очень, я бы сказал, активными, дискуссионными. Обсуждалась проблема уроков глобального кризиса, об этом, я думаю мы тоже, конечно, будем говорить во время конференции, поэтому больше я не хочу никак задерживать и без того немножко затянувшееся мое выступление.

Пожалуй, единственное, в качестве постскриптума. Материалы нашей сегодняшней конференции будут не только доступны в качестве видео, но и мы приглашаем всех докладчиков представить тексты ваших выступлений (где-то 5-10 страниц) для сборника «Труды Вольного экономического общества», который издается более 200 лет. Это будет специальный выпуск, в котором будут публиковаться основные доклады Московского академического экономического форума.

А сейчас позвольте мне предоставить слово для пленарного доклада инициатору этой конференции, доктору экономических наук, профессору, директору Института нового индустриального развития им. Витте Сергею Дмитриевичу Бодрунову.

Сергей Дмитриевич, прошу вас, мы ждем вас в эфире.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Всем слышно?

Бузгалин Александр Владимирович: Нам слышно. И сейчас Салават выведет ваше изображение. Я думаю, все будет просто прекрасно.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Я свое изображение вижу.

Бузгалин Александр Владимирович: Значит, все правильно, Сергей Дмитриевич. Мы вас внимательно слушаем. Добрый день.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Итак, уважаемые коллеги. Я искренне рад приветствовать вас, видеть ваши лица – если не в непосредственном контакте, то хотя бы в онлайн. Давно мы не видели друг друга, но думаю, что впереди у нас хоть и, может быть, сложная жизнь, но мы не потеряем контакта и будем продолжать активно сотрудничать друг с другом.

Открывая первым нашу международную онлайн-конференцию, посвященную рассмотрению подходов к исследованию проблем технологических и социально-экономических транс-

формаций и, в частности, теории нономики, ее генезиса, я посчитал бы возможным остановиться на некоторых аспектах этой темы, не раскрывавшихся мною ранее подробно, но имеющей для экономистов определенное значение.

Это, в первую очередь, вопросы методологии исследования, применяемые в концепции нономики. Во-вторых, место этой теории в системе координат, я бы так сказал, различных школ общественной мысли. В третьих, я бы хотел показать гносеологические корни теории, и, соответственно, историю ее раскрытия в научном пространстве. А также еще, наверное, в-четвертых, ее значение для теоретического осмысления грядущих трансформаций общественной жизни и вытекающих из нее положений, выводов для практических действий на различных этапах этих трансформаций. Сделать это в одном сообщении, пусть даже мне Александр Владимирович дал 20-25 минут, «в одном флаконе», конечно, не просто. Но, тем не менее, я выбрал сегодня именно эти аспекты в качестве ключевых в силу нескольких причин.

Во-первых, собственно, представленная теория и ее базовые положения, я бы сказал так, нономический подход к исследованию природы и основных трендов глобальных трансформаций большинству участников нашего сегодняшнего диалога уже знакомы.

Во-вторых, пренебрежение методологией последнего десятилетия является этакой, я бы сказал, распространенной болезнью. Распространенной, но не безопасной болезнью общественных наук. И я уверен, мы не должны этому следовать.

В третьих, прояснение методологии служит важной предпосылкой для осмысления любой теории, ее дальнейшего развития вкупе с возможностью ее диалога с другими направлениями общественной мысли. Это – далеко не все причины, конечно, для акцента на методологии. Но их, даже этого количества причин, я думаю, достаточно, чтобы выбрать этот ракурс проблем.

Рассмотрение этой темы я попытаюсь сочетать при этом с режимом историко-логического контрапункта. Т.е. каждый шаг продвижения к теории нономики и ее развития был одновременно и определенным новым шагом в обогащении методологии исследования генезиса рассматриваемого предмета.

Итак, теория нономики родилась более 25 лет назад.

Исходным пунктом всякого научного исследования является анализ и обобщение практик. Не стала исключением и данная теоретическая наработка. Первые работы мои как автора работы, имеющих два базовых образования – математика и кибернетика-специалиста в сфере макро- и микроэкономики, относились к исследованию как технологических, так и экономических и общественных процессов, происходящих вследствие развития информационных технологий, чему были посвящены несколько авторских монографий и многие статьи. Александр Владимирович рекомендовал мне показывать некоторые книги, которые издавались для того, чтобы объяснить, как рождалась теория ноономики. Я буду поэтому вам периодически кое-что показывать. Вот эти книги в данном случае посвящены как раз информационным технологиями и исследованиям их влияния на развитие общества. Именно тогда на базе анализа этих практик и их исторического анализа развития и отражения в экономике и общественной жизни сформировались первые представления о ноономике и трансформации общества на этой основе.

Требовалось искать практические подтверждения теоретических предположений. В частности, много времени было уделено исследованию отраслевых практик в индустриальном комплексе: авиапроме, автомобильной индустрии, интернет-технологиях.

В дальнейшем, в конце 90-х годов прошлого века, 2000-х годах, будучи одновременно в то время и исследователем, и практиком, я использовал полученные практические результаты и теоретическую базу. Причем был включен и в первом, и во втором качестве в сферу производства высокотехнологичной продукции и управления этим производством. Я прошел путь в это время от слесаря и инженера до директора завода, затем – руководителя одного из крупнейших в России производственного комплекса. И далее, регионального министра экономического развития и управления промышленностью Санкт-Петербурга. Напомню, экономика Петербурга превышает экономику любого прибалтийского государства, если не всех их, вместе взятых. Т.е. – это некоторый опыт, и поэтому я не мог не обратиться к противоречиям развития российской и мировой индустрии, наиболее остро проявившим себя в высокотехнологичной сфере.

Микро- и макроэкономический анализ, который был наложен на представление о грядущей новой трансформации, привел меня к подтверждению весьма очевидного, в общем-то, сейчас, но мало кем отмечавшегося тогда, в эпоху господства мифов постиндустриализма, выводу: ключевым трендом, основой развития общества остается материальное производство. Научно-технический прогресс и индустриальное развитие на базе передовых технологий – вот ключ к решению проблем социального развития. Но ключевая проблема российской экономики и, шире, социума – это деиндустриализация, состоявшаяся вследствие непонимания значения индустрии в развитии общества, целей и объективных закономерностей. Исследование этих проблем заняло значительное время. Итог его изложен в ряде книг, в том числе – вот в этом двухтомнике, который был посвящен как раз стратегии реиндустриализации российской экономики. Подчеркну, этот вывод был сделан не столько умозрительно, сколько на основе применения некоторых идей классической методологии позитивизма, являющейся до сих пор основой естественнонаучных исследований, в части тезисов о единстве наук, как естественных, так и социально-гуманитарных. И, соответственно, использовании единых научных методов наблюдения и обобщения данных, выдвижения гипотез и их эмпирической проверки.

В то же время была отвергнута, мною отвергнута, назову это так, вторая сторона классического позитивизма, отрицающая причинную связь явлений. Это было хорошей основой, коллеги. Выдвижение к истине начинается с практик. Апостериори могу сказать, что я работал именно с общественными практиками, а не с отдельными фактами, и это помогло уйти от чисто эмпирических перечислений тех или иных явлений. Прийти к их теоретическому обобщению. Так, повторю, был сделан вывод о деиндустриализации как причине остальных проблем в экономике и в социуме. Снижение эффективности, управляемости и тому подобное.

И вот здесь начался переход от анализа и синтеза, опирающихся на методологию позитивизма, к поиску, прежде всего, каузальных связей и генерализаций, выявлению не только общих черт, но и оснований, закономерностей процессов. Я специально не использую здесь категорию «развитие», потому что в некоторых случаях это была деградация, регресс и т. д.

Итак, поиск каузальных оснований, подтверждений деиндустриализации как ошибки в рамках уже сформированной концепции поэтапного перехода к новому индустриальному обществу следующего поколения и нообществу на базе неэкономического способа удовлетворения реальных потребностей людей, нономики, обусловил объективную методологическую необходимость обращения к новому предмету. Я бы сказал, к новой подсистеме экономики: системе производственных отношений и оформляющих их институтов. Здесь востребованной оказалась не просто «обыденная» экономическая теория, в которой все считают себя специалистом, как в футболе, от журналиста до бюрократа.

Потребовалась классическая политэкономия и, затем, классический институционализм, потребовались их методология, категориальный аппарат, их язык, потребовалось обращение на всех этапах развития к категориям, которые описаны в «Капитале» К.Маркса. А в последние годы – обращение к работам неомарксистов по анализу тенденции развития глобального капитала. Не могу сегодня не упомянуть работы Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. Ломоносова, моих коллег Александра Бузгалина, Андрея Колганова, Виктора Рязанова. Обращение к этим работам также позволило подтвердить ряд важных выводов, которые сейчас, опять же, многим из участников наших встреч кажутся, может быть, и очевидными, но полтора-два десятка лет назад вызывали резкое отторжение и по этой причине не публиковались автором.

Какие это выводы?

Во-первых, мы показали, что в основе начавшихся глобальных трансформаций лежат радикальные изменения в собственном материальном производстве, которые из капиталоемкого становятся знаниеемким. Все более умным, автоматизированным, роботизированным. Все более удаляющимся от человека, от его непосредственно трудового соучастия в производстве общественного продукта.

Во-вторых, эти изменения обуславливают необходимость изменений в производственных отношениях и экономической политике. В частности, отказ от догм рыночного фундаментализма, тогда как неизменность сложившейся системы, в частности, господство финансово-спекулятивного капитала и роста неравен-

ства ведут не только к деиндустриализации, но и к глобальному кризису всей сложившейся системы производственных отношений. Эти выводы, в основе своей подтвержденные практикой последующих лет, вплоть до сегодняшнего кризиса, начавшегося еще, я подчеркну, это мое глубокое убеждение, до пандемии, требовали своей конкретизации.

Если использовать язык философии, в частности, критической советской философии, то можно сказать, что в повестку дня вошло восхождение от абстрактного к конкретному. И здесь объективно обусловленным стало обращение к классическому институционализму вообще, и к наследию Джона Кеннета Гэлбрейта – в особенности. Отмечу, что наследие этого ученого (отвлекусь на секунду от доклада), наследие Гэлбрейта стало предметом нашего специального анализа. К пятидесятилетию выхода в свет его знаменитой книги «Новое индустриальное общество» ИНИР имени С.Ю. Витте издал подготовленную международным авторским коллективом с участием сына великого институционалиста, присутствующим сегодня (я приветствую вас, Джеймс Гэлбрейт), книгу «Гэлбрейт. Возвращение». Вот эта книга, на русском и английском языках. Также мы издали на русском языке другую важнейшую книгу Гэлбрейта «Общество изобилия», но в новой, моей редакции.

Методология классического институционализма позволила нам, во-первых, уже на этой основе, вновь подтвердить основные положения теории ноономики. А также, что мне кажется важным, сформулировать ряд важных конкретных выводов относительно путей и форм реализации императивов перехода к новому качеству общественного производства. В частности, были предложены новые аргументы в пользу интеграции производства, науки и образования на микро-, макроуровнях, меры по развитию стратегического планирования, активизации промышленной политики, и, я бы сказал, целый ряд других, практически ориентированных положений.

Во-вторых, мы развили характерный для классического институционализма подход, в соответствии с которым именно технологическое развитие становится драйвером всех остальных изменений в обществе. На этой основе, а также на основе теории экономических циклов Кондратьева и теории технологических

укладов Глазьева-Львова, в соединении с рядом упомянутых выше методологий и теоретических положений классической политэкономии, мы сделали важнейший вывод о генезисе нового индустриального общества второго поколения, отрицающего постиндустриальные мифы и идущего на смену новому индустриальному обществу, описанному Гэлбрейтом в конце 60-х годов XX века.

Я не буду сегодня останавливаться на характеристике основных параметров НИО.2. Об этом я не раз говорил, многие в этой аудитории слышали мои доклады. Подчеркну лишь, что основные направления движения к этому новому общественному состоянию – это сегодня сверхактуальная повестка дня для посткризисного, постпандемического социально-экономического развития.

Вывод о генезисе НИО.2 востребовал необходимость финального шага в развитии методологии исследования. Объективное противоречие, взаимодействие рождающихся новых технологий и общественных отношений, обуславливает движение в направлении к новому качеству общественного бытия. А именно, выходу человека «по ту сторону» (как говорил Маркс) собственно материального производства в пространство творческой деятельности: то, что отмечал наш коллега, профессор Алан Фриман, регулярно участвующий в наших диалогах, сегодня участвующий тоже. Я благодарю Вас за это, профессор Фриман. А именно – то, что профессор Фриман определяет как труд, который нельзя переложить на машины, переход в социальное пространство постэкономических отношений, где знания – не просто знания, не только технологические и научные знания, но культурная составляющая пространства знаний, осознания человеком себя как человека, формирующая осознанный отказ от симулятивных потребностей и новую критериальную базу развития человека и общества. Вот эти факторы становятся главными факторами прогресса. Это новое состояние общества я, используя удачную идеологическую платформу Вернадского, назвал новым общественным устройством, материальной основой существования которого является как раз ноономика.

Основы теории ноономики изложены в ряде книг. Некоторые вы видели, вот эта книга – «Ноономика». Есть книги, которые чуть ранее написаны были по этому поводу: «Грядущее. Но-

вое индустриальное общество: перезагрузка», и т. д. Есть некоторые другие книги. Я думаю, что многие из них с ними ознакомились, они изданы на русском, английском и испанском языках. Есть краткая версия на китайском. Не буду останавливаться по этому поводу на этом вопросе. Тем более что сегодня анализу концепции будет посвящен ряд докладов, как я вижу из программы, на нашей сегодняшней конференции.

Но, прежде чем говорить далее о специфике методологии ноономических исследований, я хотел бы обратить ваше внимание, уважаемые коллеги, на не только теоретическую, но и практическую актуальность концепции ноономики. Я специально об этом говорил в пленарном докладе Московского академического экономического форума прошлого года, собравшего более 2000 участников из десятков стран и со всей России. Негативное предупреждение и прогнозы, сделанные тогда в рамках теории ноономики, оказались подтверждены, может быть, в какой-то мере, к сожалению, но для меня это – очевидная вещь. Подтверждены ходом нынешнего кризиса.

Не могу не остановиться на этом хотя бы в нескольких словах, хотя обсуждение этой темы проходило у нас неделю назад на семинаре ИНИР. Но, поскольку многие участники нашей сегодняшней встречи тогда не участвовали в этом семинаре, я кратко резюме этих дебатов сегодня все-таки приведу. Мне кажется, это будет уместно для понимания.

Итак, кризис, начавшийся, как я уже сказал, еще до пандемии, показал, что его причины – нерешенность глобальных проблем человечества, вызванных фундаментальным противоречием между прогрессом технологий, приведшим к акселерации возможностей перехода к новому типу развития, нооразвитию, с одной стороны, и узким горизонтом системы общественных отношений, обуславливающих все усиливающееся нынешнее господство финансового капитала, стандартов общества потребления, симулятивных потребностей, рост социального неравенства, с другой стороны.

Собственно, вся теория ноономики – это теория развития по траектории, позволяющая снимать, я бы сказал, эволюционно, постепенно, без революций и потрясений – снимать это противоречие. И, наоборот, неразрешенность этого противоречия ведет в

тупики глобальных катастроф, очередным звончком чего стал нынешний кризис.

Но отмечу, что любой кризис, по моему мнению, меняет структуру потребностей людей и способы их удовлетворения. И нынешний кризис делает это достаточно наглядно.

Теория ноономики позволяет в определенном ракурсе анализировать текущие проблемы. Позволяет определить и цели, и пути движения, и механизмы формирования и новых потребностей, и новых общественных отношений. Отсюда – формулирование в теории ноономики твердой установки на развитие технологического, общественного и социального прогресса всего человечества. И, замечу, уже буквально на злобу дня, что называется – жесткое отрицание такой политики, как политика национального эгоизма. К примеру, тех же США, провозгласивших недавно в качестве главного пути сохранения своего лидерства не работу на благо всего человечества, не усилия лидера, направляемые на решение важнейших и все более нетерпимых мировых социальных проблем и противоречий развития, а торможение развития так называемых стран-конкурентов.

Мне это кажется неправильным. В практическом применении теория ноономики – это формирование установок на развитие человека, его культуры, творчества, удовлетворение его реальных потребностей. На переустройство общества на этой основе в более социальное, с акцентом на достижения более справедливого распределения общественного блага, повышение уровня его доступности для всех. Отсюда – и требования к государствам, в том числе – к российскому государству, вести соответствующую социальную и промышленную политику. И соответствующие требования в сфере развития международных институтов. Практическим рекомендациям по этому поводу, основанные на обсуждаемой нами сегодня концептуальной платформе, мы уделяем внимание постоянно.

Итак, возвращаясь к методологии, скажу, что теория ноономики потребовала – именно так, потребовала! – междисциплинарного подхода в наших исследованиях, обращение к теоретическим разработкам экологов, социологов, философов. Более того, глобальный характер исследуемых нами процессов обусловил наше обращение к мир-системному анализу. Мы, прямо ска-

жу, гордимся тем, что в рамках наших мероприятий мы вели очные диалоги с одним из его основателей – Самиром Амином, чья книга «Россия: долгий путь от капитализма к социализму» была переведена под нашей редакцией на русский язык, издана под эгидой ИНИРа несколько лет назад.

И еще одним шагом в этом направлении стало включение в пространство наших исследований такого нового направления, как геополитическая экономия, чему мы во многом обязаны директору исследовательской группы университета Манитобы из Канады, профессору Радике Десаи. Она сегодня присутствует, я вижу ее – к сожалению, только виртуально – на нашей конференции, позднее она выступит с докладом, и мы приветствуем ее сегодня у нас здесь. Сейчас я хотел бы представить ее книгу «Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи», изданную совершенно недавно на русском языке, под нашей редакцией и под эгидой ИНИРа. Поздравляю вас, Радика, с выходом этой книги, и желаю вам дальнейших творческих, очень хороших, важных для нас успехов.

И в завершение выступления – о некоторых методологических ошибках.

Ноообщество не есть коммунизм в классическом представлении. Оно не основано на так называемой общественной собственности на средства производства. В ноообществе вообще будет отсутствовать институт собственности в том нарративном наклонении, как мы это сегодня понимаем. И это – не утопически размытое ноосферное общество, а вполне грядущая реальность. Не буду далее в это углубляться, мы это будем обсуждать, полагаю, на очередных наших конгрессах.

Далее, ноономика не есть экономика ноообщества. В этом обществе не будет экономики в сегодняшнем понимании. Ноономика и сегодняшняя экономика – принципиально разные способы организации удовлетворения человеческих потребностей, как построенные на принципиально разных сторонах человеческой сущности, на зоо/био и на нооразуме. При этом экономика, исторически естественно пришедшая в эволюцию цивилизации, также естественно уйдет, став предтечей ноономики, из нее вырастающей под влиянием новых трендов развития разума и знания. Ее, экономику, заменит неэкономический способ удовлетво-

рения несимулятивных потребностей людей, основанный на самодельствующей системе производства, построенной и управляемой разумом людей.

Это – очень в общем. Детали и аргументы раскрывались нами много раз, и будут еще раскрыты неоднократно. Говорю это для того, чтобы подчеркнуть: не стоит поверхностно подходить, как иногда это мне приходится наблюдать, к ноономике, как к упрощенной искусственной конструкции, некоем соединении современной или обновленной экономики, ноосферного общества по типу Вернадского или Терьяра де Шардена. Все гораздо иначе. Ноономика – естественный способ переноса бремени удовлетворения потребностей на плечи технологических устройств, которые будут создавать все необходимое человеку – под контролем разума, оставляя нам роль творца.

Вот таковы лишь некоторые контрапункты методологии наших исследований – технологической, социально-экономической трансформации, как мы это себе представляем, темы сегодняшней нашей встречи.

Спасибо за внимание, уважаемые коллеги. Извините, что долго говорил.

Бузгалин Александр Владимирович: Сергей Дмитриевич, огромное спасибо вам за доклад. Вы удивительно точно уложились в заранее планируемый нами регламент.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Я бы сэкономил одну минуту, если бы по вашей рекомендации не показывал книги. Но я думаю, что коллегам важно напомнить, что книги у нас издаются, и что эти книги у нас можно получить, и что многие из них переводятся на английский язык. И мы счастливы будем их дарить и обсуждать эти наши идеи.

Бузгалин Александр Владимирович: Сергей Дмитриевич, я на этом прямо-таки настаивал. По-моему, это просто важно. Потому что это – тот вклад, который остается в истории. Вы знаете, все компьютерные технологии, они, конечно, хороши, но вот у меня сейчас – коллекция больших дисков таких, пятидюймовых, которые неизвестно как вообще прочесть. Понимаете? Неизвестно, что с ними делать. А там – материалы, в которые вложено очень много души и ума, во всяком случае, как мне кажется.

Коллеги, я хотел бы подчеркнуть, что предложено, действительно, концептуальное осмысление целой системы взаимосвязанных трансформаций: от прекращения политики деиндустриализации до стратегической линии в будущее – новое качество человеческого бытия, ноономику. И, Сергей Дмитриевич, большое спасибо, что вы обратили внимание на методологию. Это – редкий аспект. И то, что он поднимается, мне кажется, это некоторый вызов будущему. Вызов будущим исследованиям. Кстати, насчет показа книг. Вот Радика Десаи написала в чате «вау, большое спасибо за такой замечательный сюрприз». Вот я взаимно, это мы поздравляем Радика, да, Сергей Дмитриевич?

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Да, да.

Бузгалин Александр Владимирович: Вот. Уважаемые коллеги, профессор Бодрунов уже упомянул, что работа Института нового индустриального развития идет в диалоге с наследием Джона Кеннета Гэлбрейта, и непосредственно в его очном диалоге с Джеймсом Гэлбрейтом. И я рад сейчас предоставить слово профессору университета Техаса, школы по связям с общественностью имени Линдона Джонсона, члену Международного совета Вольного экономического общества России Джеймсу Гэлбрейту. Джеймс, велком. Да, и маленькая деталь. Коллеги, для тех, кто смотрит нашу программу на сайте ИНИР, к сожалению, вам придется пока слушать только английский вариант. Синхрон для показа вне непосредственного участия подключить оказалось сегодня технически невозможным. Но в будущем будет запись с дублированием на русский язык. Джеймс, спасибо. Вот, появилась уже его презентация. У вас порядка 12 минут, мы вас слушаем.

Гэлбрейт Джеймс Кеннет: Добрый день, профессор Бодрунов, профессор Бузгалин. Я очень рад, что мне предоставлена возможность выступать здесь, на этой конференции. Проблема, которую мы обсуждаем, весьма актуальна, и то, что упоминает профессор Бодрунов в своей книге, весьма актуально и становится еще более актуальным в условиях коронавируса и текущего кризиса, который мы наблюдаем.

Поэтому давайте проведем некоторый критический анализ вопросов, поднятых ноономикой.

Прежде всего, я хотел бы отметить, что ноономика справедливо показывает нам необходимость создания функциональ-

ной системы, которая была бы адекватной и соответствовала целевому назначению, учитывала, в том числе, и экологические последствия в долгосрочном периоде, поскольку все мы должны думать о долгосрочном выживании человечества и нашей планеты в целом. Т.е., здесь нужно обращать внимание и на вопросы здравоохранения, с которыми мы сталкиваемся сейчас. И в рамках институциональной экономики уже упоминалось частично то, о чем я говорю. Важно отметить, что в развитых, богатых странах наблюдается такое явление, как симулякры, и именно от них нам необходимо отойти. Т.е. – от этих симулятивных, искаженных желаний, потребностей. А также излишеств и отходов. Понимаете, нужно различать то, что действительно необходимо – и то, без чего люди могут обойтись. Вот этих излишеств, о которых я говорю. И, конечно, третий элемент, о котором уже говорил профессор Бодрунов, это необходимость обеспечить базовые потребности справедливым, равномерным образом, и речь идет о продовольствии, жилищных условиях и т. д. – требования, которые в принципе, делают удовлетворительными жизнь человека.

Теперь перейдем к критическому анализу современного кризиса, вызванного коронавирусом.

Определим некоторые особенности коронавируса. Например, коронавирус очевидно показал нам экономическую неэффективность промышленных систем. Все это привело к многочисленным неэффективностям и нестабильному функционированию экономики. Экономика стала уязвимой и подверженной в высшей степени разного рода кризисам. Коронавирус также продемонстрировал социальные последствия неравенства в распределении самых необходимых благ.

Так вот, мы с вами обсуждали проблемы, связанные с развитыми странами, прежде всего, с США. Это все было связано с гипотезой, которую я только что озвучивал, и я уже упоминал – о том, что ведущие западные державы специализируются на таких отраслях, как финансы, авиакосмическая отрасль, вооружение и т. д. Дело в том, что качество и уровень развития их экономической системы сами по себе приводят именно к тому, о чем я говорю. К особой хрупкости их системы и уязвимости перед экономическими кризисами. Как я уже сказал, западные страны специализируются на ряде высокотехнологичных отраслей, но при этом

существует недостаток товаров первой необходимости, т.е. так называемого среднего уровня. Например, медицинского оборудования, в первую очередь, в контекстах обсуждаемого кризиса. Различных фармацевтических препаратов, аппаратов ИВЛ, которые приобретают особую актуальность в условиях коронавируса. Все вот эти поставки медицинского оборудования были прерваны и находились в недостаточном доступе.

Второй момент, на котором я хотел бы остановиться – это на избыточно закредитованных секторах, таких, как туризм или развлечения, таких, как рестораны, бары. Они занимают особое место в экономической структуре, огромная доля ВВП этих стран – рестораны, бары, импорт автомобилей, товары, электроника, образование и спорт. Т.е. все это услуги, я говорю об услугах, которые занимают огромную долю ВВП, и соответствующую пропорцию экономики западных стран. Поэтому из этого вытекает проблема: товары первой необходимости – и это третий пункт, о котором я хочу сказать. Они, конечно, есть, они предоставляются. Это, действительно, так. Но предоставляются они только тем, кто может их себе позволить. Необходимо нам подумать сейчас об обеспечении всех категорий всех слоев населения соответствующими условиями.

И теперь мы переходим непосредственно к коронавирусу.

Что можно сказать здесь? Спрос на технологически сложные инвестиционные активы уже стремится к нулю или скоро обратится в ноль. Технологически сложные инвестиционные активы, нефтяные месторождения, средства коммерческой недвижимости, например. Например, на собственном примере, я знаю, что недалеко от меня находится разработка нефтяных месторождений, и дела идут совсем не так хорошо, как до кризиса. Знаю, что все меньше и меньше людей работают в офисах, офисы пустуют. И как я уже сказал, это все связывается со спросом на так называемые индустрии роскоши, избыточные индустрии, которые на самом деле, возможно, нам и не нужны.

Однако снижение спроса на развлечения, путешествия уносит с собой и рабочие места. Какие последствия такого положения дел? Очевидно, что, если у людей нет работы, безработица растет, снижаются их доходы. И третий пункт на этом слайде – пока что люди, действительно, удовлетворяют свои потребности

за счет искусственного повышения дохода. Что это за искусственное повышение дохода? Это – выплаты безработным на данном этапе. Однако все понимают, что это – финансовая поддержка, она всего лишь временная, и в какой-то момент перестанет существовать. Тем временем, говорю о США, что, в принципе, применимо и к другим развитым странам, долговая нагрузка на домохозяйство растет. Это предвещает, конечно, волну банкротств, лишения имущества. Все это стимулирует сбережения. Люди хотят сберегать на всякий случай, на черный день, а не увеличивать свои потребительские расходы. Потому что они обеспокоены своим будущим.

Далее, сейчас, вероятно, мы не осознаем еще всю глубину кризиса. Мы видим, что предприятия открываются, и скоро будут открываться снова. Мы пребываем в плену иллюзий. Эта иллюзия поддерживается государством, потому что из политических соображений государству выгодно, чтобы мы жили в иллюзии нормального функционирования экономики. Это, конечно, не вполне рационально с точки зрения конкретного, отдельно взятого домохозяйства. Но, тем не менее, это то, что влияет на то, что многие владельцы малого и среднего бизнеса уже стремятся снова открывать свои предприятия. Но, конечно, в условиях кризиса очень тяжело получать необходимый уровень прибыли. И, снова говоря о США, конечно, нельзя назвать успешной их борьбу с коронавирусом, вирус продолжает распространяться. Мы ожидаем, что будет новый виток самоизоляции, что будет еще больше экономических проблем и случаев заболевания и смертельных исходов.

Буквально несколько слов для контраста я хотел бы сказать о тех странах, таких, как Китай, Южная Корея и Вьетнам, которые более успешно справлялись с коронавирусом. Почему? Здесь снова у меня есть три основные мысли, которые я хотел бы до вас донести.

Прежде всего, государство проводило определенную политику, поддерживающую эффективное функционирование промышленности. Здесь речь идет и о вопросах системы здравоохранения, и предоставления оборудования в Китае. Кстати говоря, например, каждый человек мог получить маску, совершенно спокойно, их не было дефицита. Эти страны реагировали быстро, в отличие от

США. Второе, очень важный фактор. Основа экономики этих стран не раздута, вот эта индустрия роскоши и развлечения, живущая за счет кредитных вливаний. Да, у них эти индустрии тоже развиваются, конечно, но это не сама основа всей экономики, и она оказывает не такое сильное влияние на экономическое развитие, в целом, этих стран. И, в-третьих, интересно, что все эти страны поддерживали функционирование систем предоставления основных благ. Т.е. они создавали уверенность для жителей собственных стран, что всё так или иначе образуется. Здесь я говорю о здравоохранении, продовольствии, о жилье для всех категорий населения. Люди были готовы бороться с вирусом, потому что испытывали уверенность, а не неопределенность, как развитые страны. И, таким образом, им было гораздо проще всех мобилизовать на борьбу с вирусом, в отличие от того, что произошло в США и многих странах Европы. Там как раз-таки многие не верили, что государство способно помочь им справиться с кризисом.

И в заключение – несколько выводов, прежде всего, о том, что стремление Запада к эффективности функционирования системы сделало западные страны уязвимыми перед кризисом, причем вот эта уязвимость – это не краткосрочное явление. Скорее всего, это – фундаментальный фактор, который будет оказывать влияние на развитие мировой экономики в целом на протяжении определенного количества времени. Т.е. кризис не пройдет в краткосрочной перспективе.

И здесь как раз-таки очень важно понять, что кризис не является результатом неэффективного управления, выполнения административной функции или недостатка лидерских качеств. Нет, это – прямое следствие структуры экономики, к которой мы привыкли уже на протяжении долгого времени. И мы продолжаем следовать этой траектории развития, поэтому как раз встает вопрос о необходимости, смене парадигмы, о чем, в общем, говорил мой отец.

Если удастся победить вирус, то экономический кризис все равно только начинается. Не нужно думать, что необходимо успокаивать себя мыслью о том, что все заканчивается уже скоро, поскольку кризис здравоохранения и экономический кризис – это разные вещи. А поскольку осознания еще нет, никто и не пытается

ся взяться за решение проблемы должным образом. Нам необходимо как раз понимать, как важно решать эти проблемы.

Благодарю вас, спасибо огромное и прошу прощения еще раз за мои технические проблемы со связью.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо профессору Гэлбрейту. Мы благодарны вам, Джеймс, за очень важный анализ. И, действительно, он поднял принципиальное и актуальное, и я думаю, что мы будем продолжать это обсуждать и публиковать материалы. Так что считайте, что заказ, наверное, будет и от Сергея Дмитриевича Бодрунова в журналы, которыми он руководит и с нашей стороны.

Гэлбрейт Джеймс Кеннет: Да, конечно.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо большое, Джеймс. А мы продолжаем нашу работу. Коллеги, вот, видите, интернет – это прекрасно, но современная технология даже на связи с США иногда дает сбой, поэтому иногда бывают проблемы – но что делать, так устроена наша жизнь. Видимо, все-таки общаться вживую гораздо приятнее. Давайте продолжим нашу работу. И мы будем чередовать русскоязычные и англоязычные выступления. А вопросы, как я уже сказал, в конце сессии.

Андрей Иванович Колганов, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного анализа экономических систем, Московский государственный университет. Андрей, пожалуйста, тебе слово.

Колганов Андрей Иванович: Добрый день! Мое сегодняшнее выступление посвящено теме «Концепция ноономики как методологический ключ к исследованию технологических трансформаций».

Для тех, кто знаком с теорией ноономики, достаточно ясно, что она отталкивается от исследования тенденций технологического прогресса. И от прогноза их дальнейшего развития, этих тенденций.

Однако методологическая основа теории ноономики значительно сложнее, чем просто выведение неких следствий из наблюдений за технологическим прогрессом. Ноономика предполагает и политико-экономический анализ – исследование, изучение того, как социально-экономические факторы определяют и сам технологический прогресс, и его облик, его конкретное направле-

ние. Скажем, те тенденции, на которые особенно заостряется внимание теории ноономики – такие, к примеру, как вытеснение человека из непосредственного материального производства, или тенденция, заключающаяся в снижении материалоемкости производства и замещении материальных издержек производства знанием, входящим в состав конечного продукта. Эти тенденции возникают не просто из технологического прогресса самого по себе, они возникают в силу тех производственных отношений, тех социально-экономических условий, при которых этот технологический прогресс обзревается. Проще говоря, эти тенденции технологического прогресса задаются капиталистической формой предпринимательской деятельности.

Именно капиталистические производственные отношения определяют эти тенденции, поскольку воспроизводство капитала требует повышения производительности труда. Оно требует сокращения издержек производства, и т.д. Понимание именно такого методологического подхода к научному технологическому прогрессу позволяет поставить вопрос о прогнозировании технологического прогресса на основе тех положений, которые развиваются в теории ноономики.

Нам известно, что для технологического прогресса применяется такая методология, как «форсайт». Но методология «форсайта» исследует технологический прогресс, взятый сам по себе. Она рассматривает те тенденции в технологическом прогрессе, которые определяются внутренними закономерностями развертывания научных исследований и опытно-конструкторских разработок в этой области. Но методология «форсайта» не рассматривает такую сторону, которую можно было бы назвать социальным заказом научно-техническому прогрессу. А теория ноономики как раз позволяет сформулировать такой социальный заказ для научно-технологического прогресса. И тем самым – определить желаемые направления этого технологического прогресса. Потому что из всех возможных направлений научных исследований, опытно-конструкторских разработок отсеиваются как раз те, которые удовлетворяют наличным социально-экономическим условиям, которые удовлетворяют тем критериям эффективности, которые определяются существующим способом производства, существующими производственными отношениями.

Что же предлагает теория ноономики в качестве такого социального заказа для научного и технологического прогресса? На какие моменты в теории ноономики обращается внимание с этой точки зрения?

Теория ноономики исходит из того, что мы стоим на пороге формирования нового индустриального общества второго поколения, и вслед за этим – перехода от экономики к ноономике, выхода за пределы экономических критериев рациональности и перехода к иным критериям. Так вот, именно эти сдвиги и определяют те направления технологического прогресса, которые нас будут вести как раз в таком, желаемом нами направлении.

Что же должен, какие задачи должен решать технологический прогресс для того, чтобы именно эти направления развития были реализованы?

В первую очередь, речь идет о том, что технологический прогресс должен служить преодолению тех угроз и рисков, которые возникают в развитии современной экономики. Речь идет о таких угрозах, как чрезмерная ресурсная нагрузка на окружающую среду, как непродуманное вмешательство в окружающую природную среду. О таких проблемах, как вмешательство в природу самого человека, и, наконец, технологический прогресс должен свернуть с той дороги, на которой он служит расширению рынков сбыта любой ценой. Когда технологические инновации направлены реально не на совершенствование условий жизни человека, а только на то, чтобы продемонстрировать рынку определенную новизну и на этом основании захватить свою долю на рынке. Фактически технологический прогресс в этих случаях ставится на службу удовлетворения иллюзорных, фальшивых, симулятивных потребностей.

На что же должен ориентироваться технологический прогресс? Каковы позитивные задачи, которые технологический прогресс должен решать для развития в сторону нового индустриального общества второго поколения и в сторону ноономики?

В теории ноономики ответ на этот вопрос содержится. Там сформулированы и те цели развития, и те критерии, которым должна удовлетворять хозяйственная деятельность человека. Именно отталкиваясь от этих целей и от этих критериев, мы мо-

жем сформулировать то, что я назвал социальным заказом научно-техническому прогрессу.

Какие задачи в этом смысле должен решать научно-технический прогресс, какие задачи должны решать новые технологии?

В первую очередь, речь идет об ориентации на развитие самого человека. Т.е. технологический прогресс должен создавать условия для того, чтобы человек стал и центральным звеном производственной деятельности и главным результатом этого производства. В этом смысле нельзя недооценивать значение информационных и когнитивных технологий, которые расширяют возможности человеческого познания. И которые, в свою очередь, способны освободить человека от различного рода рутинных производственных функций, оставляя на его долю, в первую очередь, творческие виды деятельности, творческий вклад. Человек должен расширить возможности, рамки своего познания. Плюс к этому эти же технологии дают возможность более широкого приобщения человека к благам культуры, что важно, потому что культура играет теперь важную роль в эволюции от экономики к ноономике. И, соответственно, общедоступность культурных благ выступает в данном случае очень существенным элементом этого движения. А такая общедоступность, опять-таки, требует соответствующего применения технологических достижений.

Здесь можно сослаться, например, на современную ситуацию, когда, скажем, закрытие библиотек, театров и т.д. привело к широкому использованию онлайн-доступа к трансляции спектаклей, к посещению, к виртуальным экскурсиям в музеях, картинных галереях и т. д. Вот такого рода возможности должны найти широчайшее применение и, разумеется, нужно существенное совершенствование технологических возможностей такого удаленного доступа к культурным ценностям с тем, чтобы представление людей об этих ценностях было максимально приближенным к реальности.

Бузгалин Александр Владимирович: Андрей Иванович, ты мне друг, но время заканчивается. Пожалуйста, 1-2 минуты.

Колганов Андрей Иванович: Таким образом, мы должны преодолеть, во-первых, загруженность человека различного рода рутинными функциями, неквалифицированным трудом и

расширить его возможности по овладению богатством знаний и культуры. Но здесь мы будем сталкиваться с очень серьезными проблемами, на решение которых технологический прогресс также должен быть нацелен.

Что это за проблемы? Освобождая людей от рутинных функций, мы должны предоставить им альтернативу. Но это – очень непростое дело. Мы можем здесь столкнуться с целым рядом практических проблем, связанных с тем, что освобождая людей от малоквалифицированного труда, мы будем испытывать существенные трудности переквалификации. Потому что есть неквалифицированные люди, особенно принадлежащие к старшим поколениям, не обладающие высокой квалификацией и высоким уровнем образования – очень сложно будет таких людей переучивать на профессии, требующие более высокой квалификации и более высокого уровня знаний. Мы можем столкнуться с тем, что эти люди не смогут освоить такие профессии. И вот эту проблему надо принимать во внимание, потому что социальный прогресс, достигаемый путем формирования армии лишних людей, конечно, вряд ли нам нужен. И об этом тоже надо думать – как эту проблему решать.

Спасибо за внимание.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо, Андрей. Напомню, что мы слушали доклад профессора Колганова. И Андрей Иванович сосредоточился преимущественно на вопросах технологических, но, наверное, было бы очень интересно все-таки поговорить об отмирании экономических отношений в процессе генезиса ноономики. И здесь, если бы у меня был доклад, я бы обязательно поспорил с Сергеем Дмитриевичем о коммунизме, поскольку вот профессор Бодрунов наш Центр современных марксистских исследований поддержал, а критика коммунизма фамилию не назвал, но имелась в виду – именно Бузгалин, в данном случае, и его коллеги. Но, я думаю, что это у нас все впереди.

А сейчас у нас очень интересный доклад нашего коллеги Алана Фримана, члена Международного комитета Вольного экономического общества России и визит-профессора Университета Лондон-Метрополитен, Великобритания. Алан, пожалуйста, мы вас слушаем.

Фриман Алан: Добрый день! Я хотел бы начать с того, что выразить вам свою благодарность за возможность выступить, и через минуту я продемонстрирую свой экран.

Итак, я начал бы еще раз с моих благодарностей; это – благодарности Дэвиду Лайбману и профессору Бузгалину, конечно. Потому что, прочитав статью, я понял, насколько важно было бы сотрудничать, и насколько интересно было бы послушать о теме, которую я пишу – креативном труде. И, конечно, отдельная благодарность господину Чен Енфу и Джи Куй за их книгу, которая мне очень понравилась – «Новая нормативная теория», которая была переведена на английский.

Итак, зачем нам вообще нужна эта теория так называемых нематериальных продуктов научного творчества, научного и творческого труда («ментальные объекты», как я их называю)?

Есть научное объяснение, потому что лучше позволяет понять производственные процессы; эмпирическое объяснение, потому что они все более и более распространены в нашем мире; геополитическая объяснение, потому что мир все больше охватывает китайская концепция технологий, как нечто чрезвычайно важное для нашего мира.

Концепция ноономики, на самом деле, заменяет собой целый ряд более старых и неподходящих концепций – это: так называемая экономика знаний (я думаю, что эта теория абсолютно неверным образом объясняет то, что происходит сейчас в обществе); информационное общество (абсолютно неадекватная реальности); это – теория производства услуг или сервисов, как мы видим, это звучит по-английски (потому что это вообще связано с обслуживанием, корень этого слова – «служение», и это совершенно не подходит современной общественной теории).

Сейчас я хотел бы вам просто на размышление дать несколько вопросов. Первый вопрос, онлайн, в интернете можно подстричься? Интересный вопрос, правда? Второй момент. Креативный труд, что это такое? Креативный труд – это такой труд, который невозможно заменить машинным трудом. Т.е. ни один робот не может этого делать вместо человека. И я думаю, что вот эти вот форумы, создающие нематериальные продукты научного и творческого труда, о которых я говорю, это очень важная тенденция в современном мире.

И перейдем к эмпирической реальности этих нематериальных продуктов. Поговорим о сфере услуг, конечно, это сейчас господствующий сектор. Не просто господствующий, не знаю, знаете ли вы, но всего лишь 14% экономически активного населения США занято в производстве материальных продуктов. А именно сектор услуг, как уже упоминалось, является основой экономического развития развитых стран. В сфере услуг чрезвычайно важными являются нематериальные продукты. Я все время о них говорю, но еще не давал никакого примера. Это, например, программное обеспечение. И любые составляющие материальных продуктов, связанных с высокими технологиями. Еще 40 лет назад ситуация была совершенно иная. Но сейчас современные технологии развиваются настолько быстро, и настолько проникают во все сферы нашей жизни, что просто нельзя не замечать, насколько быстро они изменяют нашу жизнь.

Теперь перейдем к примерам. Мы все знаем, что несколько иранских танкеров с нефтью недавно причалили к берегам Венесуэлы. Интересно здесь отметить, что все нефтеперерабатывающие заводы Венесуэлы, многие, по крайней мере, построены США, и технологии, различные ноу-хау никаким образом не передаются. Я обращаю на это внимание, потому что это своего рода новый технологический империализм. Т.е. развитые страны не делятся технологиями. И мы все знаем о существовании противостояния между США и Китаем, это экономическое противостояние, но в чем же, действительно, претензия американцев к Китаю?

С точки зрения Америки, китайские исследователи и люди, осуществляющие разработки – они просто крадут иностранные технологии. С китайской точки зрения, конечно, это не так, они используют, заимствуют технологию, используют усовершенствованные разработки и распределяют их в формате всей страны. Т.е. еще раз, в США общепринятое мнение, что Китай просто крадет технологию, Китай, естественно, ничего плохого в этом не видит. Вот это научно-технологическое противостояние, нечто, что, возможно, уходит истоками в историю. Но именно на технологическом уровне началось совершенно недавно.

Еще одной важной концепцией сейчас является так называемое эксклюзивное владение. Если какая-то технология или

нау-хау принадлежит определенной стране или компании, они имеют право пользоваться ею в эксклюзивном порядке, ни с кем не разделяя право на ее владение. С другой стороны, Китай со своей социалистической позицией, конечно, это мнение не разделяет, и для Китая понятие интеллектуальной собственности не так серьезно ограничивается правами владения.

Так что же такое нематериальные продукты научного и творческого труда? Это – различные компьютерные программы, научные знания, формулы, например, для вакцины от «Ковид». Это различные законодательные акты и т. д. Что же в них общего? Их можно передавать. Их можно передавать из одной ментальной области в другую ментальную область. Что такое локация? Место. Здесь нет никакой зависимости по методу передачи, можно передать книгу в формате ПДФ, в бумажной форме или прочитать ее. И это не зависит от формы, от ментальной формы. Вот то, что имею в виду.

Еще один пример. Компьютерная программа Java. И есть много разных компьютерных программ, Java – это очень интересная система. Например, в мире есть такой подход, что вы можете запустить ее на всех разных, разнообразных компьютерах, на компьютерах Apple, в системе Windows, неважно. Результат – тот же самый, программа будет работать везде. И если у вас что-то пойдет не так, если возникнет ошибка, вы можете просто сказать: о, это просто другая интерпретация программы. Т.е. может возникнуть какая-то ошибка, но неважно, у вас компьютер от Билла Гейтса или от Стива Джобса. Кто-то может сказать, если ли правильная версия поэмы, например, стиха? Много разных вариантов на бумаге, электронная версия, на разных языках. Но это абсолютно важно.

Теперь давайте проговорим о разных категориях. Есть алгоритмический ментальный объект, например, компьютерная программа, когда вы делаете шаг за шагом и конечный результат полностью прогнозируемый. Предсказуемый или поэтический объект – это абсолютно другое дело. Здесь неважно, как вы это делаете, самое главное – суждение, оценка. Например, это, может быть, музыка или интерпретация каких-то стихов, поэмы. Все зависит от того, как вы оцениваете то, что у вас получилось. Не то, как механически вы это, например, написали, музыку или стихи. Мы здесь

не можем гарантировать, что алгоритмический метод приведет к прогнозируемому результату. В этом состоит, в этом суть человеческой деятельности. То, что называется творчеством.

Бузгалин Александр Владимирович: Так, прошу прощения, что я вас прерываю, но, к сожалению, времени не очень много.

Фриман Алан: Я уже завершаю. Ментальные объекты – это концепция существует уже давно. В 1304-м году появилась так называемая хинду, арабская арифметика. Там использовался алгоритм, который сейчас используется в военно-морских силах. Т.е. ментальный компонент производства всегда существовал. Даже, как вы видите, в 14 веке. Но во время инноваций, когда появились новые технологии, новые типы оборудования, алгоритмы стали использоваться более широко и получили распространение.

И Бузгалин уже приводил пример того, что все равно все творчество требует каких-то механических шагов. Все равно нужно предпринимать какие-то механические шаги, какую-то физическую деятельность, чтобы получить творческий объект, результат творчества.

И последнее, что я хотел сказать. Программа, как бы она ни использовалась, где бы она ни использовалась, все равно, та же самая программа, она не может устареть. Но когда вы изобретаете что-то новое, вы ограничиваете срок жизни старой программы. В творческом обществе будущего постоянно происходят инновации. Но есть определенные ограничения, мы не говорим, что мы не будем вкладываться в искусство, в инновации, но мы можем регламентировать эти инновации. И искусственная интеллектуальная собственность – это результат интеллектуальной деятельности, творческой деятельности. Но, в отличие от производства материалов, от производства каких-то материальных объектов, здесь тем, кто исследует это производство, не платится никакой зарплаты, как на заводе или фабрике.

Здесь основное – это знание, которое приводит к созданию какой-то интеллектуальной собственности. К примеру, если посмотреть на фармацевтические компании, которые производят огромное количество новых препаратов. И еще один хороший пример – персональных компьютеров, когда они появились, они нарушили патент, и все с тех пор начали производить эти компь-

ютеры. До этого была та компания, которая производила компьютеры, а теперь все смогли это делать. Уже никто не может сказать, что я запрещаю вам делать новые компьютеры.

И последнее также, что я хочу сказать. Китай в этом аспекте сильно отличается. Здесь доход получает как создатель, так и производитель. Тот, кто придумал, автор творческой идеи также получает определенную прибыль.

Я завершил свою презентацию, спасибо.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо, Алан. Это было очень важным и интересным.

Я хочу подчеркнуть только два тезиса, которые прозвучали.

Один из них прямо говорит о том, что теория ноономики адекватно замещает и более того, снимает – я бы сказал, критически снимает – теорию обществознания и остальные.

И второй тезис, который также принципиально важен – это то, что движение по ту сторону интеллектуальной частной собственности есть, по сути дела, движение как раз в то пространство, где проблема собственности, категория собственности – и онтологически, и гносеологически – перестает существовать, засыпает, если использовать старый термин.

А это – те идеи, с которым сегодня выступал Сергей Дмитриевич, презентуя свои концептуальные положения.

Мы потихонечку движемся ко второй части нашей первой сессии.

Я убедительно прошу всех выступающих соблюдать регламент и предоставляю с удовольствием слово Сергею Александровичу Толкачеву, доктору экономических наук, профессору, заместителю руководителя департамента экономической теории Финансового университета. Тема его доклада «Объективные причины возрождения протекционизма в условиях становления нового мирохозяйственного уклада». И, соответственно, новая реальность, о которой мы с вами говорим сегодня, начиная с пленарного доклада. Сергей Александрович, пожалуйста, вам слово.

Толкачев Сергей Александрович: Добрый день, уважаемые коллеги.

В предлагаемом докладе я бы хотел остановиться на нескольких вопросах, которые друг с другом связаны органически. С одной стороны, как следует из названия, я попытаюсь объяс-

нить объективно технологическую необходимость протекционизма. А с другой стороны, попытаюсь связать это с одним из важных положений теории ноономики – знаниеинтенсивным производством.

Итак, я не хотел бы останавливаться слишком широко вот на этом вопросе. Дело в том, что я выступал по этому вопросу на предыдущей сессии, и это представлено в публикациях.

Но сегодня речь идет о том, что в последних работах мы попытались показать, что тип господствующих мирохозяйственных связей подвержен определенной цикличности. И полный цикл, который характеризуется этапами протекционизма, фритредерства и империализма и глобализма представляет собой один полный, законченный, с точки зрения производительных сил, цикл, который мы называем мегатехнологический цикл. А с точки зрения производственных отношений мы обратимся к помощи теории мир-системного анализа или мирохозяйственных укладов. И назовем его полностью мирохозяйственный уклад.

Как нетрудно заметить, XIX век, условно, это был период господства английского мирохозяйственного уклада, или английского цикла накопления капитала, в несколько иных терминах. XX век, который также начался с протекционизма и продолжился фритредерством, и потом завершался империализмом на наших глазах совсем недавно. Это – век господства американского цикла накопления капитала, американский мирохозяйственный уклад, американская гегемония. И, наконец, год, примерно, 2010-й, после того, как в моду вошли слова «новая индустриализация», «Индустрия 4.0», «Новая промышленная революция» и т. д.

Мы имеем дело, очевидно, как считают некоторые авторы, с отменой господствующего цикла накопления капитала, перехода этого цикла в азиатскую географическую юрисдикцию – на базе Китая, возможно. И начальный этап данного цикла накопления капитала азиатского мирохозяйственного уклада – это этап протекционизма, который начался фактически с кризиса 2008-2009 годов, и продолжается до сих пор. Отметим, что он начался еще до Дональда Трампа. Основные перепалки в области протекционизма и прекращения мировой торговли начались еще до прихода Дональда Трампа на пост президента США. Но он лишь существенно усилил в этом направлении свою активность.

И сейчас уже никто не будет отрицать, что, особенно после этого спровоцированного «ковида-вируса», мы столкнемся с долгим беспрецедентным этапом протекционизма, который уже выливается в торговые войны.

Также мы предлагали в последних исследованиях объяснение тому, что у такой циклической динамики мирохозяйственных связей есть технологическая причина, связанная с закономерностью протекания технологических революций, развития базисных технологий или технологических укладов. Этапу протекционизма соответствует тот технологический уклад, когда преимущественно развиваются средства производства. Этапы свободной торговли соответствуют этапу, когда развиваются средства транспорта. И, наконец, периоду империализма соответствует этап, когда преимущественно развиваются средства коммуникаций.

Это было как в XIX веке, во время английского мирохозяйственного уклада, так и в XX веке, во время американского. И сейчас мы на наших глазах видим, что начинается очередная промышленная революция, связанная с применением в производстве аддитивных технологий, искусственного интеллекта, роботов, промышленного интернета, биотехнологий. И все это нужно для того, чтобы создать новую производственную базу.

И вот для создания этой новой производственной базы в странах, которые претендуют на лидерство в сложившейся ситуации, необходим этап протекционизма, чтобы защитить складывающуюся на своей территории новую производственно-технологическую базу. Поэтому, когда встает вопрос, многие его задавали сразу, когда Дональд Трамп занял пост президента США, почему он ломает глобализацию – казалось бы, ту модель, которая позволила США в конце XX века достичь глобального господства в мире. Почему же он ломает вот этот инструмент глобального господства? Потому что, очевидно, он понимает, как представитель, как все хорошо знают, промышленного капитала, что глобализационная модель 5-го технологического уклада поддерживала именно финансиализацию. Именно распространение господствующих финансовых технологий, которых уже оказалось недостаточно на излете данного мирохозяйственного уклада.

Но эта модель 5-го технологического уклада не поддерживает новую знаниеинтенсивную индустриализацию, о которой

говорит теория ноономики, включая цифровую трансформацию производства.

Тем самым Дональд Трамп пытается повернуть вспять колесо истории, пытается, если хотите даже, обмануть историю, продлить американское господство – но уже на основе не финансового господства, а на основе нового знаниеинтенсивного производства, которое он хочет создать на территории США. Совершенно правильно говорил до меня профессор Фриман, что это не есть пресловутая экономика знаний (вот сейчас я об этом буду дальше говорить), а это – именно знаниеинтенсивное производство.

Почему глобализация, 5-й технологический уклад препятствует новой индустриализации, цифровой трансформации производства?

Я приведу в качестве аргумента выдержки из статьи бизнес-консультанта американского, которая была опубликована в 2017-м году, и он, поверьте, никак не связан с сообществом экономистов-теоретиков в области ноономики. Он мыслит совсем другим категориями, но, тем не менее, он сформулировал вот эти пять аргументов.

Итак, цифровой трансформации машиностроения, обрабатывающей промышленности, т.е. новой индустриализации, препятствует глобализация, потому что она несет с собой сверхрегулирование в области производства, устаревание рабочей силы, слишком возрастную рабочую силу, недоинвестирование. И – краткосрочную ментальность, т.е. краткосрочное мышление руководителей компаний, которые занимаются инвестированием. Вот это все, что было характерно как раз для периода господства финансово-ориентированной модели, не годится для того, чтобы строить новую, скажем так, ноономику, или НИО.2.

И вот здесь я попытался сравнить по некоторым критериям, чем же отличается знаниеинтенсивность производства от этого современного, описания, которому можно дать много всяких характеристик, в том числе «экономика знаний» и прочее, прочее, о которых говорил профессор Фриман, и которые нужно сейчас уже заменять.

Итак, с точки зрения технологических укладов и промышленных революций, современный тип производства – это третья промышленная революция, знаниеинтенсивный – это чет-

вертая промышленная революция. С точки зрения типа производства мы отметим, что современный тип продолжает развивать массовое производство с его необходимыми атрибутами: эффект масштаба, снижение издержек на единицу продукции. Тогда как знаниеинтенсивность производства ориентируется все-таки на кастомизированное производство, производство по индивидуальной потребности заказчика.

Вот этот пункт, по-моему, очень важен.

Дело в том, что с точки зрения современного типа производства, или пресловутой экономики знаний или информационной экономики, информационно-коммуникационные технологии рассматриваются как первичные, как важнейшие, как некий передовой серфер, как новая экономика. Тогда как производство рассматривается как вторичный, как какой-то устаревший прида-ток. Но с точки зрения знаниеинтенсивного типа производства, наоборот, производство остается первичным. Оно активно впитывает информационно-коммуникационные технологии, разумеется, их значение очень велико, но с точки зрения конечного результата они все-таки вторичны. А первично, собственно, само производство, производство самого продукта.

Господствующая модель организации производства для современного устаревающего типа производства – это вертикально-интегрированное, но с огромной системой поставок и субпоставок одному финальному сборщику. А с точки зрения знаний интенсивного типа производства – это сетевая модель. Но нет времени об этом говорить. В принципе, на этот счет написано очень много различной литературы.

И вот еще очень важный момент – господствующая модель взаимодействия НИОКР и производства. Если для современного типа производства, для пятого технологического уклада, для уходящего в прошлое американского мирохозяйственного уклада – это организационное разобщение и дистанционное взаимодействие между сферой НИОКР и сферой производство, как раз с помощью информационно-коммуникационных технологий.

По модели «США – Китай», или вот, как сейчас прекрасно говорил до меня профессор Фриман, американцы рассматривают как раз вот эти ментальные факторы производства как настоящую собственность. Поэтому они как бы организационно

разобщили вот эти ментальные факторы производства, ноу-хау, технологии и собственный сборочный цех. И считали, что если они будут контролировать по праву собственности эти ментальные факторы, информационные технологии, ноу-хау, то они будут обеспечивать себе господство. Но вот к 2010-м годам выяснилось, что это неправильная концепция. Китай показал, что он, придерживаясь знаниеинтенсивного типа производства, объединив у себя как производство, так и НИОКР, при этом отведя лидирующую роль именно производительному сектору, именно сфере производства, добился здесь больших успехов. И вызвал сейчас вот этот огромный гнев США и разворачивающиеся торговые, и не дай бог, прочие войны.

Бузгалин Александр Владимирович: Сергей Александрович, к сожалению, ваше время закончилось, если можно, давайте...

Толкачев Сергей Александрович: Да, собственно говоря, всё. Я тогда, да, я на этом могу закончить. Это есть мое завершение, спасибо большое.

Бузгалин Александр Владимирович: Извините, что я вас прервал. Но все немножко перебирают регламент, я стараюсь быть вежливым, но все-таки приходится быть жестким.

Уважаемые коллеги, я хотел бы подчеркнуть, что у нас идет такое развитие темы, которое мы заложили с самого начала. Темы технологических, социально-экономических трансформаций, и концепции нового индустриального общества второго поколения, нономики, как той модели, которая показывает некоторую логику, если угодно, этих трансформаций. И вот какие-то ее компоненты, компоненты теории НИО.2 и нономики входят в доклады и даже уже теряют авторство. Знаниеинтенсивное производство, категория Бодренова, сейчас уже отделилась от Сергея Дмитриевича и присутствует уже сама по себе. Хотя, конечно, я прекрасно понимаю, что Сергей Александрович именно эту идею сейчас и хотел представить. Замечательно.

Я не хочу сейчас подводить никаких итогов, у нас впереди еще одно интересное выступление. И я обращаю внимание, что в чате идет интересная полемика, точнее, диалог наших иностранных и российских участников.

Я рад предоставить слово профессору Дэвиду Котцу. Мы старые друзья, Дэвид постоянный участник мероприятий Инсти-

тута нового индустриального развития, член Международного комитета Вольного экономического общества России, почетный профессор колледжа социальных и поведенческих наук университета Массачусетса в Амхерсте и вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации. У Дэвида много, наверное, и других титулов, давайте мы их не будем перечислять.

Основная идея, основная тема профессора Котца – уроки пандемии, «Ковид-19» для индустриального развития в XXI веке. Пожалуйста, Дэвид.

Котц Дэвид: Спасибо большое, я очень хотел побывать в Москве, очень ждал эту конференцию, очень жаль, что не получилось. Теперь у нас цифровой формат конференции, меня слышно хорошо и видно?

Бузгалин Александр Владимирович: Да, Дэвид, все отлично, спасибо. Как ни странно, все работает просто отлично. Готовы разговаривать на любом языке.

Котц Дэвид: Итак, тема моего выступления сегодня – это уроки пандемии «Ковид-19». И эти уроки, которые нам эта пандемия преподносит, довольно горькие. Дело в том, что пандемия коронавируса – это новейшая из ряда вирусных пандемий, которые мы наблюдали за последние 20 лет. И далеко не последняя. Необходимо учитывать периодичность их появления.

Сегодня я хотел бы выдвинуть три важных тезиса.

Во-первых, в современном капиталистическом обществе пандемии более вероятны, а мы все менее подготовлены для оперативной реакции на них.

Второе, рыночные сигналы становятся более неэффективными с точки зрения промышленного развития.

Третье, необходимо реформирование торговой и финансовой системы, которая сформировалась в недавний момент.

И перейти к первому тезису. Хотел бы отметить, что пандемия, свидетелями которой мы становимся сейчас, является результатом перехода инфекции от животного к человеку. Истоки этой проблемы находятся вовне общества. Это – классический внешний шок, как например, землетрясение или извержение вулкана. Однако, в отличие от вулканов и землетрясений здесь важен антропогенный фактор. Здесь важно отметить также то, что эко-

номическая система сама влияет на склонность, на вероятность появления очередной вспышки пандемии.

Современный неолиберальный капитализм, как я уже отметил, повышает вероятность происхождения таких вот пандемий. На это есть несколько причин. Промышленное ведение сельского хозяйства вызывает ослабление иммунитета у животных. Это прямая дорога к переходу инфекции к человеку. Второе, в лесной промышленности кормят работников мясом диких животных, просто потому что дешевле. В-третьих, чрезмерная рыбная ловля, истощающая ресурсы водоема, приводит к созданию рынка мяса диких животных для бедных категорий и слоев населения. И, наконец, глобализация цепочек стоимости, распространения международных поездок обеспечивает распространение заболевания по всему миру.

В то же время политика жесткой экономии привела к нехватке ресурсов в определенных сферах. Например, в сфере здравоохранения. И в дальнейшем важным фактором оказалось искажение стимулов для получения прибыли компаний. Т.е. у них просто не было мотивации для разработки вакцины, пока пандемия не достигла своего пика. И в дальнейшем неопределенность в отношении масштаба и длительности пандемии, а также требования сделать вакцинацию бесплатной, ограничивали доходность компаний. Для них производство было нерентабельным.

Теперь мы переходим к рыночным сигналам и промышленному развитию. Уже упоминалось, что промышленное развитие не может полагаться на рыночные сигналы. Они ненадежны. Дело в том, что цель промышленной политики заключается в том, что бы развивать менее развитые отрасли промышленности, в то время как рынок сам по себе поощряет инвестиции в уже развитые отрасли и компании, которые предоставляют большую доходность, большую отдачу от инвестированного капитала. Здесь необходимо обратить внимание на взаимозависимость различных отраслей. Если страдает одна, то, скорее всего, будут страдать и другие. Поэтому программы жесткой экономии, которые видели своей целью радикальное снижение издержек, сыграли злую шутку с нашей экономической системой. И сделали нас более уязвимыми перед кризисом.

Мы знаем, что многие развивались с технологией just-in-time – «точно в срок», которая помогала снизить издержки. Делали они это благодаря снижению запасов. Но именно это снижение запасов сделало производителей весьма уязвимыми перед такими факторами, как внезапный кризис, внезапное увеличение спроса на определенные товары, товары первой необходимости или медицинские товары. Или в условиях ограничения доступа к сырью. Поэтому, когда произошла вспышка инфекции, не было возможности переориентироваться на производство товаров первой необходимости именно из-за этой нехватки запасов. И еще раз повторюсь – это связывается с программой жесткой экономии, которая является составной частью современного неолиберального капитализма.

И здесь, вероятно, самое время вернуться к вопросу планирования в условиях командной экономики. Как это было, например, в СССР. Было централизованное планирование, и имела место максимизация выпуска в условиях существующих трудовых ресурсов, сырья, материалов, капитала. Это – так называемое напряженное планирование, или жесткое планирование. Одним из последствий этого напряженного планирования было то, что нехватка определенных групп товаров охватывала все хозяйство. Неоклассики, конечно, говорили, что это проблема имманентна командно-административной системе. И что рынок является идеальным инструментом для того, чтобы экономические стимулы исправили ситуацию. Но как ни странно, в настоящее время мы наблюдаем те же самые проблемы, но уже не в условиях командно-административной системы, а в рамках капитализма. Только вместо напряженного планирования во главе угла у нас стоит рост производительности, рост эффективности в ущерб гибкому реагированию.

В 1942 году, когда для США началась Вторая мировая война, интересно, что США перешли от системы полностью свободного рынка к регулированию. И именно благодаря этому смогли избежать серьезных экономических последствий. В настоящих условиях США оказались неспособны нарастить производство товаров и услуг первой необходимости. Например, тестов для обнаружения коронавируса. Одна лаборатория в Калифорнии пыталась переориентироваться на производство таких

тестов, но она не смогла выйти на рынок в принципе. Потому что были использованы такие эксклюзивные контракты, по которым компании могли только покупать эти тесты лишь у определенных производителей. Т.е., они были готовы действовать гибко и реагировать на сложившиеся условия, однако возможности в текущих условиях им предоставлено не было. Поэтому необходимо избежать таких ситуаций в будущем. Ведь это – важнейшая сфера здравоохранения.

Здесь я бы хотел бы отметить, что планирование является важным элементом, который мог бы позволить гибко реагировать на такие кризисные ситуации. Например, в Китае мы наблюдали значительный резкий рост тестов на коронавирус. И таким образом, государство быстро смогло выйти из кризисной ситуации.

И я перехожу к третьему тезису – о глобальной торговой и финансовой системе. Мы знаем, что в условиях капитализма оказывается серьезное давление на компании для того, чтобы основным критерием успешности в современном мире была прибыль в краткосрочной перспективе.

Однако ведь мы должны понимать, что рассчитывать необходимо на долгосрочную перспективу, планировать экономическое развитие в долгосрочной перспективе. Если мы действительно хотим этого, необходимо регулировать торговлю и передвижение капитала. После пандемии позиции сторонников реформирования экономической системы заметно укрепятся. Спасибо.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо огромное, Дэвид.

Были очень рады вас видеть. Мы продолжим нашу работу и обязательно подключим всех участников короткой дискуссии после окончания сессии. Но сейчас я хотел бы подчеркнуть очень важный акцент на планировании, которое является той системой общественных отношений, благодаря которым мы можем надеяться и на более эффективный выход из кризиса, и на будущее более эффективное, социально-ориентированное развитие вот в том направлении, о котором сегодня говорят практически все участники и докладчик.

У нас два участника нашей дискуссии выступают в качестве обозревателей, дискуссионщиков, два профессора – Дэвид Лайбман и Дэвид Лэйн из США и из Великобритании. Дэвид Лайбман,

вы здесь? Могли вы поучаствовать в нашей дискуссии? Да, вот есть Дэвид Лайбман. Дэвид, пожалуйста, включите микрофон.

Лайбман Дэвид: Прежде всего, вопрос: сколько у меня времени?

Бузгалин Александр Владимирович: Ну, Дэвид, ограничивать столь известных ученых... Я не представил, Дэвид Лайбман – профессор университета Нью-Йорка, Почетный профессор Бруклинского колледжа университета Нью-Йорка и главный редактор журнала «Наука и общество». Дэвид, как и у всех, у вас будет 12 минут.

Лайбман Дэвид: Тогда я постараюсь очень быстро, в любом случае. У меня не было возможности просмотреть презентации других выступающих передо мной, кроме господина Котца. И поэтому, я слушал очень внимательно, и конечно, мне знакомы практически все участники нашей сегодняшней конференции, их идеи. Я думаю, что все они занимаются важными вопросами. Я же сам хотел бы отметить всего несколько общих моментов для, наверное, всех или большинства наших работ.

Прежде всего, это вопрос достижения баланса между двумя разными подходами. Между теми проблемами, которые мы наблюдаем в экономике сейчас, и в этой связи мы должны обращать особое внимание именно на социальные отношения в обществе. И, во-вторых, я хотел бы затронуть концепцию ноономики господина Бодрунова в качестве одного из представителей неомарксистского направления. Здесь, конечно, имеет место более широкий диалог об этих вопросах, и на самом деле сама вот эта дискуссия непосредственно связана с новым индустриальным обществом второго поколения.

С моей точки зрения, наблюдается действительно некий отказ, разрыв между вот этим вот новым индустриальным обществом второго поколения и ноономикой, и тем, что было до сих пор. Поэтому, я считаю, что важно говорить именно об этом, вот об этой разнице «постиндустриального общества» и того, что мы наблюдаем в настоящее время. Причем я знаю, что у многих участников сегодняшней конференции есть личный опыт – и научной работы, и жизненный опыт работы, и жизни в предыдущие периоды.

Еще один важный баланс, о котором необходимо поговорить, это – баланс между избытком и дефицитом. Об этом тоже уже говорили, в том числе в рамках доклада господина Котца. Здесь, может быть, можно говорить и о связи и противопоставлении социализма и капитализма.

Я, может быть, просто буквально пару слов скажу еще о вышеобозначенных моментах.

Связь между технологическим и социальным измерением современной жизни для меня довольно очевидна. Кроме того, если проанализировать нашу современную жизнь, то можно заметить, насколько важным является нахождение баланса между этими двумя понятиями – технология и социальные отношения. Многие эксперты сейчас говорят о распространении коронавируса и других вызовах, с которыми сталкиваемся на современном этапе. Проблема – в недостатке координированности в условиях рынка. Вот это вот – недостаточно длинный (т.е. – излишне краткосрочный) горизонт планирования, когда в погоне за краткосрочной выгодой мы упускаем другие важные моменты. Поэтому, именно это заставляет нас перейти к рассмотрению вопроса с точки зрения планирования и, может быть, в том числе – в рамках социалистической системы, и капиталистической системы, противостоящей ей. Но, как правило, сейчас недостаточно мало исследований посвящается противостоянию планирования в социалистической системе, планированию в условиях капитализма и особенностям современного этапа капиталистической системы в целом.

Здесь, конечно, нельзя не отметить теоретический и практически вклад СССР в осмысление вопроса планирования в условиях командно-административной системы. Я просто хотел бы сказать, что эти уроки нельзя забывать и не учитывать опыт советской экономики, когда мы говорим о планировании. Говоря по-английски, есть такое выражение: выбросить ребенка вместе с водой из ванной. Я сейчас объясню вам, что это значит. Это значит, что вы так сильно старались сделать что-то хорошее, что переусердствовали. Вы зашли слишком далеко. Вы хотели выплеснуть воду из ванной, а выбросили вместе с водой и ребенка. Полагаете, какая неприятность?

И вот это чрезмерное рвение, я бы сказал, очень важный фактор, когда мы говорим об анализе именно командно-административной экономики и планировании. Это была одна из проблем советской экономики. Поэтому нам нужно избежать повторения негативного опыта, естественно, именно поэтому нужно учитывать опыт советской экономики. И в нашем семидесятилетнем опыте социализма у нас есть уже такой опыт, и нам нужно найти закономерности, анализировать этот опыт.

И вернемся обратно к балансу между недостатком и изобилием в связи с социализмом.

У нас сейчас мир, в котором господствует кризис «Ковид-19», а также финансовый кризис. И мы, конечно, можем сказать, что у нас чрезвычайная ситуация, чрезвычайное давление мы все испытываем. И что нам нужно делать? Нужно взять преимущества социализма, центрального планирования и активности государства, активного вмешательства государства, и использовать это. Проблема превосходства социализма – в том, что социализм всегда утверждал, что, в противовес капитализму и обществу свободного рынка, ему легче будет преодолеть кризис, и тогда также, после того, как пандемия пройдет. Я не предлагаю, чтобы мы вернулись к какой-то старой форме социализма, но можно взять какую-то новую, видоизмененную форму. Мы сейчас находимся в ситуации кризиса, и промышленного кризиса, в том числе. И с этим кризисом можно справиться только коллективными мерами.

Хотим ли мы вернуться к социалистическим формам человеческого взаимодействия? В целом, в том, что касается того, чтобы идти вперед после кризиса?

Доминирование человеческого понимания человеческих сил – все это можно использовать, все наши возможности. И объединить силы, чтобы создать новую среду. «Капитализм» вернется, когда мы вернемся к изобилию. Я не подсказываю сейчас вам никакого ответа, хотя вы, наверное, догадываетесь, к чему я клоню в этой связи. Но я верю в то, что, в конце концов, кризис, который мы сейчас наблюдаем, кризис, связанный с коронавирусом, пандемией, на этот кризис нужно смотреть с более широкой, теоретической точки зрения.

Бузгалин Александр Владимирович: Дэвид, мне очень нравятся ваши социалистические идеи. К сожалению, ваше время на исходе.

Лайбман Дэвид: Я закончил, спасибо большое нашим модераторам.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо большое, Дэвид. Я хочу подчеркнуть, что у нас идет где-то прямое использование наследия идей, вот видите, уже даже «наследие» слово появилось, такое, уже вошедшее в науку. Идеи Сергея Дмитриевича Бодрунова про новое индустриальное общество второго поколения...

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Я еще жив.

Бузгалин Александр Владимирович: Нет, Сергей Дмитриевич, я не это имел в виду. Понимаете, проблема в том, что Вас уже превратили в классика при жизни поскольку Толкачев уже использует ваши категории, даже не обращая внимания на то, что вы здесь есть, и что это ваши категории.

Я хотел бы вернуться. У нас идет и прямая полемика, потому что вот профессор Лейбман, да и модератор этой встречи, мы все-таки остаемся, наверное, старомодными социалистами-коммунистами. У профессора Бодрунова другой взгляд на эту тему. Я думаю, Сергей Дмитриевич поспорит с нами. Сейчас будут комментарии к этой сессии.

Но у нас есть еще один дискуссиант. Это выдающийся ученый, профессор университета Кембриджа Дэвид Лэйн. Дэвид, мы очень рады видеть. Пожалуйста, включайтесь в наш разговор.

Лэйн Дэвид: Спасибо. Спасибо за приглашение. Я слышал только несколько презентаций и поэтому не могу обсуждать их все. Я задам несколько вопросов, которые, как мне кажется относятся ко всем презентациям.

У меня четыре основные темы, я бы сказал.

Во-первых, коронавирус и воздействие коронавируса. И большинство спикеров соглашаются, что это влияние экстремально негативное.

Второе, текущий режим, который господствует в мире, показано большое количество каких-то заблуждений и недостатков.

И третье, мировые уклады и сравнение мировых укладов в разных странах.

И четвертое – сравнение производственных сил, рост творческой сферы.

И общий вопрос о том, новые технологии, новая технологическая база, которая развивается, превосходит или соответствует тому, что у нас сейчас есть при капитализме?

Коронавирус и последствия коронавируса – это первая наша тема. Многие спикеры говорили о воздействии пандемии, и здесь хотел бы задать вопрос участникам. Как вы можете сравнить текущую пандемию с другими формами эпидемий? Например, как бы вы сравнили эту пандемию, например, с колонизацией Америки? Или влияние эмиграции европейцев в Америку? Также в XX веке был целый ряд пандемий, например, испанка. Как это можно сравнить с текущей пандемией? Как мы, европейские страны справляемся с ней? Так же я хотел бы, чтобы участники подумали не только о карантине, но и о том, как этот карантин повлияет на другие аспекты, на другие болезни. Потому что сейчас многие больницы переориентированы на пациентов с коронавирусом. И другие пациенты не могут получить лечение. Какой кризис мы сейчас наблюдаем? И как последствия можно смягчить? Например, с помощью международных организаций, которые сейчас составляют программы борьбы с пандемией, с последствиями пандемии. Например, ВОЗ. Что можно изменить здесь? Окажет ли это какое-либо влияние, или это никак не поможет смягчить последствия ситуации? И вот этот коронавирус, его распространение из Китая, это пандемия одна из самых серьезных за последнее время. Это вот – первое из того, что я хотел обсудить. Коронавирус, мы много говорим о коронавирусе, но фактов у нас не так-то много.

Следующий момент. Экономический порядок и недостатки экономического порядка, который мы сейчас наблюдаем. Сейчас кто-то со мной разговаривает, нет? Вы меня все хорошо слышите?

Бузгалин Александр Владимирович: Да, да, все хорошо. Все отлично.

Лэйн Дэвид: И во-вторых. Текущий экономический уклад. Это цивилизация или варварство? Когда мы говорим: система выполняет свою цель, что вы имеете в виду? Что здесь поверхностное? Вы говорили о путешествиях, досуге, спорте, образовании, об обществе потребления. Все общество потребления

поверхностно, но это – часть нашей жизни. Что является стержнем системы? Что определяет систему? Мы не можем опровергнуть все эти вещи, потому что все это – часть нашей жизни, часть современной цивилизации. Эта жизнь – часть того, что развитые страны, а также Китай, на что ориентируются эти страны. И индустриализация там, действительно, очень важна. И индустриализацию просто нельзя отодвинуть в сторону.

И следующий мой вопрос по альтернативным формам экономических укладов. И я думаю, многие спикеры сегодня говорили о фрагментации, которая имеет место. И о разных формах координирования. Как же можно исправить текущую ситуацию? Есть ли какие-то средства? Мы говорили о примере Китая, как Китай отличается от других стран. Также другие страны, Япония, Швеция – также по-другому реагировали на пандемию. Тогда мы смотрим на средства, которые можно использовать. Какие это средства? Какие меры, средства, которые предлагают ВОЗ, международный банк, ООН? Мне кажется, что мы все можем согласиться, что координация рынка, это сложно. Но к чему это приведет? Это приведет к координации между странами. Тогда о каких странах мы говорим? Какие страны имеют наибольшее значение?

И четвертый вопрос. Я думаю, большинство спикеров о нем говорило. Это уровень производственных сил и творческая сфера. Развивается ли сейчас новая технологическая база? Это – технологическая база, которая развивается параллельно с капитализмом, или это что-то, то, что наслаивается на капитализм? И креативный труд, мы упоминали этот термин. Что мы имеем в виду под творческим трудом? И вот этот творческий труд, как он соотносится с механическим трудом? В чем значение вот этого всего? Или это просто развитие индустриального капитализма? Возможно, это высшая форма капиталистического империализма. Может, мы сейчас вышли на новый уровень уже. Или это начало какого-то другого производственного уклада? Например, посткапитализма или социализма?

Некоторые из спикеров также говорили положительно об опыте Китая в этом отношении. Когда мы смотрим на эти технологические наработки, имеем ли мы в виду, что в Китае построена другая система производственных отношений? И это привело к этому развитию. Или это новый режим производства? Режим

способа производства? Или какой-то более высокий уровень, возможно? С точки зрения этого развития не упомянули свободное производство, подъем свободного производства, свободных продуктов.

Да, и последнее. Последнее, что я хочу сказать. Как эти формы развития соотносятся с другими? Новые творческие институты, новые процессы, которые происходят – все это ведет к созданию новых продуктов, новых форм производства, групп сотрудничества. Можно ли сказать, что это новый производственный уклад? Новый способ производства?

Бузгалин Александр Владимирович: Да, спасибо большое, Дэвид. Я так понимаю, что вы закончили. Уважаемые коллеги, с нами был Дэвид Лэйн, профессор университета Кембриджа, большое спасибо за комментарий. И после Дэвида мы сейчас переходим к дискуссии. Это касается, извините, не только Дэвида Лэйна, у нас сегодня три профессора с именем Дэвид участвует в нашем диалоге.

Я думаю, мы сейчас попросим нашего ассистента Ольгу Лемешонок найти те вопросы, которые были заданы нашими коллегами, теми, кто смотрит наш вебинар, нашу международную конференцию в интернете, на Youtube, на сайте Института нового индустриального развития. Нас смотрит, кстати, уже под 200 человек в общей сложности, и пожалуйста, Ольга, какие есть вопросы нашим спикерам? Два-три самых важных. И плюс, я прошу, уважаемые спикеры, посмотреть в наш чат, там есть целый ряд вопросов, который вы адресовали друг другу. И, безусловно, их можно было бы прокомментировать. Но – предельно коротко, поскольку большинство, все-таки, не очень жестко придерживалось регламента.

Итак, Ольга, пожалуйста, какие есть вопросы к нашим докладчикам?

Лемешонок Ольга Борисовна: Добрый день, коллеги.

Сначала вопросы Сергею Дмитриевичу Бодрунову. Итак, вопрос первый от Эпштейна Давида Берковича, доктора экономических наук, профессора. Каковы основные аргументы в пользу того, что основой экономики остается материальное производство, несмотря на значительное сокращение его удельного веса в ВВП?

Далее – ему же вопрос от Пономаревой Олеси Николаевны, кандидата экономических наук, доцента. В современных условиях одновременного протекания глобализации и деглобализации, информатизации и интеллектуализации общественной жизни (он большой, длинный вопрос)... Насколько реалистично применение методологических основ теории ноономики при трансформации систем управления социально-экономическими процессами, протекающими в России, пространстве функционирования естественных монополий.

Бузгалин Александр Владимирович: О, Господи!

Лемешонок Ольга Борисовна: Давайте повторим.

Бузгалин Александр Владимирович: Нет, нет, не надо, Оля. В общем, опять ноономика, естественная монополия. Я это понял, это можно перевести, остальное оставим в стороне. Извините, Сергей Дмитриевич, просто иначе будет кошмар.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Коротко. Да, давайте.

Бузгалин Александр Владимирович: Конечно.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Судя по всему, с учетом замечаний выступивших коллег, уже у меня есть несколько листов вопросов. Я не знаю, сколько надо часов, чтобы на это отвечать...

Бузгалин Александр Владимирович: Но тем интереснее. Вот так все устроено. Мы тоже ведь сначала планировали небольшой семинар. Выросла международная конференция. Да еще с таким великолепным представительством.

Так, Оля, есть еще вопросы к Сергею Дмитриевичу?

Лемешонок Ольга Борисовна: Да, еще вопрос от Воронина Дмитрия Васильевича, доктора экономических наук. В чем вы видите необходимость именно междисциплинарного подхода в разработке теории ноономики?

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо. И давайте так, Сергей Дмитриевич. Я попрошу Ольгу задать вопросы и остальным участникам, а потом вы начнете отвечать, хорошо? И все по той очереди, как и выступали спикеры. Пожалуйста, Оля, всем остальным участникам сформулируйте вопросы.

Лемешонок Ольга Борисовна: Вопросы участникам. Джеймсу Кеннету Гэлбрейту от Маслова Глеба Андреевича, кандидата экономических наук. Считаете ли вы, что современный

кризис – это глобальный кризис неолиберальной модели, а пандемия лишь усилила глобальные противоречия?

Далее вопрос Алану Фриману от Яковлевой Натальи Геннадьевны, кандидата экономических наук, доцента. Для приоритетного развития творческой деятельности необходимо серьезное изменение в сфере образования. Согласны ли вы, что адекватная этому система общественных отношений возникает в процессе продвижения к ноономике?

Далее вопрос Дэвиду Котцу от Карасевой Людмилы Аршавириновны, доктора экономических наук, профессора. Разделяете ли вы позицию некоторых ученых, что коронавирус – это причина существующего кризиса, или же причины более глубокие, а пандемия лишь только акселератор этого процесса?

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо, Оля. Коллеги, я думаю, вы сможете прокомментировать не только эти вопросы, но и все то, что сформулировано в нашем чате. Он очень богатый. Это еще один пласт нашей конференции.

И сейчас я предоставляю слово профессору Бодрунову. Сергей Дмитриевич, желательнo 10 минут, если можно.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Я попробую в течение 10 минут, я очень коротко буду отвечать. Первое, если говорить по вопросам. У нас, на самом деле, сегодня участвуют, получается не три Дэвида, а четыре. Если учесть еще Дэвида Эпштейна.

Бузгалин Александр Владимирович: Да.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: У нас в России говорят, когда ты сидишь между двумя людьми с одинаковыми именами, нужно задумать какое-то хорошее желание. Оно сбудется. Но сегодня у нас можно даже два желания задумать, и они сбудутся. Так что я очень благодарен тем, кто приехал, кто сумел участвовать, кто прислал свои материалы, кто дал вопросы. Большое спасибо.

Первое. Давид Беркович, мы многократно обсуждали темы материального производства. Вообще, большой вопрос, что есть производство, а что услуги? Эти вещи, на мой взгляд, вообще, достаточно условны. Если говорить о корнях и всех этих определений, можно говорить об услугах с использованием каких-то материальных вещей, можно говорить о том, что это – продолжение, услуги – продолжение материального производства, и

т.д. Я придерживаюсь того, что ни одна так называемая услуга сегодня не может обходиться без материального наполнения или материальной основы.

И, вы знаете, сегодня здесь выступа один из коллег, профессор Алан Фриман, который сказал: а можно ли сегодня оказать услугу, виртуально постричься? Я могу сказать, что я стригусь, например, с помощью не виртуальных технологий, а с помощью тех технических устройств, которые это позволяют сделать. Невозможно пиджак сшить без материального производства, невозможно приготовить еду. И все услуги являются вторичными, если говорить о том, что лежит в их основе. В их основе лежит материальные вещи, абсолютно материальный мир. Поэтому мы можем говорить об изменении самого характера материального производства при всяком технологическом переделе, всяком новом технологическом укладе.

Когда мы говорим о переустройстве технологий, производственного цикла, каких-то производственных вещей, мы можем спокойно говорить о чем? О том, что меняется характер этого производства, применяемый инструментарий. Меняется, если говорить по большому счету, технологический какой-то базис. Но при этом суть самого явления остается неизменной, той же самой. И поэтому отказываться от производства в какой-то момент своей человеческой истории абсолютно неправильно. Поэтому, в этом плане я считаю, что то, что мы построили наши ноо-соображения на первичности материального производства, мне кажется, что это правильный подход.

Вопрос Олеси Николаевны Пономаревой, реалистичны ли в России, в условиях естественных монополий, ну, и вообще монополий, какие-то шаги в развитии нашего общества в сторону НИО.2, условно говоря, или некоего продвижения в сторону ноономики.

Ноономика, конечно, это понятно, да, это – другой тип материального производства, который вырастает из экономики, я это в своем докладе говорил. Рано или поздно это должно произойти. И этому есть большая аргументация, которая приводится в наших книгах, работах и т.д., можно это посмотреть. Но насколько это в России реалистично? Я считаю, что реалистично. Реалистично везде. Если мы будем этим заниматься, если это нужно. А чтобы заниматься, нужно это осознать. Чтобы осознать,

нужно это сформулировать – концепцию понимания того, что же на самом деле нужно делать, каковы цели. Цели, которые ставит концепция НИО.2, ноономики – они говорят о чем? О том, что нам обязательно, необходимо изменять структуру нашей экономики, делать ее более социально направленной – через развитие технологий. Развитие технологий в применении к решению социальных задач, в первую очередь. Развитие вот в этом направлении. Если мы этим будем заниматься, тогда у нас можно формулировать те задачи текущие, на которые можно обращать внимание с этой точки зрения. Если мы это делать не будем, у нас останется все то же самое, мы будем продолжать жить в тех же условиях, в которых мы живем сейчас, которые все более и более критичны для развития цивилизации – и России, в частности.

О необходимости междисциплинарного подхода я уже говорил немножко в докладе, и могу сказать, что невозможно построить эту концептуальную платформу без привлечения знаний, результатов исследований во многих дисциплинах. Я говорил о том, что, во-первых, необходимо было учесть многие дисциплины, связанные с развитием технологий, производственной и материальной деятельности человека. Далее – необходимо было посмотреть на социологические исследования, в которых мы показывали тренды развития, и привязать их к тем же материальным условиям развития технологической базы.

Необходимо было посмотреть на то, каким образом отражаются эти явления в институтах общества, и многие другие вещи. Необходимо было подойти к этому исследованию и с общепhilosophической точки зрения – для того, чтобы оценить последствия всех этих трендов и движений. Вот таким образом, я думаю, что основание для того, чтобы поменять междисциплинарный подход, совершенно очевидное. На основе одной дисциплины построить никакую комплексную теорию в принципе невозможно, также это относится и к ноономике.

Если позволите, еще несколько минут, буквально коротко я прокомментирую, попробую, те вещи, которые прозвучали в докладах, и которые, так или иначе, касались моего доклада.

Прозвучала у Андрея Ивановича Колганова фраза такая о том, какова альтернатива занятиям людей, речь идет о переучивании на новые профессии и т.д. Я согласен, что необходима аль-

тернатива, но это – в короткой перспективе, и переучивание на новые профессии – решение в короткой перспективе. В длинной перспективе – не будет профессий, Андрей Иванович. Не будет профессий, и соответственно, речь идет о более глубоком переустройстве общественных отношений и переустройстве вообще, занятости людей. Не будет труда как такового, в той концептуальной платформе, о которой мы рассуждаем. Так что здесь говорить о том, что необходимо просто переучивать на новые профессии, я думаю, что это, мне кажется, только на короткий, обозримый период времени.

Я думаю, что можно коротко дать мой комментарий по поводу замечания господина Алана Фримана. Я согласен, очень важная сентенция была в докладе: творческие инновации, регламентированность, где критерии?

Я думаю, что как раз творческие инновации важны. Действительно, нужно подумать о том, где же та цель, которая может остановить процесс, или где-то не менять одни инновации на более новые инновации, и т. д. Потому что с точки зрения того, что мы не используем потенциал предыдущих инноваций, значит, это очевидно.

Мне кажется, когда речь идет об этой вещи, мы должны думать о том, что это должно вписываться, ставиться в центр той концептуальной платформы, о которой мы говорим.

Речь идет о том, что вся деятельность человека должна быть подчинена новой критериальной базе. Вы знаете, сейчас, в эти дни как раз, еврейская диаспора в мире празднует Шавуот, праздник дарования Торы. Тора – это тот документ, исторический документ, который давал заповеди, каким образом действовать, каким образом жить – оттуда родились западно-христианские заповеди, христианские ценности, и т.д. Вот это – тоже критерии, критерии того понимания, как должно быть организована жизнь человека, в том числе. И если мы говорим о ноо-критериях, которые должны быть использованы, или выработаться и использоваться в ноообществе, то это – как раз те критерии, которые могут также и определить – на каждом этапе развития! – регламентированность этих самых инноваций.

Сергей Александрович Толкачев. Он говорил о многих интересных вещах, но я думаю, что, наверное, я соглашусь с ним,

что глобализация в той форме, которая сегодня есть, препятствует развитию знаниеинтенсивного производства.

И я еще хотел бы прокомментировать его мысль по поводу сетевого типа производства, одну из его таблиц. Была в одной из таблиц такая клеточка – о том, что в новом индустриальном обществе будет другой тип производства с точки зрения его формальной организации. Об этом мы говорили примерно 4-5 лет назад на одном из наших конгрессов. Я очень благодарен Сергею Александровичу за включение этого тезиса в систему факторов знаниеинтенсивного производства, потому что он систематизировал это, и мне кажется, это хорошая работа.

Коллега Дэвид Котц, я абсолютно согласен с тем, что экономическая система всегда влияет на прохождение, осуществление любых реакций на внешние шоки, на любые шоки, не только на внешние. Наверное, можно было бы сказать так, с моей точки зрения: научно-технический прогресс можно было бы направить на более легкое, более мягкое течение этих самых проблем, на преодоление этих шоков. Однако это не позволяет экономическая система сегодня, и в том числе – её глобальное противоречие, то, что она сегодня направлена на извлечение прибыли как главной цели деятельности, а не на реальное удовлетворение потребностей людей. Это противоречие не позволяет эффективно решать проблему. А эффективность, ее критерии зависят от целей. Если выгода, если прибыль – то какая рентабельность, рост ВВП (вплоть до того, что любой ценой)? Если реальное удовлетворение потребностей, реальное повышение качества жизни, тогда – другие критерии должны быть эффективности. И в том числе – тогда та самая, упомянутая господином Котцем, гибкость реагирования. Мне кажется, что это такой важный момент, на который стоит хорошо обратить внимание.

Я благодарен, как всегда, Дэвиду Лайбману, который говорил в очередной раз о тех вещах, на которые следует обратить внимание. Я думаю, что имеют серьезное значение те важные балансы, о которых он сказал, между изобилием и дефицитом, человеческим, социальным измерением и краткосрочным планированием, условно говоря, выгодой и долгосрочным планированием, то есть планами и целями долгосрочными и т.д. Я думаю, что это очень важно, в каком аспекте? В том, что все эти вещи,

поиск такого баланса, и та ситуация, которая сегодня складывается, показывают, что пандемия обостряет все эти противоречия, она обостряет поиск этого баланса, и она подталкивает к усилению социальной направленности развития, подталкивает к этому, а это совпадает с целями, которые провозглашаются концепциями НИО.2 и ноономики.

Что касается выступления или вопросов, которые задал господин Лэйн...

Дэвид Лэйн – это человек, с которым я давно дискутирую на разных площадках – и в Москве, и в Питере, и в Кембридже, давно с ним работаю, и очень признателен, что Дэвид принял участие в нашей сегодняшней беседе. Он задал несколько вопросов; если коротко – я не смогу на все вопросы отвечать, их очень много, но, тем не менее, на некоторые попытаюсь успеть ответить.

Сравним, допустим, нынешнюю, сегодняшнюю эпидемию с испанкой, например, условно, с какими-то другими эпидемиями, другими проблемами; мне кажется, что сравнение – это принципиально важно. Сегодня, об этом говорил и коллега Лайбман, советское наследие некое упоминалось. Значит, его надо в какой-то мере использовать как опыт. В этом плане то, что у нас в России осталось некое наследие той социальной системы, связанной с упреждением эпидемиологической ситуации, санитарными службами и т. д., позволило нам в некотором роде проще проходить эту самую пандемию.

Если сравнивать эту пандемию с испанкой, которая унесла в России, по разным оценкам, до миллиона жизней, это, конечно, совершенно разные ситуации с точки зрения эффективности использования медицины. А я оцениваю это с точки зрения какой? С точки зрения использования общественных возможностей для погашения этого самого шока. Я говорю также о чем? О том, что есть некие вещи, которые связаны с социальной ситуацией. Если бы в мире мы думали о том, каким образом погасить эту пандемию, используя технологический прогресс заранее, мы могли бы предупредить многие вещи.

Однако всякий раз мы упирались в то, что наша сегодняшняя глобальная экономическая система не позволяет выработать все механизмы, которые позволили бы мягче, лучше и эффективнее прореагировать на такого рода шоки. Значит, и это

связано как раз с тем вопросом, который опять же задавал господин Лэйн – это недостатки экономической модели, то есть текущий экономический уклад. И он задает вопрос: цивилизация это или варварство? Я думаю, что с точки зрения того, как мы используем технологический прогресс, недоиспользуем его до конца, все его возможности, это варварство. А если мы говорим о том, что мы сейчас лучше проходим, чем это было 100 лет назад, такого рода эпидемию, значит, все-таки мы движемся вперед и прогресс есть прогресс.

Бузгалин Александр Владимирович: Коллеги, я напомню, что Сергей Дмитриевич Бодрунов – инициатор и сомодератор всего нашего процесса, поэтому, естественно – вот такой открытый диалог и, я думаю, это принципиально важно.

Хочу напомнить, что у нас начинается вторая сессия, она будет продлена, как минимум, на час, поскольку у нас очень интересные спикеры и, в частности, я хочу специально об этом сказать профессору Файзенфесту. Лео Габриэль сказал, что он позже к нам подключится, поскольку у него параллельно какое-то всемирное совещание какого-то форума. Поэтому, пожалуйста, коллеги, не беспокойтесь, мы обязательно продолжим нашу работу.

Онлайн-режим хорош тем, что кто-то может сделать большой доклад еще и в другой стране, а может подойти к своей кофемолке, кофеварке и сделать маленький перерыв.

Сейчас я буду рад предоставить слово остальным основным докладчикам. Единственная просьба, где-то за 2-3 минуты, коллеги, у нас большой объем дебатов в чате, подробнее, пожалуйста, ответьте в чате на поступившие вопросы. И вопрос от профессора Хубиева из МГУ, ко всем: считаете ли вы, что в вашей стране, имеются в виду Великобритания, Соединенные Штаты, Канада, существуют уже некоторые шаги в направлении ноономики? Вот такой вопрос сформулировал профессор Хубиев.

Итак, пожалуйста, Джеймс Гэлбрейт.

Гэлбрейт Джеймс Кеннет: Спасибо. Я постараюсь очень кратко прокомментировать то, что уже было сказано с точки зрения изобилия и современного общества. Конечно, сейчас все стараются сэкономить как можно больше. Сейчас необходимо сконцентрироваться на тех видах деятельности, которые действительно

но необходимы для общества, чтобы избежать тех шоков, от которых экономическая система попросту не сможет оправиться.

В принципе, это всё, что я хотел сказать. Наверное, понимаю, что сейчас у нас нет времени. Факт, что сейчас экономическая система крайне уязвима, и, столкнувшись с экономическим кризисом, нам будет тяжело с ним справиться. И учитывая взаимозависимости экономик, конечно, скорее всего, кризис будет распространяться от одной страны к другой. С точки зрения США, может быть, мы можем на национальном уровне применять инструменты макроэкономики, они часто оказываются эффективными и с этой точки зрения можно попробовать выйти из кризиса.

В принципе, всё, что я хотел сказать, основываясь на комментариях, которые получал.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо, Джеймс, мы идем дальше. Я попрошу наших российских профессоров Колганова и Толкачева ответить на комментарии, которые были со стороны профессора Бодрунова и высказать ваши комментарии по поводу выступления наших коллег в чате с тем, чтобы немного сэкономить время.

Сейчас, Алан, добро пожаловать.

Фриман Алан: В принципе, на все вопросы я могу ответить одним способом.

Мне очень нравится концепция ноономики! Действительно, нравится. Мы должны понимать, что происходит в современном мире, в современной экономической системе. Упомянулись сегодня несколько разных концепций, таких, как экономика знаний, например, я не хочу никого критиковать, но они просто неадекватны современной реальности.

Но что такое ноономика? Это какой-то способ производства? Какой способ производства лежит в основе ноономики, который бы мог позволить нам воспользоваться всеми выгодами этого представленного нам сегодня мироустройства – ноономики? Полагаю, конечно же – для того, чтобы воспользоваться всеми выгодами, раскрыть весь потенциал ноономики, необходимо обратиться к вопросу творчества и креативного труда. Здесь важно отметить, что креативность доступна всем людям, каждый человек может быть по-своему творческим, по-своему креативным.

Когда мы пользуемся механическим трудом, мы перестаем использовать полный потенциал человека в качестве рабочей силы, потому что человек способен к творчеству. К сожалению, в нынешних условиях люди просто по большей части не могут проявлять креативность, от них этого не требуется и это не поддерживается. И их этому не учат в школе, в университете, потому что ставка делается только на материальное участие в производстве, которое можно обеспечить за счет механического труда.

Мы все знаем книгу под названием «Разрушительная сила капитализма». Дело не во влиянии на климат антропогенного фактора, но на нашу жизнь в целом. Капитализм заставляет нас ограничивать свои творческие способности, и в этом смысле мы должны немного ограничить саму систему капитализма – для того, чтобы полностью использовать свои креативные возможности.

И, отвечая на вопрос Натальи, я бы сказал, что требуется радикальное преобразование, радикальное реформирование системы образования для того, чтобы она стимулировала уже заложенную в человеческой природе склонность к творчеству. Потому что каждый способен к творчеству, и если все будут в себе это развивать и использовать, тогда мы сможем пользоваться всеми преимуществами современного этапа развития. К сожалению, не всегда мы видим поддержку этих творческих движений.

Бузгалин Александр Владимирович: Алан, извините...

Фриман Алан: Как правило, образование и творчество связывается с финансовыми возможностями себе это позволить. Прошу прощения, у нас ограниченные временные рамки.

Да, я все, я закончил, спасибо.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо большое, Алан.

Я очень рад тому, что вы поддержали идею способности каждого на творчество, это – принципиально важный тезис, и иначе, собственно, не будут возможными ни ноономика, ни какое-либо вообще прогрессивное развитие человечества. И в этом смысле, думаю, есть еще проблемы элитарного образования, и я попрошу Алана в чате более подробно ответить на вопрос Н. Яковлевой на эту тему.

Вот, Сергей Дмитриевич требует включения. Пожалуйста, профессор Бодрунов.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Прошу прощения, что я влезаю, но я не могу не добавить здесь пару слов буквально.

Я, действительно, считаю, что каждый человек способен быть творцом, что называется, способен к креативным вещам. Бог создал нас подобными себе, Творцу. В этом плане способности, конечно, разные у людей, но востребованность этих способностей тоже может быть разной, это первое.

Второе, технологический прогресс позволяет решить две важные вещи: первое – повысить доступ людей, улучшить доступ людей к образованию и повышению своего творческого потенциала, своих способностей, раскрытию их, во-первых. Во-вторых, технологический прогресс позволяет многим реализовывать себя там, где они не ожидали и где они не могли бы себя реализовать без всё большего и большего расширения технологических возможностей. Поэтому в этом плане я считаю важнейшим фактором развития общества сопряжение технологических возможностей и творческой способности человека, который тоже является и творцом технологии, в то же время – технологий, отвечающих вызову времени: удовлетворению растущих потребностей людей в креативе и творчестве.

Это сопряжение позволит решить главную проблему, о которой говорил Андрей Иванович Колганов – чем занять людей в то время, когда за них многие материальные вещи будут производить технические устройства, «самодействующая» система материального производства – материальная основа нономики, удовлетворяющая потребности людей, реальные потребности, которые эти люди, творцы, креативные люди смогут сформулировать в качестве именно своих реальных потребностей. Спасибо.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо, Сергей Дмитриевич. И профессор Дэвид Котц. Дэвид, пожалуйста, ремарки и комментарии.

Котц Дэвид: Было два комментария, которые относились к моей презентации. Во-первых, Дэвид Лайбман спросил, говорю ли я о том, что планирование – это хорошо только во времена кризиса? Я не об этом говорил, у нас сейчас пандемия, кризис. Это просто – еще одна причина, еще один фактор, влияющий на экономические силы. Я говорю о том, что в долгосрочной пер-

спективе планирование, стратегия планирования превосходит рыночную экономику.

Отвечая на комментарий, какая страна должна заниматься координированием? Станный вопрос. Конечно, во время кризиса, чтобы было простое координирование, должно быть доверие со стороны общества, экономики, и чтобы это удовлетворяло потребности разных групп общества. И на основании этого можно принять решение о том, какую форму принять для того или иного государства. И для каждого случая планирование будет отличаться. У человека очень сложные потребности и желания, в производстве форма планирования должна отвечать на потребности отдельных людей и групп в обществе и требует демократической формы планирования. А во время кризиса это касалось обычного времени. Что касается кризиса, здесь у нас меньше времени для раздумывания, консультаций, и поэтому нужно принимать решение быстро. Но в долгосрочной перспективе планирование должно быть основано на потребностях и желаниях граждан.

Спасибо, это все с моей стороны.

Лайбман Дэвид: Спасибо Дэвид, это были очень важные комментарии с вашей стороны.

Бузгалин Александр Владимирович: Я хочу поблагодарить также профессора Дэвида Лэйна и профессора Дэвида Лейбмана за участие в дискуссии, за их выступление в качестве обозревателей. Мы всегда рады именно такому критическому и одновременно позитивному взгляду на обсуждаемые проблемы.

Дорогие друзья, итак, мы переходим ко второй части нашей большой конференции. У меня не поднимается рука обрывать докладчиков, поскольку идут интереснейшие дискуссии. Я еще раз прошу обратить внимание на то, что у нас идет в чате, затем мы постараемся основные комментарии из чата перенести на видеозапись. Напоминаю, что нас смотрит под 200 человек, численность несколько меняется. И в дальнейшем, я уверен, что просмотров в интернете будет во много раз больше.

Вторая часть нашей конференции включает доклады профессоров: Радика Десаи, Карена Момджяна, Филхо Альфредо Саада, профессора Хубиева, Лео Габриэля, и дальше по программе.

Итак, я очень рад предоставить слово своего рода имениннице нашей сегодняшней конференции, профессору Радике

Десаи, её книга только что вышла на русском языке, мы еще раз вас поздравляем, Радика. Я хочу поблагодарить Институт нового индустриального развития за поддержку этой публикации. Это – то, что очень нужно для российских ученых. Радика Десаи – профессор университета Манитобы и руководитель исследовательской группы по геополитической экономии, Канада.

Десаи Радика: Хорошо, спасибо большое.

Во-первых, хотела бы поблагодарить профессора Бодрунова, профессора Бузгалина за организацию, за приглашение и, конечно, огромное спасибо ИНИР им. С.Ю. Витте за перевод книги, я это очень ценю.

Я хочу поговорить сегодня... Извините, я вот сюда, свою презентацию, хочу сейчас дополнительно кое-что вставить.

Итак, я сегодня хочу поговорить о геополитической экономике коронавируса, пандемии; с середины марта я исследую это явление, когда оно возникло впервые, по крайней мере, на Западе. И я здесь указала ссылки на работы, которые я написала, я написала статью о взаимоотношениях между пандемией и коронавирусом. Я писала об отношениях между капитализмом и коронавирусом, писала работу на тему анализа текущей ситуацией, об экономической и геополитической ситуациях, созданных пандемией. На самом деле об этом очень много можно говорить, я просто основные вещи освещу. И также много уже было сказано до меня, я постараюсь здесь сделать акцент на самом главном.

Наверное, нужно здесь начать с того, что кризис сегодняшний, который признают все и международная координация, это – ответ на пандемию. И отсутствие такой координации – это все очень бросается в глаза, то есть очень мало видим сотрудничества на международном уровне. И я это все отобразила в моей работе по геополитической экономии.

Отношение между странами в капиталистическом мире очень сильно усложняются противоречиями капитализма, и из-за этого в реальности, несмотря на глобализацию и т.д., общий международный порядок невозможен при капитализме, и мы сейчас видим проявление этого в текущей ситуации. Еще что я хочу отметить – это проблемы международной индустриальной революции. Революции должны происходить, но они по-разному соотносятся с международной экономической системой. И вот тот

кризис, который мы наблюдаем, обострил, обнаружил недостатки капиталистической системы.

Мы все вспоминали испанку, и там было то же самое, что мы видели потом в 30-х годах, это был, с одной стороны, кризис капитализма, а с другой стороны – успех плановых экономик. То есть превосходство плановых экономик мы увидели. Также хочу отметить, внутри стран и на международном уровне становится понятно, что плановый подход имеет большие преимущества, и мистер Бодрунов это называет ноономикой. Преимущество плановой экономики – я думаю, что это все теперь становится понятнее для всех. И вот эти проблемы и эти кризисы, которые мы видим на внутреннем уровне, на международном уровне, проявляют все это.

Также хочу сказать, что есть, конечно, те, кто выиграл, те, кто проиграл в современных условиях пандемии. Это рестораны, бары, магазины, они потеряли очень много, вы знаете. Другие, например, «Amazon», «Zoom», у них наоборот, доходы растут в условиях пандемии. Поэтому на разных участников рынка пандемия повлияла по-разному. И вот это разделение имеет некоторое отношение к избыточному и поверхностному. Также тип экономики, секторы экономики. Новый либерализм, который у нас сейчас: мы удовлетворяли потребности большого количества групп людей, которые являются меньшинствами. И мой любимый пример на эту тему, я не думаю, что в 80-х или даже в 90-х у нас такое было, но вот сейчас мы видим очень сильное разделение между людьми, у которых доходы выросли, и людьми, у которых, наоборот, доходы упали, и это реальная проблема.

Еще кое-что, что нужно отметить. Есть малый бизнес, есть большой корпоративный капитал, большие корпорации. И вот этот кризис накладывает дополнительное бремя на небольших производителей, на маленькие компании. Вот это и есть ограничение капитализма, я думаю, что мы достигли здесь предела. И что мы сейчас видим? Капитализм продолжался, поддерживался в течение какого-то периода времени. В конце 70-х годов капитализм начал требовать все больше и больше власти, и такое сосредоточение власти привело к хрупкости экономик и к разрозненности общества. В целом – это просто продолжение проблем, которые уже возникли в течении капитализма. Плановые

экономики ни имеют ничего общего со свободным рынком и с большими корпорациями. А здесь у нас очень большой разрыв между крупными корпоративными компаниями и малыми компаниями. Я сейчас что наблюдаю? Что капитализм достиг своего предела, но мы видим хрупкость капитализма.

Левые сейчас очень слабы, в течение многих лет левые, которые должны были осуждать такой тип капитализма, бороться с капитализмом, этого не делали. Левые сказали: мы будем приспосабливаться к этому типу капитализма. И Тони Блэр, Билл Клинтон это делали, и все это привело к тому, что мы достигли такой ситуации, где левые силы очень слабы. И сейчас очень большая неопределенность существует, что и чем это все закончится, да. У нас сейчас левые силы пытаются воспользоваться возможностью в современной ситуации, но нет сотрудничества на международном уровне, а также внутри стран. Поэтому мы не знаем, чем это все закончится, но в контексте текущей ситуации у правых сил ясная стратегия, они пытаются перейти к новой фазе нового либерализма.

Мы сейчас рассматриваем новый либерализм как какой-то строй, который доминировал в течение 40 лет. Но, на самом деле, он уже прошел несколько стадий изменений. То есть был новый либерализм, затем социально-демократическая либерализация, потом был Блэр и Клинтон, затем появился неолиберализм. Что мне кажется, сейчас произойдет? Я думаю, Билл Гейтс – это хороший пример. Сейчас они попробуют перейти к новой фазе неолиберализма. Филантропический неолиберализм. Вы знаете, вот, они попытаются сейчас создать такое положение дел, чтобы это стало возможным.

Однако государство будет основным клиентом всех услуг, но это будет на руку только большим корпорациям, которые будут продавать свои товары государству. Большая роль в государстве здесь сведется к тому, это просто будет поддержка крупных корпораций. Но тут, конечно, много всяких препятствий на пути. Я думаю, вот этот переход был бы очень проблематичен, и я думаю, что ничего не получится. Но если все-таки получится у правых сил, а левые по-прежнему будут слабы, у нас будет очень много проблем в нашем обществе.

Что происходит сейчас у нас в мире? Общества, которые лучше смогли преодолеть текущую пандемию – это страны с социальным подходом к здравоохранению, а не с капиталистическим подходом.

Сейчас – о плановой экономике, рыночной экономике.

Бузгалин Александр Владимирович: Да, Радика, пожалуйста, еще пару минут.

Десаи Радика: Да, хорошо, и последнее, что я хочу сказать: новый либеральный капитализм сейчас создал у нас жертв и противников. И вы видите, сейчас у нас образуется новый союз между Россией, Китаем, Ираном, и вот эти альянсы будут расти, а капитализм будет реагировать на это все, система станет все менее гармоничной, все более противоречивой, и под вопросом будет сотрудничество, а также угроза войны, её тоже не стоит недооценивать. Я бы хотела, конечно, более подробно обо всем поговорить, но, к сожалению, по времени мы ограничены.

Спасибо большое.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо, Радика.

У меня такое ощущение, что нам надо обязательно продолжить эти дискуссии. Не знаю, как поддержит это в перспективе или нет Сергей Дмитриевич, но в любом случае, я думаю, мы обязательно это сделаем, и вот Сергей Дмитриевич тоже кивает головой. Так что, я думаю, разговор обязательно будет продолжен, подумаем, как сделать более спокойной и неограниченной беседу. Хотя, как ни странно, но в онлайн-режиме получается работать тоже очень даже неплохо.

Мы продолжаем наш разговор, дискуссия как всегда будет в конце сессии, и я сейчас рад предоставить слово нашему коллегу-философу, профессору Карену Хачиковичу Момджяну. Карен Хачикович, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории, философского факультета Московского государственного университета. Карен Хачикович, вы все еще с нами, я надеюсь?

Момджян Карен Хачикович: Да, меня слышно?

Бузгалин Александр Владимирович: Да, пожалуйста, мы вас слушаем.

Момджян Карен Хачикович: Уважаемые коллеги, мне очень нравится теория ноономики, но есть несколько проблемных пунктов, на один из которых я хотел бы обратить ваше внимание.

Речь идет о проблеме так называемых симулятивных потребностей, от которых, согласно этой теории, должно избавиться человечество, создавая одновременно новые адекватные потребности. Я, как философ, считаю эти задачи невыполнимыми по двум причинам. Первое: новой потребности не может возникнуть, поскольку потребности человека исторически неизменны. И второе: симулятивных потребностей, которые в иной транскрипции называют неразумными, просто не существует. Я полагаю, что мы можем и должны говорить об адекватном или неадекватном потреблении, но мы не можем говорить о разумных, неразумных или симулятивных потребностях. Хочу подчеркнуть, речь в данном случае идет не об игре слов, а о важном вопросе, от которого зависит правильная типология человеческих потребностей, и не менее важная типология человеческих ценностей, которые, безусловно, интересуют экономическую науку. Если коллегам это интересно, я скажу несколько слов о социально-философском понимании потребностей. Извините за философскую терминологию.

Бузгалин Александр Владимирович: Ну, иначе нельзя, Карен Хачикович, вы же философ, мы немножко философы тоже.

Момджян Карен Хачикович: Потребность представляет собой объективно-реальное свойство всякой адаптивной системы испытывать надобность в условиях внешней и внутренней среды, без которых невозможно сохранение факта и качества жизни.

Соответственно, потребности человека бывают детальными, депривация которых ведет к прекращению существования, и бытийными, это термин Абрахама Маслоу, депривация которых приводит к ухудшению качества жизни.

Позвольте мне сделать несколько комментариев к этому определению. Я начну с атрибута реальности, понимая реальное не как антитезу иллюзорного, а как альтернативу идеального внутри психического существования. Если использовать слова Канта, реален талер в кармане и в этом качестве он очень сильно отличается от идеального талера в голове.

Так вот, чтобы понять в этом смысле феномен потребности, мы должны, прежде всего, отличить ее от форм ее психического инобытия. Всякая потребность сигнализирует о себе с помощью особых интерорецептивных ощущений и влечения, которое не тождественно самой потребности. Реальность потребностей означает, что она не является формообразованием психики, как полагают многие психологи, а существует за её пределами. В качестве иллюстрации напомним вам о различии между голодом, как состоянием пищевой потребности, и чувством голода, вызываемого её депривацией. Об этом различии свидетельствует психическое расстройство, именуемое булимией и анорексией.

Уточню, что говоря о психическом статусе потребности, я имею в виду все человеческие нужды, в том числе и духовные потребности человека. Они реальны, они идеальны, надо отличать знания как состояние сознания от надобности в знании как реальном условии человеческого выживания в мире.

Второе мое пояснение касается важного различия между потребностью и её предметом. Предмет потребности – это объект, необходимый субъекту, потребность же – это имманентное свойство субъекта нуждаться в подобном объекте. Нужно понимать, что реальность потребностей, её внепсихический статус не означает, что она представляет собой внесубъектную реальность. Конечно, нормы русского языка позволяют моей жене утверждать, что кофе с пирожным – её жизненная потребность, но на самом деле кофе и пирожное выступают как предметы соматических потребностей в их бытийном, а не в витальном измерении. Между потребностью и её предметом существует полигамная связь, один и тот же предмет может удовлетворять разные потребности, а одна и та же потребность может удовлетворяться с помощью разных предметов.

Третье, для правильного понимания потребностей мы должны отличать её от нужды, это – не синонимы. Потребность и нужда соотносятся между собой так, как свойства соотносятся с состоянием. Из курса химии мы знаем, что вода меняет свои агрегатные состояния, оставляя неизменными сущностные свойства, которые определяют, говоря философским языком, её качественную самождественность. Точно также потребность есть постоянное и неизменное свойство живой системы, а нужда – это

одно из двух переменных состояний, в котором может находиться потребность. А именно, состояние острой актуализированной потребности, требующей немедленного удовлетворения.

Четвертое. Для социальных наук чрезвычайно важно различать потребности и интересы. Если потребность есть свойство нуждаться в необходимых условиях жизни, то интерес – это свойство человека испытывать надобность в операциональных медиаторах, с помощью которых люди создают, хранят и используют предметы потребности. Говоря конкретно, пища для человека – это предмет потребности, но получить этот предмет можно лишь в том случае, если будут удовлетворены четыре вида интересов, присущих человеку, а именно: орудийный, информационный, коммуникативный и организационный интерес.

Наконец, пятое, важно понимать, что потребности не только реальны, но и объективны. Они не только существуют вне сознания человека, но и не зависят от его воли. Воля влияет на процесс удовлетворения или осознанную депривацию потребностей. Но не влияет на факты ее существования и способность оказывать принудительное воздействие на поведение. Это значит, что обет celibата, данный священнослужителям, не отменяет половую потребность как фактор, вынуждающий его вести титаническую борьбу с зовом плоти.

Из сказанного следует два важных вывода. Первый: потребности человека видоспецифичны, то есть одинаковы у всех представителей человеческого вида. Исключением из этого правила можно считать лишь пару-тройку физиологических надобностей, связанных с различием пола и, возможно, возраст. Второй вывод: потребности человека исторически неизменны. Я берусь утверждать, что со времен появления кроманьонцев у человека не возникло ни одной новой потребности. Меняются не потребности, а способы их удовлетворения, в ходе которого человечество изобретает все новые средства такого удовлетворения. Нужно, однако, понимать, что создание, к примеру, компьютера, не означает появления новой потребности. Речь идет всего лишь о новом способе удовлетворения изначальной и извечной потребности в получении, хранении и передаче информации. Впрочем, доказательства исторической неизменности и потребности предполагает их развернутую типологию, на что у меня нет времени.

И, наконец, заключительный вывод: потребности человека есть важнейший объективный компонент его родовой надисторической природы, и потому не могут быть разумными или неразумными. Таковыми могут быть лишь способы удовлетворения потребностей, не надо обвинять нувориша, который купил платиновый унитаз и инкрустировал его бриллиантами, наличием у него неразумной потребности, он руководствуется абсолютно нормальной человеческой потребностью самоуважения и самоутверждения. Однако избирает контрпродуктивный способ его удовлетворения, который Эрик Фром называл стратегией «иметь», не связанной с личностным ростом.

Кстати, сторонники идеи неразумных потребностей приводят в качестве аргументов психофизиологическую зависимость от алкоголя или наркотиков, которые формируются у больных людей. Однако ни алкоголь, ни наркотики в отличие от пищи, безопасности, внутренней свободы, знаний и прочего не являются объективно необходимыми условиями человеческого существования в мире. Поэтому следует говорить не о потребности в алкоголе или наркотиках, а о ситуативной артефактной надобности в них, которая не является потребностью в категориальном значении этого термина.

Дело в том, что всякая потребность связана с надобностью, как отношением необходимости, но далеко не всякая надобность выступает как потребность. Мы можем говорить, к примеру, о надобности бензина для работы двигателя внутреннего сгорания, но не стоит приписывать двигателю наличие потребности в бензине. У технических устройств, ровно, как и у социальных институтов, есть надобности, но отсутствуют потребности. И, наконец, последняя фраза: повторяю еще раз, ставя в потребность зависимость от человеческого сознания, мы получаем ошибочную типологию потребностей и ошибочную типологию ценности.

Мы получаем, в частности, путаницу в важнейшем вопросе о существовании общечеловеческих ценностей, которые являются общечеловеческими именно потому, что в их основе лежит рефлексия базовых, исторически неизменных потребностей человека, но это уже другая тема, благодарю вас за внимание.

Бузгалин Александр Владимирович: Да, огромное вам спасибо. Наверное, надо пожалеть наших переводчиков, которые окунулись в невообразимый объем философской терминологии. Пользуясь просто ролью модератора, я от своего имени, и, наверное, от имени Бодрунова, могу задать вам вопрос о том, почему нельзя потребностью называть ситуативную артефактную надобность? Или правильной сказать, что вот, ситуативная артефактная надобность в симулякрах – это и есть то самое, о чем пишет Бодрунов, и о чем пишут...

Момджян Карен Хачикович: У меня концептуальных разногласий нет...

Бузгалин Александр Владимирович: Нет, нет, сейчас никаких ответов, потом, все потом.

Момджян Карен Хачикович: Я понял. Хорошо.

Бузгалин Александр Владимирович: Особенно это интересно, потому что в английском и потребность, и надобность будет need. Так что вот вам – потом, Карен Хачикович, а то мы с вами сейчас увлечемся.

Сергей Дмитриевич начал с абстрактного и конкретного, вы продолжаете с артефактными надобностями и прочими философскими вещами, так что мы тут увлеклись. Хорошо, у нас мало времени, поэтому пойдем дальше.

Профессор Филхо Альфредо Саад, научный сотрудник департамента исследования и развития Университета востоковедения и африканистики, сопредседатель Ассоциации по продвижению политической экономики, Великобритания. Альфредо, пожалуйста, мы ждем вашего выступления.

Филхо Альфредо Саад: Спасибо огромное за возможность выступить здесь, спасибо большое за приглашение на эту конференцию. Мне, конечно, очень жаль, что я не могу по-русски обратиться к вам, чтобы донести свою мысль.

Сейчас мы имеем дело с экономическим кризисом, политическим кризисом, политическим кризисом с точки зрения системы неоллиберализма и, конечно, кризисом здравоохранения, то есть три кризиса одновременно. Чтобы я хотел сказать? Вот это переплетение трех различных кризисов, оно усиливает изоляционистские тенденции неоллиберализма. И, конечно, вызывают ряд

опасных последствий для социальной стабильности и для демократической системы в целом.

Я начну с неолиберализма. Исторически мировой неолиберализм прошел через три стадии, или фазы, которые разделяются периодом середины 90-х годов XX века. И затем – мировым финансовым кризисом, который начался в 2007 году и последствия которого до сих пор, как вы знаете, не были нивелированы.

Итак, первая стадия – это переходная стадия, который являет собой противовес предыдущей системе, основанной на накоплении, будь это кейнсианская социально-демократическая система или социалистическая система в советском стиле, или что угодно еще. Основная идея, цель вот этой фазы перехода – это активное продвижение и интернализация частного капитала. При этом никто не обращает внимания на последствия.

Вторая фаза, её можно назвать фазой зрелости. Началась она с середины 90-х годов. Фаза зрелости связывается с усилением финансиализации общественного воспроизводства, она институционализовала ограниченную форму технократической и изоляционистской демократии, она создала неолиберальный субъективизм, который привел к легитимизации неолиберальной системы. И, кроме того, в рамках этой фазы была введена традиционная неолиберальная социальная политика для сдерживания отрицательных социальных последствий переходной фазы, о которой я говорил. Эта фаза длилась до 2007 года, когда начался мировой финансовый кризис, который привел к развитию неолиберальных способов ведения политики.

И теперь мы приходим к третьей стадии, которая представляет собой смягчение последствий мирового финансового кризиса и, прежде всего, речь идет о смягчении денежно-кредитной политики и мерах жесткой экономии с точки зрения налогово-бюджетной политики. Вот это переплетение мер монетарной и фискальной политики, оно, как правило, в условиях идеологического господства и в ситуациях кризиса приводит к усилению новых форм изоляции под маской правого популизма, национализма и расизма. Как следствие, в результате выборов в ряде стран к власти пришли авторитарные правительства, имели место злоупотребления конституцией, государственные перевороты. Как правило, эти события вдохновлялись выдающимися лидерами, которых

поддерживали организованные общественные движения, СМИ, иногда военные, все это связано с истончением потенциала неолиберальных демократий. А потом, в этом году внезапно произошла вспышка пандемии, и эта пандемия привела к наиболее сильному экономическому спаду в истории капитализма.

В условиях этого пандемического шока характерная для неолиберализма риторика жесткой экономии, снижения социальных расходов просто перестала звучать, по крайней мере, временно. Однако уже становится очевидно, что если государство хочет выйти из кризиса, используя меры жесткой экономики – это, конечно, потребует ряда более жестких ограничений, даже более жестких, чем раньше. Но это просто невозможно.

И я считаю, что на то есть две причины: во-первых, потому что это подрывает то, что еще осталось от демократических режимов, и, таким образом, встанет вопрос о легитимности авторитарных режимах как таковых. И экономические последствия финансового кризиса и последствия пандемии – они будут настолько серьезными, что мы столкнемся с чудовищной социальной напряженностью.

Во-вторых, то, что я бы назвал турборежимом жесткой экономии, скажется на электорате, безусловно, и подорвет политическую основу авторитарных режимов, которые, в общем-то, полагаются на поддержку экономически неуспешных субъектов первых двух стадий неолиберализма, о которых я уже говорил. Эти симптомы проявляются в двух формах, симптомы напряженности в разных сферах.

Первый – позитивный. Мы знаем, что компания Берни Сандерса в США и господина Корбена в Великобритании потерпели поражение, да, действительно, однако они очень четко продемонстрировали всю глубину недовольства неолиберализмом. И чувствовали это чрезмерное давление, которое они могли вынести. Чрезмерная финансиализация, рост безработицы и т. д.

Из негативных последствий можно отметить следующее: радикальные неолиберальные правительства абсолютно никоим образом не смогли справиться с пандемией. Я говорю о Бразилии, о США, о Великобритании, они не смогли справиться с пандемией. Конечно, в определенный момент они поняли, что должны были действовать иначе, однако было уже слишком поздно.

Они забыли, что самая основная функция государства – это защищать граждан и обеспечивать их благосостояние.

А вот другие правительства, напротив, я говорю о правительствах Китая, Германии, Новой Зеландии, Южной Кореи, Тайваня и Вьетнама, они действовали иначе. Их опыт демонстрирует, насколько важно интегрировать социальную политику мощности государства и сочетать это все с сильной производственной базой. Они действовали совсем не так, повторюсь, как неолиберальные правительства. Я с оптимизмом смотрю в будущее и считаю, что основываясь на опыте, успешном опыте, новые поколения смогут решать проблемы более эффективным способом. Мы увидим, конечно, оживление движений против неолиберализма и увидим определенную степень консолидации и сотрудничества. Мы уже увидели это в условиях современного кризиса здравоохранения и считаем, что в условиях пандемии мы увидели намеченный путь для решения всех проблем, эту прогрессивную, даже если это потребует, прогрессивного налогообложения и идей финансиализации.

Спасибо вам большое.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо, Альфредо. Мы надеемся на то, что проблемы, которые рождены капитализмом в целом и неолиберальной системой капитализма, в частности, уйдут в прошлое. Хотя я боюсь, что уроки опять не будут извлечены, и глубокие кризисные явления сохранятся, но это уже – вопрос будущего.

Сейчас мы продолжаем нашу работу, и у нас идет такой контрапункт философов и эконом-политиков.

Сейчас снова к экономико-теоретическому дискурсу. Кайсын Хубиев, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии Московского государственного университета хотел бы поговорить о социально-экономических аспектах теории ноономики.

Кайсын Азретович, надеюсь, вы все с нами?

Хубиев Кайсын Азретович: Да, я включил и микрофон, и камеру тоже. Приветствую всех коллег.

Я приветствую отечественных и зарубежных коллег, участвующих в этой интересной очень дискуссии и, наверное, устремленной в будущее. И я хотел бы в своем докладе, может быть,

больше акцентировать внимание на проблемах, свой взгляд на проблемы социально-экономического порядка, связанного с теорией ноономики.

Хотя теория ноономики мне достаточно хорошо и давно известна, и сейчас я попытаюсь это показать, но начну я с другого.

Вирусная атака устроила своеобразный экзамен человечеству, атаку на качество его самоорганизации и на качество его фундаментальных ценностей. Вирус атаковал человечество по всему фронту. Оно не смогло ответить на эту атаку столь же консолидировано. Появились на разном уровне, от государства до индивида, эгоизм, обособленность, даже хищничество. Мы с вами были свидетелями невероятных взлетов цен на необходимые предметы в связи с коронавирусом, производством контрафактной продукции в этом направлении. И в этой связи, на этом фоне, отчетливо выявилась историческая порочность методологического индивидуализма – самого глубокого принципа неолиберальной формы организации экономики и его общественных институтов.

Методологический индивидуализм я критически рассматриваю уже, наверное, более десятка лет, задолго до коронавируса. Просто коронавирус показал новые отрицательные черты этого фундаментального принципа неолиберализма.

Всё актуальнее в этой связи становятся проблемы реорганизации общества на новых фундаментальных основах. Вот ноономика, кстати говоря, выступает одним из альтернативных вариантов принципа устройства общества, основанного, как я уже говорил, на базе методологического индивидуализма.

Теорию ноономики Сергей Дмитриевич Бодрунов, насколько я помню, представил в таком более-менее полном объеме на Санкт-Петербургском форуме 2018 года. В дальнейшем вышла книга под аналогичным названием, и соответствующие статьи тоже. Масштаб заявленной темы, её актуальность требует серьезного отношения и анализа, и в данном случае простая комплиментарность будет не очень полезной.

Мы полностью разделяем технико-экономическую сторону этой концепции, концепции нооэкономики.

Мы согласны с тем, что в основе её лежит новое индустриальное общество, новая индустриальная экономика, которая находится пока не по ту сторону материального производства, а под-

нимает материальное производство на новый уровень на основе новейших технологий, с этим мы полностью согласны. Кстати говоря, в этом направлении открываются огромные перспективы для исследования этих самых новых технологий, технико-экономических форм организации, и т. д. Здесь – неисчерпаемая проблематика, и когда наш уважаемый ведущий говорит о том, что подобные дискуссии будут продолжены – в этом есть совершенно интеллектуальная, объективная и актуальная необходимость.

Но мне представляется, что не вполне еще разработана социально-экономическая сторона проблемы. Позиция Сергея Дмитриевича изложена в его трудах, сегодня он её повторил.

Ноономика – это хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений между людьми в процессе материального производства. Более того, говорится о том, что вообще экономические отношения будут вытеснены, все решат самоуправляющиеся, саморегулирующиеся технические, технологические системы.

Здесь у меня есть некоторые сомнения, которыми хочу поделиться. Дело в том, прежде всего, я полагаю, что экономические отношения складываются не только непосредственно в сфере материального производства. Экономические отношения складываются вне материального производства, но они пронизывают материальное производство. Распределение, собственность – это все отношения, которые вроде бы не внутри материального производства находятся, но под их чутким «наблюдением» происходят процессы и в материальном производстве. Да, собственно, и внутри материального производства тоже и экономические отношения не вытесняются технологическим процессом. Можно назвать разделение труда, его кооперация, обобществление, концентрация, централизация – это все экономические, организационно-экономические и прочие отношения. Отдельно можно выделить планомерность, особенно в связи с новыми возможностями планирования с участием суперкомпьютеров, цифровых технологий и т. д.

И вот в этой связи я хотел бы сейчас, прошу прощения, сослаться и процитировать небольшой кусок из книги Клауса Шваба, который много лет своей деятельностью и свои труды посвятил как раз грядущим новым, технологическим революциям.

Здесь я хочу показать, что новые технологии отнюдь не вытесняют экономические отношения из системы даже материального производства.

Бузгалин Александр Владимирович: Кайсын Азретович, только не очень длинную цитату, через три минуты закончится регламент...

Хубиев Кайсын Азретович: А, давайте я сэкономлю. Клаус Шваб говорит о том, что если взять Детройт как показатель прошлой промышленной революции, и Кремниевую долину, то три крупнейшие компании Кремниевой долины в десятки раз увеличили свою капитализацию, в десятки раз увеличили свою прибыль, но в десять раз сократили занятость.

Вот как вот эти сокращенные, незанятые, оказались по ту сторону производства, а что с ними будет? Понимаете, в чем дело? Безработица – это тоже социально-экономическое отношение, технологическая безработица в том числе. Клаус Шваб хоть и не дает решений этих вопросов, но он их ставит. Из этого можно очень простой вывод сделать: новейшие достижения четвертой промышленной революции присваиваются капиталом и подчиняют производство добыванию прибыли, о чем в своих трудах и сегодня Сергей Дмитриевич говорил критически. И так было всегда – и первая, и вторая, и третья, и четвертая промышленные революции: их результаты осваиваются капиталом ради производства прибыли.

И пока еще – как можно доказать то, что машины могут вытеснить этот мотив и вырвать из их рук результаты этих промышленных революций и отдать на пользу каким-то другим слоям общества или каким-то другим благородным идеям? В этой связи я могу сказать только о том, что вопрос о социально-экономической трансформации в связи с новой технологической революцией еще только предстоит исследовать в полном объеме, простого их отрицания, мне кажется, сейчас недостаточно.

И последний сюжет, на котором хотел бы остановиться.

Бузгалин Александр Владимирович: Одна минута, Кайсын Азретович.

Хубиев Кайсын Азретович: Её мне хватит. Понимаете, есть Давосский форум, который полностью устремлен в исследования вот этих новейших достижений промышленной револю-

ции. Там работают десятки аналитических центров. Мне кажется, и Санкт-Петербургский форум, и Давосский форум работают в одном и том же направлении. И как бы нам в будущем попытаться сделать так, чтобы эти два интеллектуальных потока объединились в одно направление? Мне кажется, это дало бы такой некий синергетический результат исследований в этом очень актуальном, современном направлении. Спасибо за внимание.

Бугалин Александр Владимирович: Спасибо, Кайсын Азретович. Я, правда, не уверен, что Давосский и Санкт-Петербургский форумы идут в одном направлении, но это уже личное мнение Бугалина, которое в данном случае необязательно учитывать. А вот превратить Санкт-Петербургский экономический конгресс в субститут Давоса... эта идея мне как раз очень нравится, хотя это – не совсем то, о чем говорили Вы.

Мы продолжаем наш разговор, напоминая, у нас будет короткая дискуссия по итогам нашей сессии. Я обращаюсь к своей программе и рад предоставить слово Лео Габриэлю, председателю Австрийского социального форума, нашему доброму коллеге, члену Международного комитета Вольного экономического общества.

Лео Габриэль: Добрый день, спасибо большое за то, что пригласили на эту прекрасную конференцию.

Я думал, пока вы говорили, когда вы говорили о совмещении этих разных опытов, я думал о 2004 годе, когда Вальштайн на международном социалистическом форуме объявил, что неолиберализм мертв. Мы были очень удивлены этим, и он постарался объяснить, это – постольку происходит, поскольку США пытаются наложить руку на природный ресурс через войну и милитаризацию. Это означает признание того, что свободный рынок, рынок неолиберализма больше не является референсной точкой, больше не доминирует в мире.

Я об этом думал, потому что я являюсь экспертом по Северной Америке, и за последние два месяца я увидел увеличение милитаризации под предлогом пандемии. Целью является контроль над экономикой и, на самом деле, вот этот наш старомодный неолиберализм критикует этот новый тренд. Помимо этого неолиберализм – это одна из причин, почему эта пандемия привела к таким ужасным результатам. Потому что система здраво-

охранения не поддерживалась, не считалась чем-то важным в рамках неолиберализма, таким же важным, как образование. И траты на систему здравоохранения считались непродуктивными, и средства в неё не вкладывались. Сейчас и в 2008 году, возможно, еще это было бы возможно, именно государство пыталось получить деньги, все пытались получить деньги от национальной системы, от государства, чтобы обогатиться, и вопрос стоит в том, что делать сейчас и как отреагирует на это государство.

Есть две стратегии, как всегда происходит, в большие кризисы, если вы вспомните 1929-30 годы, кризис 30-х годов. С одной стороны, были приняты жесткие меры, а с другой стороны – по так называемой «новой идее». В Европе, в Евросоюзе сейчас ведутся об этом разговоры, и иногда кажется, что в Евросоюзе сейчас происходит какое-то переосмысление концепции жестких мер, но я думаю, что большинство придерживается старых стратегий.

Почему я об этом говорю?

Потому что я считаю, что миру сейчас нужно новое видение экономики. И поскольку из-за ряда обстоятельств я познакомился очень близко с концепцией нономики профессора Бодрунова, я начал смотреть на это как на один из вариантов, на одну из возможностей справиться с этой ситуацией, преодолеть этот пробел, эти недостатки, которые существуют у неолиберализма.

Я думаю, что это – хорошая возможность, потому что, в отличие от жестких мер, здесь принимается во внимание знания и нематериальные продукты как основные ресурсы для производства. И это также интегрируется с новыми технологиями, с самого начала, как основа международной политики.

Кроме того, мы также должны посмотреть на другую сторону медали. Я могу прекрасно представить, что общие рамки политики могут следовать этой логике и методологии нономики. Но те концепции, которые мы обсуждали ранее, говорят о том, что сейчас у нас в текущей экономической ситуации миллиарды жертв. Очень много безработных, люди не знают, что делать завтра. Многие голодают, у людей нет воды, продуктов, и количество таких людей удвоилось, утроилось за последнее время. Очень важно интегрировать вопрос общественных мер, общественной безопасности и, возможно, идею базового дохода, на

который могут жить люди, а это не получится без снижения других компонентов, на чем настаивает другая сторона.

Какая есть возможность интегрировать общественную, социальную сферу и сделать её активным игроком экономики, которая больше не будет основываться на конкуренции, на корпорациях? Люди спрашивают, люди просят этого. Я думаю, что настало время, когда не только в северной части Запада, где мы сейчас все это обсуждаем, но и в Южном полушарии, всем – очевидно необходимость обсуждать эту концепцию ноономики, чтобы получить ответы и преодолеть последствия пандемии. Спасибо большое.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо, Лео. Мы продолжаем нашу работу, и я с удовольствием представляю следующее поколение наших исследователей. Коллега из Челябинска, доцент, кандидат экономических наук Дмитрий Александрович Плетнев, Челябинский государственный университет. Пожлуйста, Дмитрий, Вам слово.

Плетнев Дмитрий Александрович: Большое спасибо, Александр Владимирович, большое спасибо, коллеги, за предоставленную возможность поделиться своими идеями, связанными с тематикой нашей конференции и, в частности, с применением концепции ноономики к исследованию одного из аспектов, важного аспекта поведения людей и их, можно так даже более высокопарно сказать, их бытия при переходе к ноономике.

Речь идет о социальном отчуждении и поведенческом оппортунизме, в частности, работников, которые в современной капиталистической экономике имеют место быть.

Я хотел бы начать с двух фактов, частных фактов, но, я думаю, достаточно характерных для современного мира, для современных, в том числе, и с отношения людей к некоторым явлениям.

Первое – мы в этом году в январе-марте проводили небольшое исследование наших студентов, нашего университета, касающихся их готовности к проявлению поведенческого оппортунизма.

Мы задавали им косвенные вопросы, было очень интересно наблюдать за ответами, и получилось следующее распределение, что всего лишь 25% преимущественно выбирали варианты добросовестного поведения. А остальные 75% склонялись к тому, что в своей будущей профессиональной деятельности они будут

скорее проявлять оппортунистическое поведение, причем в форме активного оппортунизма, т.е. оппортунизма через действие.

Причем, когда мы посмотрели, как это соотносится с их будущей «работой мечты», оказалось, что те люди, которые сильнее интегрированы в современные информационные технологии, в современные формы занятости, в частности, фриланс, они еще в большей степени ориентированы именно на оппортунистическое поведение. Т.е. – своекорыстное поведение, в том числе, и в ущерб всем другим. Вот такое интересное наблюдение, это новое поколение, поколение Z уже, и там как раз-таки – те, кто готовы воспринимать новое, готовы воспринимать новые технологии, они оказываются в большей степени ориентированы на достижение своих личных целей, не считаясь с целями тех, кто рядом с ними.

И еще одно наблюдение, которое соотносится с предыдущими докладами, то, что среди тех, кто желал после окончания университета работать в госучреждениях, оказалась наименьшая доля оппортунистов, в противовес, наоборот, тем, кто в будущем стремились работать в сфере услуг или быть предпринимателями. Последнее неудивительно, наверное. А вот насчет сферы услуг здесь, на удивление, оказалась очень высокая доля тех, кто готов был быть оппортунистом, проявлять себя оппортунистически. И, в первую очередь, это проявляется в виде определенных действий, это одно, такое стартовое вводное замечание.

Второе стартовое замечание касается недавно появившейся статьи про то, что сегодня человеческие контакты становятся люксовыми товарами, люксовыми благами. И, на самом деле, если 10 лет назад обладание компьютером, доступом к широкополосному интернету считалось крутым и считалось признаком богатства, то сегодня, наоборот, именно личное общение, именно личные коммуникации становятся признаком элитарности, т.е., наоборот, среднему классу или ниже среднего достается дистанционное образование, достаются дистанционные технологии – как вот здесь приведен пример технологии ухода за пожилыми людьми, когда живые люди из Индонезии в дистанционном формате следят и даже общаются посредством такой собачки с пожилыми американцами. Это – еще один факт, говорящий о том, что, в общем-то, движение к внедрению новых технологий, новой

технологической революции, движение к ноономике не проходит без шероховатостей, без сбоев, и на этом пути еще много предстоит сделать для того, чтобы те цели, которые, с которыми я согласен и которые я разделяю, которые были озвучены в докладах Сергея Дмитриевича Бодрунова, были бы достигнуты.

Теперь, собственно, к теме. Отчуждение работников – это в нашем исследовании трактуется, с Марксом понимание мы разделяем, то, что отчуждается труд и становится внешним, не принадлежащим ему в сущности, и фактически труд становится тяжелой повинностью, а не способом самореализации человека. Поведенческий оппортунизм – это, опять же, классическая трактовка Оливера Уильямсона, что это своекорыстное поведение с использованием коварства. И у нас, нами была выдвинута гипотеза, что, по сути, оппортунизм является явленческой стороной происходящего с работником отчуждения и от процесса труда, и от других людей, и от самого себя.

Таким образом, проявляется вот это неприятие человеком, работником, тех условий, тех социально-экономических отношений, которые возникают в ходе и реализуются в ходе трудовой деятельности. И нас заинтересовало, как преломляется и как вписывается концепция поведенческого оппортунизма и концепция отчуждения в теории ноономики.

Я думаю, все знают определение самой ноономики как неэкономической общественной формы хозяйственной деятельности, поэтому я не буду на ней останавливаться более подробно. Хотелось бы сказать что? В основе ноономики лежит новая индустриальная экономика XXI века, которая основана на знаниеинтенсивном продукте, на науке, которая создает знания, и на образовании, культуре, которые формируют человека, владеющим знанием. И Сергей Дмитриевич предполагает, что главными профессионалами в будущем будут инженер, ученый и педагог.

И несколько тезисов, которые в учебнике «Общая теория ноономики» прозвучали, хотелось бы дать комментарий, касающийся их состыковки с рассматриваемой нами концепцией.

Первое. Сохранит ли человек самого себя, задает Сергей Дмитриевич вопрос, и там же обозначаются риски, возникающие в процессе перехода к ноономике. Это – риски изменения объема поступающей и обрабатываемой информации в разы, это – риски

клипового мышления, изменения в способе восприятия, и это – риск изменения в способах манипулирования человеческим сознанием. Выход, и мы здесь согласны с Сергеем Дмитриевичем, в том, чтобы через развитие культуры достигать внутренних каких-то способов преодоления нарастающего отчуждения, потому что самостоятельно человек справиться с таким не может. Если пустить это все на самотек и не дать каких-то инструментов, которые способны были бы помочь преодолеть вот эти риски, то тогда отчуждение в условиях тех рисков, которые обозначены, будет только нарастать.

Также в общей теории ноономики затрагивается вопрос доверия и абсолютного знания: которые теоретически возможны и достижимы? В частности, речь идет о том, что сегодня есть новые технологии, которые, с одной стороны позволяют формировать доверие, с другой стороны – растет степень доверия к этим технологиям, но доверие тоже не абсолютно, и это повышает иногда степень отчуждения у, казалось бы, монолитного сетевого общества, сообщества, которое сегодня представлено в социальных сетях.

Также в концепции ноономики затронута проблема нового неравенства, которое будет на этапе уже становления ноономики – неравенство способности к использованию равных возможностей. И здесь мы считаем, что это неравенство тоже несет в себе риски, очень серьезные риски к тому, чтобы оппортунизм сохранился в условиях ноономики. Почему? Потому что неравенство способности тоже будет рождать стремление к проявлению оппортунизма у тех, у кого этих способностей будет меньше.

Еще один момент, связанный с производством знаниеемого продукта и интеллектуальной собственности. Об этом уже сегодня уважаемые докладчики говорили, и я согласен с тем, что здесь, в теории ноономики, очень сильно повышается ценность знаний и, как следствие, конкуренции за её использование, и стремление приватизировать, осуществить отчуждение этого знания, в результате создаются искусственные преграды для его распространения. Это – тоже существенный риск и существенная преграда на пути распространения ноономики и возникновения того общества, где знания будут основной силой и силой, которая свободна будет распространяться. В частности, свежий пример,

когда фармацевтические компании взялись за разработку и вакцины, лекарства от коронавируса. Очень общим местом стал вопрос, и новостные ленты были полны информацией о том, кто же станет первым, кто же окажется первым и кто, в итоге сможет, в том числе, и продавать другим странам эти самые вакцины, эти самые лекарства.

Бузгалин Александр Владимирович: Я прошу прощения, но ваше время заканчивается. Поэтому, если можно, давайте ответ: Сергея Дмитриевича процитируем – и ваш вывод, хорошо?

Плетнев Дмитрий Александрович: Хорошо. И вот, три ответа, которые я попытался дать на те вопросы, которые были поставлены выше.

С одной стороны, у Торстейна Веблена хорошо отмечен инстинкт мастерства как один из инстинктов, двигающих человеческое поведение. И как способ противостоять отчуждению и оппортунизму в условиях, в том числе, и тех рисков, которые были указаны выше.

Есть важное замечание Эрнста Шумахера о том, что для противостояния отчуждению в условиях машинного производства необходимо использовать срединные технологии, но это был тезис 75-го года, и с тех пор много воды утекло. И, возможно, его можно применить, но на новом уровне. В концепции ноономики речь идет о том, чтобы человек управлял процессом производства, так вот эти срединные технологии можно соединить с концепцией, когда человек управляет производственными процессами, стоит над ними.

И третье. Безлюдные технологии, которые ведут к исчезновению труда как деятельности, опосредующие удовлетворение потребностей. Они порождают новое качество этого труда, труд как способ самореализации человека – и в этой концепции, в этой идее, в изменении целевой установки самого труда и лежит, на мой взгляд, ключ к преодолению этого противоречия и к преодолению, в том числе, отчуждения человека в системе материального производства. Спасибо.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо, Дмитрий. Видите, как интересно вы имплементировали разные теории, и получился очень такой красивый вариант, который требует серьезного обсуждения в перспективе. Я хочу подчеркнуть: есть

и еще одно требование, которое давно звучит и которое поднималось уже сегодня – это требование хотя бы в некоторых жизненно важных для человечества сферах отказаться от интеллектуальной частной собственности. И, я думаю, требование – не превращать в коммерческий патент в частную собственность, и любые аналогичные средства борьбы с коронавирусом – вполне может звучать как универсальное требование современного человечества, международных организаций. Я думаю, это было бы не лишним сделать и национальным государствам, обратиться просто с конкретным призывом: кто бы ни создал вакцину, лекарства, технологии – они должны бесплатно быть доступными для всех. Это радикальное мнение радикального Бузгалина.

И у нас последний доклад, затем очень интересный комментарий известного коллеги, профессора Дэвида Файзенфеста. Но сейчас – доклад Глеба Андреевича Маслова, ведущего научного сотрудника Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, кандидата экономических наук. Глеб, пожалуйста, вам слово: теория НИО.2 и ноономики в русле развития современной экономической теории.

Вот такой доклад представляет Глеб Маслов.

Маслов Глеб Андреевич: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Спасибо за предоставленную возможность выступить.

Мой доклад предметно во многом схож с темой доклада Сергея Дмитриевича Бодрунова о методологии ноономики. Поэтому я буду опускать некоторые повторяющиеся моменты и постараюсь кратко осветить то, что мне кажется, может стать хорошим дополнением к понимаю генезиса ноономики в контексте развития экономической теории последних десятилетий.

Итак, на данный момент остро стоит проблема доверия к теориям экономического мейнстрима. В частности, их внеисторичность и, как мне кажется, закрытость, методологическая закрытость препятствует качественному исследованию вопросов современных технико-экономических трансформаций и в целом эволюции капитализма. Уже не говоря о таких уникальных явлениях, как последствия пандемии. Соответственно, для решения подобного рода задач необходима теория, обладающая более широкой методологией, к которой относится, мне кажется, и теория ноономики.

Говоря в целом о предпосылках развития экономической теории, нужно подчеркнуть внешний фактор этой динамики. Этот фактор связан с развитием технико-экономической реальности, которая опосредованно влияет на умы экономистов-теоретиков и заставляет их обратиться к новым вопросам. И во многом, может быть, переосмыслить какие-то свои прежние аксиомы.

В этой связи, мне кажется, стоит сказать об особой роли, об особой динамике развития трех направлений, которые, развиваясь сами по себе, также послужили одними из источников формирования и развития теории ноономики. К данным концепциям я отношу классическую политическую экономию, традиционный институционализм и теории технико-экономического развития. Нужно подчеркнуть, что последний пункт о теориях технико-экономического развития во многом сочетается с первыми двумя, однако предметная уникальность предмета все же позволяет выделить это направление в отдельную категорию.

Какие аспекты классической политической экономики наиболее востребованы в нынешних реалиях и, которые отчасти, вернее, не в отчасти, а в значительной степени также используются в теории ноономики?

Во-первых, это – исторический подход, который может зафиксировать качественные различия экономических систем, которые меняются в зависимости от новых условий реальности. Также это – системный подход политической экономики, позволяющий выстроить сложную систему взаимосвязей и проанализировать проблемы в комплексе. А также – методологическая открытость политической экономики, которая выражается в междисциплинарном подходе.

Также нужно сказать о старом тезисе Маркса о том, что наука впоследствии станет непосредственной производительной силой общества, и это, как раз – то, что также используется в теории ноономики Сергея Дмитриевича.

И наконец, нужно сказать о мир-системном аспекте. Мир-системный анализ, нельзя сказать, что он полностью сочетается с марксизмом, однако эти направления могут быть тесно приближены друг к другу и сформировать единое направление, в рамках которого изучать межстрановые противоречия будет наиболее эффективно.

Переходя к традиционным институционалистам, начнем с концепции Веблена. И, в частности, мы говорим о товарах Веблена, которые символизируют некоторый статус для потребителя. Имеется свойство приукрасить потребителя в глазах его окружения и, соответственно, это можно назвать одним из источников того, что мы называем симулятивное потребление. То есть потребление не ради каких-то своих непосредственных нужд, а какие-то, более сложносочиненные самим человеком цели, которые не всегда несут положительный смысл.

И, как Сергей Дмитриевич отметил, я здесь поэтому не буду долго останавливаться, что имеет место отрицание нового индустриального общества, описанного и Дж.Гэлбрейтом, и тех положений, которые разрабатывались теоретиками постиндустриального общества. В данном случае я согласен с Сергеем Дмитриевичем в том, что миражи постиндустриализма – это действительно миражи, а не какие-то, действительно, принципиально качественно поменявшие сферу производства явления. То есть – материальное производство по-прежнему остается главенствующим, первичным, но при этом, безусловно, оно эволюционировало со времен, когда Гэлбрейт писал свою классическую книгу.

Говоря о теориях технико-экономического развития, можно сказать, что все данные направления в той или иной степени пошли, что называется, от Адама, а этим Адамом был Йозеф Шумпетер, который обосновал циклический характер развития экономики в связи с технологическими волнами. Концепция технологических укладов Глазьева и Львова, указанная в конце, как мне кажется, наиболее точна, и действительно так происходит, может быть, поэтому она использована в концепции нового индустриального общества второго поколения, о котором говорит профессор Бодрунов. В целом, мне кажется, она очень точно может отражать современные технико-экономические трансформации, так как она обладает оптимальным уровнем детализации и выделения основных вех в развитии технологий, которые обуславливают собой новое системное качество производства.

Наконец, в заключении я хотел бы сказать, что Сергей Дмитриевич в своей концепции использует, конечно, не только достижения в рамках трех указанных направлений. Также можно

сказать и о кейнсианстве, когда говорится о каких-то макроэкономических шагах, некейнсианстве, посткейнсианстве. Также часто используются фактически достижения немецкой исторической школы, которые, в свою очередь, продолжил Сергей Юльевич Витте. В данном случае можно отметить необходимость выделения национальной специфики и также исторический подход, который выделяли данные авторы.

Новые явления, новые технико-экономические явления, новые качества производственных отношений, такие, как роль государства, рост сетевых отношений, развитие шеринговой экономики, социализация собственности создают теоретическую неизбежность обращения к проблеме на новом методологическом базисе, который как раз используется в концепции, в частности, в разделе нового индустриального общества второго поколения. Но, также учитывая то, что технологии развиваются с очень большой скоростью и то, что казалось невозможным завтра, становится реальными иногда уже сегодня, нужно посмотреть вдаль, чего как раз не делают теории мейнстрима, которые ориентированы на исследования, можно сказать, вчерашнего дня. И что есть главное в теории нономики.

Так вот, если мы смотрим вдаль, то необходимо обратиться к надэкономическим вопросам развития человечества, к тем моральным вызовам, которые будут неизбежно поставлены в связи с внедрением новых технологий. И, вообще, переосмыслить, насколько технологии гипотетически могут изменить нашу жизнь. Возможно ли такое явление, как технологическая сингулярность, то есть когда технологическое развитие станет настолько быстрым, что человек будет просто не успевать за его развитием? И машины будут развиваться по своей внутренней логике уже без возможности человека что-то серьезно изменить?

И в этой связи вопросы, которые ставятся в теории нономики, они очень важны, так как, в отличие от многих других теоретических направлений, теория нономики пытается предугадать фундаментальные направления развития экономики и общества и, соответственно, это позволяет уже сейчас к этому подготовиться. Общество может готовить само себя уже сейчас к таким фундаментальным трансформациям.

Пожалуй, на этом я могу завершить.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо Глеб! У нас только что выступал с сообщением Глеб Маслов, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития.

И мы опять переходим к завершающему сообщению нашей второй сессии и конференции, потом будут короткие ответы на вопросы и некоторые заключительные ремарки профессора Бодрунова.

Итак, сейчас – профессор Дэвид Файзенфест, университет Лондона, главный редактор журнала «Критическая социология», и он тоже – Дэвид, так что у нас, по-моему, даже уже пять Дэвидов, все они профессора, и все участвуют в нашей конференции.

Так, Дэвид, мы очень рады, приветствуем и предоставляем вам слово.

Файзенфест Дэвид: Так, во-первых, я бы хотел поблагодарить Сергея Бодрунова и Александра Бузгалина за то, что вы меня пригласили, за возможность продолжить разговор, который начался в июле прошлого года, на предыдущей конференции. Хотя сейчас прошлый год кажется, что это было очень-очень давно, из-за коронавируса. И в течение последних четырех часов мы очень много тем обсудили, я сейчас затрону только несколько вопросов. Те, которые я считаю наиболее важными.

Прежде чем я об этом поговорю, я хотел обратиться к работе профессора Бодрунова.

Социальные изменения происходят, потому что люди начинают понимать, как эти изменения могут выглядеть, и я думаю, что вот эта работа профессора Бодрунова дает нам возможность увидеть, каким мир может быть.

Но сегодня, вот сейчас, возникает несколько вопросов, которые необходимо обсудить. Это – то, что вызывает некоторую озабоченность.

Первое – кризис. Для меня достаточно странно говорить о том, о чем говорят многие сегодня – о планировании подготовки к кризису. Кризис возникает, когда система не может прогнозировать или решить проблемы возникающие. И в терминах марксизма – это разрушение имперского цикла, т.е. кризис происходит, когда система к этому не готова. В Азии страны лучше справились с коронавирусом, потому что у них уже был предыдущий опыт с другими типами пандемии, т.е. многие институты уже

присутствовали. Но на Западе многие системы не смогли прогнозировать такое развитие ситуации и не знали, что с этим делать. В Америке, например, и очень долго забывали про общественные социальные секторы, про систему национального здравоохранения. И теперь неожиданно эта система, которая, казалось, работает идеально, дает очень большой сбой. В условиях кризиса очень важно понимать, что это – вопрос устойчивости системы, а не вопрос того, предвидела ли система кризис, потому что периодически возникают какие-то волнения, системы должны быть готовыми к этому.

Вопрос, который стоит перед нами, в том – даст ли нономика возможности преодолеть вот такие волнения, кризисы, или эта системы такая же хрупкая, как то, что у нас уже есть, и это очень важный вопрос.

Еще какой важный момент – это понятие труда. Меня учили как экономиста, и я учился на экономиста, и вот что я вижу, когда мы обсуждаем концепцию труда при нономике. Мы не учитываем концепцию перехода. Очень много людей, которые по какой-то причине не способны к переобучению. То есть, можно подготовить их к новому типу экономики, экономике знаний или объектной экономики, можно называть по-разному. Например, водители грузовиков в США, которые получили школьное образование, но их не учили делать больше ничего, кроме как водить грузовик. Это – люди, у которых нет будущего в этом обществе. То есть, какой же процесс перехода от одного типа экономики к другому? Я думаю, что можно говорить об отчуждении, о рассоединении, о проблемах, о проблемах в социальном обществе, капитализме. В Японии, в Германии, в Швеции разные типа капитализма.

И третий вопрос, который я хочу затронуть – это вопрос технологий. Есть некоторое такое расхождение. Технологии не возникают сами по себе, то есть, нет такого, что технологии просто происходят сами по себе. И на самом деле технологии – это функция существующего социального, политического, экономического строя, то есть какие технологии развивают, почему они развиваются, почему они появляются? Например, интернет.

Интернет – это способ интеграции и технологий, и общества в целом. Но, хотя бы в США и других частях мира – много людей, которые не подсоединены, не подключены к интернету.

Потому что нет инфраструктуры. В основном, это бедные люди, но это сейчас очень хорошо заметно, потому что с середины марта школы, университеты, сейчас все перешли в онлайн, и местные сообщества, у которых нет интернета и людям нужно приезжать в библиотеку, чтобы подключиться к интернету – у них возникли очень большие затруднения. Поэтому тут есть некоторые социальные предпосылки того, какие технологии продвигаются. Например, какие технологии развиваются для контроля труда? Можно максимизировать доход через повышение производства или через контроль труда, какие технологии будут развиваться? То есть, когда мы говорим о технологической революции, главный вопрос – это кто стоит за этой революцией?

И что касается капитализма, Маркс отмечает, что каждая система, каждое общество, каждая доминирующая система в любую эпоху всегда считает, что вот так всегда это было и всегда будет. И если мы посмотрим, например, я забыл, кто говорил о рыночной идеологии. То есть когда эта идеология появилась, она также была, представлялась как наилучшее, превосходная концепция. И многие также еще люди, страны, работают в условиях плановой экономики, во многих уголках мира, и они не знают ничего о свободных рынках, и в условиях ограниченного количества информации плановая экономика хорошо работает.

Сейчас у нас есть потенциал, возможность получения большого объема информации. И сейчас мы видим какие трансформации? Менеджеры могут находиться необязательно на заводе, рядом с работниками, а где-то в другом городе. Что вот сделал этот кризис? Кризис потряс основы нашего общества. Сейчас все говорят о том, что мы потеряли цепочку поставок, все потрясены тем, как мы потеряли часть производства, потому что производство сосредоточено в Китае. Все начинают говорить о том, что надо перенести часть производств из Китая. У нас сложная национальная сеть, капитализм разного уровня, и нужно понимать, что это прекрасно, что у нас разные модели есть лучшего будущего.

Сергей, например, сказал, что его работа не утопичная. Я могу сказать, что, возможно, это не утопия, но здесь пока нет понятного мне видения того, как мы перейдем от существующей системы к новой системе, и как эта новая система придет на сме-

ну старой. Этот переход. То есть, как, например, появится система, новая система национального здравоохранения.

Эти противоречия действительно обострились, и спасибо большое всем участникам конференции за то, что вы так долго сосредоточиваете внимание на всех этих вопросах, которые обсуждали – они, действительно, очень актуальны, очень важны. Очень важно обсуждать, что такое ноономика, что это значит, какие факторы тут играют роль.

И хочу еще раз поблагодарить организаторов за то, что вы пригласили меня, и за то, что я послушал других спикеров, за то, что имел возможность поделиться своими мыслями. Я думаю, что многим очень жаль, что мы не смогли провести такую конференцию офлайн, потому что мы тогда могли бы побеседовать, может быть, в перерывах, или дискуссия была более интерактивной, и это, возможно, было бы лучше. Но, тем не менее, мы имеем то, что имеем, и хочу повторить то, что сказал профессор Гэлбрейт: что пандемия может произойти за 30 минут, но 30 минут не хватит для того, чтобы понять, что это значит для нас, для нашего общества.

Так, я думаю, мое время истекло, спасибо большое, и я рад быть с вами.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо большое, Дэвид, очень важный комментарий.

Мы сейчас переходим к заключительной части нашей конференции, и это одновременно заключительная часть нашей второй сессии.

Есть целая серия вопросов к нашим спикерам, и я попрошу Ольгу Лемешонок, как всегда, озвучить эти вопросы. Ольга, пожалуйста, какие вопросы поступили на почту? Только, если можно, не все, а несколько наиболее значимых, которые Вы отобрали.

Лемешонок Ольга Борисовна: Да, хорошо. Так, вопрос Радике Десаи от Плетнева Дмитрия Александровича, кандидата экономических наук, доцента: считаете ли вы, что геополитэкономический подход может быть одним из важных компонентов для дальнейшего развития теории ноономики, в том числе объяснения механизма перехода от экономики к ноономике?

Вопрос Альфреду Сааду Филхо от Колганова Андрея Ивановича, доктора экономических наук, профессора: что вы

считаете первичным для кризиса здравоохранения – политический или экономический фактор?

Далее, вопрос Лео Габриэлю от Хубиева Кайсына Азретовича, доктора экономических наук, профессора: считаете ли вы, что теория ноономики может послужить важным фактором для альтернативной концептуализации модели экономики на Западе?

Далее – вопрос Плетневу Дмитрию Александровичу от Силовой Елены Сергеевны: какие существуют механизмы преодоления оппортунизма у нового поколения? Могут ли институты содействовать выполнению эту задачу? Пока все, коллеги.

Бузгалин Александр Владимирович: Хорошо, Ольга, давайте мы сейчас перейдем к ответам на вопросы. Наверное, поступим как всегда. Мы попросим только единственно, Сергея Дмитриевича Бодрунова выступить с заключительным словом. Я вижу, все согласны.

А сейчас – короткие реплики. Если можно, давайте начнем с Радика Десаи. Радика, вам слово, пожалуйста, для короткого комментария.

Десаи Радика: Александр, спасибо большое. Я тут отметила несколько пунктов. Вопрос, и то, что говорил Дэвид.

Во-первых, я согласна, что планирование – это центральный аспект проблем капитализма. Весь критицизм этих регулирующих типов экономик. Мы на самом деле забываем, что мы уже живем в плановой экономике. Единственное отличие в том, что при капитализме планирование осуществляется корпорациями, и оно, соответственно, не направлено на благосостояние общества. И еще один момент, в прошлом, прежде чем у нас появились новые информационные коммуникационные технологии, это был единственный способ был идти на уступки, уступки рынку. Но это – обратная связь, которой раньше не было, а теперь появилась. И плановая экономика может использовать эту обратную связь, теперь у нас намного больше возможностей внедрить плановую экономику. На самом деле есть некоторая ирония в том, что Советский Союз распался в тот момент, когда планирование стало более рациональным и эффективным.

Также я соглашусь, что геополитическая экономия может использоваться для понимания и развития ноономики, и вот то, что делает этот кризис: это – не только пандемия, это – ускорение

тех трендов, которые мы видели в течение прошлых десятилетий, и кризис показывает превосходство плановых экономик.

Бузгалин Александр Владимирович: Радика, к сожалению, мне очень жаль, но если вы сейчас перейдете к обсуждению плановых экономик, мы здесь, возможно, останемся до завтра. Поэтому, к сожалению, вынужден просить вас сократить.

Десаи Радика: Хорошо. Все, что я пытаюсь сказать, что геополитическая экономия, да, может менять нам понимание того, что стоит за превосходством плановых экономик. А что касается кризиса в здравоохранении, политического кризиса, я написала об этом в чате. И говорила, почему пандемия стала общим экономическим и политическим кризисом, а не только кризисом системы здравоохранения. Дело в том, что эти все тренды накопились за последние 40 лет.

Спасибо большое, я получила также ответы на свои вопросы в чате.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо большое, Радика, мы обязательно все это транслируем, запишем и прокомментируем, огромное спасибо, еще раз поздравляем с выходом книги на русском языке.

Я рад предоставить слово для короткого комментария Филхо Сааду Альфредо.

Филхо Альфредо Саад: Да, спасибо большое. Я буду краток. Пандемия связана с природными факторами, естественными факторами. Конечно, она связана и с глобализацией, глобальным капитализмом и влияние капитализма на природную среду и на взаимодействие между людьми и животными и природой. Все это сильно повлияло на распространение пандемии по всему миру. И слабые места политических аспектов неолиберализма сейчас вышли на поверхность.

И тут мы можем извлечь некоторые уроки: первый урок – важность определения политик государствами. При пандемии нет никаких отдельных решений, то есть мы должны предпринимать какие-то коллективные усилия, коллективные решения. И это абсолютно важно, и принятие нужных решений своевременно играет решающую роль, это может сберечь большое количество жизней, мы это увидели.

В Эфиопии, к примеру, уровень доходов очень низкий, но результаты, которые они показали, оказались очень неплохими. Все это, я думаю, всем понятно. То есть, если мы можем выучить эти уроки, возможно, можем что-то положительное извлечь из этой катастрофы человечества, возможно, можем предотвратить похожие катастрофы в будущем.

Спасибо.

Бугалин Александр Владимирович: Спасибо большое Альфредо. Теперь хочу передать слово Лео Габриэлю, у вас есть пара минут, чтобы ответить на вопрос.

Габриэль Лео: Я думаю, что есть некоторые моменты в истории, когда у нас нет какого-то длительного переходного периода, а все начинает развиваться очень быстро. И вы знаете больше меня, революция в России была в такой момент в истории. И у нас сейчас такой же, наверное, момент в истории, мы будем вспоминать о нем, как о переломном моменте, моменте перелома парадигмы. Не потому что мы с нашими новыми идеями придем и что-то сделаем, а потому что сама система показала такое количество противоречий, что она практически сама распалась.

Если милитаризация у нас сейчас идет, как говорят, что у нас наступила новая холодная война, экономика, такая традиционная, капиталистическая экономика – её больше нет. Большой вопрос состоит в том, сможем ли мы открыть какое-то пространство, дать пространство для новых экономических идей, деятелей. То есть не со стороны государства, не сверху, а снизу. Сейчас из-за пандемии люди ограничены в движении, они остаются дома, на местном уровне, вот этот уровень, местный уровень, это единственное, что существует сейчас, в новой реальности. Мы можем развернуть мысль о том, что сделать снизу, чтобы...

Бугалин Александр Владимирович: Лео, простите за то, что прерываю, очень все интересно, но, я думаю, что мы обязательно продолжим эту дискуссию чуть позже.

Габриэль Лео: Хорошо, давайте, я закончу просто предложение. Если мы сможем внедрить эти изменения снизу, возможно, нам удастся создать такое видение ноономики, о которой мы говорили.

Бугалин Александр Владимирович: Спасибо большое, извините, пожалуйста, что я вас прерываю, Лео.

И, уважаемые коллеги, я еще раз благодарю всех участников и предоставляю слово инициатору конференции, директору Института нового индустриально развития, профессору Бодрунову.

Сергей Дмитриевич, пожалуйста, включитесь в дискуссию. Вы отвлекались, сейчас успели?

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Да, да, успел, прибежал. Был, извините, срочный звонок, но я снова здесь. Спасибо большое, Александр Владимирович, уважаемые коллеги, я еще раз хотел бы поблагодарить всех, кто сегодня здесь находится, в этой виртуальной аудитории, в этом зале. Нас объединяет не только пандемия, она кого-то разделяет, но нас она точно объединяет, да, и нас объединяют и новые технологии, и та тема, которая сегодня нас всех горячо волнует.

Что будет дальше, как будет трансформироваться общество, и в каком обществе мы будем жить? Вот я уже как бы живу в другом обществе, я живу там, в ноономике, в нообществе, и я исследую те процессы, которые там происходят, и представляю себе, что я изучаю историю создания этого общества, его появления на свет Божий. И поэтому всё, что сегодня происходит, для меня это – как будто «внутренняя», якобы «состоявшаяся» уже такая некоторая история, история, которая начинается в глубине веков, продолжается в 18-19-20-21 веках, переходит в НИО.2, где создаются предпосылки перехода экономики в ноономику, к нообществу, и т. д., и т. п. Поэтому многие вещи, которые для меня очевидны, мне кажется, что они вызывают вопросы у тех, кто живет в другом обществе, в обществе сегодняшнем. В том, в котором находимся сейчас мы, в сегодняшнем реальном и виртуальном пространстве, в сегодняшнем дне. Поэтому попытаюсь, хотя бы коротко, дать с этой «колокольни» свое представление по поводу тех вопросов, которые прозвучали в выступлениях коллег на второй сессии нашей конференции.

Я хотел бы, в связи с этим, сначала ответить на методологические вопросы, которые возникали по ходу сегодняшнего обсуждения.

В первую очередь, я хотел бы отметить очень важное замечание, которое сделала госпожа Десаи и, мне кажется, что это очень сильно дополняет ту мысль, которую я хотел бы донести. Она сказала, что можно наблюдать некие тенденции перехода к

государству-заказчику. И вот возникает после этого следующий вопрос, логичный для меня вопрос. А дальше – распределение какое? Государство – заказчик, следовательно, распределение дальше по каким-то таким механизмам распределения. Не похоже ли это на некий новый социализм? То есть неолиберализм – новый социализм. Вот вам, возможно, и такой взгляд на эти вещи, такой аспект, так? Но, мне кажется, что на самом деле – это одна из тех черт, тех тенденций, которые, действительно, показывают некоторое продвижение к новому индустриальному обществу следующего поколения. И именно – обществу, не самой технологической базе, а именно – общественному устройству. Больше социализации, в конце концов, может, развитие механизмов социализации, и т.д. Так что, большое спасибо, Радика, мы с вами очень многие вопросы обсуждаем и сходимся во взглядах, хотя с разных совершенно сторон на это все смотрим.

Карену Хачиковичу Момджяну я должен сказать большое спасибо за то, что он обратил внимание на тот пункт, который где-то вызывает не только у него, но и у многих других коллег – вопрос о симулятивных потребностях. Вообще-то этот вопрос, я бы сказал, этакого (он же философ) философского плана, и я бы сказал – философско-терминологического даже, в моем понимании. Почему? Потому что я не возражаю против того, что потребности в его трактовке, они объективны. Этот философский, подчеркну, термин отражает существование некоего чего-то в отношениях человека с окружающим миром, что существует объективно и вызывает у удовлетворению. Я не возражаю против того, что это существует объективно. И что, с этой точки зрения, надо различать потребности и нужды, в трактовке профессора Момджяна. И даже, далее, интересы. Но – о великий и могучий русский язык! Он позволяет выделить смысловые нюансы, сложно переводимые на языки международного общения. Потребности можно назвать нуждами, и даже интересами, и наоборот, хотя, понятно, что есть смысловой контекст, закрепляющий понятие, обозначенное конкретным термином, при его использовании в научном общении. Тогда за термином закрепляется конкретное смысловое содержание. Карен Хачикрвич напомнил нам о смысловом наполнении термина «потребности» в философских школах, о которых он упомянул, его отличие от применяемого им

термина «нужды». Но не зря профессор Бузгалин подчеркнул, что оба этих русских термина, которым можно придать совершенно различающуюся окраску, звучат, к примеру, по английски одинаково! Это говорит о том, что этому термину можно придать любую окраску. Я иду в применении терминов другим путем – пытаюсь создать для описания рассматриваемых явлений понятный всем мета-язык, как в математике, когда описание вводимых или применяемых терминов ссылается на четкую конкретную дефиницию, что строго отделяет одно смысловое содержание термина от иного применения, в иных смыслах, того же термина. Я сожалею, что в общей теории ноономики воздержался от разъяснения моего понимания применения термина «потребности», полагая достаточным тот смысл, который вкладывает в него традиционная экономическая наука – во всяком случае, в той трактовке, как это принято на кафедре политэкономии МГУ. В чем отличие? Я говорю, что человек, имея объективно то, что имеет в виду уважаемый профессор, может это самое нечто осознавать либо не осознавать. Когда человек это нечто осознает, он приходит к пониманию того, что ему надо. Вот это я и имею в виду под понятием потребности. Более того, я уверен, что и знание существует объективно, и человек не «создает» знание, а осознает его, условно, квант за квантом. И вот эта потребность к нему приходит вместе со знанием. Он потребляет знания, объективно существующие, это становится осознанием его конкретной потребности. Это очень, это очень важный момент для того понимания, как я понимаю потребности. Но именно на этом этапе человеку можно «подсунуть» иное знание – о псевдоважности такой (осознанной им!) потребности. То есть в такой трактовке мы можем говорить о реальных потребностях и о симулятивных потребностях. Такая трактовка термина позволяет сделать удобными для понимания те вещи, те элементы теории, о которых я хочу сказать. Я не буду глубже распространяться об этом, я уже ранее говорил о соотношении реальных и симулятивных потребностей, их историчности, и т.п., об этих всех вещах, могу только еще раз подчеркнуть, что в такой трактовке понятно, что потребности могут быть навязаны, вот в таком моем понимании, и эти потребности я и называю симулятивными.

Небольшой пример. В одной из компаний в свое время начали выпускать сигареты с зеленой упаковкой, потребляли их женщины. Не пошли продажи. Почему не пошли? А потому что не к чему было приложить, сумочка – не зеленая, туфли – не зеленые. Тогда компания вместо того, чтобы снять это с производства, вместо этого стала предлагать зеленые сумочки, зеленые сапоги и рекламировать многие другие вещи зеленого цвета, и спрос пошел, т.е. – сформировалась та потребность, в том понимании, в каком я это понимаю. Не думаю, что стоит в это углубляться, но я в своих исследованиях исходил из того понимания, которое есть. Которое есть у наших коллег, Бузгалина и Колганова, отсылаю всех интересующихся к статьям уважаемого Александра Владимира и Андрея Ивановича 2012-го года, которые опубликованы в «Вопросах философии» и, по-моему, в журнале «Альтернативы». Я помню, что читал где-то там, когда размышлял над терминологической базой теории ноономики.

И кстати, очень хороший ответ дал на этот вопрос наш сотрудник, выступивший здесь молодой кандидат наук Глеб Маслов. Напомню, он сказал, что симулятивные потребности – это потребности не ради каких-то своих непосредственных нужд, некие более, сказал он, сложносочиненные самим человеком для достижения целей, которые не всегда несут положительный смысл. Здесь коренной смысл – в слове «сочиненные», придуманные, осознанные неверно. Блестяще! Bravo, Глеб Андреевич!

Далее, Кайсын Азретович Хубиев, очень важно, согласен, не вполне разработана тема социально-экономической стороны проблемы, её нужно дорабатывать, разрабатывать. Думаю, однако, что Вы нас отсылаете к моей базовой книге, но после книги вышло еще не менее двух десятков статей, где, действительно, эти вопросы и мною, и коллегами поднимаются – и больше, дальше разрабатываются. Надеюсь, на следующем СПЭЖе мы это всё детально будем обсуждать.

Но я должен просто сказать, что вот то, о чем Вы говорите, проблема капитализации, безработицы и т.д., да, она имеет отношение к экономическому обществу, не к нообществу, где этих отношений не будет. Это – принципиальное мое понимание. И не стоит приписывать нынешнему состоянию общества черты ноо. До этого нам, человеку, еще нужно немало пройти.

Я благодарен Дмитрию Александровичу Плетневу за то, что он очень важные императивы обозначил, что движение это идти должно через культуру. Я бы добавил, культура идет тоже через образование, образование плюс воспитание, образование воспитывает, в том числе. Воспитывают они те представления людей, которые должны быть использованы для того, чтобы в дальнейшем не формировать свой мир как мир симулятивных потребностей. В этом плане знание, конечно, и как институт отчуждения, может быть использовано. Как любой инструмент – смотря в каких руках и с какими целями. Может – в негативных. А может использовано быть – для воспитания правильных потребностей, устранения рисков и разрешения противоречий. При этом, в этом плане, я считаю, что обозначение этих рисков – это действительно верно.

И я полностью согласен с тем, что труд надо – в этом случае, на этом этапе переходном! – рассматривать как самореализацию. А в дальнейшем и будущем – рассматривать не труд а, применю такое слово, занятия людей, как самореализацию. Там, в ноономике, не будет экономики как способа удовлетворения разумных потребностей общества и каждого индивида, следовательно, не будет и туда как элемента производства и экономических отношений. Да, в ноообществе не будет труда, но будет самореализация.

И здесь можно говорить, кто-то из коллег сказал, что каким может быть мир – это, по-моему, Дэвид Файзенфест сказал, каким может быть мир? Он зависит от тех целей, которые мы поставим. Мы можем говорить о планировании как о стратегическом планировании. Потому что, я не думаю, что странно говорить о планировании как о том, что сегодня нельзя использовать, это обязательно нужно понимать широко, есть планирование текущее, есть планирование стратегическое. И понятно, что могут быть вещи, которые не укладываются в планы, могут быть случайные вещи. Но если мы много информации будем обрабатывать, много перерабатывать, получать все и больше и больше знаний, мы сумеем больше этих рисков снять, о которых говорили наши коллеги, и смотреть надежнее на это в будущем. Все зависит от целей, от того, как мы их учтем. Ноономика – это как раз, в первую очередь, о целях развития общества, а пути, при общем неизменном тренде, описываемом концепцией ноономи-

ки, могут быть инвариантны. В том числе, я не раз это говорил, с откатами назад, боковыми движениями, петлянием. Сложная дорога не бывает без буераков.

Что касается неспособности к переобучению людей – я согласен, таких людей может быть значительное количество, которые и не способны переобучаться, и не способны думать о каких-то более насыщенных вещах, творчестве каком-то. Но я полагаю, еще раз подчеркну, я сегодня уже говорил об этом, что технологический прогресс позволяет решать и эти проблемы. Каким путем? Во-первых, формируя те вещи, те запросы, которые эти люди могут удовлетворять. Я не думаю, что все люди неспособны к творчеству. Просто – в разной степени, здесь есть некое неравенство, конечно, безусловно, и будет конечно, но оно будет, это неравенство, во-вторых, снижаться технологическим прогрессом. Будут возможности все большие и большие для того, чтобы реализовывать себя все в лучшем и лучшем варианте творческого процесса.

И что касается замечания, финального замечания Лео Габриэля, нашего коллеги, я очень признателен за то, что он четко оценил, что, действительно, ноономика – это другое видение потенциала нашей жизни. И, мне кажется, что, если мы с вами будем детально и предметно обсуждать нынешнюю тему, у нас будет очень много подтем для того, чтобы эту самую жизнь рассмотреть как в бинокль. Бинокль теории ноономики. Более детально, более подробно, и найти те пути, которые могут сегодня нас ввести в это нормальное будущее, в нормальный вариант трансформации нашего общественного устройства.

Я на этом, думаю, буду заканчивать, потому что у меня осталось ровно две единички на батареечке, иначе меня прервет техника.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич, вот техника именно в этот момент выключилась, она вас очень слушается, и все получилось очень удачно.

Уважаемые коллеги, я благодарю всех участников нашей сегодняшней встречи. В первую очередь, всех наших иностранных участников, кто включился в наш разговор. И я искренне хочу сказать вам всем спасибо от имени организаторов конферен-

ции, вы надолго включились в этот разговор, он идет уже больше четырех часов.

Искренняя благодарность, большое спасибо и российским участникам, профессорам, молодежи.

И, прежде всего, самые большие благодарности нашим переводчикам-синхронистам, и мы как-то там – виртуально или как хотите – аплодируем и той группе, которая подготовила всю нашу работу, во главе с Натальей Яковлевой, которая сегодня выступала не только в качестве ученого, а и в качестве руководителя всей организационной деятельности. Салават Исламгулов подготовил всю техническую сторону нашей программы. Ольга Барашкова, Ольга Лемешонок и Глеб Маслов – это те, кто включался в работу с вопросами, с программой и т.д. И Тамара Степанова – тот, кто непосредственно работал с нашими иностранными коллегами.

Дорогие друзья, всем огромное спасибо, и я уверен, мы продолжим нашу деятельность в самом ближайшем будущем. Всего вам самого доброго, до свидания, коллеги.

Стенограмма
международного научного семинара ИНИР им. С.Ю. Витте
«Социализация экономики: человек как продукт и как
активный субъект исторического процесса»

26 октября 2020 г.

Начало: 15.00.

Организатор мероприятия: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Руководитель научного семинара – директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов.

Модератор семинара – руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор А.В. Бузгалин

Бузгалин А.В.: Добрый день, уважаемые коллеги!

Представляюсь: Бузгалин Александр Владимирович.

Я в данном случае выступаю в качестве научного руководителя московского отделения Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. Этот институт работает в рамках Российской академии наук под патронажем Отделения общественных наук. Он является организатором и данного семинара, и целой серии семинаров, которые проходят уже на протяжении многих лет.

Данный теоретико-методологический семинар посвящен фундаментальным проблемам общественного развития. Проблематика лежит на стыке экономической теории, политической экономии, с одной стороны, и социальной философии, с другой. Пожалуй, трудно найти ту общественную науку, которая не была задействована в рамках наших дискуссий.

Мы традиционно собирались в Доме ученых в Санкт-Петербурге. Безусловно, атмосфера этого дворца, я не побоюсь этого слова, это именно дворец одного из членов российской царской семьи, во многом способствовала очень теплой, но очень интенсивной и, в ряде случаев, напряженной научной дискуссии. Я

надеюсь, что онлайн-режим не слишком испортит нам настроение, мы сможем видеть лица друг друга и вести нашу работу.

Наш сегодняшний семинар посвящен очень сложной и важной теме – проблеме социализации в ее разных интерпретациях. Тон задаст доклад Сергея Дмитриевича Бодрунова, я представлю его чуть-чуть позже. Социализация будет рассмотрена прежде всего с точки зрения противоречия. С одной стороны, это формирование человека обществом, его все большая и большая включенность в общество (хотя в ряде случаев есть и обратная тенденция). С другой стороны, это активная роль человека как субъекта изменения институтов и правил игры, а в ряде случаев и самого хода общественных процессов.

Вот эта диалектика будет в центре внимания нашего сегодняшнего разговора. Хотя, безусловно, каждый из нас будет со своей точки зрения рассматривать эту тему.

Несколько слов о модели нашего семинара. Поскольку мы работаем в режиме онлайн, то, безусловно, мы будем работать одновременно на двух языках, и я благодарю переводчиков за включение в эту сложную работу.

Хочу сразу подчеркнуть, наш семинар носит международный характер. Я представлю его участников, они у нас с разных континентов, включая и Латинскую Америку. В общем, вы все узнаете и услышите. Интереснейшие ученые из разных университетов России. Центральное место, естественно, занимает Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. Семинар будет включать три сессии с небольшими перерывами. Регламент для спикеров на первой сессии 10, максимум 12 минут. Исключение составит пленарный доклад, который открывает нашу встречу и поставит основные проблемы, предложит их оригинальные авторские решения. Вторая сессия будет у нас с более жестким регламентом, а третья с совсем жестким регламентом. Пожалуйста, все дискуссии участники нашей сессии могут вести в чате.

Те, кто смотрит нас на сайте ИНИР, на Youtube-канале, пожалуйста, все вопросы могут присылать на электронную почту. Докладчикам мы обязательно передадим все ваши вопросы, и они отреагируют на них. Просто открывать дискуссии для 170

участников нашего процесса физически невозможно. Извините за некоторое ограничение, коллеги.

Сейчас без дальнейших предисловий я хочу предоставить слово Сергею Дмитриевичу Бодрунову. Сергей Дмитриевич – директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, он – президент Вольного экономического общества России, доктор экономических наук, профессор. Его работы, его лекции известны на разных континентах. Сегодня новый доклад, новая тематика и новая гипотеза.

Сергей Дмитриевич, спасибо огромное, что согласились выступить с таким докладом, мы очень рады вас видеть на семинаре ИНИР им. С.Ю. Витте.

Пожалуйста, Вам слово.

Бодрунов Сергей Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов.

Тема доклада: *Социализация: тернистый путь к ноономике.*

Уважаемые коллеги!

Мы уже не первый раз в рамках нашего, ставшего уже традиционным, методологического семинара обсуждаем проблемы *генезиса* ноономики. Сегодня я хотел бы посвятить свой доклад одному из тех процессов, объективное течение которого создает предпосылки для генезиса пространства и времени «ноо» – процессу *социализации*.

Социализация и генезис ноономики: к постановке проблемы

Первое. *Социализация* (как процесс!) – это развитие, самоизменение человека в процессе усвоения, воспроизводства общественных норм и правил поведения, культуры в самом широком смысле. Причем – постоянно в тот период, когда происходит этот процесс. Однако есть и еще одна грань этого процесса. На самом деле – это процесс привнесения им, человеком, индивидом в социум своего личного вклада в развитие культуры и общественных норм. Это – второе. На это редко обращают внимание. И – третье: происходит это во *взаимодействии* с внешни-

ми условиями жизни. Наконец, четвертое: как со *стихийными*, так и *целенаправленно* создаваемыми условиями жизни.

Здесь важно подчеркнуть *двоякость* бытия человека.

С одной стороны, он есть **продукт** этого процесса, ибо именно благодаря социализации происходит формирование *личности*, приобретение человеком человеческих (**ноо!**) качеств, превращение его из био(зоо)-существа в человека, социальное существо, личность. Мы знаем, что без социализации личность не формируется – вспомним хотя бы многочисленные примеры людей-Маугли.

Более того, человек с развитием общества *растет* как «ноо». Зафиксируем это.

С другой стороны, как отметил еще Маркс, человек – это не только продукт, но и **творец** общественных отношений, творец истории, а уже **социум** есть в этом случае **продукт** совместного творчества (со-творчества) индивидов.

Второе. Кроме того, следует иметь в виду, что термин *социализация* может использоваться как обозначение *фиксированного состояния* человека (говорят: состоялась социализация; человек «социализирован», если он готов жить в текущем состоянии социума, уровня общей культуры и норм поведения в обществе в данный момент), и в этом случае мы говорим о том уровне социализации, который достигнут человеком в данный момент.

Третье. Теперь – расширим понятие социализации и подойдем с другой стороны. Соответственно, мы можем сказать, что *социализация общества* (**термин наш**) как *состояние* – это достигнутый на данный момент уровень социальной организации общества, культуры, норм и т.п. и принятый большинством индивидов. Понятно, что этот уровень меняется. Смена этого уровня и есть *процесс социализации общества*. Т.е. процесс созидания условий жизни людей в социуме. Это – и перманентная перенастройка институтов, и обеспечение жизнедеятельности, и воспитание, и культура, и другие *условия* жизни индивида в социуме. И если мы говорим ёмко «*возрастание социализации общества*», то мы имеем в виду именно это – создание условий для развития человеческих качеств индивидов социума.

И вот здесь мы должны обратиться к теории ноономики, ноо-общества и ноо-человека, ибо человек в таком обществе –

это человек неэкономический. Это – переход в такое состояние человека, когда на место человека экономического приходит человек, у которого качества рационального эгоистического рыночного актора замещаются качествами человека, живущего *не-симулятивными потребностями и ценностями*.

Тем самым термин «социализация» приобретает новую и конкретную **определенность** – это **возрастание ноокачеств человека**, происходящее в процессе воспитания личностных качеств прогрессивного характера (в т.ч. человечности, солидарности, понимания необходимости самоограничения), творческих качеств человека.

Но, коллеги, именно об этом и говорим мы в теории ноономики. Об этом, о необходимости перехода к новому состоянию общества и формирования ноокачеств человека, нооличности. А теперь подчеркнем – притом всякий раз *состояние общества* (определяемое по этим критериям!) характеризует *уровень социализации общества*.

Поэтому – всякий раз, когда мы говорим о ноономике, как о некоторой концептуальной платформе, мы подразумеваем, что высшей целью развития общества (в плане движения к «ноо») является формирование человека как личности и существование личности в этом ноо-пространстве, социализированном по ноо-критериям.

Человек не является «зоо» по определению.

После публикации книги «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» в 2016 году, книги «Ноономика» в 2018 году и последующих статей мне часто приходится сталкиваться с возражением: человек, дескать, существо несовершенное, оно выстроено по определенным лекалам – лекалам эгоизма. И это существо переделать, сделать из него существо, которое будет руководствоваться критериями движения к ноообществу, не так-то просто или вообще невозможно. В частности, мне возражают: человек – это **био-существо**, значит – в нем заложены принципы зоологического существования: конкуренция, выдвижение своих интересов как особых интересов, в противовес интересам других членов общества, противопоставление своих интересов в противоположность интересам не только общества, но и природы, приоритет *эгоистических* интересов, и так далее. Это,

безусловно, может приводить к возрастанию конфликтности, а вовсе не к гармонизации социальных взаимодействий в процессе перехода к дальнейшим этапам существования цивилизации.

Это – важный вопрос. Именно об этом – о возможности гармонизации социальных отношений – говорит теория ноономики, имея в виду, конечно, существование человека в период после приближающейся «точки бифуркации» цивилизационного развития, если таковую человек сумеет пройти, сохранив позитивный тренд этого самого цивилизационного развития. Замечу, что именно об этом как о представляющейся возможности (с учетом уровня современного НТП и производства) снижения уровня конфликтности при осознанном правильном выборе путей и инструментов такого развития, говорит теория ноономики.

Но она говорит и о том, что есть вероятность и негативно-го сценария. В конечном счете, если существующая ситуация не будет нами изменена, то она может привести к катастрофическим последствиям с учетом **той** парадигмы экономического существования, которую мы наблюдаем сегодня. Я лишь напомним кратко об основных ее признаках: усиление роли финансового капитала, поглощение финансовым капиталом интересов людей, общества, «интересов» (условно, в кавычках) природы, обострение глобальных проблем (пример этого – пандемия коронавируса – у всех на слуху) и так далее.

Более того, нам говорят, что не существует, якобы, способов формирования человека как ноо-существа, что нет других принципов существования, кроме зоологических.

Мы на это частично уже ответили в статье «От «зоо» к «ноо»...», которая была опубликована в журнале «Вопросы философии». Там было показано, что человек постепенно, по мере становления его как личности, все больше и больше приобретает характер существа ноо-типа, гуманистического существа, учитывающего не только собственные интересы, но и – все более полно – интересы окружающего пространства, общества, среды, других людей. При этом важно, что с возрастанием «ноо» в человеке происходит сближение его «эго»-качеств с критериями нооценностной базы, поскольку он, человек, становится более «человечным», а социум все более настраивается на комфортное состоя-

ние для людей. Это движение – от «зоо» к «ноо» – есть и исторически подтверждается.

Другой вопрос: *каким образом* это происходит, и как мы можем обеспечить приоритет этого движения, повышение темпов движения к «ноо» и, наоборот, торможение негативных, редуцирующих человека и общество к «зоо», процессов.

Отвечая на этот вопрос, подчеркну: вот здесь и стоит приглядеться к процессу социализации общества. Для обеспечения упомянутого приоритета необходимо усиление осознания человеком той части общественно-научного пространства, которое определяется *социальными* науками. Они входят в тот общий пласт человеческого познания и норм бытия, который одновременно формируется на их основе; этот пласт – общая культура человека, общества. Мы видим, что этот пласт постоянно растет, развивается. Конечно, бывают и обратные ситуации, но, тем не менее, мы понимаем, что общий уровень культуры современного общества существенно выше, чем уровень культуры тысячи лет назад. Хотя, заметим, многие черты «первобытного» отношения к жизни сохраняются у части людей, которые недостаточно вошли в это самое культурное пространство.

Здесь – ключевой момент.

Что значит – «вошли»?

Мы понимаем, что, в культурное пространство вошли одинаково не все люди; какие-то индивиды или их сообщества более восприимчивы к тому самому пласту знаний, который называется культурой и который как раз ведет к тому, чтобы развивались ноо-потребности человека, сформировалось его отношение к жизни как ноо-существа, а какие-то – меньше. Мы видим многочисленные примеры «недоработок» нынешнего общества в этом плане. Более того, мы часто видим целенаправленное выстраивание такой системы, которая формирует ограничения на вхождение человека в культурное пространство, которая не позволяет ему формироваться как личность, оглушает человека. Это делается не случайно, ибо *ограничение доступа человека к культуре есть предпосылка манипулирования им*. Этим, к примеру, занимается, как легко догадаться, финансовый капитал и его сателлиты. Его сателлиты – это его производные, это его родные братья и сестры, это его дети и внуки, такие, как, в частности,

бедность, неравенство, снижение доступа к потреблению феноменов культуры, образования и так далее, то есть – все то, что приводит к недополучению человеком того арсенала знаний, культурных благ, который позволяет формировать ноо-человека. Это все используется также и для оправдания тех самых тезисов о человеке как звероподобном существе, оправдания домыслов о невозможности в принципе избавиться от «зоо».

Мы возражаем против этого.

Каждый человек, индивид, с рождения наделен задатками «ноо». Задатки, как известно, не определяют способности; они являются предпосылками их формирования и развития. А что влияет на их формирование? Говоря языком социальной психологии, механизм такого формирования есть обобщение и закрепление в деятельности индивида всей гаммы психических процессов. Которые, в свою очередь, есть отражение, говоря уже языком философов, внешнего мира, его воздействия на индивида. Формируя, в том числе, его мировоззрение, закрепляя в его сознании «коды» и ценности, позволяя ему осознавать мир и общество.

Двусторонность процесса социализации. Влияние общества на личность и личности на общество.

Вернемся к отправной точке рассуждений. Она заключается в том, что человеку свойственен процесс вхождения в общество как осознание им своего места в нем, роли, интересов, причем не только своих, но и интересов других людей, которые затем и трансформируются в общественные потребности, и происходит это именно в процессе социализации. В этом смысле мы как раз и можем говорить о том, что социализация – это процесс адаптации человека к общественным пространствам, к общественным нормам, требованиям, правилам поведения, идеологии, установкам и так далее.

Но дело в том, что социализация, как мы видели, – это не односторонний процесс. Общество влияет на личность. Но это – специально отметим – только одна плоскость двусторонности этого процесса. Есть и другая плоскость – это *влияние личности на общество*.

Если индивид сильный и мощный, он дает некие новые установки, идеи, концепции, задает нормы поведения. Раздвигает эти нормы! Все они влияют на общество, а взамен общество, ко-

гда оно требует адаптации от других индивидов к себе, влияет на формирование внутреннего мироощущения других индивидов. Т.о., человек может (конечно, если для этого есть соответствующие объективные условия) изменять институты, правила игры в экономике, политике, в социальной сфере, или через технический прогресс – когда он воздействует на технический прогресс. Но индивид, влияя на общество, создает условия для того, чтобы общество влияло на индивида. При этом, конечно, надо помнить, что, когда вы говорите «индивид», это выглядит, как будто это один и тот же индивид. На самом деле же речь идет о том, что это не один и тот же индивид; речь идет о взаимодействии общества и множества индивидов.

Социализация и генезис ноономики: от теории к практике.

О *практической* стороне дела. Здесь важны две вещи. Первая – усиление научно-технического прогресса. Вторая – опережающее стимулирование развития человека через познание им той части мира, с которым «работает» *социальное знание*. Его нам дает социальная наука, формируя общую культуру человека, через *экуменистическое знание*. Мы сегодня живем в мире, где научный и научно-технический, технологический прогресс соединяется с прогрессом социальных знаний, познания человека, общества, его особенностей. На самом деле социальные исследования, по большому счету, начались позже, чем научно-технологические и технические исследования, хотя наиболее раннее направление такого общего развития представлено в философских трактатах и идеях на протяжении уже более чем двух тысяч лет. Но исследование человека как социального существа, как индивида в обществе началось с развитием психологических наук, социальных наук в конце, примерно, XIX века, и продолжалось на протяжении XX века. получив некое признание как огромная некая сфера социальных наук во второй половине XX – начале XXI века.

Развитие этих исследований дает свои результаты. В частности, понятие «социализация» позволяет нам понять, а) что соединение в теории ноономики нашего подхода, связанного с развитием технологическим, с идеей опережающего познания человеком социальных знаний, формирования социальной структуры через механизм социализации, б) что поэтапное движение к ново-

му человеку (новому с точки зрения его адаптации в обществе и адаптации общества «под себя», под реальные потребности), движение к самоограничению и прочее – это как раз те самые моменты, на которые следует обратить внимание в практической, подчеркиваю, в *практической* деятельности институтов – и государственных, и общественных.

Мы сейчас, т.о., подсказываем, каким путем искать решение поставленной выше проблемы. Мы можем использовать целый пласт, остающийся практически втуне, социологии и социальной психологии. Дальше – развивающейся теории когнитивных человеческих состояний, или, в частности, эмоций. И так далее, и тому подобное. Мы можем рассмотреть их влияние на развитие общества. Эти науки объясняют, *каким образом мы влияем на общество* и *каким образом общество влияет на нас*. Важно понимать, что, находясь в обществе, индивид «кодируется» обществом, принимает в *процессе социализации* в качестве «кода» то нравственно-ценностное ядро, которое составляет социальную сущность общества на данный момент и которое определяются той *критериальной базой ценностей*, которая присуща обществу в *данный момент*. Индивид социализируется. Но и сам индивид, влияя на общество, «**социализирует**» его (в смысле процесса, осуществляя процесс социализации), *меняя его нравственно-ценностное ядро* – и вот отсюда – важно! – *задача состоит в том, чтобы это ядро видоизменялось в направлении, определяемом ноо-критериальной базой*. И открытие, расширение, освоение **такого** знания, включение его в нравственно-ценностное ядро – важный аспект задачи повышения уровня *социализации общества*. «Делание» его более «социальным», неиндивидуалистичным (в «зловном» смысле слова «индивидуализм»), более комфортным к индивиду, более «ноо»-ориентированным.

Если к этому добавить процесс *познания* человеком *своих потребностей*, то есть если мы **соединим** эти два процесса получения *знаний* *одного* типа и *знаний* *другого* типа в единое целое, то на этой базе мы получим ключ к решению задачи – как продвигаться по пути к «ноо»-человеку. Это значит, что мы получим ключ к тому, чтобы «делать», создавать человека не просто неэкономического (с точки зрения неиспользования им экономических механизмов решения задачи удовлетворения своих потреб-

ностей), а человека, который будет осознанно работать над собой и делать «в себе» и в обществе то, что необходимо, чтобы у него, человека, был, с одной стороны, осознанный (и принятый им как достаточный!) уровень благополучия – социального, материального, душевного, духовного – и, с другой стороны, не было потребности (именно потребности, реальной потребности!) в расширении производства того, что на данном этапе развития невозможно получить без ущерба обществу, окружающему миру и другим людям.

Конечно, скажу в заключение, важно – где найти подходы к решению этой задачи на практике? Хочу подчеркнуть следующее. Нам часто говорят: «Невозможно в старые меха влить новое вино, чтобы оно получилось добротным», но на самом деле – очень возможно. Пример – *стратегирование*, создание и реализация стратегий. Это – уже давно известная теория, но возьмем и примерим ее (теорию стратегирования) к идеям теории ноономики. Если мы проведем теоретический синтез того и другого, то получим новое качество. С одной стороны, объяснение применимости стратегирования для стратегического планирования процессов развития общественных институтов в направлении к ноономике. С другой стороны, теория ноономики дает нам понимание, **куда** двигаться и **что** на каждом этапе нужно делать, равно как и **механизмы**, необходимые для движения к этой цели, т.е. позволяет насытить стратегирование новым содержанием. В результате мы можем получить целостную концепцию того, «что нужно и как можно» достичь.

И здесь особенно важную роль сыграет сделанный нами вывод о том, что развитие всей цивилизации к ноономике в каком-то смысле предопределено, потому что оно объективно, потому что есть объективная потребность в именно таком развитии цивилизации. Другое дело, **как конкретно** общество «нооцивилизуется», **как именно** оно будет двигаться и двигаться (и движется ли вообще) в этом направлении. Бывает, она, эта потребность, реализуется по прямой линии, и шаг за шагом развивается, а бывает – вбок отскочили, назад вернулись, что-то еще случилось.

Вот здесь-то и есть место для применения стратегирования, выработки стратегии, которая будет (понимая истинные цели и возможные средства движения по этому пути) аккуратно спрямлять этот путь, не давать скатиться в рецессию, учитывать флуктуации, лучше учитывать взаимовлияния разных параметров, формируя определенные практические шаги для изменения тех или иных вещей: от формулирования концепции – через методологию – к практике.

Вот так мы приходим, уже через применение практических задач стратегирования, к выводу о необходимости не только учитывать двоякую природу процесса социализации (формирование обществом человека и человеком общества), но и о возможности вырабатывать теоретические и практические решения, способствующие тому, чтобы обе стороны процесса социализации вели нас к ноо-миру.

Спасибо за внимание.

Бузгалин А.В. Огромное спасибо, Сергей Дмитриевич.

Действительно, движение к ноо-миру, это, наверное, главный пафос не только нашего сегодняшнего семинара, но и целой серии крупных, больших, масштабных форумов Института нового индустриального развития им. С.Ю.Витте. Они шли, и будут идти, несмотря на ограничения, связанные с пандемией. Мы сейчас продолжим наш разговор, и, мы подумали, что будет очень правильно, если этот первый тур нашей дискуссии откроют, с одной стороны, один из ведущих социальных философов нашей страны, профессор Лапин, а, с другой стороны, один из ведущих политэкономов нашей страны, профессор Сорокин.

Начнем мы, естественно, с философии. Но, прежде чем предоставить слово Николаю Ивановичу Лапину, хочу подчеркнуть, 10-12 минут – ограничение и для российских, и для иностранных участников. Я буду суров, следуя примеру Сергея Дмитриевича Бодрунова, который очень корректно разместил все ключевые идеи своего доклада.

Итак, Николай Иванович Лапин, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель Центра общения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук.

Николай Иванович, добрый день. Я знаю, что вы с нами в эфире. Прошу вас подключиться, и начать ваше выступление.

Лапин Николай Иванович.

Тема доклада: *О целесообразности стратегии социально сильного государства благосостояния как этапе становления социального государства в России.*

Тема семинара высокоактуальна и фундаментальна. Если охарактеризовать ее с позиции общенаучной методологии, то можно сказать, что тема семинара находится в русле принципа Декарта *cogito ergo sum*. По оценке Хайдеггера, только с утверждением этого принципа Декарта началось создание научной картины мира. Ее субъектом стал человек, а научные исследования образовали «незаменимую форму самоустроения мира» и человека в этом мире. Добавлю, в наше время именно научное исследование формирует картину самоустроения человека и его сообществ. Картину, в которой именно человек как биосоциокультурное существо становится действительно активным субъектом исторического процесса, фундаментального процесса социализации.

Я представляю Центр изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Мы довольно детально исследовали проблему становления социального государства современной России и опубликовали результаты в недавно вышедшей книге «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты». В ее названии последние слова («реалии и проекты») обозначают проблему несоответствия российских реалий принципам «социальное государство», который сформулирован конституцией Российской Федерации, и необходимость выработки стратегии его становления.

Этот принцип содержится в главе «Основы конституционного строя», в статье 7, которая состоит из двух частей. В первой ее части сказано, что социальное государство – это такое, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Во второй части названы некоторые условия такой жизни: здоровье, минимальный размер оплаты труда, и другие. Но приведен далеко не полный перечень всех условий именно достойной жизни человека.

Я считаю, что в этих двух частях статьи Конституции России представлены две взаимодополняющие функции социального государства в отношении человека. Во-первых, функция защиты человека, а другая – созидания условий для свободного развития человека.

Наши исследования привели к таким выводам. Социализация государства – длительный исторический процесс. В Европе он активно осуществляется с Нового времени, уже с XVII, особенно с XVIII века. Вначале он имел характер репрессивной изоляции бедности (Закон о бедных 1601 г. в Англии и др.). Но по мере научно-технического прогресса буржуазного общества и обострения его социальных противоречий, с середины XIX в. государства начинают защищать всех, включая бедных. На этой основе возникла идея социального государства (ее выдвинул немецкий историк Лоренц фон Штейн). В 60-70-х годах XX в. она воплотилась в появлении государств благосостояния (welfare state), а во второй половине XX в. – в обосновании задачи повышения социального качества жизни. Но эти продвижения не решали основных противоречий капитализма; уже с 80-х годов XX в. стратегия государства благосостояния столкнулась с растущим сопротивлением крупного капитала и к настоящему времени задачи welfare state отступили в западных странах на второй план.

В названной книге показано, что в современной России достигнута одна из начальных фаз становления социального государства. Это государство общего низко-среднего и в то же время избыточно дифференцированного благосостояния населения. После распада Советского Союза, при становлении Российской Федерации возникли социально неприемлемые дистанции между массовыми стратами населения и его элитными слоями. Различия доходов между крайними децильными слоями населения (элитными и массовыми) превышают 15 раз. Они еще больше при сопоставлении доходов населения в разных регионах страны. При этом интересы наиболее доходных страт значительно влияют на социальную политику органов государства.

Для измерения доли доходов трех макрострат населения (они определены в пропорции 50% : 40% : 10% от всего населения) мы разработали и использовали семейство центильных коэффициентов неравенств доходных весов этих макрострат: 6 цен-

тивных коэффициентов, с помощью которых дифференцированно измерены доли каждой макростраты во всех регионах страны и их динамика в 2000-2017 гг. Наиболее дифференцирующими являются: экстремальное неравенство между крайними децильными слоями всего населения, т.е. коэффициент фондов (= 15,9 раза,) и неравенство между крайними децильными слоями внутри средней макростраты (40% всего населения) = 8,3 раза. Эта база данных получена и доступна для пользования в Вологодском научном центре РАН.

Эти избыточные дистанции, особенно экстремальные различия доходов разных слоев населения (физических лиц) свидетельствуют, по нашей оценке, о кризисе защищающей функции государства. Необходимо учитывать так же, что до сих пор малоизучен вопрос о существующих в сознании населения конкретных границ несправедливости и неравенства доходов. Имеются оценки таких границ экспертами, но не самим населением.

Мы провели экспериментальный опрос населения, с обращением не ниже среднего, и получили такие предварительные результаты. В сознании населения имеется широкий диапазон границ справедливости неравенств доходов между крайними (верхними и нижними) децильными слоями населения, то есть границ экстремальных неравенств (напомню, это коэффициент фондов). Некоторые респонденты называют приемлемыми различия в 50, 100 и больше раз. Но подавляющее большинство респондентов назвали цифру: 10 раз. Относительно промежуточных неравенств названы более скромные цифры: от 5 до 10 раз.

Эти результаты опубликованы в названной книге, они опровергают расхожее представление, будто русские и вообще россияне привержены уравниловке доходов. На самом деле в их сознании присутствуют достаточно цивилизованные оценки границ социально приемлемых неравенств. Но эти оценки значительно ниже тех неравенств, которые реально существуют и достигают 30, даже более 100 раз, т.е. социально неприемлемы.

Таким образом, исходная, защищающая функция государства переживает кризис. Он углубляется в условиях внешних санкций и карантина из-за пандемии коронавируса, несмотря на то, что Президент и Правительство страны предпринимают специ-

альные меры по смягчению этих ограничений. Для преодоления кризиса необходима глубокая системная социализация экономики.

Требуется значительно ограничить вывоз капитала в оффшорные зоны, ввести заметно дифференцированные налоги на сверхдоходы физических лиц, предоставить регионам возможность более эффективно использовать ресурсы, имеющиеся на их территории. Значительная часть фирм, предприятий не заинтересована в научно-технических инновациях; незаметна инновационная активность частных венчурных фондов и малых фирм. Трудовая и потребительская активность многих слоев населения сдерживается из-за традиционно недостаточной оплаты их труда, а также из-за незаинтересованности в доходах от использования природных ресурсов их территорий. Требуется, я хочу особо отметить, неординарные подходы к социализации прав граждан на участие в доходах от использования природных ресурсов.

Мы рассматриваем принцип социального государства как программный принцип развития человека, государства, общества, всего цивилизационного процесса нашей страны. Он ориентирован на длительную перспективу. Многие поправки в Конституцию, утвержденные в 2020 г. и реализуемые в практической деятельности органов управления, означают дальнейшее движение в этом направлении, особенно значимое в сложных условиях текущего этапа. Их осуществление позволяет поставить вопрос о создании, утверждении и реализации стратегии повышения статуса российского государства до уровня социально сильного государства всенародного благосостояния – всего населения страны, всех его страт, во всех регионах – как ближайшего этапа становления социального государства.

Создание такой стратегии, как показывают опросы населения, соответствуют ожиданиям большинства населения России, целям и задачам исторического становления новой России – как государства, общества и цивилизации. Я полностью поддерживаю предложение, которое содержалось в докладе Сергея Дмитриевича, о необходимости стратегирования развития нашей страны для того, чтобы ее государство и общество стали действительно сильным социальным государством и обществом всенародного благосостояния. Именно сильного, как об этом недавно говорил на Валдайском форуме Президент России.

Желательно, чтобы сообщество ученых, работающих в области социально-экономических и гуманитарных наук, подготовило и предложило для обсуждения проект такой стратегии.

Бузгалин А.В. Большое спасибо, Николай Иванович.

Я искренне рад, что в нашем семинаре участвует такой ученый. Я учился по книгам профессора Лапина еще будучи студентом. И то, что Вы сейчас с нами, в отличной форме. Но в некотором смысле Вы, видимо, нас смотрите из истории, и от этого еще в большей степени важным и существенным кажется ваш вклад. То, что Вы поддержали ключевую идею доклада профессора Бодрунова, мне кажется, так же принципиально важным и знаменательным. Продвижение к человеку гуманному, ноо-личности, ноо-обществу через социализацию, даже в таком узком смысле, как снижение неравенства – это принципиально важная задача.

Действительно, соединение ноостратегии и стратегирования, то, что вы отметили в завершении доклада – это необходимость и вызов для всех нас. Надеюсь, что результаты размышления ученых, так или иначе, попадают в уши если не самых крупных руководителей страны, то гражданского общества, которое, в конечном итоге оказывает существенное влияние на протекающие процессы. Видимо, контрапункт философов и политэкономов – это принципиальная не только задумка семинара, но и объективная необходимость.

Поэтому я рад предоставить слово члену-корреспонденту Российской академии наук, профессору, доктору экономических наук, Дмитрию Евгеньевичу Сорокину. Дмитрий Евгеньевич, я просто тут вижу много разных титулов, я выбираю что-нибудь одно. Руководитель департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Дмитрий Евгеньевич, хоть мы и на «ты», но сейчас мы будем на «вы». Пожалуйста, Дмитрий Евгеньевич, Вам слово.

Сорокин Дмитрий Евгеньевич.

Тема доклада: *Человек в историческом процессе: субъект или инструмент?*

Сразу хочу подчеркнуть, что я полностью разделяю основной посыл доклада С.Д. Бодрунова, что современные тенден-

ции развития производительных сил ведут к тому, что все более востребованными становятся творческие, интеллектуальные способности человека. Согласен я и с тем, что развитие творческого мышления порождает тенденцию к развитию социальной активности, когда интересы личности все в большей степени выходят за круг обыденной жизни, когда люди во все большей степени осознают себя в качестве членов большого социума и стремятся активно включиться в жизнь этого социума, т.е. в то, что называется историческим процессом.

Однако я хочу отметить, что движение в сторону становления человека, как активного субъекта исторического процесса – это лишь одна из возможных траекторий развития общества. Не менее важно видеть и иные варианты.

В докладе С.Д. Бодрунова справедливо было отмечено, что человек – существо биосоциальное. А это значит, что он, как личность, формируется под воздействием, с одной стороны, присущих ему биологических свойств, порождающих интересы к удовлетворению биологических потребностей. С другой, – под воздействием тех отношений, которые существуют в социуме, членом которого он является.

Соответственно возникает вопрос: та система социально-экономических отношений, которая господствует сегодня в так называемых высокоразвитых (в экономическом смысле) стран, способствует формированию личности, как активного участника исторического процесса развития общества, членом которого он является, или направлена на формирование человека (и, следовательно, общества), прежде всего, как потребителя благ, удовлетворяющих его биологические потребности (как писал К. Маркс, безразлично порождены они фантазией или желудком)? Судя по тому, что приходится наблюдать, как в нашей стране, так и за рубежом, боюсь, что в большей степени верно второе.

Конечно, именно люди выступают в качестве акторов процессов, изменяющих общество. Но какую роль они при этом играют? Роль массовой поддержки тех лидеров (пассионариев), которых можно назвать модераторами исторического процесса. По сути, они становятся инструментами в руках этих лидеров.

А лидеры для достижения своих (пусть очень благородных и прогрессивных целей) обращаются к массам, с довольно

примитивными лозунгами, как правило, ориентированными на биологическую сторону жизни. Вспомним: проблема снятия отношений частной собственности для масс была сформулирована в виде «Мир хижинам – война дворцам». Результат: герой романа М. Шолохова «Поднятая целина» Макар Нагульнов учит английский язык, чтобы, когда наступит мировая революция, сказать представителям капиталистического класса: «Пил кровя с рабочего класса? Ксплуатировал трудовой народ? Становись кровяная гадюка к стенке!». И невдомек было ему и миллионам таких же Макаров, что расстрелами невозможно ликвидировать отношения капиталистической собственности, в том числе и потому, что эти отношения имеют в своем основании биологическую природу человека.

А события конца 1980-х – начала 1990-х гг. в нашей стране? Люди искренне верили, что ликвидировав т.н. привилегии чиновников и перейдя к тому, что называлось демократией, они получают прилавки магазинов, заполненные колбасой и прочими материальными благами. Результат же был сформулирован видным представителем интеллектуального диссидентства философом А. Зиновьевым в его интервью радио «Эхо Москвы» в 2005 г.: «Мы целились в коммунизм, а попали в Россию». Кем считать людей, вышедших тогда на улицы с лозунгом: «Партия, дай порулить»? Активными двигателями исторического процесса или инструментом, в руках тех, кто решил направить этот процесс в «нужную» с их точки зрения сторону?

А прокатившиеся по миру т.н. «цветные революции» обеспечили прогресс тех стран, в которых они победили?

Еще раз повторю: дело не в благородных или низменных побуждениях лидеров перемен. Сложившаяся система социально-экономических отношений неизбежно порождает «монетизацию» самых благородных целей лидеров и, в конечном счете, их самих. Такова тенденция, поддерживаемая всей политической, экономической, идеологической силой, находящейся в руках тех, кто сегодня находится на вершинах экономической власти, и вытекающая из биологической природы человека.

Возможно изменить эту систему? Да, если на смену человеку экономическому придет человек просвещенный. Не случайно Дж. Гэлбрейт, предупреждавший в своей книге «Новое инду-

стриальное общество» о тех рисках для общественного развития, которое несет экономическое господство крупных корпораций, отмечал, что для предотвращения этих рисков необходимо, чтобы образование, готовя специалистов для какой-либо профессиональной деятельности, не забывало о такой своей важнейшей функции, как просвещение, важнейшей составной частью которого является научное понимание законов общественного развития. Только в этом смысле просвещенный человек не станет инструментом в чьих-либо руках, объектом манипуляции, а будет на основе критического мышления выступать в качестве сознательно-активного участника исторического процесса.

Конечно, процесс этот – исторически долгий и какая тенденция, в конечном счете, победит сегодня прогнозировать невозможно. Но те, кто понимает, что без просвещения, подъема общей культуры миллионов человечество неизбежно придет в исторический тупик, должны каждый на своем месте продолжать способствовать победе разума над инстинктами, даже, если видят тщетность своих индивидуальных усилий.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Мне очень хочется поспорить со многими тезисами профессора Сорокина. Но модератору это делать не положено. Я думаю, Сергею Дмитриевичу тоже хочется со многими подискутировать. Но мы вам эту возможность предоставим в конце первой сессии, а мне придется вот так и молчать, видимо.

Коллеги, я хочу подчеркнуть только один момент. Действительно, возможность человека влиять на исторические процессы иногда приобретает совершенно варварские формы. Но есть и вторая сторона медали: невключение в процесс творения истории оборачивается иногда не менее чудовищными и даже более чудовищными результатами. Есть знаменитые слова о том, что фашизм приходит тогда, когда человек встает в стороне от исторического процесса и говорит: «Я не еврей, я не профсоюзный лидер, и меня не касается, если их отправляют в газовую камеру». В какой-то момент к нему приходят чернорубашечники и говорят: «Пошел в газовую камеру». Он кричит: «Я порядочный немец!» Ему объясняют: «Просто лавка у тебя хорошо расположена, я хочу ее забрать себе, поэтому ты будешь еврей».

Вот в данном случае я просто хотел напомнить вторую сторону медали, о которой говорил Дмитрий Евгеньевич, и говорил справедливо. Мы продолжаем наш разговор. Я искренне рад, что наш семинар носит по-настоящему международный характер, и в нем участвуют представители, как я уже сказал, разных континентов и стран. Мы разместили спикеров по алфавиту чисто формальным демократическим образом.

Открывает нашу серию профессор Киз Ван дер Пиджл. Он профессор мировой политической экономики университета Сассекса, представляет Нидерланды и Великобританию.

Пожалуйста, профессор, Вам слово. Мы очень рады видеть вас.

Ван дер Пиджл Киз.

Тема доклада: *Информационная революция / пандемическая контрреволюция.*

Здравствуйте, спасибо.

В 1970-х годах началась общемировая историческая трансформация – информационная революция, которая в наше время только ускорилась. Посредством Интернета и за счет его распространения она смогла объединить население всего мира в гораздо большей мере, чем все предшествовавшие ей технические инновации. ИТ-революция предоставила огромному количеству людей, которые ранее черпали информацию из выступлений политиков и СМИ, доступ к широкой коммуникации и обмену сведениями.

С этой точки зрения информационную революцию можно сравнить разве что с изобретением в XV веке книгопечатания, которое впервые дало европейцам возможность чтения Библии на родном языке в противоположность пересказу ее содержания священнослужителями. В данной краткой статье я докажу, что «пандемию» Covid-19 следует считать превентивной контрреволюционной мерой, направленной против возможных политических и революционных последствий рассматриваемой исторической трансформации.

Новые возможности, порожденные ИТ-революцией, в первую очередь открываются перед существующими правящими классами, задолго до того как низшие классы смогут вос-

пользоваться расширяющимися пределами возможного. По словам Сергея Бодрунова, направляющая сила современного капитализма и хищнического финансового сектора использует цифровизацию только для получения личной выгоды, не уделяя особого внимания другим возможностям ее применения. Тем не менее, сфера применения этих возможностей стремительно расширяется и неизбежно станет использоваться низшими классами, как это происходило раньше. Подобным же образом, если говорить о промышленной революции, новые возможности в экономической и военной областях сначала использовались капиталистическими правящими классами в собственных интересах внутри страны и за рубежом, но возникло социалистическое рабочее движение, кульминацией которого стал советский государственный социализм со своей версией промышленной революции, направленной на эмансипацию общества и преодоление отставания в развитии. Со временем, правда, этот социализм погряз в стагнации, в то время как Запад в результате ИТ-революции вступил в новую эпоху.

Однако на этот раз правящие классы переживающей серьезный кризис капиталистической системы решили не ждать стихийного, следующего собственной логике развития событий, при котором низшие классы смогут освоить возможности эпохального прорыва в развитии производственных сил. Конечно, фраза «правящие классы решили» в данном случае – это всего лишь краткое описание сложного процесса, при котором формирование классов имеет разные отправные точки и сводится воедино на уровне некой общей программы, или *концепции контроля*. Процесс формирования классов включает в себя появление классового сознания, отправной точкой развития которого является определенная позиция представителей конкретной капиталистической группы, причем это происходит задолго до того момента, когда классовое сознание начинает отражать позиции других участников процесса.

Основной группой, контролирующей текущие процессы, можно считать гигантов ИТ-индустрии, контролирующих Интернет (Microsoft, Google, Apple, Facebook и т. д.), и крупных финансовых инвесторов (BlackRock, Vanguard, JP Morgan Chase и т. д.), которые являются держателями акций вышеперечисленных ком-

паний. Кроме того, к этой группе следует присовокупить отдельный блок сил, который представляет собой то, что я называю, апеллируя к Фуко, *биополитическим* комплексом (фармацевтические и медицинские компании, ВОЗ), и, конечно, военно-промышленный комплекс с его неизменным незримым присутствием. После финансового краха 2008 года эти разные капиталистические группы, частично завязанные друг на друга (самый яркий пример: Билл Гейтс – основатель Microsoft и, через Фонд Билла и Мелинды Гейтс, самое влиятельное на сегодняшний момент лицо в биополитическом комплексе), объединились, чтобы преодолеть кризис капитализма.

В эпоху промышленной революции процесс формирования классов вокруг определенной концепции контроля претерпел ряд изменений, например в результате реструктуризации в конце Второй мировой войны и контрреволюции 1980-х годов. Однако и классовый компромисс, который стал следствием развития массового производства с 1945 по 1947 год, и обусловленная финансовыми соображениями атака на него (неолиберализм) развивались органически, путем поэтапного согласования интересов разных групп. На сей раз вышеупомянутый финансово-информационный блок решил воспользоваться возможностью, связанной с распространением неизвестного вируса, чтобы в авторитарной манере навязать сверху новую концепцию и в идеале не допустить развертывания каких-либо оппозиционных движений.

Идея мобилизации общества через введение авторитарной концепции контроля в ответ на внезапно возникшие чрезвычайные ситуации (реальные или воображаемые) впервые возникла после распада Советского Союза. Патрик Зильберман, ведущий французский специалист в области общественного здравоохранения, описывает, как Соединенные Штаты, международные организации и те, кто находился в их сфере влияния, разработали «пессимистические сценарии» в ответ на идеологический вакуум, связанный с предполагаемым «концом света». Акцент в этих сценариях сместился с подсчета единиц военной техники противника, оценки социалистических партий и кризисных ситуаций, в которых они могли бы проявить активность, на *вымышленные* (в основном) *угрозы*. В едином мире, созданном в процессе информационной глобализации, который Зильберман называет объеди-

ненным мировым рынком иллюзий, резко возросло количество предаваемых огласке возможных вариантов.

Эти не имеющие ничего общего с действительностью, но при этом «наихудшие» сценарии были напрямую связаны с осуществлением властных полномочий в ракурсе концепции контроля. Так, в конце 1998 года Филип Зеликоу (впоследствии скандально известный как редактор официального отчета о событиях 11 сентября) в рамках своего доклада на конференции в Университете Вирджинии рассматривал идею «общественных допущений», основанную на *формирующих общественное мнение событиях*. Такие допущения могут закрепиться в сознании целого поколения при соответствующей поддержке со стороны тех, кто управляет политическими процессами. Теракты 11 сентября и программу борьбы с терроризмом определенно можно квалифицировать как события, которые позволили правящим классам Запада перейти от управления посредством разумных классовых компромиссов к управлению, основанному на всеобщем страхе перед допущением, которое распространяет, по выражению Зеликоу, «определенная политическая группа» и в которое большинство населения верит.

По мнению Зильбермана, эпидемия атипичной пневмонии в Китае и Канаде в 2003 году является примером того, как «наихудший сценарий», вырванный из мира фантазий (эта вспышка унесла менее тысячи жизней), может быть использован для установления контроля над населением. Однако выводы, сделанные Зильберманом на основании эпидемии атипичной пневмонии и введенных тогда карантинных мер, стали актуальны в отрыве от области его специализации (медицинской социологии) лишь после финансового кризиса 2008 года.

В начале 2010 года Фонд Рокфеллера опубликовал совместный доклад с консалтинговой компанией Global Business Network, специализирующейся на разработке сценариев. В предисловии президент Фонда Рокфеллера Джудит Родин рекомендует сценарное планирование как основу для создания вероятных картин будущего и «вывода мышления за пределы статус-кво». Сценарное планирование – это методология, призванная помочь группам и отдельным людям пройти именно через этот творческий процесс... При помощи построения вероятных картин бу-

дущего сценарии позволяют изучать динамику и события, которые могут (зачастую неожиданно) изменить, затормозить или усилить текущие тенденции.

Из четырех рассматриваемых в докладе сценариев только один, «Блокировка», можно квалифицировать как «наихудший» (еще один сценарий – радужный, а два других приводят к полному отказу системы). Сценарий «Блокировка» описывает «мир с более жесткой вертикалью государственного контроля и более авторитарным руководством, с ограниченными инновациями и растущим сопротивлением граждан». Более того, этот сценарий основывается на чрезвычайно опасной и смертельной пандемии гриппа (давно ожидаемой), которая разразится в «2012 году». По сценарию почти 20 процентов мирового населения будет инфицировано, 8 миллионов погибнет и т. д. и т. п. Заболевание впервые будет зафиксировано в Китае, который успешно с ним справится, после чего оно распространится по всему миру, где с ним будут бороться гораздо менее эффективно, причем наименее компетентным окажется подход в США.

Согласно докладу Фонда Рокфеллера, страны в конце концов введут меры по примеру Китая и их контроль над населением парадоксальным образом будет усиливаться по мере развития «пандемии». И вызвано это будет не только необходимостью борьбы с вирусом, но и «авторитарным контролем и надзором за гражданами и их деятельностью... которые будут необходимы для защиты от распространения все более глобальных проблем», таких как международный терроризм, экологические катастрофы и рост уровня бедности. И вот, «граждане добровольно откажутся от части своих прав, в том числе и права на неприкосновенность частной жизни, в пользу патерналистского государства в обмен на большую безопасность и стабильность», – к такому выводу приходят авторы доклада. «Граждане станут более терпимыми к руководству и контролю сверху *и даже будут желать* этого, а национальные лидеры получают больше свободы для установления такого порядка, который они считают необходимым. В развитых странах этот усиленный надзор примет различные формы, в том числе биометрическое удостоверение личности для всех граждан».

Практически идентичные выводы были сделаны Зильберманом в его книге, основанной на анализе эпидемии атипичной

пневмонии. У меня нет возможности здесь подробно остановиться на обсуждении этой работы, но хотелось бы отметить вывод Зильбермана о том, что помещенные в домашнюю изоляцию граждане проявили чувство супергражданства и *патриотическое* чувство долга, которые перекрыли все прочие мотивы и компенсировали ущерб от очевидных отрицательных последствий изоляции для экономики, общества и личного благосостояния.

Таким образом, я рассмотрел интеллектуальные вехи в развитии концепции вертикального контроля, поводом для которой послужило «событие, формирующее общественное мнение», – «пандемия» Covid-19. Вышеперечисленные капиталистические группы собрались на Всемирном экономическом форуме, основателем и президентом которого является Клаус Шваб. В книге «Великая перезагрузка», соавтором которой он является (книга вышла после начала текущего кризиса и практически слово в слово воспроизводит сценарий, опубликованный в рамках доклада Фонда Рокфеллера в 2010 г.), задается вопрос о том, какие экономические силы обеспечат переход к «новой нормальности» и что послужит им «путеводной звездой». Шваб сравнивает надвигающиеся изменения с переломным моментом в 1945 году, когда произошла аналогичная реструктуризация капиталистического общества. В остальном книга представляет собой *четкую программу* концепции контроля, не имеющей аналогов в истории, хотя свой идеолог был и у послевоенного корпоративного либерализма (Кейнс), и у неолиберализма, сторонники которого вдохновлялись работами Хайека и Фридмана.

Во всех сценариях подготовки к ужесточению контроля над мировым сообществом под предлогом действий в связи с чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения прослеживается страх перед народными волнениями, беспокойство по поводу неизбежности повторения 1848 года, когда по Европе прокатилась череда революций и был опубликован «Манифест Коммунистической партии». Можно привести еще много примеров в доказательство того, что «пандемия» – это контрреволюция, призванная предотвратить переход информационной революции в социальную, с учетом того, что доступ к Интернету и его возможностям сейчас имеет не только правящая верхушка, но и все население мира.

Но для того чтобы Запад смог внедрить новую концепцию контроля, необходимо «нормальное» руководство в США. С моей точки зрения, именно поэтому ВОЗ, ключевой член биополитического комплекса, в котором первостепенную роль играют интересы Гейтса, в марте 2020 года, в год президентских выборов в США, называет вспышку Covid-19 «пандемией класса А», тем самым повергая в смятение американскую и мировую экономику. В октябре 2019 года на проводившемся в Нью-Йорке симпозиуме «Мероприятие 201 – Глобальные учения на случай пандемии» Университет Джонса Хопкинса, Фонд Гейтса и Всемирный экономический форум провели генеральную репетицию сценария, изложенного в докладе Фонда Рокфеллера. Налицо и многие другие признаки того, что капиталистические группы уже тогда били тревогу, – но вовсе не из-за «пандемии» как таковой.

На этом я завершаю, и благодарю за возможность выступить.

Бузгалин А.В. Большое спасибо профессору Ван дер Пиджу.

То, что вы поставили проблему ноономики в контексте современных событий, которые, видимо, для нас, граждан Советского Союза в прошлом... всё-таки немецкая агрессия была бедствием гораздо большим, чем пандемия, но действительно, это очень глубокая, очень сложная проблема, с которой мы сегодня столкнулись. Это тот вызов... И я думаю, Вы обратили внимание на то, что в книге профессора Бодрунова «Ноономика» специально говорится о том, что есть угроза развилки и того, что в конечном итоге человечество пойдет не по пути к ноономике, а по пути к трагедии, причем к трагедии мирового масштаба гораздо более страшной, чем пандемия.

Бодрунов С.Д. Извините, Александр Владимирович, я бы сказал, есть такая возможность. Развилка есть развилка. Она может туда пойти, может туда.

Бузгалин А.В. Да, Вы абсолютно правы. И раз уж Вы появились, Сергей Дмитриевич, я воспользуюсь этим случаем и напомню уважаемым коллегам, что недавно вышла новая книга профессора Бодрунова. Это, с одной стороны, короткий вариант ключевых тезисов «Ноономики», на чем настаивает профессор Бодрунов. Но с моей точки зрения, там есть целый ряд очень интересных новых определений и уточнений, которые развивают концепцию

нономики. Прошу всех обратить внимание. «Траектория глобальной трансформации» – это не случайный подзаголовок, он имеет отношение к нашему сегодняшнему семинару.

Я думаю, что скоро коллеги увидят эту книгу, точнее, даже некий симбиоз первой и второй книг на многих языках мира, но мы не будем забегать вперед.

У нас обширная программа, и я рад предоставить слово коллеге, с которым мы, я имею в виду Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, работаем уже долгое время. Это Лео Габриэль из Австрии, директор Института межкультурных исследований и сотрудничества.

Лео, Вам слово.

Габриэль Лео.

Тема доклада: *Ноономика с позиции глобального Юга.*

Спасибо большое. Для меня большая честь выступать сегодня перед вами.

С тех пор, как я познакомился с профессором Бодруным, я преодолел свою, так сказать, экономофобию. Все, что он говорит о ноономике, социализации – это, в принципе, антропологические подходы, а я сам по профессии, в общем-то, антрополог. Поэтому для меня очень интересно, когда можно в антропологическом ключе рассмотреть проблемы развития в условиях разных культур Запада, Востока. Интересно обсудить проблемы просвещения, актуальные вопросы коронавируса, которые зрели на протяжении десятилетий. Обо всем этом много говорили, данные темы очень занимают человечество. Вы помните, как Леви Страусс говорил о возможностях коренного населения развивать собственную цивилизацию...

Я полностью согласен, должен отметить, с каждым словом, которое было только что сказано господином Ван дер Пиджлом. Существует серьезная угроза по сдерживанию, недопущению развития альтернативных подходов. Для меня эти угрозы существуют еще с 1968 года, кто-то может считать иначе. К сожалению, времени, конечно, не хватит, на глубокую дискуссию по этому вопросу, но я постараюсь кратко изложить основные тезисы моего выступления.

Мой доклад связан с проблемами Юга, вопросами ноономики с позиций глобального Юга. И прежде всего мы, я говорю мы, потому что считаю себя частью новой волны интеллектуального развития в Латинской Америке, будем говорить о, прежде всего, о концепции антироста. Что это такое? В последнее время для свободного рынка считалось настоящим фетишем стремление к высоким темпам роста.

Но разве развитие экономики сводится только к высоким темпам роста? Нет ли альтернативного измерения этого развития? Такого измерения, которое в центр системы ставило бы человека, социальный аспект, который, как уже говорили, связан с темой нашего сегодняшнего семинара. Например, в Латинской Америке есть термин, обозначающий понятие «хорошей жизни». Политика, экономика, мир, всеобщее благосостояние и природа – все это входит в это понятие, и определенным образом персонализируется в различных культурах. «Хорошая жизнь» – это настоящее мировое движение, которое формировалось в разных уголках мира. Параллельно с ним развивались и движения за экологию (например, «Пятница ради будущего»).

Сейчас ставится акцент на общественных благах (это вода, это энергетика, здоровье и образование), которые невозможно экспроприировать. Все это связано с тем, о чем уже говорил профессор Бодрунов касательно социализации. И в этом процессе социализации нужно уходить от идеи конкуренции и переходить к идее о сотрудничестве в Латинской Америке, в Африке, в Азии. Мы уверены, что единственный шанс для многих семей, для многих сообществ выжить – это взаимопомощь друг другу.

Здесь нужна альтернативная структура, альтернативная система. Что это за система? Обратимся к историческому опыту. У нас есть опыт Советского Союза, например. Но в СССР государство допустило ошибки. Государство не должно решать абсолютно все. Альтернатива в виде системы централизованного планирования, авторитарных правительств, военных диктатур нам не подходит.

Я занимался исследованиями этого вопроса, у меня есть книга о многокультурных автономиях. Существует много регионов, где проживают мультикультурные сообщества. Взаимопомощь, сотрудничество в рамках мультикультурных сообществ,

может быть, является куда большим преимуществом для построения альтернативной автономной системы по сравнению с государственным центральным планированием.

Все, о чем я говорю – это не абстрактные идеи, все это основано на наблюдениях. И сейчас уже является настоящей тенденцией соорганизация различных движений, мирных движений. Мобилизация всех этих движений нужна для того, чтобы направить их усилия на глобальные вызовы гражданского общества, развитие государств и борьбу с постоянной милитаризацией, которая сейчас является основной доктриной мира.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Большое спасибо, Лео.

Мы продолжаем нашу работу. Но прежде я хотел бы подчеркнуть, что профессор Лео Габриэль совершенно справедливо говорил о возможностях самоорганизации снизу на базе различных социальных сетей и местного самоуправления. И, кстати, это может быть той формой реализации функции человека как субъекта, воздействующего на социум, той обратной связи, которая была подчеркнута в докладе профессора Бодрюнова. Одновременно это позитивное конструктивное возражение профессору Сорокину, который показал негативные формы социальной активности. Профессор Габриэль долгое время работает как раз с позитивными формами социальной активности, и эта работа отражена в его переводах на русский язык.

Я рад предоставить слово нашему следующему участнику из-за рубежа. Это профессор Римского университета Ла Сапиенца Гульельмо Киоди. Здравствуйте.

Киоди Гульельмо.

Тема доклада: *Знания и культура в соотношении с господствующей экономической теорией.*

Добрый день всем участникам. Спасибо большое за приглашение.

Тысячелетие за тысячелетием в ходе длительного исторического процесса развития человечество накапливало и прочно закрепило различные отличительные черты окружающей среды, религий, обычаев, законов, социальных и политических институтов, и все они глубоко укоренились в социальной ДНК человечества.

Переход к новому обществу, рассматриваемому профессором Бодруновым, безусловно, является долгожданным и многообещающим сценарием, заслуживающим серьезного рассмотрения.

В этой связи я хочу поделиться некоторыми мыслями о двух различных (хотя и взаимосвязанных) аспектах человеческой жизни, а именно «знаниях» и «культуре», которые кажутся мне универсальными чертами любого человеческого социума и которые, по моему мнению, особенно актуальны для ноообщества.

Однако поскольку заключительным шагом к достижению ноономики является полное исчезновение всех экономических отношений, на смену которым придут «знания», «творчество» и «изобретательность», обсуждение доминирующей экономической теории (под которой я подразумеваю современную рыночно-ориентированную или неолиберальную неоклассическую экономическую теорию) имеет определенное значение.

Это непростая задача, поскольку доминирующая экономическая теория рассматривается (как и должно быть, на мой взгляд) как серьезное препятствие на пути перехода к ноономике.

Позвольте мне сформулировать некоторые предположения относительно сложности преодоления доминирующей экономической теории с учетом того, что ключевое значение для перехода к ноономике, как упоминалось выше, имеют два основных аспекта: «знания» и «культура».

На протяжении последних ста лет и вплоть до сегодняшнего дня доминирующая экономическая теория подвергалась все более «научно обоснованному» интеллектуальному совершенствованию благодаря использованию аналитических инструментов и языков, большинство из которых заимствовано из физики и математики.

Сам этот процесс естественным образом привел к тому, что экономическая теория заиклилась на себе и стала дегуманизированным и асоциальным закрытым миром, обедневшим из-за отсутствия значимых оценочных суждений и какой-либо хотя бы незначительной открытости к другим гуманитарным дисциплинам. Таким образом, экономическое мышление было сосредоточено на однонаправленной роботоподобной модели человеческого поведения.

Дойдя таким образом до неприемлемого крайнего индивидуализма, экономическая теория совершенно исключила воз-

возможность возникновения какой-либо заметной идеи «общности» или «общего блага», не говоря уже о роли государства, которое обычно рассматривается доминирующей экономической теорией как препятствие для отлаженной работы рыночного механизма.

Благодаря последним интеллектуальным достижениям, большинство экономистов считали и до сих пор считают доминирующую экономическую теорию наиболее ценной теорией, имеющейся в распоряжении теоретиков и политиков, поскольку она отражает универсальные законы, эффективно применяемые к повсеместно действующему и вечному способу производства, к пониманию того, какой должна быть рыночная экономика.

Вышеизложенное мнение остается незабываемым, несмотря на многочисленные критические замечания, высказываемые приверженцами альтернативных взглядов на общество (как, например, критика марксистской теории Сраффы, основанная на логических принципах, и критика Кейнса, основанная на потере общности ортодоксальной теории). В каждом из этих случаев доминирующая экономическая теория была либо удивительно невосприимчива к критике, либо оказывалась просто чрезвычайно живучей.

Таким образом, «настоящая» экономическая культура почти всегда отождествляется с доминирующей экономической теорией и, следовательно, преподается по всему миру и распространяется через наиболее значимые компетентные учреждения сообразно конкретным обстоятельствам, например, через университеты, международные организации (такие как МВФ, ВБ, ФАО), а также Шведскую академию наук, которая с 1969 года ежегодно присуждает Премию Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля (именуемую для краткости Нобелевской премией по экономике).

В этой связи и в рамках обсуждения роли «знаний» и «культуры» позвольте мне напомнить, что в 1997 году Нобелевская премия по экономике была присуждена экономистам Роберту К. Мертону из Гарвардского университета и Майрону С. Шоулзу, ранее представлявшему Стэнфордский университет, а затем – хедж-фонд «Долгосрочное управление капиталом» (LTCM).

Основание для присуждения Премии звучало следующем образом: «За метод оценки производных финансовых инструментов», а точнее за то, что работа Мертона и Шоулза «привела к

созданию новых финансовых инструментов и способствовала более эффективному управлению рисками в обществе», как указано на странице сайта Нобелевской премии.

Мертон и Шоулз фактически усовершенствовали алгоритм, использование которого в сочетании с самыми передовыми технологиями информатики было по сути призвано повысить эффективность функционирования финансовых рынков.

Таким образом, их вклад должен был стать большим шагом вперед не столько в понимании того, как *на самом деле* работают финансовые рынки, сколько того, как они *должны* работать *эффективно*.

Однако у этой истории есть и очень темная сторона. Фактически Мертон и Шоулз были одними из основателей и партнеров хедж-фонда «Долгосрочное управление капиталом» (LTCM). Этот фонд, имея резервный капитал в размере почти 5 миллиардов долларов, однажды сделал ставку с обеспечением на приобретение производных финансовых инструментов на 125 миллиардов долларов, которые впоследствии были использованы в качестве обеспечения для покупки деривативов на 1,250 триллиона долларов. LTCM с треском рухнул в 1998 году, менее чем через год после присуждения Нобелевской премии Мертону и Шоулзу.

Чтобы избежать гораздо более серьезной финансовой катастрофы, ФРС и другие авторитетные международные банки были вынуждены немедленно и решительно вмешаться.

Спекуляции на финансовых рынках по-прежнему имеют место быть, несмотря на пагубные последствия краха LTCM: трейдеры, в сущности, упорно продолжали использовать алгоритм Блэка-Шоулза-Мертонна, чтобы определить, какой, по их мнению, должна была быть «точная» цена деривативов до финансового краха 2007 года, последствия которого на данный момент широко известны.

В этой связи, возможно, стоит добавить, что из этого драматического опыта было извлечено очень мало уроков и, что еще хуже, не было сделано практически никаких выводов по поводу очевидной, но тонкой разницы между «риском» и «неопределенностью», о которой преподаватели регулярно рассказывают студентам экономических факультетов по всему миру, не говоря уже о высказываниях Кейнса и Мински на эту тему.

Итак, мои выводы в конечном итоге сводятся к двум вопросам: какого рода «знание»? какая именно «культура»?

Я думаю, что предстоит еще много интересной работы, которая позволит дать удовлетворительный ответ на эти вопросы, а также начать и завершить переход к лучшему обществу.

Бузгалин А.В. Большое спасибо, Гульельмо.

Это был очень важный вклад в наш диалог. И хотя Вы бросили такой камешек в адрес марксистов, я не буду комментировать, поскольку это запрещено правилами модерирования. Как-нибудь в другой раз при личной встрече, но вежливо. А сейчас я хотел бы подчеркнуть ту критику негативного финансового капитала, которая уже звучала на наших форумах и семинарах, и, в частности, обратить внимание на пленарный доклад профессора Бодрунова, подчеркивавшего то, что пандемия стала катализатором, но не причиной кризиса. А его причина – это перенакопление капитала вследствие финансиализации. Этот доклад прозвучал на Московском академическом экономическом форуме в этом году. И, несмотря на все санитарные ограничения, этот форум собрал очень широкую аудиторию. Мы продолжаем наш разговор. Продолжаем обсуждение доклада по социализации. Я рад предоставить слово...

Бодрунов С.Д. Буквально два слова скажу, если позволите. Раз вы коснулись Московского академического экономического форума. Участников было более 2,5 тысячи. Участников, которые выступали на разных семинарах в течение 15 дней, было около 650 человек.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Да, спасибо, Сергей Дмитриевич.

Да, это несмотря, еще раз говорю, на суровые ограничения, связанные с коронавирусом. Итак, возвращаясь к нашей теме... Я хотел предоставить слово нашему доброму старому другу – Элу Кэмпбеллу, одному из лидеров Международной ассоциации по продвижению политической экономии. Эл Кэмпбелл – профессор из Соединённых Штатов Америки, в данном случае он участник очень многих международных встреч, и мы благодарны ему за возможность участвовать в конференциях Ассоциации в самых разных городах мира.

Надеемся, что в 2021 году мы снова будем с вами, Эл. И сейчас, пожалуйста, вам слово.

Кэмпбелл Эл.

Тема доклада: *Продвигаясь по ту сторону капитализма: как и почему. Планирование, кооперация.*

Формулировка темы данного семинара – «Социализация экономики: человек как продукт и как активный субъект исторического процесса» основана на убеждении, что лучший мир все-таки возможен. В теме семинара также прямо обозначена важнейшая социальная трансформация, необходимая для преодоления главных проблем современного общества: социализация экономики. Исходя из формулировки темы семинара, мы можем сделать еще один вывод: социализация должна быть связана не столько с общественными структурами, сколько с условиями жизнедеятельности человека как существа, являющегося частью некой системы.

Чтобы выразить свои мысли в отведенные 10–12 минут, я остановлюсь лишь на 4 тезисах, касающихся создания лучшего мира. Второй тезис – о том, как этого достичь, – будет самым кратким. Я лишь дам отсылку к теме нашего семинара: необходима социализация экономики. Очевидно, такой ответ влечет за собой крайне важный вопрос – что именно подразумевается под социализацией. Однако различные аспекты этой проблемы уже обсуждались и на первом пленарном заседании, и в рамках предыдущих докладов (и, вероятно, будут обсуждаться в последующих). Именно социализации посвящен весь этот семинар, поэтому я не буду пытаться рассматривать вопрос о способах ее достижения в целом и ограничусь отсылкой к формулировке темы семинара.

Первым тезисом будет краткое обсуждение, которое логически необходимо в преддверии любой дискуссии о том, как построить лучший мир, – зачем строить лучший мир, чего мы хотим достичь с помощью этого лучшего мира? Очевидно, что если у предлагаемой программы действий нет цели, которую можно использовать для определения ее эффективности, ее «полезности» относительно той программы, которую она призвана заменить, то такую инициативу нельзя считать удачной. Из всех

предыдущих дискуссий мы достаточно четко поняли, какого результата ждут выступающие предлагаемых ими изменений, однако в первой части своего доклада хотелось бы все же остановиться на определении цели, того самого «зачем», которое по логике вещей должно быть четко сформулировано.

Третий и четвертый тезисы будут содержать краткое обсуждение двух аспектов, которые представляют собой необходимые составляющие способов достижения требуемой социализации, планирования и участия. Затем, вооружившись четко сформулированной целью, мы сможем с легкостью показать, почему эти изменения сами по себе не являются гарантией перехода к миропорядку, который способствует достижению желаемой цели. Так исторически сложилось, что именно этот момент многие сторонники подобных социальных изменений упускают из виду: изменения необходимы, но их недостаточно.

Хорошо, давайте перейдем к обсуждению.

Первое. Зачем менять то, что уже есть? Начиная как минимум с эпохи Просвещения на Западе (в других частях света, разумеется, развивались схожие идеи), гуманисты (в широком смысле) использовали массу самых разных выражений для обозначения одной и той же идеи: общество должно быть построено так, чтобы поддерживать и поощрять «истинное развитие человека», «развитие человеческого потенциала», «возможность развивать потенциальные способности или таланты», «стремление стать человеком в полном смысле этого слова», «развитие своей человеческой сущности» или, как часто писали Маркс и Энгельс, «развитие свободы». Мне очень нравится развитие, которое эта идея получила в работах Паулу Фрейре. Он писал, что цель социальной системы – поддерживать и продвигать «онтологическое и историческое призвание человека стать человеком в полном смысле этого слова». Итак, все вышеперечисленное и есть ответ на вопрос «зачем», или какова цель предлагаемых изменений.

Второе. Как осуществить необходимые изменения? Как и было обещано, этот пункт будет кратким. Ответ обозначен в теме семинара: посредством социализации экономики.

Третье. Одним из необходимых аспектов социализации экономики является социальное планирование. Но здесь важно не забывать о цели человеческой деятельности, осуществляемой в

этом направлении, а цель состоит в коллективном развитии человеческих качеств. После Второй мировой войны Франция внедрила широко известную систему индикативного планирования. В рамках данного доклада не представляется возможным подробно обсудить эту систему, но по сути ее цель заключалась в восстановлении разрушенного капитализма, и индикативное планирование внесло значительный вклад в выполнение этой задачи. Да, внедренная система подразумевала планирование – осознанное, коллективное и социальное планирование определенного типа (осуществленное по инициативе государства и направленное на поддержку капитализма), но она не поддерживала развитие человека и не способствовала ему. Ведь для того чтобы поддерживать и поощрять развитие человека необходимо осознанное социальное планирование, но при этом человеческое развитие должно быть целью такого планирования. Если планирование выстроено таким образом, чтобы достигать какой-либо иной цели, как в случае с французским индикативным планированием, то именно этой цели оно и достигнет в случае успеха. Для создания лучшего общества планирование необходимо, но само по себе наличие плановой экономики не гарантирует того, что система будет поддерживать и поощрять человеческое развитие.

Четвертое. Для достижения цели поддержки и поощрения человеческого развития необходим второй элемент предлагаемого лучшего общества: всеобщее участие в социальных процессах. Это подчеркивает и полное название данного семинара: «человек как активный субъект исторического процесса» (опять же, потому, что принимать активное участие во всех социальных процессах, влияющих на качество жизни каждого человека, – это и значит быть настоящим человеком).

В заключение свое доклада выскажу суждение, которое вполне может вызвать дискуссию, а может быть, и споры! По любому вопросу люди могут занимать очень разные позиции, которые в совокупности отражают весь спектр мнений, однако капитализм с успехом подавляет то, что я считаю естественным стремлением людей к коллективному самоуправлению, к коллективному желанию (или попытке) определять свою судьбу. Несмотря на колоссальный рост достаточно сильного недовольства системой в продвинутых капиталистических странах, большин-

ство не хочет взять систему под свой контроль и управлять ею коллективно; люди скорее хотят вернуться к ситуации, когда можно наращивать потребление при снижении (по возможности) использования трудовых ресурсов. Я не пессимист, и я не говорю, что люди никогда не смогут признать свои истинные человеческие интересы, идти к ним и бороться за них. Я считаю, что то, что все-таки существуют примеры бюджетирования с общественным участием (при всех его очевидных ограничениях), а в некоторых местах – определенные права на участие в управлении рабочими процессами (опять же, с огромными ограничениями), – это чрезвычайно важно. Но я все же хочу обратить внимание на то, что сейчас, несмотря на то что дестабилизирующее социальное недовольство растет, а кое-где даже приводит к взрывам, что дает надежду на возможность изменения нынешнего порядка, мы практически не видим признаков того, что на данный момент это недовольство способно вылиться во что-то большее, чем в незначительную поддержку социализации экономики, необходимой для дальнейшего человеческого развития.

Бузгалин А.В. Спасибо, Эл. Я особенно хотел поблагодарить Эла Кэмпбелла за позитивное обращение к марксизму – это уже мое немножко субъективное мнение. А вот что действительно тесно коррелирует с ключевыми идеями ноономики профессора Бодрунова, то это тезисы о стратегическом планировании и развитие человека. Соединение планирования с человеческим приоритетом, а не с бюрократическими амбициями – это принципиально важная постанковка, и она очень активно развивается Элом. Я уже знаком с этой идеей уже. Спасибо, что Вы её развиваете. Она является одной из ключевых в концепции профессора Бодрунова.

Наш тур иностранных участников семинара завершает профессор Филью Пауло Алвеш де Лима, научный руководитель Бразильского института современных исследований в Сан-Паулу. И мы вдвойне благодарны профессору, поскольку он включен в процесс диалога по проблемам ноономики и в содержательном, и в организационном отношении. И, если я правильно понимаю, Вы будете говорить на русском языке, за что вам огромное спасибо, Пауло.

Пожалуйста, Вам слово.

Филью Пауло Алвеш де Лима.

Тема доклада: *Заметки о работе в условиях постпандемии.*

Доброе утро, остановлюсь на нескольких тезисах.

Первое. Начавшаяся в середине 1970-х гг. XX-го в. новая технологическая революция микроэлектронного характера даст начало четвертому типу устройств, новым устройствам управления, которые, наконец, сделают возможным завершение промышленной революции, начавшейся в конце XVIII-го в. Таким образом, появится новый производительный капитал, который, интегрированный с доминирующим монополистическим капиталом, создаст новый финансовый капитал.

Последний, в свою очередь, придаст акцентированную динамику воспроизводству капиталистического мира, позволяя перейти к новому мировому порядку с неолиберальной идеологической ориентацией. Этот новый порядок будет характеризоваться гомогенизирующим импульсом мирового экономического пространства через экономическую политику подчинения императивам нового финансового капитала, навязанного капиталистическими центральными державами всему миру. Такая гомогенизация будет предполагать объективное исчезновение национальных государств, перемещение производственной деятельности, осуществление финансовых вложений в покупку стратегических активов всех видов и в государственные долги национальных государств с целью систематического вытягивания из государственных бюджетов всех стран мира доли средств в виде частной прибыли.

Второе. Эта новая производительная сила капитала, поставленная на службу новому финансовому капиталу и способствуя всемирной реорганизации капиталистической системы, будет реализовывать последнюю посредством отказа от любого национального контроля над господством финансового капитала, воплощенным в реальной войне против национальных интересов и против государственного контроля над капиталом и наемным трудом, а также над национальной территорией со стратегическими запасами полезных ископаемых, лесами и питьевой водой, особенно над огромными водоносными пространствами Южной Америки

и новыми месторождениями нефти в Бразилии и Гайане, не говоря уже об установленной нефтяной мощности Венесуэлы.

Третье. Таким образом, для большинства стран на планете открывается новая историческая эра борьбы за обеспечение, завоевание или восстановление полного национального суверенитета. Страны Латинской Америки сталкиваются с беспрецедентными насущными проблемами. Они не завершили свою индустриализацию – и большинство из них едва продвинулись в этом процессе – с задержкой более чем на столетие, и сталкиваются с «банкротством» политической стратегии антинациональных диктатур 1960-1980-х гг., а также социальных неолиберализмов, которые последовали за ними и которые сегодня находятся под постоянной угрозой перехода к неолиберальным ультраправым диктатурам.

Демократические неолиберальные силы в отсутствие сил радикальной демократии, ликвидированные диктаторской волной, захлестнувшей значительную часть этих стран, особенно наиболее развитые – Бразилию, Аргентину, Чили, Уругвай, – не в силах преодолеть вызовы, поставленные подъемом антидемократических неолиберальных ультраправых сил, пользующихся мощной поддержкой американского империализма (что-то вроде того, что происходит в Европе с Польшей, Венгрией, Украиной и, кто знает, возможно, в Беларуси), либо демократическим путем, как в Бразилии, либо через диктаторский путь, как в Боливии в 2019 г. (который в данном случае беспрецедентным и удивительным образом победил переворот 19 числа этого месяца силой народной радикальной демократии). Это означает, что наступила эпоха глубоких социально-экономических противоречий, революций и контрреволюций, эпоха глубокого неокOLONИАЛЬНОГО регресса.

Четвертое. Столкнувшись с крахом форм национальной индустриализации и неокOLONИАЛЬНОГО, диктаторского или демократического подчинения, историческое развитие этих стран зашло в тупик. Неспособные избежать циклического сбоя своего социально-экономического прогресса за последние два столетия, они находятся на перекрестке между открытой неокOLONИАЛЬНОЙ регрессией, такой как в Бразилии, и радикальной социальной революцией, такой как в Боливии и Венесуэле, демократического

характера и с государственным контролем над капиталом, направленного на расширение и углубление экономического суверенитета страны и рост народной власти.

Неоколониальный вариант подразумевает радикальную деиндустриализацию, социальный регресс и неоколониальную приверженность диктату имперской политики США, в то время как революционный вариант требует реиндустриализации под эгидой нового производственного капитала на основе микроэлектроники, который теперь переходит в еще более сложные и широкие формы – контроль производства с помощью технологии 5G.

Пятое. Кроме того, война за разрушение социально-экономических основ национальных государств в Латинской Америке означает начало эры горячей войны с непредсказуемыми последствиями, которая уже отмечена и находится в процессе подготовки, с участием США, поддерживаемых Бразилией и Колумбией против Венесуэлы и Гайаны. Очень серьезная ситуация, противодействующая любым попыткам национального освобождения в странах Латинской Америки, особенно против необходимой и жизненно важной реиндустриализации, без которой относительная производственная отсталость этих стран по сравнению с более развитыми потенциально возрастет до уровня, невиданного в XX в.

Шестое. Для Бразилии, восьмой по величине промышленной державы в мире, ситуация очень серьезная и неопределенная. Совершаются систематические и разрушительные атаки на окружающую среду и подрываются основы развития трудового законодательства, геостратегических отношений, а также образовательного, научно-технического комплекса и культуры. Хотя и не было никаких технических, научных или финансовых ограничений для эффективного проведения национальной реиндустриализации, на данном этапе политические препятствия чрезвычайно велики.

Мы переживаем беспрецедентную ситуацию возврата к ранним этапам развития республики конца XIX в. Единственной внешней силой, способной свести к минимуму последствия происходящего регресса, могли бы стать совместные усилия стран БРИКС, учитывая, что степень политической раздробленности стран МЕРКОСУР блокирует их возможности для антирегрес-

сивных действий, в то время как внешняя политика США стремится пресечь это. Поэтому хрупкие радикальные демократические силы, их ученые и теоретики должны указать пути выхода из этого темного туннеля продолжающейся контрреволюции, предложить неорганизованным и управляемым массам элементы для понимания и средства для освобождения. из того кошмара, в котором они живут.

На этом я могу завершить, спасибо.

Бузгалин А.В. Большое спасибо, Пауло, это был очень важный аспект. К сожалению, взгляд на экономику очень часто ограничивается своей страной или Соединенными Штатами, Западной Европой. И то, что Вы включили в наш разговор Латинскую Америку, принципиально важно. Тем более что проблемы борьбы с деиндустриализацией – это та тема, которую профессор Бодрунов поднимает уже много-много лет и с немалыми результатами, надо отдать должное. Сергей Дмитриевич упоминал книгу 2016 года, но на самом деле эта тематика развивается как ИНИР им. С.Ю.Витте, так и Бодруновым уже не первое десятилетие. Поэтому это такая перекличка одного с другим, с ноономикой, от борьбы с деиндустриализацией, это очень важный аспект.

Мы завершаем тур выступлений, переходим к выступлениям дискуссионтов, и по такому, я надеюсь, спиралевидному, диалектическому вектору. Нет, вектор спиралевидным не бывает, сейчас меня Сергей Дмитриевич как математик просто дисквалифицирует из модераторов...

По спирали возвращаемся к ключевой проблеме сегодняшнего семинара – проблеме социализации. И я рад предоставить слово профессору Людмиле Булавке-Бузгалиной. Она будет выступать именно как дискуссионтов по докладу Бодрунова, и затем Андрей Иванович Колганов.

Пожалуйста.

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Добрый день. Приветствую всех участников этого интересного и богатого по содержанию докладов семинара.

Я хотела бы сказать, что заявленный доклад профессора Бодрунова мне показался очень интересным и близким к тому направлению, которым я занимаюсь, а именно: доклад связан с поиском альтернатив существующему положению как продукту глобальной гегемонии капитала. Более того, здесь рассматриваются основы развития человека и общества в новых направлениях. Причем что очень важно: доклад про поставленные проблемы рассматривается в методологическом аспекте. Это очень важно.

И я отмечу только несколько моментов, которые мне показались чрезвычайно важными.

Первое. В докладе ставится проблема генезиса пространства и времени процесса социализации как одного из направлений движения к нооэкономике. Другими словами, в докладе ставится проблема хронотопа процесса социализации. Причем мне интересно, как будет профессор Бодрунов рассматривать, исследовать проблему хронотопа, потому что хронотоп современного, существующего положения достаточно хорошо всем известен. Здесь пространством выступает рынок, а временем выступают деньги. Вот как двигаться из этого хронотопа в другой, альтернативный – это для меня очень серьезно и важно как в методологическом отношении проблемы, так и во всех других.

Следующий, второй момент. Содержательным центром доклада, по крайней мере как я это увидела, ставится проблема человека. Я бы определила человека как субъекта культуры, но в докладе профессора Бодрунова это называется культурный человек. Хорошо, скажу словами профессора Бодрунова: культурный человек как альтернатива актору вот этого рыночного homo economicus. Это очень важно, когда ставится проблема связи, поиска альтернатив или поиска основ нооэкономики с проблемой культуры. И надо сказать, такая постановка выводит на такое направление, которое связано с анализом острейших противоречий не только современной реальности, не только разрешения выхода и разрешения этих противоречий, но и противоречий уже самого процесса социализации. В связи с этим у меня два вопроса будет к профессору Бодрунову на перспективу.

Первый: в какой мере современные способы реализации индивида как субъекта культуры в сфере процесса социализации возможны? В какой мере? В связи с этим из этого следует другой

вопрос: и какова его свобода, несвобода становления индивида как субъекта культуры в условиях глобальной гегемонии капитала? Потому что профессор Бодрунов рассматривает культурного человека как главного актора процесса социализации. Поэтому каковы предпосылки его становления?

Третий момент доклада, который мне показался чрезвычайно важным. Я уже говорила, но подчеркну еще раз: нономика востребует человека мира культуры, который исходил бы не из симулятивных, как пишет профессор Бодрунов, не из потребительских ценностей. Но и решение этого пути, решение этой проблемы профессор Бодрунов видит на пути воспитания прогрессивных качеств человека. Здесь, в данном случае просто процитирую профессора: «Это обязательная социализация». Социализация даже, я понимаю, как некая неотчужденность от всеобщих интересов, неотчужденность индивида от всеобщих интересов. Человечность – я под этим понимаю гуманизм как измерение общественных отношений во всех сферах, в экономике, в социальной сфере и так далее. И качества такие прогрессивные, как развитие человека – тоже важнейший вопрос.

На какой основе это будет возможно? В связи с этим третьим положением доклада я бы здесь немножечко подискутировала с профессором Бодруновым. Потому что решение этой проблемы профессор видит на пути воспитания соответствующих необходимых качеств, потребностей. Да, это условие необходимо, но недостаточно. Потому что здесь надо ставить вопрос, я думаю, еще шире: каковы объективные предпосылки формирования объективной потребности в культуре? Пожалуйста, сегодня есть библиотеки. Очень много, достаточно культурных ресурсов. Вот дайте бесплатные билеты на прекрасные спектакли, или в консерваторию, в филармонию, пойдут они туда или нет – это еще большой вопрос.

Значит, вопрос формирования потребности в культуре. Потому что снятие проблемы отчуждения вот этого актора нономики от культуры – это проблема решается на всех этапах цепи. Это первое. Решение проблемы доступа к культуре, и профессор Бодрунов это указывает. Вторая проблема – это освоение, второе звено, второй этап этого преодоления отчуждения индивида от культуры, это освоение культуры. Но ведь и это еще не

самое главное. А самым главным, таким кульминационным моментом становится третий этап – это становление вот этого актора социализации, становление его как субъекта культуры, то есть как субъекта культурного творчества. Понимаемого в широком смысле, и это профессор Бодрунов показывает. Не просто наука, искусство. Это гораздо шире. Это природа культуры, природа общественных отношений, его культурное измерение, и проблема ставится в докладе еще очень важная. Это гармонизация социальных отношений. Здесь эту проблему профессор ставит в диалектическом ключе. Это соотнесение прогрессивной и обратной стороны становления вот этого процесса социализации на пути к формированию основ ноономики.

Заключая, я хотела бы сказать, что увидела здесь некие реперные точки, перспективы развития темы и того круга проблем, которые поставлены здесь. И я думаю, что это объединит специалистов очень разного, широкого профиля, в том числе культурологов, исследователей философских аспектов культуры.

Поэтому спасибо за доклад и спасибо за тот богатый диалог, которому я сегодня стала свидетелем, и смогла стать участником.

Бузгалин А.В. Спасибо, Людмила. Спасибо, коллеги.

У нас весь семинар идет в диалоге философов и политэкономов. В данном случае Людмила выступала как философ культуры. А сейчас слово Андрею Ивановичу Колганову. Мы с ним соавторы долгое время, и это представитель марксистского направления.

Андрей Иванович, пожалуйста, подключайся.

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора политической экономии Института экономики РАН.

Добрый день.

Я хотел бы остановиться в первую очередь на тех моментах темы, которая была поднята профессором Бодруновым, которые в его докладе не получили развития, потому что необъятное объять нельзя. Но они, на мой взгляд, очень важны, и составляют неотъемлемую часть той концепции, которую Сергей Дмитриевич развивает.

Что это за идеи? Во-первых, я хотел бы подчеркнуть, что в процессе социализации немалое значение имеет сам по себе процесс индустриального развития, процесс возрастания знание-интенсивности производства и знаниеемкости продукта. Как это связано с социализацией? Знания и процесс познания вообще играют огромную роль в социализации человека. Начиная с осознания окружающего мира младенцем, затем через усвоение знаний в процессе обучения, ну и наконец, познание непосредственно через деятельность, через практику. И чем активнее, насыщеннее, сложнее является деятельность человека, чем богаче его социальная практика, тем глубже и процесс познания.

Но, как профессор Бодрунов справедливо отметил, человек не просто познает мир как индивидуальное существо. Он социализируется. И это происходит постольку, поскольку повседневная жизнь и основная производственная деятельность человека немыслимы вне общения с другими людьми, без включения в систему отношений социума. Будут ли это производственные отношения, как это происходит в индустриальном производстве сейчас, или это будут иные отношения, неэкономические, непроизводственные, связанные с выходом человека за пределы непосредственного производства, как это предполагается в ноономике, но это социальная связь, это социум. И человек как индивид, и социум меняются в процессе этого взаимодействия. Соответственно, материальная основа деятельности человека и общества служит и основой этого социального взаимодействия. Поэтому развитие производства и всех его элементов от доиндустриального к индустриальному, а затем по ступеням самого индустриального производства, через новое индустриальное общество Гэлбрейта, через новое индустриальное общество второго поколения, приход которого мы предвидим уже в самое ближайшее время, приводит и к соответствующей эволюции социальных качеств человека – эволюции социальных норм, эволюции культуры и так далее.

Ведь совершенно очевидно, что скажем, охотник и собиратель очень сильно отличался от древнего земледельца. Средневековый крестьянин резко отличался от городского ремесленника. А этот последний очень сильно отличался от индустриального рабочего. Но не менее серьезные отличия формируются и с пере-

ходом индустрии на все более высокие стадии. Рост удельного веса знаниеинтенсивного производства формирует и другого работника, и другой социальный тип человека вообще – с иными социально-культурными нормами, с иным образом жизни, с иной структурой отношений внутри социума. Поэтому переход к новому индустриальному обществу второго поколения и тем более к ноономике требует осмысления в том числе с точки зрения того, как влияют новые материальные основы деятельности человека на специфику его социализации.

Уже сейчас мы видим, что вовлечение человека в процесс творческой деятельности, участие человека в процессе овладения новыми знаниями существенно меняет его социально-культурные стереотипы. Ведь именно среди людей, занятых в значительной мере творческими, познавательными процессами, обладающими высокопрофессиональной квалификацией, формируются установки, связанные, например, с отказом от престижного потребления, с бережным отношением к природной среде, со взаимопомощью и солидарностью. Взаимодействие людей и в процессе познания, и в процессе практического, технологического применения знаний на деле, на практике сталкивает участвующих в этих процессах людей с пониманием хрупкости природной среды, с пониманием опасности техногенного воздействия на эту природную среду, с пониманием рисков, которые заключены в чрезмерном социальном неравенстве и так далее.

Чем шире становится круг людей, вовлеченных в процесс познания и знаниеинтенсивное производство, тем шире распространяются в обществе подобного рода ценностные установки.

При этом я вполне согласен с профессором Бодруновым в том, что возрастание ноокачеств человека – это не автоматический процесс, сам собой следующий с прогрессом познания и технологическим прогрессом. Потому что старая система социальных институтов, социально-культурных стереотипов тоже оказывает существенное влияние на социализацию человека. Играет свою роль и неравномерность приобщения людей к достижениям цивилизации. В результате человек становится более универсален и более изощрен в своем потреблении. И если он не сформировал в себе границы разумности такого потребления, это грозит завести человечество в тупик.

И наконец, хотя я подчеркивал значение развития знаний и технологий, дающих возможность иного решения проблем человечества, важно не забывать и о механизмах собственно социализации, направляя их на формирование и воспитание ноокачества человека. Важно, на мой взгляд, направлять социализацию не просто на проповедь соответствующих норм, а на практические доказательства того, то принципы ноономики представляют собой путь реального решения тех противоречий, которые могут завести человечество в цивилизационный тупик. Поэтому именно через формирование чего-то вроде анклавов ноономики (пусть даже принципы ноономики реализуются в них в неполной мере), существующих в нынешней социально-экономической системе, можно создать социальные аттракторы, способные привлечь интересы и симпатии людей, и помочь им принять соответствующие социально-культурные нормы.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Спасибо, Андрей.

Я напомним: сейчас только что выступал Андрей Иванович Колганов, профессор Московского государственного университета. Я думаю, кстати, что очень многие звучащие в докладах и текстах профессора Бодрунова тезисы о практических шагах, необходимых для продвижения к ноономике, включая и стратегическое планирование и так далее, как раз отвечают на тот вызов, который прозвучал в конце выступления дискуссанта Колганова. С Андреем мы друзья, но иногда спорим друг с другом.

Итак, у нас был очень широкий круг выступлений, я не знаю, как Сергей Дмитриевич сможет сейчас отреагировать в течение ограниченного времени на много интересных мыслей, которые здесь прозвучали, но в том и величие ученого, что он способен сделать то, что не может сделать нормальный человек.

Сергей Дмитриевич, Вам слово.

Бодрунов С.Д. Большое спасибо, Александр Владимирович. Я в затруднении некотором, потому что прозвучало столько интересных мыслей и идей, которые, если их полностью комментировать, растянутся на еще один, даже, наверное, больше, чем на один доклад. Но, тем не менее, попытаюсь что-то сказать.

Итак, коллеги. Во-первых, семинар все-таки методологический, но в принципе, я уже говорил в своем докладе, что концепция идет через методологию, или от методологии к практике. Сегодня получилось так, что многие вещи абсолютно прозвучали в контексте практическом: что же делать? Я очень признателен коллегам за высказанные идеи, которые так или иначе поддерживают аспекты концепции ноономики.

Я признателен Николаю Ивановичу Лапину, я не стал специально говорить о социальном государстве. Почему? Потому что это отдельная, большая тема, но она впрямую, абсолютно я согласен с ним, вытекает из теоретического, методологического посыла социализации как методологического аспекта движения к ноономике, о котором мы говорим. Действительно, человек био- социо- культурное существо. И проблема социального государства – это шаг к ноообществу. И несоответствие реалий, я абсолютно согласен с тем, что имеется постоянное, наблюдаемое, и я скажу всегда, на всех этапах цивилизационного развития, несоответствие реалий и проводимых, предлагаемых, очевидных, видимых принципов реализации. У нас пока, действительно я могу согласиться, на данный момент одна из, я бы так сказал, низших фаз становления социального государства. И не только в России, я думаю, что это действительно общая проблема на самом деле, мировая.

Здесь сказано было о том, что один из шагов такого становления государства, как было сказано в докладе Николая Ивановича, – это стратегирование как некий инструмент, некий механизм. Я могу сказать, что абсолютно с этим согласен. Больше того, я открою небольшую тайну, наверное, предваряя ваш интерес. С академиком Квинтом Владимиром Львовичем, который является одним из столпов стратегирования как науки, пожалуй, в России важнейшим специалистом, мы пишем совместную книгу по поводу объединения идей и концепций, стратегий стратегирования и ноономики, чтобы можно было рассказать о неких практических аспектах этого процесса.

И еще один момент. Николай Иванович упомянул о книге, которую он показывал. Я бы хотел, чтобы мне эта книга досталась. Если можно, вы меня запишите в список тех лиц, кото-

рым нужно выслать эту книгу, я с удовольствием ее почитаю и возьму на вооружение.

Ну и Александр Владимирович, когда комментировал доклад Николая Ивановича, говорил о некоем неравенстве. Я могу сказать, что на самом деле это часть тех условий существования, о которых я в докладе очень коротко упомянул. На самом деле я действительно, реально согласен с этим, поддерживаю эту идею.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин... Здесь можно дискутировать, я с ним всегда дискутирую долго. Дмитрий Евгеньевич у нас в Институте не чужой человек, он постоянно участвует во всех наших семинарах, но, тем не менее, я думаю, что вопросов было бы меньше, если бы я не был виноват перед Дмитрием Евгеньевичем. Я должен был выслать ему последние статьи, которые я писал в этом году и в конце прошлого года, которые в широкой прессе, видимо, не появились. Поэтому многие вопросы мы бы сняли сегодня. И тем не менее, я безусловно разделяю его сомнения, некие сомнения в том, что можно ли все это реализовать. Я не сомневаюсь, честно говоря, что можно реализовать, но я поддерживаю сомнения в том, что это можно сделать быстро.

Здесь я хотел бы обратить внимание на один важный момент его аргументации. Он говорил о полезности того или иного дела, имея в виду экономическую полезность. Имея в виду полезность в какой-то критериальной базе. То есть полезность зависит, коллеги, от критериев. И если мы говорим о другой базе рассуждений человека, то в этом случае мы можем говорить о том, что полезность может быть и иная, другая. Вот, например, альтруизм. Это потребность в определенных критериях. Такие потребности, что мы как раз и говорим, необходимо развивать.

Дмитрий Евгеньевич говорит, что, грубо говоря, людям необходимо уничтожать собственность. Они говорят, как говорят политэкономы, о снятии собственности как феномена. А мы говорим об этом? Мы готовим по этому поводу семинар о собственности. Мы это должны были сделать весной, но, к сожалению, пандемия не позволила. Но тем не менее, определенный материал у нас уже есть. Мы говорим как раз о снятии собственности и о механизмах этого процесса. Это движение есть, общество развивается. Критерии, критериальная база тоже развивается. И если Нагульнов был готов стрелять для того, чтобы было всеобщее

равенство, то мы сейчас, наверное, все-таки в цивилизованном мире не готовы стрелять для того, чтобы какие-то критерии равенства утверждать. Есть определенные демократические институты, институты развития общества и так далее.

Еще один момент. Дмитрий Евгеньевич говорит, что тысяча лет была необходима. Может быть, многие тысячи. Я не возражаю, я не знаю, тысяча лет потребуется или сто лет или сколько. Но я хотел бы обратить внимание на один момент. Вы знаете, этот процесс – это тоже процесс познания. Познания нами самих себя. наших истинных потребностей, наших истинных нужд. В том числе и познаний научно-технических, знания прогресса научно-технического. Мы говорим об ускорении научно-технического прогресса, об ускорении ускорения. О том, что социальные науки и исследования тоже ускоряются, и все больше и больше человек проникает в самого себя, условно говоря. Ускорение процессов познания тоже имеет место быть. И познание человеком в том числе и своих истинных потребностей. Поэтому я уверен, что, может быть, не потребуется и тысячи лет. Я уверен. Я не знаю, конечно, какие сроки могут быть. Но я уверен, что это объективный процесс, и он, этот процесс, ускорится.

И наконец я согласен полностью, что экономическую теорию нужно преподавать. Нужно преподавать в вузах, и потому я и написал учебник по ноономике как учебник о развитии общества с экономических, социальных и прочих позиций. Я преподаю, используя этот взгляд, с коллегами в ряде вузов страны. В СССР у нас в свое время преподавалась политэкономика. Я был математиком, но я изучал политэкономия очень предметно, детально, изучал Марса, изучал то, что в то время у нас доступно было изучить. Мне это было интересно, потому что это развитие общества, это часть жизни. Почему это было у нас? Потому что в СССР, если помните, создавали нового человека. Если мы говорим о том, что нам необходимо, я не настаиваю на тех подходах, которые были в советское время, но эту часть, я считаю, нам очень важно не потерять. Мы должны понимать, что человека реально создавать надо. Создавать через процесс социализации, через те процессы, о которых мы сегодня говорили. И в этом плане исследование процесса через обучение людей соот-

ветствующим основам вот такого рода знаний – это тоже важный процесс. Здесь, мне кажется, двух мнений быть не может.

Очень благодарен профессору Ван дер Пиджлу за его сегодняшнее участие. Во-первых, за то, что он прочитал книгу. Я очень благодарен за позитивную оценку, участие в семинаре. Он говорил о чем? Мне запомнился такой момент, что трансформации, которые происходят в НТР, в научно-техническом прогрессе, скоро приведут к социальной революции. Он говорил о том, что элиты в этой парадигме живут. Я бы сказал, что институты общества – это тоже инструменты элиты, это абсолютно верно. Больше того, элита эта находится тоже в плену. Вот эти институты в плену элиты, а элита в плену чего? Она находится в плену тех идей и ценностей, которые диктует и насаждает финансовый капитал. Наша сегодняшняя парадигма, вот эта неправильная критериальная база, которая ставит прибыль, эту якобы пользу во главу угла как главную ценность.

Да, сегодня финансовый капитал использует эти возможности, все, которые дает научно-технический прогресс в свою пользу. Но это все больше приближает кризис, точку бифуркации. Об этом я тоже писал в своих работах, книгах, и мы обсуждали это на семинарах. А кризис ведет общество к осознанию своих истинных потребностей, о которых я сказал выше. Так что мне представляется, что процесс осознания этих потребностей объективен. И мы объективно придем к тому, что необходимо будет как раз заниматься другими вещами, в том числе через социализацию как механизм, инструмент к созданию новых параметров нашей жизни.

Я благодарен профессору Лео Габриэлю, очень благодарен за участие в сегодняшнем семинаре, за его содействие в издании моей книги. Он много сделал для того, чтобы рассказать о ноономике тогда, когда я не смог сам приехать в Мексику. Он провел там большой семинар. Я благодарен за то, что он содействовал изданию моей книги на испанском языке. И конечно хотел бы сказать несколько слов по поводу его выступления.

Я могу сказать, что я абсолютно согласен, что не в ВВП вообще-то счастье. У нас в России есть такая пословица народная, давняя, древняя: не в деньгах счастье. Если переводить ВВП в деньги, а деньги в то, что производится и можно приобрести...

Так вот, не в ВВП счастье. А счастье – это... Вы знаете, у нас есть другая поговорка: счастье – это роскошь человеческого общения. Такая фраза есть. В ноообществе это будет более доступно. Подчеркну: во-первых, это истинная роскошь, действительно роскошь, не материальное благо, которые должно быть в достаточном количестве, но не быть фетишем. Второе, человеческого, подчеркиваю, нообщения. Коммуницирование людей. То есть жизнь в социуме. Это самое главное, что должно быть во главе угла, а вовсе не те идеи, которые сегодня пропагандируются как главные в нашем сегодняшнем экономическом обществе.

И наконец, одна фраза, которая тоже меня затронула у господина Габриэля. Солидаризм, сотрудничество всех на всех уровнях. Вот это и есть объективные, я бы сказал, условие и механизм, чтобы выжить. Наш следующий семинар будет посвящен именно этому: солидаризму как некой идеологической платформе для решения проблем, движения к ноономике в общем масштабе, масштабе цивилизационном.

Я бы хотел сказать пару слов по поводу выступления господина Гульельмо Киоди. Я признателен профессору за его выступление сегодняшнее. Я подчеркну сразу, Александр Владимирович, я не марксист в том представлении, в каком заявляете о себе Вы, коллеги Ваши из МГУ, но я с уважением отношусь к Вашим взглядам. Политэкономическим инструментом воззрения я не брезгую и считаю, что это очень важная позиция на самом деле, важнейшая среди экономических концепций.

Тем не менее, в некоторых позициях я расхожусь, это видно из основных положений ноономики как концепции. Я бы подчеркнул, что здесь правильно сказано было в выступлении профессора, я с этим полностью могу согласиться, что господствующая экономическая теория, экономические отношения являются барьером к повышению культурного пространства. С этим связано и экономическое мышление. И общество... оно в этом плане не социализировано. Но социализация необходима, действительно необходима.

Согласен с позицией, которая высказана об определенном риске. Профессор говорит о чем? О том, что есть некая роботизация людей. Я об этом говорил тоже в одном из разделов книги «Ноономика», о том, что такие риски действительно существуют.

Мы видим сегодня расчеловечивание не только самого человека, но и отчуждение человека друг от друга, разделение. В связи с тем, что возможность человеческого прогресса используется нерациональным, неправильным образом. И об этой угрозе я тоже, в общем-то, пишу.

Что касается очень важной, на мой взгляд, аллюзии с Нобелевскими премиями. Я смотрю на все это дело очень просто. На самом деле когда правила игры и игроки одной из команд находятся на одной поляне, а остальные на другой поляне, то тогда по этим правилам игры только те получают признание, в том числе Нобелевскую премию, поддержку институтов, в том числе национальных, межнациональных, международных, в том числе навязываемое в вузах изучение взглядов тех, кто являются членам этой команды.

У нас в России писатель Грибоедов задавал сакраментальный вопрос: а судьи кто? Если судьи те, которые стоят на стороне финансового капитала и воспитаны в этой парадигме, в ней живут и другого не представляют, то все остальное для них будет не тем, что необходимо. Это поддержано не будет ни на каком уровне: ни на научном, ни на социальном, ни в институтах, ни как-то еще. Поэтому наша задача действительно развивать ту часть, которая не находится в этой основной, базовой парадигме сегодняшнего экономического общества. Мы об этом говорим и туда идем.

Выступление господина Кэмпбелла... Очень, на мой взгляд, весомое выступление, я благодарен Элу за возможность нашего участия в международных конференциях, которые он проводит. Это очень важно для нас и еще раз выражаю прилюдно свою благодарность и признательность.

Я вынес из выступления господина Кэмпбелла действительно важные вещи. Как построить лучший мир. Будем считать, что он лучший в критериальной базе. Что необходимо менять. Мы об этом говорим и, что очень важно, выходим в практический аспект. Я хотел бы здесь прокомментировать один термин. Господин Кэмпбелл применил термин «человеческий капитал». «Человеческий капитал», на мой взгляд, это термин, который пригоден только на время существования экономического общества. Вообще-то речь идет о человеческом развитии. Развитие на этапе неэкономическом не может называться человеческим капи-

талом. Не может измеряться в каких-то единицах, в которых измеряется капитал и в прямом, и в переносном смысле.

Что касается капитализма... Да, капитализм был успешен до перехода в свою противоположность. В свое время он многое сделал для того, чтобы люди почувствовали себя людьми следующего этапа развития. Но как мы знаем, возникла действительная потребность людей в балансе. Я согласен с этим. Вот когда возникает ситуация перехода из одного качества в другое, из позитивного, прогрессивного развития нечто переходит в свою противоположность, всегда возникает проблема баланса. И вот здесь сегодня мы эту проблему баланса в нашем развитии цивилизационном очень остро ощущаем. Особенно это видно на тех странах, которые продвинулись дальше в своем развитии, экономическом развитии хотя бы, если говорить об этом.

Несколько слов по поводу выступления господина де Лима. Я, во-первых, благодарен Пауло за поддержку и согласие редактировать книгу о ноономике для издания на португальском языке в Бразилии, мы над этим сейчас работаем. Я под его словами о необходимости реиндустриализации, перехода к новым технологиям подписываюсь двумя руками. Я бы не сказал, что это недостаточное, но необходимое условие для того, чтобы состоялся переход к ноономике.

Очень долго комментировать я не буду, но могу сказать буквально пару слов о том, что все-таки я понимаю под этой самой политикой, о которой говорит господин де Лима. Я согласен, что в современном обществе мы живем в определенных условиях. Политическая культура – это часть нашей жизни. Политическая деятельность, политическая жизнь – это часть управления нашим обществом. И действительно от классового общества никуда не деться. Я согласен, что без борьбы не может быть создано новое. Это вообще философский вопрос – отрицание отрицания, единство и борьба противоположностей, в этом плане я поддерживаю не все воззрения коллег. Я считаю, что борьба – это необязательно радикальный конфликт. Это могут быть другие формы. В том числе через ускорение социализации общества, человека в этом обществе и через солидарность усилий – вот это преодоление противоречий.

Уважаемым дискуссионным участникам я могу сказать: вопросов поставлено много. Людмила Алексеевна – выдающийся философ, культуролог, я не боюсь это сказать. Она очень четко видит какие-то позиции, которые важны в нашем исследовании. Больше того, когда я работал над первичными вариантами концептуальной платформы, я смотрел ее работы, слушал ее выступления, потому что они очень пересекались с теми идеями, которые мне помогли сформулировать необходимость развития культуры как механизма самоограничения человека. Вот здесь это была богатая, очень серьезная мысль. Я поэтому могу сказать, что сегодняшние ее вопросы станут для меня основой для следующих размышлений. Безусловно, идею о хронотопе процесса социализации я возьму на заметку. Думаю, что я дополнительно напишу о прошедшем, настоящем, будущем, о пересечении и так далее, и тому подобное. Невозможно объять необъятное, но представление об этом имеется, будем разговаривать, в том числе в эпистолярном жанре и в прямых беседах.

Что касается анализа противоречий процесса социализации... Здесь я бы обратил внимание на то, на какой основе это можно делать. Действительно, я соглашусь, что это не только воспитание. Я бы обратил внимание на такой важный момент: я часто об этом пишу в своих работах, но видимо, я не очень внятно об этом говорю. Я считаю, что все эти процессы, и воспитание, и самовозрастание человека происходят в процессе познания человеком разнообразных знаний. Познание – это в том числе и восприятие этих знаний и принятие их в качестве определенных, устоявшихся, понятых и принятых человеком истин. Вот тогда это истинное знание. Пусть это будут отрицательные или положительные истины, но, тем не менее, это нечто уже принятое, освоенное, усвоенное человеком.

Воспитание – это тоже некое осознание чего-то, и в этом плане действительно возникают и объективные потребности в культуре. Когда человек осознает нечто, что его привлекает в том или ином феномене культуры, он этот феномен культуры потребляет, он захочет его потребить. Людмила Алексеевна говорит: «Бесплатно не пойдут, потому что не хотят». Я могу сказать, что те, кто хочет, те, кто осознал, принял – те пойдут и платно. Если, конечно, возможности такие есть. Значит, задача стоит в том,

чтобы возможности такие дать всем, а дальше человека постепенно приводить в состояние, когда он захочет потребить эти самые объекты культуры. Не сразу, не все. В этом процессе как раз место культурологам, Людмила Алексеевна, точно есть.

И буквально два слова о неотчуждении человеческих отношений. Я вообще считаю, что тот процесс, который мы сегодня наблюдаем, переход к развилке, за которой человек может пойти либо в сторону нооразвития, цивилизация, либо к регрессу. Это процесс или очеловечивания, или расчеловечивания. В этом смысле, я полагаю, что процесс перехода социализации, перехода направленной социализации в ноообщество – это процесс очеловечивания. А то, что мы сегодня наблюдаем – это процесс расчеловечивания. И в этом плане мне представляется, что неотчуждаемые человеческие отношения – это важный момент, важный аспект, на который следовало бы обратить внимание. Потому что здесь коллеги говорили о том, что все эти вещи происходят в единстве, в социуме.

Заканчиваю. Могу только сказать одно: у нас впереди Санкт-Петербургский экономический конгресс, СПЭК 2020 года. Он посвящен как раз примерно тем проблемам, о которых сегодня говорил Андрей Иванович, в том числе. Я могу сказать, что он должен был состояться в марте, но из-за пандемии был перенесен на декабрь. Мы надеялись, что мы сумеем всех людей собрать, но пандемия продолжается, поэтому будем проводить его в онлайн.

Могу сказать только одну фразу, добавить к тому, что сказал Андрей Иванович. Конечно, материальная основа – это важно. Об этом мы говорим в концепции ноономики на каждом шагу и постоянно. Это является необходимым условием, неким переходом, я уже говорил об этом, к ноодвижению. Однако, я бы сказал, что возрастание ноокачеств не будет проходить автоматически. Конечно, оно будет происходить в силу объективной обусловленности. И на этом я бы хотел поставить в своем комментарии точку.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Спасибо, Сергей Дмитриевич.

У Вас, по-моему, получился очень интересный новый доклад. Хочется все начать сначала, но нам надо завершать хотя

бы первую часть нашего семинара. Поэтому, дорогие друзья, мы увлеклись, и это неизбежно.

Во второй части прозвучат выступления наших коллег, профессоров, тех, кто включен в работу над концепцией ноономики, преподает курсы ноономики в университетах разных городов России. Я прошу со вниманием отнестись к этой части семинара. В третьей части будет выступление молодых научных сотрудников Института нового индустриального развития, и всякий раз мы будем дискутировать немножко друг с другом.

Чуть-чуть отдыхаем. Огромное спасибо всем, и огромное спасибо переводчикам, организаторам за поддержку первой части. Дальше будем говорить спасибо отдельно за каждую из частей.

...

Уважаемые коллеги, мы начинаем вторую часть нашего семинара. Я рад приветствовать всех участников, и давайте мы продолжим наш диалог. Я хочу еще раз подчеркнуть, что в этой сессии участвуют в том числе наши коллеги, преподающие курс ноономики в разных университетах России, те, кто включен в диалог с профессором Бодруновым на научных основаниях. Ну, впрочем, преподавание – это всегда тоже наука, поэтому, естественно, это всегда единство одного и другого.

У нас пять человек выступающих, и я прошу придерживаться регламента: 7, максимум 8 минут. К сожалению, мне придется вас останавливать, уважаемые друзья, если вы будете перебирать время.

Первый наш спикер – Елена Юрьевна Меркулова, доктор экономических наук, профессор, директор института экономики и управления сервиса Тамбовского государственного университета имени Державина.

Пожалуйста, Елена Юрьевна, мы рады предоставить вам слово.

Меркулова Елена Юрьевна.

Тема доклада: *Проблемы обеспечения экономической безопасности личности.*

Добрый вечер, уважаемые коллеги. Во-первых, спасибо за возможность участвовать в таком замечательном семинаре. Мне

очень нравится видение Сергея Дмитриевича по поводу будущего экономического развития.

Вопрос развития личности в условиях ноономики стоит достаточно остро, но для того чтобы прийти к такому будущему необходимо решить проблемы обеспечения экономической безопасности личности на современном этапе. Традиционно под экономической безопасностью понимается состояние, когда гарантированы предпосылки для защиты жизненных интересов человека, обеспечивается система социального развития и защиты человека и общества. Человек, к сожалению, у нас очень уязвим к воздействию разных факторов, и сегодня, в связи с пандемией, проблема экономической защиты личности в России обострилась еще сильнее. Экономическая безопасность личности включает в себя множество компонентов, некоторые из них сегодня попробуем разобрать подробнее.

Одним из компонентов экономической безопасности личности является проблема обеспечения продовольствием, которую мы традиционно характеризуем с точки зрения физической и экономической доступности. Для характеристики обеспеченности продовольствием применяют показатель энергетической ценности килокалорий в сутки, при норме в 2800 килокалорий, реальное потребление в 2018 году составило 2652 килокалорий, что ниже рекомендуемого уровня. Другим параметром является соответствие фактического потребления рациональным нормам потребления. В сложившейся структуре потребления население потребляет ниже рациональных норм питания: овощи, фрукты, молочные продукты, а переизбыток потребления наблюдается по мясу и мясным продуктам, сахару, растительному маслу, что тоже негативно сказывается на здоровье человека. Кроме того проблема обеспечения продовольствием сказывается на дифференциации регионов по уровню потребления. Для построения типологической таблицы, мы использовали программу SPSS-Statistica, где с помощью метода главных компонент и кластерного анализа, выявили четыре типологические группы. В первой группе семь регионов наиболее близких к рациональному потреблению, но, к сожалению, больше половины регионов Российской Федерации не соответствуют нормам рационального питания.

Другой проблемой обеспечения экономической безопасности личности является уровень обеспеченности жилой площадью и степень его благоустройства. И если в последние годы на душу населения приходится в среднем 25 квадратных метров, то с благоустройством существуют огромные проблемы, особенно в сельской местности и горных районах страны, что также сказывается на дифференциации обеспеченности жильем и уровнем благоустройства. На слайде представлено, что к регионам с хорошей обеспеченностью жильем и уровнем благоустройства можно отнести 34 субъекта Российской Федерации, а вот семь субъектов имеет крайне низкие показатели благоустройства жилья.

Следующий компонент экономической безопасности – это социально- демографическая ситуация. На слайде вы видите динамику изменения численности населения с 1950 года, и начиная с 90-х годов, к сожалению, ситуация с естественным приростом у нас неблагоприятная, мы имеем естественную убыль населения. На это влияют, безусловно, показатели рождаемости и смертности, и в последние годы, к сожалению, растут показатели смертности, снижаются показатели рождаемости. Такая демографическая ситуация неблагоприятно отражается на соотношении трудоспособного населения и старшего трудоспособного населения. Соответственно, возникают проблемы и в пенсионном обеспечении и в других аспектах финансирования жизнедеятельности человека.

Также острой проблемой является дифференциация доходов населения децильный коэффициент фондов, по мнению экспертов не должен быть выше восьми, фактически в 2019 году разница между доходами 10% богатого и 10% бедного населения составила 15,4 раза. При этом удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума хоть и снижался, но в 2019 году составил 12,3% – все это население является бедным. И если составить портретную характеристику бедного населения России, то мы видим, что оно проживает преимущественно в сельской местности и небольших городах. Это люди, находящиеся в трудоспособном возрасте, из них 54,1% – это женщины, а также несовершеннолетние дети до 16 лет. Из общего количества обследованных семей 81% – это семьи с детьми, а в многодетных семьях этот процент достигает

34,9%. Кроме того из общего количества обследуемых 31,5% малоимущего населения заняты в экономике, то есть наблюдается бедность работающего населения.

Такие негативные тенденции сказываются и на статистике правонарушений. В 2018 году по сравнению с 2006 годом наблюдается уменьшение количества преступлений на 100000 человек населения однако пороговое значение экономической безопасности превышено в 1,3 раза.

Таким образом, основными угрозами экономической безопасности личности, являются процессы, способствующие расслоению общества, имущественной дифференциации населения, неравномерность регионального развития, бедность и нищета, снижение продолжительности жизни, сокращение услуг в сфере образования, здравоохранения и науки, а также безработица и усиление криминализации экономических отношений.

Спасибо большое за предоставленную возможность выступить, буду рада ответить на поступающие вопросы.

Бузгалин А.В. Спасибо Елена Юрьевна, очень впечатляющий доклад. К сожалению, не очень оптимистический, но мы хорошо знакомы с реалиями, а эти реалии действительно не внушают большого оптимизма. Я думаю, что контрапункт того, что есть и того, что должно быть, о чем говорилось в докладе о социализации профессора Бодрунова, – принципиально важен для нас.

Вопросы у нас поступают, они будут транслированы от тех, кто смотрит нас на Youtube, на сайте ИНИР.

Мы продолжаем нашу работу. Новикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова.

Ирина, пожалуйста, вам слово.

Новикова Ирина Викторовна.

Тема доклада: *Личная стратегия цифрового человека.*

Уважаемые коллеги, здравствуйте.

Сегодня уже анонсировали, что Сергей Дмитриевич Бодрунов с академиком Владимиром Львовичем Квинтом готовят монографию, в которой теория и методология стратегирования будет рассматриваться в сфере ноономики. Человек – самое глав-

ное в стратегии и ноономике. Мой доклад посвящен теме личной стратегии цифрового человека, разрабатываемой на основе теории и методологии стратегирования Иностранного члена РАН, д.э.н., профессора Владимира Львовича Квинта.

Жизнь в эпоху цифры предъявляет определенные требования, формирует потребность в новых навыках. Пандемия резко ввела общество в новую реальность, показала, насколько мир уязвим. Данная реальность представляет возможности и сталкивается с угрозами. Для эффективного функционирования в этих условиях необходима четко построенная стратегия.

В силу лимита времени я очень кратко остановлюсь на тех пунктах, которые необходимо учитывать при разработке личной стратегии в цифровой и в обыденной реальностях, а также в условиях глобальной пандемии.

Отсутствие стратегии приводит к тому, что люди, которые не видят, куда они идут, у которых нет цели, нет миссии, не понимают для чего они вообще существуют. К сожалению, они никуда не придут, любая дорога для них будет неправильная. В цифровой экономике это приводит к цифровому неравенству. Те люди, которые не хотели повышать свою цифровую грамотность, отталкивали от себя новую реальность, не понимали глобальные тренды, они, к сожалению, были не готовы к угрозам цифрового мира.

Я абсолютно согласна с Сергеем Дмитриевичем, что «счастье – это роскошь человеческого общения». Цифровой человек при правильно построенной стратегии расширяет горизонты своего общения. Человек становится участниками глобального сообщества, которое имеет не только свои плюсы, но и минусы. Раньше пандемия не смогла бы так быстро распространиться по планете. Но, глобальный мир, он требует и глобальных жертв, к сожалению. Если же существует четкая стратегия на личном, региональном, отраслевом, корпоративном и глобальном уровнях, то общество готово к любым глобальным, национальным и т. д. угрозам, не ограничивая возможность общения.

Сергей Дмитриевич говорил о солидарности, необходимости взаимной согласованности отношений в ноономике. В соответствии с теорией стратегии и методологии стратегирования академика Владимира Львовича Квинта, обязательным является согласованность всех стратегий, интересов всех объектов страте-

гирования. При отсутствии данной согласованности ни одна стратегия не будет реализована или эффективность её будет очень низкая. Кто-то из объектов стратегирования станет противопоставлять свои интересы другим участникам, соответственно, общий мультипликативный эффект от их взаимодействия будет отрицательным.

Абсолютно согласна с Сергеем Дмитриевичем по поводу его отношения к термину «человеческий капитал». Любая стратегия, в том числе и личностная стратегия основана не на капитале, а на потенциале человека. Человек не должен рассматриваться как какая-то капитальная возможность. Опасно говорить, что развитие культуры и искусства – это только капитальные вложения. Иначе можно действительно прийти к обществу, которое не в силах полностью реализовать ни только потенциальные, но и реальные способности и интересы человека. Все это приводит к тому, что мы противимся всем возможностям развития современного общества – глобальному равенству, глобальному счастью и т. д., тому, о чем сегодня уже многократно говорили предыдущие докладчики.

Сергей Дмитриевич Бодрунов говорил об осознании истинных потребностей в ноономике. В соответствии методологией стратегирования Владимира Львовича Квинта при разработке стратегии необходимо выявлять истинные потребности и ценности всех заинтересованных сторон. Однако, к сожалению, очень часто человек или общество декларируют ложные потребности, на которые нельзя ориентироваться, потому что это приведет к неверным результатам, не востребованным среди этих же людей. Поэтому правильно разработанная стратегия цифрового человека, который обладает новыми качествами – клиповое мышление, глобальное сознание (когда человек открыт для глобального сообщества), позволяет выявить истинные ценности и интересы общества и направить их по пути созидания ноономики. Мы живем в открытом мире, можем в любой момент посмотреть, что происходит в каждой точке земного шара. Ограничение этих возможностей приведет только к агрессии людей, так как человек уже вкусил вкус информационной свободы, и это для него стало одной из главных ценностей.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что личностная стратегии, как абсолютно правильно отметил Сергей Дмитриевич, должна включать обучение культуре, воспитание новых душевных качеств с самого раннего детства. Чем раньше помочь молодым людям, детям построить правильные личностные стратегии, тем они будут более эффективны в своей жизни и смогут разработать в дальнейшем корпоративные, региональные, национальные стратегии на основе ноономики.

Бузгалин А.В. Большое спасибо, Ирина Викторовна.

Действительно, диалог теории стратегирования и теории ноономики – это очень важное направление нашей совместной работы, и давайте мы продолжим наш диалог.

Наталья Валерьевна Новикова, доктор экономических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Вам слово, Наталья Валерьевна.

Новикова Наталья Валерьевна.

Тема доклада: *Технологические драйверы социализации экономики индустриального региона.*

Добрый вечер, уважаемые коллеги.

Итак, позвольте выразить огромную благодарность за возможность выступить в данном семинаре. Тема моего доклада: «Технологические драйверы социализации экономики индустриального региона». Поскольку я сама являюсь представителем индустриального региона, я из города Екатеринбурга, Уральский государственный экономический университет, то данная тема является для меня очень близкой.

Итак, самое, даже поверхностное наблюдение, поиск источников, что же такое социализация экономики нас ведет к тому, что нет единой точки зрения, разные трактовки представляются, вот, три из них вы видите на слайде. Интеграция частных и общественных начал, балансирование интересов социальных групп, человеческое развитие и далее можно продолжать, сегодня мы увидели и услышали разные понимания.

Также ученые предлагают параметры оценки социализации экономики, здесь мы видим, такие, как уровень и качество

жизни населения, уровень потребления основных материальных благ, доля среднего класса, неравенство в доходах и хорошую идею нам подал, выступая в Уральском государственном экономическом университете, Сергей Дмитриевич Бодрунов 21 октября на нашей конференции «Урал – драйвер индустриального развития». Что цифровое неравенство также может служить параметром оценки социализации экономики. В частности, Сергей Дмитриевич нам подарил вводную лекцию по учебному курсу «Общая теория ноономика», где мы видим трактовку: цифровое неравенство отрезает целые социальные слои, регионы и даже страны от того, чтобы воспользоваться положительными плодами цифровизации, отрезает их от прогресса.

Вернусь к названию своего доклада и отмечу, что социализация экономики индустриального региона тесно связана с материальным производством, и я сегодня услышала подтверждение здесь этого тезиса. Поскольку материальное производство особенно на территории индустриального региона определяет развитие общества, а развитие общества определяет уровень социализации экономики. И сказанное постараюсь подтвердить и на объекте своего исследования, на примере индустриального региона – Урала, включающего в себя семь субъектов Российской Федерации.

Итак, Урал – типичный индустриальный регион, даже вот эти три цифры об этом свидетельствуют, поскольку промышленное производство здесь занимает более 41% валового регионального продукта, более 24% численности занятых в экономике, это также промышленные производства формируют более 62% инвестиций в основной капитал. Этот генетический код, в частности, индустриальная специализация региона, считаю, что она позволила нашему региону выстоять в условиях пандемии коронавируса и обеспечить социализацию экономики.

На данном слайде проведены оперативные статистические данные по региону, в частности, индекс промышленного производства – красная линия, оборот розничной торговли пунктирной черной и объем платных услуг населению. Мы видим, что за период пандемии резкого снижения промышленного производства не произошло по сравнению, допустим, с объемом платных услуг, с розничной торговлей. Основная причина в чем? Ос-

новная доля наших предприятий – это предприятия оборонно-промышленного комплекса, представляющие собой предприятия, относящиеся к системообразующей группе, которые практически не останавливались, не прекращали свою работу в период пандемии. Считаю, что социализация экономики Урала связана с новыми технологиями, ведущую роль в которых играет цифровизация промышленного производства. В частности, что мы видим, что мы наблюдаем? Развитие интернета вещей, робототехники, искусственного интеллекта, больших данных, аддитивных технологий и т. д. на территории нашего региона. И за этим, мы считаем, будущее.

В частности, платформа была уже создана на протяжении предыдущих лет, организации, использовавшие сервисы, рост в семь раз за 15 лет, красная линия – это Урал, черная – Российская Федерация. Организации, использовавшие широкополосный доступ к сети интернет – за 12 лет рост почти в 4 раза. Организации, имеющие веб-сайты – в четыре раза рост за последние 12 лет. Организации, использовавшие электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами – также рост за последние 7 лет. Отметим, что особенность Урала, Уральского региона – это зарождение процесса современной высокотехнологичной индустриализации, цифровизации, преимущественно в традиционных, базовых отраслях экономики. Это оборонно-промышленный комплекс, металлургическая, горнодобывающая промышленность, машиностроение и другие отрасли. В частности, приведу примеры: производство беспилотных летательных аппаратов активно осваивает концерн "Калашников", город Ижевск, Удмуртская республика. Вот продукция, представленная на сайте данного концерна. Далее производство робототехники – это, действительно, точка роста, точка развития нашего региона, поскольку острая конкуренция за повышение производительности труда, в частности, на территории Магнитогорска.

Примеры я пропускаю. Подробно, скажу, что все это описано в книге, которая получила специальную премию Вольного экономического общества в 2019 году, "Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации" (авторы Силин Я.П., Анимича Е.Г., Новикова Н.В.). И подвожу итог – технологические драй-

веры социализации экономики Урала тесно связаны с процессами цифровизации промышленности.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Спасибо большое, очень полезное сообщение.

Я рад предоставить слово Владимиру Александровичу Плотникову, доктору экономических наук, профессору кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Владимир Александрович, пожалуйста, мы рады Вас слышать.

Плотников Владимир Александрович.

Тема доклада: *Удаленная работа в период пандемии: краткий анализ с позиций социализацию*

Коллеги, очень рад всех видеть, очень рад всех слышать, с большим интересом присутствую на сегодняшнем мероприятии.

Сегодня обсуждается очень важная, на мой взгляд, концепция. Это – концепция социализации. В своем докладе коротком я хотел бы уделить внимание некоторым прикладным аспектам этой концепции. Мы понимаем, что сегодня мы живем в несколько изменившихся социально-экономических условиях, когда под влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции, а также мер, которые предпринимаются для борьбы с ней, социально-экономические процессы несколько видоизменились. Это требует изучения.

Сразу хочу отметить, что социализация понимается нами в широком смысле, как процесс смещения приоритетов развития преимущественно из экономической в социальную плоскость. Эта ключевая идея проходила сегодня во многих выступлениях. С этой точки зрения, идеологически, методологически, на мой взгляд, концепция социализации близка к концепции устойчивого развития, которая получила отражение в документах ООН, признана на международном уровне.

В чем состоит это отличие? Если в рамках концепции устойчивого развития просматривается триада целей, причем целей равноправных, связанных с экономическими, экологическими, социальными факторами, то в концепции социализации, на мой

взгляд, идет некоторое развитие концепции устойчивого развития, а именно – выстраивается иерархия. Иерархия, безусловно, мягкая, иерархия не жесткая, но, тем не менее, социальный фактор выходит на первый план.

Мой доклад посвящен удаленной работе и удаленной занятости и её рассмотрению в контексте социализации. Это очень важно, на мой взгляд, с практических позиций. Потому что в современных условиях мы все сталкиваемся с этой новой технологией работы, наша сегодняшняя встреча построена по той же самой схеме, мы с вами общаемся дистанционно, несмотря на то, что многие из нас, может быть, находятся рядом физически друг от друга, но вынуждены соблюдать определенные правила, социального дистанцирования.

В этой связи хочется обратить внимание на нормативно-правовой акт, который существует в этой области в Российской Федерации на данный момент. Он касается нестандартных форм занятости. Не буду называть номер этого письма Министерства труда и социальной защиты, он есть на слайде. Так вот, официально в нашей стране выделяется три нестандартных формы занятости. Это удаленная занятость, это дистанционная занятость и надомная занятость.

Что важно отметить? По поводу надомной работы есть отдельная глава Трудового кодекса, номер 49, где все расписано: порядок, особенности, защита интересов работников и т.д. То же можно сказать и о дистанционной работе. А вот что касается удаленной работы, то здесь четкая регламентация отсутствует. Этот термин стремительно ворвался в нашу жизнь, мы с ним активно, скажем так, сталкиваемся, мы сами в этих процессах участвуем. Как мы видим по данному письму, официально эта форма признана, но никакой правовой регламентации удаленной работы не существует. Это несет за собой определенные социальные последствия, как положительные, так и отрицательные, об этом давайте и поговорим.

Ключевой момент состоит в том, что при надомной и дистанционной работе место исполнения работником своих трудовых функций все-таки фиксировано, а в случае удаленной работы никакой конкретизации, где человек выполняет те или иные обязанности не существует. Это может быть где угодно, это может

быть дома, это может быть в транспорте, это может быть, в конце концов, на отдыхе, физически человек там может находиться, но при этом исполнять те или иные обязанности, что, безусловно, порождает новую среду социально-трудовых отношений.

Известная организация "HeadHunter", которая занимается, в том числе, мониторингом рынка труда, нам показывает такие цифры: если взять апрель-август этого года (более свежих данных пока нет) и взять апрель-август прошлого года, то количество предложений именно об удаленной работе выросло в России на 77%. Это существенный рост, кроме того, существенно поменялось отношение самих работников к этому режиму занятости. Вторая часть слайда соответствующие цифры приводит.

Фактически три четверти респондентов готовы работать удаленно и после окончания пандемии, а также снятия ограничений, которые с ней связаны. С чем это связано? Совместные исследования ВЦИОМ и СоциалБизнесГрупп (SBG), которые проводились этим летом, в ходе которых опрашивали достаточно большое количество респондентов на предмет того, кто как люди относятся к удаленной работе, какие видят в ней плюсы, какие минусы, дали результаты, приведенные на слайде.

Мы видим, что люди называют достаточно большое количество плюсов. Заметим, что опрашивались не руководители, а именно работники. И большая часть этих плюсов связана с несомненными положительными социальными эффектами удаленной работы. Люди имеют больше времени на досуг, люди имеют больше времени для планирования своей собственной занятости и своей собственной деятельности, они имеют более комфортную обстановку, более привычные условия и т.д.

Одновременно с этим есть определенные недостатки удаленной занятости, которые тоже представлены, но уже на следующем слайде. Главный недостаток связан с тем, что не всякую работу можно перевести в удаленный режим; есть работы, требующие непосредственного контакта между людьми. Такие работы удаленных организовать невозможно. Кроме того, есть минусы, связанные с тем, что как раз рабочее место не локализовано (об этом говорилось ранее), рабочее место не всегда должным образом оборудовано.

Кроме того, выяснилось, в рамках того же исследования совместного, а мой личный опыт и эмпирические наблюдения говорят о том же самом, что уровень развития, проникновения удаленной работы очень сильно связан с уровнем цифровой компетенции людей. Можно выделить различные кластеры по уровню развития цифровых компетенций. И это было сделано.

В итоге выясняется, что люди, хорошо владеющие цифровыми технологиями, имеющие развитые цифровые навыки, с легкостью используют новый режим работы, извлекая из этого пользу. Если же мы посмотрим на последний кластер где представлены люди с низким уровнем развития компетенций, то видно, что, во-первых, это люди, как правило, достаточно возрастные, во-вторых, на «удаленку» их перевести нельзя, в силу того, что они не готовы к этому по уровню своих цифровых компетенций.

Вывод какой отсюда следует? Безусловно, переход к новым формам организации общества, к новому индустриальному обществу, к ноономике, о чем сегодня шла речь во многих выступлениях – это, на мой взгляд, один из высоковероятных трендов развития. Но само по себе это развитие не произойдет, даже если у нас технологический уровень экономики будет повышаться. Вопрос связан с тем, способны ли люди освоить новые технологические компетенции и воспользоваться теми плюсами, которые социализация, а в данном случае – удаленная работа им дает, или все-таки минусы для них будут превалировать.

Отсюда вытекает важность двух моментов. Первый момент – это развитие общего образования, причем с упором на те самые технологические аспекты, технологические навыки. Потому, как мы видим по представленному слайду, к сожалению, развитость цифровых компетенций существенно зависит от возраста. И второй момент, с первым тесно связанный, это – необходимость развития системы непрерывного образования. Ведь только через непрерывное образование получится постоянно «подгонять» уровень компетенций, в частности – технологических компетенций людей к тем реалиям, которые сформировались и будут далее возникать в нашем обществе.

Это те ключевые мысли, которые сегодня звучали и в основном докладе Сергея Дмитриевича, и в выступлениях многих коллег. Необходимо развитие как образования, так и культуры в

целом, без этого никакого перехода автоматического к новым, прогрессивным способам организации общества и хозяйственной деятельности не произойдет в силу того, что не будет субъектов, не будет людей, способных этими плодами технологического развития воспользоваться. То есть социальный фактор, социальный аспект, как говорила коллега, выступавшая до меня, выходит на первый план.

Бузгалин А.В. Большое спасибо.

У нас еще одно выступление в рамках этой сессии. Елена Анатольевна Ткаченко, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Пожалуйста.

Ткаченко Елена Анатольевна.

Тема доклада: *Влияние шеринговых моделей на развитие экосистемы инноваций.*

Моя презентация посвящена проблемам развития элементов шеринговой экономики в рамках инновационной экосистемы.

Это очень интересная тема, потому что мы работаем в контексте большого проекта, который мы реализуем совместно с Институтом нового индустриального развития, при его поддержке. Это большая совместная работа, которую мы, Санкт-Петербургский экономический университет, осуществляем вместе с Высшей школой экономики и ИНИР, и поэтому тот материал, который я имею удовольствие вам сегодня представить, это материал, который готовили мы совместно с Роговой Еленой Моисеевной, деканом Школы экономики и менеджмента НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Молодые исследователи, магистранты и аспиранты, внесли свой вклад в исследование, принимали участие в опросе предприятий. Нас заинтересовал такой контекст социализации, как развитие различных шеринговых моделей во взаимодействии компаний. Экономика совместного использования открывает новые перспективы. Шеринговые модели, которые изначально формировались в преимущественно потребительском секторе, и имели распространение во взаимоотношениях между людьми, либо между потребителями и компаниями и ориентиро-

ваны были на человека, то есть совместное использование каких-либо ресурсов. Мы выявили интересное явление, когда к подобному совместному использованию ресурсов в контексте развития инновационной экосистемы переходят компании. Этот переход осуществляется достаточно быстро, он имеет несколько разных направлений и развивается достаточно своеобразно, многое зависит от готовности компании использовать шеринговые модели, от противодействия, которое возникает со стороны последователей традиционного способа проведения исследований и разработок, замкнутого внутри компании. Большие проблемы связаны с определенного рода противодействием со стороны руководства, допустим, открытию информации о различных разработках, потому что руководство волнует вопрос утечки данных.

Интерес к развитию моделей совместного использования подтверждается тем что в 2020 году была опубликована очень интересная работа, автором которой является Хоссейн. Согласно его исследованию, с 1978 по 2018 год проблемам совместного использования инновационных ресурсов было посвящено более 380 статей. Причем из них большая доля приходится на последние годы. Подобного рода интерес, естественно, показывает, что эта актуальная тема, мы заинтересовались, насколько, вообще, в принципе, можно считать подход к использованию шеринговых моделей актуальными для России. Для того чтобы выявить возможности использования шеринговых моделей, различных форм совместного использования, мы провели исследования в ноябре-декабре 2019-го года, в компаниях Северо-Западного региона России, исследование охватило 187 компаний, в основном, на уровне исполнительных директоров, либо генеральных директоров. Только 36 компаний были отобраны для второго этапа исследования, с учетом наличия релевантных ответов. То есть они, во-первых, осуществляли какие-то инновационные процессы в последние годы, во-вторых, они использовали различные модели совместного использования каких-либо инновационных ресурсов. При следует отметить, что малейшее упоминание слово «шеринг» практически всегда вызывало жесткое отторжение со стороны интервьюируемых: «Нет, мы шеринг никакой не используем, это все абсурд, какой может быть шеринг в промышленности?» Но, по факту, те модели, которые они создавали, те отно-

шения, которые они выстраивали – это экономика совместного использования.

Распределение опрошенных компаний по уровню инновационной активности и по использованию шеринговых моделей сложилась следующим образом, что мы смогли использовать только 17% компаний, которые действительно демонстрировали интерес в этой сфере. У нас представлены компании самых разных отраслей: банки, различного рода ЖКХ, инфокоммуникации, наука и образование, исследования, промышленность, транспорт, одна экологическая компания и одна из сферы электроэнергетики. Мы исследовали причины отторжения шеринга. В рамках дальнейшей работы с представителями этих компаний мы задавали вопрос «Какое образование имеет руководство?»

Здесь выяснилась четкая зависимость между полученным образованием и восприятием или отторжением шеринга как способа проведения научных исследований, продвижения своих разработок. При условии, что у руководства имеется политехническое образование, 45% руководителей сразу были готовы позитивно воспринять любые способы совместного ведения инноваций, концепции открытых инноваций им была знакома, и они были готовы поддержать эту концепцию. А если это было сугубо управленческое образование – то готовность к совместному использованию инновационных ресурсов демонстрировали 25% руководителей. То есть они уже были более настроены на сохранение коммерческой тайны, на соблюдение интересов компании, они беспокоились об утечке данных. Если образование политехническое плюс MBA, то здесь демонстрировали готовность к открытой инновационной деятельности 62% руководителей.

Среди руководителей компаний были выявлены представители с гуманитарным образованием: лингвисты, филологи, медики, и из них только 10% были готовы поддержать в какой-то мере различного рода открытые инновационные проекты.

Мы выделили четыре модели шеринга – это шеринг оборудования, центры технологических компетенций. Центры технологических компетенций создаются у нас уже достаточно давно, в Петербурге с 2010-го года и никто как-то не задумывался, о том, что это экономика совместного использования в чистом виде. Создается центр технологической компетенции с высокопро-

изводительным оборудованием, четко расписаны между участниками проекта условия пользования: кто, сколько часов в неделю может пользоваться оборудованием данного центр.

Вторая разновидность шеринга – это шеринг персонала, третья разновидность – шеринг инжиниринговых команд, как разновидность шеринга персонала, и четвертая разновидность – шеринг идей и инженерных решений. Шеринг идей, инженерных решений сейчас не очень распространен, но на перспективу набирает большие обороты. Мы оценили распределение компаний по тому, как они используют различного рода модели шеринга. Вы видите, что наибольшую распространенность имеют центры компетенций, они давно известны, а ВТО инжиниринговыми командами готовы делиться только 5% компаний, потому что руководители компаний считают, что команда создает для них конкурентные преимущества, и отдавать ключевого специалиста они не заинтересованы.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Я очень благодарен Елене за выступление. Елена Анатольевна, Вам большое спасибо, но, к сожалению, в несколько минут просто невозможно включить результаты больших исследований, приходится представлять только некоторые ключевые выводы.

Мы договорились, что проводим третью сессию без перерыва, в третью сессию включены молодые ученые, сотрудники Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте и те, кто ведет с ним диалог на протяжении уже более чем семи лет.

Эту сессию начнет Александра Арабаджян. Александра – научный сотрудник ИМЭМО и старший научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Пожалуйста, Александра, Вам слово. У Вас такой замечательный фон и сразу понятно, о чем будет доклад.

Арабаджян Александра Завеновна.

Тема доклада: *Латиноамериканский опыт социализации экономики.*

Здравствуйте! Для меня очень большая честь принимать участие в семинаре такого масштаба. Тема моего выступления: «Латиноамериканский опыт социализации экономики».

Для начала хотелось бы повторить идею Сергея Дмитриевича Бодрунова о том, что социализация – это взаимовлияние человека и общества, в ходе которого индивид получает возможность развивать истинно человеческие, гуманные качества. В рамках перехода к нооэкономике человек как биосоциальное существо благодаря развитию технического прогресса и расширению знаний об обществе и социальных свойствах индивида, оказывается все в большей степени ведомым социальными, а не биологическими мотивами. Он все в большей мере погружается в культуру, впитывает накопленные предыдущими поколениями знания и опыт. Все это и дает человеку возможность перехода от «зоо» к «ноо», и данный процесс происходит на наших глазах.

Однако всегда ли этот процесс носит линейный характер и всегда ли наблюдается четкая, прямо пропорциональная зависимость между техническим прогрессом и социализацией? Ответить на эти вопросы помогает латиноамериканский опыт социализации экономики.

Исторически латиноамериканский регион характеризовала проблема зависимого развития. Данную теоретическую проблему и конкретно и подробно прорабатывали представители марксистской теории зависимости, Ваниа Бамбирра, Теотониу Дус Сантус и Руй Мауру Марини. В общих чертах они пришли к выводу о том, что способ производства латиноамериканских стран формировался еще с колониальных времен, и после обретения в XIX веке политической независимости искажения способа производства были унаследованы молодыми республиками. В XX веке попытки национально-ориентированного развития, импортозамещающей индустриализации оказывались ограниченными сложившимися структурами зависимого развития, неэквивалентной торговлей и суперэксплуатацией. Эти явления стали сущностными характеристиками большинства латиноамериканских экономик, что во многом объясняет значительное отставание этих стран от западноевропейских и североамериканских государств, в том числе, и в вопросах технического прогресса.

Как повлияло отставание и в техническом прогрессе на процесс социализации в Латинской Америке? С одной стороны, оно оказалось и продолжает оставаться негативным и тормозящим фактором. С другой стороны, это отставание стимулирова-

ло творческий поиск иных форм социализации, ориентированных на гуманное человеческое развитие, чуждое торжеству интересов капитала и максимизации прибыли в условиях такого уровня развития производительных сил, который существует на данном этапе.

Хорошим примером стали начинания в ряде государств Латинской Америки, где существуют те или иные формы, которые, безусловно, значительно отличаются между собой, но в то же время имеют ряд общих черт. Речь пойдет об опыте сознательно осуществляемой социализации через кооперативную форму ведения хозяйства на Кубе и в Венесуэле. Здесь мы видим, как люди, несмотря на отсутствие достижений технического прогресса, совершают сознательный выбор в пользу коллективного труда.

Кубинский случай уникален. Опыт социализации здесь связан с социалистическими традициями, которые здесь имеют более глубокие исторические корни, уходящие к победе революции 1959-го года. Напомню, что Фидель Кастро провозгласил социалистический путь развития в апреле 1961-го года, и уже в этом же десятилетии в качестве одного из вариантов социализации появляется кооперативное движение, которое развивается в сельском хозяйстве. В 90-е годы, в условиях тяжелого экономического кризиса, вызванного распадом социалистического блока и Советского Союза, создание кооперативов в аграрном секторе стимулируется государством, которое передает работникам бывших государственных аграрных ферм в пользование свои активы. Помимо этого, уже в 2010-х годах создаются несельскохозяйственные кооперативы.

При всем обилии вариантов, одна из ключевых черт основных форм кооперативов – это коллективная собственность на средства производства. Кооперативное движение Кубы ориентируется на ценности и принципы Международного альянса кооперативов, кооператоры ставят цели удовлетворения социально-экономических потребностей своих членов через коллективный, совместный труд и совместное и равное участие в использовании продукта труда. На современном этапе в условиях экономических реформ, которые проводит нынешний лидер Кубы Мигель Диас-Канель, кооперативы рассматриваются как одни из столпов социалистической формы ведения хозяйства. Опыт Венесуэлы тоже

крайне ценен, здесь кооперативное движение активизировалось после прихода к власти Уго Чавеса, который был сторонником концепции «социализма XXI века» и боливарианского, национально ориентированного социализма. Организация кооперативов жителями кварталов стала ответом на вызов неолиберальной политики предыдущих лет, высокого уровня нищеты, социально-экономического неравенства и безработицы. Венесуэльцы не имели доступа к передовым, распространенным в более развитых странах технологиям, благодаря которым появляются различные варианты совместного использования предметов быта (т.н. шэринга). Однако это не помешало им осуществлять совместную трудовую деятельность, которая позволила выжить в тяжелых условиях, поскольку открывала возможности для координации усилий. Попытка взаимопомощи на низовом уровне стала формой венесуэльского варианта социализма, который, конечно, имеет мало общего с опытом реального социализма, в отличие от кубинского случая.

Таким образом, отсутствие предпосылки технического прогресса в её развитой форме не помешало процессу социализации, и это один из ключевых выводов, который можно извлечь из опыта латиноамериканских экономик. Однако есть и другой важный вывод, к которому приходят специалисты, проводящие эмпирические исследования деятельности кооперативов Венесуэлы и Кубы.

В частности, одним из ведущих ученых в этой области является исследовательница Гаванского университета Камила Пиньейро Харнэкер, дочь ученицы Луи Альтюссера, чилийской ученой Марты Харнэкер. В ряде работ Камилла Пиньейро приводит статистические данные по деятельности кооперативов и результаты опросов их членов. Обобщая эту информацию, хочу обратить внимание на два фактора: во-первых, члены кооперативов зачастую ведомы коллективными интересами, которые не выходят за рамки коллектива как индивидуального агента экономики. Их реальный вклад в жизнь сообщества упирается в границы их собственного материального интереса, что ограничивает действительно общественно-полезный, гуманный характер деятельности. Если не внедрять обязательных норм, которые принуждают кооперативы вносить конкретный вклад в развитие сообщества,

кооператив замкнется на себе и на реализации потребностей своих членов, иногда и в ущерб общественным интересам.

Во-вторых, в условиях текущего способа производства, кооператив вынужден конкурировать с другими экономическими агентами, которые зачастую априори крупнее по масштабу и сильнее по располагаемым материальным и финансовым ресурсам. Это ведет либо к разорению кооператива, и тогда его вынуждено «спасать» государство, либо к тому, что в конкурентной борьбе кооператив окончательно утрачивает из фокуса общественный интерес. В таком случае кооператив начинает применять доступный ему рыночный механизм повышения эффективности, например, привлечение наемного труда.

Оба указанных фактора свидетельствует в пользу того, что в рамках существующего способа производства и в рамках торжества рыночных механизмов, ростки социализации, характер которых, бесспорно, прогрессивен и является шагом на пути от «зоо» к «ноо», вынуждены пробиваться через асфальт. Безусловно, в случае Кубы кооперативы держатся на плаву во многом благодаря преимущественно социалистической сущности способа производства. Но внедрение элементов рынка может привести к тому же результату, который вытекает из венесуэльского опыта, то есть более низкой эффективности и низкой конкурентоспособности значительной части социально-ориентированных кооперативов. Большое спасибо за внимание, буду рада получить комментарии и вопросы по обозначенным проблемам. И надеюсь на продолжение продуктивного сотрудничества в международном масштабе.

Бузгалин А.В. Спасибо, Александра, и за ваш интересный доклад, и за помощь в организации семинара. Ну, и я думаю, если следующий семинар будет посвящен проблемам коллективного солидаризма, Ваши сообщения будут вдвойне интересны.

Мы продолжаем наш разговор, возвращаясь к такому аспекту социализации, как снижение социального неравенства. И я хотел попросить выступить Ольгу Владимировну Барашкову, старшего научного сотрудника Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте и научного сотрудника Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ.

Ольга Владимировна, пожалуйста, вам слово.

Барашкова Ольга Владимировна.

Тема доклада: *Снижение социального неравенства как фактор социализации экономики.*

Уважаемые коллеги, прежде всего, благодарю за возможность принять участие в таком обсуждении. Я хотела бы кратко, поскольку времени уже не так много, акцентировать внимание на нескольких тезисах относительно социального неравенства в его связи с социализацией.

Проблема неравенства сегодня упоминалась во многих докладах. В частности, Сергей Дмитриевич Бодрунов упоминал в своем докладе, а также в ответах на реплики дискуссионтов, что неравенство можно рассматривать как одно из исходных условий, которое нам необходимо учитывать, понимать, искать инструменты, как им управлять для того, чтобы строить общество на принципах ноономики. В ходе докладов участниками были представлены обобщения широкого круга эмпирических данных по различным аспектам неравенства: об этом упоминал и Николай Иванович Лапин, и Елена Юрьевна Меркулова. Поэтому я в своем докладе остановлюсь на нескольких *методологических* аспектах.

В частности, хотелось бы акцентировать внимание на том, что неравенство необходимо рассматривать системно – с точки зрения системы производственных отношений. И при этом не только акцентировать внимание на неравенстве в распределении доходов, что, как правило, чаще всего исследуется и имеет свои количественные показатели, но и на других составляющих производственных отношений. А именно, на отношениях координации, т. е. аллокации ресурсов, на отношениях присвоения и отчуждения, которые заключают в себя систему форм и прав собственности, и на отношениях воспроизводства. В выступлениях ряда докладчиков сегодня уже упоминался очень важный аспект воспроизводства населения. Неравенство в этой сфере составляет базу, основание для углубления других видов неравенства. Поскольку стартовое неравенство в доступе к ресурсам (а это неравенство в доступе к образованию, к услугам здравоохранения, что сейчас особенно актуально) составляет базу и задает условия, в которых общество в целом может достигать экономического роста либо его

не достигать в той мере, в которой это желательно согласно поставленным целям социально-экономического развития.

В частности, есть немало исследований, в которых проанализирован обширный опыт стран Организации экономического сотрудничества. И результаты этих исследований свидетельствуют о том, что усиление неравенства, наблюдаемое с 1980-х гг. до настоящего времени, привело к тому, что темпы роста ВВП были ниже, чем темпы роста, потенциально возможные при более низком уровне неравенства. Здесь следует отметить, что под социализацией применительно к теме доклада мы понимаем развитие механизмов, которые направлены на компенсацию такого чрезмерного неравенства, отрицательно влияющего на социально-экономическое развитие. При этом мы не отрицаем, что определенный (приемлемый, допустимый) уровень неравенства является неизбежным, и, более того, играет свою роль в обеспечении необходимой среды для развития. Относительно конкретных количественных показателей такого приемлемого неравенства существуют дискуссии в научном сообществе, но поскольку это сегодня не является предметом нашего доклада, то я не буду подробно на этом останавливаться.

Итак, неравенство в распределении доходов является самым часто упоминаемым среди исследователей и экспертов, но далеко не единственным аспектом неравенства. В связи с тем, что проведение нашей конференции в онлайн-формате обусловлено текущими ограничениями, вызванными пандемией, мне хотелось бы сегодня акцентировать внимание на том, как пандемия влияет на неравенство.

Этот вопрос обсуждался 22 октября в Москве экспертами Всемирного банка. Предметом обсуждения было то, как повлияли на неравенство и бедность меры, предпринимаемые в связи с пандемией. На этом обсуждении приводились данные, что, если смотреть по экономике в целом, то несмотря на существенные суммы трансфертов населению, в целом население в виде налогов выплатило государству за этот период больше, чем получило. Если же анализировать изменение неравенства между различными группами населения, то согласно имеющимся данным, все-таки оказанная во время пандемии помощь, целевая поддержка позволила снизить отставание по уровню доходов самых бедных

слоев населения. Прогнозируется, что в дальнейшем неравенство еще несколько снизится за счет этого фактора. Но в этом на первый взгляд положительном явлении – снижении общего уровня неравенства – существует и отрицательная составляющая, поскольку в данном случае неравенство снижается не за счет подтягивания бедных групп населения, а за счет сокращения уровня доходов средних слоев, за счет их приближения к нижним уровням. Это означает, что такому снижению неравенства будет сопутствовать снижение общего уровня благосостояния населения. Этот пример является хорошей иллюстрацией того, что важно анализировать неравенство комплексно, и учитывать не только показатели неравенства, но и сопутствующие характеристики, такие, в частности, как уровень благосостояния населения. Положительным является только такое снижение неравенства, которое достигается не за счет снижения уровня жизни средних доходных групп населения.

Также следует отметить аспекты неравенства, на которые повлияла пандемия: это переход в онлайн-режим обучения. Этот аспект напрямую связан с развитием человеческого потенциала, на значении которого не раз акцентировал внимание Сергей Дмитриевич Бодрунов в своем выступлении. Особенно большое влияние переход на онлайн-режим обучения оказывает на школьников. Это такая мера, которая связана с долгосрочными последствиями, и эти последствия нам еще предстоит исследовать, чтобы определить степень их влияния и возможный период, в течение которого их воздействие будет ощущаться. Это неравенство относится к неравенству в доступе к ресурсам, а это базовый вид неравенства, который задает изначальный «коридор», в котором человек может действовать, и ограничения на этом уровне способны усиливать все другие виды неравенства. Если не у всех школьников сейчас есть возможность полноценно заниматься онлайн, то объем упущенного ими по этой причине в области обучения, освоения материала, – со временем будет только нарастать. А это означает и снижение возможностей для дальнейшего развития, поскольку образование – это один из важных социальных лифтов в любом обществе.

Таким образом, необходимо разрабатывать и реализовывать меры по снижению неравенства на каждом из уровней его

проявления, поскольку чрезмерное неравенство не только ведет к социальной нестабильности, но и подрывает возможность развития экономики, а следовательно, и дальнейшей социализации.

Большое спасибо за внимание.

Бузгалин А.В. Спасибо Ольга, особенно за то, что Вы с одной стороны поставили Ваш доклад в контекст размышлений о социализации как пути к нооэкономике, а с другой стороны связали его с наиболее актуальными проблемами современности, в том числе с пандемией.

Я продолжаю предоставлять возможности для презентации своих идей молодым участникам нашего сегодняшнего семинара. Ольга Борисовна Лемешонок, старший научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте.

Пожалуйста, Ольга, Вам слово.

Лемешонок Ольга Борисовна.

Тема доклада: *Коррупция как фактор, противодействующий социализации экономики.*

Всем добрый вечер, коллеги. Спасибо за предоставленное слово, я бы хотела сегодня осветить с другой точки зрения социализацию экономики, а именно, рассмотреть проблемы, которые мешают социализации. В частности, в моем докладе будет представлен взгляд на проблемы в процессах социализации экономики, которые создает коррупция и коррупционное взаимодействие между субъектами экономики.

Коррупция измеряется количественно и качественно, и в первом случае, с точки зрения количественных измерений, есть такой индекс восприятия коррупции, он наиболее репрезентативный и релевантный, его используют в большинстве исследований многие экономисты, социологи и политологи. На слайде представлен индекс восприятия коррупции за 2019 г. по тем странам мира, по которым можно было собрать данные – таких 180 стран. Чем светлее цвет, тем лучше ситуация с коррупцией в стране, и наоборот. Мы видим страны с темным цветом, в которых коррупционные проблемы и последствия, которые вызывает коррупция, хуже всего. И если приглядитесь, то самые светлые цвета имеют страны западной Европы, Скандинавские страны, в частности, как вы видите, страны с экономической моделью шведско-

го социализма. Однако, несмотря на относительно благоприятную ситуацию по западной Европе, в Канаде и США, все-таки значения индекса в этих странах не предполагают благоприятной ситуации с коррупцией. Если даже развитые страны имеют проблемы с коррупцией, что уж говорить о восточной Европе, о странах бывшего СССР. И с этой точки зрения исследовать опыт развитых стран по борьбе с коррупцией, рассматривать их проблемы, с которыми они сталкиваются в процессе движения к гражданскому обществу и развития социального аспекта экономики, представляет огромную ценность для нас. Основные аспекты социализации, которые я рассматривала, когда анализировала создаваемые коррупцией проблемы, представлены на слайде.

Я использую политэкономическое трактовку коррупции и коррупционных отношений, в рамках которой они рассматриваются как взаимодействие между собственниками благ и обладателями власти. Соответственно, очень важным становится распределение прав собственности на блага и получающееся взаимодействие индивидов. Природа таких коррупционных отношений, которые складываются в результате взаимодействия двух субъектов, лежит в разных сферах, в зависимости от того, что является источником этих отношений. И источником власти, отношений власти и зависимости, которые становятся причиной коррупционных взаимодействий, являются либо ресурсы, что чаще всего встречается во многих неоклассических исследованиях, в том числе нематериальные, допустим, доступ к образованию, служебное положение, какие-то возможности использования государственных средств; либо какие-то неформальные институты, институциональная среда, те возможности, которые уже созданы и которыми могут пользоваться экономические субъекты; либо же это определенная направленность государственной политики, государственная власть, которая может предоставить определенным экономическим субъектам, не только юридическим, но и физическим лицам, определенные правомочия.

Реализация возможностей, которые предоставляет для индивидуума власть и собственность на ресурсы, отвечает объективному стремлению удовлетворить человеческие потребности. И чем сильнее возрастают эти потребности, чем быстрее они начинают опережать производственные возможности общества, тем

больше у субъектов будет стимулов конкурировать за блага, пытаться получить доступ к каким-то неформальным институтам, которые могли бы помочь им получить новые ресурсы и, соответственно, удовлетворить потребности. Поэтому, с политэкономической точки зрения, одной из объективных причин коррупции является эта гонка за удовлетворением потребностей, постоянная включенность человека в современную культуру потребления, в процессы сверхпотребления. Соответственно, те факторы, которые форсируют и создают какие-то новые физиологически не естественные человеку потребности, будут влиять на общую распространенность коррупционных взаимодействий. Стремление общества удовлетворить эти потребности постепенно приводит к трансформации функций экономики и значительным диспропорциям в экономической системе. Результатом таких несоответствий становится как раз увеличение негативных экономических процессов и явлений. Социализация общества предполагает активное участие государства, вовлеченность государства и, соответственно, государственных деятелей, чиновников, которые непосредственно в этом задействованы, в такие экономические процессы и коррупционные отношения. Поэтому, прежде всего, коррупция будет бить по возможностям наполнения экономики этими социальными аспектами. И хотелось бы также отметить, что, хотя на слайде у меня перечислены отрицательное влияние коррупции на социализацию экономики, здесь также перечислены пункты, каким именно образом коррупция влияет на проблемы, аспекты и факторы социализации экономики.

Но есть и обнадеживающие тенденции, потому что, как уже было отмечено на данном семинаре и на прошлых наших мероприятиях, сейчас набирают обороты, развиваются новая экономика и новое производство. И тенденция изменения структуры потребностей, изменение самого принципа удовлетворения потребностей с течением времени будет нарастать. Как сказал Сергей Дмитриевич, и я с ним в этом плане согласна, вопрос касается не качества человеческого капитала, а человеческого потенциала. Потому что нас интересуют не только возможности, которые человек получает в жизни для капитализации своих талантов и затем обеспечения себя благами для удовлетворения потребностей. А именно сами его таланты, его свойства лично-

сти, которые он может использовать в целях изменения структуры потребления и в целях изменения личностного восприятия потребностей. И изменение культуры потребления, дополнительные ограничения со стороны технологических аспектов производства сыграют в этом процессе немалую роль.

Таким образом, изменение культуры потребления, введение дополнительных ограничений на удовлетворение потребностей, быстрое производство благ и, соответственно, лучшая обеспеченность ими в результате реиндустриализации экономики, в результате новых технологических процессов в производствах будет приводить к тому, что эта острая проблема удовлетворения потребностей и поиска новых ресурсов, будет объективно сокращаться. А значит, объективно будут снижаться и коррупционные отношения между экономическими субъектами.

Бузгалин А.В. Спасибо, Ольга.

Мы идем дальше. И я рад предоставить слово Глебу Андреевичу Маслову, кандидату экономических наук, ведущему научному сотруднику Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, сотруднику Института экономики РАН.

Глеб, пожалуйста, Вам слово.

Маслов Глеб Андреевич.

Тема доклада: *Социализация экономики как ответ на вызов технологической революции.*

Здравствуйте, уважаемые коллеги. Благодарю за возможность выступить в рамках данного семинара.

Из формулировки темы можно подумать, что именно технологии являются теми движущими факторами, которые заставляют переламявать капитализм сам себя, образовывать новые формы производственных отношений. И, в целом, именно технологии направляют развитие экономики в будущем.

Я не сторонник такого примитивного детерминизма, однако, применительно к событиям начала 21 века, можно сказать, что сама история в данном случае показывает нам то, что мир становится все более и более материально зависимым. И менее зависим, соответственно, от каких-то внутренних процессов в рамках тех или иных общественных институтов.

При этом, если погрузиться в историю, можно сказать, что еще в 19 веке, в рамках немецкой исторической школы, авторы делали такой прогноз. Что по мере развития науки, по мере того, как умственный труд будет играть все большую роль, соответственно, всё большую роль придется играть и государству как ограничителю рынка. Данный тезис был развит в 1930-е годы в рамках шведской экономической школы, и это совпало также с периодом появления нового типа технологий. Когда были времена немецкой исторической школы, разворачивалась вторая промышленная революция, во времена шведской экономической школы, осуществлялась научно-техническая революция, которая в полной мере себя проявила уже после Второй мировой войны.

После Второй мировой войны можно говорить и о теоретическом прорыве в рамках данного направления. Я для экономии времени не буду углубляться в эти детали. Однако все же хочу подчеркнуть, что именно технологическое развитие стало побудительным мотивом обращения экономистов-теоретиков к проблеме ограничения рынка, проблеме смешанной экономики, развития социального сектора. Таким образом, мы можем говорить, что дело именно в некоторых внешних факторах, а именно в факторе технологий, а в каких-то внутренних рамках, в которых экономика развивается по своим внутренним законам.

Говоря о нынешнем периоде наступающей четвертой промышленной революции, нужно, во-первых, подчеркнуть беспрецедентность масштаба влияния новых технологий на будущее производства. Можно сказать, беспрецедентно высоки ставки стали в геоэкономической борьбе между странами. И также нужно отметить тесную взаимосвязь технологий, их комплексность, то есть одна технология проявляется не какой-то одной отрасли, она пронизывает всю экономическую систему, взаимодействует с другим классом технологий. И, собственно говоря, можно говорить о технологической конвергенции.

Собственно, термин конвергенции появился в этой связи абсолютно закономерно. Обращаясь к тезису моих учителей, Александра Владимировича Бузгалина и Андрея Ивановича Колганова, нужно подчеркнуть, что для развития рынка в нынешних условиях требуется все большее развитие антирыночных отношений. А именно с помощью внешнего института по отношению

к рынку, в первую очередь, государства, осуществляются такие способы воздействия на рынок.

Я не скажу нечто сенсационное и необычное, но, мне кажется, важно выделить отдельные спектры. Это, во-первых, система планирования. Не только индикативное, но даже как директивное планирование в наше время нельзя назвать каким-то анахронизмом советского прошлого. В частности, государство делает все больше заказов особенно в высокотехнологичных отраслях и связанных с оборонной способностью, в которых им нельзя допустить отставание от других стран. Также планирование связано с ростом сетевых и внешних эффектов. Как я уже сказал, все технологии взаимосвязаны, и потенциальная диспропорция в каком-то одном секторе может привести к негативным последствиям во всей экономике. Т. е. пускать на рыночный самотек этот процесс становится все более рискованно.

Новым явлением можно назвать активизацию государственно-частного партнерства. И дело здесь не только в совместных проектах, где государство выступает каким-то заказчиком или страховщиком, берет на себя какие-то риски, хотя это тоже, конечно, имеет место быть. Но зачастую государство чуть ли не на равных правах с какой-то частной корпорацией осваивает новую технологию и помогает этой корпорации, боится от рисков.

В этой связи можно привести ряд примеров, может быть, не самый масштабный пример, но самый известный в медиапространстве – это корпорация Илона Маска. Часто говорят о том, что капитализация этой компании не соответствует операционным данным. Т. е. что капитализация слишком завышена, и, соответственно, может быть это намек на какой-то пузырь. Однако в нынешних условиях государство не может позволить себе проиграть в каких-то перспективных направлениях, поэтому оно в любом случае будет поддерживать эту компанию. И, я думаю, никогда не позволит ей разориться.

Таким образом, мы имеем дело с новым явлением, когда государство не просто иногда в кризис спасает компанию, а становится чуть ли не равноправным участником экономического процесса, действуя рука об руку с этой корпорацией. Отсюда же идут все протекционистские меры на международном уровне.

Например, все знают о противостоянии США и Китая. И о взаимных упреках о недобросовестной конкуренции.

Подводя итог, можно сказать, что нынешняя ситуация чем-то близка с ситуацией 1960-х годов, когда была некоторая романтика и надежда на то, что новые технологии станут главным фактором появления более прогрессивного общества. И сейчас также на технологии возлагаются большие надежды, однако, далеко не факт, что это развитие пойдет в русле дальнейшей социализации экономики. Социализация экономики необходима, но, возможно, она натолкнется на некие пределы своего роста, и возможно, будет какое-то попятное движение в условиях все более обостряющейся конкуренции.

На этом я могу завершить, спасибо.

Бузгалин А.В. Спасибо большое. Вот, видите, даже записываю за вами какие-то мысли. Наш семинар превзошел все возможные рамки нормальных заседаний во онлайн-пространстве. И, тем не менее, у нас много слушателей, много зрителей до сих пор в Youtube, на сайте ИНИР. Поэтому мы работаем, друзья, в очень интенсивном, но очень важном пространстве. И не только для нас с вами.

Тамара Дмитриевна Степанова, аспирант экономического факультета МГУ, сейчас она завершает диссертацию. Долгое время работала в Институте нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, и я надеюсь, что после защиты Тамара вернется к нашему совместному действию, к нашим совместным проектам.

Тамара будет говорить о человеческом креативном потенциале и его влиянии на социализацию и продвижение к ноономике.

Пожалуйста, Тамара.

Степанова Тамара Дмитриевна.

Тема доклада: *Условия развития креативного класса и его влияние на развитие экономики.*

Я буквально тезисно скажу о том, что, прежде чем отвечать на вопрос о принципах построения общества будущего, о ноономике, следует обратиться к анализу тех наработок, которые существуют по вопросам человеческого развития. И если одни концепции принимают бытие человека как данность, анализируя его потребности и поведение с целью просто повысить

ния точности анализа и предсказания различных экономических ситуаций, то есть множество других, которые помимо этого предлагают варианты исправления недостатков общественного устройства, разрешение существующих противоречий, и они нам наиболее интересны.

Все мы знаем, что в последнее время появились друг за другом теории человеческого капитала, развитие человеческого потенциала, теория креативной экономики, креативного класса. Для меня сейчас наиболее перспективной и интересной является именно теория креативного класса, она лежит в поле моих научных интересов. И здесь интересно, что обращаясь, вообще, к анализу креативных профессионалов, ученые обнаружили несколько ключевых тем.

Это, во-первых, определение креативных профессий, это влияние креативных работников на экономику, и, собственно, поскольку такое влияние есть, как же эти креативные работники распределяются по территории их стран и как можно влиять на это распределение. Определение креативности, в целом, спорное. Я сейчас не буду обращаться к этому вопросу, потому что, во-первых, это само по себе довольно дискуссионное и философское поле.

Во-вторых, тут еще все осложняется различиями в отношении экономических школ. А говоря о влиянии креативных работников на экономику, стоит сказать, что многие страны занимались данным вопросом. И было выявлено совсем недавно на примере различных экономик, что рост креативного класса влияет положительно на ВВП, на занятость, на зарплаты. Например, недавно иранские ученые доказали влияние на экономическое развитие, а я в одном из своих исследований на примере данных по России доказывала влияние на технологическое развитие. Более того, ряд стран, таких как Англия, США, Ирландия, Германия и некоторые другие не просто выявили положительные взаимосвязи, но уже не раз локально внедряли меры экономической поддержки креативного класса с целью уменьшения неравномерности его распределения по стране или региону. Зная, что затем это повлечет за собой и положительное влияние на экономическое развитие. Хорошо, что сейчас, в наше время, все экономические школы уже пришли к выводу о необходимости развития че-

ловека творческого. Среди наработок в рамках изучения креативных профессионалов интересно исследование мотивов миграции, и, резюмируя результаты других исследований и свои собственные, скажу кратко, что мотивирующий эффект на креативных работников оказывают развитость культурной среды, инфраструктуры, развитость услуг образования. И причем очень важно здесь, что почти во всех исследованиях было выявлено, что уровень зарплаты указывается креативными работниками по приоритетности, в конце списка. Т. е. развенчан старый миф.

Раньше считалось, что все притягиваются именно в большие города, за большими зарплатами, но оказалось, что другие меры могут оказать существенно большее влияние на привлечение творческих людей. И зачастую привлечение креативных профессионалов в определенные регионы осуществляется настолько просто, что это даже не требует какого-то комплексного развития. Например, в Германии был положительный опыт применения такой меры, как субсидирование организаций культуры с целью повышения доступности для населения культурных мероприятий, что повлекло за собой очень большой приток творческого труда в нужные регионы, и, соответственно, затем, уже в долгосрочной перспективе влияния на другие экономические показатели.

И, на мой взгляд, все эти исследования крайне важны, поскольку такая неопределенная по принадлежности к конкретной школе тема, как креативная экономика, по сути, сейчас объединяет все школы в том, что ученые различных взглядов пришли к мыслям о важности развития образования, культурной среды для человека, развития человека творческого. И сейчас, когда эмпирически уже (как любят большинство современных ученых) доказано, сколь сильно разностороннее влияние креативных профессионалов на экономику, повсеместно в научной среде создается благоприятная почва для развития среды, в рамках которой уже может формироваться творческий человек. И я думаю, что здесь просматривается некий положительный вектор, несмотря на те недостатки, которые мы видим в современном мире, в том, чтобы постепенно развивать эту среду, и уже двигаться как раз к тому обществу будущего, о котором мы все сегодня хоть частич-но, но упоминали.

У меня все, большое спасибо за внимание.

Бузгалин А.В. Вы смогли очень компактно и красиво представить, я бы сказал, даже не гипотезу, а концепцию, показывающую влияние творческой деятельности на развитие общества и экономики. И это лежит как раз в русле той теории социализации как пути к ноономике, о которой мы сегодня говорим, обсуждая соответствующий доклад профессора Бодрунова. И эта теоретическая постанова Сергея Дмитриевича вами была проиллюстрирована и прокомментирована с очень важной и достаточно конкретной позиции исследования различных стран мира.

Мы продолжаем наш разговор. Святослав Вячеславович Шачин, кандидат экономических наук, доцент, наш коллега из Мурманского Арктического государственного университета.

Шачин Святослав Вячеславович.

Тема доклада: *Социализация собственности в цифровую эпоху.*

Мой доклад «Социализация собственности в цифровую эпоху». Перед началом семинара состоялась очень интересная дискуссия, в ней участвовали Зернов Сергей, Кретов Сергей, Хохлова Галина, Пунтус Валерия, Антонова Елена и ваш покорный слуга. Возник вопрос: а что это вообще такое – социализация собственности? И я попытался ответить на этот вопрос, исходя из анализа самого определения собственности. Это – то, чем кто-то может владеть, и свободно распоряжаться. Владеть, значит, по сути дела, защищать от притязаний других. Распоряжаться, значит, иметь возможность продать, купить, обменять, передать по наследству или уничтожить, а также подарить. Значит, главное в собственности – это свобода распоряжения.

Социализация как понятие применяется не только в педагогике и социологии. Оно там означает вхождение личности в общество, усвоение социальных норм и культурных содержаний, в конечном счете – взросление. Его по аналогии перенесли в экономику. Получилось представление о капитализме, который повзрослел и стал зрелым. Значит, капиталисты пришли к пониманию того, что их собственность создается, по сути дела, обществом в целом. А их свобода распоряжения своим капиталом и конкретными материальными активами должна быть ограничена государственным и гражданским обществом. Таким образом, чтобы

они частично делегировали управленческие решения коллективу своих наемных работников, вели бизнес с позиции социальной ответственности. Например, вложили средства в образование, культуру, рекреацию, экологию и т. д. Далее государство ограничивает их право наследования. Чтобы создавать равные стартовые позиции для всех граждан. Т. е. собственность постепенно перестает быть частной и становится общественной.

Так понятая социализация собственности происходила на Западе с 30-х годов XX века в качестве одной из тенденций. Пика эта тенденция достигла в 50-60-е годы. Она получила название социал-реформаторской стадии развития капитализма. Но неолиберальный глобальный капитализм уничтожил часть достижений социал-реформаторского капитализма. В свою очередь и этот капитализм вошел сейчас в глобальный кризис. Но говорить о социализации собственности в описанном выше смысле было бы реакционным. Это подразумевает возвращение к практике 50-60-х годов XX века. Это возможно только путем низведения производительных сил до того уровня.

Значит сейчас в мировом капитализме происходит не социализация собственности, а нечто иное. Может быть, сетевизация. Доступ к управлению собственностью возможен через участие в обработке информации, а для этого у человека должны быть развиты способности к синтетическому мышлению. Чтобы не допустить массового распространения этих способностей, реакционные круги капиталистического класса превращают образование в его имитацию, подменяя знания поверхностным знакомством с предметом, а творческое саморазвитие в свободное время – наркотизацией виртуальной реальностью. Альтернативой этим тенденциям может быть самообразование, участие в сообществах образованных людей, поддерживающих друг друга, дополняющих друг друга своими знаниями и способностями. У них рано или поздно сложится своя сеть. А в ней от взаимопомощи можно будет двигаться к экономическим проектам. Вот это и будет нашим посильным продвижением в социализации сетевизированной собственности.

Затем участники описанного выше обсуждения задали мне вопрос о том, что применительно к проблеме социализации собственности здесь нет ничего конкретного. Я сказал, что кон-

кретный проект исследования я сейчас предложить не могу, я говорил о возможности интеллигенции участвовать в обработке цифровой информации. Потому что собственность сейчас всё больше приобретает природу цифрового господства над поведением и мировоззрением людей. Под цифровым господством я понимаю господство над той информацией, которую оставляет человек в виртуальной реальности, даже без своего ведома. Скажем, его отслеживают по камерам, по покупкам со смартфонов. Иногда он оставляет следы сознательно, скажем, можно узнать то, что он пишет в социальных сетях, как он играет в компьютерные игры, что он смотрит на «Ютубе». Тот, кто собирает информацию от нас, может предвидеть наше будущее поведение. И подтолкнуть нас к нему посредством внушения определенных решений. В этом и состоит изменение в отношениях собственности в новом технологическом укладе. Мы, если получим доступ к центрам обработки вот этой цифровой информации больших данных, тем самым можем научиться не подчиняться однозначно запрограммированным решениям со стороны хозяев цифровой собственности. Вместо этого мы можем принимать осознанные решения и действовать иначе. А для этого необходимо поменять сами алгоритмы обработки вот этой самой цифровой информации, что как раз и может быть конкретным проектом.

Далее, меня спросили, а как эта концепция собственности может быть соотнесена с традиционной концепцией, согласно которой имущество делится на движимое и недвижимое. Значит, проанализируем собственность на цифровую информацию, которая подвергнута обработке. Это может быть новый вид собственности, который еще требует своего обоснования – и в юридической науке, и в социологической науке и т. д. И вот это воздействие на человека со стороны владельцев больших данных идет одновременно по нескольким уровням. Но смысл этого воздействия заключается в том, что происходит разрушение критериев, отделяющих виртуальный мир от реального мира, отделяющих блага от имитации деятельности. И это всё имеет очень хороший выход на экономику. Возьмём в качестве примера соглашение о разделе нефтегазовой продукции, которое Российской Федерации было навязано в середине 90-х годов: «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Однако издержки должны быть четко прописаны, а если мы не раз-

границим реальный вклад в общую деятельность и имитацию, то мы в издержки можем вписать все что угодно.

Также и в совокупном капитале российских олигархов будет превалировать доля финансового капитала, который отделен от производственного капитала. И уже подконтролен не им, а мировой финансовой олигархии. Отсюда возникает возможность манипулирования их активами, создания такой ситуации, при которой они им уже не принадлежат. Поэтому, это всё – не абстрактное рассуждение, а имеет вполне конкретное применение. Значит, образованной общественности необходимо приобрести и отстоять доступ к процессам обработки цифровой информации с целью изменения самих алгоритмов обработки. При этом необходимо выработать критерии для разграничения между реальными и виртуальными благами.

Таким образом, на базе концепции ноономики, которую разрабатывает Сергей Дмитриевич Бодрунов, возможна интеграция философии, социологии, по-новому понимаемой юриспруденции, естественно – экономической теории. И вот через этот анализ трансформации собственности именно в цифровую эпоху, с привлечением идей немецких философов и социологов, выступления которых я могу смотреть через интернет, а тексты которых мне доступны в моей библиотеке (сложившейся по итогам моих стажировок в Германии), возможно как-то решить эту задачу. И, тем самым, мы сможем, применяя диалектическое мышление, научиться изменять сами алгоритмы обработки цифровой информации. Это будет наш вклад в социализацию собственности.

Спасибо за внимание.

Бузгалин А.В. Спасибо. Очень интересный концептуальный доклад, изложенный за 6 с половиной минут. Тем выше ваша слава.

У нас много других встреч, где у нас более мягкий регламент и больше возможностей для обсуждения.

Я рад предоставить слово Наталье Геннадьевне Яковлевой, она завершает нашу третью сессию, наш семинар, впереди будет только заключительное слово Сергея Дмитриевича Бодрунова. Наталья Геннадьевна Яковлева, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Вите, Института экономики РАН, кандидат экономических наук.

Яковлева Наталья Геннадьевна.

Тема доклада: *Проблемы социализации образования в условиях позднего капитализма.*

Есть сферы общественной жизни, которые играют особую роль в социализации общества и экономики и далее продвижению к ноономике. Таковой, на мой взгляд, является сфера образования (единство обучения, воспитания и просвещения).

В своем коротком выступлении остановлюсь лишь тезисно на основных проблемах социализации образования в условиях позднего капитализма.

Сегодня в эпоху технологической и креативной революции, с одной стороны, и экспансии капитала в социальную сферу (здравоохранение, образование, культура) маркетизации этой сферы, с другой, образование оказалась в капкане серьезных противоречий.

Отмечу на мой взгляд главное из них: с одной стороны, образование – это одна из сфер производства, распределения и потребления общественных благ, с другой стороны, образование в условиях неолиберальной модели позднего капитализма – это сфера производства и реализации услуг, причем по преимуществу – коммерческих.

Исследуя глубже данное противоречие приходим к следующим выводам:

Первое. Образование в системе координат современного общественного производства и далее на пути продвижения к ноономике все более будет являться сферой, в которой формируется главный ресурс и потенциал развития экономики и социума – творческий потенциал человека. Отсюда необходимость развития образования согласно принципу «для всех и через всю жизнь».

Второе. В конце XX – начале XXI века развёртывание неолиберальной модели капитализма во многих странах, в частности, в России, привело к десоциализации экономики и общества. Это отразилось в первую очередь на социальной сфере, в частности, образовании, и выразилось в его маркетизации, т.е. подчинении рыночным механизмам, рыночной конъюнктуре, а не общественным интересам. Как следствие этого наблюдаются коммерциализация не только деятельности образовательных организаций, но и образовательной системы в целом, а так же маркетиза-

ция ценностей и мотивов деятельности и поведения основных акторов этой сфере.

Третье. В управлении образованием на всех уровнях наблюдается усиление государственного авторитаризма и менеджеризация, которые в парадоксальном сочетании с маркетизацией усиливают бюрократизм в деятельности образовательных организаций.

Четвертое. Образование в широком смысле этого слова имеет двойственную противоречивую природу, являясь, с одной стороны, продуктом господствующих социально-экономических и других общественных отношений и в тоже время, с другой стороны, важнейшей сферой, оказывающей активное влияние на формирование и развитие специфической системы социальных отношений и способствуя социальному прогрессу или регрессу.

На мой взгляд те тренды, которые мы наблюдаем в сфере образования в мировой практике, и, в частности, в нашей стране, скорее способствуют социальному регрессу, нежели прогрессу. Если мы говорим о движении к новому состоянию общества, к ноономике, то нам необходимо образование, ориентированное на гармоничное развитие человека и в первую очередь его личности, общедоступное и идущее через всю жизнь образование.

И в заключении хочу подчеркнуть, что в идеале система образования, должна способствовать прогрессу общества к новому своему качеству – к системе отношений, где культура и социально-гуманитарные ценности будут доминировать, постепенно снимая узко-экономические, рыночно-капиталистическое потребности и интересы.

Бузгалин А.В. Ну вот, Наталья Геннадьевна завершила свое выступление фактически предложением двигаться в направлении ноономики. И с радостью это провозглашаю, тем более, что ваш тезис о двойственности образования, его двоякой роли (катализатора прогресса и в тоже время возможного тормоза этого прогресса), и о двоякости отношения человека к образованию очень тесно корреспондирует с ключевым посылом сегодняшнего доклада, с которого мы начинали конференцию.

Такой финал оказался очень точно соответствующим замыслу того, ради чего все это начиналось. Я не буду делать никаких содержательных комментариев. Это сделает Сергей Дмитриевич Бодрунов, которому я сейчас с радостью предоставляю

слово. Единственное, попрошу вас, уважаемые коллеги, потом еще полминутки послушать Бузгалина после выступления Сергея Дмитриевича. Я хочу подвести некоторые чисто формальные итоги, сказать о количестве участников, всех поблагодарить, ну, и от себя хотя бы сказать «спасибо».

А сейчас Сергей Дмитриевич Бодрунов. Пожалуйста, Вам слово, Сергей Дмитриевич.

Бодрунов С.Д. Коллеги, мы провели сегодня очень серьезный, большой разговор. Я настаивал на том, чтобы все записавшиеся сегодня, выступили. Больше того, один из записавшихся, Алексей Игоревич Балашов, должен был говорить о государстве и государственном управлении. Но, к сожалению, он сегодня не смог по техническим причинам. Было рассмотрено множество аспектов той проблемы, о которой мы говорим. Если бы мы перенесли это все на две или три сессии в разные дни, думаю, что мы так бы не смогли комплексно эту проблему рассмотреть. Итак, я коротко прокомментирую выступления наших коллег второй и третьей сессий.

Елена Юрьевна Меркулова говорила о проблемах безопасности личности, экономической безопасности и ее связи с безопасностью личности. Ирина Викторовна Новикова, наша коллега из Московской школы экономики МГУ, замечательный специалист, доктор экономических наук, также говорила об очень важных вещах. Ирина Викторовна говорила о развитии человека, стратегировании и развитии человека и экономики.

Обе эти проблемы, которые были обозначены этими уважаемыми докладчиками, упираются в проблему солидарности, если по большому счету разобратся. Этой проблеме, на которую я хочу обратить особое внимание, мы посвятим, еще раз подчеркиваю, один из наших следующих посиделок-семинаров. Эта проблема может звучать так: успех человека как вида, успех homo sapiens как вида, как и био-, и тем более, ноочеловека, стоит на умении сотрудничать. А не на конфликте, не на умении конфликтовать. Не на умении хватать, делить, выделять свое, отделять и т. д., поскольку в конфликте перераспределение происходит с потерями. А в сотрудничестве – синергия. Именно поэтому сотрудничество дает прогресс, а не наоборот. И это тем более важно, когда сегодняшней научно-технический прогресс, те алго-

ритмы, которые используются для его возгонки, дают нам все большие и могущественные возможности. И они, по большому счету, не могут быть нейтральны к человеку. Они обязательно будут направлены на что-то конкретно, в зависимости от того, как их применять. Я об этом много раз говорил, многократно. Сегодня еще раз это подчеркну. Нам с вами, ученым-специалистам, я завершаю наш сегодняшний разговор, хочу сказать, что нам важно понять: обществу, его передовой какой-то части, я думаю, что нас, ученых, можно отнести к этой передовой части, наиболее мыслящей части общества... Нам не получится отсидеться, спрятаться, нам не получится снять с себя моральную ответственность за то, чтобы мы правильно позиционировали наши идеи и решения, которые направлены на развитие общества, на его социализацию в плане движения к ноо.

Почему еще важна солидарность? Сильнее всего от автоматизации пострадают бедные части населения, потому что они не имеют тех средств... Уже сегодня говорилось, нет компьютера – не может дома человек работать в условиях онлайн. А в будущем и вообще иметь доступ к образованию. Об этом коллеги и говорили. Говорил Святослав Вячеславович, говорили другие наши специалисты, выступавшие сегодня. И это будет проблема. Проблема неравенства, развития неравенства, а не решение этой проблемы. Так что нам нужно думать и том, что могут быть целые страны страдающие. Потому что одни страны технологически более подготовлены, более развиты. Другие менее подготовлены к этому развитию. И чем стремительнее такое развитие, тем меньше эти страны будут получать доходов от сотрудничества с крупными, более развитыми экономиками в сегодняшней экономической парадигме.

И вот в этом плане нам нужно думать о социальном страховании тех страт общества, которые сегодня будут выпадать из этого тренда. Я бы даже сказал о социальном страховании на глобальном уровне: на уровне мировых институтов тех стран, тех огромных регионов мировых, которые могут тоже в этом плане страдать. Все больше и больше это неравенство может возрастать, оно никогда не приведет к сотрудничеству и солидарности. Это касательно социума.

Касательно личности, знаете, в хоккее говорят, что там есть ценный игрок. Ценность в том, ценность в этом, наиболее ценный игрок... Все пытаются эту гармонию проверить алгеброй. А я считаю, что добрый сосед, например, хороший преподаватель, который не за деньги, может быть даже, а по призыву души, вкладывает душу в своего ученика, это может быть ценнее, качественно ценнее.

В этом смысле, я полагаю, надо, конечно, думать о том, чтобы дать людям безусловный базовый доход. Думаю, что можно повышать налоги на те структуры, корпоративные или иные, которые получают большой доход от научно-технического прогресса, от той же цифровизации, в частности, и т. д. Кстати, в плане технологическом цифровизация, это, вообще, инструмент выживания, если на то пошло. Потому что цифровизация удешевляет многие процессы. И если правильно, разумно распределять то, о чем я сказал чуть-чуть выше, то это действительно инструмент выживания в условиях, которые нам не только помогают жить и развиваться, но и становятся угрозой при научно-технологическом прогрессе.

Я бы хотел буквально два слова сказать по докладу Натальи Валерьевны Новиковой из Уральского государственного экономического университета. Она привела три варианта определения социализации. Я думаю, что третий вариант определения социализации наиболее близок нашему пониманию. Но мне кажется, что сегодня в нашем обсуждении мы фактически консолидировали, интегрировали все три эти варианта.

И здесь я бы отметил особенно важную связь социализации с техническим развитием. Об этом говорил уважаемый Глеб Андреевич Маслов. И об этом сказал Владимир Александрович Плотников. Это связано с концепцией устойчивого развития, которую продвигает ООН. Это важно, спасибо, уважаемые коллеги, что вы на это обратили внимание.

Владимир Александрович, важно и то, что как указано Вами, социальные факторы выходят на первый план. Это, действительно правильно, и вы задаете логичный вопрос. Не все люди смогут освоить новые знания, и кто им в этом плане может помочь? Конечно, как я сказал, надо им социальное пособие давать, базовый доход, какие-то еще вещи, чтобы люди могли жить. Но

ведь они хотят развиваться. Молодежь хочет получать доступ к знаниям. Так вот, мое убеждение, что мы просто не смотрим внимательно. Но посмотрите, технический прогресс дает нам возможность получать образование во все века все больше и больше, лучше и лучше. И сегодня те технологии, которые могут применяться в рамках развития цифровизации, научно-технического прогресса, в целом, позволят и человеку повысить свои когнитивные способности, получить больший доступ к образованию, к знаниям, к тому способу осознания мира, реальности, которое человеку необходимо, чтобы чувствовать себя по-настоящему полноценным человеком. И это та объективная ситуация, которая разрушит ту самую парадигму экономического общества через научно-технический прогресс. Здесь объективная ситуация, внимательно посмотрите на это, подумайте об этом.

Особо отмечу выступление Елены Анатольевны Ткаченко. Она задала очень важный тренд, она показала, что инновации – это движение в расширение научно-технического прогресса, увеличение его скорости движения и т. д. Это было всегда так, и сейчас это особенно важно. Но она показала и другое. Как шеринг, с одной стороны, развивает и влияет на инновации, на расширение научно-технического прогресса, на это движение. С другой стороны, как шеринг влияет на институт собственности с выходом на абсолютно практический аспект этой проблемы. Она все четко проанализировала, это хорошо видно.

Я бы попросил Елену Анатольевну, у нас будет впереди Санкт-Петербургский экономический конгресс. Я уже говорил об этом, он будет у нас 2-4 декабря, тот мартовский, который мы перенесли. Он будет посвящен, в том числе, проблеме собственности, исчезновения собственности, отказа от собственности, ее аспекту социализации, аспектам, связанным с шеринговой экономикой как одним из инструментов развития институтов собственности. Я попросил бы вас, Елена Анатольевна, сделать серьезный доклад на этом конгрессе, в том ключе, в каком вы сумели это сделать сегодня. И сегодняшней семинар в этом плане – это провозвестник вашего хорошего доклада на СПЭКе, я на это надеюсь.

Несколько слов буквально о третьей сессии. Совершенно разные аспекты, сегодняшнего нашего вопроса рассмотрели наши уважаемый коллеги, я очень благодарен... Я не думаю, что

я обижу кого-нибудь, если скажу, что мне больше всех понравился доклад Александры Завеновны Арабаджян. Но здесь я бы отметил очень важный вопрос, на который я бы хотел обратить ее внимание и внимание некоторых других коллег. Коллеги, я даже в одной из работ, по-моему, написал, что не надо путать социализацию с социализмом. Я понимаю, и думаю, что мы все понимаем, что социализм, социализация – слова одного корня. Но они разные по своему институциональному составу, устройству. Социализация, социализм близки. Но все-таки, это не одно и то же. Я не буду вдаваться в детали, посмотрите внимательно на этот вопрос.

Я не говорю о том, что мы должны сделать социалистическое общество, мы должны построить то общество (оно построится само, если мы переживем нашу флуктуацию, тяжелую бифуркацию, которая нас ждет впереди). Это объективный процесс. И вот в этом плане мы должны, конечно, понимать, что то общество, которое будет, будет социальным, оно будет социализированным. Будет ли оно таким социалистическим, как это было в тех концепциях, которые были в 20 веке, не уверен. Это очень важный момент.

И я бы хотел также сказать в завершении, что все выступления были очень качественные, я благодарен иностранным коллегам, которые приняли участие в нашем семинаре, и сделали его поистине международным. Причем это были очень серьезные, важные выступления. Я бы хотел, уважаемые выступающие, коллеги, кто готовит слайды, учитывать, что у нас семинар международный, предложил бы на будущее, просто небольшое замечание, делать двуязычные слайды и покрупнее, учитывая, что у нас онлайн-ситуация. Не у всех, в том числе, у докладчиков зрение не особенно хорошее, очень сложно рассмотреть мелкие детали, особенно, если на двух языках. Далее, я бы хотел попросить вас, учитывая, что семинар очень насыщенный и серьезный получился, подготовить более широкие доклады (я думаю, что у многих они есть в письменном виде), чем те, что были представлены в тезисном варианте сегодня. Доработать доклады, если есть возможность, где это необходимо. И передать нам оперативно для публикации. Я бы хотел в очередном номере нашего журнала «Экономическое возрождение России» сделать специальный раз-

дел, чтобы опубликовать как научные статьи доклады большинства наших уважаемых участников. Я, как редактор журнала, могу сказать, что вы это заслужили, это достойные доклады. И поэтому думаю, что это будет хорошо.

И наконец, мы будем публиковать полностью все доклады, вплоть до стенограммы, в книге, которая называется «Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика». Вышло уже 5 томов этой книги, в шестом томе будут все доклады опубликованы однозначно.

Александр Владимирович, передаю вам слово для того, чтобы вы сказали спасибо всем, кому я хочу сказать, я здесь пометил, кому. Но, думаю, что вы скажете лучше.

Спасибо.

Бузгалин А.В. Лучше я не скажу. Но мне просто тоже хочется поблагодарить всех организаторов этого семинара.

Сначала все-таки я хотел бы сказать огромное спасибо докладчикам, подчеркнуть, что у нас была представлена и Северная, и Южная Америка, и Западная Европа и многие регионы нашей страны. Это не просто формально, это содержательно важно. Важно то, что у нас были представлены самые разные возраста: от начинающих ученых, которые еще не успели защитить диссертацию до маститых профессоров, членов-корреспондентов, и представителей поколения, которое, наверное, делает честь и славу не просто российской, но и советской, и мировой науке. Это тоже не формальность.

Я, прежде всего, хотел сказать огромное спасибо Сергею Дмитриевичу, поскольку его инициирование темы «Социализация как путь к ноономике» породило этот импульс. Он будет идти дальше и продолжится в дискуссии о солидарности. Эти темы принципиально важны, и одна продолжает другую.

Ну а сейчас все-таки организационные благодарности. Этот семинар готовила команда московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте во главе с Натальей Геннадьевной Яковлевой, которая руководит всей нашей организационной работой.

Замечательно поработала по поддержке иностранных участников Александра Арабаджян. Глеб Маслов, как всегда, работал с программой. Ольга Лемешонок и Ольга Барашкова

собирали нас всех вместе, и это было не так просто, учитывая, что нас было очень много. Салават Исламбулов – это тот, кто обеспечил нам работу в Интернете плюс несколько каналов для перевода трансляции на сайте ИНИР и на Youtube. Ну и огромное спасибо нашим переводчикам. Я просил бы всех тех, кто включил видео, поплодировать нашим переводчикам, нашей технической команде.

Огромнейшее спасибо всем, уважаемые коллеги. Наш семинар обязательно продолжит работу. А 2 декабря мы откроем Санкт-Петербургский экономический конгресс, совмещенный с нашим традиционным конгрессом, посвященному возрождению производства, науки и образования. И это будет большое мероприятие на сотни, а может быть и более участников.

Некоторая статистика. Нас смотрело более 100 человек, в разные периоды от 120 до 150, и даже до конца нас досмотрело более полусотни, что, вообще говоря, абсолютный рекорд для пятичасового непрерывного интернет-дебатирования сложнейших проблем фактически без перерыва. Это просто феноменальный подвиг и научный результат. Даже чисто формально, не говоря уже о содержании.

Огромное спасибо всем, до свидания, мы заканчиваем наш семинар.

Часть 2.

НИО.2: что сегодня

С.Д. Бодрунов

**Вступительное слово на
Московском академическом экономическом форуме – 2020
(14 мая 2020 года)¹**

Добрый день, уважаемые коллеги!

Позвольте выразить свою признательность Президенту Российской академии наук, академику Александру Михайловичу Сергееву, поддержавшему инициативу проведения Московского академического экономического форума в особом формате, выдвинутую сообществом экономистов, а также поблагодарить всех, кто нашел в это непростое время возможность высказать свои соображения по теме Форума.

Тема Форума предложена его Программным комитетом не случайно.

Мир, как мы уже неоднократно констатировали задолго до пришедшей в этом году пандемии коронавируса, сейчас претерпевает глубокие, глобальные изменения. Современная рыночная модель экономики демонстрирует все признаки своего исчерпания и требует глубокой трансформации, а то и полной смены парадигмы развития. Как отмечает нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц в интервью, опубликованном в журнале Вольного экономического общества «Вольная экономика», вышедшем специально к нашему Форуму, эта форма (цитирую) «приводит к весьма неприятным явлениям – вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится».

И действительно, в течение последних десятилетий мы наблюдаем сильнейшую за всю новейшую историю поляризацию доходов, причем не только между богатым мизерным процентом населения и все более увеличивающимся в размерах и глубине нищеты основным населением, но и между странами, и этот разрыв постоянно увеличивается. При этом ускоренные темпы роста экономики, успехи технологического развития и т.п. далеко не

¹ Опубликовано в журнале «Научные труды Вольного экономического общества России». – 2020. – Т. №3 (223). – С. 32–33.

пропорционально трансформируются в повышение жизненного уровня людей, а глобально, более того, влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов этого роста. Это, безусловно, связано с базовым свойством рыночной экономики, присущим ей в принципе, поскольку доходы богатой части населения могут быть увеличены только за счет основной страты потребителей, которая платит за общественный продукт и которой платить всё более нечем. Это – базовое противоречие такой модели удовлетворения общественных потребностей, которое основано на максимизации прибыли как главном результате деятельности; оно неизбежно приводит эту модель в состояние, чреватое всё большим напряжением и усилением негативных явлений в мире.

Нынешний кризис мировой экономики, триггером, спусковым крючком и акселератором которого стала пандемия, высвечивает эти противоречия более ярко. Но – не только высвечивает. Он ускоряет многие процессы и тенденции и в экономическом развитии, и в нашем осмыслении путей разрешения не только текущих проблем, но и способов трансформации нынешней модели жизни людей, устройства общества. Специфика пандемии, требующая новых моделей поведения (удаленно-дистанционное общение и онлайн-образование, усиление тенденций внедрения робототехники и безлюдных технологий в индустрии, солидарность и более социально ответственное поведение как в сфере производства общественного продукта, так и в обычной жизни, в быту, и многое-многое другое) – эта специфика не только отразится на будущей нашей жизни, но и подтолкнет многие процессы: продвигающие нас в общественном бытии – к новому типу, новой генерации индустриального общества, а в сфере общественного производства и удовлетворения реальных потребностей людей – к трансформации нынешней экономической парадигмы развития к нооэкономике, предполагающей более социализированный тип производства и распределения общественных благ. Тот же Стиглиц отмечает все более острую необходимость и «желание найти лучший подход к управлению структурой экономики».

Еще до начала нынешней пандемии на экономическом форуме в Давосе эти вопросы поднимались ведущими экономистами мира. Идет поиск индикаторов обновления нынешней экономической парадигмы развития, сопровождаемый констатацией

неадекватности принятых ныне показателей экономического развития (к примеру, ВВП) и необходимости принятия индексов, лучше отражающих реальное удовлетворение реальных потребностей людей – более равного доступа к образованию и сохранению здоровья, более справедливого распределения доходов, достойного уровня социальной защищенности. Именно такие показатели, а не простой рост валового продукта, всё больше определяют зрелость общества, его продвижение по пути общественно-го и социального прогресса.

Все эти вопросы актуальны и для нас, нашего, российского общества и нашей экономики. Именно на это обратил внимание в своем недавнем обращении к гражданам страны Президент России, подчеркнув важность усиления нашего движения к достижению национальных целей развития, предполагающих повышение уровня социального развития, социальной справедливости.

Каким будет мир после пандемии? Какова будет новая реальность, и будет ли она? Какие тенденции мы будем наблюдать? Каковы будут роль и место России в этих процессах в постпандемическом мире?

Об этом мы поговорим сегодня, на нашей онлайн-сессии МАЭФ, а также в рамках последующей двухнедельной заочной сессии Форума. Как сопредседатель Форума, уверен, что Вы, уважаемые коллеги, дадите развернутый и конструктивный анализ нынешней ситуации в мире и в России и представите свои идеи и прогнозы дальнейшего развития мировой и отечественной экономики.

С.Д. Бодрунов

**Инновации и технологии как базовый
ресурс прорывного развития¹**

**Доклад на II Уральском экономическом форуме
«Урал – драйвер неиндустриального и инновационного
развития России»**

(Екатеринбург, 21-22 октября 2020 г.)

Тема Форума – предельно актуальная. Мир беспрестанно меняется. Порой эволюционно, в течение лет и даже десятилетий, как это происходит в случае, например, смены технологических укладов. Порой же эти изменения неожиданны и очень скоротечны, особенно если их наступление провоцируется какими-то факторами, особыми драйверами. Иногда такие драйверы просто резко ускоряют, выявляют, делают очевидными те процессы, которые зрели подспудно, но наступили бы позже. Нынешний 2020 г. дает нам именно такой пример радикальных и очень быстрых изменений, триггером которых стала пандемия Covid-19. И при этом возрастает неопределенность, хаотизация нашей жизни; такие быстрые и для многих неожиданные флюктуации развития вызывают порой шок и ощущение обреченности перед лицом возникающих вызовов.

Безусловно, всем нам хотелось бы большей определенности и уверенности в будущем. Практика нашей жизни в условиях ряда недавних кризисов показала, что система краткосрочного (годового) бюджетирования, отсутствие четких «длинных» планов развития, нескоординированность программ развития различных сфер экономики и развития территорий, отсутствие действенных механизмов координации задач и институтов управления – иначе говоря, сложные проблемы, доставшиеся нам в наследство со времен развала страны, ставят под угрозу не только наше социально-

¹ Опубликовано в сборнике материалов II Уральского экономического форума «Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России». – 2020. – С. 7–22

экономическое развитие, но и даже национальную безопасность государства. И чтобы в условиях стремительно ускоряющихся изменений в мире, особенно в сфере НТП, наше развитие не было спонтанным и непредсказуемым, необходимо продуманное, скоординированное управление социально-экономическими процессами на базе строгих научно обоснованных подходов.

Такого рода система стратегического управления в последние годы в России строится. Методологической ее основой стал принятый в 2014 г. закон о стратегическом планировании. Но практика применения этого закона и реализации заложенных в нем идей оказалась гораздо более богатой и многообразной, чем изначально задумывалось. Новый импульс к развитию она получила с 2018 г., после очередных президентских выборов.

Напомним, что в основу стратегического управления развитием Российской Федерации были положены три приоритета: человеческий капитал, комфортная среда для жизни, экономический рост, которые обобщают цели национального развития, сформулированные лидером государства (рис. 1).

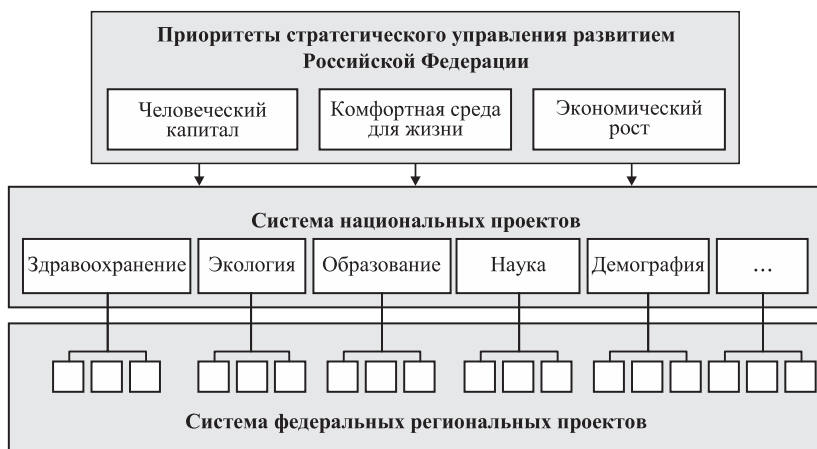

Рис. 1. Приоритеты стратегического управления развитием Российской Федерации

В рамках этих направлений сформирована система национальных проектов, в каждом из которых имеется набор четко сформулированных и количественно измеримых целевых показателей. Наконец, национальные проекты детализируются в федеральных проектах, каждый из которых, с одной стороны, имеет достаточно узкую направленность, что делает его «обозримым» и повышает степень управляемости, а с другой стороны, все федеральные проекты тесно связаны между собой – как по целям и задачам, так и по срокам и ресурсам.

Система эта сложная, на ее создание и наладку ушло практически полтора года. В 2020 г. она должна была заработать на полную мощность, и уже в начале года были сделаны первые вполне понятные и важные шаги.

Однако пандемия внесла изменения в экономическую ситуацию. Изменения радикальные. Причем затронули они не только нас, но и весь мир, в том числе страны – экономические лидеры (рис. 2, 3).

На рис. 2 и 3 приведены последние официальные данные о динамике ВВП и промышленного производства ведущих стран мира, подготовленные Аналитическим центром при Правительстве РФ. На них четко прослеживается глубина падения экономики, вызванная пандемией Covid-19. Лишь китайская экономика показывает оптимистическую динамику. Кстати, и Россия на фоне ситуации в развитых странах Запада выглядит сравнительно неплохо.

Естественно, в этих условиях национальные проекты реформируются. Очевидно, что это – вынужденный и необходимый шаг. Составленные до пандемии прогнозы, стратегии и планы подлежат пересмотру с учетом складывающейся социально-экономической ситуации.

На чем же следует сделать акцент при этом пересмотре?

В сентябре Вольное экономическое общество России с привлечением ряда институтов РАН и руководителей профильных комитетов обеих палат парламента провело подробный разбор ситуации с нацпроектами в свете вскрытых и вызванных пандемией проблем и направило в Правительство и экономические ведомства свои предложения, а также выпущенный для этой цели сборник аналитических материалов и практических рекомендаций по корректировке национальных проектов под несколько провокативным названием «Что делать?». Мы уверены, что эти рекомендации сыграют свою роль в

многообразном процессе проектирования экономики в рамках внешней системы принятия и реализации государственных решений.

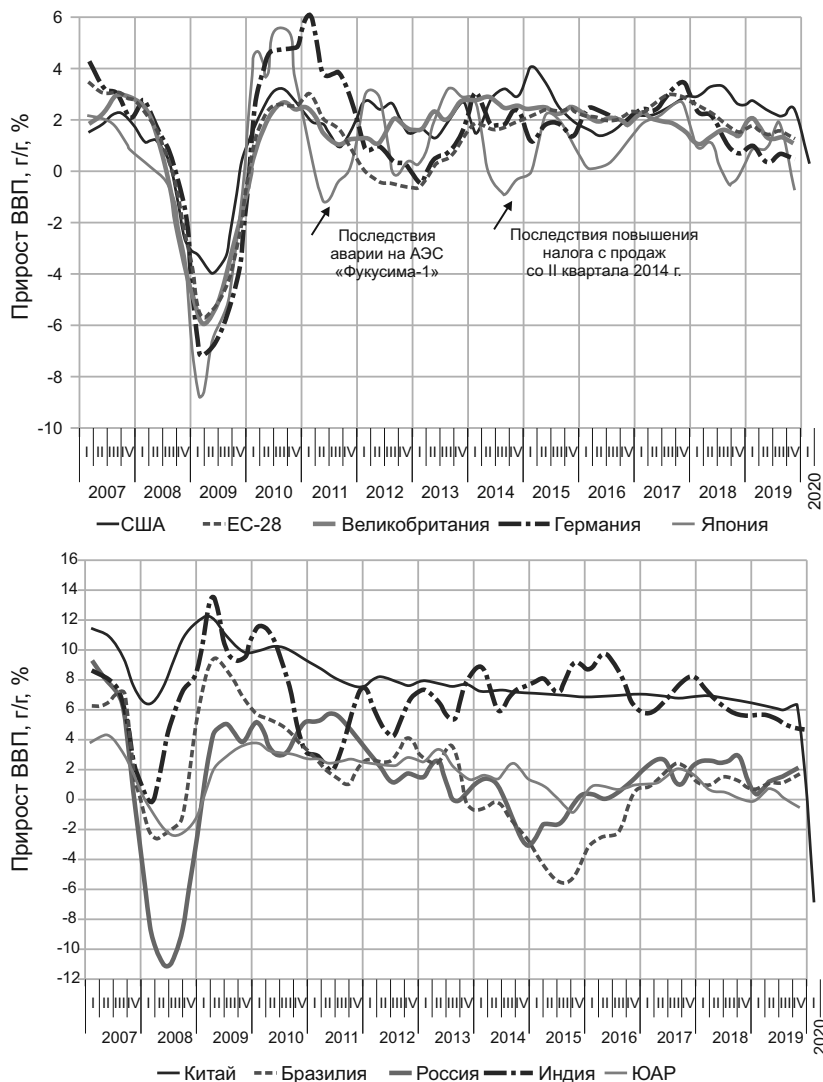

Рис. 2. Поквартальная динамика ВВП некоторых стран мира

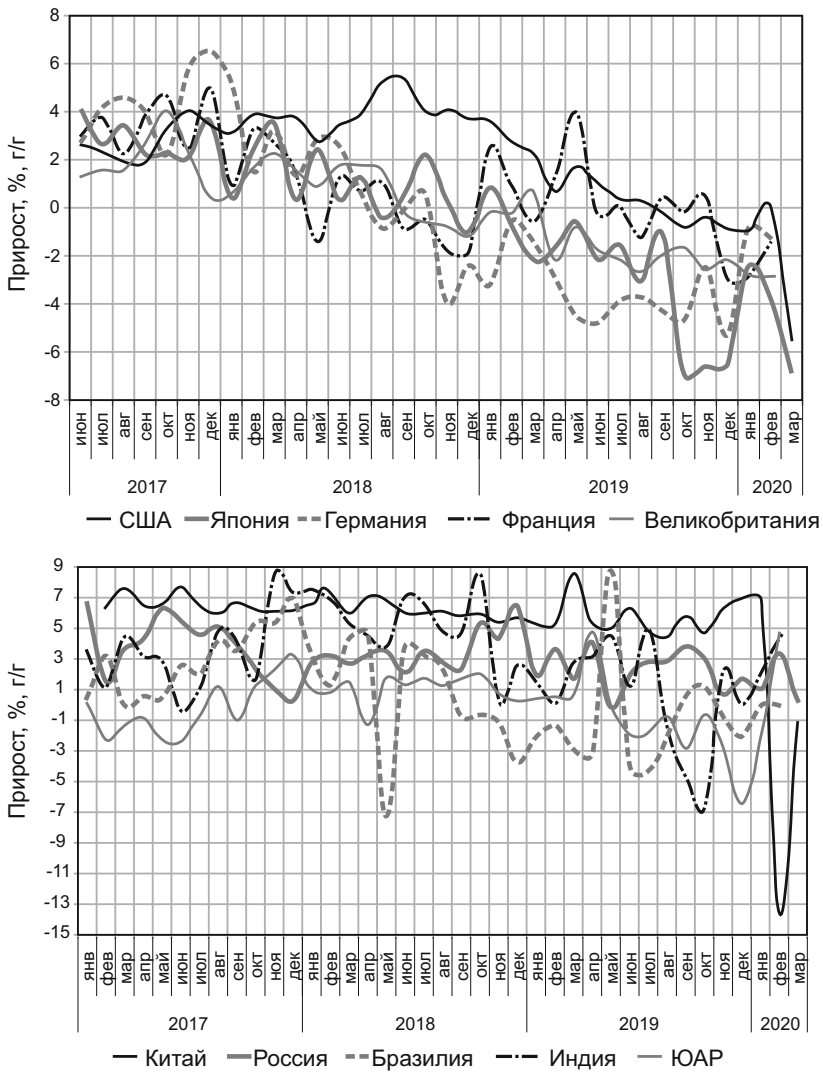

Рис. 3. Поквартальная динамика промышленного производства некоторых стран мира

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Заметим, что в любой стратегии выделяются два контура действий: первый определен стратегическими целями развития, второй – ситуативными реакциями на изменение обстановки. При всей значимости изменений, вызванных пандемией, следует признать, что это событие хотя и глобального по охвату, но все же ситуативного масштаба. При осуществлении стратегического развития России следует учитывать в первую очередь глобальные тренды и общественный запрос на рост качества жизни людей, репозиционирование нашей страны в мировом политическом, экономическом и социальном пространстве. Наше национальное развитие должно соответствовать основным трендам развития мировой экономики.

Но здесь не все просто. Дело в том, что мировая экономическая модель, в которой до последнего времени главными элементами были глобализация с упором на главенствующую роль транснациональных корпораций и финанализация, сопровождаемая усилением роли финансового капитала и подавлением реального сектора экономики, деиндустриализацией, себя исчерпала.

В концепциях нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики, развиваемых Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, о которых я опубликовал множество книг и статей, а также докладывал и вам на прошлогоднем Форуме, это четко показано.

Эти концепции базируются на ряде ключевых тезисов, которые не только имеют серьезное теоретическое обоснование, но и подтверждаются на практике, что мы неоднократно демонстрировали в нашем анализе на многих международных научных конференциях. Назовем главные из этих тезисов.

1. Материальное производство лежит в основе удовлетворения человеческих потребностей и жизни человеческого общества, как следствие, изменения в материальном производстве определяют развитие общества.

2. Отличительной чертой новой технологической революции, экономики и общества будущего становится резкий скачок в применении новых знаний. Доля знаниеемких затрат возрастает, а доля затрат материальных ресурсов относительно сокращается.

3. Знание становится основным производственным ресурсом. Новоиндустриальный способ производства характеризуется высокой знаниеинтенсивностью.

4. С изменением технологической основы производства меняются и все его компоненты: материалы, технологии, характер труда, организация производства, а также его продукт (новоиндустриальное знаниеинтенсивное производство создает знаниеемкий продукт).

5. Возникают перемены в экономических отношениях, в том числе в характере отношений собственности, присущих новому поколению индустриального общества, и, следовательно, во всем общественном устройстве.

6. Изменение системы отношений собственности влечет за собой изменение всей системы экономических отношений. Рыночная стихия замещается целенаправленным регулированием. Возникает устойчивый тренд на удовлетворение разумных потребностей и сокращение симулятивных потребностей.

7. Трансформируются стимулы хозяйственной деятельности, возрастает роль творческих и культурных стимулов и ценностей вместо нынешнего базового стимула – получения прибыли любой ценой. Парадигма экономической рациональности будет замещена парадигмой разумности на ноокритериальной базе человеческой культуры. Еще Аристотель утверждал, что в хрематике, т. е. в стремлении к прибыли ради прибыли, нет разумного начала. Разумность есть лишь в удовлетворении несимулятивных потребностей.

8. Произойдет переход к этапу разумного ведения хозяйства и развития человека, т. е. нооэтапу. Место экономики займет ноономика.

Вообще говоря, мы не одиноки в оценке сложившейся в мире ситуации, о которой ИНИР говорит многие годы. Так, сложившаяся экспансионистская парадигма развития противоречит целям устойчивого развития, принятым недавно ООН (снижение неравенства, бедности, сохранение экосистем, борьба с изменениями климата и т. д.) (рис. 4), а кроме того, ведет человечество в тупик, что мы не раз доказывали.

Решение этих проблем вкупе с другими (экологическими, техногенными, климатическими) чревато угрозой, не стоит

бояться это сказать, гибелью человека в его сегодняшнем качестве. Об этом в своей недавней октябрьской Энциклике заявил уже даже Папа Римский: «Существует ряд проблем современной эпохи, требующих решения... Это, в частности, манипуляция и деформация понятий демократии, свободы и справедливости; эгоизм и безразличие к общему благу; преобладание логики рынка, основанной на прибыли... безработица, расизм, нищета, неравноправие <...> Естественное право на частную собственность, таким образом, отходит на второй план по сравнению с универсальным предназначением сотворенных благ»².

Рис. 4. Цели ООН в области устойчивого развития

Необходим выход из этой ситуации, недопущение кризиса, смена целей и глобальной модели развития цивилизации, солидарность мирового сообщества в поддержке тех намечающихся в мировом эволюционном развитии позитивных изменений, которые могут предотвратить катастрофу и обеспечить будущее бесконфликтное существование и развитие человека.

И такие позитивные изменения, их ростки – пробиваются. Важно их уловить и осознать, а также, что называется, «оседлать». Нам надо укреплять нашу экономику, возвышать возможности социализации нашего общества, выходить на самый передовой уровень НТП и на приемлемый уровень решения социальных проблем.

² Энциклика Fratelli tutti от 3 октября 2020 г.

Поэтому в обновленной стратегии нашего развития, развития нашей страны следует учесть новые тренды развития мировой экономики, опереться на них. Кстати, о стратегии развития страны на базе идей и целевых установок концепций НИО.2 и ноономики мы с иностранным членом РАН, академиком В.Л. Квинтом в ближайшее время выпустим совместную книгу, где раскроем подходы к формированию такой стратегии, учитывающей эти самые вектора общецивилизационного развития.

В чем же они состоят?

Их, безусловно, много. Назовем некоторые наиболее важные в ближайшей перспективе:

а) формирующийся тренд переноса глобального центра экономического развития из традиционных центров (США, Европа) в Азиатско-Тихоокеанский регион. Несомненно, что будущий экономический лидер мира – Китай. И эту перестановку надо обязательно учитывать;

б) перенос акцента в мировой экономике с транснациональных корпораций, которые действуют по принципу «насоса», перекачивающего ресурсы и прибыль в страны, где зарегистрированы их головные офисы, на формирование сетевых транснациональных структур, опирающихся на взаимовыгодное вовлечение в свою деятельность национальных акторов экономик всех стран присутствия;

в) усиление роли научно-технологического прогресса и переход в ресурсном обеспечении экономики от доминирования роли материальных ресурсов к приоритету знания (научного, в частности) как основного экономического ресурса следующего периода развития мировой экономики и цивилизационного развития в целом.

Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, который я возглавляю, обозначил этот следующий формат развития и существования общества как **НИО.2 – новое индустриальное общество второго поколения**.

Следует отметить, что тренд на переход к НИО.2 сформировался достаточно давно. Но он проявлялся менее отчетливо, чем сегодня, что затрудняло его выделение. Кроме того, «затушевывало» этот тренд то обстоятельство, что в переломные моменты хозяйственной истории всегда трансформируется структура экономики. Так, недостаток, а не снижение роли индустриального компонента экономики наблюдался на протяжении всей исто-

рии экономического общества в периоды ускоренного индустриального развития, которые назывались индустриальными (или научно-техническими) революциями.

Периоды стабилизации технологического развития после очередной революции являлись периодами формирования и существенного доминирования очередных технологических укладов. В этом деле важнейшую роль всегда играли инновации.

Каждый такой уклад (рис. 5) в качестве базового экономического ресурса имел определенный тип ресурсов. Так, если для первого уклада, на котором произошла механизация фабричного производства, это была энергия воды, то для второго – уже энергия пара и т. д. С каждым новым технологическим укладом производительные силы за счет очередной «порции» инноваций, очередного технологического рывка все более развивались.

Каждый технологический уклад, перестраивая структуру экономики, влиял на развитие экономических и иных отношений в обществе, формируя и новый тип общественного устройства. Особенно заметным стало такое влияние в наиболее развитых экономиках к середине и началу второй половины XX века.

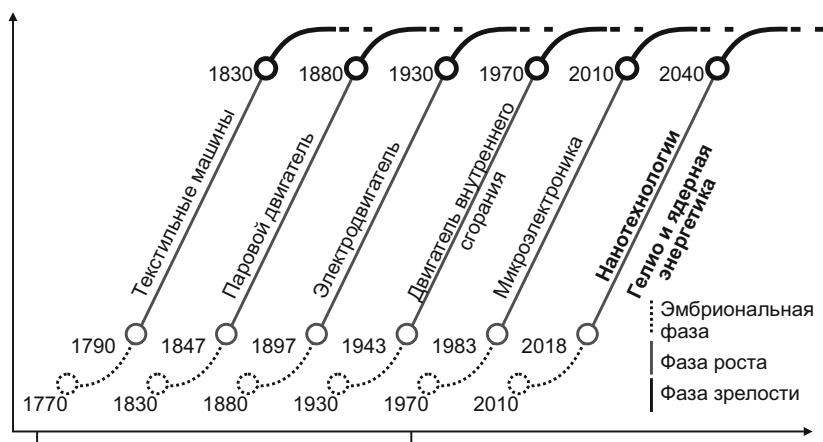

Рис. 5. Общая схема смены технологических укладов

В этот период технологический прогресс, индустриальные экономические акторы стали настолько влиятельными, что начали заметно влиять на процессы развития этих стран. Развития не только чисто экономического, но и политического, социального, культурного и т. д. Отмечу, что уже ко второй половине XX века в наиболее продвинутых в технологическом и, соответственно, социально-хозяйственном отношении экономиках мира сформировался такой тип общества, которое известнейший американский ученый Дж.К. Гэлбрейт назвал новым индустриальным обществом.

Отметим важное обстоятельство. С появлением новых индустриальных технологий и их развитием традиционные производственные структуры стали занимать в экономике меньшее место (по объему выпуска своего продукта, количеству занятых и другим показателям) по сравнению с сервисным сектором, с услугами. На основе этих видимых, наблюдаемых явлений ряд экономистов (Д. Белл и др.) выдвинули теорию так называемого постиндустриального общества. Они заявили, что человечество меняет траекторию своего экономического развития; в качестве базового был назван тренд на снижение роли индустриализации, промышленности в экономике.

Здесь мы наблюдаем то, что не раз происходило в истории. Ситуацию, когда видимая сторона процесса и его глубинная сущность серьезно, порой диаметрально, различаются. И постиндустриалисты попали в эту ловушку. Наблюдая за количественным снижением доли промышленности, вторичного сектора в целом в валовом продукте, они сделали ошибочный вывод о том, что в будущем, если пролонгировать этот тренд, промышленность может и вовсе исчезнуть или же «съежиться» так, что более не будет играть важной роли в экономике. И вот-вот как бы наступит чудесная постиндустриальная эпоха.

Однако они ошибались. Наши исследования, исследования Института нового индустриального развития показали, что формирующиеся тренды количественного снижения доли традиционной индустриальной продукции в ВВП в условиях перехода к новому, перспективному технологическому укладу, с учетом его принципиальных особенностей, вовсе не означают снижение роли и значимости индустриального сектора, а сигнализируют о

его качественных изменениях и, напротив, о повышении на этой основе его роли в экономике.

Диалектическая логика, общая теория систем учат нас, что количественные и качественные характеристики в сложных системах далеко не всегда связаны линейными зависимостями, а в переломные моменты развития, в точках бифуркации эта нелинейность может приводить к скачкообразным изменениям. То же произошло и с индустриальным сектором: за счет внедрения новых сверхвысококопентрационных технологий он качественно трансформировался, а ориентированные на старые парадигмы инструменты статистического наблюдения оказались неприспособленными к этим изменениям, в результате чего и возник «мираж» постиндустриализма.

В чем базовая особенность нынешней ситуации? Сегодня в рамках начавшейся новой индустриальной революции происходит переход к очередному технологическому укладу, основным ресурсом которого, как мы показали, становятся знания, доля которых в финальном продукте становится превалирующей над материальным компонентом, а с учетом роста доли знания как ресурса в финальном продукте происходит не снижение, а повышение доли и роли такого продукта в новой экономике следующего периода. Мы назвали такой продукт знаниеемким, а его производство – знаниеинтенсивным.

И это производство по-прежнему носит сугубо индустриальный характер, в нем лишь трансформировался состав ресурсов, соответственно с этим трансформировался и финальный продукт современной индустрии.

Но что из этого вытекает? Как меняет наш мир?

Мы знаем, что изменение структуры общественного производства неизбежно влечет за собой изменение структуры экономических отношений. Возрастает еще больше в новых условиях роль инновационных решений, значение инновационных акторов производства, инновационных предприятий, экономических регионов, ориентированных на интенсивное инновационное развитие. Такие регионы в мировой и национальных экономиках становятся драйверами экономического, социального, культурного и общественного развития. Это – «полюса роста», как назвал их французский экономист Франсуа Перру.

Заметим, что эти полюса не возникают сами по себе, они формируются и «вызревают» в течение довольно длительного времени. Как правило, наиболее передовые инновационные технологии возрастают на базе тех экономических структур, которые имеют значительный накопленный технологический капитал, серьезный инновационный потенциал, традиции инновационного ускоренного технологического развития, развитую инновационную культуру.

Надо ли это учитывать при реформатировании наших подходов к развитию страны и, в частности, национальных проектов?

Ясно, что мы не можем пройти мимо этих трендов. Июльским указом Президента России № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» для нашей страны обозначены следующие приоритетные стратегические национальные цели (рис. 6):

- сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов;
- комфортная и безопасная среда для жизни;
- достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- цифровая трансформация.

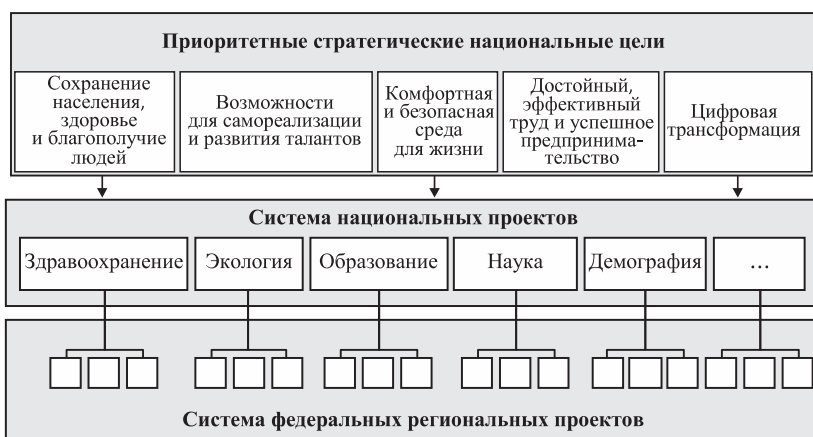

Рис. 6. Приоритетные стратегические национальные цели

Очевидно при этом, что эти цели, с одной стороны, тесно связаны, а с другой – требуют материальной основы для своего достижения. Они могут быть достигнуты только путем интенсификации инновационно-технологического развития, учитывающего тренды развития мировой экономики и цивилизации в целом.

Свою книгу 2015 г. по этой проблеме я назвал «Грядущее. Новое индустриальное общество второго поколения: перезагрузка». Так я назвал ее в пику Д. Беллу, книга которого называлась, если помните, «Грядущее постиндустриальное общество». Я писал в тот момент, что мы стоим на пороге перехода к НИО.2. А сейчас можно констатировать, что это уже не грядущее даже, а наступающее НИО.2.

Экономические лидеры будущих десятилетий – лидеры технологические, инновационно продвинутые в базовых направлениях наиболее передовых технологий.

В связи с этим в своем экономическом развитии Россия должна опираться на те макрорегионы, которые концентрируют сегодня в себе все те аспекты, которые мы упомянули выше.

Недавно вышла в свет монография Якова Петровича Силина, Евгения Георгиевича Анимицы, Натальи Валерьевны Новиковой «Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации» (коллеги доверили мне редактирование этой важной книги, за что я им весьма признателен).

В книге наглядно показано, что Уральский макрорегион, как продемонстрировала практика последних по времени десятилетий и столетние традиции местного промышленного производства, является не просто одним из лидеров инновационного развития России, но – драйвером такого развития, несомненным полюсом роста не только национального, но и международного масштаба.

Таблица 1

Индекс промышленного производства в регионах Уральского федерального округа, % к соответствующему периоду предыдущего года

Регион	Год	Январь											
		Январь – февраль	Январь – март	Январь – апрель	Январь – май	Январь – июнь	Январь – июль	Январь – август	Январь – сентябрь	Январь – октябрь	Январь – ноябрь	Январь – декабрь	
Курганская область	2019	101,2	97,8	97,3	97,6	104,3	104,0	104,2	102,8	104,5	106,3	105,8	105,3
	2020	105,8	104,3	104,5	103,5	100,8	97,4	96,8	96,6	93,0	94,4		
Свердловская область	2019	96,8	100,2	101,7	101,2	102,0	102,0	102,2	101,3	101,0	100,2	100,1	101,7
	2020	101,8	108,6	105,1	106,5	104,3	103,8	102,5	100,8	100,6	101,2		
Тюменская область	2019	105,4	104,7	106,2	108,0	107,6	107,1	107,4	107,2	106,7	106,1	106,0	106,0
	2020	103,2	104,8	103,6	103,2	100,8	98,6	97,7	97,3	97,2	97,2		
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	2019	100,4	100,0	100,1	100,8	101,1	100,7	100,5	100,9	100,8	100,5	100,5	100,5
	2020	100,5	102,3	101,5	101,2	97,7	95,1	94,1	93,2	92,6	92,3		
Ямало-Ненецкий автономный округ	2019	117,0	118,0	120,5	125,1	122,9	122,5	122,4	121,1	119,3	117,6	116,8	116,1
	2020	101,2	102,6	100,7	100,2	98,9	97,1	96,1	96,8	97,3	98,2		
Челябинская область	2019	94,7	94,8	95,9	97,6	98,3	98,7	100,4	101,0	101,8	102,4	102,4	102,0
	2020	99,5	99,7	98,9	97,4	96,5	96,9	97,2	96,0	96,9	97,5		

Как видно из табл. 1, даже в современных «ковидных» реалиях уральская промышленность не допустила существенного снижения объемов производства, а в Свердловской области выпуск даже возрос! Если кому-то эти показатели покажутся не очень хорошими, приведу для сравнения некоторые цифры дополнительно (рис. 7). В июле 2020 г. (год к году) в США темп падения промышленного производства составил 8,2 %, в Японии – 15,3 % (а в июне и вовсе было падение на 21,0 %). В России же промышленный выпуск в июле 2020 г. сократился на 8,0 % (год к году).

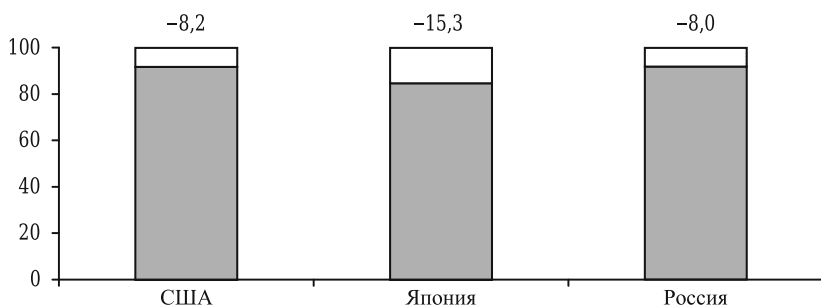

Рис. 7. Темп падения промышленного производства в июле 2020 г. (к июлю 2019 г.)

На этом фоне Урал демонстрирует просто феноменальные результаты. Да и в прошлые годы Уральский макрорегион отличался хорошей динамикой (табл. 2).

Уральский макрорегион – настоящий феномен. В связи с этим анализ сегодняшних тенденций инновационного, технологического развития Урала – одна из важнейших задач научного поиска и, более конкретно, нашего сегодняшнего Форума.

Таблица 2

Индекс физического объема ВРП (в постоянных ценах),
% к предыдущему году

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	104,6	105,4	103,1	101,8	101,3	99,4	100,8	101,8
Уральский федеральный округ	106,8	104,6	101,5	102,5	99,0	98,8	100,3	103,0
Курганская область	97,5	106,8	96,0	102,8	97,1	97,4	101,8	101,4
Свердловская область	111,4	108,9	107,1	102,0	100,1	97,3	101,9	102,0
Тюменская область:	106,0	103,1	99,8	102,4	98,1	99,2	100,5	103,5
– Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	103,0	100,9	98,1	100,0	98,7	98,2	97,6	100,1
– Ямало-Ненецкий автономный округ	110,1	102,7	102,2	103,9	105,7	98,1	105,6	107,8
Тюменская область без автономных округов			102,1	108,9	83,5	105,3	100,6	105,4
Челябинская область	106,0	105,3	102,4	101,5	102,8	99,5	96,9	102,1

Результатом этого научного поиска должно быть выявление особенностей и успешного развития уральской промышленности и перспективных путей развития всей России, достижения нами стратегических национальных целей.

Позвольте пожелать Форуму успехов в исследовании и коллективном обсуждении этих важнейших процессов, выработке практических рекомендаций, направленных на преодоление кризиса и ускорение роста, инновационно-технологическое развитие, повышение качества и уровня жизни людей.

С.Д. Бодрунов

СОЦИАЛИЗАЦИЯ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К НООНОМИКЕ¹

Введение

Проблема перехода к новому устройству общества и трансформации экономики в ноономику является одной из актуальных проблем современного комплексного социального знания. От способов ее решения во многом зависит дальнейшая траектория развития человечества. Именно поэтому исследования в данной области являются одним из главных приоритетов, что нашло отражение в ряде наших работ [1–5 и др.].

Проблемы генезиса ноономики разноплановы и имеют различные аспекты. Целью данной статьи является теоретический анализ процесса социализации, объективное течение которого создает предпосылки для генезиса в направлении «ноо».

Социализация общества и генезис ноономики: постановка проблемы

Социализация является сложным феноменом [6, 8, 9]. Обычно под ней понимают развитие, самоизменение человека в процессе усвоения, воспроизводства общественных норм и правил поведения, культуры – в самом широком смысле. Это развитие и самоизменение происходят постоянно, непрерывно. Однако есть еще одна грань этого процесса: социализация может трактоваться как процесс внесения человеком, индивидом личного вклада в развитие культуры и общественных норм. Есть и третья грань. Происходит рассматриваемое явление во взаимодействии с внешними условиями жизни, в отрыве от которых его нельзя рассматривать. Наконец, четвертое: указанное взаимодействие происходит как со стихийными, так и с целенаправленно создаваемыми условиями жизни.

В контексте социализации важно подчеркнуть двоякость бытия человека. С одной стороны, он есть продукт этого процесса, ибо

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2020. – № 4 (66). – С. 5–12.

именно благодаря социализации происходит формирование личности, приобретение человеком человеческих (ноо-) качеств, превращение его из био(зоо)-существа в человека, социальное существо, личность. Без социализации личность не формируется; для подтверждения этого вывода достаточно вспомнить примеры «людей-Маугли».

Более того, с развитием общества человек растет как «ноо». Зафиксируем этот вывод.

С другой стороны, как отмечал К. Маркс, человек – это не только продукт, но и творец общественных отношений, творец истории, а социум в этом случае есть продукт совместного творчества (со-творчества) индивидов.

Кроме того, термин «социализация» может использоваться для обозначения фиксированного состояния человека (говорят: «человек социализирован», если он готов жить при текущем состоянии социума, уровне общей культуры и нормах поведения в обществе), и в этом случае мы говорим об уровне социализации, достигнутом человеком в конкретный момент.

Расширим понятие социализации и подойдем к нему с другой стороны. Мы можем сказать, что «социализация общества» [термин наш – *прим. автора*] как состояние – это достигнутый на данный момент уровень социальной организации общества, культуры, норм и т. п., принятый большинством индивидов. Понятно, что этот уровень меняется. Смена этого уровня и есть процесс социализации общества. Т.е. это – процесс созидания условий жизни людей в социуме. Это – и перманентная перенастройка институтов, и обеспечение жизнедеятельности, и воспитание, и культура, и другие условия жизни индивида в социуме. И если мы говорим о «возрастании социализации общества», то имеем в виду именно это – создание всё более комфортных условий для развития человеческих качеств индивидов социума.

И здесь мы должны обратиться к теории ноономики, ноообщества и ноочеловека, ибо человек в таком обществе – это человек неэкономический. Происходит переход в такое состояние, когда на место человека экономического приходит человек, у которого качества рационального, эгоистического рыночного актора замещаются качествами человека, живущего несимулятивными потребностями и ценностями. Тем самым термин «социализация» приобретает новую и конкретную определенность – это воз-

растание ноокачеств человека, происходящее в процессе воспитания личностных качеств прогрессивного характера (человечности, солидарности, понимания необходимости самоограничения и т. п.), а также творческих качеств человека.

Но именно об этом мы говорим в теории ноономики [1] – о необходимости перехода к новому состоянию общества и формирования ноокачеств человека, нооличности.

Подчеркнем, что всякий раз состояние общества (определяемое по таким критериям) характеризует уровень его социализации. Поэтому всякий раз, когда мы говорим о ноономике как о некоторой концептуальной платформе, мы подразумеваем, что высшей целью развития общества (в плане движения к «ноо») является формирование человека как личности и существование личности в этом ноопространстве, социализированном по ноокритериям.

Человек не является «зоо» по определению

После публикации монографий «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» (2016 г.) [2], «Ноономика» (2018 г.) [1] и серии последующих статей автору часто приходится сталкиваться с возражением: человек, дескать, существо несовершенное, выстроенное по определенным лекалам – лекалам эгоизма. И «переделать» его, сделать из него существо, которое будет руководствоваться критериями движения к ноообществу, не так-то просто или вообще невозможно.

Часто критики авторской концепции подчеркивают, что человек – это *биосущество*, а это значит, что в нем заложены принципы зоологического существования: конкуренция, выдвижение своих интересов как особых, в противовес интересам других членов общества, противопоставление своих интересов не только интересам общества, но и природы, приоритет эгоистических интересов и т. д. Это, безусловно, может приводить к возрастанию конфликтности, а вовсе не к гармонизации социальных взаимодействий в процессе перехода к дальнейшим этапам существования цивилизации.

Эта критика заслуживает отдельного анализа.

Именно об этом – о возможности гармонизации социальных отношений – говорит теория ноономики, имея в виду, конечно, существование человека в период после приближающейся «точки бифуркации» цивилизационного развития, если человек сумеет ее пройти,

сохранив позитивный тренд развития. Именно об этом как о возможности (с учетом уровня современного НТП и производства) снижения уровня конфликтогенности при осознанном правильном выборе путей и инструментов такого развития говорит теория ноономики.

Но в ней говорится и о возможности реализации негативного сценария развития. В конечном счете, если существующая ситуация не будет изменена, она может привести к катастрофическим последствиям с учетом той парадигмы экономического существования, которую мы наблюдаем сегодня. Напомним кратко ее основные признаки: усиление роли финансового капитала; поглощение финансовым капиталом интересов людей, общества, «интересов» природы; обострение глобальных проблем (злободневный пример – пандемия коронавируса, с которой человечество никак не может справиться) и т. д.

Более того, нам говорят, что не существует способов формирования человека как ноосущества, что нет других принципов существования, кроме зоологических. На это мы частично ответили в статье «От «зоо» к «ноо»...», опубликованной в журнале «Вопросы философии» [3]. Там показано, как человек постепенно, по мере становления его как личности, все больше приобретает характер существа ноотипа, гуманистического существа, учитывающего не только собственные интересы, но и – все более полно – интересы окружающего пространства, общества, среды, других людей. Это движение от «зоо» к «ноо» исторически подтверждается.

Другой вопрос: каким образом это происходит и как мы можем обеспечить приоритет этого движения, повышение темпов движения к «ноо» и, наоборот, затормозить негативные процессы, редуцирующие человека и общество к «зоо»?

Отвечая на этот вопрос, подчеркнем: здесь стоит приглядеться к процессу социализации общества.

Для обеспечения упомянутого приоритета необходимо усиление осознания человеком той части общественно-научного пространства, которая определяется социальными науками. Они входят в общий пласт человеческого познания и норм поведения, который одновременно формируется на их основе; это – общая культура человека, общества. Мы видим, что этот пласт постоянно растет, развивается. Конечно, бывают и обратные ситуации,

тем не менее, мы понимаем, что общий уровень культуры современного общества существенно выше, чем тысячи лет назад.

Заметим, что многие черты «первобытного» отношения к жизни сохраняются у той части людей, которые недостаточно вошли в это самое культурное пространство.

Здесь – ключевой момент: что значит – «вошли»?

Мы понимаем, что в культурное пространство люди вошли неодинаково; какие-то индивиды (или их сообщества) более восприимчивы к пласту знаний, называемому культурой, который ведет к развитию ноопотребностей человека, формированию его отношения к жизни как ноосущества, а какие-то – менее восприимчивы. Мы видим многочисленные примеры «недоработок» нынешнего общества в этом плане.

Более того, мы часто видим целенаправленное созидание системы, выстраивающей ограничения на вхождение человека в культурное пространство, не позволяющей ему формироваться как личности, оглуляющей человека. Это делается не случайно, ибо ограничение доступа человека к культуре есть предпосылка манипулирования им. Этим, к примеру, занимаются финансовый капитал и его сателлиты. Его сателлиты – это его производные, его «родные братья и сестры, дети и внуки»: бедность, неравенство, ограничение доступа к потреблению феноменов культуры, образования и т. д. – все то, что приводит к недополучению человеком того арсенала знаний, культурных благ, который позволяет формировать ноочеловека.

Все это используется и для оправдания тезисов о человеке как звероподобном существе, оправдания домыслов о невозможности, принципе, избавиться от «зоо».

Мы категорически возражаем против этого. Каждый человек, индивид, с рождения наделен задатками «ноо». Задатки, как известно, не определяют способности; они являются предпосылками их формирования и развития. А что влияет на их формирование? Выражаясь языком социальной психологии, механизм такого формирования есть обобщение и закрепление в деятельности индивида всей гаммы психических процессов, которые, в свою очередь, есть отражение – перейдем на язык философов – внешнего мира, его воздействия на индивида, формирующего в том числе его мировоззрение, закрепляя в его сознании «коды» и ценности, позволяя ему осознавать мир и общество и позиционировать себя в рамках таких ценностей.

Механизм влияния общества на личность и личности на общество

Вернемся к отправной точке рассуждений: социализация – процесс двусторонний. Человеку свойственен процесс вхождения в общество как осознание им своего места в нем, роли, интересов, причем не только своих, но и интересов других людей, которые трансформируются в общественные потребности. И происходит это именно в процессе социализации. В этом смысле можно говорить, что социализация – это процесс адаптации человека к общественным пространствам, нормам, требованиям, правилам поведения, идеологии, установкам и т. д.

При этом общество также влияет на личность. Но это – специально отметим – только одна плоскость двусторонности данного процесса. Есть и другая плоскость – влияние личности на общество. Если индивид сильный и мощный, он дает некие новые установки, идеи, концепции, задает нормы поведения. «Раздвигает» эти нормы. Все они влияют на общество, а взамен общество, когда оно требует адаптации других индивидов к себе, влияет на формирование внутреннего мироощущения этих индивидов – уже «с учетом» обновленных норм.

Таким образом, человек может (конечно, если для этого есть объективные условия) изменять институты и правила игры в экономике, политике, социальной сфере – напрямую или через технический прогресс (когда он воздействует на технический прогресс). Но индивид, влияя на общество, создает условия для того, чтобы и общество влияло на индивида. При этом надо помнить: когда мы говорим «индивид», это выглядит так, будто речь идет об одном и том же индивиде. На самом деле речь идет о взаимодействии общества и множества индивидов.

Социализация и генезис ноономики: от теории к практике

Перейдем к практической стороне дела.

Здесь важны две вещи: первая – усиление научно-технического прогресса; вторая – опережающее стимулирование развития человека через познание им той части мира, с которым «работает» социальное знание. Его нам дает социальная наука, формируя общую культуру человека через экуменистическое зна-

ние. Мы живем в мире, где научный, научно-технический и технологический прогресс соединяются с прогрессом социальных знаний, познания человека, общества, его особенностей.

Социальные исследования начались позже, чем научно-технологические и технические, хотя наиболее раннее направление общего развития представлено в философских трактатах и идеях на протяжении уже более двух тысяч лет. Но исследование человека как социального существа, как индивида в обществе активно и целенаправленно началось с развитием психологических и социальных наук примерно в конце XIX в. и продолжалось на протяжении XX в., получив признание как сфера социальных наук во второй половине XX – начале XXI в.

Развитие этих исследований дает свои результаты. В частности, выдвинутое социальными науками понятие «социализация» позволяет нам понять, что а) соединение в теории ноономики нашего подхода, связанного с развитием технологическим, с идеей опережающего познания человеком социальных знаний, формирования социальной структуры через механизм социализации, и б) поэтапное движение к новому человеку (с точки зрения его адаптации в обществе и адаптации общества «под себя», под реальные потребности), движение к самоограничению и пр. – это те моменты, на которые следует обратить внимание в практической деятельности институтов (и государственных, и общественных).

Такой подход показывает, каким путем искать решение поставленной выше проблемы. Мы можем использовать практически не задействованный пласт социологии и социальной психологии, развивающейся теории когнитивных человеческих состояний и др.; можем рассмотреть их влияние на развитие общества, используя полученные результаты в целенаправленном социальном проектировании, поскольку эти идеи объясняют и показывают, каким образом мы влияем на общество, а общество влияет на нас.

Важно понимать, что, находясь в обществе, индивид «кодируется» обществом, принимая в процессе социализации в качестве «кода» то нравственно-ценностное ядро, которое составляет социальную сущность общества на данный момент и определяются критериальной базой ценностей, присущей обществу в данный момент. Индивид социализируется.

Но и сам индивид, влияя на общество, «социализирует» его, меняя его нравственно-ценностное ядро. Задача состоит в том, чтобы это ядро видоизменялось в направлении, определяемом ноокритериальной базой. И открытие, расширение освоения такого знания, включение его в нравственно-ценностное ядро современного и перспективного общества – важный аспект повышения уровня социализации общества; «делания» его более «социальным», неиндивидуалистичным (в «зловном» смысле слова «индивидуализм»), более комфортным к индивиду, более нооориентированным.

Если к этому добавить процесс познания человеком своих потребностей, т. е. соединить процессы получения знаний одного типа и знаний другого типа в единое целое, то на этой базе мы получим ключ к решению задачи – как продвигаться по пути к ноочеловеку. Это значит, что мы получим ключ к тому, чтобы «делать», создавать человека не просто неэкономического (с точки зрения неиспользования им экономических механизмов решения задачи удовлетворения своих потребностей), а человека, который будет осознанно работать над собой и делать «в себе» и в обществе то, что необходимо, чтобы у него, человека, с одной стороны, был осознанный и принятый им как достаточный уровень благополучия (социального, материального, душевного, духовного) и, с другой – не было потребности (именно потребности, реальной потребности) в расширении производства того, что на данном этапе развития невозможно получать без ущерба обществу, окружающему миру и другим людям.

Конечно, важно найти подходы к решению поставленных задач общественного развития, и многие приемы социального проектирования уже сегодня активно применяются в продвижении различных социальных программ. И здесь есть место для широкого применения и более обширных по охвату и подходам платформ из других областей знания. Как пример приведем теорию стратегирования [7] – создания и реализации стратегий. Эта хорошо разработанная теоретическая база для реализации перспективных практик в сочетании с идеями теории ноономики (синтез того и другого) позволяет получить новое качество последней – усиление аспекта ее практической реализации.

С одной стороны, мы получаем объяснение применимости стратегирования для стратегического планирования процессов развития общественных институтов в направлении к нооно-

мике. С другой стороны, теория ноономики дает нам понимание, куда двигаться и что на каждом этапе делать, а также предлагает механизмы, необходимые для движения к этой цели, т. е. позволяет наполнить стратегирование общественного развития новым содержанием. В результате мы можем получить концепцию того, «что нужно и как можно» достичь.

Заключение

Развитие цивилизации в ноонаправлении принципиально предопределено, потому что оно объективно, потому что есть объективная потребность именно в таком развитии. Другое дело – как конкретно общество «нооцивилизуется», как именно оно будет двигаться и движется (и движется ли вообще) в этом направлении. Эта потребность может (и порой мы это наблюдаем) реализовываться по «прямой» линии, и развитие идет шаг за шагом. А бывает, что под действием флуктуационных факторов траектория развития, при всей объективности «прямых» трендов, «искривляется», меняется – то «вбок отскочили», то назад вернулись, то что-то еще случилось. История дает и такие примеры, извивы и петли цивилизационного движения.

Вот здесь и есть место для применения как новых методов, так и традиционных, но по-новому интерпретированных. Того же, например, стратегирования, которые позволят «спрямить» этот путь развития, не допуская скатывания в рецессию; учитывать флуктуации, а также взаимовлияние разных параметров; формируя определенные практические шаги для изменения тех или иных вещей: от формулирования концепции – через методологию – к практике.

Вывод понятен: через применение практически апробированного социального, социально-прогностического и социопроектного инструментария, через понимание необходимости не только учитывать двоякую природу процесса социализации (формирование обществом человека и человеком общества), но и активно, осознанно влиять на этот процесс, используя открывающиеся возможности, можно вырабатывать теоретические и практические решения, способствующие тому, чтобы обе стороны процесса социализации, спрямляя преграды исторического развития, вели нас к ноомиру.

Список литературы

1. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
2. *Бодрунов, С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов; ИНИР им. С. Ю. Витте. – СПб., 2016. – 328 с.
3. *Бодрунов, С.Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции / С.Д. Бодрунов // Вопросы философии. – 2018. – № 7. – С. 109–118.
4. *Бодрунов, С.Д.* Развитие технологий и человеческих качеств предполагает новые приоритеты экономической, социальной и инвестиционной политики / С.Д. Бодрунов // Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI): сб. материалов VI Международного конгресса / ИНИР им. С. Ю. Витте. – СПб., 2020. – С. 13–25.
5. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика: онтологические тезисы / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4 (62). – С. 6–18.
6. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс; пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 37–39, 102–103.
7. *Квинт, В.Л.* Концепция стратегирования. – Т. 1. / В.Л. Квинт. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 132 с.
8. *Луков, В.А.* О теории социализации Франклина Гиддингса / В.А. Луков, Е.Е. Лукова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2014. – № 3 (май – июнь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Lukovs_Theory-Socialization-Giddings
9. *Giddings, F.H.* (1897) The Theory of Socialization: A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes. N. Y.; L.: MacMillan & Co., Ltd. XIV, p. 1–8.

Доклад
Президента ВЭО России С.Д. Бодрунова
на Всероссийском экономическом собрании

11 ноября 2020 года

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!
Рад вас приветствовать на Всероссийском экономическом собрании!

Стало доброй традицией встречаться в наш профессиональный праздник – День экономиста, который учрежден решением Правительства России в день основания Вольного экономического общества России, на торжественном Собрании. Этой традиции мы уже следуем пять лет.

Нынешнее экономическое собрание во многом необычное. С одной стороны – это собрание юбилейное, нам – 255 лет. С другой стороны – на сегодняшнее мероприятие накладывается пандемическая ситуация. Это вынуждает нас проводиться наше юбилейное собрание в другом формате, с отсутствием размаха, которого хотелось бы, и которого такое событие по праву заслуживает.

Да, собрание наше проходит в непростое время. Это в полной мере отразилось и на ситуации в экономике, и на трендах её развития, и на тех стратегиях развития, которые мы вынуждены, исходя из складывающейся ситуации, корректировать. И сейчас многое – слишком неопределенно.

В связи с этим мы сегодня воздержимся от крупномасштабного обсуждения экономической ситуации. Мы перенесли акцент на праздничную, торжественную тональность. Подведем итоги просветительских общероссийских и региональных проектов, объявим лауреатов общероссийской общественной премии «Экономическая книга года», высшей общероссийской общественной экономической премии «Экономист года», а экспертные дискуссии об экономических итогах года, которая традиционно имела место на Всероссийском экономическом собрании, Президиум ВЭО предложил проводить на доказавших – в том числе, и в этом году – свою продуктивность постоянно действующих площадках – сессиях Координационного клуба ВЭО России, научном

форуме «Абалкинские чтения», наших крупных экспертных форумах: Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ), тематических всероссийских и международных конференциях, которые проводит ВЭО России и его региональные организации, а также на дискуссионных площадках в рамках медиапроектов ВЭО России – на совете экспертов ВЭО России и «Российской газеты», в аналитической передаче «Дом Э», которая еженедельно выходит на телеканале ОТР, и на других ресурсах.

Собрание сегодня, т.о., проводится с использованием современных дистанционных технологий – в совмещенном онлайн и офлайн формате. В офлайн-формате работает телестудия нового Большого зала ВЭО России.

Такой формат Всероссийского экономического Собрания имеет и свой плюс: он предполагает онлайн-проведение праздника с участием неограниченной аудитории.

Уважаемые коллеги, разрешите открыть работу пятого Всероссийского экономического Собрания!

По данным, которые мне передали, к работе Собрания подключились в настоящий момент более 5000 тысяч человек из 75 субъектов Российской Федерации и 6 зарубежных государств.

С удовольствием приветствую коллег из регионов. Попрошу оператора вывести на экран видеомосты с регионами. Очень рад видеть всех, дорогие друзья!

Благодарю всех за участие в работе Собрания. Сегодня в нем также принимают участие руководители и представители комитетов Совета Федерации и Государственной Думы, администраций регионов, общественных институтов, профильных агентств, Евразийской экономической комиссии, представители реального сектора экономики, академического, образовательного и экспертного сообщества, общественные деятели, иностранные коллеги.

Хочу выразить признательность за многочисленные приветствия в связи с 255-летием Вольного экономического общества России и Днем экономиста, поступившие в адрес Собрания от высших государственных структур, общественных институтов и средств массовой информации. Глубоко тронуты высокой оценкой, которая дана деятельности ВЭО России в его новейшей истории.

Отдельно хотел бы поблагодарить средства массовой информации и наших стратегических партнеров – «Российскую газету», ТАСС, Общественное телевидение России, телеканал «Россия 24» – за широкое освещение юбилея и всероссийских проектов ВЭО России.

К приветствиям, с вашего разрешения, мы еще вернемся чуть позже.

Как я уже упоминал, сегодня Собрание посвящено не только празднованию Дня экономиста, но и юбилею Вольного экономического общества России. Ровно 255 лет назад, в этот день в 1765 году, императрица Екатерина II подписала письмо в адрес группы известных деятелей: графа Михаила Воронцова, графа Григория Орлова, графа Захара Чернышева, сенатора, статс-секретаря Адама Олсуфьева и других, которые обратились за позволением утвердить Императорское вольное экономическое общество для «поощрения земледелия и домостроительства», тем самым основав первый в стране общественный институт.

Для своего времени это была прорывная идея! Прецедент! Императорское ВЭО стало первой общественной организацией в стране, первым сообществом экспертов, первой дискуссионной площадкой, где на независимое обсуждение выносились актуальные вопросы жизни государства.

В недрах Императорского ВЭО берут свои истоки крупнейшие общественные организации, которые в настоящее время являются нашими добрыми партнерами – Российское историческое общество, Русское географическое общество, Научно-техническое общество.

Если сравнивать экономику со зданием, общественные организации – одна из его несущих конструкций. Без них невозможно решить те масштабные, грандиозные задачи, которые стоят перед страной. Выступая в октябре на пленарной сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» президент России Владимир Путин подчеркнул, что гражданское общество будет играть ключевую роль в развитии России, а государство – стремиться реализовать конструктивные предложения общественных сил.

Сейчас, как никогда, важно объединить усилия власти, общественных институтов, экспертного сообщества, бизнеса, граждан. Доверие и солидарность – ведущие факторы достижения нацио-

нальных целей развития, обеспечения функционирования социально ориентированной экономики с опережающими темпами роста.

2020 год выдался непростым и преподнес немало неприятных сюрпризов. Эпидемия коронавируса спутала планы национальных правительств, бизнеса и обычных людей, изменила общественную, деловую и международную жизнь, обрушила мировую и национальные экономики.

В конце сентября ВЭО России и Международный Союз экономистов совместно с Женевским офисом Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) представляли для нашей страны новый доклад этой организации «От глобальной пандемии к благосостоянию для всех: как избежать еще одного упущенного десятилетия». В нем приводятся показатели существенного падения мирового ВВП в пандемийный год. Оно, по оценкам, составит от 5% до 7%. Это – беспрецедентные цифры.

Следует отметить, что Россия «коронакризис» переживает несколько легче, чем ведущие развитые страны. Но и у нас показатели не радуют. По имеющейся официальной статистике, за 1-е полугодие 2020 года, относительно 1-го полугодия 2019 года, ВВП сократился на 3,4%, а инвестиции в основной капитал – на 4%. При этом за 2-й квартал физический объем ВВП сократился относительно аналогичного периода 2019 года на 8,0%.

За 9 месяцев (с января по сентябрь; период к периоду) произошло падение реальных располагаемых денежных доходов населения на 4,3%, а количество официально зарегистрированных безработных увеличилось в 2,8 раза.

Самое сложное для нас состоит в том, что в сложившейся ситуации крайне сложно делать обоснованные прогнозы. Мы видим уже вторую эпидемическую «волну». Сколько их будет всего? Каково будет их совокупное разрушающее влияние на экономику, на общество, на сложившийся уклад жизни? Убедительных, подкрепленных научной аргументацией, ответов на эти вопросы, к сожалению, нет. Фактор неопределенности сегодня очень сильно влияет на состояние дел и на эффективность мер по выправлению ситуации.

Именно поэтому требуется не только максимальная собранность и мобилизация всех имеющихся ресурсов, но и энергичные меры, направленные как на защиту от «коронакризиса», так и на дальнейшее устойчивое и целенаправленное развитие.

Имеющиеся результаты и статистические данные позволяют утверждать, что российская экономика в целом справляется с кризисными явлениями, демонстрирует довольно высокую резистентность к пандемическому вызову. Из этого можно сделать вывод, что действия властей, несмотря на наличие объективной критики некоторых решений, в целом конструктивны.

Все национальные правительства принимают беспрецедентные, еще раз подчеркну это слово, по своим масштабам антикризисные меры. По оценке МВФ, совокупный планируемый объем финансовой поддержки национальных экономик составляет около 12,5% мирового ВВП. Это, действительно, беспрецедентно. Россия выделила на эти цели гораздо меньшие ресурсы. Согласно Плану, принятому на заседании правительства 23 сентября и включающему более пятиста мероприятий, на преодоление кризиса и запуск механизмов роста в общей сложности будет выделено 6,4 трлн рублей. Это порядка 5,8% от ВВП докризисного 2019 года.

Но нам надо думать не только о преодолении кризиса, вызванного пандемией. Нам надо думать о будущем развитии, о стратегии этого развития, которая воплощена в системе национальных проектов, в национальных целях развития, получивших отражение в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474.

При этом следует признать, что сами эти цели, точнее их наполнение, система индикаторов и показателей, по которым предполагается отслеживать их достижение, требуют более глубокой содержательной научной проработки. Это, в том числе, связано с тем импульсом, который придал мировой экономике «коронакризис».

Как это часто бывает, он обострил и ускорил те процессы, которые вызревали в течение многих предшествующих лет и на которые мы указывали на экспертных сессиях Вольного экономического общества, в научных разработках институтов РАН, обсуждали на экспертных площадках Московского Академического Экономического Форума, Санкт-Петербургского экономического конгресса и т.д. Речь идет об ускорении научно-технологического развития, придании ему нового качества, переходе к новому технологическому укладу.

Структура мирового выпуска стремительно меняется, лидерство переходит к странам и компаниям, лидирующим в технологиях,

в частности, центр мировой экономической активности неуклонно «дрейфует» в направлении региона Восточной и Юго-Восточной Азии. Несмотря на кризис, наблюдается рост сфер индустрии, связанных с новым технологическим укладом, с новыми технологиями. По данным китайской официальной статистики, к примеру, темпы роста ВВП, даже несмотря на пандемию, с января по сентябрь включительно в этой стране оказались положительными, составив 0,7%. При этом промышленное производство за три квартала текущего года увеличилось на почти в два раза большую величину – на 1,2%.

Процессы усиления роли высокотехнологичной промышленности, ускорения технологического развития возникли еще до коронакризиса, и хотя напрямую с ним они не связаны, пандемия, однако, подстегнула эти процессы. И это нельзя не учитывать. Мы помним, что лидеры будущего – лидеры технологические, и на этом в нашей национальной стратегии должен быть сделан основной акцент. Требуется изменение элементов исполнения стратегии развития. Речь не идет о корректировке ее целей, однако национальные проекты, которые призваны обеспечить реализацию этих целей, как подчеркивает один из старейших лидеров ВЭО академик А.Г. Аганбегян, должны быть откорректированы с учетом указанных тенденций.

Экспертные расчеты показывают, что реализация имеющихся национальных проектов, имеющихся в их нынешнем виде, способна обеспечить увеличение темпов прироста ВВП, сложившихся до событий, порожденных коронавирусной пандемией, всего лишь на 0,2-0,6%. Конечно же, это малая величина, такой результат не отвечает задачам преодоления наметившихся в предшествующий период стагнационных тенденций и не позволяет обеспечить переход к динамичному и устойчивому росту.

Поэтому, конечно же, требуются корректировки. И наша общая задача, коллеги, как представителей экспертного сообщества, эти корректировки проработать, обосновать и предложить для реализации. Национальные проекты не есть что-то «застывшее», они должны быть гибкими с точки зрения исполнения, учитывать новые возможности и новые риски, опираться на то, что усилился фактор неопределенности в мире и в России, а это всегда ужесточает конкуренцию и делает непростительными управленческие ошибки.

С учетом определяющего характера технологического развития для будущего экономики и общества в целом, экспертам

ВЭО представляется необходимым выделение в качестве приоритетного – вопроса технологического перевооружения экономики вплоть до формирования нового национального проекта. Реализация такого проекта должна быть в явном виде ориентирована на переход к новому технологическому укладу, что прямо следует из июльского указа Президента России, поставившего задачу технологического прорыва на первое место. Эта задача – ключевая, «коренная», если можно так сказать, без ее решения нельзя создать материальную основу для достижения устойчивой конкурентоспособности страны в современном мире.

Именно поэтому ВЭО России совместно с Российской академией наук предлагает разработать и принять «Основы государственной политики развития науки, технологий и техники и формирования национальной инновационной системы на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу» и соответствующее в этой части законодательство о РАН, в которых сформулировать целостную политику развития национального научно-технологического комплекса, а также меры по ее поддержке и реализации. Не буду эти меры здесь раскрывать подробно, мы неоднократно обсуждали их и имеем конкретные предложения по этим вопросам. Полагаем, что необходимо воплотить их в практику.

Замечу, что Россия переживала многое в своей истории, в том числе – и в экономической истории. И природные катаклизмы, и засухи, и голод, и конфликты в гражданском обществе, и революции, и войны, и многое другое. Сейчас вот возник новый вызов – пандемия коронавирусной инфекции. Она нами, непосредственными участниками процесса, конечно же, часто воспринимается как нечто принципиально новое и необычное. Но на нашем длинном историческом пути, на пути нашего развития это – лишь один из этапов.

Но – этап переломный. Проходя который, мы имеем альтернативные траектории дальнейшего развития. И наша задача сегодня – не только преодолеть текущий кризис, но и проявить стратегическую мудрость с тем, чтобы правильно выбрать эту дальнейшую траекторию. История учит, что многие проблемы и крупные экономические шаги в прошлом нашей страны были разработаны и реализованы с помощью Вольного экономического общества, экономического сообщества нашей страны. Мы и сегодня готовы выступить в этой роли, используя весь имеющийся у нас потенциал.

Экономическая история страны – это и история Вольного экономического общества. Во все времена представлявшие его люди проявляли лучшие гражданские качества: творили, интеллектуально поддерживали многие реформы. И сегодня, в дни своего юбилея, Вольное экономическое общество находится на передовых рубежах экономических исследований, анализа тенденций, большие усилия прилагаются в части экспертной проработки решений и подготовки рекомендаций для общественных и государственных структур.

Задача Вольного экономического общества России – консолидируя интеллектуальный потенциал и усилия специалистов, экспертов и ученых, обеспечивать независимый и объективный экспертный подход в поисках оптимальных решений тех задач, которые стоят сегодня перед страной, а это – повышение уровня социализации нашего общества и технологическое перевооружение действующих производств в целях более полного удовлетворения потребностей граждан.

Коллеги! Я обращаюсь к экономическому сообществу. В нынешних условиях роль экономиста существенно растет. Сегодня экономические знания, продуманные и оптимальные экономические решения нужны всем. А ответственность экономистов за судьбу страны возрастает все больше.

Когда речь идет о глобальных судьбоносных проблемах, мы, экономисты, редко бываем солидарны с друг другом. Тем лучше – в споре, как известно, рождается истина. В стенах Дома экономиста, штаб-квартиры ВЭО России, на нее нет монополии – мы приветствуем экономистов всех направлений, основываясь на принципе открытости, как и 255 лет назад. И, по-прежнему, основным, что имеет значение, является экономическая польза, которую мы можем вместе принести нашей стране. Слово «Полезное» в гербе ВЭО, дарованное нам при учреждении нашем Екатериной Великой, продолжает оставаться для нас не символом, но смыслом нашей деятельности.

От имени Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов поздравляю всех экономистов страны – с Днем экономиста, а членов Вольного экономического общества – с юбилеем. Выражаю уверенность, что все трудности преодолимы. И мы сегодня смотрим в будущее России с надеждой и уверенностью.

Спасибо!

С.Д. Бодрунов

Энгельс и XXI век: концептуализируя будущее¹

**Доклад на открытии Международного форума «Энгельс-XXI»
(к 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса)**

(28 ноября 2020 г.)

Двухсотлетний юбилей Фридриха Энгельса – выдающегося мыслителя, ставшего одним из родоначальников качественно нового научного направления, до сих пор вызывающего огромные дебаты – это большое событие в научной жизни. Это – основание вновь осмыслить глобальные проблемы и противоречия современного мира и судьбы той парадигмы, которую обычно связывают с именем его друга – Карла Маркса, но к формированию которой Энгельс имеет самое прямое отношение.

Для Вольного экономического общества России это событие важно еще и потому, что мы ежегодно проводим специальный цикл мероприятий, называемых мемориумами и посвященных памяти выдающихся ученых, внесших вклад в решение проблем социально-экономического развития.

Имя Фридриха Энгельса неразрывно связано с именем Карла Маркса. Энгельс сам неоднократно признавал первенство Маркса в разработке основных моментов их общего мировоззрения. Однако и сам Энгельс внес выдающийся вклад в формирование таких эпохальных теоретических идей, как материалистическое понимание истории, исследование социально-экономического развития через развертывание противоречий. Основные социально-философские труды («Святое семейство», «Немецкая идеология») Маркс и Энгельс готовили совместно. Перу Энгельса принадлежат и значительные самостоятельные философские

¹ Статья принята к публикации в журнале «Вопросы политической экономики» (№1/2021).

работы, такие, как «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»² и «Диалектика природы»³.

Одна из его первых крупных работ по социально-экономическим проблемам – «Положение рабочего класса в Англии» – является не только описанием бедствий пролетариата в эпоху промышленного переворота. Он, пожалуй, впервые наглядно показывает, что плоды технологического прогресса, потенциально способного создавать лучшие условия для удовлетворения нужд людей, под влиянием экономической, подчиненной капиталу парадигмы удовлетворения человеческих потребностей, могут вести, напротив, к обострению социальных конфликтов. Более того, уже в этой работе, написанной молодым, начинающим ученым, убедительно показано, к каким тяжелым последствиям для большинства населения последствиям может вести и ведет развитие рыночно-капиталистической системы, если цели капитала не ограничиваются социальными рамками. И этот анализ остается актуальным и сегодня, почти два столетия спустя, для тех стран и тех сфер экономики, где по сей день в той или иной форме присутствуют неограниченный рабочий день, нищенские зарплаты, бесправное положение наемных работников.

Проблема противоречивых последствий технического прогресса и позднее была предметом внимания Энгельса, на протяжении жизни которого господство промышленного капитала стало постепенно подрываться ростом финансового посредничества и финансовых махинаций. Это важнейшее наблюдение сегодня, в эпоху гиперразвития финансового капитала, не просто неоднократно и повсеместно подтверждается, но и становится фундаментальной основой нашего переосмысления в концептуальном плане путей развития современного экономического общества, понимания необходимости корректировки модели, построенной на принципах выгоды, прибыли как цели деятельности и собственности как базовом

² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961, с. 269–317.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961

инструменте достижения этой цели, и ведущей к драматическому расслоению общества, росту бедности и нищеты, снижению, а не возрастанию возможностей справедливого удовлетворения несимультанных потребностей людей – доступа к знаниям, сохранению здоровья, повышению уровня социального комфорта. И, на что следует обратить особое внимание, – к возрастанию цивилизационных рисков. И это – несмотря на стремительную и всё ускоряющуюся поступь научно-технического прогресса, в принципе позволяющего уже сегодня разрешить эти важнейшие противоречия и избавить общество как минимум от самых одиозных пороков.

Мы еще вернемся в заключительной части нашего материала к размышлениям об актуальности взглядов Энгельса на пути в общество будущего, а сейчас отметим, что Фридриху Энгельсу принадлежит заслуга разработки фундаментальных теоретических проблем политической экономии и истории, в особенности – проблем эволюции социально-экономического строя древних обществ. Эти вопросы были исследованы им в целом ряде работ, таких, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁴. «К истории древних германцев»⁵, «Франкский период»⁶, «Марка»⁷, «История Ирландии»⁸. Эти работы стали настольными книгами многих, в том числе – нынешних, поколений ученых, рассматривающих исторический, эволюционный аспект как неотъемлемую компоненту экономического и цивилизационного развития.

При этом Энгельс, хотя и относился, без сомнения, к плеяде революционеров мысли, не абсолютизировал революционный путь разрешения противоречий развития общества, не настаивал на исключительно революционном подходе к преобразо-

⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961, с. 23-178.

⁵ Энгельс Ф. К истории древних германцев. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат: 1961, с. 442-494.

⁶ Энгельс Ф. Франкский период. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат: 1961, с. 495-546.

⁷ Энгельс Ф. Марка. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат: 1961, с. 327-345.

⁸ Энгельс Ф. История Ирландии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960, с. 479-522

ванию действительности. Еще в «Принципах коммунизма», работе, написанной в 1847 году, в ответ на вопрос – «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?» – он пишет: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать»⁹. А под конец своей жизни Энгельс с удовлетворением констатировал расширение легальных возможностей для демократического преобразования общественной жизни.

Такой взгляд на проблему преобразования общества представляется вполне обоснованным для тех, кто исследует проблемы перехода современного общества к новой реальности, к новому технологическому и мирохозяйственному укладу, новому индустриальному этапу развития экономики, который мы называем Новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2)¹⁰.

Эта новая общественная организация вырастает, диалектически наследуя достижения той системы, которую в середине XX века Джон Гэлбрейт назвал «Новым индустриальным обществом»¹¹, но при этом – уходя от тупиков той системы, которую отразили в своих работах теоретики постиндустриального общества (в частности, Даниэль Белл¹²) и которая стала предпосылкой финансиализации и обострения глобальных противоречий человеческого сообщества.

НИО.2 характеризуется господством «умного производства», в котором автоматическая система машин реализует замыслы занятого креативной деятельностью человека, и где знания становятся главным фактором прогресса. В этой системе человек выходит за пределы собственно материального производства в новую сферу, которую Энгельс и Маркс называли «царст-

⁹ Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 331

¹⁰ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Монография / – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: ИНИР им.С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.

¹¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969.

¹² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

вом свободы»¹³ и о продвижении к которой немало писали и пишут современные марксисты¹⁴.

Мы предлагаем иное осмысление объективных трендов рождения на базе технологического прогресса качественно нового общественного устройства, предполагающего переход к неэкономическому способу удовлетворения потребностей, и обосновываем в серии своих работ теорию ноономики¹⁵. Такой подход представляется в современных условиях наиболее продуктивным.

Возвращаясь к наследию Энгельса, отметим, что уже в ранней работе «Принципы коммунизма» он связывает будущий прогресс производства с необходимостью обеспечить «всестороннее развитие способностей всех членов общества»¹⁶.

Этот тезис, выраженный первоначально в абстрактной форме, в современную эпоху не только не устарел, но, наоборот, требует переосмысления и наполнения конкретным содержанием. Мы неоднократно в наших работах указывали, что истинный прогресс общественных отношений в ходе развития нового индустриального общества второго поколения, вызываемых материальными изменениями и имеющих в своей основе стремительно ускоряющийся НТП, развитие индустрии 4.0, в целях недопущения неприемлемого дисбаланса таких отношений, чреватого драматическими последствиями, требует принципиальных сдвигов в решении социальных вопросов, повышения уровня образования и общей культуры членов социума. Добавим, что в своей наиболее известной книге – «Анти-Дюринг»¹⁷ – Энгельс

¹³ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961, с. 294; Маркс К. Капитал. Т. III. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 26, ч. II. М.: Госполитиздат, 1962, с. 386-387.

¹⁴ По ту сторону отчуждения / Под ред. А.В. Бузгалина. М., 1990. См. также: Бузгалин А.В. По ту сторону «царства необходимости» (эскизы к концепции). М.: Экономическая демократия, 1998.

¹⁵ Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.; Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / Монография / – М.: ИНИР; Культурная революция, 2020.

¹⁶ Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 336

¹⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961

дал широкую панораму применения материалистического подхода к социально-экономическому развитию, показав, как эволюция техники и технологий оказывала влияние на качественные изменения общественного строя, начиная с первобытной эпохи.

Дополняя этот свой ранний тезис о необходимости всестороннего развития всех членов общества, Энгельс там же, в «Анти-Дюринге», показывает, что это – не просто благопожелание, а необходимый вывод из современных ему тенденций эволюции производительных сил, в результате развития производства, цитирую, «больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»¹⁸. Таким образом, **развитие человека выступает как необходимость, коренящаяся в материальных условиях производства**. Сегодня этот тезис приобретает новое, и даже, я бы сказал, более актуальное звучание.

Энгельс также сумел показать не только достаточно очевидную зависимость прогресса производительных сил от развития познания и прогресса наук, что отмечалось еще экономистами XVIII века, но и более глубокую идею – обусловленность процесса познания развитием производства. «...Уже с самого начала возникновение и развитие наук обусловлено производством»¹⁹ – писал он в «Диалектике природы» и демонстрировал эту обусловленность на всем ходе развития естествознания. Процесс познания, получения человеком нового знания, безусловно, как мы показывали ранее, обусловлен необходимостью удовлетворения возрастающих потребностей человека, что, в свою очередь, требует развития общественного производства. Сегодня непосредственная зависимость успехов научных исследований и разработок не только от сферы собственно науки, но и от наличия в стране широко развитого сектора высокотехнологичного производства, создающего необходимую почву для инновационного процесса, является непреложной закономерностью.

¹⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 206.

¹⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961, с. 500.

Время показало также правильность позиции Энгельса, считавшего развитие познания одним из необходимых условий для выхода из противоречий общественного прогресса; он писал: «Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей»²⁰.

Другой предпосылкой преодоления этих противоречий он считал создание таких условий, когда, снова цитирую, «прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие»²¹. Действительно, сегодня мы видим, что расширение возможности удовлетворения разумных потребностей людей, избавляющее их как от необходимости борьбы за жизненные средства, так и от порождаемых этой борьбой конфликтов, создает основу для выхода из зоны конфликтного социального развития.

Энгельс, еще раз отметим, не отрицая эволюционные механизмы развития, но будучи все-таки революционером по духу, связывал такое преобразование общества с революционным переворотом в существующем общественном строе. Однако современная история все чаще демонстрирует нам возможность разных вариантов развития, когда глубокие, качественные перемены могут совершаться эволюционным путем, снижая, а не обостряя уровень социальных конфликтов, за счет формирования материальных возможностей достижения компромисса различающихся общественных интересов и за счет расширения возможностей общественного предвидения результатов наших действий (о чем также, справедливо ради отметим, в свое время упоминал Энгельс).

Мы полагаем, что сегодня уже можно значительно более точно установить те предпосылки, при которых становится возможным предполагавшийся Энгельсом переход «от звериных условий сущест-

²⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961, с. 290.

²¹ Там же, с. 294.

ования в условия подлинно человеческие». В своей статье «От «зоо» к «ноо»...»²², опубликованной в журнале «Вопросы философии», я подчеркиваю, что теория ноономики, опираясь на исследование новейших тенденций технологического прогресса, показывает и те возможности, и те риски, которые создает нарастающая очередная, особая и беспрецедентная по своей мощи технологическая революция. Решение возрастающих проблем человеческой цивилизации оказывается связанным с резким возрастанием знаниеинтенсивности производства, с расширяющимися возможностями удовлетворения потребностей, прогрессирующим выходом человека из непосредственного процесса производства и отказом от нынешней экономической рациональности. На ее место приходит неэкономический способ удовлетворения конкретных человеческих потребностей, и прежде всего – потребностей в развитии самого человека на основе критериев знания и культуры. Именно такой общественный порядок общественного устройства мы и назвали ноономикой.

Несмотря на то значительное время, которое отделяет работы Энгельса от сегодняшнего дня, его идеи предстают как луч света в мутном тумане современной экономической науки, которая не может вырваться за рамки экономической рациональности, подчиняющей деятельность человека критериям выгоды, а не соображениям разума, опирающегося на лучшие нормы человеческой культуры. Энгельса выгодно отличает от основного течения современных общественных наук, во-первых, последовательно материалистический взгляд на социально-экономическое развитие, ставящий это развитие в прямую зависимость от достигнутого уровня производства, техники и технологий; во-вторых, для него характерен смелый теоретический взгляд в будущее, стремление увидеть в противоречиях настоящего возможность подняться на более высокую ступень общественного прогресса.

И теперь, в переходную эпоху формирования грядущей общественной модели, такой смелый взгляд в будущее, опирающийся как на новые материальные возможности, так и на успехи в теоретическом исследовании условий нашего общественного бытия, востребован как никогда ранее.

²² Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии, 2018, №7, С. 109–118.

С.Д. Бодрунов

**ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: НТП, ДИФФУЗИЯ
СОБСТВЕННОСТИ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА,
СОЛИДАРИЗМ¹**

**Доклад на открытии Пленарной сессии
Объединённого международного конгресс (СПЭК-ПНО-2020)
«Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности,
социализация общества, солидаризм»**

(2-4 декабря 2020 г.)

Уважаемые коллеги, я искренне рад приветствовать Вас на объединённом конгрессе «СПЭК-ПНО-2020»!

Мы впервые проводим его в таком формате. Такая форма проведения, когда одновременно проходят два, ставших уже традиционными, авторитетных мероприятия (СПЭК и Конгресс ПНО), вызвана не организационными или техническими ограничениями, накладываемыми пандемией. Хотя без вмешательства этого фактора не обошлось.

В основе проведения объединённого конгресса лежит объективная логика развития глубинных, фундаментальных институциональных процессов, которые протекают под влиянием технологической революции, а также логика теоретического осмысления этих процессов.

Базовая идея проводившихся в последние годы Санкт-Петербургских международных экономических конгрессов (ключевой российской интеллектуальной площадки) заключалась в поиске новых траекторий развития экономики и общества в целом в условиях новых вызовов. На этой основе возникли и получили отклик, в том числе в мире, концепции реиндустриализации, нового индустриального общества второго поколения, ноономики.

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России» – 2021. – №1(67). – С. 5-14

Первоосновой возникновения этих концепций стало понимание определяющего характера технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Мы не сторонники сугубо технократического подхода, но нельзя не признать, что именно развитие знания, познания нами мира, своих потребностей и способов их удовлетворения, ускоривших НТП и индустриальный способ производства, технологические импульсы – все это порождает изменение институтов, общественного устройства, способов организации нашей жизни... это как «круги на воде», распространение которых и их интерференция приводят к многочисленным, порой слабо предсказуемым, отражениям в зеркале экономики и в обществе в целом.

Ежегодный конгресс ПНО, посвященный интеграции производства, науки и образования, по существу, рассматривает те же процессы, но не «сверху» – через анализ глобальных и перспективных макротенденций, как это происходит на СПЭЖе, а «снизу» – через изучение и поиск путей оптимизации процессов функционирования и развития материального базиса нашего общества (производства), рассматриваемого в неразрывном единстве с его знаниевой компонентой (наукой и образованием). Он направлен на исследование процессов развития науки, ее связи с индустрией, а также подходов к решению практических задач ближней перспективы – по реиндустриализации российской и мировой экономики на высокотехнологической основе в рамках стартовавшего формирования нового технологического уклада и очередной НТР как практических компонентов начинающегося перехода экономики к этапу НИО.2.

Как следует из гегелевской диалектики, накопление количественных изменений в системе неминуемо приводит к качественному скачку, к её переходу в новое состояние. Именно такая картина, в строгом соответствии с фундаментальными философскими закономерностями, сложилась в нашей области исследовательской активности.

Накопленные знания, результаты исследований, теоретических обсуждений и прикладных дискуссий, проводившихся на двух конгрессах (СПЭЖ и ПНО), привели к возникновению нового качества, к новому пониманию ситуации. И сегодня, коллеги, настал момент объединить наши усилия. Именно поэтому мы

проводим не «совместный», а «объединенный» международный конгресс. Предметом анализа на нем должны стать изменения, которые мы наблюдаем в экономике и обществе, конструирование видения будущего экономического и социального устройства, а также разработка инструментария бесконфликтной и эффективной трансформации – перехода к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству нашей жизни.

Один из самых актуальных и одновременно трудных, мучительных вопросов современности – глобальный кризис современной социально-экономической системы.

Эта система и ее слагаемые (экономика, общество, человек) находятся в **системном** кризисе, который в полной мере затронул совокупность *производственных отношений и экономических институтов*. Рыночные механизмы саморегулирования все чаще дают сбой. «Невидимая рука» рынка чем дальше, тем чаще указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнического использования ресурсов, а не прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Не лучше дело и с институтами государства и демократии: в одних странах подвергают сомнению результаты выборов, в других эти самые результаты известны задолго до выборов и т. п. Свобода, с одной стороны, все чаще превращается в коктейль из вседозволенности и безразличия, а с другой – попирается корпоративным, масс-медийным и идеологическим манипулированием.

В кризисном состоянии находятся мировые экономико-политические взаимодействия, геополитэкономия, как говорит наш канадский коллега Радика Десаи. Геополитэкономическая конфигурация мира изменяется, но траектории этих изменений темны и противоречивы.

И – едва ли не наиболее негативный момент: люди теряют идейные и духовные ориентиры. Как бы устаревший как бы постмодернизм разрушил «высокие нарративы». Категории прогресса, истины, добра и красоты чуть не полвека назад были отпращены в пыльные чуланы идеологического вакуума.

Не хочу предстать алармистом, но каждый из участников нашего Конгресса чувствует (как личность) и знает (как интеллект), что ситуация крайне противоречива. И это, намеренно повторю, и *практическая* проблема, и *теоретический* вызов.

Тем важнее искать и находить лежащие в пространстве науки решения глобальных проблем, которые станут основой для выработки теоретически обоснованных, ответственных, стратегически выверенных решений. Над этим работают многие коллективы мира и России. Над этим работает вот уже не первое десятилетие Санкт-Петербургский Институт нового индустриального развития имени Сергея Юльевича Витте – ученого и политика, умевшего находить теоретические и практические решения, ставшие более столетия назад основой быстрого, хотя и противоречивого, экономического роста Российской империи.

Начну с экономики, экономической теории, которая (и это не парадокс, а логика научного исследования) начинается с обобщения фактов.

Общепризнанными эмпирическими свидетельствами системного кризиса современности стали периодически повторяющиеся, начиная с 2008 г., финансово-экономические кризисы. Существенно, что нынешний кризис начался до широкого распространения коронавируса; последний стал триггером, но не причиной кризисных явлений. Не было бы коронавируса, возник бы другой «толчок», который вывел бы экономику и общество из состояния равновесия. «Черный лебедь» (в терминологии Нассима Талеба) уже давно кружился над нами. И его прилет, роковой «взмах крылом» были лишь вопросом времени.

Замечу, что мы были в числе первых, кто громко заявлял о необходимости отхода от однобокого видения модели развития человечества. Развития, тесно увязанного с идеалистически понимаемой рыночной концепцией хозяйствования, когда рыночные отношения активно проникают во все сферы жизнедеятельности общества: культуру и искусство, образование и воспитание, здравоохранение, физическую культуру и спорт, науку, право и публичное управление и т. д.

Из важной, ключевой сферы, создающей материальные условия для жизнедеятельности людей и развития общества, экономика (и некоторые экономисты) стала претендовать на определяющую роль в обществе, когда финансиализация разрушает и деформирует те его сферы, которые по самой своей сути ограничено коммерциализуемы либо вообще не коммерциализуемы без принципиальных деформаций человеческого сознания.

Заметим, что прогрессивные ученые, политики и общественные деятели из разных стран мира еще в 1990-е гг. осознали опасность. Была разработана «Концепция устойчивого развития», закрепленная в системе из 17 Целей устойчивого развития, принятых на уровне Организации Объединенных Наций.

Но дает ли существующая теория ответ на вопрос о причинах этих явлений?

Господствующая вот уже более века неоклассическая экономическая теория не признает системности кризиса, сводя все проблемы к тактическим просчетам в деятельности государства. При этом, с точки зрения ученых, тяготеющих к монетаризму, причина в том, что в современной экономике слишком много государственного регулирования, а, по мнению ученых, близких к кейнсианству, государственного регулирования слишком мало.

Но в этот ли дело?

Предмет нашей науки – не только эмпирически наблюдаемые структуры, правила игры, отражаемые статистикой количественные процессы. Экономическая теория, вооруженная «микроскопом» научных абстракций (воспользуюсь образом, предложенным Марксом), может и должна видеть нечто более глубокое – содержание эмпирически наблюдаемых форм, качественные изменения, скрытые за изменениями количественных показателей. Между тем о качественных изменениях существующей системы в рамках «основного течения» экономической теории мало кто задумывается.

К примеру, современные ортодоксальные марксисты, на первый взгляд, правы, направляя свои усилия на поиски изменений в содержании существующей социально-экономической системы, которую они называют капиталистическим способом производства. Но при этом они по большому счету не идут дальше своих учителей – Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Споры нет, это были великие ученые, и мы не случайно в Вольном экономическом обществе России и Международном Союзе экономистов провели большие международные конгрессы, посвятив их в 2018 г. 200-летию Маркса, а буквально 5 дней назад – 200-летию Энгельса. Но сколько же можно петь «старую песню о главном» – об общем кризисе капитализма, который почему-то никак не хочет превращаться в социализм, да еще и революционным путем?

Да, Р. Мандел и И. Мессарош, Ф. Джемиссон и Э. Харви и многие другие, в том числе и в нашем отечестве, пытаются «обновить» Маркса, но от старых догм о коммунизме и социалистической революции они, в основном, не желают отказываться.

Между тем – мир изменился.

Нам нужны не только другие **ответы**. Нам нужны другие **вопросы**.

И главный их этих вопросов – гораздо более фундаментален, нежели просто тезис об исчерпанности капитализма.

Мы должны спросить себя: а не является ли нынешний кризис свидетельством **исчерпанности** основанной на парадигме рынка, собственности и приоритета прибыли **экономической модели развития социума**? Как таковой, вообще?

Беру на себя ответственность, во-первых, поставить на нашем конгрессе этот вопрос в полный рост (опираясь на плечи титанов, сказавших что будущее лежит «по ту сторону царства экономической необходимости»). Во-вторых, сказать: да, экономический тип общественного бытия фактически исчерпан. Мы еще не падаем в бездну, но – активно приближаемся к ее краю.

Человечество стоит перед фундаментальной развилкой: или – планетарная катастрофа, или – качественно новый тип развития.

Итак, ни неоклассика, ни марксистская политическая экономия, даже с обновлениями, не предлагают теоретически обоснованных альтернатив, адекватных вызовам XXI в. Это касается и других ветвей обществознания. Возьмем те же идеи «устойчивого развития» ООН, которое в большинстве случаев сводится к несколько большему вниманию к экологическим, социальным и гуманитарным проблемам, что правильно, но совершенно недостаточно.

Альтернатива – стратегия перехода к качественно новому состоянию общества. Какому? Участникам сегодняшней встречи ответ, я думаю, известен: мы уже не раз характеризовали это качественно новое состояние на наших конгрессах, в частности на СПЭК-2019. Это – **движение к Нооэкономике через Новое индустриальное общество второго поколения – НИО.2**.

Наша концепция цивилизационного развития – теория Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и нооэкономии – близка к Концепции устойчивого развития своим гуманистическим содержанием, признанием важности экономи-

ческих целей в развитии современной цивилизации, но – не их первичности.

Исследуя долгосрочные перспективы и тенденции развития, мы предлагаем инструментарий согласованного достижения этих и более продвинутых целей через постепенную трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знаниеинтенсивного характера, а социальным процессам – ноонаполнения.

Ранее мы говорили, что основой этой грандиозной трансформации является объективный **процесс технологического развития**. Однако, этот «вечный двигатель» общественного прогресса находится в «плохих руках». Он встроен в весьма неэффективную «повозку». Потенциал современных НБИКС-технологий неисчерпаемо велик, они могли бы двигать нас вперед с «ускорением ускорения», но существующие, становящиеся все более архаичными экономические отношения и институты тормозят научно-технический прогресс. И здесь вполне уместно вспомнить о подвергнутом критике марксизме: в нем есть немало актуальных тезисов, в том числе о том, что производственные отношения на определенном этапе могут становиться тормозом, оковами прогресса производительных сил.

О каких главных трендах в развитии технологий можно говорить в этой связи? Мы в своих работах говорим о них уже не первое десятилетие. Сегодня основные из этих положений, фиксирующих объективные аспекты прогресса технологий, признаны экспертным сообществом. Выделим важнейшие:

- превращение знаний в главный источник, ресурс и результат социально-экономического развития;
- переход к шестому технологическому укладу и далее;
- зависимость всех основных результатов социального бытия (от форм экономической организации до политического устройства и культурных императивов) от технологического базиса.

Мощь современных технологий создает возможность (пока не реализованную, но объективно востребованную) перезагрузки и трансформации всех сфер – общественного производства, социально-экономических отношений и институтов.

Как эти цели могут быть достигнуты? Каков **путь** перехода к новому качеству общественного бытия – **к формированию нообытия?**

Этот путь, эта траектория – равнодействующая, говоря языком математики, четырех базовых векторов.

Вектор первый касается материальных условий перехода. **Технологический прогресс** уже на уровне шестого уклада создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Уже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пятый (пока еще не шестой!) технологический уклад, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство) занято лишь 20...25 % работников. Между тем в тех странах, где деиндустриализация оказалась не столь разрушительной, как в США или России, эти 25 % всех работающих производят достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы полностью обеспечить потребности своих стран и еще экспортировать продукцию этих отраслей. Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства.

Но – подчеркну – не по ту сторону индустрии. Напротив: оно стоит на пороге движения к наиболее развитой индустрии, качественно иной – индустрии, где человек выполняет творческие функции, переложив все остальные на систему машин. Поэтому, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на новой технологической основе. Ключевым фактором и базовым ресурсом развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а знания – новые знания, которые касаются прежде всего новых технологий деятельности. Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивностью, а производимый им продукт – высокой знаниеемкостью. Именно это станет базовым фактором, материальной основой и предпосылкой общественного прогресса.

Второй вектор касается базисного механизма формирования и удовлетворения человеческих потребностей. **Это – трансформация экономического способа удовлетворения потребно-**

стей в неэкономический. Одно из важных слагаемых этого процесса, даже, возможно, важнейшее – **диффузия собственности.**

Процессы формирования новых, преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности известны давно. Процесс диффузии частной собственности начался более столетия назад и состоит в следующем:

- индивидуальный частный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров;
- права частного собственника «ветвятся» и разделяются между акционерами, менеджерами, работниками и другими экономическими акторами;
- наиболее активными инвесторами все чаще становятся не отдельные физические лица, а различного рода фонды – пенсионные, страховые и т. п.;
- часть прав собственности передается работникам, в том числе в рамках различных государственных инициатив;
- государство не только ограничивает, но и регулирует деятельность частного собственника, накладывая на него социальную ответственность (в законодательстве многих стран записана ответственность частного собственника перед обществом, что, в частности, инициирует формирование и развитие социально ответственного бизнеса; напомним известный тезис – *собственность обязывает*).

Не меньшее значение имеют относительно новые тренды – развитие различных форм так называемого ассоциативного, совместного производства и потребления: *коворкинг, коливинг, каршеринг* и т. п. Входит в научный обиход понятие «отказ от собственности».

Однако сейчас гораздо важнее зафиксировать другое: мы ведем речь о **диффузии не частной собственности, а собственности как особого отношения и института** (равно как и соответствующей категории, выражающей наиболее существенные отношения действительности).

Обратим внимание на следующее. Термин «диффузия» используется для обозначения различных явлений. Это – и «распространение», и «растекание» чего-то, и даже «взаимодействие» некоей субстанции с чем-либо. В физике часто под диффузией

понимают проникновение молекул или атомов одного вещества между молекулами или атомами другого.

Подбирая термин для обозначения явления в экономике, относящегося к процессам, происходящим с институтом собственности, мы отталкивались от первичного значения латинского слова *diffusio* – рассеяние или, по аналогии с известным физическим процессом, – испарение.

Таким образом, процесс снижения значения института собственности как базового для реализации современного – экономического – способа удовлетворения потребностей людей мы назвали «диффузией собственности», подразумевая постепенное снижение такового значения вплоть до его полного исчезновения в процессе развития по первому вектору – «насыщение реальных потребностей за счет НТП и развития индустрии 4.0».

Но вспомним политэкономический взгляд: собственность – это не вещи сами по себе и не право распоряжаться ими, а общественные отношения людей по поводу вещей. Эти отношения, в отличие от вещей, не есть величина постоянная, они меняются в процессе общественного развития. Так же, как и капитал, по Марксу, не вещи или деньги сами по себе, а определенные экономические отношения между людьми.

Таким образом, изменение экономических отношений обусловлено изменениями, происходящими с институтом собственности. И если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и экономические отношения, уступая место иным, не навязанным экономической логикой. То есть – с редуцированием значения собственности исчезает и экономическое общество.

Возможно, в настоящее время этот тезис выглядит чрезмерно революционным. Но я на нем настаиваю. Постепенно, эволюционно (я против любых революций, даже в локальных сферах) отношения собственности отмирают, «засыпают». И происходит (и произойдет) это не потому, что некий **субъект** совершает политический, насильственный акт и «экспроприирует экспроприаторов» (этот тезис Маркса в нынешних условиях, в том числе в условиях достигнутой мощи современных «технологий уничтожения», я считаю не просто ошибочным, но вредным и опасным!), а в силу **объективного**, от воли и сознания политических субъектов не зависящего процесса – в силу прогресса технологий, приводящего к смене

одного типа общественного производства и присвоения другим. Но – только при условии движения по остальным векторам развития.

Каковы они?

Третий вектор касается траектории «движения» общественного компонента цивилизационного развития. Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу **социализации общества и развитию ноокачеств человека**.

Термин «социализация», выдвинутый в свое время социологами Франклином, Гиддингсом и Георгом Зиммелем, подразумевавший формирование социальных групп и их развитие, в настоящее время используется во многих науках и в очень разных смыслах. Говорят о социализации чего угодно: экономики, ребенка и даже животных. В экономической теории с этим понятием, как правило, связывают возрастание роли общественных и снижение роли частных начал в экономике (например, речь идет о росте государственного регулирования, бесплатного образования и здравоохранения, пенсионного обеспечения и т. п.).

Мы и здесь ведем речь об иных, гораздо более фундаментальных процессах.

Описанные выше процессы прогресса НТП и диффузии собственности ведут к тому, что Человек должен обретать и (частью – вынужденно, частью – сознательно) обретает все большую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более культурным, думающим о своей общественной миссии, включающей не только ответственность, но и общественное признание, **продвигаясь от «зоо» к «ноо»** – в отношении формирования своего поведения в обществе и критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра.

Обратим внимание на оборотную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий нормы общества, его установок, морали и т. п., т. е. становящийся все более культурным, ответственным перед обществом человек оказывает соответствующее – социализирующее – воздействие на экономические, политические и прочие общественные институты, внося в них собственные, порой – отличные от стандарта или общепринятых на конкретном этапе, представления и форматы бытия. Раздвигает его существующую критериальную базу. Скажу жестче: **человек социализирует общество**. Все более социализирующийся человек привносит в

общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя социополитико-экономические институты, делая их все более ориентированными на продвижение. Но – куда? Важно – чтобы к **ноообществу**, расширяя ноопространство. Конечно, если будут прилагаться осмысленные, **осознанные** в своей безусловной необходимости усилия по формированию у людей, особенно вступающих в жизнь, соответствующих идей и принципов их осуществления.

Вектор четвертый, касающийся идеологической платформы перехода к неэкономической модели. «Коренник» (позволю себе этот образ) в четверке, «квадриге ноономики» – **солидаризм**. Это – «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп и институтов.

Отмечу: и здесь речь идет не о различных и давно известных формах «экономики солидарности» (кооперативов и т. п.), а о качественно новом типе взаимодействий всех социальных акторов, где на место борьбы и конкуренции приходит **взаимоосознание единства ценностей, целей и путей совместной деятельности**.

Солидаризм (от французского – *solidarisme*) в классическом понимании – это достаточно известная теория о необходимости солидарности и стремления к компромиссу, *социальному сотрудничеству* и *духовному доверию* среди различных слоев общества, в том числе *классов, партий и групп интересов*. На практике солидаристские отношения строятся либо на системе взаимовыгодных договоров, ориентированных на общие интересы, либо на совокупности добровольных сообществ.

Идейно-философские основы солидаризма заложили в XIX в. французский экономист *Пьер Леру* и французский юрист *Леон Буржуа*, которые выступали за социальную ориентацию, справедливую *налоговую систему* и развитые социальные программы. При этом они подчеркивали самоценность демократии, гражданского равноправия и общественного взаимопонимания.

В течение последующих десятилетий солидаризм использовался как идеологическое подспорье различными политическими силами в попытках сплотить общество, дать импульс кооперации общественных сил для различных целей и т. п. Яркими примерами являются НТС российских эмигрантов XX в., польская «Солидарность» 1980-х гг., ХДС в ФРГ, концепции интегрального об-

щества и конвергенции. Извращенные версии концепции солидаризма применялись и различными режимами в тоталитарных целях. Однако мы полагаем, что сегодня использование платформы истинного солидаризма в условиях взаимодействия четырех перечисленных источников ноотрансформации общества является активной, единственной и безальтернативной необходимостью.

При этом важно помнить, что уже существующие отношения и институты упомянутой «экономики солидарности» могут сыграть (и сыграют) важную практическую роль на промежуточных этапах продвижения к ноомиру.

Конечно, отношения солидаризма не могут родиться одноmomentно – **нужен период эмбрионального развития в утробе пока еще остающегося экономическим, рыночно-капиталистическим, общества.** И здесь вступает в свои права традиционный политико-экономический подход, исследующий потенциал стратегического планирования, активной промышленной и социальной политики, развития различных ассоциированных форм производства и потребления, пользования и присвоения, обмена и распределения. Осознавая историческую миссию нашей страны (а я в это верю!), мы должны существенно усилить наше экономическое развитие по направлению той равнодействующей, о которой здесь говорим. И компоненты этого движения (вдобавок к упомянутым выше) – это развитие инфраструктуры и наших регионов, подъем инновационности экономики, развитие экономики знаний и та же цифровизация как неотъемлемый фактор модернизации экономики и вхождения в очередной технологический уклад и в новый уклад мирохозяйственный.

Подчеркну еще раз: современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим. И традиционный институт собственности, основанный на монополии, поддерживает эту тенденцию. Но все более востребованный учет интересов других субъектов приводит к необходимости солидарного решения упомянутых хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого нашло отражение в концепции конкуренции (сотрудничество + конкуренция, англ. *co-competition*), в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера и в других идеях. На наш взгляд, намечающийся в теоретическом осмыслении консенсус подтверждает тезис о том, что *солидаризм* –

объективное условие генезиса ноообщества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию. Более того, осознание этого приходит и в Россию, воплощаясь в идейный базис нашего развития. Поправкой к Конституции России 2020 г. солидаризм провозглашается в РФ на уровне Конституции (статья 75-1): «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Названные выше четыре направления характеризуют не только компоненты равнодействующей направления движения, но и источник, цель, механизм и средства продвижения к ноономике.

Подчеркнем, что рассмотренная нами квадрига векторов развития составляет основу для перехода к новой организации общества. Задействование всех ее элементов в комплексе позволит не только осуществить этот переход, но и (что крайне важно для нашей жизнедеятельности), во-первых, «обойти» наступающую кризисную точку бифуркации цивилизационного развития; во-вторых, осуществить этот переход бесконфликтно.

На наш взгляд, эти четыре компоненты имеют принципиальное значение для нооперехода, для его теоретического осмысления и практического осуществления. НТП создает материальные условия этого перехода. Диффузия собственности как следствие НТП и естественного развития этого института обеспечивает изменение механизма удовлетворения потребностей. Процесс социализации общества создает новые духовно-культурно-ценностное ядро и критериальную базу перехода. Солидаризм – идеологическая платформа перехода.

И в завершение хочу сказать: в свое время классики оставили нам в наследие «три источника и три составные части марксизма», летящую в светлое будущее русскую «птицу-тройку», «трех богатырей», разбивающих неприятеля.

Предлагаемая четверка, «квадрига ноономики», неслучайно перекликается по своему звучанию с «квадригой Аполлона» – мы сегодня ведем речь о продвижении к тому пространству, где новое индустриальное производство, обеспечив материальные потребности бытия, становится «служителем муз», основой удовлетворения истинной потребности людей – в культурном и творческом развитии.

Часть 3.

НООНОМИКА

С.Д. Бодрунов

**Ноономика как модель социального устройства:
предпосылки возникновения, сущность, механизм
формирования¹**

Курс ноономики для университетов²

Введение

Сегодня, если судить по сообщениям средств массовой информации, политическим дискуссиям, опросам населения и другим информационным источникам, одно из наиболее значимых событий – пандемия новой коронавирусной инфекции Covid-19. Огромное число людей во всем мире задумываются и рассуждают о том, как изменит нашу жизнь, и уже меняет ее, этот новый вызов и усилия по его преодолению. Из этого складывается ощущение, что турбулентность, порожденная коронакризисом, является чем-то принципиально новым и неожиданным.

Но это вовсе не так.

Да, конкретное явление – влияние пандемии Covid-19 – действительно является новым. Но оно лишь более объемно показывает проявление глобальной тенденции непрерывных изменений, совокупность которых и составляет суть развития экономики и социума в целом. Если говорить о пандемии, то следует отметить, что она лишь обострила и более четко высветила те проблемы и противоречия, которые имелись и ранее. При этом

¹ Полная версия лекции опубликована: *Бодрунов, С.Д.* Ноономика как модель социального устройства: предпосылки возникновения, сущность, механизм формирования / Вводная лекция к учебному курсу «Общая теория ноономики» / С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. – 39 с.

² Материалы водной лекции к учебному курсу «Общая теория ноономики», прочитанной в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, 08 сентября 2020 г.), в Уральском государственном экономическом университете (Екатеринбург, 22 октября 2020 г.)

она, безусловно, ускорила многие процессы, зревшие в общественном и социально-экономическом развитии, послужив своеобразным триггером социальных и экономических изменений.

Как известно из диалектики, мир соткан из противоречий. Существование общества без противоречий невозможно. И именно выбор – порой осознанный, порой – спонтанный, стихийный определяет способ разрешения этих противоречий и всю траекторию общественного развития. Осознанная деятельность человека, которая, безусловно, зиждется на научном подходе к изучению объективного мира, должна быть направлена на выявление не только (и не столько!) ситуационных проблем (наподобие преодоления пандемии Covid-19), но и (что, пожалуй, важнее!) на глобальное видение магистральных направлений развития, движущих сил и закономерностей этого развития.

Об этом и пойдет далее речь сегодня.

Еще раз, последний на сегодня, отвлекусь от основной темы и вернусь к «ковидной проблематике». Говоря о том, что это «ситуационная проблема», я вовсе не имею в виду, что она не значима, не существенна. Во все нет. Пострадало огромное количество людей. И представленные ниже рисунки (**слайд 1, слайд 2**) об этом ярко свидетельствуют (использованы данные газеты «Коммерсант», актуальные на 23.08.2020 г.). Коронавирус при этом нанес существенный удар по мировой экономике, с очевидностью подтвердив неэффективность принятой в «цивилизованном мире» экономической модели, ее хрупкость и неустойчивость, ее нестрессоприспособленность. Обратите внимание, например, на постоянно меняющуюся тревожную статистику падения ВВП в различных странах. И именно поэтому нынешний кризис стал и очередным ярким сигналом неблагополучия в наших представлениях о том, образно говоря, «что такое хорошо и что такое плохо» в экономике, в наших представлениях о модели удовлетворения потребностей людей, которая называется «экономика», и тем самым упомянутым выше триггером изменения этой модели.

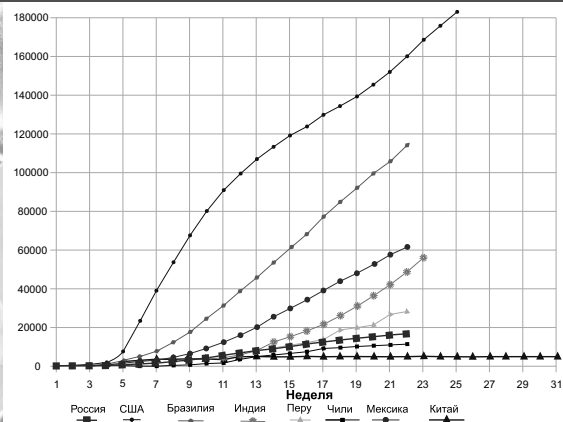
Распространение коронавируса по странам мира (топ-10)

	СТРАНА	ЗАБОЛЕЛИ	УМЕРЛИ
1	США	5 667 112	176 353
2	Бразилия	3 582 362	114 250
3	Индия	3 044 940	56 706
4	Россия	956 749	16 383
5	ЮАР	607 045	12 987
6	Перу	576 067	27 245
7	Мексика	556 216	60 254
8	Колумбия	522 138	16 568
9	Чили	395 708	10 792
10	Испания	386 054	28 838

Слайд 1

Источник: <https://www.kommersant.ru/doc/4314405>

Динамика смертности от Covid-19 в странах мира:

Слайд 2

Источник: <https://www.kommersant.ru/doc/4314405>

В то же время, с позиций глобального развития, долгосрочного социально-экономического развития, проблемы, вызванные текущей пандемией, – это лишь один из моментов, одна из точек на этой магистральной траектории. И каждая из таких «точек» порождает изменения и в обществе, и в экономике. Причем в ряде случаев – стремительно, а порой – и необратимо. В результате – образ будущего, который постоянно становится нашим настоящим, оказывается не всегда таким, как ожидалось.

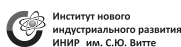
Проблемы развития: краткий обзор

Как уже было отмечено, мир устроен противоречиво и небеспроблемно. В то же время, эти проблемы тесно связаны с развитием, определяют его.

Каковы же они?

Не претендуя на полный и всеохватный обзор, назову некоторые, что называется – наиболее животрепещущие. В этом нам поможет **слайд 3**, на котором показана большая часть из них, перечисленная в т.н. Целях устойчивого развития, принятых ООН.

Давайте всмотримся в него.

Цели устойчивого развития

<p>1 ЛИКВИДАЦИЯ НИЩЕТЫ</p>	<p>2 ЛИКВИДАЦИЯ ГОЛОДА</p>	<p>3 ХОРОШЕЕ ЗДОРОВЬЕ И БЛАГОПОЛУЧИЕ</p>	<p>4 КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ</p>	<p>5 ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО</p>	<p>6 ЧИСТАЯ ВОДА И САНИТАРИЯ</p>
<p>7 НЕДОРОГОСТОЯЩАЯ И ЧИСТАЯ ЭНЕРГИЯ</p>	<p>8 ДОСТОЙНАЯ РАБОТА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ</p>	<p>9 ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, ИННОВАЦИИ И ИНФРАСТРУКТУРА</p>	<p>10 УМЕНЬШЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА</p>	<p>11 УСТОЙЧИВЫЕ ГОРОДА И НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ</p>	<p>12 ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО</p>
<p>13 БОРЬБА С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА</p>	<p>14 СОХРАНЕНИЕ МОРСКИХ ЭКОСИСТЕМ</p>	<p>15 СОХРАНЕНИЕ ЭКОСИСТЕМ СУШИ</p>	<p>16 МИР, ПРАВОСУДИЕ И ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ</p>	<p>17 ПАРТНЕРСТВО В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ</p>	<p>ЦЕЛИ в области устойчивого развития</p>

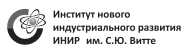
Слайд 3

Источник: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld>

На чем хотелось бы остановиться? Все они проистекают из нынешней модели экономики, но для нашего рассказа достаточно обратить внимание даже на некоторые из них.

Возьмем, к примеру, проблему бедности.

Нам, живущим в относительно благополучной стране, да еще и испытывающим неудовлетворенность от того, что наш уровень жизни кажется нам недостаточным, порой сложно представить себе масштаб этой проблемы. Но он воистину ужасающий. Так, по данным Всемирного банка³, почти 46% населения Земли, или 3,4 млрд человек, живут менее чем на \$5,5 в день; свыше 1,9 млрд человек, или 26,2% населения мира, живут на менее чем \$3,2 в день. В России ситуация тоже не радужная: при средней зарплате и средней пенсии соответственно ок. 700 и 220 долл. США (23 долл. в день и 7,3 долл. в день), в России бедность многие годы сохраняется на уровне около 12% населения, что показано в нижеприведенной таблице (слайд 4), построенной по официальным данным Росстата⁴.

**Численность населения с денежными доходами ниже
величины прожиточного минимума
в Российской Федерации
(в процентах от общей численности населения)**

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3

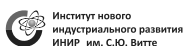
Слайд 4

Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

³ См. <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/overview#3>.

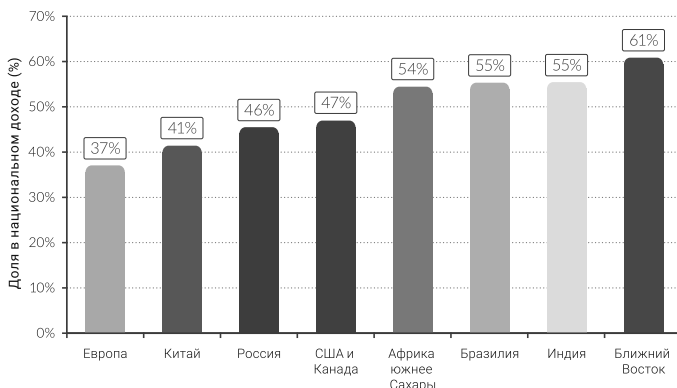
⁴ См. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>.

Еще одна проблема – огромное и постоянно усиливающееся социальное неравенство. Конечно, оно тесно связано и с бедностью, т.е. с неравенством в доходах. И оно, это неравенство, очень велико, что иллюстрируется, например, данными за 2016 год, приведенными на следующем рисунке (слайд 5). Сейчас эти данные еще более весомые.

Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

Доля 10 % самых богатых в национальном доходе в различных регионах мира в 2016 году

Слайд 5

Источник: данные Лаборатории неравенства в мире <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf>

Но само по себе неравенство в доходах – хоть и не есть свидетельство социальной справедливости в современной экономике, имеет гораздо более важные негативные следствия. Неравенство в доходах проникает и в другие сферы. Возникает неравенство и даже дискриминация в выборе профессий, доступе к образованию, здравоохранению, уровню культуры и т.д. Один из последних активно обсуждаемых феноменов – цифровое неравенство, наличие которого – в условиях современной цифровой революции – просто «отрезает» целые социальные слои, регионы и даже страны от того, чтобы воспользоваться положительными плодами цифровизации, «отрезает» их от прогресса.

Есть еще и другие проблемы – распространения социальных пороков и язв, экологические и т.д.

Казалось бы, если проблемы обозначены, хорошо известны, то должны быть найдены пути их разрешения.

Почему же существенного прогресса не наблюдается?

Дело в том, что рассматриваемые проблемы, во-первых, носят комплексный характер, они затрагивают не одну группу людей, регион или государство, но весь мир. И лишь от согласованных усилий всего человечества зависит прогресс в их решении. Например, мы у себя можем сколько угодно заботиться об экологии и строить различные очистные сооружения, закрывать угольные электростанции и т.д. Но если в сопредельном государстве аналогичные меры столь же активно предприниматься не будут, то за счет трансграничного переноса воздушных масс все усилия экологического свойства могут быть перечеркнуты.

Далее, эти проблемы, во-вторых, требуют очень значительных ресурсов на свое разрешение. Ресурсов, которых попросту зачастую нет. Особенно у развивающихся стран. Поэтому, опять же, требуются согласованные усилия.

В-третьих, сложность состоит в том, что указанные проблемы не существуют отдельно друг от друга, они сплетены в сложный клубок, в котором все они влияют друг на друга. И мы сегодня об этом уже говорили, например, указывая на связь проблем неравенства и бедности, доступа к услугам здравоохранения и т.д. То есть – решать их необходимо не по отдельности, а совместно, что требует гораздо больших усилий.

Кроме того, в-четвертых, следует отметить, что названные проблемы вовсе не являются результатом только лишь современного развития. Они, что называется, «вечные». Они логически, объективно вытекают из предыдущих этапов исторического развития. И всегда, и везде – и в современном мире, и 100, и 200 лет назад – развитие было связано с их разрешением. Меняется лишь их острота и приоритетность, меняются подходы к их разрешению, меняются используемые для этого инструменты. И в зависимости от понимания сути этих проблем (что влияет на выбор способов их разрешения!) меняется и траектория развития общества.

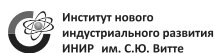
Поэтому первостепенное значение приобретает т.н. социальное проектирование, которое используется не только для предсказания, но и для созидания будущего устройства общества.

Научным анализом этих вопросов мы в Институте нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте профессионально занимаемся уже более двух десятилетий. И на основе этих

исследований мы можем дать аргументированный ответ на вопрос – так что же лежит в основе того, что эти проблемы возникают?

Дело в том, что признаки глубоких структурных трансформаций экономики и общества прослеживаются достаточно давно. Современная рыночная модель экономики и базирующаяся на ее использовании модель общественного устройства, часто называемая «капиталистическим», сегодня демонстрируют все признаки своего исчерпания и требуют смены парадигмы развития.

Как отмечает нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц в интервью (**слайд 6**), опубликованном в журнале Вольного экономического общества России «Вольная экономика», выпущенном к Московскому академическому экономическому форуму 2020 года, эта модель (цитирую) «приводит к весьма неприятным явлениям – вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится».

Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

Джозеф Юджин
Стиглиц

«...приводит к весьма неприятным явлениям – вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится»

Слайд 6

На что следует обратить внимание в этой цитате: на тесную увязку социальных и экономических процессов. Достичь гармонии в общественном развитии, справедливости, сбалансированности интересов различных социальных групп, гуманистической направленности развития общества и т.д., не изменив ле-

жащую в основе современного социального устройства модель удовлетворения потребностей людей под названием «экономика», невозможно.

Что же является предпосылками этих изменений? Каков их основной вектор? И какие усилия следует предпринять, чтобы наше будущее было не пугающе-неопределенным, а ожидаемым и дружелюбным, гуманистическим?

Попробуем в этом разобраться в следующем разделе нашей лекции.

Механизм удовлетворения потребностей при капитализме, как ключевой источник противоречий

Мы не зря говорим об экономике как механизме удовлетворения потребностей людей. Экономика как такой механизм существовала не всегда.

Любая система или форма организации человеческой жизни всегда в своей основе имеет одну и ту же цель. Это – удовлетворение человеческих потребностей. При этом заметим, не вдаваясь здесь в причины этого явления, что потребности человека постоянно растут. Вследствие хозяйственной деятельности создается тот или иной продукт, который удовлетворяет потребности людей – физиологические и психологические, которые определяются как биологическими, так и социальными предпосылками. На определенном этапе развития человека возник важный переход – произведенное либо найденное самим человеком перестало удовлетворять его возрастающие потребности. Возникла необходимость в мене. Возник институт собственности и экономика.

При этом любая модель экономики априори является несправедливой, поскольку предполагает развитие и расширение достижения такого определяющего ее явления, как выгода. И капиталистическая (рыночная) организация экономики не является исключением.

Именно механизм удовлетворения потребностей, который на сами эти потребности оказывает обратное влияние, требует, в этой связи, углубленного анализа.

Что же такое потребности? (Слайд 7)

Некоторые из известных определений приведены на слайде:

Большая психологическая энциклопедия:

потребность – состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности...

Философский словарь:

потребность – жизненная необходимость, нужда. Всегда ли потребность означает недостаток чего-либо? Не всегда. Например, всякому растению требуется вода, независимо от того, достаточно оно ее получает или нет...

Толковый словарь Ожегова:

потребность – надобность, нужда в чём-нибудь, требующая удовлетворения...

Энциклопедия социологии:

потребность – нужда в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности социальной группы, общества в целом; побудитель активности. Различают потребности первичные, вторичные, биологические, социальные...

Словарь бизнес-терминов:

потребность – внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточности чего-либо...

Слайд 7

Приведенные трактовки этого термина указывают на главное – потребности всегда являются побудителем к тому или иному человеческому поведению, как индивидуальному (когда голодный человек, например, собирает ягоды в лесу, чтобы удовлетворить свой голод), так и общесоциальные. Причем на последних надо остановиться особо. Обычно в литературе, рассуждая о групповых или социальных потребностях, имеют в виду, что они проявляются в согласованном поведении членов соответствующих групп и общества в целом. Например (групповая потребность): потребность жителей многоквартирного дома в безопасности, защите своего имущества от пожара и т.п., приводит к принятию ими коллективного решения об установлении в подъезде их дома металлической двери с домофоном или, соответственно, общедомовой системы пожарной сигнализации.

Но наши исследования указывают и еще на одно важное свойство потребностей, которое часто уходит из поля внимания теоретиков. Потребности являются настолько сильным фактором организации общества, что они влияют не только на поведение тех индивидов, которые их испытывают, но и на других членов общества, вызывая его, общества, структуризацию и самоорганизацию.

Поясню эту важную мысль. Вся известная нам экономическая деятельность построена на том, что одни люди испытывают потребности (например люди хотят хорошо выглядеть), а другие –

в стремлении удовлетворить эти потребности – изобретают различные способы деятельности, чтобы достичь этой цели (например, появляются салоны красоты, парикмахерские, производство косметических средств и модной одежды и пр.). Естественно, извлекая из этой хозяйственной деятельности выгоду для себя.

И эта потенциальная возможность извлечения собственной выгоды от удовлетворения чужих потребностей становится основным фактором формирования и развития экономики.

Важно подчеркнуть, и это указывалось в одном из вышеприведенных определений, что потребности бывают биологическими (витальными) и социальными, психологическими. Первые определяются естеством человека как живого организма. Вторые же зависят от культуры, воспитания, социального окружения, психологического опыта и многих других факторов общественного характера. И если на биологию человека влиять достаточно затруднительно, то на социальную среду – можно. И если поведение, обусловленное потребностями, приносит кому-то выгоду (в данном случае речь идет, по сути, о покупательском поведении), то стремление к ее извлечению (все больше и больше, преимущественно – любой ценой!) приводит к трансформации социальной среды.

Потребности, проявляющиеся в поведении человека, в отличие от природных инстинктов, всегда осознанны (важно обратить внимание – от слова «осо-знать»!) и контролируются человеком в рамках тех или иных социальных норм. Это справедливо даже в тех случаях, когда речь идет о потребностях биологических. Например, вряд ли кто-то из вас, испытывая чувство голода, начнет силой отнимать у коллеги булку или яблоко, жадно запихивая их себе в рот. Хотя голодные звери, даже одомашненные, ведут себя именно так. Еще выше роль социальных норм и правил в удовлетворении социальных потребностей.

Таким образом, мы подчеркиваем тот вывод, который только что был постулирован. В основе потребностей и их удовлетворения лежит знание, причем не всякое, а осознанное знание, осо-знание, которое воспринято индивидом и стало для него значимым фактором поведения. Философы считают, конечно, что потребности объективны. С этим следует согласиться. Но на этапе осознания потребностей они субъективируются. И чем более развито общество и его индивиды, тем более сложный процесс субъ-

ективизации потребностей происходит. В структурированном современном обществе даже потребности, например в еде, начинают регламентироваться многочисленными социальными правилами. Отсюда, например, возникают различные «модные диеты», порой завоевывающие миллионы сторонников. То есть, потребность человека в своей основе имеет осознанное знание. Звучит, конечно, это несколько тавтологично, но точно отражает смысл сказанного: при все богатстве выразительных средств русского языка, в этом случае мы сталкиваемся с их нехваткой. Действительно, через «осознание» (т.е. восприятие, понимание, «принятие» знания) тех или иных сведений, идей, информации человек формирует «знание» о том или ином объекте, в частности – о потребностях и способах их удовлетворения. При этом, как мы уже отмечали, процесс осознания происходит в некоем социальном окружении, зависит от него. От общекультурной среды, в которую погружен конкретный человек, индивид. Иными словами, человеческая культура определяет осознание потребностей.

В итоге возникает ситуация, описанная Корнеем Чуковским в известной загадке о зеркале:

«Мудрец в нём видел мудреца, глупец – глупца, баран – барана;

Овцу в нём видела овца, и обезьяну – обезьяна...».

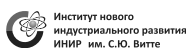
Подобно этому в растении под названием конопля кто-то видит просто незнакомое растение, кто-то источник наркотических средств, а кто-то – источник вкусного конопляного масла или семечек, которые можно использовать как корм для канареек. Всё определяется социальными установками, культурой того общества, в котором человек «состоит» как индивид, и его индивидуальными культурными установками.

Получается, что и наша хозяйственная жизнь определяется потребностями; и она же влияет и на социальную организацию. Но сами потребности реализуются в своей основе в рамках общекультурных установок и ценностей.

Отсюда вытекает важность этих самых установок не только для прогрессивного развития человеческого общества, а даже для его нормального существования. От этого зависит – а) как будут удовлетворяться потребности, б) каков будет их состав

и структура, их приоритеты и т.д. От этого же зависят механизмы удовлетворения потребностей.

Поэтому область знаний общего характера, выражающее «культурные коды» человечества в целом и отдельных социальных групп, т.е. знание критериального характера, весьма важно. (Слайд 8).

Толковый словарь Ушакова:

критерий – признак, на основании которого производится оценка, определение, классификация чего-нибудь, мерило.

Экономический словарь:

критерий – показатель, признак, на основании которого формируется оценка качества экономического объекта, процесса, мерило такой оценки.

Слайд 8

Люди с древнейших времен искали, формулировали критерии, определяющие их жизнь. Наиболее общие критерии человеческого поведения называются, к примеру, в христианских заповедях. Это известные «не убий», «не укради» и т.д. Осознанные критерии закрепляются в системе формальных и неформальных институтов, в законодательстве и морально-этических нормах.

Откуда берутся эти наиболее общие критерии?

Источники их различны, но наиболее адекватно главный такой источник раскрыт, по нашему мнению, в известном категорическом императиве Иммануила Канта и вытекающем из него «золотом» правиле нравственности: не делай другим то, что ты не желаешь для себя. Или, другими словами: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтоб поступили с тобой.

Указанные общие критерии и разрабатываемые на их основе частные критерии становятся основой не только для формирования потребностей, но и – что более важно с позиций нашего

анализа – для оценки их качества. Ведь, как мы помним, критерий – это правило для оценки качества чего-либо. В нашем случае – потребности или способа ее удовлетворения, т.е., в экономическом обществе – товара или услуги.

Одна из статей лектора, касающаяся проблемы развития критериальной базы поведения человека, опубликованная недавно в журнале «Вопросы философии», названа «От ЗОО к НОО».

«Ноос» по гречески – это разум. То есть, имея корни в биологии, в «зоо-», зоосуществе человека как исходно биосуществе, логика развития человеческих потребностей трансформируется так, что ведущим фактором становится знание, «ноо-». Отсюда, забегая вперед, и происходит термин, определяющий учебный курс, введением к которому и является настоящая лекция, – ноономика, т.е., упрощенно рассуждая, это «разумно» устроенная организация общества, его материальной и духовной основы. Это не означает, что эта разумность сводится лишь к простой непротиворечивости и логичности, т.е. к «рацио-». Вовсе нет, это означает, что она строится на рассмотренной нами критериальной базе высших порядков, на разумных началах, которые позволяют человечеству развиваться непротиворечиво и бесконфликтно.

Осмысление человеком своих потребностей приводит к предметному воплощению вещей, которые могли бы эти потребности удовлетворить. Возникает представление о конкретных предметах, например: нож (чтобы разрезать куски пищи), кресло (чтобы отдыхать), телефон (чтобы общаться с теми людьми, которые находятся не рядом). И здесь, опять же, очень многое зависит от культуры. Если в приведенном примере для нас олицетворением предмета для отдыха является кресло, то, скажем, для южноамериканского индейца – гамак. А нож для бандита – инструмент нападения.

Если рассматривать приводимую нами цепочку рассуждений на более высоком уровне абстракции, то возникает вопрос о происхождении многочисленных предметов, призванных удовлетворять человеческие потребности. Возникает понятие производства как способа удовлетворения потребностей, как совокупности действий по трансформации вещества природы (вообще говоря) в продукты, блага, способные человеческие потребности удовлетворять. И здесь мы вновь должны остановиться на роли знания, на роли того самого «ноо-», о котором у нас уже шла речь ранее.

Производство, по мере его развития, требует всё больших объемов как фундаментальных, так и конкретных знаний, вследствие чего возникает феномен научно-технического прогресса (НТП) как опредмеченного комплексного явления, связывающего воедино науку и производство, но ориентированного, как ранее мы и подчеркивали, по-прежнему, в конечном итоге, на удовлетворение человеческих потребностей.

Посмотрим детально: что такое современное производство? Какова его структура как системного явления?

Как показывают авторские исследования, эта структура может быть описана в виде совокупности четырех компонент:

– материалы; естественно, что фундаментальные физические законы сохранения никто не отменял. Сделать что-то, не имея исходно ничего, нельзя. Для любого производства нужны сырье, материалы, энергия. Для выпечки хлеба нужна мука, а для нее, в свою очередь, зерно. Для производства автомобиля нужен металл, для изготовления одежды – ткани, и т.д.;

– технологии; это – не что иное, как опредмеченное знание о том, как из исходных материалов получить готовый продукт, какие манипуляции с ним следует выполнить, какие действия произвести. Простейший пример технологии – описание рецепта приготовления блюда в поваренной книге. Другой пример: документация по строительству атомного реактора. Эти два различных, казалось бы, примера объединяет одно: в их основе – знание о том, как создать нечто из других элементов. Технологии без науки, без научно-технического прогресса, без «ноо-» невозможны. Но, скорее, это еще не «ноо-», скорее это – «рацио-». По крайней мере второй элемент («рацио-») здесь преобладает;

– организация производства; в простейших случаях, в докапиталистическую эпоху, и даже еще ранее – в эпоху до разделения труда этого элемента не существовало. Почему? «Реализатором», так сказать, технологии выступал один человек. Был, скажем, в поселении гончарных дел мастер. И он сам отыскивал сырье (глину) для своего производства, сам ее добывал и приносил в мастерскую, сам выполнял весь комплекс работ по производству каких-нибудь горшков или кувшинов и даже сам их затем менял или продавал. В помощниках он не нуждался. Они были попросту не нужны. Но, как показал Адам Смит, разделение труда изменило

ситуацию. Выяснилось, что если гончар сосредоточится только на своей основной работе, а добывать и доставлять глину поручит кому-то другому, то вдвоем (в режиме кооперации специализированного труда) они смогут произвести горшков более чем вдвое больше. С тех пор организация производства непрестанно менялась, пока эта систем не охватила не только отдельные производства, но и глобальную экономику в целом, когда отдельные регионы и даже страны начинают специализироваться на тех или иных видах производственной деятельности. При этом, если технологии требовали знаний преимущественно технических (скажем – физических, химических, биологических и т.д.), то организация производства дала толчок развитию социального знания, т.е. началось усиление «ноо»-компоненты, которое в дальнейшем неизбежно ведет к его доминированию над «рацио»-;

– труд; это – осознанная, целенаправленная деятельность человека (в рамках организации производства) по применению «технологий» для переработки, преобразования «материалов» в продукты, предназначенные для удовлетворения потребностей. Труд – центральный, узловый момент современной производственной модели, без труда экономика невозможна.

Запомним это!

И еще на что следует обратить внимание: все знаниевые компоненты производства, в конечном итоге, реализуются в его процессе именно через труд. Поэтому развитость этой компоненты (в современной экономической литературе часто называемой «человеческим капиталом») становится критически важной как для хозяйственной деятельности, так и для общества в целом. Именно поэтому столь важным является общекультурный аспект, ведь именно посредством культуры (образования, освоения трудовых и социальных навыков и норм) происходит «насыщение», если можно так выразиться, труда знаниями.

Обобщая, важно подчеркнуть, что все элементы производства, их качество существенно зависят от знания. И в этой связи можно говорить о глобальной исторической тенденции, выявленной в наших исследованиях, тенденции к росту знаниеемкости производства и росту знаниеинтенсивности его процессов. (Слайд 9).

Важно, что доля т.н. «знаниевой» компоненты по сравнению с компонентой материальной в процессе развития производства непрерывно растет.

Это – фундаментальный тренд, формирующийся объективными предпосылками. Он толкает производство вперед.

Помните, у шекспировского Гамлета возникает экзистенциальный вопрос: «Быть или не быть?...».

И здесь у нас также возникает экзистенциальный вопрос: а надо ли это? С общечеловеческих позиций, имеется в виду.

И здесь вновь на первый план выходит критериальная база, о которой уже шла речь.

Ответ на данный вопрос и, соответственно, оценка пути, по которому мы развиваемся, зависят от того, какими критериями мы будем руководствоваться. И здесь вновь надо вернуться к потребностям и их связи со знанием и осознанием. Формально говоря, любое производство и его рост направлены на удовлетворение потребностей. Но насколько объективны эти потребности? От оценки степени этой объективности и будет зависеть то, как

мы, с каким «знаком», в конечном итоге оценим нынешний – и будущий! – прогресс в развитии производства.

Как мы уже говорили, потребности и способы их удовлетворения, в конечном счете, определяются общечеловеческой культурой. А культура зиждется на некоем ядре – ценностях. Эти ценности тоже есть результат познания и осознания мира, то есть результат ноопроцессов. Это, конечно же, гуманитарные, или как их еще порой называют, «общечеловеческие» ценности. Их отличие состоит в том, что они учитывают не только различные потребности и способы их удовлетворения, опредмеченные в товарах и услугах, но и последствия этого удовлетворения.

И это находит отражение, например, в той же ООНовской Концепции устойчивого развития, о которой мы сегодня уже упоминали. Ключевая идея этой концепции ведь состоит в чем? В том, чтобы выстроить социальные и экономические процессы таким образом, чтобы жизнь и развитие нынешнего поколения не происходили за счет качества жизни будущих поколений, или за счет деградации их среды обитания, ограничения их в ресурсах, ухудшения социальных условий и т.д. То есть, речь идет о высших гуманитарных ценностях, которые предлагается ставить во главу угла при реализации практической политики.

Т.о., мы подходим к следующему ключевому аспекту нашей теории, играющему в ней важную роль. Это – вопрос о типологии потребностей.

Вероятно, специалисты в области маркетинга здесь дадут нам «фору», но наша типология преследует иные цели, чем различные прикладные маркетинговые классификации. Мы говорим о природе потребностей, определяемой тем, как их удовлетворение соотносится с культурно-ценностным ядром.

С этих позиций потребности могут быть

- а) «нормальные», разумные и
- б) «симулятивные».

Первые гармонизированы с культурно-ценностным ядром, вторые же ему противоречат. И этим, именно этим, определяется один из «родовых» изъянов капиталистической (рыночной) экономики, с которого мы начинали наши рассуждения.

Нормальные потребности не требуют специальных усилий по своему формированию, так как они естественным образом

вытекают из культурно-ценностного ядра. Это не исключает проведения работ по их уточнению, спецификации, поиску оптимальных способов удовлетворения и т.д. Но в любом случае, еще раз подчеркнем, они согласованы с культурными ценностями и распространенными социальными нормами.

Что же такое симулятивные потребности?

Вспомним, что потребности человека проходят этап субъективации, осознания их человеком. На этом этапе можно сформировать у человека ложное представление о его потребности, внушить ему необходимость в удовлетворении фальшивых, «наведенных» потребностей, вплоть до экзотических.

В современной экономической рыночной модели этот прием используется, что называется, «на полную катушку». Это – те потребности, которые искусственно формируются производителями и продавцами товаров и услуг, извлекающими из их удовлетворения выгоду для себя. В погоне за этой выгодой и бизнес, и финансируемые им общественные институты, и политические структуры, а также отдельные лидеры мнений, которыми нередко оказываются ангажированные разнообразные «эксперты», стремятся деформировать культурно-ценностное ядро, сформировавшееся в обществе, разрушить его.

Лоббистское давление этих групп, тесно связанных с финансовым капиталом, настолько мощное, что даже приводит к изменению законодательства отдельных стран. И этому сложно сопротивляться. Достаточно вспомнить о событиях, сопровождавших недавние изменения, внесенные в российскую Конституцию на всенародном референдуме. Одно из них, подвергшееся особой критике со стороны ангажированных капиталом политических и общественных структур на Западе, связано с тем, чтобы признавать браком лишь союз мужчины и женщины.

Что лежит в основе атаки капитала на традиционные ценности? Как говорится, «ничего личного – только бизнес»: трансформация ценностей неизбежно приводит к трансформации потребностей за счет возникновения всё новых и новых пластов потребностей симулятивных.

Легко понять, кто будет первым и «снимет сливки» со сформированных таким образом рынков (по факту – симулятивных!). Несомненно, в этой роли выступят инициаторы разруше-

ния традиционных ценностей. А что будет с обществом дальше? Вернется ли оно к исходной точке в системе своих ценностей, или переформатируется, или будет разрушаться и деградировать? Для капитала, доминирующего в современной экономике, сами эти вопросы, а тем более – ответы на них, не имеют значения. Значение имеет лишь то, что приносит выгоду, что способствует приросту капитала.

И вот здесь высвечивается важнейшее противоречие.

С позиций экономики это – хорошо, это объективная логика капитализма, рыночной экономики. Происходят, как говорят экономисты, структурные изменения в экономике, она растет, и т.п.

Но с позиций социальных, культурных – изменения, которые способствуют разрушению системы культурных ценностей и наносящих вполне осязаемый потенциальный ущерб социуму, не могут быть признаны приемлемыми. Именно поэтому им следует противостоять, разумно осмысливая потребности, способы их удовлетворения и трансформацию этих элементов. Что мы в российском обществе и сделали, определив на основе консенсуса и наших ценностей – что для нас верно, и закрепив это в основном законе страны.

Среди симулятивных, или «наведенных», потребностей, конечно, есть и иные, не столь радикальные, как в разобранном нами примере. Зачастую они связаны с эффектом монополистической конкуренции на рынках, когда рынок (искусственно, путем применения различных манипулятивных техник) дифференцируется, формируя множество различных сегментов. В основе этой дифференциации лежит т.н. брендинг, следствием агрессивной реализации которого становятся, извините за такое образное слово, «сбрендившие» потребности. В основе их – низкая культура потребителей.

Это не означает, что брендовые продукты потребляют люди неграмотные и необразованные, а то и откровенные глупцы и невежи. Нет, конечно. Просто у них (за счет системного и многолетнего влияния капиталистической потребительской идеологии, призывающей к «свободе» выбора и неограниченному росту потребления) размыто культурно-ценностное, нравственное ядро, они не склонны к ноо-осмыслению и ноо-осознанию своих потребностей и последствий их удовлетворения. Они воспринимают навязываемые им шаблоны поведения как нечто само собою

разумеющееся. То есть, «ноо-начало» у таких людей не выражено или подавлено за счет манипуляций.

Следует отметить, что в описываемых нами явлениях нет ничего принципиально нового. Достаточно вспомнить известного персонажа из романа Ильфа и Петрова – Эллочку-людоедку, типичный персонаж для иллюстрации современного потребительства.

Но состояние того уровня удовлетворения потребностей, что был в прошлом, когда для развития капитализма еще оставался простор в виде наращивания удовлетворения нормальных потребностей, с развитием НТП и индустриального производства, изменяется. Сейчас этот ресурс роста близок к исчерпанию. И в ход пошли манипуляции и возвращение симулятивных потребностей, удовлетворение которых несколько не приближает человеческое общество к процветанию, удовлетворению реальных нормальных потребностей, а наоборот, лишь способствует пустой трате ресурсов, которые стремительно тают, на формирование и удовлетворение потребностей симулятивного типа.

Таким образом, подводя промежуточный итог наших рассуждений, отметим, что современная социально-экономическая система, в основе которой лежит капитализм, основным принципом своего развития имеет не антропоцентризм, а рост капитала в его финансовом выражении.

То есть она – антигуманна.

Но если оставить эти этические оценки, с которыми кто-то может и не согласиться, то эту систему отличает другая важная черта. Она неминуемо, вследствие заложенной в нее логики развития, ведет к деградации человека.

А с этим уже соглашаться не хочется. Мало того, по нашим оценкам, бездумная и все более ускоряющаяся «возгонка» симулятивных потребностей порождает и усиливает, воспроизводит – как своё следствие – те проблемы и противоречия, с которых мы начинали наш разговор. Вследствие этого мир стремительно приближается (а может уже находится? Глобальная нестабильность последних лет позволяет делать и такое предположение) к точке бифуркации.

Мы сегодня реально находимся на исторической развилке. Она вызвана всеобъемлющим, захватившим все сферы общественной жизни конфликтом человека и финансового капитала.

Чем разрешится этот конфликт?

Можно быть молчаливыми свидетелями, наблюдателями его развития. Но если развитие пойдет по разрушительному для человечества сценарию, изучать результаты таких наблюдений попросту будет некому. Есть реальная угроза того, что при таком развитии событий это будет концом человеческой цивилизации в том смысле, который мы сегодня вкладываем в термин «цивилизация». Поэтому, очевидно, необходимо осмысление происходящих изменений и «подталкивание» эволюционирующей социально-экономической системы в нужном, гуманистическом направлении.

Такое направление есть.

Это – путь к ноономике.

Сущность ноономики: краткие тезисы

Специфика современного момента, при всей кажущейся для некоторых наблюдателей непредсказуемости ситуации, вытекает из всей предшествовавшей эволюции социально-экономической системы. И она подводит нас к новому типу, новой генерации индустриального общества, Новому индустриальному обществу второго поколения – НИО.2, а в дальнейшем – к трансформации нынешней экономической парадигмы развития в ноономику, предполагающую более социализированный тип производства и распределения благ.

Название НИО.2 дается нами этому типу общественного устройства не случайно.

В середине XX века американский экономист Дж.К. Гэлбрейт, показав влияние индустриального развития на формирование общественных институтов и структур, назвал сформировавшуюся тогда систему Новым индустриальным обществом.

Впоследствии, ближе к концу прошлого века, ряд экономистов, начиная с Д.Белла, предположили, что этап индустриального развития общества завершен и начат новый этап – т.н. постиндустриального развития.

Мы возражаем против такой трактовки происходящих трансформаций общества.

Начиная с последней трети XX века, по нашим оценкам, наблюдается постепенное продвижение человеческой цивилизации к НИО.2 – системе отношений и институтов экономики, где

главную роль играет высокотехнологичное знаниеемкое материальное производство. Индустрия, индустриальное производство нового типа.

Первым шагом в переходе к НИО.2 является решительная реиндустриализация экономики на основе сверхсовременных технологий передового технологического уклада, которая строится на принципиально иных, чем это постулируется в либеральных концепциях, подходах и теоретических взглядах.

Практика показала, что так называемый «постиндустриализм», захвативший в конце XX века умы мыслителей по всему миру и ставших в ряде случаев основой для принятия важных политических решений на уровне государственной экономической политики (в т.ч., в значительной мере, и в России 90-х годов), является миражом, а общество всеобщего благоденствия, построенное исключительно на креативе, финансиализации и гиперразвитии сферы услуг, в ущерб материальному производству, не может быть устойчивым.

Информатизация, а сегодня – и цифровизация, социальных и экономических процессов, формирование т.н. экономики знаний ведут не к разрушению материального производства, но к изменению его качества. Новое, перспективное материальное производство становится, как уже отмечалось, знаниеемким, а процессы его развития и функционирования – знаниеинтенсивными. При этом, действительно, происходит снижение удельного веса в валовом внутреннем продукте – как отдельных стран (в том числе России), так и мира в целом – доли первичного и вторичного секторов. А доля третичного сектора, в первую очередь – услуг, растет.

Не вступая в споры о том, что есть современная услуга и чем она отличается от продукта материального производства, спросим – является ли такое развитие прогрессивным? Постиндустриалисты, представляющие, как правило, страны «золотого миллиарда» (а на существенную неравномерность распределения доходов и богатства, со ссылкой на авторитетное мнение Дж. Стиглица, мы уже указывали ранее), считают, что «да». Но развитие этих стран во многом строится не на собственном внутреннем росте, а на перераспределении ресурсов из стран развивающихся, которые, в этой связи, оказываются в роли «вечно догоняющих».

И мир, как указывает теория мир-системного анализа, разделяется на «Центр» и «Периферию».

Экономический механизм этого перераспределения зиждется на уже упоминавшейся нами финансиализации, доминировании финансового сектора экономики над реальным, что приводит к искажению ценовых пропорций и наращиванию ничем не обеспеченных торговых и бюджетных дефицитов стран, которые сегодня признаются развитыми. Поэтому ясно, что устойчивым такое развитие быть не может. Эта глобальная финансиализованная система, по мере нарастания и усиления своих внутренних противоречий, о которых мы упоминали, начинает разрушать само себя, впадая в перманентный системный кризис.

Для преодоления этого кризиса в мире разрабатываются все новые и новые идеи и концепции, которые на поверку оказываются недейственными. Эти рекомендации не работают, потому что строятся на постиндустриальной парадигме, в основе которой лежит ошибочное представление о главенстве финансового капитала и вторичности, незначительности роли материального производства. И это лишний раз доказывает, что именно материальное производство, в качественно измененном виде, является основой будущего устройства новой экономики следующего этапа развития общества – НИО.2.

С другой стороны, мы приходим к пониманию, что для нас сегодня уже не так важен физический рост экономики, о чем сегодня говорят все и всюду, как его качество, а значит, в условиях перехода к знаниеемкой экономике – технологический, научно-технический прогресс. Но и сам по себе прогресс технологий – не конечная цель и не высшая ценность. Эта цель, так сказать, операционная, хотя и очень важная. С позиций гуманистических представлений о нашей цивилизации, такой конечной, высшей целью и ценностью является человек, его жизнь, его развитие и благополучие.

Что происходит сейчас?

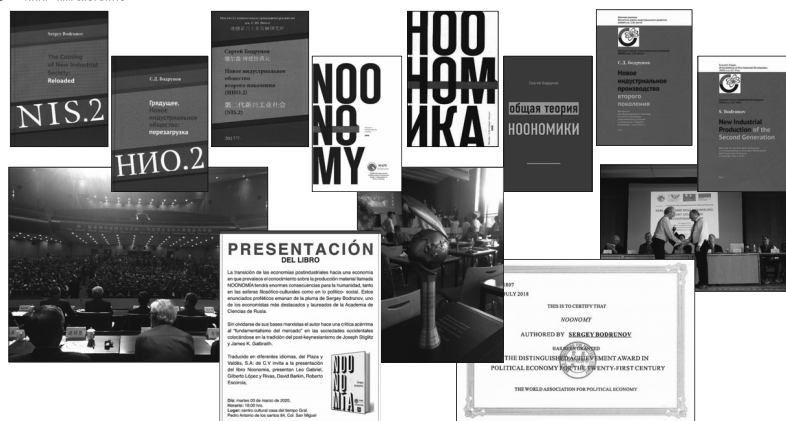
НТП ускоряется. Это имеет множество важных следствий.

Человек постепенно вытесняется из непосредственного производственного процесса. В перспективе производство станет «отделенным» от человека, а «присвоение» – актом простого и предельно доступного удовлетворения потребности без ущерба

прочим индивидам. То есть, произойдет фактическая социализация собственности и экономики в целом (не надо путать этот термин с социализмом – они близки по звучанию, но имеют в рассматриваемом контексте различный смысл). А далее, по мере углубления трансформационных процессов изначально технологического, а в дальнейшем производственного (хозяйственного) и социального свойства, произойдет постепенное формирование нового типа общественного устройства.

Этот тип общественного устройства, модель которого детально проанализирована и описана нами в ряде книг и др. публикаций (**слайд 10**), получивших международное признание, получил название «ноономика».

 Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

Слайд 10

Сразу же подчеркнем принципиальный момент: ноономика – это не слепок с теории академика Вернадского, и это – не «ноосферная экономика».

«Нoo» в слове «ноономика» носит корневой, «древнегреческий» смысл, подразумевая «ноос». Греческое слово «ноос» – это разум, но не просто разум сам по себе как абстрактное понятие. Разумно или неразумно нечто всегда в определенной критериальной базе, о чем мы уже говорили. Говоря о ноономике, мы подразумеваем некие особые, основанные на «ноо» принципы формирования способа удовлетворения потребностей людей, по-

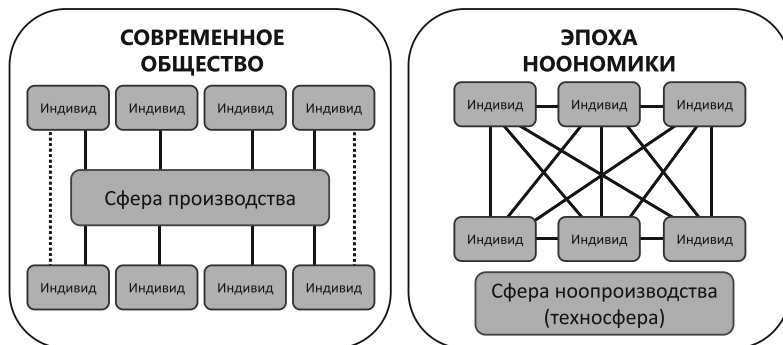
требностей нормальных, несимулятивных. Так же, как экономика – способ хозяйствования в экономическом обществе, ноономика – способ хозяйствования в ноообществе. При этом ноообщество – это не ноосфера, не абстрактное «ноосферное общество», это – общество, материальной базой существования которого и удовлетворения потребностей людей является ноономика.

Вторая часть термина ноономика – «номос». Номос – это древнее понятие, которое также имеет греческие корни; в философии первой трети XX в. оно применялось для обозначения базового принципа организации любого пространства, всеобщего закона, абсолютного закона существования всего сущего. Таким образом, это – закон, порядок, уклад, принцип организации хозяйствования, хозяйствование, хозяйство.

Отсюда: ноономика – это способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть, скажем словами митрополита Иллариона, «свет разума»; где нет отношения к производству и производственным отношениям; где нет отношения к собственности и отношений собственности; где нет экономики и невозможна экономика как способ удовлетворения потребностей людей. Поэтому не имеет смысла встречающаяся иногда в публикациях трактовка ноономики как «ноосферной экономики». В основе ноономики лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, где человек станет, в соответствии с гениальным предвидением Карла Маркса, «по ту сторону собственно материального производства» и где в связи с этим снимутся экономические отношения между людьми.

Если ранее человек (**слайд 11**) строил свои общественные институты и принимал хозяйственные решения, в первую очередь, в зависимости от тех отношений, в которые он был встроен в процессе осуществления производственной деятельности, то в описываемой нами модели ситуация изменится. По мере выхода людей из непосредственного процесса производства, их деятельность будет регулироваться уже не теми отношениями, которые существуют между людьми, занятыми в производстве, не экономическими отношениями, а отношением человеческого общества в целом к сфере производства в целом, становящейся все более «безлюдной».

Исторические изменения формы организации общества

Слайд 11

В то же время, стоит отметить специально, переход человеческой цивилизации через НИО.2 к ноообществу, являясь объективной потребностью нашей цивилизации, тем не менее не является автоматическим. Да, такова объективная логика прогрессивного развития, но история показывает, что далеко не всегда объективные предпосылки оказывают немедленное влияние на ход событий.

В реальном социально-экономическом развитии велика роль конъюнктурных факторов, а также разного рода случайностей. То есть – точку бифуркации для перехода к ноообществу и нооэкономике еще предстоит пройти.

Именно поэтому в дальнейшем анализе мы попытаемся выявить и оценить те признаки изменений, которые уже сегодня можно увидеть и оценить их вклад в ноо-переход к новой организации социума.

А также – которые можно поддержать, либо ограничить некоторые из них, посредством инструментов государственной политики.

Элементы механизма перехода к нооэкономике

Перейдем к заключительной части нашей лекции.

Сегодня мир стоит на пороге перелома долгосрочных тенденций развития. Ситуация начала XXI века напоминает си-

туацию начала века XVIII: тогда лидерами стали те, кто смело пошел на слом традиций и совершил качественный скачок в мир новой тогда технологии – пара, капитала и личной свободы; сегодня лидерами станут те, кто решится на скачок к производству, основанному на знании, прогрессу человеческих качеств и решению задач нооразвития, а не фетишизируемого экономического роста и самовозрастания финансового капитала.

В новой модели социально-экономического развития не традиционный рост ВВП должен стать главным ориентиром, поскольку ВВП отражает лишь рост массы производимых человеческим товаром и услуг, в том числе – симулятивных (а их в общей массе становится с каждым годом всё больше и больше); на первый план должен выйти набор критериев оценки уровня удовлетворения конкретных, рациональных, разумных потребностей человека, необходимых для обеспечения его истинного развития.

Переход к новой организации общества, предусмотренный в теории ноономики, может произойти только когда человек параллельно с одними знаниями (в частности, технологическими и прочими научно-естественными) будет усваивать и осваивать и другие знания.

Что именно? Именно – знание и познание мира как мира культуры (в предельно широком смысле) и самоограничения нерациональных (в развивающейся в направлении «ноо» критериальной базе) потребностей.

Такая формально «простая» постановка задачи при первом ознакомлении с ней может вызвать (и, пожалуй, обязательно вызовет!) отторжение у подавляющего большинства людей. Действительно, решить обозначенную проблему за счет идеологии аскетизма, принудительного рационирования или сокращения потребления либо за счет пропаганды «высоких» идеалов вряд ли возможно.

Воспитание и понимание необходимости самоограничения могут сыграть свою роль только при развитии необходимых объективных предпосылок, в том числе – материального свойства.

Что же это за предпосылки?

Это, во-первых, изменение характера человеческой деятельности: переход к преимущественно творческой деятельности меняет структуру потребностей, смещая приоритеты с нарастающего по-

глощения все большего объема материальных благ на средства развития человеческой личности, ее творческого потенциала.

Во-вторых, с расширением участия людей в творческой деятельности расширяется их вовлечение в процесс познания мира, углубляется их знание о том, где лежат границы разумного в производственной деятельности и в потреблении, растет уровень их общечеловеческой культуры.

В-третьих, это рост (за счет дальнейшего развития НТП и ноопроизводства) возможностей удовлетворения жизненных потребностей человека, насыщение этих потребностей до такого уровня, когда борьба за их удовлетворение, страх перед угрозой недопотребления перестают быть первостепенной проблемой.

В-четвертых, это глубокое осознание человеком пагубности для своего существования того пути, который расширяет симулятивное потребление.

Все эти факторы вместе и делают разумное понимание своих реальных потребностей, и – на этой основе – самоограничение не только желаемым, но и возможным. В нем, можно сказать, возникает объективная потребность.

И эти предпосылки должны возникнуть (что мы сегодня уже наблюдаем) и вызреть. Никакого «кавалерийского наскока» с целью перехода к нооэкономике быть не должно, ибо попытка его совершения как «скачка» обречена на провал. Переход к нооэкономике, как показывает наш анализ, это – неизбежный в своей логике, но все же продолжительный эволюционный процесс.

И на этом пути необходимо, учитывая обозначенные цели социального развития, находить наиболее рациональные варианты действий в условиях постепенно деградирующего, но реального экономического общества.

Если обратиться к ситуации в России, то мы, конечно, понимаем, что проблем сегодня у нас много, а принимаемые меры по развитию российской экономики далеко не во всем и не всегда (в нашем понимании) верны. До этапа НИО.2, до этапа решающих преобразований, до того, как наступит новый уклад нашей жизни, пройдет определенное время, которое трудно оценить в километрах или годах. И это – время существования нынешнего экономического общества. Но экономическое общество – это и конкурентное общество, где есть лидеры, а есть отстающие. И

нам важно в этом обществе, нынешнем мировом сообществе выбрать правильную стратегию, после чего неуклонно и последовательно ее реализовывать.

Конечно, важно, чтобы на этом эволюционном пути, «реперные точки» которого здесь нами обозначены, не была выхолощена и забыта главная цель, о которой мы уже говорили – всемерное содействие развитию человека. Развитие цивилизации, лишенное гуманитарного наполнения, лишено смысла.

Да, социально-экономические отношения видоизменяются, «переформатируются» под влиянием технологического развития. Итогом этого станет формирование НИО.2 и, в дальнейшем, ноономики. И конечной целью этих процессов должен стать прогресс человеческих качеств, саморазвитие и самовозвышение человека. С тем, чтобы homo economicus (человек экономический) завершил свою историческую миссию и трансформировался в «ноочеловека», для которого не расчетливость, но гуманизм будет определяющим свойством.

Не являются ли эти соображения излишне утопичными? Есть ли уже сегодня важные, определяющие признаки начала такого переформатирования экономических институтов?

Если внимательно всмотреться в нынешнюю экономику, то мы это отчетливо увидим.

Одним из значимых проявлений перехода к новой парадигме является, к примеру, постепенная диффузия важнейшего института, на котором выстроена модель экономического общества – института собственности, в т.ч. размывание традиционных, привычных нам отношений частной собственности, на которых, еще раз подчеркнем, строится существующая рыночная, капиталистическая модель и экономики, и общества.

Сегодня мы имеем возможность видеть, как в экономике последнего десятилетия происходит постепенное «таяние» значения для человека таких атрибутов отношений собственности, как отношения присвоения, распоряжения и даже использования – в частности, через развитие форм совместного выполнения этих функций потенциально неограниченно широким кругом акторов. То есть – мы видим своеобразный «отказ от собственности».

Это – различные примеры со-владения, со-использования, со-потребления, со-работы и т.д., которые интегрируются в рам-

ках sharing economy (шеринговой экономики). Заметим, что бурное развитие шеринговой экономики в последние годы демонстрирует сочетание различных мотивов, среди которых экономическая рациональность, основанная на денежных расчетах, безусловно, тоже присутствует. Совместное пользование вещами, например в рамках всем известного каршеринга, когда жители больших городов пользуются автомобилем эпизодически, объективно экономически рационально. Но оно же объективно ведет к деградации института собственности.

Еще один аспект этого явления – многочисленные эмпирические исследования доказывают, что есть и неденежные, общественные ценности и мотивы как важное слагаемое новых отношений, складывающихся в шеринговой экономике. Это – также зримый признак движения к нооэкономике. Ведь продвижение к нооэкономике как перспективной форме общественного устройства предполагает опережающее развитие неденежной мотивации. А в данном случае мы видим реальные социальные практики, эволюционирующие именно в этом направлении.

Мы наблюдаем формирование новых, т.н. «ассоциированных» форм производства и потребления, активное развитие безденежных форм творческих услуг, волонтерства и т.п. И эти формы строятся, прежде всего, на проникновении в ткань социальных и экономических отношений новых технологий – работы с информацией, специальных «знаниевых» технологий, которые не только преобразуют материальное производство, но и всё общество.

В то же время происходят изменения в общественном сознании, в системе социальных ценностей и предпочтений.

Мы, безусловно, не склонны идеализировать и преувеличивать силу этих изменений. Они еще достаточно слабы. Но тенденция прослеживается. Разрушается, точнее – «размывается», одна из фундаментальных основ рыночной парадигмы – частная собственность. Она оказывается в ряде случаев невостребованной, а ее институт перестает восприниматься как основополагающий и, я специально употребляю это слово в кавычках, «священный».

Наблюдается, к примеру, усиление мотивации и развитие тенденций т.н. «отказа от собственности» в пользу иных – более простых, более дешевых, более прогрессивных с социальной, экологической и этической точек зрения, т.е. – более гуманисти-

ческих, способов использования благ, нежели частная собственность на них. Таким образом, развитие той же шеринговой экономики – это феномен, который представляет собой одну из важных форм изменения структуры экономики, накладывающейся на изменение сути отношений собственности, на пути к новому качеству общественного развития, развития, которое имеет гуманистическую направленность, – НИО.2 и ноономики.

Важная проблема и для экономики как института, и для общества, возникает также в связи с «вытеснением» автоматами и роботами людей из процесса производства. В основе этого явления – ускорение научно-технологического, инновационного развития. Это ускорение стало настолько заметным, что современный этап эволюции и мира, и отдельных стран всё чаще стали определять как очередную технологическую революцию. Технологическая революция создает предпосылки для НИО.2 и ноономики, не только преобразуя экономические и социальные процессы, формируя новый тип материального производства, но – трансформируя роль человека в традиционных экономических отношениях.

На смену работнику приходят роботы и искусственный интеллект. Людей-работников, занятых созидательным трудом и вступающих, в этой связи, друг с другом в особый тип общественных отношений – отношения экономические, заменяют рукотворные (пока еще) технетические существа. Они способны к более продуктивному функционированию, они не ошибаются и не устают, они высвобождают человека для других видов деятельности, раскрепощают человека, создают предпосылки для его творческого саморазвития.

Из этого следует два момента.

Во-первых, труд постепенно вытесняется как фактор и из процесса производства, и из механизма/способа удовлетворения потребностей людей под названием «экономика» (помните, мы с вами уже показывали, что без труда нет экономики?!), и из общественных отношений; появляется больше свободного времени, и надо понять – как люди, не только отдельные индивиды, а и социальные группы распорядятся этой свободой. Пойдет ли она во благо? Или же приведет к росту конфликтности и асоциальным проявлениям? Очевидно, что ведущая роль здесь принадлежит культуре в широком ее понимании – прежде всего, таким ее эле-

ментам, как образование и воспитание. Необходимо такое социальное проектирование, такая настройка общественных институтов, которая сможет обеспечить переход к гуманистическому типу общества – с тем, чтобы развилка истории, порождаемая технологической революцией, не завела человечество в тупик, не привела к регрессу и вырождению.

Во-вторых, следует признать, что в рассматриваемом сценарии развития (заметим, весьма реалистичном и объективно доступном (!), признаки чего мы имеем возможность наблюдать уже сегодня) собственно экономические отношения, как отношения между людьми, начинают исчезать. А если в перспективе технетические существа, задействованные в материальном производстве, начнут самовоспроизводиться (а ясно, что так в перспективе и будет), то экономические производственные отношения исчезнут вовсе. В итоге сформируется новый тип общества, лишенный экономической основы в современном ее понимании, но по-прежнему базирующийся на материальном производстве.

В то же время – сложно предположить, что человечество быстро изменится. Конечно, признаки социальной эволюции в указанном нами направлении, расширения социализации общества можно наблюдать уже сегодня. И мы на них указывали. Но, в силу огромного числа противоречий, которые проявляются в современном мире, движение к НИО.2 и ноономике не будет линейно-предопределенным и поступательным. В том числе мы это связываем с уже упоминавшейся серьезной дифференциацией по уровню благосостояния и качества жизни между странами, регионами, социальными группами.

Конечно, по мере ускоряющегося саморазвития техносферы можно ожидать практически беспредельно широкой доступности/возможности удовлетворения разумных человеческих потребностей.

Но, с одной стороны, сегодня мы видим, что процветают и искусственно формируются корпорациями (с целью извлечения дополнительной прибыли) потребности симулятивные, строго говоря – неразумные. В данном случае мы не призываем к суровому аскетизму в потреблении. Однако отказ от возгонки симулятивного потребления всё более становится насущной необходимостью человечества. Его, если хотите, важнейшей, жизнен-

ной, насущной общецивилизационной потребностью, требующей своего удовлетворения.

С другой стороны, вытеснение человека из первого звена воспроизводственного цикла (производства) еще не означает столь же активного его вытеснения из остальных звеньев – распределения, обмена и потребления. В этой связи в среднесрочной перспективе можно ожидать сохранения значимости т.н. дистрибутивной модели экономики, а, следовательно, и ее основного агента – государства. Мы с осторожностью относимся к такой перспективе, не случайно в институционализме дистрибутивные (распределительные) модели подвергаются критике. В то же время, следует признать, что эта критика касается дистрибутивных функций при нынешнем капитализме, в рыночной системе хозяйствования. Но в НИО.2 приоритеты и базовые социально-экономические связи радикально видоизменяются, и роль государства как института регулирования таких отношений на этом этапе сохранится.

Краткое заключение

Подводя итог, отметим, что, конечно, в одной вступительной лекции, даже пространной, невозможно охватить столь масштабную тему, что нами сегодня была затронута. Она слишком обширна и многопланова.

Сегодня мы лишь наметили контуры того, что вам предстоит изучить в курсе нономики. Надеюсь, мы в нем найдем ответы на многие вопросы, возникающие в процессе осмысления предложенной трансформационной концепции. Полагаю, найдутся и такие вопросы, которые останутся за скобками курса – и по причине его краткости, и по причине новизны теоретического материала. В этой связи лектор приглашает всех желающих и заинтересованных в решении рассмотренных сегодня проблем к сотрудничеству, будучи убежденным, что «в спорах рождается истина», поэтому вовлечение в дискуссию о нономике новых участников, с новым взглядом на присущие ей свойства и особенности, способно дать массу новых интересных – с точки зрения не только теории, но и практики – результатов.

Спасибо за внимание!

С.Д. Бодрунов

Коронакризис как триггер противоречий современной экономики¹

В ходе онлайн-сессии МАЭФ Вы сказали, что еще задолго до пандемии современная рыночная модель продемонстрировала признаки своего истощения и требует глубокой трансформации. Пожалуйста, обоснуйте свою точку зрения.

Та экономическая модель, которая сегодня существует в мире, основана на рынке, частной собственности и на прибыли как главном результате деятельности. То есть, целевая ее функция – не удовлетворение потребностей людей, в чем они действительно нуждаются, а в извлечении прибыли – любыми способами и любой ценой. В том числе – и через удовлетворение человеческих потребностей, но лишь частично. Отсюда – навязывание людям так называемых симулятивных, фэйковых потребностей, удовлетворение которых чаще проще и, с точки зрения капитала, эффективнее. Капитал переливается в такие сферы, снижаются инвестиции в сектор реального производства. Таким образом, все более значительная часть продукта экономической деятельности, производство которого требует, тем не менее, реальных ресурсов, становится симулятивной.

Эта модель – чем дальше, тем больше – утрачивает способность справляться не только с циклическим характером развития экономики, но и целым рядом присущих ей принципиальных и глубоких внутренних противоречий. С одной стороны, речь идет о максимизации прибыли. С другой стороны, прибыль получается за счет удовлетворения потребностей людей. Но при этом решение задачи максимизации прибыли приводит к тому, что потребности людей удовлетворяются в той степени, в которой их можно удовлетворить со снятием максимально возможной прибыли. Это значит, что чем дальше, тем больше происходит нарастание реального социального неравенства, расслоение общества.

¹ Интервью информационному portalу «Научная Россия» (19 мая 2020 г.)

То есть, та часть, которая должна платить (а это – основная стра-та населения), постоянно платит, но меньше и меньше. А та часть, которая получает финансовый результат экономической деятельности, концентрирует всё больший доход, становится более элитарной и замкнутой. Этот процесс сегодня мы видим в мире вполне отчетливо.

В целом, эта ситуация наблюдалась всегда с момента, как утвердилась нынешняя экономическая модель. Но на отдельных этапах проблема в той или иной мере смягчалась за счет научно-технического прогресса, который временами сдвигал экономическую компоненту в сторону лучшего, в большей степени удовлетворения реальных потребности людей, чем ранее. И таким образом в моменты перехода в новый технологический уклад возникали возможности для смягчения этих противоречий.

Однако сегодняшний переходный этап к новому, шестому технологическому укладу принципиально отличается от предыдущих и характерен тем, что нынешнее состояние научно-технического прогресса, учитывая специфику его технологий, не позволяет решить эту проблему в рамках такой модели. Казалось бы, достижения современного НТП уже таковы, что позволяют, скажем условно, более-менее накормить, одеть, обогреть и создать приемлемые условия жизни везде в мире. Но реальность – другая. Наоборот, НТП, ускоряющийся «с ускорением», используется глобальным капиталом в рамках такой модели как инструмент (весьма дорогостоящий и недоступный большинству!) для достижения своих сущностных целей. На практике – для все более ускоренного выкачивания средств из секторов, удовлетворяющих реальные потребности, на финансовые, посреднические и т.п. рынки. И обеднения, на самом деле, слоев населения, не имеющих широкого доступа к капиталу и ресурсам. К расслоению общества. К обнищанию все больших его страт.

То есть, та модель, которая сегодня функционирует, сейчас приводит не к смягчению, а к обострению главных противоречий и ведет в тупик. Более бедные становятся еще беднее, а богатые все больше богатеют. Рано или поздно это приведет либо к социальному взрыву, либо к исчерпанию самой модели. Сейчас именно такая ситуация, поэтому нынешнюю модель необходимо трансформировать, что позволило бы изменить соотношение и

принципиальные подходы к реализации удовлетворения потребностей людей.

Последние постоянно усиливающиеся кризисы отличаются от тех, которые происходили на первоначальных стадиях развития капитализма. Это – не кризисы перепроизводства, в их основе – другая проблема.

Правда ли, что коронавирус стал триггером и более четко показал противоречия современной экономики? И почему?

Современная экономика – не просто глобальная и исчерпавшая себя, но очень взаимозависимая. Это важная особенность современной экономической модели. И пандемия как раз обнажила эту жесткую зависимость. Если мы лишаемся в цепочках разработки, производства, логистики и т.п., какого-то важного звена, то возникает проблема, которая распространяется по всем технологическим, производственным линиям. И, когда происходят такого рода события, как, например, пандемия, они становятся тем самым триггером, который переключает развитие экономической ситуации на негативную линию.

Мировая экономика после пандемии коронавируса: какая она?

Безусловно, грядут изменения – не драматические, но заметные. В первую очередь, ожидаются изменения в применении и развитии технологий нового поколения. Человечество всегда движется по пути постижения новых знаний для удовлетворения все новых и новых потребностей. А новые знания, как правило, превращаются в новые технологии, если мы говорим о реальных потребностях людей. Новые технологии, как сублимированное знание, создают новое представление о жизни, о мире. Новую реальность. В каких-то случаях это происходит более стремительно, драматично, в других – менее.

Существенные изменения в применении и развитии технологий нового поколения произойдут, уверен, в труде. Уже сейчас многие компании заявляют, что будут отказываться от тех рабочих мест, которые расположены в офисе. Они перейдут на дистанционное участие работников в трудовой деятельности. Многие позиции будут пересмотрены с точки зрения управления процессами производства.

Изменения ожидаются и в образовании. Несколько лет назад я был приглашен в качестве профессора в один из наших вузов. Я предложил, учитывая свой график работы, проводить часть занятий со студентами дистанционно. И мне ректорат это не разрешил. Сегодня такой вопрос не задает никто. Пандемия научила всех дистанционному образованию. Думаю, что дистанционные технологии в образовании шагнут далеко вперед.

Сегодняшнюю ситуацию в образовании можно сравнить с той, которая происходила во времена Гутенберга, когда было изобретено книгопечатание. Тогда тоже шла большая дискуссия: необходимо ли печатать книги, или же профессор лично должен передавать свои знания? Но, как оказалось, знаниями можно делиться дистанционно через книгу. Причем, на любую дистанцию – как в пространстве, так и во времени. И это очень ускорило и процесс образования, и процесс накопления знаний. Сегодня онлайн-образование – в определенной мере новое «книгопечатание». И мы будем наблюдать еще более ускоренные процессы внедрения дистанционных технологий. На мой взгляд, это приведет и к всплеску познания человеком окружающего мира, и к еще большему революционизированию НТП.

В целом, важно понимать, что знание – это не только познание мира, но и, с точки зрения экономики, основной ресурс следующего этапа развития общества – я называю его новым индустриальным обществом второго поколения. Сейчас именно знание, в отличие от предыдущих этапов, когда были главными ресурсами другие (скажем, энергоресурсы), становится основным экономическим ресурсом. И поэтому потребление и переработка знаний должны усилиться. Отсюда – и развитие соответствующего технологического инструментария.

Далее – это научное познание. Если мы говорим, к примеру, о научных контактах, конференциях, где отрабатываются те или иные научные модели и теории, то мы уже проводим большую часть таких взаимодействий в онлайн.

В производстве продукции в отраслях реального сектора экономики появятся и безлюдные технологии, и интернет-управление, и робототехника. То есть, все то, что должно было прийти к 30-40 гг., придет на 5-7 лет раньше.

И, наконец, грядут изменения в сфере культуры, туризма, познания окружающего мира, в домохозяйстве. К примеру, очень быстро развивается Интернет вещей. И в производстве, и в быту он будет вносить существенный вклад в изменение нашего миропонимания и жизни.

Уместно ли сравнивать нынешнюю ситуацию с временами «испанки» и Первой Мировой войны? Или же это беспрецедентная ситуация?

Между минувшими и текущими событиями есть корневая общность. Оба кризиса – следствия принятой и, по сути, сохраняющейся экономической модели общества. Есть и общие внешние черты. Коронавирус, как и «испанка», тоже стал причиной глобальной пандемии. Если же сравнивать с Первой Мировой войной, то война способствовала распространению испанки, поскольку перемещались большие контингенты людей, ускорилось движение товаропотоков. Естественно, что это все способствовало распространению эпидемии. В нынешнем же мире уже многие годы усиленно развиваются транспортные коммуникации. Каждые десять лет почти удваивается количество перевозимых грузов, а перемещение людей достигло астрономических цифр. Кроме того, и причина нынешней кризисной ситуации тоже носит эпидемиологический характер. В этом – некое сходство ситуации нынешней с тем, что была век тому назад. Но сегодня наблюдается не такая страшная пандемия, как «испанка», в те времена люди умирали миллионами, сейчас – существенно меньше жертв. Не скажу, как это связано с разницей в «зловредности» вирусов, но точно это сильно связано с тем, что изменился уровень наших знаний, нашего понимания мира и, соответственно, медицины и техники.

Что же касается конкретно России, то отличие нынешнего кризиса от происходящего в начале XX века в том, что он связан с падением цены на нефть и газ – на основной ресурс сегодняшней российской экономики. Разразилась война на нефтяном рынке, и это привело его к шоковому состоянию. Так что один из «отцов» нынешнего кризиса у нас – это как раз шоковая ситуация на рынке нефтепродуктов и энергоресурсов. И на нее, как в ситуации «идеального шторма», наложилась пандемия и остановка

экономической деятельности. Это – серьезное отличие нынешней ситуации от той, которая происходила век назад.

Сегодня, кроме того, мы наблюдаем, что эти две проблемы наслонились на другие, уже существующие в мире. В последние годы идет замедление темпов роста мировой экономики, в ней возникают множество проблем разного характера, которые происходят из той экономической модели, в которой мы существуем. И это тоже влияет на нашу экономику. Поэтому сегодняшняя кризисная ситуация серьезнее, чем во времена «испанки».

Эпидемия коронавируса влияет на динамику российской экономики гораздо больше, чем падение цен на нефть?

Пожалуй, соглашусь. У российской экономики в целом довольно сложное положение. Мы многие годы по разным причинам наблюдаем фактически стагнацию экономики, в целом за десятилетие – относительно небольшой экономический рост. Существует проблема со спросом – основным фактором, который влияет на «разруливание» кризисной ситуации. Стагнация доходов населения происходила длительные годы, в результате чего мы потеряли 5-6 лет в доходах. Перед эпидемией доходы населения по сравнению с прошлым годом выросли на уровень около 1%, а если сравнивать с тем, какими они были пятью годами ранее, то это ниже на 5,5-6%. Все это не позволяет частному инвестору при таком спросе активно вкладываться в экономические субъекты, в развитие секторов, которые наполняют рынок. С другой стороны, если бы была такая потребность в развитии, то были бы и инвестиции, даже при не слишком комфортных для инвестора условиях и не особой развитости соответствующих институтов. Это – вторая проблема, которая есть в нашей экономике. В России очень низкая инвестиционная активность: недостаточно средств вкладывается в реальный сектор экономики, в новые сектора.

Правда ли, что российская экономика реагирует на коронакризис болезненнее, чем мировая?

Да, он повлияет на Россию, видимо, жестче. Отечественная экономика затормозила из-за этого кризиса в момент, когда в стране не было интенсивного роста, а мы только-только начинали избавляться от тех проблем, о которых я сказал выше. То есть, наметились лишь первые шаги, и тут – вся экономика остановилась.

С другой стороны, можно говорить и о некоторых плюсах. В России есть ресурсы для того, чтобы эту ситуацию разрешить благополучно и даже обойти конкурентов – ведь у них тоже не без проблем. В частности, у нас есть хорошие золотовалютные резервы. Накопились заделы в технологическом развитии: некоторые сектора нашей промышленности прилично развились за последние годы. Таким образом, мы набрали технологический капитал. Россия богата природными ресурсами, и поэтому даже при падении темпов роста мы все равно можем обеспечить себя в основном всеми ресурсами, которые нам необходимы.

Еще одна важная особенность, которая нам больше мешает, чем помогает – это санкционная ситуация. Санкции, которые мы получили в результате проведения достаточно независимой экономической и политической линии, сильно повлияли на нашу экономику. Сначала мы наблюдали торможение экономики, но впоследствии, в рамках решения этих задач через импортозамещение и освоение новых пространств и рынков, мы сумели добиться хороших результатов в ряде секторов экономики. Благодаря, в том числе, контрсанкциям, например, в сельском хозяйстве, в атомной промышленности, частично – в машиностроении, в сфере некоторых видов вооружений и военной техники оборонительного характера. Так что, я думаю, здесь есть как минусы, так и плюсы. Эти особенности влияют на сегодняшнюю ситуацию в нашей экономике.

Согласны ли вы с тем, что из-за пандемии коронавируса и ее последствий ВВП России может упасть на 10-20%?

Я бы сказал, что прогнозы падения ВВП как в мире, так и у нас в России, – это скорее гадание на кофейной гуще. Я не зря на недавнем Московском академическом экономическом Форуме (МАЭФ) не стал называть собственных цифр, поскольку могу очень легко ошибиться. В этом вопросе важно учесть многочисленные факторы, влияющие на экономику, в том числе – факторы со многими неизвестными. Например, мы не знаем «поведение» основного триггера – как будет развиваться пандемия. Невозможно сказать, сколько она будет продолжаться, будет ли вторая, третья волна, сколько людей в каких секторах экономики будут выбывать из строя, и так далее. Как я отметил ранее, российская и мировая экономика – это связанная экономическая субстанция, в которой выпадение одного или двух каких-то элементов может

привести к глобальным обрушениям. Поэтому – что будет влиять и как, сказать очень сложно.

Недавно такого рода обсуждение мы проводили на экспертной сессии ВЭО. У нас были названы разные цифры. Например, самые оптимистические – это 3,5% падения ВВП в этом году. Был и пессимистический сценарий – это 12% и более. Однако мало кто из экспертов обратил внимание на то, что важнее не эти цифры, а структурные изменения, которые даже при снижении абсолютных показателей могут обеспечить большее удовлетворение реальных потребностей людей при сокращении симулятивных потребностей. Я имею в виду, что реальные потребности людей занимают не всю структуру ВВП. При этом в условиях кризиса мы прежде всего нуждаемся как раз в удовлетворении реальных потребностей. Именно поэтому мы должны обращать внимание на эту особенность при разработке стратегии выхода из кризиса и определении перспективных направлений развития, а не на рост ВВП любой ценой.

С другой стороны, порой высказываются мнения, что это менее важно, нам необходимо обязательно обеспечить рост ВВП, и тогда «будет нам счастье». И что даже сегодняшняя пандемия может привести не только к падению темпов роста ВВП, но и к его ускорению. К примеру, появится потребность в новых сканерах, специальных температурных измерителях, дезинфицирующих аппаратах и средствах, а это надо произвести, эксплуатировать, и все это будет способствовать росту ВВП. Но тогда, с этой точки зрения, любая катастрофа, которая происходит в мире, не снижает ВВП, а, по идее, увеличивает, а крупная катастрофа – значительно. Например, разрушена ГЭС, а потом мы долго, тщательно ее восстанавливаем. В результате появляются тысячи рабочих мест, большие затраты, все это дает прибавку к ВВП. Но нужен ли нам такой рост ВВП? Рабочие места по восстановлению разрушенного или электроэнергия – через совершенствование мощностей этой ГЭС? Полагаю, второе. Поэтому точка зрения, что пандемия даст прибавку ВВП, имея «счетный смысл», не имеет хорошей гуманитарной компоненты. А нам нужен «гуманитарный рост ВВП», развитие, решение социальных задач.

Какие сферы экономики будут наиболее востребованы после коронавируса?

Это множество сфер, где могут быть востребованы и будут развиваться, воспроизводиться технологии, толчок которым дала нынешняя пандемия. Всех не перечислишь. Лучше назову те факторы, которые на это повлияют.

Резко повысится спрос на дистанционные способы трудовой деятельности, на механизмы и технологические сферы, которые будут это все обеспечивать. Повысится уровень автоматизации производства, спрос на безлюдные технологии, на когнитивно-ориентированные технологии, включая искусственный интеллект, BigData, нейросети и другие.

На мой взгляд, возрастет спрос на то, что я называю «технологиями доверия» – это те технологии, которые позволяют дистанционно обеспечивать верификацию документов, запросов, финансовых и сопровождающих транзакций, информационных потоков, типа блокчейн и т.п. Вот эти факторы будут влиять на многие сферы экономики.

Главная задача – не столько определить конкретные сферы экономики, сколько тренды технологического развития: они могут быть новые, совершенно для нас сегодня неизвестные, как и те факторы, которые будут на развитие этих новых технологий влиять. Вот это важно учитывать. Эти факторы нуждаются в исследовании, а уже под них необходимо формировать соответствующие экономические решения.

Какой главный урок человечество должно извлечь после коронавируса?

На мой взгляд, однажды вкусив сладкий плод, человек от него больше не откажется никогда, даже если он имеет негативные нарративы. Пандемия как раз и показала не только эти нарративы, но и возможности новые. «Онлайн-жизнь» в экономике, в быту имеет массу преимуществ. И в первую очередь, это экономия времени и денег. С точки зрения экономики, это самое важное, поэтому это будет точно развиваться. Но, с другой стороны, онлайн не заместит в полном объеме живого общения, которое тоже имеет свои преимущества.

В целом мы, человечество, получили очень жесткие уроки. Первый урок: мы не настолько познали мир, как мы себе это

представляли до пандемии. Пока не стоит зазнаваться и считать себя царем природы. Сегодня лучшие умы планеты бьются над проблемой разработки вакцин, изучения коронавируса. Эта задача, как оказалось, непростая для мирового сообщества. Мы видим несовершенство многих медицинских технологий и многих технологических решений, связанных с производством тех аппаратов, приборов, на которые ориентируются при лечении больных.

Таких примеров можно привести множество, и не только – в сфере медицины или исследования причин пандемии. В этом вопросе много других связанных аспектов. Например, мы начинаем понимать, что, весьма вероятно, неправильно решаем пространственную модель расселения населения, без учета выявившихся факторов формируем потоки людей, грузов, и т.д. Многие вещи придется переформатировать.

Та экономическая модель, в которой мы живем, рассчитана на индивидуализм – на индивидуальное потребление, на преимущественный учет индивидуальных интересов. Как отдельных людей, так и групп, и стран. И как раз самый важный урок, который сегодня мы вынесли, – что эти интересы оказываются побежденными «интересом солидарности». Общество все более осознает, что только общими усилиями можно побороть серьезные проблемы, которые возникают в ходе такого кризиса. Нам необходимо развивать экономику солидарности, ростки будущей экономики следующего этапа индустриального общества, которые наметились до пандемии, но к изучению которых мы только приступили. На самом деле давным-давно пора этим заниматься.

По этому поводу мы в Вольном экономическом обществе совместно с Институтом индустриального развития им. С.Ю. Витте подготовили большой разговор. Санкт-Петербургский международный экономический Конгресс (СПЭК) по теме экономики солидарности должен был пройти в марте. Но из-за текущих событий он перенесен на более поздний срок, когда мы сумеем собрать ученых и обсудить проблемы развития общества в этом ключе.

С.Д. Бодрунов

Пенетрация и риднесс

(размышления о некоторых устойчивых закономерностях взаимодействия в естественных и общественных процессах)

Начну издалека.

Философия, во всяком случае некоторые ее течения, чьи позиции убеждают автора этих строк в своей правоте более, чем иные, исходит из того, что существуют некоторые универсальные, всеобщие законы бытия, которые в той или мере адекватно способен отразить познающий субъект, что к таким законам относятся определенные устойчиво воспроизводимые как в естественной среде, так и в обществе взаимосвязи. Познание этих законов позволяет в дальнейшем делать некоторые выводы, важные для решения более частных проблем. Это видение мира, безусловно, характерно не для всех философских направлений, но оно существует. И в его рамках принято считать, что существуют общие законы, которые универсальны. Универсальны для всего мироздания. Есть, к примеру, закон всемирного тяготения. Мы считаем, что в нашем пространстве, в известной нам Вселенной, он универсален. А что за ее пределами? Возможно, этот закон действует и там. Возможно – но, как утверждают физики, работающие над теорией происхождения Вселенной, могут существовать иные вселенные, и там об этом законе мы не можем утверждать нечто подобное тому, как это имеет место в нашей Вселенной.

Однако есть более универсальные законы, чем даже закон всемирного тяготения.

Так, со времен немецкой классической философии (а в некотором отношении – и гораздо раньше) принято считать, что существует закон перехода количественных изменений в качественные, и его мало кто стремится опровергнуть. Гораздо чаще встречается критическое отношение к закону отрицания отрицания и видению противоречия как источника развития. Но автор этого текста отнюдь не склонен посвящать его дискуссиям об универсальности законов диалектики.

Наша цель в рамках данного эссе иная – сформулировать и раскрыть гипотезу, указывающую на наличие кажущейся очевидной, но, насколько нам известно, пока не сформулированной зависимости в виде *закона пенетрации и риднесса*.

К определению этих понятий мы еще вернемся, а в исходном пункте ограничимся тем, что на философском языке можно было бы назвать одним из феноменов «наличного бытия» такого взаимодействия, но мы скажем проще – примером. Взаимодействие винта и гайки предполагает, что они взаимоадекватны: винт с минимальным зазором и трением входит в гайку, а гайка – находит на винт. В первом случае мы можем говорить о пенетрации, а во втором – о риднессе.

Можно посмотреть на это и с несколько иной стороны. Так, если существует одна часть некоего пазла, то тогда существует и другая, «ответная» часть, которая позволяет пазлу сойтись, ибо элементы пазла должны совпадать для того, чтобы получилась некая картина.

Конечно, это первое, довольно огрубленное представление о том, что я хочу сказать. На самом деле тут много граней.

Первое и главное – это то, что у всего сущего существует способность воспринимать нечто, не являющееся «им самим», «впускать в себя», некая восприимчивость – с одной стороны. С другой – возможность «проникать» в нечто иное, не являющееся «самим собой». Только в этом случае пазл срастется. Причем обоими этими свойствами обладает всё сущее. Именно взаимопроникновение вещей формирует определенную картину мира. Мир – это пазл пазлов.

Рассмотрим некоторые примеры.

Простейший из них – часы. Если вы берете анкерное устройство в часах, то лопатки его вилки должны точно попасть на соответствующие шестеренки. Если этого нет, то есть если у этих шестеренок в отношении к этому анкеру нет достаточного уровня риднесса, доступности, возможности проникнуть в него, то мы не получим понятный нам отсчет времени. И чем точнее «подгонка» анкера и шестеренки (чем ближе уровни их риднесса и, соответственно, пенетрации), тем точнее будет показано время. А если

они не совпали и анкеру «противостоит» другой объект, не шестеренка, а, к примеру, квадратный или круглый элемент, то, понятно, не возникнет у анкера возможности маятниковое движение перевести в круговое. Соответственно, не возникает новое качество – часы. А дальше новое качество – часы – переходит в другие элементы. Например, в какой-то датчик или реле. И будет следующее решение, и т.д. Можно продолжить до бесконечности.

На примере механических объектов это взаимодействие понять достаточно легко: технология, условно назовем, анкера-шестеренки, должна быть такой, чтобы, соответственно, с одной стороны, пенетрационный уровень анкера (а это и его размеры, и вес, и форма, и состав материала, обеспечивающий ему достаточную твердость, и т.п.) был достаточным, чтобы входить в шестеренку, передавать усилие, раскачивать эту шестеренку, вращать ее. С другой стороны, шестеренка должна иметь достаточный уровень риднесса (его также составляют многие ее параметры) по отношению к анкеру, чтобы воспринимать его передаточные движения и делать поворот. Появляется новое качество в результате этого сопряжения двух сторон процесса, двух свойств объектов.

Но это относится не только к технике. Риднесс-пенетрация как процесс присуща и биологическим системам. Даже если не говорить о процессе деторождения у млекопитающих, легко увидеть, что вся живая природа есть иллюстрация данного феномена. К примеру, мы говорим о процессе проникновения вирусов в клетку, в результате чего создается совершенно новое качество – раковая клетка или нечто иное. Отсюда – мутации и т.д. Тот же процесс формирования питательных цепей – то же риднесс-пенетрационное взаимодействие. Понятно, что мухи (по своим, к примеру, размерам) должны быть достаточно доступны воробьям, которые их ловят, и если этого не будет, то воробьи не смогут питаться и... далее легко продолжить. Кстати, сегодня мы часто наблюдаем нарушение таких риднесс-пенетрационных цепочек в природе. Мы травим поля гербицидами, уничтожаем сорняки, распахиваем земли под новые поля (например, под производство сахарной свеклы), но разрываем пищевую цепь пчел, и они гибнут как вид. Потом мы видим возникающие проблемы и начинаем пытаться по-другому что-то в эти цепи встраивать, кор-

мить пчел ... сахаром!.. Пытаемся восстановить пищевые цепи пчел. Но цепи риднесс-пенетрации уже другие...

Можно посмотреть и на социальные взаимодействия, на жизнь человека в социуме, на социализацию человека. Что такое коллектив? Это притирка, налаживание межличностных отношений с целью повышения уровня риднесс-пенетрационной адекватности. А проблема отцов и детей?!...

Еще более важно с практической точки зрения для современного человека учитывать особенности этих взаимодействий, когда мы рассматриваем проблему сопряжения человека и техники. Нельзя делать руль таким, который было бы неудобно вращать в автомобиле. Более того, система управления техническим средством всегда должна быть такой, чтобы был достигнут максимальным уровень риднесс-пенетрационного взаимодействия, и потому в одном случае это будет руль, в другом – штурвал, в третьем – джойстик или что-то еще. В зависимости от назначения. Но – всякий раз – чтобы он подходил под наши возможности: нашей руки, наших глаз, нашего торса, и т.п. Мы создаем технику под себя. А иногда – обратно: себя под технику... Тренируемся управлять, к примеру, техническими устройствами. Повышаем свой пенетрационный уровень для такого взаимодействия.

Те же технологические уклады, теперь ясно, начинают формироваться тогда, когда рождается такая новая базовая технология плюс набор связанных, вызванных ею, технологий, пенетрационный уровень которых, потенциал их вхождения в другие технологии (я бы даже подчеркнул – не только в производственные, но и в иные технологии и сферы жизни общества, включая социальные, экологические, психологические), становится выше, чем у предшествующих. В этом – ключ к пониманию того, как и почему возникают новые технологические уклады.

Всё это – риднесс-пенетрационный процесс. Везде работает универсальный закон риднесс-пенетрации.

А теперь перейдем к некоторым обобщениям.

Пенетрация, как мы постарались показать (пока еще не доказать – только показать) выше, сама по себе является свойством

всего сущего. Также, как и риднесс. Всякий объект, с одной стороны, имеет некие пенетрационные способности в отношении определенных качеств, который присущи этому объекту. Т. е. можно сказать, что каждый объект обладает свойством риднесса и пенетрации.

Но тут надо очень четко осознать, что и пенетрация, и риднесс всегда не абстрактны. Они существуют только во взаимодействии и всегда характеризуются определенной мерой (я не случайно выше упомянул закон взаимоперехода количества и качества) взаимопроникновения по отношению к конкретному феномену, пусть – к тем же винту и гайке, или двум шестерёнкам в часах.

При этом пенетрация и риднесс конкретны и в ином смысле: они касаются только определенных свойств феномена, проявляющихся только во взаимодействии с другим феноменом, в который он проникает или который проникает в него, которому он соответствует или который соответствует ему.

Эти более или менее взаимоадекватные феномены могут образовывать и образуют сложные системы (самый простой пример такой сложной систем – да простит мне читатель данную игру слов – система шестеренок в часах).

Но это – только одна сторона проблемы. Вторая сторона – это *уровень* пенетрации и риднесса конкретного объекта относительно уровней пенетрации и риднесса другого объекта. Они могут идеально совпадать, дополнять друг друга, а могут иметь близкий к нулю уровень «толерантности» друг к другу, т.е. их пенетрационный и риднесс уровни не позволяют им полностью «сойтись», «слиться», и получится другая конструкция взаимоотношения этих объектов.

Иными словами, в этом («пенетрация-риднесс») взаимодействии важна, как мы уже отметили, мера взаимоадекватности. Чем она выше, тем более эффективно взаимодействие (в частности – меньше «трение»). Чем эта мера меньше, тем «трение» (в философском (в общем случае, не механическом) смысле этого слова) больше. В качестве небольшого отступления замечу, что характерным подходящим примером последнего является феномен транзакционных издержек в рыночных взаимодействиях (их изучению посвящен огромный раздел новой институциональной теории). Переводя с институционально-экономического на философский язык, мы мо-

жем эту связь в первом приближении сформулировать так: чем выше пенетрация одного рыночного агента по отношению к другому, и чем выше риднесс второго по отношению к первому, тем меньше транзакционные издержки в их отношениях, тем эффективнее (при прочих равных условиях) сделка.

Еще важнее для всего сущего третья сторона дела – то, что риднесс-пенетрация в единстве всегда создают некое новое качество (известный закон перехода количество в качество есть лишь частный случай этого явления!) – характеристику ли, конструкцию ли, изменение эффектов/черт объектов, короче – новое качество того, что «взаимно». Результат – риднесс-пенетрация развития/существования любого процесса. Ведь дальше это – то, что получилось – снова создает новое качество, если соединяется с чем-то еще, входит куда-то еще. И так – до бесконечности.

Продолжим. Пенетрация и риднесс проявляются в определенных направлениях, определенных качествах объекта. Например, если мы говорим о шестеренке, то с точки зрения металлообработки, от качества последнего зависит ее пенетрация по отношению к другой шестеренке, качество металлообработки которой, в свою очередь, влияет на ее риднесс. Другой пример – слияние при производстве сплава.

Более того, когда мы говорим о потенциале пенетрации, то он всегда имеет не только адресность, но еще и направление.

Таким образом мы можем говорить о *мере, уровне, направлении (векторе) и адресности пенетрации и риднесса*.

Если мы переходим к вопросу о *возможности* достижения их определенного уровня или меры, то перед нами еще один аспект этой закономерности – *потенциал пенетрации и риднесса*.

Важно отметить, что категория «мера» предполагает единство качественных и количественных характеристик, но во многих случаях исчисления пенетрации и риднесса затруднена или вообще невозможна, поэтому автор предпочитает говорить об уровне риднесс-пенетрационных взаимодействий. Причина проста: этому взаимодействию подвержены и такие феномены, которые «аршином общего не измерить». В ряде случаев возможны только качественные и сравнительные оценки: хуже – лучше, больше – меньше. Важно помнить, что в этом взаимодей-

ствии всякое новое качество требует новой меры. В этом особенность явления.

Давайте вернемся к закону перехода количества в качество. Там тоже (особенно в общественных взаимодействиях) не всегда точно известно, какое количество, когда и как даст *новое* качество. То, которое подразумевается философами. Я утверждаю, что каждое новое количество дает новое качество. «Единица – ноль, – говорил Маяковский, – единица – вздор». Вот единица – ноль, это глубокая мысль: да, в данном конкретном измерении единица ничего не может особенного сделать. Значит, ее потенциал пенетрации, ее уровень ниже, чем, скажем, у двух человек. Но только в том смысле, о котором говорил Маяковский.

Поэтому всякий раз, когда мы говорим об этих переходах, мы понимаем, что для каждого нового качества, для отдельного качества, условно говоря, нужна отдельная мера. И здесь перед нами область возможного сопряжения закона пенетрации-риджнесса с законом перехода количества в качество. Эта возможность возникает в связи с тем, что какое-то количественное изменение пенетрационного потенциала или потенциала риджнесса меняет качество взаимодействия.

Еще один важный аспект. Каждый феномен обладает определенным потенциалом и пенетрации, и риджнесса. Это – всегда взаимопроникновение.

Более того, и пенетрация, и риджнесс могут быть как положительными, так и отрицательными, переходя в свою противоположность.

Суммируем. Универсальность этих взаимодействий состоит в том, что свойствами пенетрации и риджнесса обладает все сущее, все мироздание. Не будь этого качества у всего сущего, мира бы не существовало в нашем сегодняшнем понимании.

Такова гипотеза.

Автор подчеркивает: *гипотеза*. Мы находимся в процессе ее обсуждения, поиска слабых мест и противоречий, возможных уточнений, путей развития и обоснования наших предположений и будем благодарны читателю за конструктивные предложения, дополнения, критику.

С.Д. Бодрунов

НА ПУТИ К НООНОМИКЕ: ЧЕЛОВЕК, ТЕХНОЛОГИИ, ОБЩЕСТВО¹

Принципиальные положения концепции нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики, постулирующие переход в перспективе к новому осознанию человеком своего бытия, ценностей и задач, отход от «зоопринципов» современной экономической парадигмы в пользу продвижения в рамках формирующейся ноокритериальной платформы развития человека и общества, получили неожиданное подтверждение.

Актуальный вывод

Начало 2020 г. с высокой степенью вероятности стало началом нового периода в развитии экономики и общества. Сперва робкие предвестники нового финансового кризиса и нефтяной шок, а затем все более мощное наступление пандемии COVID-19 поставили перед человечеством и перед нашей страной – как наиболее актуальные, в абсолютно практической уже плоскости – те проблемы, которые еще недавно казались сферой абстракций и представляли интерес преимущественно для социальных философов и футурологов. Это проблемы глобальных угроз, выдвигающих на первый план задачи обеспечения здоровья, жизни, стабильности, а не темпов экономического роста и прибыли. Мы такой поворот предвидели и не раз писали об этом в своих работах.²

В данной статье хотелось бы напомнить читателю суть этого поворота и указать как на общее направление решения проблемы, так и, в особенности, на конкретное развитие отношений солидарности, ассоциированного производства и потребления. Именно они стали все более активно прогрессирующими практи-

¹ Опубликовано в журнале «Мир перемен». – 2020. – № 2. – С. 24–39.

² Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016. С. 143; Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция. 2018. С. 134–140, 182–184.

ками в последние годы, с одной стороны, и своеобразными индикаторами развития новой экономики, более продвинутой в формировании экономической реальности НИО.2 – с другой.

Эти наши исследования представляют собой еще один, не затрагивавшийся в предыдущих работах, аспект (и в некотором смысле дополнение) тех выводов, которые были сделаны автором ранее в развитие идей ряда российских ученых.³ Речь идет об обосновании необходимости реиндустриализации российской экономики⁴, применении практики стратегического планирования, разработке и реализации активной промышленной политики, реальном развитии государственно-частного партнерства и интеграции высокотехнологичного производства, науки и образования с целью достижения не только высоких темпов экономического роста, но и высоких результатов в сфере технологического, социально-экономического и культурного развития.

Это весьма важно, во-первых, само по себе (высокие технологии есть имплементация передового научного знания – базового экономического ресурса новоиндустриальной экономики, и использование этого ресурса стало важным условием вхождения в очередной технологический уклад и интенсификацию экономического роста и развития). Во-вторых, из-за того, что именно технологическая модернизация экономики нашей страны (и только она суть необходимое условие!), проведенная на передовой основе, позволит решить социальные задачи нынешней России и обеспечить ее успешное конкурентное будущее.

Все эти конкретные положения были и остаются слагаемыми общей концепции продвижения цивилизации к НИО.2 – системе отношений и институтов экономики, где главную роль играет высокотехнологичное знаниеемкое материальное производство. И далее – к ноономике, пространству, которое лежит «по

³ Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России. М., 2003; Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс. М.: Книжный мир, 2017.

⁴ Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / Монография / Изд. 2-ое, перераб. и доп. В двух частях. Вып. 2. СПб, ИНИР, 2015.

ту сторону» собственно экономических отношений, миру, в котором человек выполняет преимущественно творческие функции.

Подчеркнем, глобальные проблемы, резко обострившиеся в 2020-м, подтверждают наш общеконцептуальный вывод: человечество может и должно двигаться к ноономике, где трансформируются, переходя в новое качество, приоритеты частного присвоения, «производства денег из денег» при финансовых трансакциях и т.п. явления и где на первый план выходят задачи скоординированного развития человека на базе качественно нового типа материального производства.

Более того, мы неоднократно писали⁵, что продвижение к ноономике – это объективный тренд, помешать реализации которого может только глобальная катастрофа (технологическая, экологическая, социально-политическая), что чревато сохранением и продолжением негативных трендов нынешнего мирового экономического развития. Катастрофа пока не наступила, но пандемия, безусловно, стала тем явлением, которое указало на актуальность поиска и скорейшей практической реализации шагов по направлению к иной, нежели основанная на финансиализации и рыночном фундаментализме, системе общественных отношений и экономических институтов.

Сделанный нами задолго до коронавируса вывод сегодня оказался сугубо актуальным.

Собственность имеет значение

Задача данной статьи, однако, – не только и не столько напоминание о высказанных нами идеях, сколько попытка сделать очередной шаг в теоретическом развертывании обозначенной концепции, исследовании социально-экономических отношений и институтов, которые должны сформироваться с тем,

⁵ *Бодрунов С.Д.* Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза // Мир перемен. 2018. №4; *Бодрунов С.Д.* Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, 2018. №2 (56). С. 5–13; *Бодрунов С.Д.* К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019. №1 (59). С. 4–8.

чтобы сделать максимально эффективным и наименее конфликтным продвижение к НИО.2 и ноономике.

Такая стратегически ориентированная аналитическая задача обуславливает необходимость изучения не только процессов функционирования экономики, но и объективных социально-экономических отношений и их экономико-волевых форм – институтов. Под ними мы, в соответствии с мировыми традициями, понимаем не только определенных акторов, но и правила игры, причем – как формально-юридические, так и неформальные, но реально действующие в экономике.

Для понимания этих проблем необходимо обратиться к феномену под названием «собственность». Его исследование наиболее активно ведется в рамках институциональной и политико-экономической традиций. В последнем случае речь идет об объективном отношении между людьми, посредством которого осуществляется владение, распоряжение и присвоение тех или иных объектов собственности – вещей, денег, информации и даже человеческих качеств. Существенно, что при политико-экономическом подходе обращается внимание не только на формы собственности (частная, общественная и их производные), но и на конкретно-историческое содержание этих отношений. Так, за формой частной собственности «капитал» может скрываться и рабовладение, и наемный труд, а за формой общественной собственности – государственно-бюрократическое отчуждение народного достояния от граждан или безграничное присвоение общественных благ, принадлежащих каждому (как, например, в общедоступной библиотеке).

В рамках институциональной теории справедливо отмечается, что собственность – это сложная система институтов, многоаспектный пучок прав собственности. Ее исследование предполагает междисциплинарный подход, т.е. рассмотрение не только политико-экономических и институциональных, но и философских, юридико-правовых, социальных аспектов. Эти теоретические предпосылки будут лежать в основе ряда последующих выводов.

Как таковая собственность – одно из важнейших отношений и, соответственно, один из базовых институтов, которые обеспечивают прогресс (если они адекватны вызовам технологий) или регресс (если они неадекватны задачам технологического и социального прогресса) экономики.

Мы рассматриваем технологические сдвиги как важнейший фактор, вызывающий сдвиги в общественном устройстве, подводящие нас к порогу НИО.2. Вместе с изменением технологической основы производства меняются и все его остальные компоненты – характер труда, продукта, организации производства. Но главное, что следует подчеркнуть, – все эти изменения влекут за собой изменения в экономических отношениях, в характере отношений собственности, присущих этому новому поколению индустриального общества.

Даже на современном этапе развития общества, еще до того, как состоялся переход к НИО.2, можно заметить тенденции в эволюции отношений собственности, ведущие к их социализации и «размыванию». Отношения собственности, в особенности частной, должны были закреплять за собственником беспорное право владения, пользования и распоряжения экономическими ресурсами. Однако уже давно эволюция экономических отношений привела к обрастанию собственности различными обременениями, призванными обеспечить социальную ответственность собственника.

Взять хотя бы многочисленные сервитуты земельной собственности, дающие возможность третьим лицам осуществлять в определенных пределах права пользования земельным участком (право прохода и проезда, право доступа к источникам воды, право прогона скота, право доступа к участкам побережья, право прокладки коммуникаций и т.д.). Существуют многочисленные ограничения и обременения права собственности, касающиеся строительной, транспортной и промышленной деятельности, связанные с обязанностями обеспечения требований безопасности, санитарного режима, соблюдением определенных стандартов качества, экологическими требованиями и т.п.

Особое внимание следует обратить на эволюцию отношений интеллектуальной собственности как регулирующих экономический оборот главного ресурса современного и особенно перспективного производства – знания. Здесь видны такие явления, как краудсорсинг, викиномика, free software, open source, copyleft и т.д. Все это ведет к развитию режимов свободного доступа к интеллектуальным ресурсам.

Вместе с тем происходит достаточно жесткая борьба за «огораживание» интеллектуальной собственности. Это соответствует в развитии отношений собственности двум прямо противополо-

ложным тенденциям, которые можно проследить в современной экономической системе: интенсификации приватизации и размыванию права собственности вплоть до полного отказа от нее.

Эти изменения можно сравнить с тем, что происходило столетия назад в Европе (особенно интенсивно – в XVIII-XIX вв.), когда под влиянием технологического прогресса (индустриализации!) одна система отношений и институтов собственности (феодалная) медленно и неравномерно трансформировалась в другую – частнокапиталистическую. Начало не менее глубокой трансформации мы переживаем и сейчас. Под влиянием генезиса нового качества технологий вследствие начала перехода к новому индустриальному обществу второго поколения и далее – к ноономике, началась трансформация отношений собственности и капитала. Эта трансформация, еще раз подчеркнем, противоречива. С одной стороны, присутствует тренд отчуждения собственности от большинства, концентрации богатства в руках 1% населения – то, что Д. Харви обозначил категорией «dispossession»⁶, и что можно перевести как «лишение собственности». Но, с другой стороны, есть и прямо противоположная тенденция – отказ от отношений присвоения, распоряжения и даже использования посредством развития форм совместного выполнения этих функций потенциально неограниченно широким кругом акторов. Первая тема в данном случае не затрагивается, а вторая – обозначается как проблема «отказа от собственности».

Проявления и формы последнего тренда хорошо известны и активно развиваются в современной экономике. Это различные примеры совладения, соиспользования, сопотребления, сороботы (большинству в настоящее время более известны англоязычные термины: *sharing, coworking, coliving* и др.). Эта тенденция получила разные наименования, – *collaborative consumption, collective consumption, gigeconomy* – но наиболее широко употребляемым стал термин *sharing economy* (шеринговая экономика).

На пути к ноономике: шеринг

Стоит заметить, что явления шеринговой экономики – отнюдь не современного происхождения. Она имеет корни еще в ар-

⁶ *Harvey D. The New Imperialism. Oxford. Oxford University Press. 2003. P. 144–149.*

хаических сообществах, и есть исследования, где прослеживается как взаимосвязь этих архаических отношений (в том числе отношений дарообмена на принципах реципрокности) с шеринговой экономикой, так и отличия между ними⁷. Более современные примеры шеринговой экономики, существовавшей в XX в. в небольших локальных сообществах, преимущественно сельских (в том числе в форме кооперативов) показаны в работе Ф. Мосманна⁸.

Однако значительное внимание исследователей шеринговой экономика привлекла только в начале XXI в., и это было связано с быстрым ростом ее новых форм на платформе современных информационных и телекоммуникационных технологий. Во втором десятилетии XXI в. происходит взрывной рост публикаций по шеринговой экономике (рис. 1).

Одним из первых отреагировал на этот феномен в 2004 г. Й. Бенклер в своей книге «Делиться по-хорошему: о разделяемых благах и о зарождении шеринга как способа экономического производства». Он сразу же подчеркнул, что в шеринговой экономике меняется природа критериев и мотивов человеческой деятельности:

«шеринг в области разделяемых материальных благ и коллективное производство информации, программного обеспечения и, в широком смысле, культурных благ схожи с идеальным рынком в их общественных характеристиках, но с социальными сигналами и мотивациями, заменяющими деньги как средство генерировать информацию и мотивировать деятельность»⁹.

⁷ *Belk R.* Sharing // *The Journal of Consumer Research*. Volume 36. Issue 5. February 2010. P. 715–734.

⁸ *Mosmann P.C.* Renaissance of Shared Resource Use? The Historical Honeycomb of the Sharing Economy // *Perspectives on the Sharing Economy*. Edited by D. Wruk, A. Oberg and Maurer. Cambridge Scholars Publishing. 2019. P. 32–33.

⁹ *Benkler Y.* «Sharing Nicely»: On Shareable Goods and the Emergence of Sharing as a Modality of Economic Production // *The Yale Law Journal*. Vol. 114. P. 273–358. P. 343.

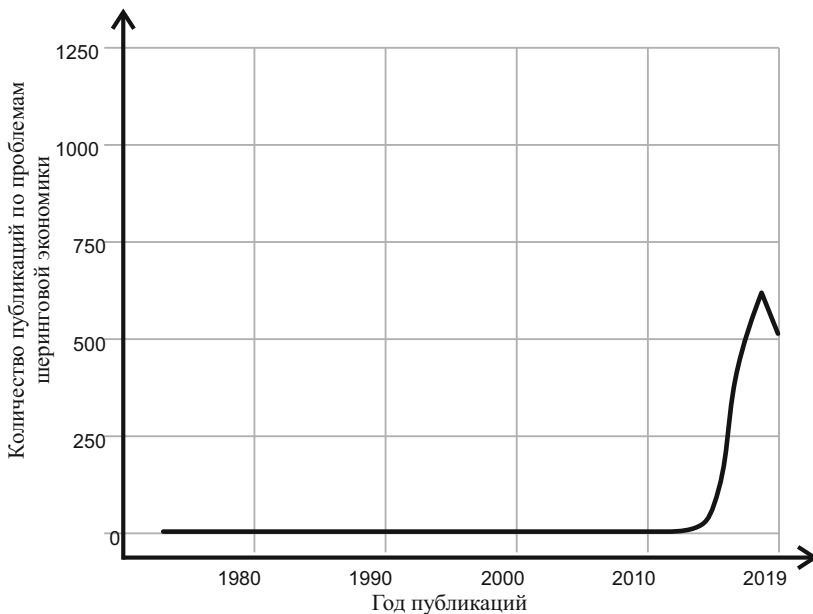

Рис. 1. Динамика журнальных публикаций на некоторые современные экономические темы, включая шеринговую экономику (по данным базы Scopus от 02.09.2019)

Источник: Laurenti R., Singh J., Cotrim M.C., Toni M., Sinha R. Characterizing the Sharing Economy State of the Research: A Systematic Map // Sustainability. 2019. 11. P. 9.

Этот вывод, сделанный в 2004 г., когда шеринговая экономика делала самые первые шаги, может показаться чересчур поспешным. Другие теоретики не отрицали утилитарные мотивы в шеринговой экономике, хотя и подчеркивали, что ее основы прямо противоположны принципу частного владения¹⁰.

Действительно, дальнейшее развитие шеринговой экономики демонстрирует сочетание различных мотивов, среди которых экономическая рациональность, основанная на денежных расчетах, тоже присутствует. Эмпирические исследования, проведенные уже на базе существенно более широко развернувшейся

¹⁰ Belk R. Sharing // The Journal of Consumer Research. Volume 36. Issue 5. February 2010. P. 728–730.

шеринговой экономики, привели к выводу, что в рамках этого типа экономического взаимодействия складывается комбинация «эмоционального и рационального принятия решений, как мотиваций, основанных на индивидуальных интересах, так и просоциальных мотиваций, компенсации в обмене, основанных на денежном и неденежном вознаграждении...»¹¹.

Эти тезисы имеют большое значение: здесь западные авторы, принадлежащие к «основному течению» экономической мысли, специально выделяют неденежные, общественные ценности и мотивы как важное слагаемое новых отношений, складывающихся в шеринговой экономике.

Зафиксируем это, ибо для наших последующих размышлений и выводов указание на генезис отношений, идущих дальше чисто рыночных экономических взаимодействий, принципиально важно. В самом деле продвижение к ноономике предполагает развитие неденежной, если угодно, постденежной мотивации, и в данном случае мы видим реальные практики, идущие именно в этом направлении. Таков лишь один из аспектов рождающегося на наших глазах генезиса ассоциированных форм производства и потребления.

Какими же побудительными мотивами и факторами определяется современное широкое распространение шеринговой экономики?

Главный из них – практическая мотивация отказа от собственности в пользу иных, более простых, более дешевых, более прогрессивных с социальной, экологической и этической точек зрения способов использования благ, нежели собственность на них.

Все исследователи, независимо от их научной ориентации, констатируют, что потребители «вместо того, чтобы покупать вещи и владеть ими, хотят получать доступ к благам и предпочитают платить за практику временного доступа к ним»¹². Под-

¹¹ *Torrent-Sellens J.* Collaborative Behavior and the Sharing Economy: Pan-European Evidence for a New Economic Approach // *Strategy and Behaviors in the Digital Economy*. Edited by Orlando B. London. IntechOpen. 2018. P.6.

¹² *Bardhi F., Eckhardt G.M.* Accessbased consumption: The case of car sharing // *The Journal of Consumer Research*. 2012. N 39(4). P. 881–898.

тверждает это и М. Мангер: «Люди, по существу, не нуждаются в вещах. То, чего они хотят – это поток услуг, который обеспечивают вещи в течение определенного времени»¹³.

Выбирая совместное проживание, модель «делимобиль» (или совместное пространство для работы), акторы всякий раз исключают такие негативные аспекты собственности, как обременение, зависимость от объекта и функций собственности, ответственность («Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу» – гласит п. 2 ст. 14 Конституции ФРГ¹⁴) и т.п.

Более того, во всех этих случаях происходит своеобразное «расслоение», «расщепление» собственности по нескольким линиям: присвоение-владение-распоряжение-использование; распределение каждого из элементов пучка прав собственности между множеством акторов в пространстве и (или) во времени; и (или) по функциям (акционер-менеджер-работник); по властным полномочиям.

Последнее требует комментария: власть и собственность – коррелируемые понятия. Собственность предельно обеспечивает власть собственника по отношению к объекту собственности (вплоть до таких форм, как рабо**ВЛАДЕНИЕ**). Соответственно, нарушение прав собственности, как правило, связано с использованием волевых отношений – формально-правовых или неформальных, вплоть до преступных, насильственных действий. Названные формы приводят к постепенному расслоению властных полномочий, а вместе с тем к «засыпанию» властных аспектов общественных отношений в сфере производства в широком смысле слова (в единстве с обменом, распределением и потреблением).

Отсюда вывод: значение власти как института при ноопереходе будет снижаться/размываться/расщепляться (что и происходит в историческом процессе). Соответственно, и роль государства как субъекта властных полномочий, обобщенного владельца прав на развитие общества, при продвижении к ноономике будет снижаться.

¹³ *Munger M.C. Tomorrow 3.0: The Sharing Economy // The Independent Review. Volume 20. Number 3. Winter 2016. P 391.*

¹⁴ *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Nr. 1.*

Перед нами, таким образом, объективный тренд: эволюционное, постепенное, но неуклонное продвижение по пути развития различных форм и аспектов ассоциирования собственности. Речь идет не о практиках «кавалерийской атаки на капитализм», а о самых современных, зарождающихся в сферах высоких технологий формах совместного использования в процессе труда, в свободное время, при потреблении самых разнообразных благ: знаний и информации, зданий и сооружений, оборудования, транспортных средств и даже средств обеспечения жизнедеятельности.

Выделим основные блоки шеринг-экономики:

- распределение различных правомочий собственника между различными акторами экономики (акционерами, менеджерами, работниками и др.);
- совместное использование факторов производства (коворкинг, лизинг, аутсорсинг и т.п.);
- совместное потребление (каршеринг, коливинг и др.)
- просьюмеризм (соединение производства и потребления в одном процессе);
- и многое другое.

Оборот современной шеринговой экономики составляет сотни миллиардов долларов в год. Только в Китае, согласно докладу консалтинговой фирмы iiMedia Research, оборот шеринговой экономики достиг в 2019 г. 1,05 трлн долл., а в 2020 г. может составить 1,28 трлн долл.¹⁵ Доля шеринговой экономики приблизилась тем самым к 8% ВВП Китая. Наибольший удельный вес в шеринговой экономике имеет каршеринг, и его рост стал одним из наиболее важных индикаторов развития всего сектора (рис. 2). Рост каршеринга обогнал самые оптимистичные прогнозы. Так, в августе 2016 г. предполагалось, что в 2025 г. число пользователей достигнет 36 млн¹⁶, но уже в 2018 г. их число превысило 50 млн!

¹⁵ China sharing economy market to exceed 9 trln yuan: report // Xinhua. 2019–11–02. (http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/02/c_138523206.htm)

¹⁶ Number of car sharing users worldwide from 2006 to 2025 // Statista Research Department. August 2016. (<https://www.statista.com/statistics/415636/car-sharing-number-of-users-worldwide/>).

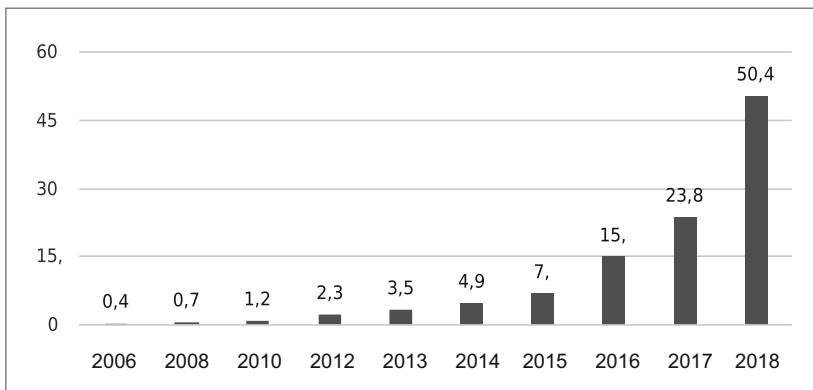

Рис. 2. Рост количества пользователей услуг каршеринга (млн чел.) 2006–2018 гг.

Источник: расчеты автора

Помимо классической аренды автомобилей и каршеринга, существуют проекты развития сервисов, предоставляющих транспортные средства по подписке и другими путями¹⁷. Шеринговая экономика развивается не только в сфере временного совместного использования автомобилей, но и в такой консервативной сфере, как недвижимость. На российском рынке недвижимости развивается относительно новый сегмент предложения – апарт-отели и коливинги. Первые предлагают возможность временного использования комфортабельного жилья с сопутствующими услугами (уборка, стирка, доставка еды), вторые – возможность сэкономить на совместном найме и использовании жилых помещений.

Съем квартир вскладчину несколькими жильцами практиковался и раньше, но теперь девелоперы строят специальные жилые комплексы, предназначенные именно для такого вида аренды. Девелоперы чутко реагируют на изменение предпочтений нового поколения потребителей: «Арендовать, а не покупать – тренд последних лет, ведь новое поколение потребителей не хочет тратить время и деньги на владение имуществом, предпочитая платить за

¹⁷ Об этом подробнее см.: Головкин П. В мегаполисах будущего пассажир станет пользователем // НГ-Наука. 22.01.2020.

то, чем действительно пользуется» – отмечает коммерческий директор Санкт-Петербургской компании ГК Docklands development. Эту же тенденцию отмечает вице-президент компании Becar Asset Management: люди поколения Z не стремятся зарабатывать безумные деньги, владеть квартирами и машинами, приобретать предметы роскоши. Они дорожат гибкостью и свободой, которую дает совместное потребление, аренда и другие механизмы шеринговой экономики¹⁸.

Такой ее стремительный рост поддерживается значительными инвестициями в нее. Желание все большего числа людей пользоваться, не становясь собственниками, вызывает соответствующее внимание со стороны бизнеса, и инвестирование в шеринговую экономику растет стремительными темпами (рис. 3).

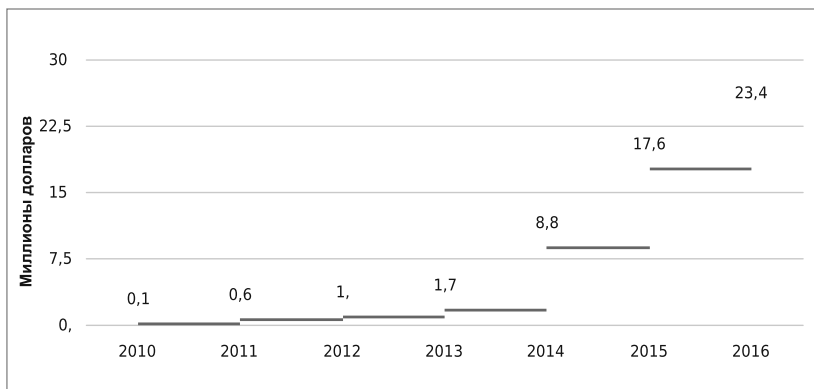

Рис. 3. Кумулятивные инвестиции в шеринговые стартапы, 2010–2016 гг.

Источники: Wallenstein J., Shelat U. Hopping aboard the sharing economy. Boston Consulting Group. Henderson Institute. August 22. 2017. P. 5 (http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Hopping-Aboard-the-Sharing-Economy-Aug-2017_tcm104-168558.pdf).

Таким образом, развитие шеринговой экономики – это феномен, который представляет собой одну из важных форм измене-

¹⁸ Романова А. Шеринг в недвижимости – экономика бедности или разумного потребления? // Фонтанка.ру. 02.02.2020. (<https://www.fontanka.ru/2020/01/29/061/>).

ния структуры экономики, накладывающейся на изменение сути отношения собственности, на пути к новому качеству общественного развития – НИО.2 и ноономике. Генезис последних, в свою очередь, рождается объективным процессом – технологическим развитием, которое на определенном этапе приводит к необходимости социализации собственности и, в частности, к шерингу, что еще раз подтверждает правомерность сформулированного нами вывода.

На тот несомненный факт, что именно развитие современных технологий привело к быстрому росту шеринговой экономики, обращает внимание большинство исследователей этой темы. «Шеринговой экономике, – пишет, например, П. Байлунг, – способствовали достижения в технологии наравне со сдвигом предпочтений потребителей от благ к услугам и от собственности к аренде»¹⁹. Р. Белк также подчеркивает, что современная практика шерингового обмена имеет две общие черты: «Применение ими моделей временного доступа к используемым потребительским благам и услугам, не основанным на владении собственностью; их опора на Интернет и в особенности на Web 2.0, чтобы добиться этого»²⁰.

Фактически шеринговая экономика выступает в качестве переходной экономической формы, сочетающей в себе как утилитарно-экономические, так и неэкономические мотивы. «Сложился общий консенсус относительно того, что любой тип шеринговой экономики, вероятнее всего, принесет более широкий круг доступных возможностей для своих участников и, возможно, более серьезное внимание к долгосрочным целям, таким, как устойчивое развитие, равно и расширяющаяся опора на социальные, нежели на экономические сигналы при обеспечении организованной экономической деятельности»²¹. Вглядываясь в феномен шеринговой экономики, А. Сундарараян задается вопросами: «Капиталистическая или социалистическая? Коммерческая экономика или экономика даро-

¹⁹ *Bylund P.* Is the Sharing Economy Exploitative? // Mises Institute. 08/24/2018. (<https://mises.org/power-market/sharing-economy-exploitative>).

²⁰ *Belk R.* You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online // The Journal of Business Research. Volume 67. Issue 8. August 2014. P. 1595–1600.

²¹ *Sundararajan A.* The Sharing Economy. The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 2016. P. 27.

обмена? Рынок или иерархия? Глобальное или локальное экономическое воздействие? Регулирующий арбитраж или саморегулируемое волеизъявление? Централизованная или децентрализованная оценка стоимости? Правомочный предприниматель или бесправный трутень? Ликвидация рабочих мест или создание работы? Изолированные или взаимосвязанные сообщества?» Его собственное мнение таково: «Как вы можете представить себе сейчас, ответ на каждый из этих вопросов в шеринговой экономике – да»²².

Понятно, что сочетание столь противоречивых тенденций не может не вести и к противоречивым последствиям. Наряду с размыванием прав собственности и ростом круга акторов, включенных в отношения собственности, развивается и обратный процесс концентрации капитала и экономической власти в руках ограниченного круга собственников. Подчеркнем: встроенность шеринг-экономики в капиталистическую систему отношений делает ее внутренне противоречивой. Наряду с прогрессивной тенденцией размывания системы прав частной собственности и снижения издержек для потребителя ряд ее форм несет и тенденцию увеличения социального отчуждения. Это касается, в частности, так называемой *gig economy*, связанной с использованием частичной, временной и т.п. занятости, которая, как правило, не создает для работников социальных гарантий, может приводить к чрезмерному увеличению продолжительности рабочего времени и нарушению других социальных норм. Кроме того, важно иметь в виду и то, что развивающиеся в настоящее время формы ассоциирования противоречиво сопрягаются с мировым трендами роста концентрации богатства в руках финансового капитала.

Ряд исследователей отмечает, «что шеринговая экономика служит маской для интенсификации неолиберальных экономических практик, и что наличие аутентичных практик шеринга действует как идеологическое прикрытие доминирования чисто рыночной логики»²³.

Еще одна важная черта исследуемого нами феномена: шеринговая экономика в достаточной мере неоднородна по структу-

²² Ibid. P. 156.

²³ *Pedroni M.* Sharing economy as an anti-concept // *First Monday*. Volume 24. Number 2–4. February 2019. (<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/9113/7732>).

ре. Значительная часть ее выступает как частный бизнес, основанный на традиционных критериях рентабельности, и участие в нем пользователей также мотивируется экономически – возможностями снизить издержки потребления. Однако и в таком бизнесе, еще более в экономике свободного доступа, пробивает себе дорогу тенденция отказа от многих функций собственности. Нет необходимости владеть и распоряжаться, достаточно лишь пользоваться.

Не только шеринг...

Высшей формой отказа от отношений собственности выступает общедоступность использования благ (то, что в постсоветском марксизме названо «собственностью каждого на все»²⁴, простейшими примерами чего служат публичная библиотека или википедия).

В значительной мере переход к временному использованию собственности без приобретения права распоряжения, а часто и владения, определяется возросшей скоростью технологических изменений. Нет экономического смысла приобретать в полную собственность агрегаты, которые через несколько лет устареют. Нередко собственник таких агрегатов может брать на себя дополнительные обязательства перед пользователем по их ремонту и модернизации.

Другая тенденция, также ведущая к размыванию собственности, – дробление капитала. Не зря современная «экономическая теория прав собственности» так много внимания уделяет проблеме расщепления правомочий и размывания прав собственности. Уже возникновение акционерной собственности ведет к еще более сложному расщеплению прав собственности, нежели на владение, пользование и распоряжение. Акционеры уже не обладают правом собственности на капитал в полном объеме. Более того, совокупность их правомочий зависит от типа акций и объема пакета акций.

Функции присвоения в рамках отношений собственности также претерпели большую эволюцию: уже в первой половине

²⁴ *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. №2.

XX в. стало очевидным, что произошло расщепление данных функций между владельцами капитала и управляющими. К этим проблемам обращался ряд исследователей (Т. Веблен²⁵, А. Берли и Г. Минз²⁶, С. Чейз²⁷ и др.) еще до того, как Дж. Бернхем получил известность, блеснув ярким термином «революция управляющих» и утверждением, что капиталистическое общество сменяется менеджеральным²⁸.

На самом деле расщепление функций собственности – еще более глубокое явление, нежели их деление между акционером и управляющим. Дж. К. Гэлбрейт²⁹ показал, что реальное использование капитала переходит в руки целой армии специалистов, образующих «техноструктуру» корпорации. Но и это еще не все. Ведь конечным пользователем элементов капитала выступают все наемные работники, хотя, разумеется, каждый из них выполняет лишь небольшую частичную функцию.

Сейчас вместе с технологическим прогрессом на место «синих» и «белых» воротничков приходят роботы и искусственный интеллект. Что происходит с отношениями собственности, когда ряд функций переходит от людей к техническим существам? Как, например, быть с ответственностью пользователя в случае, если аварию совершил робот-водитель? Ответственность за ущерб может быть возложена на владельца, а ответственность за нарушение правил дорожного движения?

Функции пользования и даже распоряжения уже начинают понемногу «уплывать» от человека. Дальше эволюция в этом направлении лишь ускорится.

Вследствие принципиально иной, практически беспредельно широкой доступности/возможности удовлетворения разумных человеческих потребностей в НИО.2 резко упадет значение базового отношения присвоения продукта. Как, заметим, и

²⁵ *Veblen T.* The Engineers and the Price System, 1921. Kitchener. Batoche Books. 2001.

²⁶ *Berle A.A., Means G.C.* The Modern Corporation and Private Property. New York: The Macmillan Company. 1932.

²⁷ *Chase S.* A New Deal. New York. The Macmillan company. 1932.

²⁸ *Burnham J.* The Managerial Revolution. What is happening in the world. N.Y. A John Day Book. 1941. P. 71.

²⁹ *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

основного, по мысли классиков марксизма, противоречия капитализма: между общественным характером производства и частным способом присвоения. Производство станет «отделенным» от человека, а «присвоение» – актом простого и предельно доступного удовлетворения потребности без ущерба прочим индивидам.

Основы диффузии и размывания прав собственности, развития ассоциирования собственности материальны и лежат в сфере технологических изменений. Под влиянием НТП по мере постепенного продвижения к НИО.2 и ноономике значение собственности как инструмента наиболее надежного удовлетворения потребностей падает; потребности все чаще можно удовлетворять, не владея собственностью абсолютно, а лишь используя предмет собственности частично, присваивая либо результаты владения им временно, либо владея только отдельными полномочиями в отношении него (типа права пользования).

При этом, с одной стороны, развитие шеринг-экономики есть результат (и, как указывалось, в определенном смысле индикатор) влияния НТП на экономические формы удовлетворения потребностей. С другой стороны, шеринговая экономика способствует повышению эффективности использования ресурсов, снижению затрат, удешевлению и повышению качества удовлетворения потребностей, высвобождению времени и многому другому. Все это, собственно, есть слагаемые продвижения экономической реальности к экономике НИО.2 и далее – к ноономике.

Безусловно, эти процессы социализации собственности развивались и ранее, но имели ограниченное распространение и были, как правило, недостаточно результативны и в технологическом, и в экономическом, и в социальном отношениях, ибо всякий раз, в условиях предыдущих социально-экономических и технологических укладов, проявлялись в недостаточно эффективных формах. Речь идет о кооперативах, коллективных предприятиях и иных формах «экономики солидарности». Именно поэтому ни кооперативы, ни коллективные предприятия не получали и не получили широкого распространения в мировой экономике, оставаясь отдельными более или менее удачными приме-

рами типа мондрагонской группы кооперативов в Испании³⁰. Эти формы, при их в принципе перспективно-прогрессивной направленности, слишком радикально и формально уничтожали те частные прогрессивные достижения, которые принесла экономике частная капиталистическая собственность. Ее отрицание должно быть не грубо насильственным, а позитивно-экономическим, вносящим начала ассоциированности там и тогда, где и когда они дают большую эффективность и базируются (становятся эффективно реализуемыми) на прогрессивных технологических достижениях, обеспечивая в то же время при этом сохранение адекватно значимых отношений частного присвоения и распоряжения. Именно таковы и перечисленные формы совместного использования благ в производстве и потреблении, диалектически сочетающие частные и ассоциированные начала. При этом активное развитие данных форм, приобретающее в последние годы ускоряющийся характер, стало возможным с переходом к новому технологическому укладу в рамках начавшейся четвертой индустриально-технологической революции.

Какими же могут быть пути продвижения в экономику НИО.2 и ноономику, соответственно, пути предотвращения негативных трендов, становящихся все более заметными в настоящее время?

Сейчас, в 2020 г., можно сделать самый главный акцент: мы стоим на пороге качественно новых вызовов и угроз. Это не только начинающийся мировой экономический кризис и пандемия. Это – целый комплекс обострившихся до предела глобальных проблем. Они со всей очевидностью требуют понимания того, что для нас не так важен рост экономики, о чем сегодня говорят все и всюду, как его качество, а значит – технологический прогресс. Но и сам по себе прогресс технологий – не конечная цель и не высшая ценность. Такой целью и ценностью остается человек, его жизнь.

³⁰ Об этом подробнее см.: *Колганов А.И.* Опыт ESOP и мондрагонских кооперативов // От наемного труда к свободному. Самоуправление или «третий путь» в экономике. Под ред. С. Федорова. М.: Слово, 2001.

Если основное внимание в этой статье посвящено тем социально-экономическим отношениям, которые объективно видоизменяются, «перереформируются», рождаются вновь под влиянием технологического развития (прежде всего – трансформациям в сфере отношений собственности), то только потому, что эти процессы создают предпосылки для развития отношений солидарности, которые так востребованы сегодня для защиты жизни человека, для будущего прогресса человеческих качеств. Эти предпосылки не возникают одновременно, они не рождаются подобно Венере из пены морской. Ассоциирование собственности и соответствующие трансформации капитала, снижающие меру отчуждения большинства от общественного богатства, рождающие многообразие форм ассоциированного использования, распоряжения и присвоения – вот основа прогресса человека. Движение по этому пути должно идти эволюционно, неустанно.

Таково объективное условие предотвращения глобального кризиса. Такова основа стратегического курса, который, в свою очередь, должен стать основой тактических решений конкретных задач экономической политики.

С.Д. Бодрунов

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ТЕОРИЙ НООНОМИКИ И СОЦИАЛИЗМА¹

Второй за два десятилетия мировой кризис, начавшийся еще до пандемии, сделал вопросы стратегического переосмысления будущего не просто значимыми теоретически, но и весьма актуальными в практическом аспекте.

В настоящее время исследование возможных качественных изменений технологий и социально-экономических отношений будущего продолжает вестись преимущественно в ключе прежних парадигмальных подходов и установок. Между тем, как показывает практика, изменения эти носят качественный характер, возникают новые глобальные проблемы, природа которых лежит отнюдь не только в рамках традиционной проблематики современных учений – к примеру, как классической, так и неоклассической экономической парадигм. Новые реалии настоятельно требуют поиска нестандартных подходов и инструментов, позволяющих адекватно исследовать и оценивать грядущие перспективы.

В качестве такого инструментария нами предложена концепция Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и, затем, качественно нового состояния общества – ноообщества на базе отрицающей современную экономику ноономики (Бодрунов, 2016, 2019с). Важно подчеркнуть, что данная теоретическая платформа принципиально отличается, при некоторой внешней схожести, от того видения будущего, которое характерно для исследователей, продолжающих работать в русле классической марксистской политической экономии.

Почему полагаем необходимым обратить на это внимание? Основанием для написания данного текста стали неоднократные попытки многих коллег найти «параллели» теории ноономики с теми или иными аспектами политэкономии, «объяснить» ее с точки зрения политэкономического взгляда на разви-

¹ Опубликовано в журнале «Вопросы политической экономии. – 2020. – № 3 (23). – С. 52–66.

тие общества. Наиболее явно эти попытки просматриваются в серии работ профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, руководителя Центра социэкономике А.В. Бузгалина, недавней статье профессора экономического факультета МГУ А.В. Сорокина², посвящённой в значительной степени анализу нашей концепции ноономики, в докладе чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга³ и др.

Следует отметить, что первые из упомянутых уважаемых авторов стремятся к некоторому обновлению традиционного классического политико-экономического подхода, оставаясь в то же время в главном классическими политэкономами, что, очевидно, связано с их активной деятельностью в рамках кафедры политэкономии МГУ, сохраняющей традиции классической школы.

Так, А.В. Сорокин, долгое время работая над проблемой сопряжения категорий «Капитала» К. Маркса и неоклассического видения природы ценности, прибыли и т.п., в свое время предложил вниманию научной общественности оригинальную теорию общественного богатства (Сорокин 2009), а также немало других, весьма ценных в научном отношении разработок. Обращение этого ученого к анализу нашей концепции НИО.2 и ноономики для нас весьма значимо и заслуживает специального анализа.

Надо отдать должное: автор в своей статье в основном адекватно отражает предлагаемую нами теорию; в то же время его сравнительный анализ теории ноономики и ноообщества с теорией социализма и коммунизма, а также критика нашего ключевого тезиса о постепенном движении человечества к новому качеству общества, являющемуся уже не собственно экономическим, выдает, на наш взгляд, в авторе именно классического политэконома, изучающего производственные отношения людей, складывающиеся в процессе производства, обмена, распределения и потребления и базирующиеся на системе определенных производительных сил. В этом же ключе построено и его сравнение теории НИО.2/ноономики с социализмом и коммунизмом.

² Сорокин, А.В. К развитию концепции нового индустриального общества второго поколения и ноономики / А.В. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2020. – №3 (65). – С. 44-45

³ Презентация книги «Ноономика» на выставке Non/fiction 2018. URL: <https://noonomy.ru/2018/11/30/nonfiction/>

Возможность и обоснованность проведения таких параллелей – предмет нашей полемики.

Заметим, что и А.В. Бузгалин в своих работах, посвящённых видению будущего, хотя и стремится к некоторому переосмыслению традиционных постулатов научного коммунизма, в главном все же остается «правоверным» марксистом, утверждающим, что будущее – это коммунизм и путь к нему лежит через социалистическую революцию (Бузгалин, 1996).

Безусловно, можно детально и тщательно прорабатывать – аспект за аспектом, позицию за позицией – принципиальные отличия обсуждаемых взглядов. Однако, в силу того что на классической политэкономической парадигме выстроены были основные положения известных всем программных документов советского идеологического базиса и именно он остается в основе исследовательских построений коллег, нам представляется, что для разъяснения наших различий достаточно будет дать в сокращенном виде некоторый анализ ряда этих положений с точки зрения теории ноономики.

Итак, перед нами стоит вопрос – насколько предлагаемая нами теория НИО.2 и ноообщественного устройства сходна с традиционной теорией социализма и коммунизма.

Инерция политэкономического мышления рождает проблемы в понимании будущего

Прежде всего, отметим, что автор данного текста отнюдь не считает любых своих оппонентов из политэкономической когорты (а их немало и в России, и за рубежом) «старомодно» мыслящими. Более того, некоторые из них полагают теорию ноономики «вкладом в развитие политэкономии в XXI веке» (так отмечено в аварде Всемирной политэкономической Ассоциации, наградившей автора «Ноономики»). Дело в ином: они остаются учеными, работающими в традиционной классической политэкономической парадигме. И хотя некоторые из политэкономов живут, скажем, более «современной жизнью» и развивают политэкономия, тем не менее, основные политэкономические взгляды у них сохраняются. Между тем, на наш взгляд, сегодня далеко не все явления нашего бытия и развития укладываются в традиционные рамки этой теоретической платформы; требуются определенные усилия, для того чтобы оторваться от традиционных

представлений и подумать о том, какими могут и должны быть качественно новые подходы.

Это утверждение, конечно, не означает, что эти новые представления могут появиться на пустом месте. Теория ноономики выросла из вполне политэкономических взглядов автора на ранних этапах исследования. Новые представления могут вырастать, скажем, как пшеница: из зерна вырастает колос – тогда, когда появляются необходимые для этого условия. Колос и зерно, реализующие сходные функции, не слишком похожи внешне, но имеют одни и те же корни. Еще более подходит пример с обезьяной и человеком – имея общих предков, они отличаются уже более существенно. В этом плане вещи, которые, с одной стороны, имеют общую корневую систему, основу, могут отличаться, и даже радикально. Но это далеко не сразу видно – издали человек и обезьяна практически идентичны. И для установления отличий необходим другой инструмент, позволяющий рассмотреть предмет исследования в более пристальной перспективе.

Поэтому продолжающиеся экзерсисы уже известной «алгебры» поверить новую «гармонию», в нашем случае – известным «аршином общим» политэкономии измерить «особенную статью» качественно нового состояния общества плюс всё более отчетливо просматривающихся перспектив его развития и отражающую это теорию ноономики, могут вести к некорректному пониманию сути теории. Попытки «загнать» концепцию ноономики в политэкономические рамки, которые кажутся правильными, сходны с попытками колос описать как зерно. При этом, безусловно, ноономика вырастает из экономики, у них общее корневое происхождение – потребности людей, и оба этих феномена едины в том, что это суть механизмы удовлетворения потребностей, но это – разные механизмы, и один из них (как колос отрицает зерно!) сменяет другой естественным образом в связи с изменяющимися условиями своего проявления – с ускорением ускорения НТП, с развитием человека, его человеческих (ноо!) качеств.

Общество – это историческое явление. Ключевое понятие здесь – развитие, изменение условий проявления сущностей. Общество – это тоже инструмент удовлетворения человеческих потребностей. Регулирование отношений в обществе производится в разные исторические времена по-разному. Появилось на опреде-

ленном этапе, к примеру, государство, оно развивалось, появлялись институты, которые все больше и больше работали на удовлетворение все новых потребностей, потребностей и явных, и завуалированных, и т.д. Можно по-разному их квалифицировать, классифицировать. В этом плане этапы, которые определил классический марксизм, этапы формирования общества (в советской интерпретации – это рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм и социализм как его первая фаза) – это категории, которые очерчивают рамки, в которых исследуется развитие общества, с определенной позиции. Отталкиваясь от этого, и возникает стремление сравнить НИО.2 и социализм, ноономику и коммунизм.

Ошибочность параллели НИО.2 и социализма

Начнем с параллели НИО.2 и социализма. Классическая политэкономическая схема (наиболее часто встречающаяся в базовых учебниках по политэкономии социализма (Румянцев, 1985) – это теория экономики, основным производственным отношением в которой является общественная собственность на средства производства (при отсутствии других форм собственности), и вытекающие из этого следствия – планомерность развития, ориентация экономического развития на рост благосостояния трудящихся и т.п. (оговоримся: были и другие схемы – в частности, школа Н.А. Цаголова, из которой, кстати, вышли и А.В. Сорокин, и А.В. Бузгалин, предлагала в качестве исходного отношения планомерность, а в качестве основного – непосредственно общественное соединение ассоциированных производителей с обобществленными средствами производства, рассматривая общественную собственность как проявление этих и производных от них производственных отношений (Цаголов, 1974)).

Но в каком направлении реально пошло общественное развитие?

Во-первых, объективный процесс рождения НИО.2 идет по пути, далекому от модели революционного установления общественной собственности (в том понимании, которое предлагала классическая политэкономия; впрочем, какого-то достаточно подробного и непротиворечивого описания этого феномена дано не было). Форма собственности, которая становится базовой в НИО.2, будет отличаться от того понимания, которое есть в учебниках по

политэкономии, которые все мы изучали в свое время (преимущественно государственная собственность как форма некой «общенародной собственности на средства производства») – это преимущественно диффузная «форма» собственности, которая формируется постепенно, вырастая из тех форм собственности, которые сегодня есть. Будет все более и более широкое «разделение», «расщепление» собственности – и «по времени» (к примеру, последовательное, все более «дробное» владение), и по значимости, и по функциям («параллелям», к примеру, в последнем случае – на целый спектр ее функциональных принадлежностей, т.е. в отношении функций владения, управления, использования, распоряжения и т.д.). Мы об этом писали, не будем вдаваться здесь в детали (Бодрунов, 2019b). Важно иметь в виду, что собственность как феномен находится в постоянном развитии, трансформации. Она всякий раз, во всякий исторический период – разная, у нее есть различные аспекты, из которых и проистекает развитие этого феномена, изменения его субъектов и объектов, ряд из которых лишь в последнее время становится объектом исследования собственности как социально-экономического отношения. И происходит это не случайно, а вследствие прогресса технологий.

Один из наиболее важных примеров последнего – развитие феномена «интеллектуальная собственность». Прогресс технологий и превращение знаний в главный ресурс развития и высшую ценность, производительную силу обусловили в свое время возникновение нового объекта собственности, к возникновению интеллектуальной собственности. Знания становились все более важным ресурсом для того экономического базиса, который тогда формировался и продолжает трансформироваться (кстати, в НИО.2 интеллектуальная компонента производства, в виде сублимированного знания, станет основным ресурсом, но её статус как собственности видоизменится, о чем скажем чуть позже). Соответственно, появились уложения, закрепляющие все слагаемые интеллектуальной собственности: патенты и иные формы, обеспечивающие «огораживание» этой собственности. Но точно так же, обусловленная историческим процессом, развитием технологических возможностей доступа к знаниям для все более широкого круга пользователей интеллектуального ресурса, уже началась и будет далее идти диффузия и этого вида собст-

венности. И этот вид собственности так же постепенно, исторически вынужденно, будет «уходить» с разворачиванием процесса, в рамках которого отдельные, «параллельно» и «последовательно» разделяемые функции собственности будут редуцировать свое значение.

Таким образом, состоится переход к иной «форме» собственности, которую мы условно могли бы назвать «диффузной» собственностью. Это будет «разноформенная» форма собственности, «смешанная» форма собственности, «размытая» форма собственности, которая, тем не менее, будет предназначена для реализации той функции, что и сейчас – по своему назначению, по своему использованию, скажем, функциональному значению, по своей значимости и т.д., для развития общества, в конечном итоге – для удовлетворения потребностей людей. Сегодня мы видим бурное нарастание (конечно, безусловно, «в борьбе» с традиционными формами) значения и доли прообраза такого вида собственности в практической экономике – так называемой «ассоциированной собственности». Правда, мы считаем этот термин некорректным принципиально, поскольку в историческом контексте идет не ассоциирование (соединение) собственности, а наоборот – «диссоциирование», диффузия собственности.

Суть явления, феномен собственности как таковой на этапе НИО.2 еще сохраняется, но происходит изменение формы собственности, а через это – подготовка к другому ее «существованию», ее «испарению» в мире будущего – в нооэкономике. Это – аналог изменения физической формы вещества. Проведем параллель и представим, что собственность – вода. В одних условиях («холодное, мерзлое общество», экономическое общество) – это лед, кристалл. Потеплело (переход к НИО.2) – диффундировал кристалл в жидкую, размытую форму. Молекулы (суть жизнедеятельности всякого общества – удовлетворение потребностей) – одни и те же. Ещё нагрели (переход общественного развития к нооэтапу) – вода диффундирует в пар, в иное, ещё более диффузное состояние, постепенно (с развитием ноообщественных отношений) испаряется до полного исчезновения (исчезновения собственности), хотя отдельные молекулы (основа) остаются. Собственность как институт – испаряется, в то время как то, что составляло объект собственности, – остается.

Сейчас мы также видим некоторые проявления еще одной стороны этого продвижения. В разных видах (и назывались эти виды проявлений по-разному, иногда даже – с искажением сути) они были всегда. Вспомним, к примеру, советские так называемые общественные фонды потребления. Или посмотрим на нынешние тенденции в сфере удовлетворения потребностей, всегда бывшие и ранее, но сейчас всё более широко развивающиеся. Это касается широкого спектра товаров и услуг, потребляемых людьми бесплатно (т.е. вне парадигмы экономического способа распределения и удовлетворения потребностей). То же самое относится к деятельности волонтеров, благотворительности, спонсорству, «творчеству не на продажу» и др. Иными словами, когда «собственность» (продукт, услуга) отчуждается без замены на другую «собственность», ее значение именно как «собственности» теряется. Но это – не развитие в сторону перехода к «общественной» собственности. Это – развитие в сторону «испарения» собственности. НИО.2, с этой точки зрения, не социализм.

Еще один аспект традиционной теории социализма. Она предполагала усиление роли рабочего класса. Но развитие пошло в ином направлении. По мере генезиса НИО.2 растет роль не рабочего класса, а того «класса» (я не случайно использую кавычки: классов при приближении к ноообществу тоже не станет, здесь позиции ноономики и теории классического коммунизма совпадают), а тех индивидов (иногда – временно формирующихся групп индивидов), которые владеют основным ресурсом, необходимым для решения задач материального производства, т.е. знаниями. И именно они начинают играть «определяющую роль» в обществе, что, как известно, давно выражено в теориях когнитариата⁴, о чем мы уже не раз писали. Это – нечто иное, нежели классическое представление о рабочем классе.

Понятно, что формирующиеся в современных условиях лица, добывающие и использующие знания, – это «одноклассники», которые имеют некие общие интересы. А интересы – это со-

⁴ Употребляя термин «knowledge worker», Даниэл Белл первым изложил концепцию когнитариата (Bell, 1996. P. 343–344). Сам термин ввел в оборот Элвин Тоффлер, заявив о переходе от пролетариата к когнитариату (Тоффлер, 2003. С. 47).

циальная потребность, но расширение потребностей, их индивидуализация в НИО.2 (мы это ранее обосновали) приведет к растущему разнообразию этих потребностей, и объединить их в интересы, сформировать на этой базе какие-то такие массовые классы, вероятно, будет невозможно. Это могут быть ситуативные группы, группы по интересам, ситуативные конгломераты – все то, что происходит и все более развивается сейчас в мире.

Поэтому у теории НИО.2 и теории ноономики могут быть лишь сугубо формальные, внешние «параллели» с тем, что в советское время понимали под категориями «социализм» и, соответственно, «коммунизм».

Но нельзя сказать, что они и противоположны, ибо корень – общий и внешние черты во многом (по результату) – схожи, однако содержание и структура их – разные.

Продолжим. Принятая в СССР теория утверждала, что коммунизм – это некое распределение по потребностям, а социализм – это распределение по труду. От каждого – по способностям, каждому – по труду.

Но что мы имеем в реалиях XXI века, в условиях формирующегося перехода к НИО.2?

Практика показывает, что разворачиваются иные, при том – противоречивые процессы.

Во-первых, значение труда как фактора общественного производства под влиянием технологического прогресса снижается и объективно будет снижаться. Во-вторых, уже сейчас мы наблюдаем, что, несмотря на повышение возможностей технологического прогресса, позволяющего удовлетворять все более рациональные потребности людей, распределение общественного продукта в условиях современного экономического общества идет абсолютно несправедливо.

Но есть и некие тенденции, напоминающие теорию социализма, поскольку продвижение по пути к НИО.2 – это большая социализация экономики. Но – совсем по иным причинам, чем предписывает теория социализма. Сейчас без прямого участия в трудовом процессе отдельные индивиды (инвесторы, владельцы базовых ресурсов, наниматели тех, кто может использовать эти ресурсы) получают непропорциональную долю в итоговом продукте. Неравенство растет. Причина известна: экономи-

ческое общество основано на владении собственностью. Однако переход к новому качеству общественного производства – системе, основанной на знаниях как главном ресурсе развития, и диффузной собственности, постепенно меняет ситуацию. С возрастанием знаниеёмкости продукта распределение общественного богатства и дохода будет становиться более равномерным, более справедливым. Но распределение уже на этапе НИО.2 будет идти не «по труду», а по «знаниеценности». Без прямой привязки к трудовому процессу.

Если сложить приведённые выше факторы вместе, мы получим понимание того, как будет расти социализация общества. Не социализм, где «каждому по труду», не «социализация» – социализация.

Люди всё более будут получать от общества не «по труду», а затем, при переходе к ноономике, – и не «по знаниям», «заслугам» и т.п, а на основании того, что они – члены общества. Кто-то из них будет участвовать в трудовом процессе в материальном производстве (до тех пор, пока оно – в процессе перехода от НИО.2 к ноономике – не станет полностью безлюдным), кто-то – нет. Кто-то будет непосредственно (в меру своих знаний и сил, а также необходимости «дополучить» то, что не может пока получать «без труда») участвовать в трудовой деятельности (пока она будет), но у них будут гораздо более широкие возможности получить от общества необходимое для их жизни и развития. При этом будут и другие люди, которые не будут в этой деятельности участвовать, но будут заниматься творческими вопросами, саморазвитием – вот, к примеру, пошутим, будут читать/писать про НИО.2.

Будет ли это трудом? Труд – один из факторов и производственного процесса, и общественного производства. Ноономика – это механизм удовлетворения потребностей людей самоуправляемой (под контролем человека), не зависимой от непосредственного участия человека производственной системой, не предполагающей использования труда как фактора производства. С другой стороны, труд – в экономическом обществе – это деятельность, предполагающая вознаграждение в рамках распределения «общественного пирога». Нельзя назвать трудом то, что человек делает вне этой парадигмы деятельности.

Таким образом, в ноообществе любая деятельность человека – это будет, скажем так, «занятие». Труд – и как фактор производственного процесса, и как фактор производства общественного продукта – будет «усыхать» в НИО.2 по мере перехода к безлюдному производству, полностью «испаряясь» при переходе к ноономике. Период НИО.2 – это период такого перехода. И «получать» люди будут «не по испаряющемуся труду», а по иным критериям. Конечно, можно заметить, что и при том варианте практического социализма, который был у нас в советское время, люди, которые получали «не по труду», тоже были. Но они жили за счет обирания общества либо другого человека. Это – другой способ «добычи» необходимого для жизни. И это – не параллель с НИО.2.

Все это свидетельствует: НИО.2 и социализм в его советском бытии и понимании – это отнюдь не тождественные феномены. Более того: они качественно различны. Понятно, что и одно, и другое произрастает, если взглянуть на процесс политэкономическим взглядом, из одного корня. Но результаты – разные.

О неправомерности отождествления ноообщества и коммунизма

Что касается коммунизма – высшей фазы этой системы, – то здесь отличия теории ноономики и «высшей фазы» еще глубже.

И дело здесь не только в том, что, в отличие от коммунизма, путь к которому в теории марксизма лежит через коммунистическую революцию, когда «верхи не могут управлять по-старому, а низы не могут жить по-старому», ноономика – это объективно эволюционно рождающееся новое качество общественного бытия, вызываемое к жизни технологическим развитием (хотя это различие принципиально важно).

Главное отличие состоит в том, что ноообщество – не новая общественно-экономическая формация (подчеркнем – «экономическая», как это традиционно мыслилось в работах «основного течения» советских марксистов), а новое качество общественного

бытия (повторим это намеренно еще раз), в котором снимаются, уходят в прошлое именно экономические отношения⁵.

Приведем некоторые вытекающие из этого более частные, но также значимые аспекты различий.

Напомним, что для «вышей фазы» будет характерно распределение на основе принципа «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Полагаем, несимулятивным потребностям, видимо, реальным потребностям (хотя этот вопрос остался за скобками детальной проработки в теории коммунистического этапа развития). Здесь также важны принципиальные различия модели «распределения» при коммунизме – по крайней мере, описанного программой КПСС, – от того, что будет в ноообществе. Последнее предполагает, что не будет никакого «по способностям». Будут просто люди жить – и те, у кого никаких способностей нет, тоже будут жить. Будут одинаково нормально жить все – в ту меру, кто как себя осознает. Полагаем, осознает себя, свои потребности, осмысленные и принятые в ноокритериальной базе.

⁵ Следует отметить, что в работах некоторых советских и зарубежных марксистов начала 1960х – конца 1980-х годов прямо или косвенно высказывались тезисы о том, что коммунизм – это уже неэкономическое общество. Более того, приводились и положения из работ классиков, которые можно было интерпретировать в этом духе. Наиболее ярко эти тезисы прозвучали в работе С. Платонова (Платонов, 1989) и книге «По ту сторону отчуждения» (Бузгалин, Колганов, 1990). Впрочем, идеи будущего общества как постэкономического высказывались далеко не только марксистами. Об этом упоминает в одной из своих поздних статей Дж. Кейнс (Кейнс, 2009); эта тема намечена и постиндустриалистом Д. Беллом (Bell, 1996) и развита имевшим сходные взгляды В. Иноземцевым (Иноземцев, 1998). Но никто из этих авторов не предложил целостной теории нового качества общественного бытия, вырастающего из объективных процессов развития технологий, и в этом – качественное отличие теории ноономики и от идей «романтических марксистов», и от теорий постиндустриалистов, у которых постэкономическое общество является всего лишь слепком с современного устройства стран «центра», где господство финансового капитала и «рыночного фундаментализма» уже породило не переход к новому качеству материального производства – безлюдному, высокотехнологичному, – а к уничтожению материального производства.

В ноообществе не будет никаких «общественных» вещей, потому что это не будет «общество свободных и сознательных тружеников». Не будет труда – не будет и тружеников. Но, конечно, люди будут действительно свободны. И они действительно будут сознательные. Причем – осознающие размеры личных свобод и осознанно принимающие их пределы. Но вовсе не труженики, а индивиды – члены общества.

Далее. Общественное самоуправление как атрибут коммунизма. В ноообществе, естественно, не будет общественного самоуправления. Это будет другой, особый тип «управления». Мы уже писали об этом в связи с вопросом о государстве (Бодрунов, 2019а): государство по мере генезиса НИО.2 и дальнейшего развития по направлению к ноообществу будет менять свои функции. Останется некий аналог этого института, который будет регулировать отношения индивидов – на основе осознанного и свободного принятия ими регуляторного «бремени» (помним, «свобода – это осознанная необходимость»). Не управлять, но – регулировать отношения людей, не касающихся их отношений в сфере того самого производства, потребления, распределения, и т.д. и т.п., экономических и вытекающих из них отношений – поскольку таковых не будет, потому что члены ноообщества будут жить за счет потребления продукта, производимого (и воспроизводимого) самодействующей производственной системой, от человека отделенной. С некоторой долей условности можно сказать, что такая производственная система станет частью «природы», экосистемы ноочеловека. Социум будет жить за счет материального производства, где материальная сфера, которая будет производственной системой, сама станет удовлетворять потребности, несимулятивные потребности людей.

И эта система отношений – отнюдь не некая структура под названием «общественное самоуправление» (абсолютно размытое, кстати, понятие). «Самоуправляться» будет производственная система под контролем человека, Это – важное отличие теоретической концепции ноообщества от модели коммунизма.

Продолжим. Та же Программа КПСС провозглашала: «Труд на благо общества станет первой жизненной потребностью». Вопросы нет, заниматься чем-то – это потребность человека, и это, действительно, объективная потребность. Станет ли она

осознанной потребностью? Наверное, может быть, и осознанной человеком потребностью. Потому что он должен осознать, что у него должны быть потребности несимулятивного типа, включая и «труд». Но с точки зрения теории ноономики – это будет уже не труд, а некое занятие – то, чем человек занимается по своему собственному осознанию, разумению, убеждению и т.д. И не для «рыбки из пруда». Это – нечто иное, чем «труд», который необходим для получения возможности реализации своих потребностей, для удовлетворения своих потребностей. Да, сегодня «без труда не выловишь и рыбки из пруда», но это – экономическое понимание. А в ноообществе – выловишь. В этом плане «труд» не станет «необходимостью», потому что необходимости в труде как таковой не будет. И «первейшая жизненная необходимость» будет иной – мы полагаем, в духовном развитии, саморазвитии, творчестве, на что будут направлены усилия людей.

Еще один аспект видения коммунизма в соответствии с Программой КПСС – на высшей фазе общественные блага «полюются полным потоком», «с наибольшей пользой для людей будут применяться способности людей» и т.д. Здесь возникает принципиальной важности вопрос: что есть польза? В экономическом обществе под пользой понимается выгода. Очевидно, что речь в Программе идет не о выгоде. Тогда – о чем?

Точно так же неопределенным является термин «народ». Между тем этот термин играет и в названном документе, и вообще в концептуальной платформе коммунистической теории, немалую роль, ибо он лежит в основе таких понятий, как «общенародная собственность», «интересы народа» и т.п. Этнографические, демографические и т.п. определения народа здесь не подходят, а политэкономического определения народа не существует.

Подытожим: тезис о том, что ноообщество – это некий аналог коммунистического общества, некорректен, в том числе и потому, что понятие коммунизма, очевидно, было и остается не проработанной гипотезой.

Еще раз к вопросу об отмирании собственности и производственных отношений по мере продвижения к ноономике

Завершая наши полемические примеры, полагаем необходимым специально вернуться к проблеме собственности в НИО.2.

Здесь принципиально важным является понимание того, что НИО.2 описывает систему, переходную к ноономике, где отношения собственности отмирают, ибо «иссыхает» их объект. Соответственно, в ноосистеме нет и проблемы формы собственности: не может иметь форму то, чего нет. Ну а что касается «диффузной» собственности на этапе НИО.2, то об этом немало написано в указанных ранее текстах автора, вышедших уже после публикации книги «Ноономика».

Впрочем, корень проблемы здесь связан даже не с проблемой феномена/ понятия собственности, а с ключевым положением теории ноономики, в соответствии с которым система производственных отношений уходит в небытие по мере перехода к безлюдному производству. Этот тезис труднее всего воспринимается политэкономией, ибо она не может «отречься» от себя и признать, что ее предмет/объект исследования (а вместе с этим и сама эта наука, как, впрочем, и иные «экономические науки») «испаряется» по мере развития НТП.

Разберемся с существом проблемы. Читаем, что сказано об экономических отношениях в Большой советской энциклопедии: «...общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ»⁶. Между тем и распределение, и потребление (особенно потребление) существовали и без экономических отношений. И будут существовать тогда, когда экономических отношений не будет, потому что экономические отношения – это отношения, которые касаются возмездной мены. Эти отношения появились на определенном историческом этапе – тогда, когда потребности расширились до определенного уровня и появилась необходимость их удовлетворять не просто за счет того, что произвел сам, а за счет того, что произведено другим, произведено в системе общественного разделения труда.

⁶ Большая советская энциклопедия. URL: https://bse.slovaronline.com/31012-POLITICHESKAYA_EKONOMIYA. Дата обращения – 31.07.2020.

Вспомним К. Маркса, «К критике политэкономии». Там говорится об объективности производственных отношений (Маркс, 2011). Можно этот аспект перенести и на вопрос о потребностях. Я могу согласиться с К.Х. Момджяном в том, что потребности существуют объективно (Момджян, 2019) – как и знание. Другое дело, что человек их, потребности, осо«знаёт», и в теории ноономики под потребностью понимается то, что уже осознано человеком после открытия им кванта знания о своей потребности.

Такой вариант трактовки потребности важен для теории ноономики потому, что позволяет прийти к разделению потребностей на реальные и симулятивные. И когда человек находится в процессе осознания некоей потребности, он может получить фальшивое знание о ней, на этапе осознания ему можно внушить превратное представление о его собственной потребности. В результате появляются симулятивные потребности. Отсюда вывод: инструмент под названием «потребность» в нашей трактовке позволяет открыть замок нашего представления о цивилизационном развитии, понять и описать, как человек дальше развивается, в то время как чисто философская акцентуация данного понятия не позволяет его применить для адекватного описания процесса развития общества. Заметим, что, видимо, в этих видах К. Маркс также говорит об осознании, об осознанных потребностях.

Всё, что человек осознаёт, дает ему определённый импульс к жизни. Осознавая, человек ищет баланс потребностей и надёжность. В экономическом обществе надёжность обеспечивает запас, баланс потребностей человека устанавливают экономические условия, критерии: чем больше запас, тем выше надёжность. В ноообществе надёжность обеспечивает технологический прогресс, а баланс потребностей (который человек должен установить сам) позволяет определить, что симулятивно, а что – нет; определить на основе ноокритериев.

Продолжим. В классическом марксизме производственные отношения (развивающиеся в диалектическом единстве с производительными силами) составляют базис, который определяет так называемую надстройку, духовное развитие и т.д. Для нас сейчас важно то, что совокупность производственных отношений нетождественна экономике, более того, нетождественны системы производственных отношений и экономических отношений.

Далее. Совокупность упоминавшихся четырёх частей составляет экономическую структуру общества, а не только отношения, в которые люди вступают сугубо в процессе производства материальных благ. Так что базис, определяющий надстройку, – это экономический базис. Но ведь следует признать, что не вся человеческая жизнь определяется этим базисом, есть ещё духовная сфера, и её детерминация иная. Отсюда – важный тезис: не всё определяется экономическими отношениями, есть и иные отношения, и иные детерминанты. Приведем только один пример – любовь. Есть любовь как потребность (духовная, скажем, потребность), и она никак не определяется экономическим базисом. А есть «любовь» – за деньги, принудительная, проституцией называется или того хуже. С этой точки зрения можно вполне определённо говорить: этап, когда возникла экономика, – это этап проституирования отношений людей, а экономика, экономический способ удовлетворения потребностей людей, – это проституированный способ удовлетворения потребностей людей. Все потребности можно удовлетворять без экономики. Экономика – это просто то, что позволяет, как механизм, неким определённым образом установить порядок удовлетворения потребностей. Ноономика – другой механизм решения той же задачи. Часы – чтобы узнавать время, но оно существует независимо от часов. И часовые механизмы могут быть совершенно разными.

Всё это указывает на то, что экономические отношения – это то, что принципиально противоречит рождающемуся объективно будущему, тому, что будет в ноообществе. Ноообщество, его жизнь, определенная материальным базисом ноономики, не будет построена на экономических отношениях, которые перестанут быть основой жизни общества и его развития. Экономические отношения исчезнут, а материальное производство никуда не денется, оно останется и будет развиваться без непосредственного включения в неё человека, как независимая система, но под контролем человека и для того, чтобы удовлетворять потребности людей, минуя экономический механизм распределения, обмен. Потому что каждый член общества будет получать индивидуально то, что он осознанно, в ноомире, считает необходимым для себя получить, независимо от «труда», «способностей» и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов С.Д. (2019с). Общая теория ноономики. М.: Культурная революция. – 504 с.

Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2. – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 327 с.

Бодрунов С.Д. (2019а). Государство и революция // Экономическое возрождение России. № 1. С. 9–16.

Бодрунов С.Д. (2019b). Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. № 4. С. 6–18.

Бузгалин А.В. (1996). Будущее коммунизма. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 111 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (1990). По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез). – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, – 295 с.

Иноземцев В.Л. (1998). За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в соврем. мире – М.: Academia: Наука.

Кейнс М. (2009). Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики, № 6.

Маркс К. (2011). К критике политической экономии: пер. с нем. Маркс, Энгельс творцы научного социализма. – 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ. – 176 с.

Момджян К.Х. (2019). О роли материального производства // Экономическое возрождение России. № 4. С. 37–43.

Платонов С. (1989). После коммунизма. М.: Молодая гвардия. – 280 с.

Румянцев А.М. (ред.) (1985). Политическая экономия: Учебник для некон. вузов / *Румянцев А.М., Козлов Г.А., Волков М.И.* и др. – 4-е изд., доп. М.: Политиздат. – 591 с.

Сорокин А.В. (2009). Теория общественного богатства. Основания микрои макроэкономики: Учебник. М.: Экономика. – 587 с.

Тоффлер Э. (2003). Метаморфозы власти. М.: АСТ. – 669 с.

Цаголов Н.А. (ред.) (1974). Курс политической экономии. В 2-х т. Т. II. Социализм. Учеб. пособие для экон. вузов и фак. – 3-е изд., переработ. и доп. М.: Экономика. – 831 с.

Bell D. (1996). The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Harper/Collins.

С.Д. Бодрунов

МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ XXI ВЕКА ОБНАЖАЮТ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ¹

В последние месяцы вышло немало публикаций, в которых причиной разразившегося кризиса экономики называется пандемия коронавируса [Farzanegan et al., 2020; Sforza, Steininger, 2020] (см. также публикации в *The Economist*²). Однако это далеко не так.

Пандемия стала мощным триггером кризиса, его акселератором, но она не создала, а интенсифицировала те процессы, которые стратегически мыслящие исследователи выявили уже давно.

* * *

Уже во время кризиса 2008–2010 гг. появилась целая серия публикаций [Пороховский, 2009; *Contemporary...*, 2010], в которых было показано, что мировая экономическая рецессия и обострение социальных противоречий, ею вызванных, – это не случайность, а закономерный результат внутренних противоречий господствующей системы, порождающей финансиализацию (причем не только экономики, но и социальной сферы), углубление всех видов неравенства, эскалацию социополитических конфликтов и т.д. Через десять лет, в 2019 г., о наступлении новой волны кризиса предупреждали многие³, а директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) К. Георгиева заявила, что «мировая экономика рискует вернуться в эпоху Великой депрессии, вызванной неравенством между раз-

¹ Опубликовано в журнале «Социологические исследования». – 2020. – № 10. С. 146–157

² *Paying to Stop the Pandemic // The Economist*. 2020. March 21–27. P. 9–10; *Governments Are Spending Big to Keep the World Economy from Getting Dangerously Sick // The Economist*. 2020. March 21–27. P. 19–21.

³ *Шерункова О., Чемоданова К.* Смертельные вирусы экономики: как начнется мировой кризис. Новый мировой кризис может разразиться в 2020 году // Газета.ru. 2019. 1 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/09/05/12628591.shtml> (дата обращения: 04.07.2020).

ными группами населения стран и нестабильностью финансового сектора»⁴.

Наблюдается кризис сложившейся к настоящему времени модели социально-экономической системы, основанной на институте собственности, рынке и прибыли в качестве главной цели общественного производства, обуславливающих господство рыночного фундаментализма, финансового капитала, тотальную коммерциализацию («очастнивание») социальной сферы. Обоснование этого вывода дано автором в серии предыдущих работ [Бодрунов, 2016а; 2018], и эти противоречия хорошо известны. Наша задача в данном тексте – показать, что эти противоречия могут быть разрешены в процессе становления социальных форм, адекватных тем изменениям, которые уже происходят под влиянием прогресса технологий, а также указать на то, что пандемия, во-первых, интенсифицировала фундаментальные противоречия, а во-вторых, обусловила при этом формирование ряда социальных отношений и институтов, которые становятся своего рода прологом к грядущим качественным изменениям (о которых – в заключительной части статьи).

Начнем с того, что многообразие социально-экономических противоречий современного общества обусловлено в исходном пункте тем, что подчинение человека товарному фетишизму, фирм – целям извлечения прибыли, социума – увеличению валового внутреннего продукта обуславливают формирование и приоритизацию отношений и институтов, ориентирующих общественное развитие на всех уровнях социальной структуры на максимизацию денежного дохода как главного результата и высшей ценности. Такая ориентация с неизбежностью ведет к росту социального неравенства во всем спектре его проявлений [Бузгалин, 2018] – концентрации собственности и доходов в руках меньшинства, лишении большинства и того, и другого, росту бедности. Серия исследований показала, что в течение последних десятилетий мы наблюдаем сильнейшую за всю но-

⁴ Астафурова К. Глава МВФ увидела возвращение мировой экономики к Великой депрессии // РБК. 2020. 18 января. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/01/2020/5e22d45c9a7947ad7e9a4500?from=from_main (дата обращения: 04.07.2020).

вейшую историю поляризацию доходов, причем не только между мизерным процентом богатых граждан и все более увеличивающимся в размерах и глубине нищеты основным населением, но и между странами, и этот разрыв увеличивается [Пикетти, 2015]. При этом ускоренные темпы роста экономики, успехи технологического развития и т.п. далеко не пропорционально трансформируются в повышение жизненного уровня людей. Более того, в условиях современной социально-экономической модели они влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов этого роста. Это – путь в тупик, ибо главным субъектом платежеспособного спроса было и будет все более нищающее большинство, доходы которого сокращаются.

Это противоречие капиталистической рыночной экономики было показано еще в XIX в. К. Марксом [1961], а впоследствии, во времена Великой депрессии 1929–1933 гг., под влиянием процессов социального строительства, начавшегося в Советском Союзе, переосмыслено Дж.М. Кейнсом [2012] и Ф.Д. Рузвельтом, предложившими (и теоретически, и практически) пути смягчения ограничений спроса за счет снижения неравенства и усиления общественного регулирования. Эти шаги были затем развиты в теориях и практиках социального рыночного хозяйства в послевоенной Западной Европе [Ойкен, 1996; Эрхард, 2001].

Однако конец XX и начало XXI в. в силу естественного развития рыночных отношений, взрастивших глобализацию мировой экономики, ознаменовались новой волной десоциализации и дерегулирования, создавшей предпосылки для все более активного, приоритетного развития финансового капитала [Lapavitsas, Levina, 2010; Рязанов, 2016; Мавродес, 2019; Сифакис-Капитанакис, 2019; Файн, 2019] и порождаемого (и постоянно поддерживаемого, и наращиваемого) им симулятивного потребления – вплоть до потребления все более и более уже не собственно продуктов и услуг, а их знаков [Baudrillard, 1994], причем во многих случаях не имеющих обозначаемого (именно об этом предложенная в философии постмодернизма категория «симу-

лякр»⁵), создаваемых и потребляемых во все большей мере в виртуальном пространстве.

Экспансия финансиализации и симулятивного потребления позволила временно преодолеть пределы перенакопления капитала в реальном секторе и создать видимость снятия противоречий социального неравенства. Так, в частности, рост образовательных и ипотечных кредитов на время смягчил вызванные тотальной коммерциализацией социальной сферы противоречия неравенства в доступе к таким базовым ресурсам социального развития, как жилье и образование [Яковлева, 2019], но стал одной из предпосылок будущих кризисов XXI в. Это на время отложило кризис как таковой, однако этот потенциал был исчерпан в конце 2000-х гг., и финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. в очередной раз поставил указанную проблему в полный рост, а глобальный кризис 2020 г. сделал ее буквально общечеловеческой.

Отметим, что данное качество, естественным образом присущее рыночной экономике, является не столько результатом научно-технического прогресса самого по себе, сколько результатом использования глобальным капиталом НТП как инструмента достижения своих целей (увеличения накопления в условиях перенакопления), что ведет к возгонке отмеченной выше проблемы, формирующей пределы для капитала. В этом смысле мы не согласны с У. Беком [2000], который делает ответственным за рисковость современного общества в том числе прогресс технологий. Полемика по этому вопросу не входит в задачи статьи, поэтому отметим только один аргумент: в Китае стратегическое планирование, в том числе социальное, государственный контроль за финансами и целенаправленная, последовательная реализация целей социальной политики позволяют устойчиво развиваться стране вот уже более 40 лет и сохранять рост даже в условиях кризисов [Чэнь, 2019].

⁵ В наше время понятие «симулякр» используют в том смысле, в каком его обычно использовал Ж. Бодрийяр. Так, по выражению Н.Б. Маньковской, исследователя работ Ж. Бодрийяра, «симулякр – это псевдовещь, замещающая “агонизирующую реальность” постреальностью посредством симуляции» [Маньковская, 2000: 60].

В отличие от Китая (а также Вьетнама), в большинстве социумов наблюдаемое в последние десятилетия явление, которое мы назвали «ускорением ускорения» научно-технического прогресса [Бодрунов, 2016а], ведет к ускоренной поляризации центров присвоения общественного богатства и усугублению социальных проблем. Таким образом, выделенное выше противоречие обострится по мере научно-технического прогресса, несмотря на то, что достигнутый уровень технологий уже сейчас в принципе создает материальную базу для обеспечения достойной жизни всему населению планеты.

Характерно, что всякий раз, когда начинается переход к качественно новым технологиям, это противоречие становится нетерпимым и требует глубоких изменений в экономике и обществе. Достижения в сфере технологического развития, поставленные на службу не прогрессу общества в целом, а в значительной и все увеличивающейся мере – той его части, которая является владельцем средств производства и капитала, позволяют «выкачивать» средства из оставшейся части населения быстрее, чем прирастает доход этой части в силу расширения возможностей удовлетворения потребностей, получаемых обществом в результате НТП, что и обуславливает усиление поляризации. Так, в условиях господства индустриальных технологий и репродуктивного труда массы фабричных рабочих эта система отношений обеспечивала технологический прогресс, создав в конечном итоге массовое производство и массовое потребление на основе конвейерного производства. Противоречия этой системы и монополизма частных корпораций «взорвали» этот вид рыночной экономики и вызвали к жизни реформы Рузвельта. Взрывная волна научно-технического прогресса 1950–1960-х гг., не случайно названная научно-технической революцией, потребовала перехода к социальному рыночному хозяйству, но уперлась в ограниченность социализации распределения без социализации производства, что обусловило приход эпохи глобализации и неолиберального капитализма. Прогресс информационно-коммуникационных технологий стал основой для господства финансово-спекулятивного капитала, симулятивных потребностей, удовлетворяемых при помощи уже не товаров, а их знаков.

Сейчас, в эпоху четвертой индустриальной, научно-технологической революции, в период перехода к шестому технологическому укладу, это – именно та модель экономики, которая исчерпала себя и дальнейшее сохранение которой ведет цивилизацию в тупик. Как отмечает нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, возникает «желание найти лучший подход к управлению структурой экономики»⁶.

Есть ли такие подходы?

* * *

Есть – и весьма разнообразные. О необходимости *социализации рыночно-капиталистической общественной системы* пишут многие зарубежные и отечественные исследователи [Стиглиц, 2003; Harvey, 2003; Кругман, 2004; Гринберг и др., 2007; Shaikh, 2016; Бузгалин, Колганов, 2018], но, как правило, эти императивы обосновываются либо общегуманистическими соображениями необходимости ориентации на социальную справедливость, либо стремлением доказать, что такая – социальная – ориентация обеспечивает улучшение макроэкономических индикаторов и позволяет решать те или иные социальные и экологические проблемы [Преобразование..., 2015; Бобылев, 2020].

Эти соображения, при всей их справедливости, носят по преимуществу характер пожеланий, рекомендаций. Автор, не отрицая гуманистический характер таковых, предлагает, в свою очередь, во-первых, обоснование объективной необходимости таких изменений, исходящей из противоречий развития технологий и социально-экономических институтов, и, во-вторых, концептуальную характеристику того нового качества социума, которое закономерно вызревает в недрах существующей общественной системы и состоит не просто в большей социализации

⁶ Стиглиц Дж. Я не вижу, что на экономику надвигается кризис // Вольная экономика. 2020. № 13 (январь–март). С. 48.

существующей системы, но – в переходе к новому типу социальной организации⁷.

Эти положения мы представили в упомянутой выше серии наших работ. Исходный пункт этого исследования – *выделение материальных предпосылок для выхода из тупиковой ситуации, порождаемой основным противоречием существующего социума*. Отказ от миражей постиндустриализма позволяет нам увидеть, что новые технологии должны вести не к деиндустриализации (этот путь уже показал в странах «ядра», пользуясь терминологией мир-системного анализа, свою тупиковость, вызвав запоздалую попытку переориентации приоритетов социального прогресса с финансов и симулятивного потребления виртуальных знаков на развитие качественно новых технологий именно материального производства).

Новые технологии – это не уход от материального производства, а прежде всего *качественно новое материальное производство*, главным ресурсом развития которого становится знание; это – *знаниеемкое производство* [Бодрунов, 2016b; 2019]. Его главное звено – *индустрия нового поколения*, основанная на технологиях шестого технологического уклада – робототехнике, Интернете вещей и – шире – НБИКС-технологиях.

Здесь, впрочем, возникает объективная тенденция, которая в ряде случаев вызывает у ее исследователей когнитивный диссонанс: правильно зафиксировав то, что все меньшее число работников становится занято в собственно материальном производстве (прежде всего – индустриальном), эти авторы объявляют

⁷ Здесь следует сделать пояснения. Категория «социализация» имеет разное содержание в разных науках – социальной психологии, философии, политической экономии, социологии. В данном случае важно выявление двойного характера процесса социализации. Это, с одной стороны, повышение социальных качеств человека, его вовлечение в институты общества как адекватного и полноправного члена, приобретение им человеческих (ноо)качеств, превращение в социальное существо, личность. Но, с другой стороны, человек одновременно содействует росту социализации общества, понимаемой здесь как процесс формирования таких общественных отношений и институтов, которые способствуют прогрессу личностных качеств человека, создают адекватные социальные формы этого прогресса в перспективе продвижения к ноообществу.

о приходе постиндустриальной эры и как бы (воспользуемся здесь этим более чем уместным постмодернистским термином) «исчезновении» материального производства. Но они не хотят видеть того, что материальное производство не только не исчезает, но развивается, становится все более производительным, при этом, однако, все более безлюдным. Рождается качественно новая – безлюдная, знаниеемкая, «умная» индустрия, а человек выходит из сферы материального производства в узком смысле слова и становится «по ту сторону» последнего, о чем как об объективной тенденции писал еще К. Маркс. В своих прошлых работах мы назвали это *Новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2)*, показав, что оно по спирали «отрицания отрицания» (Новое индустриальное общество середины XX в., по Дж.К. Гэлбрейту [1969; Гэлбрейт: возвращение..., 2017], – постиндустриальное общество, согласно Д. Беллу и последователям [Drucker, 1993; Castells, 1996; Белл, 2004]) – НИО.2) приводит к созданию материально-технических оснований качественно новой системы общественных отношений и институтов.

Какие *объективные тренды* ведут сегодня в направлении формирования такой системы? Прежде всего – негативный: существующий порядок неэффективен в условиях глобального кризиса, который стал реальностью. Нужны глубокие трансформации.

Налицо и позитивные тренды, которые эмпирически наблюдаемы и уже фиксируются теоретиками. Это, во-первых, все более настойчивая необходимость *отказа от ориентации социального развития на рост ВВП*. Уже не только всемирно признанные эксперты (Стиглиц, Кругман и др.), но и авторитетнейшие международные организации, лидеры делового сообщества и ведущие государственные деятели⁸ [Преобразование..., 2015; Шваб, 2018] говорят о необходимости переориентации мирового и национального развития на другие показатели, системный вариант которых предложен, в частности, международной комиссией во главе с Дж. Стиглицем и его единомышленниками [Стиглиц и др., 2016]. Идет поиск индикаторов обновления нынешней экономической парадигмы развития, сопровождаемый констатацией неадекватности принятых ныне показателей экономического раз-

⁸ Подробнее анализ источников дан в работе [Теняков, 2016].

вития и необходимости принятия индексов, лучше отражающих удовлетворение реальных потребностей людей, – более равноправного доступа к образованию и сохранению здоровья, достойного уровня социальной защищенности⁹. Именно такие показатели, а не простой рост валового продукта, все больше определяют зрелость общества, его продвижение по пути социального прогресса.

Во-вторых, это *переоценка ценностей человека*, создание таких социальных отношений и институтов, формирующих человека и общество, для которых приоритетными станут несимулятивные потребности – потребности в прогрессе человеческих качеств и технологическом прогрессе. Такой процесс сегодня рождается по преимуществу в рамках институтов гражданского общества, прежде всего – в экологических движениях и организациях, обосновывающих объективную необходимость перехода к образу жизни, снимающему противоречия «общества потребления».

В-третьих, это структура регуляторов, позволяющая *снизить социальное неравенство* как внутри национальных систем, так и на международном уровне и создающая условия для возрождения массового спроса на блага, обеспечивающие устойчивое развитие, прогресс человека и общества, а не на симулякры. Эти новые потребности, как и любые потребности, станут и стимулом, и новым ориентиром ускорения технологического развития. Подчеркну: в создании социальных слоев, способных генерировать в массовом масштабе спрос на знания, на качественные средства развития, а не в предотвращении очередного социального взрыва (которого, весьма вероятно, и не будет в «обществе объектов манипулирования»), будет состоять главная задача снижения социального неравенства.

В-четвертых, пока весьма (на наш взгляд – ошибочно!) недооцениваются тренды диффузии института собственности и социализации собственности, выражающиеся в практиках совместного пользования и совместной работы – каршеринга, коворкинга, коливинга и т.п. [Laurenti et al., 2019; Mosmann, 2019].

⁹ *Беляев М.* Рыночная модель зашла в тупик // Вольная экономика. 2020. № 13 (январь–март). С. 32.

Все эти тренды возникли уже много лет назад. Однако в настоящее время их актуальность резко обнажилась в связи с мировым кризисом, обостренным пандемией. Последняя рельефно обнажила их подлинную значимость. И не только обнажила. Нынешний кризис ускоряет многие тенденции и процессы и в социальном развитии, и в нашем осмыслении путей разрешения не только текущих проблем, но и способов трансформации нынешней модели основных социальных институтов и образа жизни людей, всего социального устройства.

Специфика пандемии, требующая новых моделей поведения человека и общества (удаленно-дистанционное общение и онлайн-образование, усиление тенденций внедрения робототехники и безлюдных технологий в индустрии, солидарность и более социально ответственное поведение как в сфере производства общественного продукта, так и в обычной жизни, в быту, и др.), не только отразится на будущей жизни, но и подтолкнет многие процессы, продвигающие нас в общественном бытии, к трансформации нынешней парадигмы развития, характеризующейся «экономизацией» всех социальных институтов, в *ноономику* [Бодрунов, 2018]. Генезис ноономики – качественно нового состояния общества, снимающего названные выше ограничения рыночной экономики и экономического типа отношений, – и есть результат тех описанных выше трендов, о которых мы говорили в связи с рождением автоматизированного («умного») материального производства и новых социальных институтов, что создает возможность движения в направлении к этому новому общественному состоянию. Но рождение ноономики есть и объективная необходимость дальнейшего социального прогресса, обусловленная хорошо известными и специально акцентированными выше императивами отказа от ориентации социального развития на экстенсивный рост экономических результатов (прибыли, продаж, ВВП), торможении симулятивного потребления и т.п.

Рассмотрим эти аспекты подробнее.

* * *

Переход к ноономике базируется, прежде всего, на сдвигах в материальной основе производства – как на изменениях в пространстве технологий, так и на изменениях в содержании и характе-

ре человеческой деятельности. Технологии шестого уклада создают необходимые предпосылки для формирования «индустрии 4.0», основанной на сочетании роботизированных производств, связанных между собой промышленным Интернетом вещей, с контролем искусственного интеллекта, опирающегося на обработку больших массивов информации (Big Data), получаемых от множества встроенных датчиков через тот же Интернет вещей. Такой комплекс технологий впервые может реально вывести человека за пределы непосредственного материального производства. За человеком остаются функции целеполагания, получения и технологического применения нового знания. Таким образом, подобное производство можно назвать ноопроизводством – в том смысле, что человеческий разум, человеческое знание станет и определяющим его ресурсом, и главным регулятором производства, в котором машины будут выполнять все остальные – некреативные – функции.

Как мы отметили ранее, К. Маркс обосновал движение в этом направлении еще во второй половине XIX в., увидев тенденцию возрастания роли человеческого знания в развитии индустриального производства¹⁰. Однако только сегодня создается та технологическая основа, на которой реальностью становится выход человека из непосредственного материального производства и его переход к функциям организатора и контролера безлюдного материального производства.

Но если человек выходит из непосредственного производства, то прекращаются отношения людей «по поводу производства». Исчезают производственные отношения, и производственная сфера перестает быть экономической. Конечно, хотя человек выходит из производства, оно все равно играет роль материального условия жизни человека. Но поскольку люди сами не включены непосредственно в процесс производства, это *будет уже не экономика, а ноономика – отношения не в рамках производства, осуществляемого человеком непосредственно, а отно-*

¹⁰ К. Маркс отметил тенденцию превращения «...процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей» [Маркс, 1969: 208], в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающую науку» [Маркс, 1969: 221].

шения по поводу ноопроизводства, развивающегося без прямого участия человека, но регулируемого и направляемого человеческим разумом.

Новейшие технологии создают предпосылки для существенного сдвига в уровне удовлетворения несимулятивных потребностей людей. Однако сам по себе этот сдвиг не означает снятия социальных противоречий. Уровень потребления не влияет на такие противоречия, как противоречие между ростом значимости для индивида социально-экономической среды и индивидуализацией личной жизни; между естественной потребностью в «прайвеси» и принципиальным снижением возможности его реализации в «технологически открытом» обществе, и т.п. Весьма острым может быть конфликт между стремлением к равному доступу к базовому ресурсу – знаниям и невозможностью (физической!) достижения такого равенства в силу неравных способностей людей; между требуемым при переходе к ноопроизводству уровнем компетенций и значимым количеством членов общества, не могущих достичь такого уровня.

Ряд авторов (см., напр., [Иноземцев, 1998: 435]) связывают неравенство в «экономике знаний» прежде всего с врожденными способностями, которые и предопределяют превращение одних в «элиту», а других в «низы»¹¹. Мы предлагаем другой подход. Не отрицая значения врожденных способностей и склонностей, в такого рода утверждениях следует видеть скорее проекцию на будущее современных социальных условий. Различия в интеллектуальной продуктивности людей гораздо меньше связаны с различиями во врожденных биологических способностях, нежели с социальными условиями – предпосылками и препятствиями прогресса креативности. Именно социальные барьеры затрудняют доступ к качественному образованию, интеллектуальным ресурсам и благам культуры в широком смысле. Эти же барьеры препятствуют реализации множеством людей своих способностей именно в тех видах деятельности, к которым они обла-

¹¹ См. также: *Делягин М.* Трансформация современного человечества и императивы постсоветского пространства // Odnako.org. 2011. 4 июня. URL: <http://www.odnako.org/blogs/transformaciya-sovremenno-go-cheloveche-stva-i-imperativi-postsovetskogo-prostranstva/> (дата обращения: 04.07.2020).

дают индивидуальными склонностями, развитию их творческого потенциала. Не стоит сбрасывать со счетов и потенциал современных когнитивных технологий, позволяющих расширить способности человека к творческому осмыслению и преобразованию действительности. Новое неравенство будет резко отличаться от нынешнего неравенства возможностью поглощать природные ресурсы, наращивая потребление материальных благ и услуг. Возникнет другое неравенство – в способностях людей удовлетворять духовные потребности, развивать потенциал личности, творческую самореализацию, удовлетворять культурные запросы.

Однако, пока не произошел переход к ноономике, пока мы находимся в пределах экономического общества, экономическое неравенство имеет существенное значение. Его изучение позволяет установить зависимость между уровнем (темпами) удовлетворения потребностей и уровнем (темпами) их роста в разных странах общества на разных этапах цивилизационного развития. Сегодня такие исследования предпринимаются значительными группами ученых, видящих в индикаторах неравенства свидетельства нарастающего социального напряжения [Wright, Perrone, 1977; Wolff, 2008, Неравенство доходов..., 2014; Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015; ILO, 2015; Бодрунов, Гэлбрейт, 2017].

Такие исследования позволяют оценить приближение социально-экономической системы к точке бифуркации, чреватой ее разрушением и переходом в новое состояние. Мы сейчас не можем сколько-нибудь конкретно описать социальные отношения в обществе, основанном на автоматизированном высокопроизводительном материальном производстве и новом типе общественных отношений. Задача исследования – не конструирование утопий, а анализ объективных противоречий и трендов, указывающих на направление их разрешения. Поэтому наша характеристика ноономики объективно должна ограничиться лишь указанием на то, какие противоречия существующей системы ноономика должна разрешить, какие тренды погасить, а для каких, наоборот, создать новые импульсы развития. Наша задача состоит также в том, чтобы показать, какие материальные возможности (прежде всего – технологические) развиваются уже сегодня для обеспечения продвижения в этом направлении и какие угрозы возникают в случае, если общественная эволюция пойдет по иному пути.

И последнее. Глобальный кризис 2020 г., который еще только разворачивается и который нынешняя пандемия лишь усилила, показал, что глобальные проблемы – это актуальнейшие практические вопросы нашей сегодняшней жизни, и что в жизни людей могут очень быстро происходить глубокие социальные сдвиги. Карантинные мероприятия изменили структуру деятельности людей, принудительно ограничив одни ее виды и вызвав вспышку востребованности в других. Высокая смертность и неопределенность, хаотизация жизнеустройства резко обострили значимость реальных, несимулятивных ценностей – жизни, здоровья, общественной стабильности. Мир меняется, он вынужден меняться, чтобы выйти из тех противоречий, опасное накопление которых происходит в современной социально-экономической системе. И чтобы эти перемены не приобрели характер взрывоопасного хаоса, к ним надо осознанно готовиться уже сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. *В. Седельника, Н. Федоровой.* М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004.
3. *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономии. 2020. № 1(21). С67–83. DOI: 10.5281/zenodo.3753332.
4. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016а.
5. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие // Общество и экономика. 2016б. № 9. С. 5–21.
6. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
7. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 6–18.
8. *Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж.К.* Новая индустриальная революция и проблемы неравенства. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017.

9. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 4-е, испр. и суц. доп. М.: ЛЕНАНД, 2018.

10. *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.

11. *Гринберг Р.С., Дегтярь Л.С., Горшков М.К.* Социальное неравенство и публичная политика / Под ред. *В. Медведева*. М.: Культурная революция, 2007.

12. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. Гэлбрейт: возвращение / Под ред. *С.Д. Бодрюнова*. М.: Культурная революция, 2017.

13. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М.: Academia – Наука, 1998.

14. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с английского *Н.Н. Любимова*. М.: Гелиос АРВ, 2012.

15. *Кругман П.* Великая ложь. М.: АСТ, 2004.

16. *Мавродес С.* Гипотеза финансиализации в марксизме: шаг вперед или ложный путь? // Вопросы политической экономии. 2019. № 1. С. 68–81.

17. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодерна. СПб.: Алетейя, 2000.

18. *Маркс К.* Капитал. Т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. I. М.: Госполитиздат, 1961.

19. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1969.

20. Неравенство доходов и экономический рост / Под ред. *А. Бузгалина, М. Трауб-Мерца, М. Воейкова*. М.: Культурная революция, 2014.

21. *Ойкен В.* Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996.

22. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

23. *Пороховский А.А.* Экономический кризис как рубеж современного мирового и национального развития // Экономическая теория. 2009. Т. 6. № 1. С. 5–14.

24. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, 2015.

25. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

26. *Сифакис-Капитанакис К.* Новые факторы глобальных финансов и финансиализация капитализма // Вопросы политической экономии. 2019. № 1. С. 82–93.

27. *Стиглиц Дж.* Глобализация: Тревожные тенденции / Пер. с англ. и прим. *Г.Г. Пирогова*. М.: Мысль, 2003.

28. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.

29. *Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. *И. Кушнारेвой*; науч. ред. перевода *Т. Дробышевская*. М.: Ин-т Гайдара, 2016.

30. *Теняков И.М.* Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 61–73.

31. *Файн Б.* Финансиализация с марксистской точки зрения // Вопросы политической экономии. 2019. № 1. С. 34–49.

32. *Чэнь Х.* Сорок лет экономических реформ в Китае: социальные результаты // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 81–90. DOI: 10.31857/S013216250007778-8.

33. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция: перевод с английского М.: Э, 2018.

34. *Эрхард Л.* Благополучие для всех. М.: Дело, 2001.

35. *Яковлева Н.Г.* Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114. DOI: 10.31857/S013216250007744-1.

36. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulation. Michigan: The University of Michigan, 1994.

37. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Malden; Oxford: Blackwell, 1996.

38. Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century / Ed. by *D. Kotz, T. McDonough, M. Reich*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010.

39. *Drucker P.* Post-Capitalist Society. New York: Harper Business, 1993.

40. *Farzanegan M.R., Feizi M., Gholipour H.F.* Globalization and Outbreak of COVID-19: An Empirical Analysis. MAGKS Papers on Economics 202018, Philipps-Universität Marburg, Faculty of Business Administration and Economics, Department of Economics (Volkswirtschaftliche Abteilung), 2020.

41. *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

42. *ILO.* The Global Wage Report 2014/15: Wages and Income Inequality. Geneva: International Labour Organization, 2015.

43. *Lapavistas C., Levina I.* Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance: Discussion Papers 24. 2010. November. URL: <https://marxismocritico.files.wordpress.com/2012/10/rmf-24-lapavistas-levina.pdf> (accessed 04.07.2020).

44. *Laurenti R., Singh J., Cotrim M.C., Toni M., Sinha R.* Characterizing the Sharing Economy State of the Research: A Systematic Map // Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 20. Article no. 5729. DOI: 10.3390/su11205729.

45. *Mosmann P.C.* Renaissance of Shared Resource Use? The Historical Honeycomb of the Sharing Economy // Perspectives on the Sharing Economy / Ed. by *D. Wruk, A. Oberg, I. Maurer.* Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.

46. *Sforza A., Steininger M.* Globalization in the Time of COVID-19 // CESifo Working Paper Series 8184. 2020. April. URL: https://www.cesifo.org/DocDL/cesifo1_wp8184_0.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

47. *Shaikh A.* Capitalism. Competition, Conflict, Crises. Oxford: Oxford University Press, 2016.

48. *Wolff E.N.* Poverty and Income Distribution. Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2008.

49. *Wright E.O., Perrone L.* Marxist Class Categories and Income Inequality // American Sociological Review. 1977. Vol. 42. No. 1. P. 32–55.

С.Д. Бодрунов

Ноономика как материальный базис перспективной гуманистической модели общественного устройства¹

Развитие современной технологической революции и признаки нарастания цивилизационного кризиса заставляют поставить вопрос о перспективах социальной и экономической трансформации современного общества под влиянием этих и иных факторов. Автор подходит к разрешению этой проблемы с точки зрения исторического взгляда на общественное развитие, опираясь на метод классической политической экономии, и рассматривая в качестве главных движущих сил предстоящих перемен изменения в материальной основе производства. Технологические сдвиги влекут за собой перемены в содержании человеческой деятельности, в возможностях удовлетворения потребностей людей, ведут к постепенному вытеснению человека из непосредственного производства, вызывая сдвиги во всей структуре общества. Показано, что очередным этапом развития современной цивилизации является формирование общественного устройства нового типа – Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), в рамках которого произойдет постепенное создание предпосылок к переходу от экономики к ноономике. Ноономика представляет собой неэкономический способ удовлетворения разумных потребностей людей, который станет материальной основой формирования и обеспечения жизнедеятельности ноообщества. Выявлено определяющее влияние гуманистической культуры, как непреходящей ценности, на позитивное развитие раскрытых в теории ноономики трансформационных процессов.

1. Введение

Два мировых экономических кризиса XXI века и обострившаяся второй из них пандемия заставили исследователей цивилизационных проблем, а так же политиков и экспертов, включая спикеров ВЭФ, увидеть начавшуюся грандиозную трансформацию мирового общественного устройства и поставить вопрос о необходимости значительных изменений в общественно-экономических институтах и политике, дать ответ на вызовы сопровождающих эту трансформа-

¹ Перевод. Опубликовано на английском языке в журнале «Sustainability» (Швейцария). – 2021. – 13(3). – 1454; <https://doi.org/10.3390/su13031454>

цию и все более обостряющихся глобальных проблем. Однако задача не сводится лишь к институциональным и политическим реформам, она гораздо глубже и масштабнее: с одной стороны, объективно назрела безотлагательная необходимость перехода к качественно новому типу общественного развития, при этом, с другой стороны, впервые в истории человеческой цивилизации сформирована материальная возможность такого перехода, отрицающего и наследующего достижения того, что Карл Маркс 150 лет назад «экономической формацией», перехода к такому общественному устройству, где не только будет реализован прогноз этого мыслителя о жизни «по ту сторону собственно материального производства», но и воплощены многие другие тренды, раскрывшие свой реальный потенциал лишь в начале нынешнего века. Именно этот объективный процесс составляет суть рассматриваемого нами перехода к ноообщественному устройству общества, механизм удовлетворения потребностей членов которого, в отличие от экономики, представляющей собой механизм удовлетворения потребностей в «экономическом» обществе, мы называем «ноономикой».

Сказать, что современное общество находится на пороге перемен, было бы не только банально, но и неточно. Наше общество уже втянуто в глубокие перемены, которые ведут нас в некое будущее, контуры которого зыбки и неясны. Ученые в области общественных наук не раз пытались нарисовать образ будущего, но именно сейчас мы сталкиваемся с теоретическим вакуумом в этом вопросе. Последний раз попытки создать широкую теоретическую концепцию, объясняющую происходящие и грядущие перемены, были предприняты сторонниками идеи постиндустриального общества. Чтобы проанализировать основные концепции, разработанные в русле этого идейного течения, не хватит, пожалуй, не только одной статьи, но и одной книги. В данном случае, однако, этого и не требуется, поэтому сошлюсь здесь только на наиболее известную книгу патриарха постиндустриализма Даниеля Белла [1].

Идея постиндустриального общества опиралась на ряд вполне очевидных фактов (перечень таких фактов и тенденций можно найти в книге Элвина Тоффлера [2]). Ряд прогнозов, выдвинутых в русле разработки идеи постиндустриального общества, например, о существенном возрастании роли знаний и информации в современном производстве [3], подтвердился. И тем не менее, идея постиндустриального общества так и не утвердилась в качестве на-

учной платформы для понимания будущего, хотя сам термин «постиндустриальное общество» приобрел весьма широкое хождение.

Эта идея была подвергнута критике еще при ее зарождении, например, в работах Роберта Хейлбронера [4,5]. Впоследствии критика постиндустриальных иллюзий, причем небезобидных, а ведущих к замедлению экономического роста и стагнации доходов большинства населения, неоднократно возобновлялась [6]. Широкую панораму такого рода критики можно найти в современном четырехтомном издании, посвященном постиндустриальным теориям (т. 1 и 2, разделы 3 и 4) [7].

Хотя разработки концепций постиндустриального общества не обходили вниманием изменения в технологиях и содержании труда, эти изменения изучались только применительно к узкому кругу отраслей и профессий. Вывод же о том, что общество в целом становится постиндустриальным, опирался только на факт существенного снижения доли промышленности в ВВП (валовом внутреннем продукте) и в занятости населения, и соответствующего возрастания удельного веса сферы услуг. Однако для понимания реальной роли технологических сдвигов в производстве надо не ограничиваться анализом изменений удельного веса отраслей в ВВП и занятости, а обратить внимание на реальные сдвиги в содержании технологических процессов и характере человеческой деятельности.

Изучение экономических закономерностей развития технологий, которое восходит еще к работам Йозефа Шумпетера, привело к формированию концепции смены технологических укладов. Йозеф Шумпетер видел в инновационной деятельности предпринимателей, осуществлявших технологическое обновление производства ради получения конкурентных преимуществ, основной драйвер. При этом Шумпетер полагал, что такое обновление технологий осуществляется неравномерно по времени. Формирующиеся в периоды нарастания инновационной активности новые комплексы технологий Шумпетер назвал кластерами (пучками) [8].

В 1975 г. западногерманский ученый Герхард Менш подтвердил этот вывод и показал, что периоды технологического застоя, характеризующегося преобладанием улучшающих или даже мнимых инноваций, сменяются периодами внедрения принципиально новых (базисных) технологических решений [9]. Он также использовал термин «кластеры» применительно к комплексам

базисных инноваций, ведущих переходу индустрии на новый уровень развития. В 1970–1980 гг. английский экономист Кристофер Фримэн ввел понятие «технологической системы» и поддержал концепцию «технико-экономической парадигмы», которую сформулировала его ученица Карлота Перес [10,11,12].

Термин «технологический уклад», используемый в российской экономической науке, является аналогом понятий «волны инноваций», «технико-экономическая парадигма» и «технологическая система». Впервые он был предложен в 1986 г. Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым [13]. Согласно определению С.Ю. Глазьева, технологический уклад представляет собой целостное устойчивое образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл, начинающийся с добычи и получения первичных ресурсов и заканчивающийся выпуском конечных продуктов, соответствующих типу общественного потребления.

В настоящее время происходит широкая экспансия 5-го технологического уклада, зарождение и развитие 6-го уклада. Следствием происходящей смены технологических укладов является 4-я промышленная революция [14], которая ведет к существенным сдвигам, выражающимся в росте знаниеинтенсивности производства и знаниеемкости продукта [15], а также в вытеснении человека из непосредственного процесса производства. Это означает не появление армии «лишних людей», а изменение характера человеческой деятельности – переход от непосредственного труда к интеллектуальной и творческой деятельности.

Вместе с развитием технологий и изменением содержания человеческой деятельности происходят и изменения в общественных отношениях. Одним из симптомов таких изменений является эволюция отношений собственности. Сравнительно недавняя тенденция развития шеринговой экономики, основанной на стремлении потребителей отказаться от владения собственностью, предпочитая выступать в роли временных пользователей, получила уже отражение в экономической теории. Одними из первых обратили внимание на этот феномен Йохай Бенклер [16] и Рассел Белк [17]. Они пришли к выводам, что шеринговая экономика отличается наличием, наряду с традиционными рыночными мотивами поведения людей, существенного влияния социальных и культурных факторов.

Значение социальных и культурных факторов поведения людей становится особенно важным, если принять во внимание как новые возможности, так и новые риски, которые несут с собой происходящие технологические изменения. Новые технологии создают принципиально более широкие возможности удовлетворения потребностей людей [18] (с. 261-262), однако несут и существенно возросшие риски. Удовлетворение потребностей может обернуться бездумным раздуванием потребления в погоне за симулятивными благами. Подмену реальных целей потребления символами отмечал еще в начале XX века Торстейн Веблен [19], но в современную эпоху этот феномен приобрел гораздо более глубокое значение и широчайшее распространение. Природа благосимулякров была проанализирована в работах Жана Бодрийяра [20,21] и Фредрика Джеймисона [22]. Такое безудержное наращивание объема потребляемых благ ведет к разрушению экологического равновесия, что отражается в превышении способности экосистемы Земли к возобновлению израсходованных ресурсов [23].

Экономическая логика поведения ведет к дальнейшему истощению ресурсов, неосмотрительному вмешательству в природную среду и в природу самого человека. Возможности такого вмешательства многократно возрастают с развитием современных технологий. Эти опасности вызывают необходимость отказа от экономической рациональности и перехода к новой рациональности, основанной на критериях разумного насыщения потребностей, определяемых не экономической выгодой, а культурными нормами. В конечном счете становится необходимым переход от экономики к ноономике – неэкономическому способу производства и удовлетворения потребностей [24]. Не наращивание объема потребления, а разумное определение как самих потребностей, так и необходимой меры их насыщения, создающих возможности для развития человека, станет критерием успешности производственной деятельности. Само производство при этом во все большей мере будет обеспечиваться относительно автономно функционирующей техносферой, а на долю человек останутся творческие функции: овладение знаниями, обеспечение на этой основе технологического прогресса и целей функционирования техносферы.

2. Материалы и методы

Для изучения последствий развития технологий с точки зрения влияния этого развития на устройство общества следует использовать методологические подходы, дающие представление о роли материального производства, его продукта, об индустриальном типе производства, и об их месте в социально-экономическом устройстве общества. Понимание того, что именно материальное производство лежит в основе жизни человеческого общества, и, соответственно, именно изменения в материальном производстве определяют развитие общества, составляет исходный пункт для понимания перспектив эволюции общественного устройства.

При этом важно принимать во внимание все компоненты производства: специфику технологического процесса, характер продукта производства, содержание труда, формы организации производства. Только все эти элементы в совокупности позволяют выработать целостное понимание тех сдвигов, которые происходят в производстве.

В своем историческом развитии материальная технологическая основа экономики проходит две основные стадии: доиндустриальное и индустриальное производство. Конечно, и внутри этих стадий можно выделить различные этапы, но, по большому счету, кроме этих двух стадий пока никаких других вариантов в развитии материального производства выделить нельзя. Гипотетическое «постиндустриальное» производство пока так и не стало реальностью. Современная экономика прочно опирается именно на индустриальное материальное производство, несмотря на преобладающий удельный вес сферы услуг.

Индустриальное производство, в частности, характеризуется некоторыми следующими чертами, отделяющими его от доиндустриального:

- использование не ручных орудий труда, а сложносоставных средств производства;

- опора не на природные источники энергии (мускульная сила человека и животных, энергия естественного движения воды и ветра), а на универсальные искусственные источники энергии (различные виды паровых двигателей, двигателей внутреннего сгорания, электродвигателей, реактивных двигателей и т.п.);

– использование технологий, основанных главным образом не на эмпирическом производственном опыте, а на научных знаниях, позволяющих превращать различные природные процессы в контролируемые и направляемые человеком технологические процессы;

– возможность обеспечивать как массовое производство стандартизированных изделий, так и приспособление их для нужд индивидуального потребителя.

Поэтому та позиция, которая мною однозначно проводится в теории ноономики – это признание того факта, что индустрия прочно занимает место производственно-технологического ядра в современной экономике. Индустриальное производство обеспечивает необходимые материальные условия развития всех остальных секторов экономики – строительства, аграрного сектора и всей совокупности отраслей сферы услуг – поставляя для них различные материалы, машины и оборудование, разрабатывая технологические процессы.

Именно эволюция индустрии во многом определяет сдвиги в социально-экономическом строе общества на протяжении последних 250 лет. Это развитие совершается путем перехода от одного технологического уклада к другому. Поэтому понимание специфики технологических укладов и закономерностей их развития и смены является необходимым элементом метода исследования эволюции общественного устройства.

Переход от одной ступени развития общества к другой связан с необходимостью разрешения противоречий, накапливающихся на предшествующей стадии развития, а также тех возможностей для разрешения таких противоречий, которые также формируются на данной стадии. При этом особое внимание следует обращать на те новые общественные явления, которые выступают симптомами зарождения новых общественных отношений еще в рамках текущей стадии развития. Именно их изучение позволяет прогнозировать контуры будущего общественного устройства.

3. Результаты

3.1. Значение индустрии

Совокупность имеющихся данных показывает, что значение индустрии в мировой экономике значительно серьезнее, чем формальные цифры удельного веса в производстве ВВП. Являет-

ся общепризнанным, что промышленность играла и по-прежнему играет наиболее важную роль в обеспечении темпов роста для развивающихся и среднеразвитых стран [25]. Этот вывод подтверждается целым рядом исследований, касающихся конкретных стран и регионов [26,27]

Хотя современные отрасли сферы услуг также могут способствовать ускорению экономического роста, значение промышленности остается ключевым с точки зрения создания рабочих мест и генерирования внутреннего спроса в экономике [28]. Промышленность обеспечивает развитие экспорта, относительно более высокую заработную плату и ее развитие ведет к росту занятости в других секторах [29].

Однако существенная роль развития индустрии касается не только развивающихся и среднеразвитых стран. Например, оборот мировой торговли обеспечивается примерно на 80% продукцией промышленных отраслей. В экономике США промышленность демонстрирует очень высокий мультипликативный эффект: каждый \$1 затрат в промышленности дает \$1.32 добавленной стоимости в других отраслях. На промышленность приходится более 75% расходов частного сектора США на исследования и разработки (R&D) [30].

К аналогичным выводам приводят исследования, посвященные роли промышленности в экономическом развитии стран ЕС. Отмечается даже необходимость повысить удельный вес промышленности в ВВП стран Евросоюза [31] (с. 140). И в настоящее время в большинстве стран ЕС уже отмечается рост занятости в обрабатывающей промышленности [32].

Такая экономическая политика реиндустриализации основывается не только на фундаментальных исследованиях [33,34,35], но и на очевидных эмпирических фактах. Обрабатывающая промышленность обеспечивает более половины европейского экспорта, около 65% расходов на исследования и разработки, дает рабочие места для 52 миллионов человек. Прямая занятость в обрабатывающей промышленности Европы в 2016 году составила 32,076 млн. человек, и это обеспечило работой еще 20,826 млн.. человек в смежных отраслях [36].

3.2. Технологическая революция и ее последствия

Значение промышленности является также ключевым с точки зрения развития новых технологий. Сейчас мы наблюдаем процесс перехода от пятого технологического уклада, формировавшегося в 50-е – 80-е годы XX века, и занявшего ведущие позиции пока только в экономике наиболее развитых стран, к шестому. Научные предпосылки для этого уклада разрабатывались в 70-е – 90-е годы XX века, а распространение прикладных технологий шестого уклада началось XXI веке. Пока удельный вес таких технологий невелик, но они имеют весьма широкие перспективы. Природа этих технологий такова, что их широкое распространение подводит современную экономику не просто к смене укладов, а к порогу новой технологической революции.

Важнейшим результатом развития технологий шестого технологического уклада выступает формирование «Индустрии 4.0» [37], основным элементом которой выступают так называемые умные фабрики. Функционирование умных фабрик и индустрии 4.0 в целом обеспечивается передовыми информационно-коммуникационными технологиями, среди которых интернет вещей, точнее, промышленный интернет вещей [38], обеспечивающий как взаимодействие автономных технических устройств между собой, так и контроль за ними со стороны человека. В целях такого контроля развивается широкое использование встроенных датчиков и систем обработки получаемых от них больших массивов информации.

Непосредственно в сфере производственных технологий начинается переход от дистрактивных (вычитающих) технологий, основанных на спиливании, срезании, стачивании материала с исходной заготовки, к аддитивным технологиям, основанным на добавлении или соединении исходных материалов [39].

Среди таких технологий быстро набирает удельный вес 3D-принтирование – система послойного наращивания исходных материалов, опирающаяся на использование трехмерных компьютерных моделей готового изделия. В 2017 году продажа 3D-принтеров в мире превысила 400 тысяч экземпляров [40]. В 2018 году количество проданных 3D-принтеров сократилось на несколько процентов, но объем продаж по стоимости вырос на 27%, а прибыль поставщиков – на 44%. Сократились продажи относи-

тельно простых домашних настольных 3D-принтеров, однако одновременно происходит рост продаж промышленных и дизайнерских устройств, которые занимают около 70% рынка [41].

Разумеется, развитие шестого технологического уклада не ограничивается аддитивными технологиями. Широкие перспективы открывает синтез нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, так называемая NBIC-конвергенция [42]. В последнее время к NBIC совершенно справедливо прибавилось S, социальные науки, и получилось NBICS [43]. На мой взгляд – это абсолютно точно фиксируемый тренд данного процесса и, собственно говоря, движение нашего цивилизационного развития.

Отличительной чертой новой технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний. Доля знаний в издержках производства возрастает, в то время как доля затрат материальных ресурсов относительно сокращается.

И мы видим, что шестой технологический уклад ведет, по меньшей мере, к резкому сокращению непосредственного участия человека в процессе материального преобразования исходных ресурсов. На долю человека остаются во все большей степени функции целеполагания и контроля, а непосредственные манипуляции с веществом природы выполняются автономными технетическими существами. Широкое распространение промышленных роботов является только первым шагом на этом пути. Уже не редкостью являются хирургические роботы, на дороги выходят роботы-водители, искусственный интеллект все чаще заменяет человека во взаимодействии с клиентами торговых и банковских фирм...

Одним из примеров роботизированного комплекса, в котором сочетаются и современные информационные и телекоммуникационные технологии, и непосредственно робототехника, и использование 3D-принтирования, является новый продукт Olli [44]. Он предложен американской компанией Local Motors, представившей рынку беспилотный автобус для массовой перевозки пассажиров, произведенный на базе интегрирующей информационной системы, собранный из деталей, практически полностью произведенных на 3D-принтере, и при том – собранный роботом-линией [45]. Снижение затрат на материалы по сравнению с использованием традиционных материалов оценивается в разы, труда – в десятки раз. А время производства автобуса: 10 часов – выпуск полного набора комплектующих, 1 час –

автоматическая сборка, 1 час – загрузка программного обеспечения и тестирование отдельных систем и продукта в целом. Всего – полсутки непрерывной работы, практически без участия человека.

Чтобы использование такого, первоначально довольно необычного, продукта было комфортно для пассажиров, подключили компанию IBM, предложившую тут же продукт IBM-Watson [46]: образно говоря, говорящего гида, отвечающего на любой вопрос (на любом из широко используемых языков!), раздающийся в салоне автобуса: сколько будем в пути, когда лучше выйти, сколько простои́м в пробке, вызвать помощь любую, и т.п. В общем, получился автобус-робот; пассажир будет ощущать себя в нем как в обычном хорошем автобусе с внимательным водителем? Нет! Он будет ощущать себя даже лучше (иначе на конкурентном рынке новый продукт широко не пойдет!) – за счет мультимедийного обслуживания он будет иметь здесь же, в пути, собеседника, консультанта, гида, интернет, телевидение и прочие удовольствия – возможность работать, учиться, развлекаться и пр.

В приведенном примере задействованы «в одном флаконе» все три, если угодно, парадигмальные (меняющие парадигму традиционной индустрии, всех ее компонент) составляющие технологической обво́лки наступающей новой промышленной революции – цифровизация, аддитивное принтирование и роботизация.

«Интернет вещей» и сходные технологии влекут принципиальное изменение подходов во многих ныне традиционных сферах экономической активности – от торговли и сферы обслуживания до строительства (заметим попутно – становясь, в свою очередь, фундаментом, мощной базой грядущих инноваций). Синергетический потенциал при этом, заложенный в современных технологиях, реализуясь в практике, не только не снижается, но возрастает: яркий пример – развитие информационных технологий, где через повышение эффективности hardware растёт эффективность software, а через совершенствование software возрастают мощности hardware.

Следствием применения знаниеемких технологий являются принципиальные изменения, которые происходят и в такой компоненте индустриального процесса, как организация производства. Происходит совершенствование систем управления производством, перевод конструирования продукта на его 3D-моделирование, оптимизация транспортных/материальных/информационных и т.д. пото-

ков, автоматизация/«интернетизация» управленческих решений – сидмин превращается в администратора завода! – и многое другое.

Когнитивные технологии в рамках шестого уклада, через использование самообучающихся систем искусственного интеллекта (ИИ) вторгаются и в те области, в которых ранее не было альтернативы применению человеческого труда. Поиск, накопление, сортировка и сопоставление информации, позволяющие на этой основе принимать решения – это уже под силу системам ИИ. Именно когнитивные технологии, через использование достижений биотехнологий и информационно-коммуникационных технологий, создают возможность непосредственного взаимодействия человека с протекающими безлюдными технологическими процессами (человеко-машинные интерфейсы, человеко-машинные системы, человеко-машинные сети) [47]. На этой основе получает новый толчок производство робототехники, которая становится более гибкой, более приспособляемой, более производительной.

С приходом новых технологий меняются не только сами технологические процессы, меняются все элементы материального производства: характер готовых продуктов, содержание труда, способы организации производства. Именно поэтому речь должна идти не просто о технологической, а о большой, комплексной индустриальной революции.

3.3. Новый этап развития индустриального общества

Если предыдущую индустриальную эпоху, когда Джон Кеннет Гэлбрейт написал свою знаменитую книгу «Новое индустриальное общество» [48], считать новым индустриальным обществом первого поколения, то впереди нас ждет переход к второму поколению. Как мы констатировали и обосновали в наших базовых работах, [49,50] приближающаяся индустриальная революция подводит нас в ближайшей перспективе к новому типу, новой генерации индустриального общества (мы называем его Новым индустриальным обществом второго поколения – НИО.2), а в дальнейшем – к трансформации нынешней экономической парадигмы развития в ноономику, предполагающую более социализированный тип производства и распределения общественных благ.

Основным отличием этого поколения индустриального производства выступает изменение главного экономического ресурса.

Эта роль главного ресурса и главного источника развития переходит к знаниям, к научному познанию человеком окружающего мира.

Постепенное продвижение человеческой цивилизации к НИО.2 – системе отношений и институтов экономики, где главную роль играет высокотехнологичное знаниеёмкое материальное производство – происходит уже с последней трети XX века. Первым шагом в переходе к НИО.2 является решительная реиндустриализация экономики, которая строится на принципиально иных, чем это постулируется в либеральных концепциях, подходах и теоретических взглядах.

Для их преодоления разрабатываются все новые идеи и концепции, которые на поверку оказываются недейственными. Эти рекомендации не работают, потому как строятся на ошибочной постиндустриальной парадигме. Это лишний раз доказывает, что именно материальное производство, пусть и в видоизмененном виде, остается основой будущего устройства и экономики, и общества.

С другой стороны, мы приходим к пониманию, что для нас сегодня уже не так важен рост экономики сам по себе, о чем сегодня говорят все и всюду, как его структура, качество, а значит – технологический, научно-технический прогресс, знаниеёмкость общественного продукта, составляющего ВВП. Но сам по себе прогресс технологий – тоже не конечная цель и не высшая ценность. Это цель, так сказать, операционная, хотя и очень важная. А что же важнее? С позиций гуманистических представлений о нашей цивилизации, такой конечной, высшей целью и ценностью является человек, его жизнь, его развитие и благополучие.

Разумеется, движение к нооэкономике – это длительный исторический переход. Но следует подчеркнуть, что изменения, ведущие к переходу на стадию НИО.2, и, в конечном счете, от экономики к нооэкономике, уже в ближайшей перспективе влекут за собой изменения в экономических отношениях, в характере отношений собственности, присущих этому новому поколению индустриального общества. Можем ли мы в ходе надвигающейся трансформации мирового общественного развития видеть проявления черт нового состояния общества?

3.4. Эволюция отношений собственности

Одним из значимых проявлений перехода к новой парадигме является размывание традиционных, привычных нам отношений собственности, в т.ч. частной собственности, на которых строится существующая рыночная, капиталистическая модель экономики, и общества. Даже на современном этапе развития общества, еще до того, как состоялся переход к НИО.2, можно заметить такие тенденции. Отношения собственности, в особенности частной собственности, должны были закреплять за собственником бесспорное право владения, пользования и распоряжения экономическими ресурсами. Однако уже давно эволюция экономических отношений привела к обременению собственности различными обременениями, призванными обеспечить социальную ответственность собственника.

В этом ряду можно указать на многочисленные сервитуты земельной собственности, дающие возможность третьим лицам осуществлять в определенных пределах права пользования земельным участком (право прохода и проезда, право доступа к источникам воды, право прогона скота, право доступа к участкам побережья, право прокладки коммуникаций и т.д.). Существуют многочисленные ограничения и обременения права собственности, касающиеся строительной, транспортной и промышленной деятельности, связанные с обязанностями обеспечения требований безопасности, соблюдением определенных стандартов качества, экологическими требованиями и т.п.

Особое внимание следует обратить на эволюцию отношений интеллектуальной собственности, как регулирующих экономический оборот главнейшего ресурса современного производства – знаний. Мы видим здесь такие явления как краудсорсинг, викиномика, free software, open source, copyleft и т.д. Все это ведет к развитию режимов свободного доступа к интеллектуальным ресурсам. С другой стороны, ведется достаточно жесткая борьба за «огораживание» интеллектуальной собственности. Это соответствует двум тенденциям в развитии отношений собственности, которые можно проследить в современной экономической системе: 1) консервация сложившихся отношений и 2) размывание права собственности вплоть до полного отказа от нее.

И это касается не только собственности на знания. Сегодня мы имеем возможность видеть, как происходит снятие отношений

присвоения, распоряжения и даже использования собственности, в классическом политэкономическом понимании этого феномена, через развитие форм совместного выполнения этих функций потенциально неограниченно широким кругом акторов. То есть, мы видим то, что в мировой новой экономической литературе получило своеобразное название: т.н. «отказ от собственности».

Это – различные примеры со-владения, со-использования, со-потребления, со-работы и т.д., которые интегрируются в рамках sharing economy (шеринговой экономики). Владелец может на время отказаться от использования собственности и передать право пользования иному лицу: аренда, лизинг, различные виды долевого пользования (коворкинг, каршеринг, кикшеринг, байкшеринг, таймшеринг, фудшеринг и т.д.).

Хотя сколько-нибудь заметным явлением шеринговая экономика стала только с 2010 года, опрос 30 тысяч потребителей, проведенный в 60 странах мира в 3-м квартале 2013 года, уже выявил значительную заинтересованность в использовании услуг шеринговой экономики (см. Рис. 1).

Рис. 1. Доля потребителей, изъявивших желание участвовать в шеринговой экономике (2013 год)

Источник: [51]

Наибольший удельный вес в шеринговой экономике имеет каршеринг, и его рост является одним из наиболее важных индикаторов развития всего сектора (см. Рис 2). Рост каршеринга обогнал самые оптимистичные прогнозы. Прогноз, сделанный в августе 2016 года, предполагал, что в 2025 году число пользователей достигнет 36 миллионов. Но уже в 2018 году их число превысило 50 миллионов [52]!

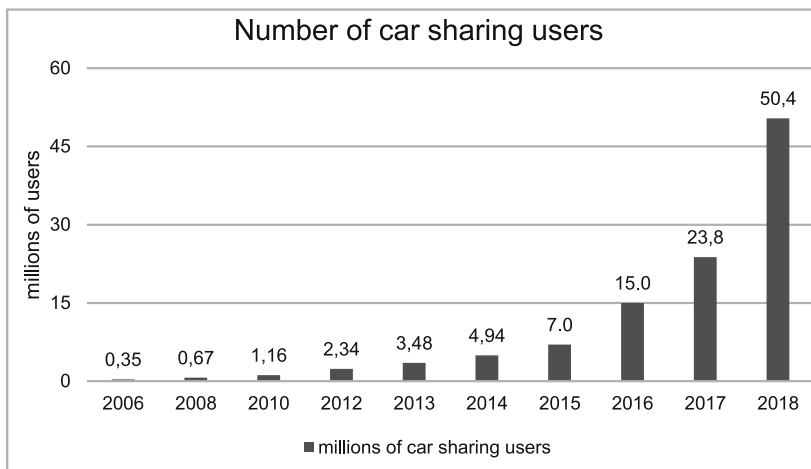

Рис. 2. Количество пользователей услуг каршеринга 2006-2018
Источники: [52,53,54,55]

Оборот шеринговой экономики составляет сотни миллиардов долларов в год. Только в Китае, согласно докладу консалтинговой фирмы iiMedia Research, оборот шеринговой экономики достиг в 2019 году 1,05 триллиона долларов, а в 2020 году может составить 1,28 триллиона долларов [56]. Доля шеринговой экономики приблизилась тем самым к 8% ВВП Китая.

Такой стремительный рост шеринговой экономики поддерживается значительными инвестициями в нее. Желание все большего числа людей пользоваться, не становясь собственниками, вызывает соответствующее внимание со стороны бизнеса, и инвестирование в шеринговую экономику растет стремительными темпами (см. Рис. 3).

Заметим, что развитие шеринговой экономики демонстрирует сочетания различных мотивов, среди которых экономическая

рациональность, основанная на денежных расчетах, безусловно, тоже присутствует. Совместное пользование вещами, например в рамках всем известного каршеринга, когда жители больших городов пользуются автомобилем эпизодически, экономически рационально. И это, в условиях экономического общества, есть стимул к расширению сферы влияния этого сектора. Но объективно это ведет к т.н. «истончению» собственности, ее значимости, ценности – условно, к ее «испарению» из числа определяющих факторов развития способа удовлетворения людских потребностей.

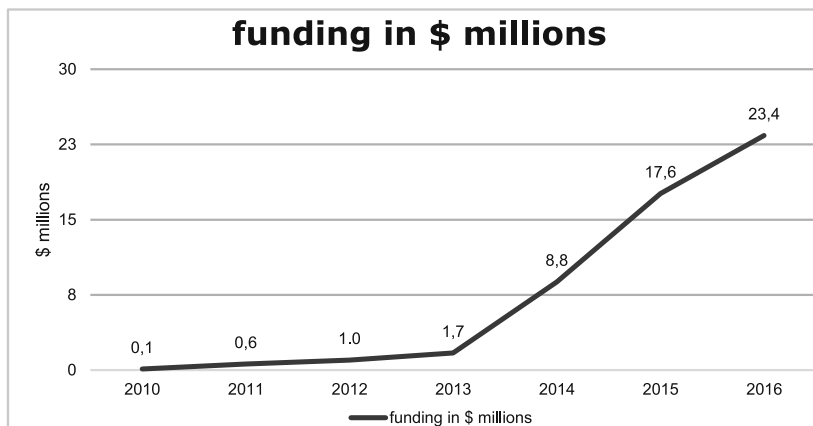

Рис. 3. Кумулятивные инвестиции в шеринговые стартапы, 2010-2016
Источник: [57]

В то же время многочисленные эмпирические исследования доказывают, что есть и неденежные, неэкономические, общественные ценности и мотивы как важное слагаемое новых отношений. Это – также зримый признак движения к нооэкономике. Ведь продвижение к нооэкономике, как базе перспективной формы общественного устройства, предполагает опережающее развитие неэкономической, в том числе – неденежной, мотивации. И в данном случае мы видим реальные социальные практики, эволюционирующие именно в этом направлении.

Мы наблюдаем все более активное формирование альтернативных, новых, ассоциированных форм производства и потребления. И эти формы строятся, прежде всего, на проникновении в ткань социальных и экономических отношений новых технологий работы

с информацией, знаниевых технологий, которые преобразуют не только материальное производство, но и всё общество. Мы должны констатировать видимые уже изменения, происходящие в общественном сознании, в системе социальных ценностей и предпочтений. Мы, конечно, не склонны идеализировать и преувеличивать силу этих изменений. Они пока слабы. Но тенденция превращения их в мейнстрим прослеживается. Разрушается, точнее – «размывается», одна из фундаментальных основ рыночной парадигмы – частная собственность. Она оказывается в ряде случаев невостребованной, а ее институт перестает восприниматься как основополагающий и, употребляю это слово в кавычках, «священный».

Наблюдается усиление мотивации отказа от собственности в пользу иных – более простых, более дешевых, более прогрессивных с социальной, экологической и этической точек зрения, т.е. – более гуманистических, способов использования благ, нежели частная собственность на них. Потребители, как указывают Барди и Экхард, «вместо того, чтобы покупать вещи и владеть ими, хотят получать доступ к благам и предпочитают платить за практику временного доступа к ним» [58] (с. 881).

Таким образом, развитие шеринговой экономики – это феномен, который представляет собой одну из важных форм изменения структуры экономики, накладывающейся на изменение сути отношений собственности, на пути к новому качеству общественного развития, развития, которое имеет гуманистическую направленность – к НИО.2 и ноономике. Фактически, с такой точки зрения, та же шеринговая экономика выступает как переходная экономическая форма, сочетающая в себе как утилитарно-экономические, так и мотивы деятельности людей.

3.5. Нарастание цивилизационных рисков

Однако новые технологии не только открывают перед человеком новые возможности, но и создают значительный потенциал рисков и угроз. Рост технологических возможностей удовлетворения потребностей ставит человечество перед дилеммой в цивилизационном развитии. Мы говорим очень часто, что впереди экологический кризис: то пластмассой мы весь мир засорили, то появляются мутанты в зоомире, то исчезают ежедневно целые десятки и сотни видов живых существ, возникают технетические существа, которые

плодятся гораздо быстрее, чем природа создавала этот мир. Потому что уровень прироста так называемых технетических существ (если говорить, по аналогии с терминологией геобиоценозов, о существах, населяющих технологические ценозы) растет стремглав.

Те элементы техноценоза, которые мы называем «технетические существа», потому что они ведь существуют и занимают определенное место в нашем пространстве, занимают этого места все больше и больше. Они вытесняют естественные сущности природы, и сегодня человек, их создатель, уже стал значимой геологической силой, не говоря о «биологической» силе. Общий объем всего, что сделал человек за последние пять тысяч лет своего существования, по данным геологов, или *вес техносферы*, то есть всего, что создал человек за свою активную историю с помощью технологий, *составляет 30 триллионов тонн* (Таблица 1), в то время как по данным биологов, *за 4,5 миллиарда лет существования Земли вес биоты*, то есть созданного живой природой, *составляет примерно 2,5 триллиона тонн* [59] (с. 12).

Table 1.

Approximate mass of major components of the physical technosphere, arranged in order descending mass (where 1 Tt = 10^{12} metric tonnes).

Component	Area (10^6 km ²)	Thickness (cm)	Density (g/cm ³)	Mass (Tt)	Percent (%)
Urban areas	3,70	200	1,50	11,10	36,9
Rural housing	4,20	100	1,50	6,30	20,9
Pasture	33,50	10	1,50	5,03	16,7
Cropland	16,70	15	1,50	3,76	12,5
Trawled see floor	15,00	10	1,50	2,25	7,5
Land use and eroded soil	5,30	10	1,50	0,80	2,7
Rural roads	0,50	50	1,50	0,38	1,3
Plantation forest	2,70	10	1,00	0,27	0,9
Reservoirs	0,20	100	1,00	0,20	0,7
Railways	0,03	50	1,50	0,02	0,1
Total (if applicable)	81,83			30,11	

Источник: [59] (с. 12).

При этом нам грозит прогрессирующая утрата биоразнообразия. Каждый час на земле исчезает примерно 3 вида живых существ, 72 вида умирает ежедневно. Но ведь и естественным путем, без участия человека, всегда происходил процесс вымирания тех или иных видов. Этот естественный процесс оценивается уровнем утраты примерно одного вида из миллиона в год. А сколько всего на планете видов живых существ? «Оценки существующего в настоящий момент биоразнообразия колеблются от, скажем, 2 миллионов видов до 30 или даже 100 миллионов» – так описывает проблему доктор Браулио Диас, исполнительный секретарь Конвенции о биоразнообразии [60]. Существуют исследования, основанные на секвенировании и сравнении ДНК микроорганизмов, из которых следует, что число видов на нашей планете составляет около 1 триллиона. Но это увеличение оценки числа видов произошло только за счет микроорганизмов [61].

Несложно заметить, что даже если взять самую верхнюю оценку, то и тогда скорость вымирания составит 262 вида в год из одного миллиона, что явно превосходит естественную норму.

И в тоже время человек создал гораздо больше технетических видов, чем природа создала видов живых существ – около одного миллиарда [59]. И, как мы видим, техноразнообразие не только превзошло биоразнообразие, оно еще и подавляет его [62].

На чем основано это возрастающее давление на окружающую среду? На существующей экономической парадигме производства и потребления: больше производить, больше продавать, получать больше прибыли – и больше потреблять. Технологический прогресс может превратить это стремление к наращиванию производства и потребления, и поглощению ресурсов Земли в крайне серьезный вызов. Точнее говоря, конечно, не сам по себе прогресс, а использование технологических достижений в рамках существующего общественного устройства, при принятых критериях рациональности, которые не в состоянии сдержать ни нарастающее расшатывание экологического равновесия, ни разрушительное вмешательство в природу человека. Все это происходит в безудержной погоне за увеличением массы потребляемых ресурсов, превращаемых в отходы ради иллюзии удовлетворения ложных, иллюзорных, симулятивных потребностей. Папа Римский Франциск в своей недавней энциклике *Fratelli tutti* (Общее братст-

во), отмечал: «Часто голоса, поднятые в защиту окружающей среды, замалчиваются или высмеиваются, используя, по видимости, разумные аргументы, которые являются просто ширмой для особых интересов. В этой поверхностной, недалёковидной культуре, которую мы создали, лишённой общего видения, “предсказуемо, что в ситуации истощения некоторых ресурсов постепенно создаётся благоприятный сценарий для новых войн, маскируемых под благородные требования”» [63] (17) – он ссылается при этом на свои собственные слова из энциклики *Laudato Si* (Забота об общем доме) [64] (57). И далее он выражает опасение, что мир может «еще глубже погрузиться в лихорадочное потребление и новые формы эгоистического самосохранения» [63] (35).

4. Обсуждение

Практика показала, что так называемый «постиндустриализм», захвативший умы мыслителей по всему миру в конце прошлого века и ставший в ряде случаев, в том числе – у нас, в России, концептуальной основой для принятия важных политических решений, является миражом, а т.н. общество всеобщего благоденствия, построенное исключительно на креативе, финансиализации и гиперразвитии сферы услуг, в ущерб материальному производству, не может быть устойчивым.

Информатизация (а сегодня – и цифровизация) социальных и экономических процессов, повышение значимости знания для производства общественного продукта и экономики в целом ведут не к разрушению материального производства, но к изменению его качества. Новое, перспективное материальное производство становится, как уже отмечалось, знаниеёмким, а процессы его развития и функционирования – знаниеинтенсивными. При этом, действительно, начиная с 50-х годов XX века, а особенно заметно – с 70-х годов, происходило снижение удельного веса в валовом внутреннем продукте как отдельных стран, так и мира в целом, доли индустриального продукта, первичного и вторичного секторов, а доля третичного сектора, услуг – росла. Так всё выглядит внешне. Каково же положение на самом деле?

Сторонники концепций постиндустриального общества обратили основное внимание именно на изменение удельного веса промышленности и сферы услуг в ВВП и занятости. Однако при

этом они не исследовали реальную роль и место промышленности во всей экономической системе, и не оценили, насколько технологии растущей сферы услуг носят постиндустриальный характер (в то время как они в значительной мере являются доиндустриальными). Важнейшая роль «экономики знаний» и развитие информационных и телекоммуникационных технологий заслонили для них все остальные тенденции, в том числе и тот факт, что промышленность просто переносится из более развитых стран в менее развитые, а в целом в мировой экономике снижение удельного веса индустриального сектора в ВВП с начала XXI века замедлилось, а в последние годы повернуло вспять [65,66].

Мы, во-первых, в противовес постиндустриалистам, утверждаем, что рост удельного веса сферы услуг не свидетельствует о падении значения материального производства в экономике и о переходе к некоей постиндустриальной экономике. В конечном счете, услуги осуществляются также на материальной базе. Мы видим в этом проявление другой тенденции – радикального качественного изменения характера материального производства, повышения его знаниеёмкости – и всех его компонент (организации, средств производства, технологий, материалов, труда, наконец), и всего производства в целом. Отсюда – возрастающее его влияние на развитие общества, расширение его возможностей. Отсюда же – и требование проведения высокотехнологичной реиндустриализации и активного продвижения по этому пути.

Во-вторых, является ли «постиндустриальный» тип развития прогрессивным?

Постиндустриалисты, представляющие, как правило, страны «золотого миллиарда», в целом полагают, что «да». Но развитие этих стран во многом строится не на собственном внутреннем росте, а на использовании относительно дешёвых ресурсов (природных, трудовых, интеллектуальных) развивающихся стран, которые, в этой связи, оказываются в роли «вечно догоняющих». Мир, в терминах мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна [67], Андре Гундер Франка [68] и Самира Амина [69], разделяется на «Центр» и «Периферию», где первые преимущественно живут за счет вторых [70]. Экономический механизм этого перераспределения зиждется на финансиализации, доминировании финансового сектора экономики над реальным,

что приводит к искажению ценовых пропорций и наращиванию ничем не обеспеченных торговых и бюджетных дефицитов стран, которые сегодня признаются развитыми. Очевидно, что устойчивым такое развитие быть не может.

Многочисленные исследования показывают, что устойчивое развитие и технологический прогресс обеспечиваются только за счет внутренних источников роста, генерируемых в промышленном секторе. Основываясь на эндогенной теории роста [71,72,73,74], многие экономисты, прежде всего Николас Кальдор и Джон Корнуолл, отмечали, что со времен промышленной революции технологические изменения происходили главным образом в индустрии. Именно расширение этого сектора является движущей силой экономического роста [75,76]. Кроме того, Джон Корнуолл [77] рассматривал технологические изменения в некоторых производственных секторах как движущую силу роста производительности в ряде других секторов.

Напротив, увеличение доли услуг в экономике приводит к снижению темпов экономического развития. В 2008 году, на основе проведенного обширного эконометрического исследования, Муид Султан, известный исследователь из Бангладеш, пришел к признанному мировым экономическим сообществом, количественно доказанному выводу: «Увеличение доли услуг в экономике приводит к снижению темпов роста» [78] (с. 47). И это снижение мы наблюдаем уже на протяжении нескольких десятилетий. Я бы добавил – и дисгармонизацию структуры роста.

Технологический прогресс обеспечивает не только экономический рост, но и изменения в системе экономических отношений. Какова же направленность этих изменений? Если обратиться к рассмотренной выше эволюции отношений собственности, выражающейся в практике развития шеринговой экономики, то можно подметить целый ряд перемен по сравнению с традиционным экономическим порядком. Исследователи шеринговой экономики отмечают как переход к моделям временного доступа к благам и услугам вместо владения собственностью, так и широкое использование для этих целей современных информационно-коммуникационных технологий при помощи сети Интернет [17] (с. 1595).

Шеринговая экономика рассматривается как своего рода переходная экономическая форма, сочетающая в себе как утили-

тарно-экономические, так и неэкономические мотивы. Профессор Нью-Йоркского университета Арун Сундарараян отмечает, что любой тип шеринговой экономики характеризуется расширяющейся опорой скорее на социальные, нежели на экономические сигналы [79] (с. 27). Эмпирические исследования, проведенные уже на базе широко развернувшейся шеринговой экономики, привели к аналогичному выводу о сочетании эмоционального и рационального принятия решений, и мотиваций, основанных на индивидуальных интересах с просоциальными мотивациями, а также денежных и неденежных стимулов [80] (с. 6).

Какими же побудительными мотивами и факторами определяется современное широкое распространение шеринговой экономики?

Все исследователи, независимо от их научной ориентации, констатируют, что потребители вместо того чтобы покупать вещи и владеть ими, хотят получать доступ к благам и предпочитают платить за практику временного доступа к ним. Участие в шеринговой экономике определяется тем, что «люди по существу не нуждаются в вещах. То, чего они хотят – это *поток услуг*, который обеспечивают вещи в течение определенного времени» [81] (с. 391).

Таким образом, система отношений собственности при переходе к НИО.2 существенно изменяется, что влечет за собой изменение всей системы экономических отношений. Меняется характер рынка – на нем все большее место начинают занимать не спонтанные колебания рыночной конъюнктуры, а результаты сложных согласованных действий между лицами, обладающими различными и переплетающимися элементами прав собственности. Недаром сейчас бизнесмены и экономические эксперты все активнее обсуждают концепцию «*stakeholder capitalism*» (капитализм заинтересованных сторон), которая отражает возросшую зависимость функционирования компаний от интересов разнообразных общественных групп – работников компании, жителей близлежащих населенных пунктов, потребителей, защитников окружающей среды и т.д. В рамках Всемирного Экономического Форума в Давосе представителями 120 крупных корпораций разработана даже концепция измерения участия фирм в удовлетворении интересов таких заинтересованных сторон [82]. Изменяется и характер государственного регулирования, которое начнет ориенти-

роваться на приведение к консенсусу сложного баланса экономических интересов, вытекающего из новой природы отношений собственности и новой модификации рыночных отношений.

Серьезный сдвиг в общественных отношениях возникает также в связи с «вытеснением» автоматами и роботами людей из процесса производства. В основе этого явления – то же ускорение научно-технологического, инновационного развития. И темпы его, с переходом к технологиям более высокого пенетрационного уровня (в частности, коммуникационным, цифровым, когнитивным и т.д.), также ускорились. Мы назвали этот феномен современного технологического уклада «ускорением ускорения». Этот феномен стал настолько заметным, что имеющий его в своей основе современный этап эволюции – и мира, и отдельных стран – всё чаще стали определять как очередную, по классификации Клауса Шваба, четвертую технологическую революцию.

Эта технологическая революция создает предпосылки для НИО.2 и ноономики, не только формируя новый тип материального производства, преобразуя экономические и социальные процессы, но и трансформируя роль человека в традиционных экономических отношениях.

Как именно?

На смену работнику приходят роботы и искусственный интеллект. Труд как способ добывания «хлеба насущного» постепенно, вымываясь из общественного производства, перестанет быть насущной потребностью. Людей-работников, занятых созидательным трудом и вступающих, в этой связи, друг с другом в особый тип общественных отношений – отношения экономические, заменяют рукотворные (пока еще) технетические существа. Они способны к более продуктивному функционированию, они не ошибаются и не устают, они высвобождают человека для других видов деятельности, и – раскрепощают человека, создают предпосылки для его творческого саморазвития. И они вытесняют человека и его труд как фактор, элемент производства, из непосредственного участия в общественном производстве.

Из этого следует два момента.

Во-первых, надо понять – как люди, и не только отдельные индивиды, а и социальные группы распорядятся этой свобо-

дой. Пойдет ли она во благо? Или же приведет к росту конфликтности и асоциальным проявлениям?

Очевидно, что техпрогресс может создать в неподготовленном обществе эффект «обезьяны с гранатой». Если говорить о биологической стороне вопроса, то существ, которые уничтожили бы живую природу больше, чем человек, в общем-то, наверное, природа пока не создала. Это ведет серьезному кризису, кризису многих сфер, например, биологическому, или – к геномному кризису, когда люди могут и в себя вмешаться, и создать существа, которые могут быть нам неподконтрольны, и многое другое.

Понятно, что учеными, раздвигающими горизонты научного знания, движут благие намерения – создание новых лекарственных форм, исправление генетических отклонений. Но они не отрицают, что эти научные достижения вполне могут быть использованы для создания новых форм жизни и для «редактирования» биосущности самого человека.

Абсолютно такие же рассуждения можно построить в отношении множества современных технологий, неосторожное и неоглядное применение которых может радикально изменить и нашу среду обитания, и условия нашей жизни, и нас самих.

Позитивный ли безусловно этот путь? Или он чреват принципиальной опасностью для человека?

Надо отдавать себе отчет в том, что в рамках существующей экономической рациональности возможным, и, более того, эффективным, признается все, что приносит экономическую выгоду. Да, общество накладывает на экономику целый ряд ограничений – иначе оно вообще не смогло бы нормально функционировать. Но эти запреты и ограничения – на торговлю людьми, торговлю наркотиками, торговлю оружием, фальсификацию продуктов, загрязнение окружающей среды вносятся в экономические отношения извне, а не вытекают из самого экономического устройства общества. Существующие же экономические отношения создают основу и для растущей нагрузки на окружающую среду, и для вмешательства в природу человека (не обязательно физического – не менее опасно манипулирование человеческим сознанием), и для бездумного наращивания потребления.

Каковы непосредственные экономические причины этой безудержной гонки потребительства, поглощающей все больше

ресурсов Земли? Когда конкретный сегмент рынка насыщен, людей в принципиальном плане «накормили» (в сравнении с предыдущим этапом развития) – за счет чего можно наращивать прибыль? Необходимо расширение рынков – либо за счет инноваций предлагать принципиально новый продукт, инвестировать средства на его разработку (что, как правило, максимально затратно и имеет более высокие риски). Либо можно расширить рынок за счет старого продукта (что, как правило, дешевле и менее рискованно), захватив новые рынки, в том числе и путем подавления любых конкурентов, пусть даже и предлагающих лучшее решение, но более слабых. Капитал будет стремиться экономить на издержках, но при этом поглощать как можно больше ресурсов, и при этом он готов на хищнические способы добычи прибыли. К таким способам, в том числе, относится и навязывание потребителю симулятивных благ.

Разумеется, чисто фальшивая потребность, и чисто симулятивный, бесполезный товар встречаются не столь часто. Обычно фальшивые потребности «пристраиваются» к реальным потребностям, а симулятивная компонента как бы надевается на товар, удовлетворяющий эту реальную потребность. Причем сначала часто это бывает реально полезный продукт, и его приход был прогрессивным, потом он обзаводится симулятивной надстройкой – и это уже стало не прогрессивно. Любую войну, в том числе ныне весьма популярную экономическую, тоже нельзя отнести к прогрессивным методам.

Какие тренды победят? Это зависит от того, каким будет соотношение скорости развития двух вещей: скорость развития производства, технического прогресса, и скорость осознания человеком социальных последствий применения тех или иных технологий и конструкций удовлетворения человеческих потребностей, социальной надстройки. Она тоже меняется, но меняется она вслед за материальным производством. Да, она влияет на материальное производство, она толкает его, возникающая потребность заставляет думать – и на первый взгляд, это как бы первично. Но с точки зрения формирования общесоциальных отношений и изменений в обществе – они вторичны после материально-го производства.

5. Выводы

Фраза «современный мир стремительно меняется» давно уже стала банальностью. Но грозные события, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции Covid-19, заставили нас по-новому взглянуть на эту фразу и несколько иначе оценить ее смысл.

Да, действительно, мы увидели, что изменения и в применении технологий следующего технологического уклада, и экономике, и в обществе развиваются достаточно стремительно.

При этом образ постпандемического будущего, которое уже становится нашим настоящим, оказывается не совсем таким, как многими ожидалось. Поэтому первостепенное значение приобретает выявление особенностей грядущего. Но – не только. Существенным фактором успешного продвижения нашей цивилизации в именно «цивилизованное» будущее является придание социальному проектированию, которое используется не только для предсказания, но и для созидания будущего устройства общества, ярко выраженной гуманитарной направленности.

Мир не просто стремительно меняется, и корона-кризис есть не причина, а лишь акселератор тех процессов, тех глубоких структурных трансформаций экономики и общества, которые прослеживались и ранее, задолго до этого. Современная модель общественного устройства, основанная на экономике как основном способе удовлетворения потребностей людей, сегодня демонстрирует все признаки своего исчерпания и требует смены парадигмы развития.

Как отмечает нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц в интервью, опубликованном в журнале Вольного экономического общества «Вольная экономика», выпущенном к Московскому академическому экономическому форуму 2020 года, эта модель «приводит к весьма неприятным явлениям – вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится» [83]. На что следует обратить внимание в этой цитате: на тесную увязку социальных и экономических процессов.

При этом уровень достижений современного этапа научно-технического прогресса позволяет существенно снизить конфликтогенные факторы развития общества, к примеру, то же не-

равенство в доступе людей к благам цивилизации. Однако практикуемая экономическая модель, основанная на рынке, собственности и прибыли как цели деятельности, не только не позволяет это сделать, но и все больше стимулирует нарастание этого конфликта. Это – базовое противоречие современной эпохи общественного развития.

Достичь гармонии в общественном развитии, справедливости, балансирования интересов различных социальных групп, гуманистической направленности общества и т.д., не изменив лежащую в основе современного социального устройства рыночную модель экономики, невозможно.

Что же является предпосылками таких изменений? Каков их основной вектор? И какие усилия следует предпринять, чтобы наше будущее было не пугающе-неопределенным, а ожидаемым и дружественным, гуманистическим?

Заметим, что упомянутая специфика современного момента, при всей кажущейся для некоторых наблюдателей непредсказуемости развития, вытекает из всей предшествовавшей эволюции социально-экономической системы.

Как подготовить человека к разумному использованию благ прогресса? Очевидно, особая роль здесь принадлежит воспроизводству качеств человека как существа социального, обладающего социальным, скажем, зрением, мировоззрением и поведением. А в этом вопросе ведущая роль принадлежит такому феномену развития человека и общества, как культура, в широком ее понимании, и прежде всего – таким ее элементам, как образование и воспитание. Необходимо обеспечить переход к гуманистическому типу общества с тем, чтобы развилка истории, порождаемая технологической революцией, не завела человечество в тупик, не привела к регрессу и вырождению.

Кроме того, следует признать, что в рассматриваемом сценарии развития (заметим, весьма реалистичном, признаки чего мы имеем возможность наблюдать уже сегодня) собственно экономические отношения, как отношения между людьми в процессе общественного производства, начинают исчезать; это создаст предпосылки формирования нового типа общества, лишённого экономической основы в современном ее понимании, но по-прежнему базирующегося на материальном производстве.

В то же время, безусловно, сложно предположить, что человечество быстро изменится. Это – исторически неизбежный, но весьма противоречивый процесс, хотя, конечно, признаки социальной эволюции в указанном нами направлении можно наблюдать и на протяжении всей человеческой истории, и уже сегодня. И мы на них указывали. Но, в силу огромного числа противоречий, которые проявляются в современном мире, движение к НИО.2 и ноономике не будет тривиально линейно-предопределенным и поступательным. В частности, сегодня мы видим, что продолжают процветать и искусственно формироваться глобальным финансовым капиталом, корпорациями (с целью извлечения дополнительной прибыли) т.н. симулятивные потребности, упрощенно говоря – неразумные, но использующие для своей реализации всё больше реальных ресурсов, нанося при этом ущерб природе и калеча душу человека, толкая его на асоциальное поведение.

Такая модель экономики ведет цивилизацию в тупик, а социально-экономическую систему – к разрыву и слому. Отказ от акселерации симулятивного потребления становится поэтому насущной необходимостью, что признано, в частности, в Концепции устойчивого развития, продвигаемой ООН и признанной на международном уровне.

Но каковы должны быть основы выхода из этого тупика, необходимость чего встает в повестку дня уже сегодня?

Речь идёт как раз о переходе на этап разумного ведения хозяйства, на нооэтап. На этом этапе ноопроизводство, совершающееся в автономной техносфере, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам остаётся подчинённым обществу. С развитием ноообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям, происходит и переход от экономической рациональности к новой, и этот новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретает первостепенное значение и служит основой изменения характера общественных отношений.

Место экономики, тем самым, займёт ноономика. В основе ноономики лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, в котором человек станет, в соответствии с

предвидением Маркса, «по ту сторону собственно материального производства».

Подчеркнем: генезис ноономики – это объективный процесс, но он, очевидно, может иметь разные формы социальной организации, одни из которых будут адекватны его содержанию, другие – нет. Исследование этих форм и институтов является важной самостоятельной темой, лежащей за пределами предметного поля данного текста. Однако и в этой статье мы не можем не подчеркнуть, что эти изменения должны носить эволюционный характер, органически вырастая из тех общественных условий, которые складываются в данный момент «социального времени» и в данном «социальном пространстве». Ленинская модель революционного воздействия, осуществляемого политическим авангардом, как показал исторический опыт XX века, не может обеспечить адекватных условий для протекания объективных процессов вызревания предпосылок и элементов качественно нового общества.

Переход к ноономике – долгий и противоречивый процесс, который сопряжен с решением целого ряда проблем современного социального-экономического устройства, включая глубокие технологические, социально-экономические и культурные различия как между странами, так и между различными социальными стратами. Сохранение многих глобальных проблем, в частности, бедности и ограниченности доступа значительной части населения планеты к ресурсам развития (включая не только достаточно высокий уровень доходов, но и доступ к качественному образованию через всю жизнь, услугам здравоохранения, культуре и, главное, содержательному труду), являющихся прямым следствием экономического механизма удовлетворения потребностей, одновременно создает не только предпосылки, но и серьезные барьеры на пути продвижения к ноономике. Их преодоление – важнейшая практическая задача и теоретическая проблема, о которой автор уже писал ранее в русскоязычных изданиях и которой будут посвящены будущие публикации на английском языке; но в данной статье мы не можем уделить ей специальное внимание.

Неоднократно возникал вопрос о термине «ноономика», который часто понимается весьма поверхностно – как сочетание слов «ноосфера» и «экономика». Такая трактовка, безусловно, имеет право на существование, как любая точка зрения в науке,

но мы вкладываем в понятие «ноономика» абсолютно другой смысл. Наше понимание ноономики значительно шире и глубже. Термин ноономика образован нами как производное от греческих слов «ноос» (νοῦς) – разум, и «номос» (νόμος) – порядок, закон.

Таким образом, мы отталкиваемся не от механического соединения терминов «ноосфера» и «экономика».

Мы исходим из понимания греческого термина «ноос» как разума, опирающегося на критериальную базу истины как осознанной непреходящей ценности. В этом смысле сводить греческое слово «ноос» к его латинскому аналогу «рацио» глубоко ошибочно.

Рациональное – это соответствующее определенным критериям (но – разумны ли сами критерии?). Экономика всегда рациональна, но всегда ли разумно поступают рационально действующие экономические субъекты? И способны ли они выйти за пределы критериев, навязанных им данной экономической системой?

Ноономика предполагает иной способ оценки хозяйственных действий, иной способ оценки потребностей – основанный не на рациональности, а на разуме, на «ноо», исходящем из понимания истинных последствий хозяйственных решений и истинной ценности удовлетворяемых потребностей. Таким образом, речь идет не об экономике, не о рационально максимизирующем удовольствия индивиде, а об ином способе формирования и удовлетворения потребностей, которые можно назвать *ноопотребностями*. Когда-то, например в эпоху собирательства, человек удовлетворял свои потребности вовсе без экономического расчета. Ноономика тоже представляет собой такой способ неэкономического удовлетворения потребностей, которому предстоит сформироваться на новом витке развития человеческих знаний и технологий.

С другой стороны, вторая «половина» термина ноономика – «номос» (от греч. *nomos* – закон) – древнее понятие, которое в философии первой трети XX в. применялось для обозначения базового принципа организации любого пространства [84], абсолютного закона существования всего сущего. То есть, ноономика – это упорядоченный уклад, способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть «свет разума» и нет отношения к производству и производственным отношениям; нет отношения к собственности и отношений собственности; нет экономики и не-

возможна экономика. Это – неэкономический способ удовлетворения ноопотребностей.

Важно, чтобы на этом эволюционном пути, «реперные точки» которого были обозначены здесь, не была выхолощена и забыта главная цель, о которой мы уже говорили – всемерное содействие развитию человека. Развитие цивилизации, лишённое гуманитарного наполнения, лишено смысла. Да, социально-экономические отношения трансформируются, видоизменяются, но конечной целью этих процессов должен стать прогресс человеческих качеств, саморазвитие и самовозвышение человека. С тем, чтобы homo economicus (человек экономический) завершил свою историческую миссию и трансформировался в «ноочеловека» – для которого не расчетливость, но гуманизм будет определяющим свойством.

Список литературы

1. Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Basic Books: N.Y., USA, 1973.

2. Toffler, A. *The Third Wave*. Pan Books Ltd. in association with William Collins Sons & Co. Ltd.: London, UK, 1980.

3. Sakaiya, T. *The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future*. Kodansha International: Tokyo – New York, Japan – USA, 1991.

4. Heilbroner, R. Economic Problems of “Postindustrial” Society. In *Dimensions of Society*; Potter D., Sarre, Ph., Eds.; University of London Press Ltd: London, UK, 1974.

5. Heilbroner, R. *Business Civilization in Decline*. Norton: N.Y., USA, 1976.

6. Gibson, D. Post-Industrialism: Prosperity or Decline? *Sociol. Focus*. 1993, 26, 147–163. doi: 10.1080/00380237.1993.10571003.

7. Smart, B. (Ed.) *Post Industrial Society*. SAGE Publications Ltd.: London, UK, 2011.

8. Schumpeter, J.S. *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*, Vol I. McGraw-Hill: New York, USA, 1939.

9. Mensch, G. *Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression*. Umschau Verlag Breidenstein: Frankfurt., Germany, 1975.

10. Perez, C. Structural Change and Assimilation of New Technologies in The Economic and Social Systems. *Futures*, 1983, 15(4), pp. 357-375.

11. Perez, C. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Elgar: London, UK, 2002.

12. Freeman, C., Perez C. Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behaviour. In *Technical Change and Economic Theory*; Dosi G., Freeman Ch., Nelson R., Silverberg G., Soete L., Eds.; Pinter Publisher: London, UK, 1988.

13. L'vov, D.S., Glaz'ev S.Yu. Teoreticheskie i prikladnye aspekty upravleniia NTP. [Theoretical and Applied Aspects of Managing Scientific Progress]. *Economy and Mathematical Methods*. 1986, 5.

14. Schwab, K. *The Fourth Industrial Revolution*. Portfolio Penguin: London, UK, 2017.

15. Bodrunov, S.D. Novoe industrial'noe obshchestvo. Proizvodstvo. Ekonomika. Instituty. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [New industrial Society. Production. Economy. Institutions. *Economic Revival of Russia*] 2016, 2 (48), pp. 5-14.

16. Benkler, Y. 'Sharing Nicely': On Shareable Goods and the Emergence of Sharing as a Modality of Economic Production. *The Yale Law Journal*, 2004, 114(2), pp. 273-358.

17. Belk, R. Sharing. *Journal of Consumer Research*, 2010, 36 (5), pp. 715–734, <https://doi.org/10.1086/612649>.

18. Bodrunov, S.D. *Griadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka* [The Coming of New Industrial Society: Reloaded]. 2nd ed. S. Y. Witte Institute for New Industrial Development: St. Petersburg, Russia, 2016.

19. Veblen, T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. Macmillan Company: New York, USA, 1899.

20. Baudrillard, J. *Pour une critique di l'economie politique du signe*. Editions Gallimard: Paris, France, 1972.

21. Baudrillard, J. *Simulacres et Simulation*. Editions Galilee: Paris, France, 1981.

22. Jameson, F. *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Duke University Press: Durham, NC, USA, 1991.

23. Earth Overshoot Day. Global Footprint Network. Available online: <https://www.footprintnetwork.org/our-work/earth-overshoot-day/> (accessed on 09.11.2020).

24. Bodrunov, S.D. *Noonomika*. [Noonomy]. Kul'turnaya revoliutsiia: Moscow, Russia, 2018.

25. Haraguchi, N., Fang Ch., Cheng Ch., Smeets E. The Importance of Manufacturing in Economic Development: Has This Changed? *World Development*. 2017, 93, pp. 293-315, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.12.013>.

26. Herman, E. The Importance of the Manufacturing Sector in the Romanian Economy. *Procedia Technology*, 2016, 22 (1), pp. 976–983, <https://doi.org/10.1016/j.protcy.2016.01.121>.

27. Jeon, Y. Manufacturing, Increasing returns and economic development in China, 1979- 2004: A Kaldorian Approach. University of Uta Department of Economics Working Paper Series, Working paper 2008, No. 2006-08. Available online: https://economics.utah.edu/research/publications/2006_08.pdf. (accessed on 09.11.2020).

28. Dasgupta, S., Singh, A. *Will Services Be the New Engine of Economic Growth in India?* Working Papers; University of Cambridge: Cambridge, UK, 2005.

29. Loto, M.A. Global Economic Downturn and the Manufacturing Sector Performance in the Nigerian Economy (A Quarterly Empirical Analysis). *Journal of Emerging Trends in Economics and Management Sciences*, 2012, 3 (1), pp. 38–45.

30. Collins, M. Debunking the Post-Industrial Myth. *Industrial Week*, 22.11.2015. Available online: <https://www.industryweek.com/the-economy/public-policy/article/22007271/debunking-the-postindustrial-myth> (accessed on 09.11.2020).

31. Stehrer, R., Baker P., Foster-McGregor N., Koenen J., Leitner S., Schricker J., Strobel T., Vieweg H.-G., Vermeulen J., Yagafarova A. *Study on the Relation between Industry and Services in Terms of Productivity and Value Creation*. Study for the Directorate-General for Enterprise and Industry. (Within the Framework Contract for Industrial Competitiveness and Market Performance – ENTR/90/PP/2011/FC). ECSIP Consortium: Vienna, Austria, 30.10.2014 Available online: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/8528/attachments/1/translations/en/renditions/native> (accessed on 09.11.2020).

32. Behun, M., Gavurova, B., Tkacova, A., Kotaskova, A. The Impact of the Manufacturing Industry on the Economic Cycle of European Union Countries. *Journal of Competitiveness*, 2018, 10 (1), pp. 23 – 39, DOI: 10.7441/joc.2018.01.02.

33. McKinsey. *Manufacturing the future: the next era of global growth and Innovation*, McKinsey Global Institute Report, 2012 Available online: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Operations/Our%20Insights/The%20future%20of%20manufacturing/MGI_%20Manufacturing_Full%20report_Nov%202012.pdf (accessed on 09.11.2020).

34. Naudé, W., Szirmai, A. *The Importance of Manufacturing in Economic Development: Past, Present and Future Perspectives*. UNU-MERIT Working Papers: Maastricht, The Netherlands, 2012.

35. Westkämper, E. *Towards the Re-Industrialization of Europe: A Concept for Manufacturing for 2030*. Springer: Berlin – Heidelberg, Germany, 2014. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-38502-5>.

36. Building a Strong and Modern European Industry. *Business Europe*, June 2017. Available online: https://www.businesseurope.eu/sites/buseur/files/media/reports_and_studies/building_a_strong_and_modern_european_industry_-_compressed_for_web_and_sending.pdf (accessed on 09.11.2020).

37. Industrie 4.0 – Germany Market Report and Outlook. Germany Trade & Invest (GTAI). 27.03.2018. Available online: <https://www.gtai.de/resource/blob/64500/8b7afcaa0cce1ebd42b178b4430edc82/industrie4-0-germany-market-outlook-progress-report-en-data.pdf> (accessed on 09.11.2020).

38. Boyes, H., Hallaq, B., Cunningham, J., Watson, T. The industrial internet of things (IIoT): An analysis framework. *Computers in Industry*. 2018, *101*, pp. 1–12, doi:10.1016/j.compind.2018.04.015.

39. Jiménez, M., Romero, L., Dominguez, I.A., del Mar Espinosa, M., Dominguez, M. Additive Manufacturing Technologies: An Overview about 3D Printing Methods and Future Prospects. *Hindawi Complexity*, 2019, <https://doi.org/10.1155/2019/9656938>.

40. Adams, S. Half Million 3d Printers Sold in 2017 – On Track for 100m Sold in 2030. *3D Printing Industry*, 06.04.2018. Available online: <https://3dprintingindustry.com/news/half-million-3d-printers-sold-2017-track-100m-sold-2030-131642/> (accessed on 09.11.2020).

41. Greenwood, M. 2018 Was a Strong Year for the Global 3D Printer Market. *Engineering.com*, 21.01.2019. Available online: <https://www.engineering.com/AdvancedManufacturing/ArticleID/18279/2018-Was-a-Strong-Year-for-the-Global-3D-Printer-Market.aspx> (accessed on 09.11.2020).

42. Bainbridge, W.S.; Roco, M.S. (Eds.) *Managing Nano-Bio-Infocogno Innovations: Converging Technologies in Society*; National Science Foundation, National Science and Technology Council's Subcommittee on Nanoscale Science, Engineering, and Technology. Springer: Dordrecht, The Netherlands, 2006, DOI 10.1007/1-4020-4107-1.

43. Spohrer, J. NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges. In *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*; Roco, M., Bainbridge, W. Eds.; National Science Foundation: Arlington, Virginia, USA. June 2002, pp. 101-116. Available online: https://iphras.ru/uplfile/Vladimir_Burov/nbic_report.pdf (accessed on 09.11.2020).

44. Of Moonshots and Shuttles. Local Motors. Available online: <https://localmotors.com/meet-olli/> (accessed on 09.11.2020).

45. Tess. Local Motors' self-driving 'Olli' shuttle helped along by Makerbot 3D printers. *3D printer and 3D printing news*, 30.08.2017. Available online: <http://www.3ders.org/articles/20170830-local-motors-self-driving-olli-shuttle-helped-along-by-makerbot-3d-printers.html> (accessed on 09.11.2020).

46. Local Motors Debuts "Olli", the First Self-driving Vehicle to Tap the Power of IBM Watson. *IBM*, 16.06.2016. Available online: <https://www-03.ibm.com/press/us/en/pressrelease/49957.wss> (accessed on 09.11.2020).

47. Tsvetkova, M., Yasseri T., Meyer E.T., J. Pickering B., Engen V., Walland P., Luders M., Følstad A., Bravos G. Understanding Human-Machine Networks: A Cross-Disciplinary Survey. Available online: <https://arxiv.org/pdf/1511.05324v1.pdf> (accessed on 09.11.2020).

48. Galbraith, J.K. *The New Industrial State*. Houghton Mifflin Co.: Boston, USA, 1967.

49. Bodrunov, S.D. New Industrial Production of the Second Generation. In *Materials for the International Seminar on Conceptualising of Economic Development and Cooperation in Eurasia*, Cambridge, 02.05.2016. Scientific Papers of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID). S.Y. Witte INID: St. Petersburg, Russia, 2016.

50. Bodrunov, S.D., Galbraith, J.K. *New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study Guide*; Plekhanov Russian University of Economics: Moscow, Russia, 2017.

51. Richter, F. The Rise of the Sharing Economy. *Statista*, 03.06.2014. Available online: <https://www.statista.com/chart/2323/the-rise-of-the-sharing-economy/> (accessed on 09.11.2020).

52. Number of Car Sharing Users Worldwide from 2006 to 2025. Statista Research Department, August 2016. Available online: <https://www.statista.com/statistics/415636/car-sharing-number-of-users-worldwide/> (accessed on 09.11.2020).

53. Svegander, M. The Carsharing Telematics Market – 3rd Edition. Product Sheet. Berg Insight. M2M Research Series 2019. Available online: <http://www.berginsight.com/ReportPDF/ProductSheet/bi-carsharing3-ps.pdf> (accessed on 09.11.2020).

54. The Carsharing Telematics Market – 2nd Edition. Summary. Berg Insight. M2M Research Series 2018. Available online: <http://www.berginsight.com/ReportPDF/Summary/bi-carsharing2-sum.pdf> (accessed on 09.11.2020).

55. Shaheen, S., Cohen, A., Jaffee, M. Innovative Mobility: Carsharing Outlook 2018. Berkley University of California. Institute of Transportation Studies at UC Berkeley, UC Berkeley Transportation Sustainability Research Center. Available online: <https://escholarship.org/uc/item/49j961wb> (accessed on 09.11.2020).

56. China Sharing Economy Market to Exceed 9 Trln Yuan: Report. *Xinhua*, 11.02.2019. Available online: http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/02/c_138523206.htm (accessed on 09.11.2020).

57. Wallenstein J., Shelat U. Hopping aboard the sharing economy. The Boston Consulting Group, Henderson Institute. 22.08.2017. Available online: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Hopping-Aboard-the-Sharing-Economy-Aug-2017_tcm104-168558.pdf (accessed on 09.11.2020).

58. Bardhi F., Eckhardt, G.M. Access based consumption: The case of car sharing. *Journal of Consumer Research*. 2012, 39 (4), pp. 881-898.

59. Zalasiewicz, J., Williams M., Waters C.N. et al. Scale and diversity of the physical technosphere: A geological perspective. *Antropocene Review*, 2016, 4(1), pp. 9-22, <https://doi.org/10.1177/2053019616677743>.

60. Knight, R. Biodiversity Loss: How Accurate Are the Numbers? *BBC News*, 24.04.2012. Available online: <https://www.bbc.com/news/magazine-17826898> (accessed on 09.11.2020).

61. Locey, K.J., Lennon, J.T. Scaling laws predict global microbial diversity. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United*

States of America. 24.05.2016, 113 (21), pp. 5970-5975. Available online: <https://www.pnas.org/content/113/21/5970> (accessed on 09.11.2020).

62. UN Report: Nature's Dangerous Decline 'Unprecedented'; Species Extinction Rates 'Accelerating'. 06.05.2019. Available online: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report/> (accessed on 09.11.2020).

63. Francis I. "Fratelli Tutti." *The Holy See*, 17.10.2020. Available online: http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html (accessed on 09.11.2020).

64. Francis I. "Laudato Si." *The Holy See*, 24.05.2015. Available online: http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html (accessed on 09.11.2020).

65. Share of Economic Sectors in the Global Gross Domestic Product (GDP) from 2008 to 2018. *Statista*, 29.07.2020. Available online: <https://www.statista.com/statistics/256563/share-of-economic-sectors-in-the-global-gross-domestic-product/#:~:text=This%20statistic%20shows%20the%20share,See%20global%20GDP%20for%20comparison> (accessed on 09.11.2020).

66. Industry (Including Construction), Value Added (% of GDP) 1996 – 2019. World Bank National Accounts Data, and OECD National Accounts Data Files. Available online: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?end=2019&start=1996> (accessed on 09.11.2020).

67. Wallerstein, I. *World-Systems Analysis. Social Theory Today*. Polity Press: Cambridge, UK, 1987.

68. Frank, A.G. *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. Monthly Review Press: New York, USA, 1963.

69. Amin, S. *Capitalism in an Age of Globalization*. Zed Books: London, UK, 1997.

70. Prebisch R. *Capitalismo periférico: Crisis y transformación*. Fondo de Cultura Económica: Mexico City, Mexico, 1981.

71. Aghion, P., Howitt, P. *Endogenous Growth Theory*. MIT Press: Cambridge, MA, USA, 1998.

72. Lucas, R.E. Jr. On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, 22, pp. 3-42.

73. Romer, P.M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, 94, pp. 1002-1037.
74. Romer, P.M. Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 1990, 98, pp. 71-102.
75. Kaldor, N. The case for regional policies. *Scottish Journal of Political Economy*, 1970, XVII, pp. 337-348.
76. Cornwall, J. *Modern Capitalism. Its Growth and Transformation*. St. Martin's Press: New York, USA, 1977.
77. Cornwall, J. Diffusion, convergence and Kaldor's laws. *Economic Journal*, 1976, 86, pp. 307-314.
78. Sultan, M. The Tertiary Sector Is Going to Dominate the World Economy; Should We Worry? MPRA Paper #14681, 2008. Available online: <https://core.ac.uk/download/pdf/213908608.pdf> (accessed on 09.11.2020).
79. Sundararajan, A. *The Sharing Economy. The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2016.
80. Torrent-Sellens, J. Collaborative Behavior and the Sharing Economy: Pan-European Evidence for a New Economic Approach. In *Strategy and Behaviors in the Digital Economy*; Orlando, B., Ed.; IntechOpen: London, UK, 2018.
81. Munger, M.C. Tomorrow 3.0: The Sharing Economy. *The Independent Review*, 2016, 20(3). Available online: http://www.independent.org/pdf/tir/tir_20_03_11_munger.pdf (accessed on 09.11.2020).
82. Measuring Stakeholder Capitalism: Towards Common Metrics and Consistent Reporting of Sustainable Value Creation. 22.09.2020. Available online: <https://www.weforum.org/reports/measuring-stakeholder-capitalism-towards-common-metrics-and-consistent-reporting-of-sustainable-value-creation> (accessed on 09.11.2020).
83. Stiglitz, J. Ia ne vizhu, chto na ekonomiku nadvigaetsia krizis [I Do Not See That the Economy Is Nearing a Crisis]. *Free Economy*, 23.03.2020. Available online: <http://freeconomy.ru/intervyu/dzhozef-stiglits-ya-ne-vizhu-chto-na-ekonomiku-nadvigaetsya-krizis.html> (accessed on 09.11.2020).
84. Schmitt, C. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des jus publicum Europaeum*. Duncker & Humblot: Berlin, Germany, 1950.

Часть 4.

Новое индустриальное общество: перезагрузка (материалы презентаций)

**Стенограмма презентации изданий ИНИР им. С.Ю. Витте
в рамках объединенного Международного конгресса
«СПЭК–ПНО–020» «Генезис ноономики: НТП, диффузия
собственности, социализация общества, солидаризм»
(02-04 декабря 2020 г.). Выжимки.**

Издания ИНИР им. С.Ю. Витте:

– «Ноономика: траектория глобальной трансформации»
(автор С.Д. Бодрунов);

– Новое индустриальное общество: истоки, реальность, будущее. Ноономика. IV том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов.

– На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления / Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, 2020.

Бузгалин Александр Владимирович: Доброе утро! Здравствуйте, уважаемые коллеги! Видите, я даже немножко от волнения споткнулся, когда хотел всех начать приветствовать. Действительно, огромная встреча, именно встреча, хотя мы работаем онлайн. Но, тем не менее, мы очень слышали друг друга на протяжении всех этих двух дней. И сегодняшнего третьего дня, я думаю, мы будем слышать друг друга ничуть не хуже. И даже в чем-то лучше, поскольку еще раз пожали друг другу руки, хотя и мысленно, и виртуально. Конгресс работает, я еще раз подчеркиваю, третий день. Вчера у нас по 15 параллельным каналам шли различного рода семинары и «круглые столы» с участием ученых от Китая до Северной и Южной Америки. Очень интересные дискуссии, к сожалению, не на всех из них удалось побывать. Но там, где удалось включиться, хотелось всех растолкать локтями и сказать: нет, дайте мне сказать, тут так интересно, я хочу поучаствовать любой ценой. Но, однако же, надо было соблюдать дисциплину. Возможно, это мое личное мнение, посмотрим, как и что будет по итогам конгресса.

А сейчас мы открываем очередную сессию нашего пленарного заседания, она посвящена презентации изданий Института нового индустриального развития, который возглавляет Сергей Дмитриевич Бодрунов. И это издание, которое предлагает новую линию в развитии науки, линию, которая звучала, обсуждалась на протяжении первого и второго дня конгресса. Алан Фриман, ученый из Великобритании, сейчас работающий в Канаде, предложил ноономику в качестве альтернативы экономиксу, и во всяком случае одной из альтернатив экономиксу, в качестве парадигмы. С обсуждением всего этого на международной экономической ассоциации, есть такое объединение 13 тысяч экономистов.

В общем, целый ряд очень интересных инициатив, и поэтому, я думаю, сегодня будет правильно начать с презентации нового издания профессора Бодрунова, я не перечисляю уже все титулы Сергея Дмитриевича, посвященного вопросам ноономики. Но это особое издание, и вы сейчас посмотрите небольшой ролик и поймете, почему оно особое, прежде чем мы предоставим слово Сергею Дмитриевичу. Итак, смотрим небольшой видеоматериал.

Представляется видеоролик о книге «Ноономика: траектория глобальной трансформации».

Вот, уважаемые коллеги, мы посмотрели этот ролик, вы видите, эта книга – настольная. Не только для молодежи, но и для профессоров, я рад ее вам представить. И прежде чем предоставить слово Сергею Дмитриевичу Бодрунову, я хотел бы специально подчеркнуть. Если вы хотите разобраться в теории настоящего, как большой ученый, то перед вами должны быть работы Сергея Дмитриевича начиная, даже не знаю с какого года, но как минимум – с книги «Новое индустриальное общество второго поколения». Но если вы хотите получить быстрое и точное представление о концепции, надо читать книгу «Траектория глобальной трансформации». Мы обсудим эту работу немного позже, потому что есть целый шлейф работ, продолжающих эту книгу, а сейчас, я думаю, будет абсолютно правильно, если автор немного расскажет о том, что самое главное в этой работе. Сергей Дмитриевич, пожалуйста, вам слово.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Спасибо большое, Александр Владимирович. Я сейчас, одну секундочку, включу так, чтобы было видно всех. Уважаемые коллеги, могу сказать, что на

самом деле есть некий путь описания той концепции или той теории, которую сегодня мы продолжаем обсуждать на нашем конгрессе. Теорию построения нового общества, теорию формирования, я бы сказал, нового общества. Нельзя говорить слово «построение», потому что здесь нужно усилие прикладывать, многие усилия для того, чтобы пойти по этому пути развития. Но в то же время это один из таких объективных, на мой взгляд, наиболее вероятный все-таки сценарий развития.

Другое дело, что он может не состояться в силу того, что те противоречия, которые мы сегодня наблюдаем, мы можем в этих противоречиях погрязнуть. И можем совершить роковые ошибки, учитывая, что та дорожка (по которой мы идем) цивилизационного развития становится всё более «извините, идем в гору» высокой. Она становится все более и более насыщена разными сциллами и харибдами со всех сторон. Почему? Потому что чем выше мы поднимаемся, тем больше опасностей нас подстерегает, поэтому, безусловно, чтобы подняться более-менее на какой-то нормальный уровень развития, какое-то плато, где мы можем чувствовать себя более комфортно, нам необходимо уберечься от этих вероятных событий, которые могут состояться. Вот, в этом как раз и есть особенность, всей концептуальной платформы. Так вот, я хочу сказать, что эта особенность не могла быть доложена сразу в тех работах, которые были у меня в предыдущие годы. Несколько тернист был путь к разъяснению этой концепции, и он занял у меня на самом деле не, как сказал Александр Владимирович, 14-й или там 15-й год, когда вышли первые книги конкретно по теории нового индустриального общества или ноономики. Он, конечно, гораздо более длинный. Впервые я начал изучать эту проблему, издав свою самую первую книгу, которая была связана с исследованием тенденций, которые состоялись в те времена, примерно 25-30 лет назад в обществе, когда оно становилось информационным, т. е. тогда, когда появились первые идеи, которые сегодня легли в основу сегодняшней концепции. Понимая примерный путь, который предстоит пройти, я последовательно поднимал уровень объяснений, уровень рассуждений, чтобы прийти к сегодняшнему состоянию. И занимался, писал о состоянии различных областей индустрии, объясняя, что индустрия – важное направление в экономике, что это основной хребет экономики. Что это особенность нашей

сегодняшней экономической ситуации, что в действительности мы в то время, когда все были в плену постиндустриализма, я говорил, что мы с необходимостью должны помнить о том, что на самом деле никуда из индустриального общества мы не уходим. Идеи Гелбрейта в то время мне показались очень важными, прагматичными, и реально объясняющими все процессы, которые происходили в то время. И в последующее время. Дальше практика подтверждала, поэтому я шел вперед, объясняя особенности развития тех или иных отраслей, особенно высокотехнологичных отраслей. Работая сам в этих отраслях, я видел подноготную, условно говоря, и снизу, и сверху, и со всех сторон внешнее окружение, рынок и прочее – все то что происходило на практике, что происходило в теоретическом осмыслении и т. д. Поэтому многие мои позиции, которые я разъяснял в своих книгах, они касались проблем практического движения по пути к тому обществу, которое будет. Например, в частности, проблема реиндустриализации экономики, не только российской, перехода к индустриальному обществу следующего поколения, это был 14-й год. И далее – к тем идеям, которые мы сегодня обсуждаем. Что я хочу сказать коротко об этой книге? Эта книга, действительно, как сказал Александр Владимирович, она, в общем-то, не является глубоким, фундаментальным таким исследованием, хотя она объясняет, разъясняет коротко, в тезисах, всего 200 страниц в этой книге. Она коротко разъясняет основные базовые положения того, что сегодня мы, в общем-то, обсуждаем на наших конгрессах.

Почему это необходимо сделать? Потому что я почувствовал некоторую тяжеловесность тех разъяснений, которые сегодня даны в моих предыдущих работах. Они хотя и посвящались продвижению вперед, но, тем не менее, их нужно было читать, наверное, я бы сказал так – сразу, скопом. А это уже большой объем, там около 1000 страниц только текста, которые как-то, так или иначе, разъясняли эту концепцию. И поэтому я счел необходимым хотя бы некоторые базовые точки, реперные точки этой концептуальной платформы, как-то обозначить. Показав при этом, что общее движение у нас – это все-таки некая траектория, поэтому главы, разделы называются шагами. Шаг 1-й, шаг 2-й, шаг 3-й и т. д. На каждом шаге я показывал небольшими тезисами ступени этих шагов. Вот примерно так, как несколько этажей выстраивалась концепция.

Таким образом, получилась такая книжка. Могу сказать, что ее отличие от тех работ, которые я писал ранее, еще и в том, что она, скажем, делает чуть-чуть более акцентированное выделение отдельных позиций. Обращаю на это особое внимание. Почему? Потому что очень часто, когда люди читали мои книги, приходилось мне дискутировать очень много и постоянно на всех мероприятиях, которые мы проводили, семинарах, конгрессах и т. д., лекциях. Задавались вопросы, аналогичного или сходного характера, касающиеся точки кризиса, к которому можем подойти, особенностей перехода к неэкономическому способу, неэкономической рациональности, неэкономическому способу удовлетворения потребностей людей и т. д. Поэтому в какой-то степени я сделал некоторые особые акценты, и сегодня вы это в фильме увидели, в этом маленьком ролике. И я могу сказать, что, конечно, самоцитирование – не самый лучший способ, но, наверное, в презентации книги это допустимо. Я бы хотел обратить внимание на те вещи, которые есть здесь дополнительно: та концепция, та платформа, которые изложены в базовых книгах. Потому что там на этих позициях была остановка короткая, здесь я счел нужным это выделить.

Роль человека в ноономике. Значит, достижения нового технологического уклада впервые могут реально вывести человека за пределы непосредственно материального производства. Впервые, это действительно впервые, мы подошли к такому этапу, когда видим эту тенденцию, уже проявляющуюся очень серьезно в технологических решениях, очень серьезно – в практических шагах и т. д. Это безлюдное производство, это те технологии, которые позволяют делать, создавать продукт лучше, чем это делал бы человек. Это те виды технологических операций, которые могут быть сделаны техникой лучше, чем человеком. И постепенно мы понимаем, что это объективный тренд, постепенно эта технологическая платформа готовит вот этот самый переход к полной передаче искусственному интеллекту. Искусственным технологическим, техническим устройствам от всех функций, в которых человек: не только, как мы писали ранее, рутинно задействован, но и те функции, которые человек уже не может выполнить, имея потребность в таких серьезных, глубоких продвижениях в технологиях, не может выполнить своими руками и вынужден передать это созданному им искусственному интеллекту, который может точнее и лучше это сделать. Например, тонкие опе-

рации в медицине – на сердце, на глазах и т. д. Это тончайшие процессы, которые происходят в ядерных и атомных реакторах, и многие другие позиции. Таким образом, мы видим, что идет определенная подготовка к переходу такого рода безлюдным технологиям, передаваемым в то же время как вторая позиция, которая здесь обозначена и работающая под контролем человека, человеческого разума, а в целом, человеческого социума.

Еще одна позиция – это позиция о том, что не экономика, а ноономика будет впереди как способ удовлетворения потребностей людей. Об этом мы сегодня говорили. Но я хотел обратить внимание еще на один аспект: это будет уже не экономика, здесь я пишу, а ноономика отношений не в рамках производства, осуществляемых человеком непосредственно, а отношение по поводу нового производства, развивающегося без прямого участия человека, но регулируемое, направляемое человеческим разумом. Вот по поводу нового производства отношение – это тот политэкономический взгляд, который на данный момент позволяет нам обсуждать на сегодняшнем конгрессе позиции, связанные с социализацией, с солидаризацией и т. д. Вот на эти вещи, на мой взгляд, тоже стоит обратить внимание.

И я хотел бы еще раз подчеркнуть тот момент, который и в ролике отражен, – это то, что мы подходим к точке, которая в технологии сегодня является очень насыщенной, очень опасной в применении, если использовать ее неправильно. Они дадут много для человека полезного, хорошего, развивающегося во всех отношениях, но если использовать это дело только с умом. Если это делать без хорошего осмысления, хотя бы в добрых намерениях, но без оценки последствий, в том числе негативных последствий, это, возможно, приведет к катастрофическим последствиям.

Вот на это я тоже обратил внимание и в завершение могу сказать, что фраза уже была сказана. Но, тем не менее, я ее еще раз процитирую, что с этой дороги, по которой мы идем, человечество свести за руку нельзя. Человеку предстоит сделать осознанный внутренний выбор – от слова «осознанный», от слова «знание». Осознанный внутренний выбор, сформировав новые критерии рациональности, на основе расширения поля знаний: знаний своей материальной базы, базы своей деятельности, базы своей жизни, своих ценностей и т.д. и созданном человечеством богатстве культуры. Культуры, конечно, в общем понимании. Культуры нашей

жизни, я бы так сказал. Это будет шаг к переходу на ноообщественный этап развития, где разум человека приобретет суверенность по отношению к стихийным, подчиняющим себе человека социально-экономическим процессам, которые происходят в значительной мере сейчас. Завершив краткий свой экскурс, книжку небольшую, я могу сказать, что первые люди, которые почитали, первые специалисты и неспециалисты, я специально давал для анализа людям, которые не знакомы с концепцией, в общем-то, основные вещи, идеи воспринимают достаточно просто и легко. И мне кажется, что как раз Александр Владимирович рекомендует познакомиться с концепцией, если коротко можно это сделать, значит, это можно сделать через эту книгу. Это мой не первый такой опус, это второй опус, первый я делал очень короткий – 28 страниц для конгресса в Китае с переводом его на китайский язык, что вызвало там достаточно большой интерес, скажу откровенно. Было много звонков, приезжали в Петербург люди и т. д. Но эта книга все-таки более расширенная, и здесь уже даны дополнительные всякие позиции, которые в первоначальной версии еще не публиковались. Спасибо.

Бузгалин Александр Владимирович: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич. Я чуть-чуть воспользуюсь своим правом модератора и скажу, специально подчеркну, что у нас идет широкое обсуждение этой книги. У нас это, наверное, везде. Книга вышла, большая книга вышла уже на испанском языке, готовится выход в известном издательстве на английском языке. Я не буду все это перечислять сейчас, фрагменты книги опубликованы на китайском, на многих других языках мира. Это международные дискуссии, у нас сегодня будет именно международная дискуссия в нашем заключительном пленарном заседании. Профессор Бодрунов и профессор Бузгалин спорят друг с другом, вы были свидетелями этого на первом пленарном заседании, я думаю, этот спор еще будет продолжаться. При том, что есть очень много общих позиций, но есть важнейший тренд, тренд развития этих идей в широком спектре публикаций. Вот вслед за этой книгой я хотел бы предоставить вам возможность ознакомиться с коротким роликом об издании, которое существенно раздвигает границы теории ноономики, привлекает многих новых авторов. А затем мы перейдем к обсуждению этих работ, и я приглашу, с одной стороны, Руслана Семеновича Гринберга, с другой стороны – Андрея Ивановича Колганова, моего кол-

легу, марксиста, коммуниста, – для того, чтобы с разных сторон посмотреть на эту теорию, прежде всего, а не просто на книги. Итак, я хочу представить следующую книгу – «Новое индустриальное общество. Истоки, реальность, грядущее. Ноономика». Это четвертый том, это избранные материалы семинаров, публикаций, различных мероприятий Института нового индустриального развития имени Витте по тематике, о которой мы только что с вами говорили. О которой мы сейчас говорим, точнее. Давайте посмотрим небольшой ролик, и затем перейдем к обсуждению теории ноономики, как она представлена в книге Сергея Дмитриевича и в этом сборнике.

Представляется видеоролик о книге «Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика (IV том)».

Бузгалин Александр Владимирович: Да, это я показываю, что у нас уже тишина, поскольку у нас не студия, а всего лишь уютная домашняя обстановка. И можно даже выпить чай из красивой кружки. Поэтому давайте мы именно так и сделаем, чтобы нам было одновременно и содержательно, и уютно, тепло, по-настоящему. Я не случайно говорю об уютности, тепле и спокойствии, потому что сейчас будет идти серьезная полемика и обсуждение этой концепции. Но сначала все-таки несколько слов о том, что мы не случайно сказали о приглашении к диалогу. Это именно приглашение, и именно к диалогу. Постоянный диалог – это главное, за счет чего развивается наука, в том числе теория ноономики. Я рад предоставить слово одному из, наверное, крупнейших специалистов в области экономической теории, научному руководителю Института экономики Российской академии наук, на мой взгляд, это самый главный научный центр нашей страны. Хотя мои коллеги по университету, может быть, с этим поспорят, Руслан Семенович Гринберг, член-корреспондент Российской академии наук. Руслан Семенович, вам слово.

Гринберг Руслан Семенович: Уважаемые дамы и господа, господин председатель! Для меня большая честь участвовать в столь авторитетной конференции. Она всегда проходит очень интересно. Я вот думал о многом, что сказать из того, что уже было показано в ролике самим автором и самим модератором. Поэтому повторяться не буду. Скажу...

Бузгалин Александр Владимирович: Руслан Семенович, если вам это нравится, вы можете это повторить. Я думаю, что в этом ничего страшного.

Гринберг Руслан Семенович: А сколько времени у меня вообще есть?

Бузгалин Александр Владимирович: У вас есть 7-8 минут. И можете ни в чем себе не отказывать. Но вам, может быть, и 10, а Колганову – только 7-8.

Гринберг Руслан Семенович: По благу все у нас.

Бузгалин Александр Владимирович: Ну, естественно, Руслан Семенович.

Гринберг Руслан Семенович: Правильно. Значит, что я хочу сказать. Во-первых, Сергей Дмитриевич Бодрунов – человек особенный. Я вообще считаю, что он удивительный. Мы все время говорим о том, что вот такое время у нас, еще до пандемии, и чтобы точно изучить реальность, нужен междисциплинарный подход. А на самом деле мало кто этим занимается. У нас у каждой науки свой язык, свои любимчики, свои, так сказать, отличники, свои отстающие. Мы как-то ничего не делаем вместе, а вот Сергей Бодрунов, собственно говоря, ни разу не сказал об этом. О том, что это попытка междисциплинарного подхода к изучению реальности, но он это демонстрирует в полной мере. И это очень важная история, потому что все науки вышли у нас из философии, но они должны туда возвратиться. Потому что в противном случае мы имеем фрагментированную, балконизированную реальность: каждый изучает свой кусочек, когда здесь идет так называемый идеальный шторм. Мы все боимся будущего, мы хотим, чтобы что-нибудь произошло, но не дай бог, чтобы что-нибудь случилось, как сказал один мудрый человек. А это очень возможно, и Сергей Бодрунов показывает два выхода. Я вообще балдею от его оптимизма. Он считает, что человечество, вполне возможно, имеет шансы найти правильную дорогу и ограничить эгоистические порывы, и вернуться к тому, чему нас учили. Вернуться к альтруизму, что ли, вернее, к доминированию. Доминирование альтруизма над эгоизмом, хотя он таких слов не говорит. Мы с ним спорим на эту тему, я скажу пару слов о том, о чем мы спорим. Это очень важная вещь. Вот это ободряющее целеполагание, которое лежит в основе его работ, оно уникальное, в общем. И очень нужное для современного общества. Как вы помните,

мы все очень ненавидели идеологию в конце 80-х – начале 90-х, да, никакой идеологии. Свободный рынок, обеспечить уют жизни для всех, а сегодня мы все мечтаем об этом, что как-то не хватает ободряющей какой-то цели, а он как раз эту цель предоставляет. Причем более-менее конкретно, в отличие от разных маниловских проектов, я, правда, тоже ему как-то сказал, что не без маниловщины ваша доктрина, на мой взгляд. Но она, в общем-то, скроена так структурно и системно, что привлекает людей читать ее, эту систему, и надеяться на улучшение нашей жизни.

О чем, собственно, речь идет во всех книгах? Главная мысль, что научно-технический прогресс принял такую сумасшедшую скорость, что мы скоро вообще не понадобится. Люди не нужны будут. Раньше их эксплуатировали, а теперь не нужны – неизвестно, когда было хуже. И конечно, что-то надо с этим делать. Здесь можно много дискутировать на тему безусловного базового дохода, который я очень люблю, несмотря на все критические замечания в мой адрес. По поводу некоторой маниловщины, как они считают. Но я бы хотел закончить вот той вещью, что мне не хватает и что очень важно. Все-таки Сергей Бодрунов наряду со многими очень авторитетными людьми в Америке, в Европе, и в России ставит под вопрос последнее время не только гипертрофию рыночной организации хозяйства, которая привела к различным типам всяких очень жутких проблем: социальные, климатические, геополитические. Но он еще и как-то поясняет, что сама рыночная организация под вопросом. Я знаю, что среди марксистов нахожусь, я тоже бывший марксист, но все-таки такой мягкий, что ли, меньшевик. Поэтому я хочу социал-демократического эволюционного изменения, без всяких диктатур и мобилизационных экономик. Но у меня есть такое, мы уже говорил ему на эту тему, и еще поговорим – эта вот история с неэкономическим удовлетворением потребностей людей. Это для меня загадка, потому что я считаю, что пока мы не знаем другой системы, кроме рыночной, которая создает товары и услуги, но, конечно, мы не должны перепотреблять этот гиперконсюмеризм. Но все-таки мы должны что-то потреблять. И потреблять разнообразные товары и услуги. А какая система обеспечивает, скажем так, большую эффективность и большее разнообразие этих товаров? Безусловно, рыночная. Другое дело, что ее надо ограничивать, это еще Маркс говорил. Если

не регулировать капитализм, он превращается в чудовище, горстка там богатых и море бедных. Вот этот вопрос остается неясным. Потому что с какой стати вдруг начнется у нас преобладание альтруизма над эгоизмом? Я вспоминаю песню: раньше думай о Родине, а потом о себе. И это было в начале моей жизни абсолютной, так сказать, данностью. И мы точно так думали. Потом выяснилось, что это неправильно. Что нужно думать о себе, а Родина как-нибудь сама, или мы все будем думать о себе, и Родине тоже будет хорошо. Оказалось, это тоже неправильно. Короче говоря, вот на тему новой рыночной экономики это очень важно. Когда мы перейдем опять к распределительной экономике? Или перейдем так, как мы ее строили в 30-е годы со зверским перераспределением, с ГУЛАГами и с шарашками. Что, собственно, тоже не исключено. А тем более, что мы живем в такое турбулентное время, когда государство приобретает совершенно объективно, стихийно огромную роль, огромное значение. А если оно не будет контролироваться? профессор Бодрунов, насколько я знаю, никак не затрагивает этот вопрос. А он очень важный. Что делать? С одной стороны, государство превращается в такого очень мощного плеймейкера во всех сферах. Вообще вся экономика сдвинулась сейчас в зону ошибок рынка. А, с другой стороны, если оно не будет как-то контролироваться – это уже гражданское общество и все такое прочее, как бы банально это ни звучало.

В общем, я должен остановиться, потому что время заканчивается, несмотря на то что по благу дали пару минут лишних. Вот, Сергей Бодрунов – человек удивительный в том смысле, что он поднимает вопросы жестко, не боясь их ставить, и одновременно считает, что больше шансов все-таки на то, что они будут решены, наши проблемы замечательные, чем те разрушительные последствия, которые могут быть, если эти проблемы не будут разрешены. Но этот подход такой материалистический, он, вообще-то говоря, очень правильный, с моей точки зрения. Я пересматриваю свои антимарксистские представления, раньше материалистическое понимание истории все-таки, как говорится, даз метер. И это очень важно, что Сергей Бодрунов подхватывает вот эту линию. Спасибо за внимание.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо, Руслан Семенович. Знаете, я вспомнил знаменитое выражение, что вся-

кая новая теория проходит три стадии. Первая стадия – это абсолютная фантазия, ничего похожего быть не может.

Гринберг Руслан Семенович: Да, да, да.

Бузгалин Александр Владимирович: Вторая стадия – в этом что-то есть. И третья стадия – да это уже все и так знают.

Гринберг Руслан Семенович: Вот мы на второй.

Бузгалин Александр Владимирович: Что мы где-то находимся на продвижении второй – третьей стадии.

Гринберг Руслан Семенович: На второй, да.

Бузгалин Александр Владимирович: Значит, вас ожидает ситуация, когда: «Ноономика? Да это общеизвестный тезис, да что вы, в самом деле?». Хорошо, я думаю, что здесь есть о чем, действительно, поспорить. Руслан Семенович достаточно жестко высказался в адрес, но, скорее, правда, не профессора Бодрунова, а, скорее, в адрес ортодоксальных марксистов, которые хотят революции, диктатуры пролетариата и т. д.

Гринберг Руслан Семенович: Нет, нет, не диктатуры пролетариата, хотят отмены рынка. Чтобы не было скороспелой отмены рыночных отношений.

Бузгалин Александр Владимирович: Да. Но это, скорей, не в адрес Бодрунова, а в адрес некоторых марксистов. Не будем тыкать пальцем, в кого именно. Я рад предоставить слово Андрею Ивановичу Колганову, доктору экономических наук, профессору, заведующему лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ. Ну, это, видимо, будет с другого фланга уже критик, скорее всего. И поддержка с другой стороны теории ноономики и идей, которые представлены и в книгах Бодрунова. И в том сборнике, о котором мы только что говорили, о котором вы видели ролик. Андрей Иванович, пожалуйста.

Колганов Андрей Иванович: Ну, что касается непосредственно того сборника, о котором идет речь, четвертого тома, то меня он привлекает, в первую очередь тем, что он дает очень такую широкую палитру проблематики, которую нельзя было бы уместить, скажем так, в одну монографию. Те проблемы, которые обозначены, поставлены и развернуты частично в основном труде профессора Бодрунова, посвященном ноономике, в этом сборнике. Они получают продолжение в самых разных направлениях. И с точки зрения фундаментальных теоретических вопросов, методо-

логических вопросов, и с точки зрения такого мир-экономического контекста проблем ноономики. С точки зрения этапов движения к ноономике через новое индустриальное общество второго поколения, через реиндустриализацию экономики. И, наконец, там очень широко представлена проблематика, связанная с тем, как Россия может вписаться в этот стратегический путь, в этот стратегический тренд, ведущий нас через реиндустриализацию к новому индустриальному обществу второго поколения и затем к ноономике. Вот такая объемная картина, она, конечно, очень хорошо дополняет, аргументирует, развивает то, что заложено в основном теоретическом труде. И в этом я вижу основное достоинство этого издания.

Что касается самих идей, которые в нем заложены, то, отталкиваясь от того, что сказал Руслан Семенович, мне кажется, что основная заслуга профессора Бодрунова заключается в том, что он формулирует переход к неэкономическому способу производства хозяйственных благ не так, как его пытаются сформулировать те, кто совершал попытки создания нового, справедливого общества, в том числе в нашей стране.

Я думаю, что основная ошибка, или, точнее будет сказать, – основная драма большевиков – заключалась в том, что они пытались изъять рыночную экономику из того способа производства, который им достался. Профессор Бодрунов ставит задачу совершенно иначе. Он не ставит задачу прекратить рыночные отношения в той экономической реальности, в которой мы находимся. Нет, он считает, что эти рыночные отношения сами себя будут изживать по мере перехода к новым технологическим уровням развития. Только на этих новых технологических уровнях становится возможным замена рыночных, экономических критериев хозяйственной деятельности человека неэкономическими. И мы, действительно, убедились в том, что рынок, в принципе, лучше реагирует на потребности людей, чем какая-нибудь там командно-административная экономика, распределительная экономика. Или как ее еще можно называть?

Но при этом рынок одновременно по своим фундаментальным характеристикам способен к раздуванию этих потребностей. Он навязывает людям излишние потребности, иллюзорные потребности. И это тоже его фундаментальное свойство. Так вот, когда мы переходим на новый уровень не только с точки зрения ма-

териальных средств технологических, которыми мы располагаем, но и с точки зрения развития самого человека, главного элемента нового технологического базиса, когда мы позволяем человеку развиваться, когда даем ему возможность развивать его творческие функции, для этого человека уже становится возможным формирование таких отношений, когда он действительно может развивать свои потребности с точки зрения критериев разума и культуры. Это другой человек, созданный другим технологическим базисом. С другим содержанием труда, для него и мотивы деятельности другие. Вот тогда и становится возможным неэкономический способ удовлетворения потребностей, без рыночных экономических критериев хозяйства, не ранее того. Поэтому здесь возникает возможность более такого плавного эволюционного перехода. Единственное, что меня смущает в такой постановке вопроса: а получим ли мы возможность такого эволюционного перехода? Ведь существующий способ и существующие производственные отношения очень тесно связаны с интересами достаточно широкого социального слоя. И назревший переход к другим критериям деятельности, к другим мотивам, к другим отношениям будет вступать в конфликт с этими интересами. Можно ли будет обеспечить плавный эволюционный бесконфликтный переход к новой системе отношений, к новому способу хозяйственной деятельности вот при таких условиях? Дадут ли нам такую возможность? У меня есть сомнения на этот счет, поэтому я думаю, что столкновение интересов неизбежно, конфликт интересов неизбежен, и при этом я не исключаю того, что этот конфликт можно будет урегулировать не такими методами, какими действовала, скажем, французская буржуазная революция или российская революция. Я допускаю, что методы урегулирования этого конфликта могут быть гораздо более мягкими, чем то, что мы видели в истории ранее и это было бы очень желательно, потому что тот новый технологический базис, который сейчас формируется на наших глазах и который уже сформирован, несет в себе такие колоссальные технологические риски, в том числе риск полного уничтожения человечества, что прибегать к радикальным методам разрешения конфликтов в таких условиях может быть равно самоубийству. Поэтому, мне кажется, искать пути разрешения неизбежных, к сожалению, конфликтов на пути к новым стадиям развития, к новому

индустриальному обществу второго поколения и к ноономике, к неэкономической системе надо будет, как бы это сказать, имея в голове очень хорошо разработанную стратегию такого перехода, которая бы позволила увидеть все эти острые углы, буераки, овраги и тупики и найти какие-то способы, которые позволили их миновать с наименьшими потерями для человечества. Спасибо.

Бузгалин Александр Владимирович: Спасибо Андрей Иванович, Уважаемые коллеги, мы выслушали два взгляда на проблему со стороны сторонников социального рыночного хозяйства: Руслана Семеновича Гринберга, ведущего теоретика этого направления в нашей стране. С другой стороны – очень мягкая, но все-таки большевистская реакция на эту позицию Андрея Ивановича Колганова. Не могу не поддержать своего друга. Потом Сергей Дмитриевич вступит в бой и покажет и Гринбергу, и Колганову с Бузгалиным за компанию, но все-таки подчеркну, что во многих случаях левая альтернатива приходила именно мирным демократическим путем. На парламентских выборах побеждали левые силы в Испании в 36 году, на президентских выборах мирным путем пришел к власти Альенде в Чили, в 71 году, если я не ошибаюсь. Вот, Андрей Иванович там что-то меня поправляет.

Колганов Андрей Иванович: Альенде пришел в 70 году.

Бузгалин Александр Владимирович: В 70-м, да, вот, Андрей Иванович у нас универсальный эрудит, а я могу на год ошибиться, видите как, коллеги. А потом были фашистские перевороты, поэтому, действительно, проблема есть, но мне кажется главная проблема все-таки не в этом сейчас и не в политике, а в теоретической концепции и в анализе процессов изменений в общественном материальном производстве и качества человека. Сергей Дмитриевич, я думаю, вы сейчас, во-первых, ответите на дискуссию, на возражения, соображения, которые нас всех очень волнуют. Итак, Сергей Дмитриевич Бодрунов, дискуссия продолжается.

Бодрунов Сергей Дмитриевич: Да, спасибо большое, Александр Владимирович, буквально несколько замечаний по выступлениям коллег. Ну, первое, Руслан Семенович, Андрей Иванович, многие коллеги, которые также писали, в чате есть там замечания, я всем благодарен за то, что ставите эти вопросы, это очень важные на самом деле вопросы и они, собственно говоря, и вызвали к жизни саму по себе эту самую концепцию, да? Это, конечно,

дорогого стоит – такая дискуссия, наверное, войдет в очередную книгу истоков нового индустриального общества следующего поколения ноономики. Но что я хотел бы сказать в ответ? Значит, прошу прощения, если прозвучит несколько жестковато или как-то еще, но, как говорится, Платон мне друг, а истина, которую я себе по-своему представляю, мне кажется все-таки дороже. Значит, первое. Я задам встречный вопрос Руслану Семеновичу: а не маниловщина ли надеется, что нынешнее противоречие исчезнет при сохранении того способа удовлетворения потребности, которое сегодня есть в экономическом способе, рынке и т. д. и т. п., как бы его ни пытались микшировать, смещать, изменять, видоизменять и т. д. и т. п. Если эта история будет сохраняться, значит, никакого результата не будет, вот здесь я в конце завершу, почему я в это не верю. Я полагаю, что это как раз большее, большая фантазия, чем то, та фантазия, которую открывает теория, которую мы обсуждаем. Значит, что касается рынка? Вот, Андрей Иванович уже частично сказал об этом, и я себе пометил, когда слушал Руслана Семеновича: да, рынок не исчезнет в один момент, и мы не заменим его как в советское время, вот, жила советская власть, давайте мы сделаем плановую систему вместо рынка. Это была, как оказалось, маниловщина, и на самом деле, да, мы действительно должны думать о том, чтобы этот этап шел, наступал естественным путем. Мы можем какие-то вещи внедрять, ускоряя так или иначе движение по одному из векторов, которые мы обсуждали в базовом докладе сегодняшнего конгресса, тогда мы можем действительно поддерживать, допустим, некие элементы плана, поднимать эти элементы наверх, значит, пытаться осмыслить нашу траекторию на ближайшие годы, на 10, 15, 20 лет, понимая, что же ждет нас впереди. Вот об этом мы пытаемся синхронизировать эту ситуацию в целом, в общественном сознании, в этом понимании. Значит, и поэтому рынок уйдет, НИО.2 он еще будет, безусловно. Он уйдет тогда, когда уйдет экономический способ производства, экономический способ распределения, экономический способ удовлетворения потребностей людей, я бы сказал так. Вот, с экономическим отношением, изменением, исчезновением экономических отношений исчезнет. И тогда распределение будет идти другим путем, это описано, да, в самой теоретической концепции, о которой рассуждаем. Но я могу сказать, что слово прозвучало такое, правильное

слово, скороспелость. Не должно быть скороспелых здесь решений, еще раз подчеркну. Эти решения объективно должны пройти некий путь, этот путь чреват разными отклонениями, проблемами и т. д. Но, для того чтобы выбирать правильную траекторию, нужно думать о том, куда мы идем, как мы идем, каким способом и т. д. Я в своем докладе остановлюсь на этом специально сейчас, не стал говорить об одной позиции, чтобы не усложнять доклад, но думаю, что сегодня об этом стоит сказать. Вот те четыре позиции, которые мы обсуждали в процессе исследования генезиса ноономики, эти четыре позиции, условно говоря, сравнил с квадригой Аполлона, то есть четырьмя лошадьми, которые везут повозки цивилизации вперед, дорогой муз, условно говоря. Представим себе, что эта четверка едет так, как каждому коню вздумается, один поедет вправо, другой влево, дальше – один с одной скоростью, а другой – с другой именно поэтому их нужно упрячь. Говорят, в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань, известное выражение, вот в эту телегу мы пытаемся это впрячь, объясняя, что если мы не будем синхронизировать эти процессы, не будем развивать позиции социализации, отдавая все на откуп сегодня уже показавшему своё очень сложное отношение к людям рынку, мы будем отставать и в общественном прогрессе, мы не будем развиваться в правильном направлении, на это тоже нужно обратить внимание. Руслан Семенович сказал, что мы не знаем другой системы, как можно контролировать потребности людей, действительно не знаем, мы не знаем другой системы, мы знали советскую систему, мы знали рыночную систему. Я не сторонник того и другого в абсолюте, да, но я понимаю, что в каждой ситуации есть свои плюсы и свои минусы и я могу сказать, что вообще-то не знаем, но мы сегодня работаем над тем, чтобы узнать, какова будет эта система, какой её можно сконструировать и построить. Почему она может состояться? Не говорю, что обязательно состоится, ведь правильно, Руслан Семенович, я согласен, что всякое может быть в наших сегодняшних ситуациях, я об этом говорил, что мы идем на остром острие, на гребне сегодня идем, по цивилизационной дороге. Но мы можем её пройти, эту дорогу, пройти, если мы узнаем, что можно получить и почему это можно получить и насколько это объективно. И Руслан Семенович задает вопрос, с какой стати это может произойти? Я отвечаю на этот вопрос изначально, в самой

концепции. Я считаю, что все, что мы делаем, должно быть основано на знании технологий, на знании процессов, на знании способа удовлетворения потребностей, на знании, каким образом устроено общество, на осознании опасности и проблем, осознание – от слова знание. В русском это один и тот же корень имеет. Если мы осознаем эти проблемы, то тогда мы, можем направить свои усилия на то, чтобы эти проблемы решать. Вот если мы их не осознаем, осознание отличия от чистого знания в том, что мы принимаем это знание внутрь как некое руководство к действию. Вот, реально, мы видим пожар, мы узнали, что это пожар, но мы осознаем опасность этого пожара для себя и мы ищем выход, дверь, не знаю, средства спасения какие-то и прочие другие вещи, причем если мы заранее к этому готовимся и понимаем впереди эту опасность, мы можем заранее приготовить соответствующие средства спасения или средства перехода в другую дверь, где нет пожара или как можно не допустить этот пожар. Это мы должны узнать и осознать, направить на наши усилия, именно поэтому концепция нового индустриального общества ноономики предполагает, что на сегодняшнем этапе мы должны, осознав путь движения вперед, строить нашу российскую, мировую экономику таким образом, чтобы с одной стороны социализировать отношения людей, убирать конфликтные ситуации между интересами, согласовывать интересы, убирать конфликтную ситуацию между разными аторами: государствами, корпорациями, компаниями, людьми и частными личными интересами и т. д. Солидаризм должен быть в этом плане, базовой концепции идеологии, что мы можем только совместно, коллективно, общим усилием, созданием, осознанием и принятием интересов друг друга найти бесконфликтный способ разрешения такого возникающего противоречия, которое постоянно возникает. В то же время мы должны заниматься социализацией общества, чтобы люди больше понимали и принимали ситуацию, которая сегодня может дать такое развитие, направили свои усилия на развитие технологий, не на сдерживание, а на развитие технологий, но тех, которые будут работать на эти направления, и вот тогда мы действительно имеем возможность преодолеть эту ситуацию. И наконец, последнее замечание Руслана Семеновича: да, он сказал, что в советское время была идеология – раньше думай о Родине, а потом о себе, и это было, так сказать, как бы неправиль-

ным. Нет, Руслан Семенович, это было правильно, на мой взгляд, и Родина здесь для нас – это человечество, Родина – это наша общая Родина, наша земля, наша цивилизация. Если мы будем думать об этом, а не о себе, только лишь о себе, то мы тогда будем жить в такой цивилизации комфортнее, лучше, удобнее и нам, и нашим детям, и нашему будущему. Но я с вами солидарен в том, что рыночный фундаментализм вообще страшное зло, которое сегодня активно и которое необходимо преодолевать всеми общими усилиями. Еще одно замечание по поводу государства. Я думаю, что ваше замечание о том, что непонятно, как будет работать государство, вы просто пропустили мимо, наверное, не просмотрели одну из моих статей. Я писал статью такую, знаете, я бы сказал, провокативного названия, "Государство и революция", она опубликована, в ней некоторые представления, крохи такие небольшие, о роли государства к движению к нооэкономике, значит, я кое-что обозначил. Если коротко сказать, то да, государство, у меня были и раньше статьи по этому поводу, должно на разных этапах разные вещи демонстрировать. Оно развивается как институт, так же, как и развивается общество. Бывают моменты, когда общество требует консолидации и усилия государства, смотря какие это вещи. Бывает консолидация – одних необходимых направлений, бывает – других. В данном случае сейчас роль государства в консолидации должна быть усилена на этих направлениях, которые мы сегодня обсуждаем на поддержке тех явлений в экономике, которые позволяют социализировать общество, на поддержке социализированного представления о нашей действительности, воспитания соответствующих поколений людей и прочее, прочее. Государство должно усилить сегодня роль в развитии новых технологий по тем направлениям, которые необходимы для этого движения, государство должно демонстрировать и развивать солидарность в слоях общества, в стратах общества, чтобы мы шли по этому пути. Сегодня это роль государства, в этом роль государства как единственного института, который может взять на себя координирующую роль, которую может закрепить эти позиции и в институтах и в нормах закона, на требованиях и прочих вещах. Но если мы говорим о государстве в будущем, когда-то потом, когда будет новое состояние общества, роль будет государства в этих вопросах снижаться, она будет повышаться в других местах, может это будет не государст-

во, а некий другой способ самоуправлением общества, да? Значит, и называть его государством или негосударством, может быть, и язык не повернется. Поэтому вот это – по крайней мере ближайшая перспектива государства обозначена в этих работах. Спасибо, Руслан Семенович, и теперь два слова о выступлении Андрея Ивановича Колганова. Я согласен с ним, что его видение этой книги об истоках, – это некая попытка расширения того, что сказано в базовых книжках. Действительно, мы не побоялись выносить на общий обзор нашу внутреннюю кухню разработки этой теории и т. д. Почему? Потому что, во-первых, многие вещи действительно не умещаются ни в какую монографию, но объясняю позицию монографии, а многие другие вещи являются неким таким междисциплинарным – Руслан Семенович абсолютно правильно сказал, подспорьем, поясняющим те или иные вещи, потому что мы касались тем обсуждения и вопросов истории и социологии, и цивилизационного развития, физики, математики и многих других вещей, которые так или иначе поясняют какие-то мысли, которые коротко и сжато изложены в концептуальных книгах. Значит, я думаю, что Андрей Иванович дал ответ на вопрос Руслана Семеновича, как будет изменяться рынок, не буду комментировать. Скажу только одно слово: рынок лучше реагирует на потребности, согласен с этим, на данном этапе, действительно и симулятивные потребности развивает, но потребности действительно меняются, не только возникают симулятивные потребности, но и потребности людей в творчестве, в знании, в осознании самих себя и т. д. Другие знания и другие потребности, эти потребности также будут влиять, все под влиянием знаний, меняться будут потребности в сторону развития человека, потребности в своем саморазвитии и эти потребности вызовут другие решения и другое отношение и к рынку, и к способу удовлетворения потребностей самих по себе. Значит правомерны сомнения Андрея Ивановича по поводу того: а получим ли мы возможность такого перехода? Да, получим, я бы ответил. Конфликты, конечно, я не соглашусь, они не неизбежны, они неизбежны, их можно избежать, хотя бы реально, хотя бы почему можно избежать? Потому что, почему? Потому что мы осознаем истинные мотивы, рано или поздно мы их осознаем. Сам же Андрей Иванович отвечает на этот вопрос, именно для этого нужно движение по вектору социализации. Значит, это осознание дает

другие методы, это подтверждает и история капитализма. Например, мы знаем, что капитализм менялся в сторону более социального устройства, распределения общественного обустройства и т. д. Были такие эпизоды, были такие моменты. Да, конечно, он сегодня движется и по другому вектору тоже, да, но нельзя сказать, что он движется беспроблемно и без сопротивления общества. Мы видим это сопротивление на каждом шагу, во всем мире и в разных формах и мы понимаем, что это действительно может быть. Так что да и сам Александр Владимирович Бугалин это подтвердил в своем комментарии. Поэтому я еще раз хочу сказать, что я в это верю, я понимаю, верю в то, что есть такая возможность двигаться этим путем, я пытаюсь объяснить, почему это и как это возможно, возможно, что попытки мои может быть не совсем удачные, но я пригласил коллег к тому, чтобы развивать эти идеи, вещи, если вы сочтете, что такое движение на самом деле возможно и имеет место, в объективной реальности. Спасибо большое, и я перехожу к следующему...

Бугалин Александр Владимирович: Нет, Сергей Дмитриевич, одну секунду. Я хочу все-таки позволить одну маленькую реплику на правах модератора. Я не буду ни в коем случае комментировать ничего, но я хотел просто обратить внимание, уважаемые участники конгресса, вот, сейчас на ваших глазах рождалась новая книга Бодрунова. Так что вы свидетели вот этого процесса и будем ждать, что через год это превратится в текст.

Часть 5.

**НИО.2: что дальше?
(материалы коллоквиумов
ИНИР им. С.Ю. Витте)**

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Противоречия цивилизационного развития. Особенности
текущего этапа». Стенограмма
(04.04.2020 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор;

А.А. Золотарев – исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте, советник Президента Вольного экономического общества России, к.э.н.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Первый вопрос, который я хотел бы поставить, является продолжением ключевых выводов Ваших, Сергей Дмитриевич, размышлений в книге «Ноономика», в видеоматериалах, которые Вы представляете, в статьях – это вывод о том, что человечество стоит на перепутье, что появилась развилка и что существует угроза глобальной катастрофы, которая может изменить все наше понимание экономики, соотношения экономики и общества, ценности человека и так далее. Я практически цитирую то, что сформулировано в Вашей книге. Это было сказано за несколько лет до разразившейся нынешней пандемии и развито в книге, которая вышла в 2018 году, то есть за год с небольшим до возникновения всех тех проблем, которые сегодня на нас свалились. Кстати, этот разговор идет как раз в разгар пандемии. Сергей Дмитриевич, может быть, первый вопрос давайте мы чуть-чуть подробнее раскроем – как именно формулируется этот вывод, почему развилка все-таки появилась, откуда она взялась?

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Если говорить о сегодняшней ситуации, она в общем-то достаточно хорошо и четко ложится в те самые (я не применю слово такое, не буду говорить: «некое предвидение ситуации») рассуждения и размышления, которые вытекают из представления о развитии, трансформации общества по пути к ноономике и к ноообществу.

Что я имею в виду? Я имею в виду, что всякое новое состояние общества – оно, по моему представлению, всякий раз вытекало из изменения материальных условий существования людей. Изменения материальных условий – в том числе за счет того, что человек все большее количество знаний применял для того, чтобы добывать себе хлеб насущный и удовлетворять свои потребности, которые также росли.

Соответственно, в какой-то момент, когда объем этих знаний, имплементированных в материальное производство, в частности, сиречь – в технологии, навыки трудовые и в организацию материального производства, и во многие другие параметры производства, которые вели, ложились в основу наступавшего индустриального взрыва в будущем, развития индустриального способа для производства, эти изменения привели в какой-то момент к накоплению таких качественных изменений во всех этих компонентах, что в целом это становилось предвестником перехода к новому состоянию материального производства, которое не могло не отразиться на состоянии общества. Соответственно, состояние общества тоже становилось иным. Я могу сказать, что я не исследовал специальным образом исторические закономерности, сопоставляя периоды переходов, изменения факторов общественного сознания или общественного устройства, с одной стороны, и изменения типов производства (впрямую) – с другой; не накладывал их на историческую канву, то есть на войны, усиления конфликтов и так далее. Это – связанные вещи, я полагаю, и я просто четко понимаю, что такие параллели можно взять и найти. Другое дело, что они будут подбросаны «по времени», и не всегда будут абсолютно соответствовать переходам к новым формациям, если говорить марксистским термином, и они не очень-то строго разделены во времени – типа того, что вот в таком-то году произошла такая-то социальная революция, потому что в это же время произошла промышленная революция. Но в то

же время, конечно, если мы внимательно и тщательно все это проанализируем, мы будем видеть, что всякий «переход» такого рода в материальном производстве вызывал конфликт – и не только между старым и новым производством, а – и социальный. Или резкое усиление противоречий, как минимум. Почему? Почему так отражался на общественном устройстве конфликт, который зарождался в сфере материального производства?

Кстати, подтверждений в истории масса. Вспомним, к примеру говоря, «взаимоотношения» машинного производства и ручного ремесла в Англии, породившее движение луддитов, в частности, а в более общем плане – новый, более развитый буржуазный социальный строй.

Можно сказать, что конфликт происходит на переходах всегда, старое всегда конфликтует с новым, новое рождается в конфликте со старым, и это очень важный момент.

Как это отражается на общественных отношениях, как это отражается на историческом процессе? Здесь – то же самое. Это отражается путем, знаете, проблем отцов и детей, если говорить на уровне поколений или на уровне ячеек общества, семей и прочее; это – конфликт классов, или страт общества, если в общественных отношениях рассмотреть; это – конфликт технологий, замена одних другими, это – множественные иные конфликты, которые собой, знаете, «окаймляют» такой перелом, переход. Потом, после бурного этапа перехода, разрешенный конфликт позволяет перевести развитие в более плавную фазу, становится все более-менее спокойно, «устаканивается», успокаивается, когда возникает и новый уклад, и новая жизнь социально-экономической системы. Технологический уклад радикально влияет, т.о., и на формирование общественного уклада, поэтому, когда «уложилось» все (от слова «лад», укладывать, уложить, складывать, уложение делать некое!), тогда устанавливается более-менее спокойный, менее турбулентный, менее пассионарный период развития.

Но накопление изменений, очередное их накопление, приводит к очередному переходу в новое состояние любую систему, и общественно-экономическую систему – в частности. И цивилизационная система становится «шире». Это порождает дальнейшие новые конфликты. При этом нужно четко понимать, что средства, которыми

конфликты разрешаются или ведутся, – эти средства зависят также от материального состояния общества и от сознания людей.

И вот здесь – важный момент. Если сознание «не догоняет», что называется, а материальные условия по своим возможностям возрастают, то конфликты становятся все более жесткими и кровопролитными. Это очень важно понять – чем более «продвинут» человек технологически, тем больше у него знаний, которые можно применить для разрушения в процессе конфликта. Это и есть та особенность нынешнего исторического момента – текущее состояние уровня технологий сегодня, в отличие от прошлых этапов развития, в случае нерационального разрешения конфликтов чревато глобальной катастрофой.

Почему? Потому что сегодняшняя ситуация – это переход к новому, шестому технологическому укладу. Эта ситуация, конечно, чревата конфликтом технологий, и она уже проявляется: старые технологии не выдерживают конкуренции, они уходят, но они уходят с войной, с борьбой и так далее, с банкротством предприятий, со многими другими материальными и экономическими конфликтами. Дальше, однако, мы видим проявления «конфликта осознания» перехода к новой реальности у людей; мы наблюдаем конфликт в сфере общественных отношений, в частности, идет пересмотр принципов этих отношений, ценностных параметров и т. п. – смотрите, например, изменения в отношении к собственности, к институтам и так далее, и это тоже происходит не без конфликта; более того, видится уже назревающий глобальный конфликт между тем строем, который порожден был экономическим обществом, дошедшим до состояния современного, я бы сказал глобального, развитого капитализма (можно так, наверное, назвать его), с тем обществом, которое будет формироваться далее, которое еще в зародыше и начинает формироваться на волне использования достижений нового технологического уклада. Мы называем его новым индустриальным обществом второго поколения, развитие которого предполагает последующий переход в ноостадии. Но старый мир, как говорится, не собирается сдаваться, он собирается воевать, бороться за себя – так же, как и во все века во всем историческом процессе.

Но он пользуется, однако, тем инструментарием, который уже наработан технологическим прогрессом – соответственно,

инструментарий у него уже более мощный, существенно более мощный, это инструментарий нового техуклада. Это – инструменты, связанные с различными направлениями технологического развития – от владения сверхмощными энергетическими ресурсами, ядерным оружием, в частности, процессами микромира и прочими, до химических, биологических, генетических и каких угодно других технологий. Это – информационные технологии, это – технологии виртуального мира, это многие другие технологии, финансовые технологии, которые могут свергнуть противника, что называется, наземь. Соответственно, эта борьба может привести уже сегодня в этой ситуации к катастрофическим последствиям, потому что уровень этих технологий таков, что можно снести все живое – именно всё, я имею в виду, что может уничтожить и самих инициаторов этого процесса.

Эта нынешняя ситуация с коронавирусом, возможно, тоже из этого ряда – мы не знаем, каким образом этот коронавирус возник, пока твердых каких-то установок нет. Есть разные версии, откуда он возник, но и не исключена версия, что он возник в порядке технологического развития – либо как спецоружие, либо как вырвавшийся из-под контроля конструкт, либо как некая мутация, не отслеженная своевременно учеными. Ведь работают в этом направлении научные лаборатории по всему миру. Так или иначе – все сводится к экспериментам с генами, с мутацией, с вирусом и многими другими вещами. Если это так, то мы видим, что тут может быть два варианта: умышленное использование или неумышленное использование ситуации, но и то и другое приводит к одинаково катастрофическому результату. На сегодняшний день, для того чтобы не допустить этого, необходимо соответствующее развитие критериальной базы, базы знаний и установок для рационального поведения людей, элементов «ноповедения» – то, чего не хватает, то, в чем мы, люди, человечество, сегодня отстаем.

Здесь как раз и складывается основа грядущего конфликта, потому что мы не готовы к разрешению противоречия на бесконфликтной основе, мировое глобальное общество в целом не готово осознать угрозу и приступить к рациональному разрешению конфликта – несмотря на то, что иное невозможно, поскольку, как я сказал выше, с учетом сегодняшних возможностей это

глобально катастрофично. И эта неготовность видна на сегодняшний момент хотя бы по тому, как мы, мир в целом, воспринимаем, к примеру, текущую ситуацию. Наша страна, условно говоря, призывает всех объединиться в борьбе с коронавирусом, снять санкции и искусственные риски, создать «зеленые коридоры» хотя бы по тем направлениям, которые помогут в борьбе с этой эпидемией. В то же время, условно говоря, в Соединенных Штатах, в других некоторых странах, в Европе считают, что никаких санкций снимать не надо, там, наоборот, полагают, что необходимо мощно защищаться от нового, от других «влияний», т. е. фактически усиливать негативные стороны, те, которые сегодня используются. Они на этой волне рассчитывают получить дополнительные преимущества для сохранения своего статуса, для сохранения своего пути развития и так далее.

Так что – эта ситуация прямо говорит о чем? О том, что некоего понимания продвижения в общественном сознании ноупринципов пока мы не видим в той мере, в какой бы это было необходимо для рационального разрешения возникающих напряжений. Отсюда – следствие: мы рискуем очень многим, мы рискуем либо использовать в неразумных целях наши возможности в той же вирусологии, условно говоря, либо мы не можем объединить усилия для того, чтобы побороть вырывающийся из человеческих рук результат той же вирусологии. Собственно говоря, почему конфликт, откуда его корни и почему мы должны уделить особое внимание этой культурологической, воспитательной стороне процесса, этим знаниям? Необходимо осознать этот уровень, это сегодня очень большая проблема, она, собственно, и является основой того конфликта, который есть, и фактически этот конфликт нужно перевести на язык конфликта между стремительно развивающимся знанием, врывающимся в нашу жизнь через технологии, стремительно развивающимся технологическим миром – и недостатком в освоении (глобальном освоении и глобальном применении!) знаний человеком в сфере общекультурных и общечеловеческих ценностей.

АВБ. Этот очень важный аспект именно сейчас Вы сформулировали в конце фразы: этот конфликт между стремительным развитием технологий и мира знаний, с одной стороны, и недос-

татком культуры и ценностей, адекватных для того, чтобы дать солидарный ответ на эти вызовы, – с другой стороны.

СДБ. Знаете, это было всегда. Но чем отличается нынешний момент от вчерашних моментов? Тем, именно тем, еще раз подчеркну, что в нынешний момент возможности технологические во многом многократно больше, чем человек себе сейчас может, условно говоря, позволить при своем нынешнем уровне культуры. Это и есть риск нерационального разрешения нынешнего конфликта, то есть этот риск гораздо больше, чем когда бы то ни было. Почему я называю это возможностью катастрофического развития событий? Потому что если раньше глобального катастрофического развития событий, вообще говоря, нельзя было ожидать – да, были войны, были крупные войны, были глобальные крупные конфликты мировые, XX век прошел в мировых войнах фактически, то мировая война Первая, то Вторая, то холодная война, торговые мировые войны, сейчас продолжается мировая информационная война, гибридная война фактически и так далее, – эти войны, они сопровождали конфликты интересов, это внешняя сторона этих конфликтов, и они сопровождали всю человеческую историю, но они не могли привести к глобальной гибели человечества до момента, пока люди не получили в руки огромное количество, огромное накопленное количество, в частности, ядерного оружия и каких-то других технологий, которые уже позволили человеку быть способным уничтожить самого себя.

С этого момента, когда мы это получили в руки, риски стали глобальными; а сейчас эти технологические возможности еще более и более усиливаются, потому что к этой ситуации добавляются информационные технологии, к этой ситуации добавляются и риски различные информационные, добавляется искусственный интеллект и риски соответствующие, добавляются когнитивные технологии, добавляются космические технологии, глобального контроля, транслирования объектов сверхскоростного, гиперзвук и так далее. Все эти вещи усиливают возможность воздействия человека на состояние общества, природы, на самого себя, на себе подобных таким образом, что можно не удерживать в руках эту технологию или применение ее рациональное – и получить проблему. Если, допустим, условно говоря, представить себе, что некая страна, назовем ее страна Ю, избрела коронавирус, запустила в стра-

ну, условно назовем ее К, и полагает, что экономика страны К будет разрушена, и в результате страна Ю получит некие глобальные преимущества, сохранит свое лидерство так называемое и так далее, то мы сегодня видим, что та же самая страна Ю получила отдачу, как выстрелившее ружье ударило хозяина. И сегодня уже страна Ю становится лидером по коронавирусу, и так далее. Я не называю конкретных стран, я просто привожу пример.

Представим себе, что, если, к примеру, на самом деле нечто подобное сотворила эта страна Ю, то это – как предупреждение всем, кто на сегодняшний день готов к такому конфликту, что конфликт может закончиться общим взаимоуничтожением или огромной проблемой для всех, отбрасыванием исторического развития на далекие-далекие годы назад. Так что это и есть то самое, о чем мы говорим, когда рассматриваем в концепции ноономики возможности глобального конфликта.

АВБ. Да, это очень важные моменты, и мне кажется: то, что Вы сформулировали, – именно модель, почему возникает эта проблема в контексте противоречий между технологическим развитием, с одной стороны, и общественным отношением и осознанием всего этого процесса – с другой стороны. И она оказалась как раз очень, я не знаю, вовремя сформулирована – накануне тех проблем, которые обнажили именно этот конфликт. Сейчас он становится действительно очевиден.

Есть еще одна сторона этой медали – это концепция ноономики как модель, которая показывает возможный путь выхода из этого конфликта или из этой ловушки. Тот позитивный сценарий, который Вы предлагаете у себя в книге, – насколько он применим сейчас в контексте пандемии, в контексте несогласованности во многих случаях мировых действий и весьма противоречивой ситуации внутри большинства стран?

СДБ. Я могу сказать, что всякая теория проверяется практикой. Если говорить о практическом классическом случае реализации такой возможности, который дает ноономика или любая другая социальная платформа, – она всегда проверяется теми вещами, которые мы либо уже имеем, либо видим, наблюдаем как некую тенденцию в процессе развития. В данном случае мы имеем, если говорить о ноономике, и то и другое: она построена пол-

ностью и на исторических фактах цивилизационного движения, и на реальных тенденциях этого движения.

Если мы говорим о той ситуации, которая сегодня есть, то мы можем видеть, как реальные события «укладываются» в рамки концепции. Они подтверждают ее положения. При этом вообще-то сама ноономика писалась не для того, чтобы описать будущее или дать один из сценариев. Как концепция, она предполагает на самом деле подсказку по поводу того, каковы тенденции и цели развития. И далее, если мы видим некую цель, и цель эта – вполне в критериальной нашей базе нас устраивающая, то концепция ноономики позволяет увидеть и некие пути достижения этой цели.

Я могу сказать, что поскольку это все писалось раньше, то понятно, что те вещи, которые были прописаны в этих материалах, документально практически подтверждены уже на протяжении по крайней мере тех 5-7 лет с момента, когда были написаны первые опусы по поводу ноономики. Я первый раз о ноономике писал в 2011-м году, если мне память не изменяет, либо в 2009-м даже. То есть тогда это получается больше 10 лет назад. Но тогда это были краткие такие тезисы, которые я не сильно широко обнародовал, а в виде книг это уже было написано позже. Но я могу просто наблюдать, что за эти примерно 8-10 лет (по крайней мере – за последние 5 лет, когда уже были написаны мои книги) происходят процессы, которые в полной мере подтверждают те моменты, которые легли в основу нашей теории ноономики. Невозможно было, к примеру, конкретно предсказать, что будет конфликт, например, на Украине, но то, что идет обострение международных отношений, что обострение идет в сфере экономической, что обострение идет в сфере ценностных установок и так далее, что это обострение сопровождается и военными какими-то дополнительными маневрами, что называется, и какими-то не просто маневрами, а и жизнями людей, это четко и ясно вытекало из всей нашей концепции.

Это продолжается, это усиливается и никак не меняется.

Теперь касательно Вашего вопроса – меняется ли мир с этим нынешним конфликтом, с нынешней ситуацией, с пандемией и так далее. Не особенно меняется, во всяком случае – внешне не сразу и не очень заметно. Хотя меняется, конечно, да, я могу сказать, что какие-то аспекты будут усиливать продвижение в

сторону ноономики – в частности, технологические аспекты, переход в онлайн-жизнь массово, а это повлечет и изменения в экономических нюансах, в нюансах отношений разнообразных, в нюансах (пока, пока – в мало вроде бы заметных!) работы институтов. Это – как раз очередное подтверждение, это – то, что было нами неоднократно упомянуто, неоднократно писалось как некий тренд, который будет развиваться в обществе. Он развивается, в том числе – сейчас, более интенсивно вследствие конфликта этого биологического, в который мы попали с природой. Соответственно, меняются, и далее меняться будут и другие вещи. В частности, мы смотрим, как онлайн-жизнь переходит, например, условно говоря, в наши институты. Мы сдаем в налоговую инспекцию документы, налоговая инспекция раньше требовала подписи разнообразные и так далее, а сейчас она этого не требует, сейчас есть другие способы верификации. Видите, сразу резкое развитие не только онлайн- и коммуникативных связей, но и, например, технологий доверия, и не только технологий доверия, но и доверия в обществе тоже в какой-то мере, на определенных этапах. Почему? Вынужденно, с одной стороны. Потому что те вещи, продукты, лекарства, которые старикам и «самоизолированным» привозят, под двери ставят, а они должны заплатить, они традиционным способом оплатить не могут. С другой – есть технология позволяющая расплатиться, но по-другому. И они платят потом или когда-нибудь, и никто не спрашивает документов каких-то подтверждающих и прочее, удостоверившись только тем, что человек подтвердил, что это он. Это уже говорит о некоторых сдвигах в сознании людей, что такие моменты возможны, что такие моменты развиваются. Чем глубже такого рода конфликт, тем больше потребность в таких вещах, и она, эта потребность, будет удовлетворяться за счет развития этой сферы знания, осознания человеком своих человеческих ценностей, своих человеческих особенностей, именно человеческой стороны дела. На самом деле есть такого рода изменения.

Приведут ли они к глобальным изменениям? Я думаю, что не сразу, но это – определенный шаг, ускоряющий движение в сторону развития ноопринципов, развития «разумности» нашей жизни.

Александр Анатольевич Золотарев (ААЗ). Но как скоро можно видеть осязаемо эти изменения? Больше того, будут ли происходить эти изменения постепенно и по-разному в разных областях (географических, геоэкономических и т. п.), в разных частях глобальной цивилизации или будут идти «параллельно», одновременно?

СДБ. Нет, это, конечно, безусловно, не даст сразу какого-то выхода из конфликта, не даст сразу какого-то разрешения и нас не переведет быстро в другое состояние. Потому что, во-первых, мы технологически глобально не готовы, готовы лишь отдельные страны, отдельные зоны экономического развития. Если говорить терминами мир-системы, то готовы – в какой-то мере, в значительной мере – Западная Европа, может быть – какая-то североамериканская зона, может быть – в какой-то мере – Китай готов (технологически скорее), или – не готов, но продвинутый; а другие части мира – нет, пока не готовы. Но движение, однако, должно быть более-менее общее, оно не должно быть разнонаправленным движением, когда одна страна уже в одном состоянии, другая – еще в другом, как это было ранее.

Это – еще одна важнейшая особенность нынешнего перехода, потому что если раньше можно было так, что некие страны перешли (Англия, там) в капитализм, а Индия находилась в феодализме, то это служило основой для закабаления Индии более передовыми по технологиям и по, соответственно, способу жизни в обществе, способу организации общественной жизни британцами – то грядущий переход, если он состоится, возможен только всем человечеством. Сейчас, в нынешних реалиях, если мы не свернем с этого пути, на самом деле современное «закабаление» тоже не невозможно, сейчас, конечно, может быть закабаление некое на новой технологической и институциональной основе. Это мы говорим о том, что есть структуры мировые, МВФ и прочие, однако есть шанс: они все, эти инструменты, с постепенным редуцированием роли капитала (в соответствии с концепцией ноономики), с «уходом» капитала, не будут уже в настолько эффективны и действенны, как те инструменты, которые были в XIX-XX веках, когда основным инструментом были канонерки, которые приезжали и у туземцев отбирали все, что угодно. Сейчас такое невозможно, капитал ищет другие, более изощренные

формы вести «политику канонерок», прикрываясь ложно представляемыми ценностями (где-то – демократией, где-то – глобальными ценностями, где-то – либеральным контекстом и т. п.).

ААЗ: То есть пока происходит неравномерное движение с мощными попытками мирового капитала продолжать традиционную политику, используя новые технологические и институциональные инструменты. Но тогда, может быть, надо посмотреть на возможность продвижения к новому устройству тоже неравномерно, и пусть лидеры технологического развития станут первыми, кто войдет в НИО.2?

СДБ. Тут я вынужден напомнить, что попытку «построить коммунизм в отдельно взятой стране» мир уже видел на примере СССР. Если внимательно отнесемся к истории этого вопроса, то мы вспомним, что в первых документах наших марксистов стояла цель всеобщего перехода к новому строю, мировой революции и т.п. Однако потом, осознав реальность, они приняли совершенно противоположный тезис – как раз о возможности построения нового общественного устройства в отдельно взятой стране. Жизнь показала, что это нереализуемо, если иметь в виду именно тот тип общества, который базируется на нооценностях и ноокритериальной базе на общественном устройстве. Если мы хотим продвигаться к такому очередному этапу развития общества, а мы вынуждены будем это делать рано или поздно, то двигаться надо будет всем вместе. Поэтому впереди – еще длительный этап, насыщение глобально общественных потребностей товарами, продуктами и так далее. Это – очень сложный и конфликтный период, который будет сопровождать нас, я думаю, ближайшие десятки лет, а может быть, и больше, в зависимости от темпов развития технологического и, соответственно, от темпов развития, я бы сказал, социального сознания, такой термин будет тут применим, говоря вообще о той области сознания, которая касается взаимоотношений человеческих.

ААЗ. Это как-то даже коррелируется с большевистскими представлениями о том, что по мере «продвижения к коммунизму» классовая борьба будет обостряться...

СДБ. На том историческом этапе так оно и было, и по-иному и быть-то не могло. Это вытекало из того же представления, о чем мы уже говорили сегодня – а) всегда есть конфликт

старого с новым, б) новый уклад всегда дает бо'льшие технологические возможности для более драматичного разрешения конфликта; в) при этом общественное сознание (общечеловеческая культура, коды жизненных установок) недостаточно развито не только для того, чтобы бесконфликтно разрешать противоречия, но хотя бы для того, чтобы не пользоваться наиболее разрушительными возможностями для такого разрешения. Отсюда – и «обострение по мере продвижения»...

И сейчас мы в принципе находимся на подобной развилке. С более высоким уровнем технологий, с более продвинутыми средствами как для драматического, так и для более-менее бесконфликтного разрешения нарастающих противоречий. И снова (хотя много позитивного, справедливости ради, предложено наиболее мыслящей частью человечества!) мы глобально отстаем в нооразвитии, «недомысливаем», не можем никак увериться, что открытые нами коды культурного осознания общечеловеческих ценностей (не связанных с принципами зооповедения) есть истина – и истинный путь развития.

Если мы сумеем эту ситуацию преодолеть (всем миром, и только так!) в обозримой исторической перспективе, то у нас открывается дорога к более-менее бесконфликтному дальнейшему развитию по пути к новому индустриальному обществу следующего поколения. И хотя пока, на ранних этапах, оно тоже будет экономическим, но оно будет подвержено все-таки иным, в иных критериях определенным стратегическим задачам, именно этим задачам будет подчинено его развитие; там будет из этого исходящая некая координация действий людей, решений людей, решений в части экономики (точнее, постепенно – в части удовлетворения потребностей, а уже не столько даже экономики). Это будет экономика, постепенно переходящая к чистому удовлетворению потребностей. И там будет другая жизнь, другое отношение к ценностям – в частности, ценности человеческой жизни будут стоять выше, чем ценности экономические.

Здесь я отвлекусь, приведу небольшой пример в части, касающейся «взаимоотношения» этих всех ценностей, одних и других, экономических и социальных. Вот мы говорим сейчас о нашей стране, что мы сейчас – социальное государство и строим такую некую структуру общественных отношений, направлен-

ную на человека. Человек – это высшая ценность. В поправку конституционную кое-что в этой части даже вносим. Замечательная мысль, правильная мысль, это хорошо, и надо человека развивать, как мы уже говорили, в том числе его культуру, его сознание, его осознание себя, как человека, и прочее. Но – понятно, что это надо развивать (и правильно об этом наше правительство говорит!) на базе хорошего материального достатка. Китай тоже строит общество средней зажиточности. И очень правильно делает. И здесь нет никакого противоречия между объявленными им стратегическими «коммунистическими» идеологическими целями и избранной тактикой и современными «капиталистическими» экономическими инструментами. Почему? Потому что – правильно, сначала «зажиточное среднее», то есть практически сначала все станут «среднезажиточными», имеющими «достаточный достаток», то есть сначала люди получают удовлетворение своих базовых потребностей, тех, которые – разумные и не совсем даже минимальные, а потом только нужно говорить о том, что человек, насытив брюхо, подумает о духе. То есть – только через удовлетворение достаточных базовых потребностей людей путем технологического прогресса и с использованием самых мощных имеющихся в распоряжении (в сегодняшнем!) мире экономических инструментов, плюс с «подтягиванием «остального» мира – совершить переход к решению стратегической задачи формирования новых общественных отношений. И тогда можно будет заниматься не так, как было у нас в Советском Союзе, где мы воспитывали «нового человека», человека-коммуниста, призывали к духовному развитию и строительству коммунистического общества, но при этом не давали ему туалетной бумаги, условно говоря, или мандарины надо было дать на новый год отдельному партийному работнику – килограмм, остальным всем душить в очереди и ничего не получить.

Это бесперспективно – «на пустое брюхо – никакого духа», в этом плане должно было быть именно такое развитие: сначала накормить, удовлетворить базовые потребности населения, отвлечь его от постоянного опасения материальных проблем, приучить его жить в парадигме достатка, а затем, на этой базе, постепенно продвигать его духовное, нооразвитие. А пока такой задачи – строительства НИО.2 – не решим, надо пытаться хотя бы не со-

рваться всей цивилизацией в пучину глобальной катастрофы любого генезиса. Сейчас мы в России, как я бы в целом оценил (может быть, власти осознают это интуитивно, жизнь заставляет!) идем этим путем, показывая, что – да, поднимаем экономику России, чтобы накормить людей, чтобы убрать нищих, чтобы убрать голодных, чтобы они все стали достойными людьми, и с точки зрения достатка самодостаточными и так далее, и дальше, не затягивая, – думать о других вещах, в частности, об их образовании, воспитании, если на то пошло, о здоровье и качестве жизни, удовлетворении запросов духовных и культурных, воспитании в духе учета и понимания интересов друг друга и так далее.

АВБ. Это все хорошо, а теперь – реальная ситуация с коронавирусом в России. На днях буквально сначала сказано было, что главное – это человек, его здоровье, давайте – все по домам, будем сидеть и из дому выглядывать и тогда болеть не будем. Понятно, что это несет за собой некие экономические издержки, но было заявлено, да, это так, экономические издержки есть, но нам главное – это здоровье людей. Кто спорит? Отлично. Но вот проходит неделя, десять дней всех этих карантин, и становится понятно, что вообще здоровье людей – это замечательная вещь, но завтра люди могут умирать уже от голода, потому что не будет ничего произведено. Тогда возникает другой вопрос: у нас экономические есть проблемы, экономические вопросы, и мы должны учесть и эти наши вещи, нам необходимо быть экономически все-таки готовыми к дальнейшим проблемам. Поэтому – давайте назад, из карантина выходим и начинаем все работать, и сегодня об этом говорят, что сначала даем нерабочие дни, месяц с лишним, а потом говорим: нет, подождите, вы немножко побыли там, на самоизоляции, неделю-полторы, ситуация вроде лучше становится. Она на самом деле не лучше становится, она примерно такая, какая она есть, может, и сложнее даже, но надо выходить – оборонные предприятия, другие, безопасность которые обеспечивают, и прочие. И в результате у нас 75% населения ни на каком карантине не находится, а находится на заводах и фабриках и работает. Почему?

СДБ. Во всяком деле должен быть баланс. Сейчас нам надо найти баланс между одними потребностями общества – в экономическом нормальном состоянии, сохранении того самого дос-

татка людей, в недопущении резкого снижения качества их жизни, это одна потребность, и вторая потребность – в сохранении здоровья и жизни людей. То есть даже на карту, ясно, не ставится жизнь людей, именно конкретного человека, но в целом говорится о некоем балансе, и это так на самом деле, эта самая ситуация, она – везде в мире такая же. И когда мы будем говорить не о сегодняшней ситуации, а о том обществе, которое будет через многие десятки лет, мы должны понимать, что этот самый баланс должен будет все время сдвигаться в сторону повышения материального благосостояния людей – при сохранении их как людей.

Достижение этого баланса, его, я бы сказал, «постижение», является предтечей продвижения к этому обществу, а предпосылками такого перехода является развитие материального производства на новой технологической основе и развитие человека, способного быть его ноореципиентом. Отсюда – все наши идеи и требования индустриализации экономики, цифровизации, по внедрению технологий нового уклада, по инновационному развитию экономики России и материального производства и так далее. При непременном продвижении к социально более высокоорганизованному обществу и развитию личности.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Ноономика и финансовый капитал». Стенограмма
(23.04.2020 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Добрый день! Мы с Вами сейчас ставим следующую проблему – о том, как движение к новому индустриальному обществу второго поколения и далее к ноономике сопрягается с теми геополитическими противоречиями, которые существовали в мире на протяжении всего XXI века и особенно обострились накануне нынешней пандемии, причем в условиях пандемии вообще приобрели совершенно неопределенный характер. Но то, что они существуют и что развивается национальный эгоизм и деглобализация, становится довольно очевидно. Как это все согласуется – эти геополитические, геополитэкономические тренды, с одной стороны, и стратегический, долгосрочный, на столетия, наверное, тренд движения к ноономике? Вот, наверное, это – главный вопрос.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Вы так сформулировали вопрос, что он распадается на множество подвопросов.

АВБ. Да.

СДБ. Если есть такие «глобальные» вопросы, то и «глобальные» ответы должны быть. Но попробуем сначала проблему декомпозировать.

Начнем с геополитэкономии.

Как Вы правильно заметили, геополитэкономия показывает наиболее ярко, выраженно, очерченно – и цивилизационное развитие, и анализ сегодняшнего состояния, и анализ тех трендов, которые выявляются. И, соответственно, некоторые прогностические вещи, на которые можно под микроскопом или под телескопом смотреть и увидеть нечто принципиальное по поводу развития этих трендов в дальнейшем. Я могу отослать тех, кто сегодня, может быть, заинтересован в чтении этого материала нашего коллоквиума, к книге, которая вышла недавно в Институте нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, это – книга нашей коллеги из канадского университета Ванкувера Радика Десаи. Называется книжка «Геополитическая экономия после американской гегемонии, глобализации и империи». В этой книжке многие сегодняшние тенденции она ясно описала с точки зрения этакого геоанализа – глобального анализа, и при этом – политэкономического. Я не зря взялся редактировать эту книгу, точки зрения мои и госпожи Радика Десаи в значительной степени совпадают, совмещаются.

Что я могу сказать по поводу того, что сегодня можно наблюдать? Я сегодня не считаю, что о текущей ситуации в экономике, в современной экономике, сейчас, в период пандемии, нужно говорить не только как о ситуации, связанной с коронавирусом. Сегодня это – более широкое понятие, и «это» включает в себя все тенденции, которые мы наблюдали в последнее время, в том числе – не в связи с коронавирусом. Чуть позже мы о коронавирусе отдельно поговорим.

Первое и главное: есть такое ощущение, или – такое осознание сегодняшней ситуации, заключающееся в том, что все тенденции, которые связаны с так называемой глобализацией, на самом деле связаны с усилением роли финансового капитала. Именно он, финансовый капитал, который стал не помощником в развитии, в удовлетворении потребностей людей, а, собственно, хозяином, стал сейчас диктовать эти потребности людям. И, соответственно, создавать симулятивный навес на всю человеческую деятельность, и на экономику, и на человеческую жизнь. Симулятивный навес, связанный с умышленным, усиленным формированием симулятивных потребностей, усиленным формированием, скажем, представления людей о том, что хорошо, что нехорошо, несоответствующим истинным ценностям челове-

ского развития, я бы даже сказал – истинно естественным ценностям человеческого развития. Это всё – следствие того, что финансовый капитал стал хозяином, а не подчиненным лицом.

АВБ. Может быть, один нюанс только, Сергей Дмитриевич, извините, что перебиваю. Есть еще проблема: как финансовый капитал влияет на облик общественного производства? Вы справедливо сказали про человека, который начинает склоняться к финансовым, то есть к фиктивным, симулятивным потребностям, и облик производства меняет. Здесь, наверное, главное влияние?

СДБ. Уточним. Я хотел как раз об этом сказать. Дело в том, что я сразу взял и, мне кажется, обозначил главную вещь. Дело в том, что производство, общественное производство, направлено на удовлетворение потребностей людей. И с этой точки зрения – важно, что есть изменение характера потребностей, то есть формирование симулятивных потребностей, излишних потребностей, формирование потребностей, которые нужны не человеку как таковому для его развития, а нужны капиталу для того, чтобы он прирастал. Оно, все это, действительно реально, Вы абсолютно правильно заметили, влияет на всю человеческую жизнь. В первую очередь, как раз на то, каким образом человек удовлетворяет свои потребности через общественно-производственную компоненту социально-экономического развития. И вот здесь мы действительно можем говорить о чем? О том, что облик промышленного производства, соответственно, развивается не без влияния вот этой тенденции. Хотя, с другой стороны, как таковое, само по себе, общественное производство достаточно нейтрально, оно направлено на то, чтобы удовлетворять потребности людей. А вот уж они-то, потребности, не нейтральны. Они как раз – либо реальны, либо симулятивны. Поэтому это все равно что, не знаю, сравнивать производство, общественное производство, к примеру, с молотком. Вы можете молотком (да, зависит от потребностей) бить по головам, а можете гвозди забивать, и здесь я расцениваю его как инструмент. Понятно, что, для того чтобы гвозди забивать, необходима плоская часть молотка, она должна быть сформирована именно так, чтобы удобно было бить по шляпке гвоздя, соответственно, аналогично, если сравнить общественное производство (инструмент удовлетворения общественных потребностей) с молотком (инструментом удовлетворения

конкретной потребности), общественное производство должно быть как-то повернуто в соответствующую сторону. А если головы надо молотком разбивать, то туда годится острая часть молотка. Надо ее развивать. А инструмент – тот же в принципе, и принцип действия его один и тот же в обоих случаях.

АВБ. Да, это хорошая диалектика.

СДБ. Вы знаете, возможно, это не слишком корректная аллюзия, но именно таким образом я пытаюсь показать, что с одной стороны – это инструмент (общественное производство), нейтральный инструмент, с другой стороны – он, как и любой инструмент, приспособляется для решения тех задач, которые перед ним ставятся. И вот сейчас эти самые задачи (симулятивные потребности, их удовлетворение) диктует глобальный финансовый капитал в конечном счете. Поэтому я считаю, что это – самое главное, самое важное геополитэкономическое обоснование сегодняшних трендов, тенденций развития. Сегодняшней ситуации в человеческом развитии.

АВБ. Одну секунду, Сергей Дмитриевич, еще на минуту перебею. У меня есть важный момент, который у Вас обозначен, хотелось бы его поподробнее развить. Между потребностью и производством как таковым, тем самым молотком с двумя вариантами ударной части, стоит, видимо, что-то еще, система общественных, производственных отношений, институты. Какова их роль и действительно ли они тут стоят посередине, или напрямую потребности формируют производство?

СДБ. Они, естественно, есть, общественные институты как «обеспечивающий» феномен, как некие приводные ремни, связывающие одно с другим, и формируются в зависимости от того, каким образом формируется основная, «главная» ситуация – опять же, в зависимости от того, какие потребности она призвана удовлетворять. Это, можно так сказать, – шестеренки, или другой инструмент. Общественное производство – один инструмент, институты – это тогда другой инструмент, который существует в обществе, другой инструмент для обеспечения решения задачи удовлетворения тех же потребностей людей.

А потребности формирует человек. Я почему все время говорю, настаиваю на том, что нам необходимо «воспитывать» человека? Нам необходимо работать над его критериальной базой, его

принципами целеполагания, реализации и контролирования жизнедеятельности. Над новыми принципами, над развитием новых принципов его существования – физического и духовного существования и т. д. Именно потому, что и выработка этих критериев, и следование им подразумевают формирование правильных потребностей людей, а при удовлетворении такого рода потребностей соответствующими станут и общественное производство, и институты, обеспечивающие переход вещных реалий (предметов, вещей, услуг и т. д.) в удовлетворении потребностей в эту парадигму.

Это – как раз и есть некий «промежуточный» инструментарий, и, соответственно, здесь мы не можем говорить о чем? О том, что институты существуют сами по себе. Ничего подобного, они не существуют сами по себе, они точно так же, как и все остальное, призваны решать задачу удовлетворения потребностей людей. То есть являются, в определенном смысле, передаточным звеном. Почему? Потому что общественное производство предполагает наличие не только технологических каких-то компонент, не только некие материальные носители и прочее. Оно предполагает и порядок распределения результатов общественного производства, и порядок формирования общественного производства, и порядок его функционирования, и т. д. Все это обеспечивается институтами, которые в обществе формируются в связи с этим. Поэтому институты – это тоже нечто подчиненное главному тренду, элемент системы. Вот такое у меня представление об этих вещах.

АВБ. Да. Спасибо, Сергей Дмитриевич, извините, что отвлек от логики, давайте вернемся к тому, как формируется геополитэкономическая структура под влиянием финансового капитала.

Вы закончили, прежде чем я Вас прервал, на том, что финансовый капитал детерминирует главные направления развития геополитэкономической реальности сегодня в широком смысле слова. Не только в условиях пандемии, но и в целом в мире. Наверное, здесь есть какие-то проблемы, связанные с тем, как он их формирует. Насколько это совпадает, насколько нет с трендами движения к ноономике? Исходя из Ваших работ – не совпадает, но хотелось бы чуть-чуть поподробнее этот момент, может быть, прояснить.

СДБ. Я уже об этом в свое время говорил. Могу еще раз подчеркнуть, что «сутевая» потребность финансового капитала, я

бы так сказал, в расширении своей сферы деятельности (такова его природа), в захватывании все более отдаленных от экономики сфер жизнедеятельности людей влечет за собой, соответственно, изменения в разных сферах жизни человеческой цивилизации. И в общественном производстве, и в институтах, формирующих вот эти приводные ремни удовлетворения потребностей. И в общественном производстве, удовлетворяющем потребности, во всех элементах нашей системы. Надо понимать, что финансовый капитал делает это не потому, что он неким каким-то разумом управляется, питается чьими-то специальными идеями, является неким орудием чьего-то умысла и т. д. Финансовый капитал имеет определенную природу. Эта природа финансового капитала связана с тем или влечет то, что он, проходя определенные стадии своего развития, стал хозяином, господином всего общественного процесса. Захватив не только общественное производство, но и постепенно умы и сердца людей.

Почему ему это удалось?

Потому что у человека изначально есть потребности, которые являются его витальными, естественными биологическими потребностями, «зоологическими» по своей выраженности и т. д. Эти потребности удовлетворяются определенным способом. Они требуют от человека развития тех качеств, которые, не будучи сами по себе отрицательными (например, создание/накопление запасов и т. п.), они, тем не менее, могут быть в определенной ситуации излишними, избыточными. Это происходит из фактора существенной неопределенности человеческого существования. Человек, с самых первых дней своего выделения из природы и осознания себя отдельным от природы, не может определить, на какой период времени ему необходим тот или иной ресурс и, соответственно, запас. Он не может быть уверен, что этого запаса ему хватит на какой-то период времени, который он тоже не может обозреть. Соответственно, формируются на базе этой неопределенности соответствующие элементы критериальной базы человека, которые требуют от него принятия соответствующего рода решений – к примеру, что копить надо больше, запас иметь, и даже несоразмерный с тем, который он может сейчас поглотить. Помните басню про попрыгунью-стрекозу и запасливого муравья? Мораль сей басни точно совпадает с общественной мо-

ралью (критериальной базой поведения) того общественно-хозяйственного уклада, в каковом была написана эта басня. Экономическое общество сохраняет родовой признак природного существования человека. В ноообществе за счет развитого ноопроизводства роль «запаса» станет играть фактор полного удовлетворения несимулятивных потребностей людей – и, соответственно, изменится и критериальная база, определяющая «правильность» поведения человека и, собственно, само поведение его.

А сейчас мы живем в экономическом обществе – по его законам. Один из них – в экспансии (запасов, капитала (как его определенной сублимации), «жизненного пространства»...). При этом, конечно, есть и какие-то ограничения в этой экспансии. Например, условно говоря, понимая, что у вас эпидемия, вам надо купить некоторое количество килограммов овощей и забить ими холодильник, потому что неизвестно, будут ли потом в магазине эти овощи, не подорожают ли они и не уменьшатся ли из-за этого ваша возможность купить столько же овощей – ведь в таком случае вашего запаса денег может не хватить. Неизвестно к тому же, сколько времени продлится эта эпидемия, сможете ли вы пополнить свой запас из-за ограничений с подвозом овощей в магазины. И т. д. Множество факторов неопределенности, влияющих на ваш выбор, на ваше решение, на вашу линию поведения. Но потом, вам приходится понимать при этом, что, вы, во-первых: а) не можете съесть больше, чем столько-то; б) у вас не может пролежать в холодильнике больше, чем сколько-то времени, иначе погниет, пропадет. И т. п. Значит, тут есть естественные ограничения, которые могут остановить вашу экспансию по поводу огурцов.

АВБ. Да.

СДБ. Если же вы уверены, что необходимое количество огурцов для удовлетворения вашей текущей разумной потребности есть в любом случае, будете ли вы забивать холодильник огурцами? Думаю, нет.

Я даю простой пример. На самом деле – все гораздо сложнее, и далеко не всегда, а чаще – никогда не представляется возможным установить эти самые естественные ограничения. Решение – только в переходе к нооэкономике с ноокритериальной базой поведения, существования и сущности человека.

Еще раз – о дне текущем. Те естественные потребности в обеспечении своего существования в условиях неопределенности человек перенес в финансовую систему. Почему перенес? Потому что финансовая система, деньги, в свое время, заменили, заместили элемент накопления. Потому что они, деньги, имеют определенную функцию, определенные известные возможности в этом плане. Они легко меняемы. Они гораздо более «подвижны». Они легче (особенно в нынешних технологических условиях) «складируются» и не так быстро пропадают, как огурцы, условно говоря, и т. д. Хотя тоже пропадать могут.

АВБ. Но это уже нынешние деньги, которые, да, у нас с вами на глазах пропадают со страшной силой. Особенно если это рубли. Тут Вы абсолютно правы.

СДБ. Я могу сказать, что, не далее, как вчера, в программе у Владимира Соловьева обсуждали, как быстро будут пропадать доллары. И какой это кошмар будет для мировой финансовой системы. Я могу сказать, отвлекаясь, что доллары на сегодняшний день держатся, возможно, даже на менее стойких основаниях, чем рубли. Поэтому неизвестно, что будет хорошо, а что плохо через некоторое время. Но я другое хочу сказать. Что все-таки деньги более подвижны в этом плане, более мобильны. Позволяют обеспечивать гораздо больше функций пополнения запаса. Например, покупать на них не только огурцы и пополнять свой запас огурцов, но и морковку, например, условно говоря. Т. е. в этом плане я считаю, что сочетание этих двух позиций – необходимости делать запасы и необходимости появления инструментов под названием деньги привело к тому, что деньги стали замещать эту функцию накопления и функцию «пополнения». Таким образом, возникла эта самая ситуация, когда финансовый капитал создает финансовый капитал. Т. е. деньги стали прирастать деньгами.

АВБ. Деньги, которые приносят деньги с приростом, без посредства каких-либо других товаров.

СДБ. Да, если говорить вообще. Это было уже в период времени, когда еще Маркс это заметил, и понятно, что сейчас это приобрело гипертрофированные размеры.

Почему это приобрело такие размеры? Тоже вопрос – почему? Почему именно сейчас?

Потому что технологический прогресс позволил удовлетворить те потребности, которые были более-менее разумны, более-менее нормальны для определенной, пока еще ограниченной (и более-менее отграниченной от других!) части общества, которая как раз обладает запасами, обладает чем-то еще. Предоставил возможность пополнять запасы, работать с резервами какими-то и т. д. Конечно, еще раз отмечу, для более-менее той части общества, которая удовлетворяет свои рациональные потребности, это позволило иметь накопление финансовое. И вот в этом плане – удовлетворить свои обозримые и не слишком симулятивные потребности в предметах каких-то, вещах, услугах и т. д. Удовлетворить свои потребности также в создании предметов для производства предметов (заводов, фабрик и т. д.). И все-таки, помня о том, что деньги сами по себе не являются таким вечным инструментом, который тоже может инфляцироваться и пропадать, естественно, возник вопрос – как сохранять тогда вот эти самые накопления, чтобы они были вечными? Где этот рефрижератор-холодильник, который может их заморозить, а еще лучше – как теплица, чтобы она их там немного растила.

АВБ. Да, хороший образ дан.

СДБ. Надеюсь, понятный. И вот эти инструменты – это инвестиции в те вещи, которые первоначально нужны для использования в разумных решениях, в частности, в приращении необходимых вещей, в насыщении дополнительных рынков, насыщении тех, кто имеет какие-то деньги, товарами, и т. д. В последующем, когда эти все вещи их объемы производства, стали тоже иметь естественное ограничение (ограничение спроса), рынок насытили какими-то предметами, товарами – значит, предметы становятся дешевле, деньги не прирастают, и возникает вопрос – каким образом сделать так, чтобы они далее прирастали? Возникают инвестиции в инновации. Инновации – либо это будут хорошие инновации, так называемые по Й. Шумпетеру, те инновации, которые реально увеличивают наши разумные потребности, я бы так перевел мое представление работы Шумпетера. А другие инновации – это фальшивые, наведенные «инновации», псевдоинновации, которые практически увеличивают симулятивную сторону этого процесса. Причем для финкапитала, по большому счету – пардон, «по барабану», какого типа эти инновации,

если они одинаково решают его задачу. Но – вау! Чаще всего проще решается эта задача через возгонку симулятивных потребностей (купи третий айфон, супермодный аксессуар...; «инновационное» в них либо только название, либо навязанная и, по правде говоря, излишняя функция, или нечто престижно-раскрученное через вдалбливание в голову рекламой и маркетингом, или нечто подобное). Таким образом, постепенно стало понятно, что чем дальше движется прогресс, тем сложнее делать инновации, которые реально сформируют и удовлетворят новые – реальные! – потребности. А поскольку «инновации», которые являются по сути псевдоинновациями, фальшивыми, делаются легко, элегантно, но приносят такие же, если не бо'льшие, доходы, то они постепенно становятся основными.

Теперь необходимо понять, каким образом люди будут потреблять такие инновации и на них будут клевать, как дикие гуси на горох. Значит, они будут клевать таким образом, если им объяснить, что это – нечто очень ценное, очень важное, без чего они не могут жить, что является предметом вожеления и т.д. Для этого надо менять ценности, ценности в головах людей. Поэтому возвращаемся к исходной точке – финансовый капитал развращает человека, он делает из него не нового человека (человек развивается всегда, сделаем отступление небольшое, от «зоо» к «ноо», я об этом писал в статье, опубликованной в «Вопросах философии»), а наоборот. Финансовый капитал не только тормозит этот процесс, он пытается сделать все наоборот, он провоцирует формирование зоопотребностей. Например, условно говоря, разве является реальной потребностью приобретение, не знаю там, 10 комплектов какой-нибудь одежды? Наверное, не является, достаточно иметь все-таки какое-то разумное количество, в зависимости от вида деятельности. Если ты спортсмен, теннисист, тенниску нужно менять каждые два часа, значит, тебе надо, может быть, и 15 рубашек, но, если ты не теннисист, а зритель на теннисном корте, тебе хватит одной рубашки на день. Понимаете? Которую можно постирать через два дня – значит, хватит трех, пяти этих теннисок. Это и есть представление о том у каждого человека, какова его разумная потребность. Но нам объясняют, что, извините, нет, тебе нужно с утра надеть тенниску (очки, ручной гаджет...) одной марки (не будем называть производителей, рекламу делать), в обед – другой, а вечером надеть специальные очки, кото-

рые тебе не нужны, даже вредны, возможно, но зато на них знак бренда такой-то там, а «все уважающие себя люди носят «...» по вечерам!»! В результате появляется то, что Вы называли в свое время очень точно «сбрэндившей экономикой». Сначала появляются наведенные потребности, потом процесс формирования этих потребностей завершается тем, что эти потребности начинают активно удовлетворяться. В них начинают верить как в реальные, и – дело в шляпе. Деньги, которые практически не вложены в истинные инновации, приносят, тем не менее, новые деньги за счет того, что те же товары (а то и вообще ненужные) продаются по другим ценам, более высоким. В результате экономика искривляется, становится «сбрэндившей», а главное место в ней все больше и больше занимает экономика наведенных потребностей, то бишь экономика финансового капитала.

Вот такова сегодняшняя ситуация, и она именно потому возникла, что технологический прогресс позволил в значительной мере накормить ту часть общества, которая как раз и владеет этими финансовыми и прочими ресурсами. Я не имею в виду только тех, кто имеет 1% всех мировых денег, я имею в виду общество в целом, общества, общественные структуры типа государственных формирований, групп типа Евросоюза и т. д., где в целом население имеет более-менее, несмотря на глобализацию, замкнутый цикл потребления и удовлетворения своих потребностей. И, соответственно, которые мы можем в этих видах рассматривать как некие автономные подсистемы глобальной системы мировой. То есть, например, Европейский Союз, Европейское сообщество, Соединенные Штаты, отдельная структура – Китай, условно говоря, отдельно – Индия. В каждой стране по-своему удовлетворяются потребности людей. Потому что на сегодняшний день, несмотря на то что мир глобален для финансового капитала, но он еще далеко не так глобален для того, чтобы удовлетворить потребности глобально одинаково. Т. е. люди в сегодняшнем мироустройстве, несмотря на глобализацию, умеют удерживать эти средства для удовлетворения потребностей в определенных ареалах на сегодняшний день. Соответственно, страны есть беднее, общества, субобщества. Есть те, которые удовлетворяют больше потребностей людей, есть меньше. И поэтому наведенная, фальшивая потребность больше формируется там,

где люди уже более-менее подкормлены. Уровень удовлетворения естественных потребностей, их реальных потребностей здесь выше, и технический прогресс позволяет еще более высоко их насыщать, но насыщать их дальше особенно некуда.

Вот в этом плане использование технологического прогресса финансовым капиталом как раз и приводит к тому, что финансовый капитал становится именно на этом этапе сейчас таким сверхпереразмеренным. И возгоняются наведенные, навязываемые потребности. С соответствующим поглощением природных и прочих ресурсов.

К чему это ведет? Это ведет к глобальной катастрофе. Почему? Потому что ресурсы наши, те, которыми человек пользуется для реализации этого процесса удовлетворения потребностей, ограничены. А использование ограниченного количества ресурсов неограниченно растущим (по своей природе) финансовым капиталом – это глобальное противоречие, его надо понять, ощутить. Использование вот этой парадигмы развития – бесконтрольного, бесконечного развития финансового капитала – привело к тому, что эта неограниченная ничем потребность в развитии, саморазвитии финансового капитала сталкивается с ограниченной возможностью удовлетворения этих потребностей финансового капитала в естественных ресурсах планеты, людей, человеческих ресурсов и т. д.

А когда у нас такое противоречие в системе есть, оно не может быть разрешено никак иначе, кроме как через понижение энтропии в двух вариантах. Либо это – катастрофическое понижение энтропии, что называется, напряжения сталкивающихся тенденций одной части движения с другой и взрыв. Возьмите, к примеру, движение платформы земли, литосферы в одном направлении. Наталкиваясь на движение другой платформы в другом направлении – получается что? Землетрясение, правильно?

АВБ. Да, вроде бы.

СДБ. Да, формирование новой геоструктуры. Точно также и геополитэкономическая структура будет новая – через драматическое завершение существования структуры предыдущей, если мы не сумеем разрешить противоречие и сформировать новую структуру системы другим путем. Другой путь предлагается в концепции ноономики. Это – путь естественного воспитания

человека плюс технологический прогресс. Причем – «в одном флаконе». Ноообщество есть техпрогресс, создающий ноономику, плюс формирование ноокритериальной базы и следование ей. Почти по Ленину – коммунизм есть советская власть (институты, построенные на «новочеловеческих» отношениях) плюс электрификация (переход к новому, в то время сверхпередовому техукладу) всей (подчеркнем – всей(!), ибо невозможно перестроить часть общества) страны (отдельной страны, что было в некотором роде допустимо в условиях геоэкономической и геополитической автаркии). Или почти как по заповедям Христовым (он на первое место ставил самоограничение симулятивных потребностей). Мы уточняем эти формулы. Ноообщество – не коммунистическое, по Марксу/Ленину, общество (тем более – не «царство Божие на земле»), его существенные, принципиальные отличия (и по структуре общественного производства, и по институтам, и по отношениям, и по генезису, и т. д.) мы обсуждали в базовой книге по ноономике. Без техпрогресса не удовлетворить потребности людей, а без воспитания человека не остановить рост симулятивных потребностей. Путь самоограничения, путь осмысленного самоограничения, путь разумного, рационального использования «более реальных потребностей», чем «менее реальных потребностей», путь формирования нооценностей. Достижение высот научно-технического прогресса и, соответственно, более равномерное формирование потребностей и удовлетворение (особенно!) потребностей людей разных социальных конструкций этой системы. И если мы будем думать о том, что «золотой миллиард» будет продолжать жить вот так же хорошо, как он сейчас живет, то это – глубокое заблуждение, если мы не предпримем соответствующих шагов по урегулированию этой ситуации – именно в том направлении, о котором говорит теория ноономики. Потому что «золотой миллиард» исчезнет, естественно, в силу геополитических потрясений.

Чем они будут спровоцированы – это отдельный вопрос. Может быть, физические/природные какие-то проблемы. Такие, как нынешняя эпидемия. Или экономический кризис, или коллапс в связи с какими-то боевыми действиями, коллапс экономический. Это – всякое может быть. Но, само по себе – факт, что эта, сложившаяся ныне и все более напрягающаяся ситуация бу-

дет однозначно разрешаться. Либо это будет разрешаться более естественным путем – когда пойдут общественные процессы, выравнивание этой ситуации. Например, в Германии политика мультикультурализма, возможно, провалилась. Возможно, она не привела к результатам позитивным, на которые надеялись. Мне, тем не менее, представляется, что вообще-то это – правильная политика. Хотя и жаль сегодняшней Европы, даже не сегодняшней, а вчерашней Европы. Потому что она исчезнет как культурно-обособленное некое существующее явление. Останется историческим явлением, если еще сохранится история Европы в памяти. Но, с другой стороны, если эти процессы допущения иностранцев и иноземцев в европейскую семью, все большего и большего количества людей, будут целевым образом направлены на выравнивание их не только социально-экономических условий жизни, а, соответственно, на выравнивание и правильное включение их в ареал культурных ценностей Европы, то понятно, что будут меняться ценностные взгляды этих людей, ценности будут чуть более высокие, более возвышенные, чем те, которые часто сродни ничему другому, кроме того, что набить желудок и насиловать соседку. Появятся и другие вещи, и возможно, эти вещи не позволяют им в дальнейшем думать только об этом. Мне кажется, что суть заключается в том, что ситуация, с одной стороны, как бы тупиковая, поскольку там никто толком не занимается воспитанием тех, кто прибывает. С другой стороны, там слишком быстро и рьяно взялись за допуск на свою территорию таких людей. Надо сопоставлять это с возможностями общества их переварить. Синхронизировать. Иначе это становится очень похоже на нынешнее общество в целом – новоприбывшие получают доступ к удовлетворению более широкого спектра потребностей за счет попадания в более технологически продвинутое общество, а сами эти потребности остаются у них полудикими.

АВБ. Да.

СДБ. Тем не менее, в этом плане мне кажется, что все-таки этот путь, естественный путь – он более правильный. Но он требует больших усилий от людей, от глобальных институтов, которые человек создал для развития отношений. Это известные и весьма полезные институты – такие, как всемирные организации разнообразны, ООН, Всемирная организации здравоохране-

ния, Международная организация труда и т. д., которые призваны регулировать, вырабатывать естественные принципы вот такого выравнивания возможностей людей, работая на создание более-менее гомогенного общества, более продвинутого от «зоо» человеческого общества. Этот этап цивилизационный, если мы пройдем его в таком ключе – я считаю, что это определенный путь к ноообществу. Если не пройдем – в этом случае нам останется только ждать первого пути, катастрофы.

АВБ. Встает еще один вопрос. Почему логика финансово-го капитала проводится в жизнь сегодня в большинстве наиболее мощных государств, мощных и экономически, и политически. Как вы думаете?

СДБ. Я не могу сказать, что стопроцентно знаю ответ на этот вопрос. У меня есть лишь свое некоторое представление по этому поводу. Мне кажется, что финансовый капитал формирует мировоззрение не только общества в целом, но и формирует мировоззрение тех людей, которые являются его носителями, владельцами, если хотите, или проводниками его сути и сущности. Финансовый капитал – большой «воспитатель». Он не только не воспитывает людей в духе продвижения к ноо, он работает против, а проще говоря, калечит души тех людей, которые сегодня с ним работают и вынуждены работать. Эти люди, которые в крупных финансовых структурах и политических структурах заведуют теми или иными политико-экономическими процессами, фактически являются – вольно или невольно – рабами этой идеологии, рабами финансового капитала. Они – не владельцы финансового капитала, а рабы его. И, соответственно, принимаемые ими решения – они идеологически, подсознательно почти, практически, выстроены таким образом, чтобы удовлетворять потребности финансового капитала. А не потребности, реальные потребности общественного развития.

Вообще, мне кажется, нынешняя пандемия многое изменила в сознании людей. Она демонстрирует явно – там, где меньше национального и личностного эгоизма, где более «человекообразное» общество, где менее индивидуалистичные отношения между людьми – там больше возможностей отразить и разрешить общую проблему. И наоборот – страны/общества с превалированием жестко индивидуалистических ценностей, прививаемых финансовым капиталом, создают соответствующие институты

(возьмите хотя бы систему здравоохранения США), которые не «заточены» на решение такого рода кризисных проблем. Несмотря на продвинутый уровень технологий (в том числе, в данном случае, медицинских).

Кроме того, пандемия показывает выпукло, как через лупу, неприемлемость дальнейшего нарастания неравенства – как отдельных стран, так и общественных страт. Уровень смертности в разных странах и для разных категорий населения оказался разным. Хотя потребность жить, и при том – быть здоровым, есть наиболее общая и «равная» для всех. Поэтому складывается ощущение, что мир после пандемии «полевее», усилятся тренды продвижения общественного сознания в глобальном масштабе в направлении социального выравнивания.

И, наконец, безусловно изменятся в сторону усиления тенденции продвижения в общественное устройство и в экономику технологий новых укладов. Мир вкусил прелести (и осознал недостатки и будет, конечно, их устранять!) виртуализации жизнедеятельности, настоящей цифровизации и глобального вторжения новых информационно-когнитивных технологий в бытие людей – и не только вряд ли теперь от этого откажется, но приступит к освоению вновь разведанного пространства жизни ускоренными темпами.

Можно надеяться, что это станет реальным шагом на пути к ноообщественному этапу развития человеческой цивилизации. И пусть таких шагов потребуются много – дорогу осилит идущий.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Социализм, коммунизм, НИО.2, ноообщество:
сравнительный анализ и методологические проблемы».
Стенограмма
(07.06.2020 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Недавно в рамках Московского академического экономического форума прошла крупная международная конференция, организованная ИНИР им. С.Ю. Витте и Центром социэкономии МГУ и посвященная методологическим аспектам разработки теории ноономики. Кроме того, в редакции ряда журналов в последние два-три месяца поступили статьи отдельных ученых, в которых делаются попытки исследовать концепцию ноономики с различных методологических позиций и провести параллели между идеями НИО.2 и социализма, ноообщества и коммунистического общественного строя, трактовать с точки зрения, к примеру, классической политэкономии современные тенденции в развитии института собственности, и т. п. Мы беседуем по поводу понимания ноономики, экономии, экономических и производственных отношений, собственности и т. д. в связи с выявившимся в ходе развернувшейся дискуссии (и не только на этой конференции) в ряде случаев неадекватным, не соответствующим авторскому, восприятием теории ноономики некоторыми, я бы сказал, «старомодно» мыслящими учеными.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Я бы уточнил. Не «старомодно мыслящими учеными», а учеными, работающими в традиционной политэкономической парадигме, которая является, можно сказать, продолжением классической политэкономии. И хотя некоторые из этих политэкономов живут, скажем, более «современной жизнью» и развивают политэкономия, что, наверное, правильно, тем не менее, основные взгляды политэкономические там сохраняются. И часто требуется приложить определенные усилия для того, чтобы оторваться от традиционных представлений и подумать о том, какие могут быть несколько иные представления.

Это мое утверждение, конечно, не значит, что эти иные представления появились сами по себе. Они вырастать могут, знаете, как пшеница: из зерна вырастает колос, тогда, когда появляются другие условия. Зерно лежит годы в условиях элеватора, но изменились – условия и изменилось проявление сущности пшеницы: попало зерно в землю, тепло, влага – и вырастает колос. Но это не значит, что корней нет. Что они разные. Да, колос и зерно не слишком похожи внешне, но – нет. Корни – одни и те же. В этом плане – вещи, которые, с одной стороны, имеют общую корневую систему, основу, могут отличаться – даже радикально могут отличаться. Зерно от колоса внешне очень сильно отличается, да и...

АВБ. Да и не только внешне, но и по внутреннему содержанию, и по функциям, и т. д.

СДБ. Да, и по содержанию, может быть, в какой мере, и по функциям, по структуре, и прочее. Хотя выросло одно из другого и корень общий.

Но это далеко не сразу видно. Поэтому, в этом плане, говорить о том, что те, кто не может оторваться от своих гносеологических корней, – это люди некие «замшелые», я считаю, что это – неправильно абсолютно. Это – люди, которые просто, условно говоря, люди зерна, и они изучают зерно. Всю жизнь. И, к сожалению, многолетнее изучение зерна и недостаточные навыки изучения других вещей – тех же колосьев не позволяют иногда сделать следующий шаг: оторваться от зерна и перейти к колосьям; и они продолжают пытаться, постоянно делается ими попытка известной им «алгеброй» проверить «гармонию», в нашем

случае – известным им «аршином общим» политэкономии измерить «особенную статью» теории нономики. И я это наблюдаю во многих работах многих людей, которые близки к политэкономической школе и которые анализируют нономику, концепцию нономики. Я наблюдаю попытки «загнать» концепцию нономики в те самые политэкономические рамки, которые им кажутся правильными. Из колоса сделать зерно. Колос описать как зерно. Может, это и рациональное зерно, но, в моем понимании, это, скорее, иррациональное зерно. Да, нономика вырастает из экономики, у них общее корневое происхождение – из потребностей людей, и оба эти феномена – едины в том, что это механизмы их удовлетворения, но – но! Но – это разные механизмы, и один из них сменяет другой естественным образом в связи с изменяющимися условиями своего проявления – с ускорением ускорения НТП, с развитием человека, его человеческих (ноо- !) качеств.

АВБ. Сергей Дмитриевич, я позволю себе, извините, маленькую параллель – не знаю, насколько Вы с ней согласитесь: это – попытка автомобиль сделать по образу и подобию телеги. Ну, в лучшем случае – кареты. Вот только одна проблема – в том, что непонятно, какой должна быть лошадь в этом случае, в случае автомобиля. Видимо, здесь возникает какая-то загвоздка. Вместо того чтобы понять, что нужно делать что-то совершенно другое все-таки. Сделать двигатель внутреннего сгорания, а не то, что везет как лошадь. Вот у меня какое-то такое ощущение возникает.

СДБ. Да, пожалуй, можно и такую параллель провести. Исследуют автомобиль, и вдруг лошади в автомобиле не находят. Вот, смотрите – колеса есть, кабина есть, даже – рессоры есть! А лошади-то нет! Значит, это – недоразвитая карета, неточная, а то и вообще неправильная! Вот давайте дополним автомобиль лошадью, и тогда все будет правильно...

И вот порой встречается такого рода анализ положений теории нономики. Вы понимаете, я думаю, что когда мы рассуждаем о развитии общества, мы понимаем, что общество – это все-таки некое историческое явление. Ключевое понятие здесь – развитие, изменение условий проявления сущностей. Т. е. оно, общество, возникло на определенном этапе развития человека. Так же, как и все остальные вещи, которые возникали для того, чтобы удовлетворять человеческие потребности. Общество – это

тоже инструмент удовлетворения человеческих потребностей, если на то пошло. Специфический инструмент. Как некий институт социализации.

АВБ. Да.

СДБ. Как потребность в социализации, она тоже есть. Регулирование отношений в обществе производится в разные времена исторически по-разному. Появилось на определенном этапе, к примеру, государство, оно развивалось, появлялись институты, которые все больше и больше работали на удовлетворение потребностей, потребностей и явных, и завуалированных, и т. д. И можно по-разному их квалифицировать, классифицировать. В этом плане этапы, которые определил классический марксизм, этапы формирования общества: капитализм, социализм, коммунизм – это достаточно условные вещи. Но они очерчивают рамки, в которых исследуется развитие общества, с определенной позиции. И вот уже один наш уважаемый автор начал свой труд, статью, с того, что провел некие параллели между социализмом и НИО.2, между ноообществом и коммунизмом, и т.д. Правда, он пишет «ноономика коммунизма». Ноономика – это базис, условно говоря. Ноообщество – это общество. И вот и простая параллель: да ноообщество – это знакомый автору коммунизм!..

Так ли это? Нет. И я говорил, почему, не раз. И чуть позже скажу – почему.

Или – вот что касается социализма. Я, насколько помню, классическая политэкономическая схема – это все-таки, скажем, базирующаяся на общественной собственности.

Во-первых, я не скажу, что в НИО.2 будет общественная собственность – в том понимании классическом, в котором это рассматривает классическая политэкономия. Хотя, в общем-то, какого-то достаточно подробного и непротиворечивого описания этого феномена особо нет. Собственность, которая будет базовой в НИО.2, будет отличаться от того понимания, которое есть в учебниках по политэкономии, которую мы изучали в свое время. И в нашем представлении это не будет государственная собственность, некая «общенародная собственность на средства производства». Это будет диффузная «форма» собственности преимущественно, и причем формироваться она будет постепенно, вырастая из той собственности, которая сегодня есть. Это будет

все более и более широкое разделение, расщепление собственности – на целый спектр ее функциональных принадлежностей, т. е. функции владения, распределения, использования и т. д., на дробление и проч. Я об этом писал, не будем вдаваться сейчас в детали. При этом, если мы правильно понимаем, собственность обычно рассматривают только как институт собственности, и все. А на самом деле, собственность как феномен всякий раз разная, и у него есть различные аспекты, из которых и проистекает развитие этого феномена, в том числе – его институциональный аспект. Предметная собственность. Ценность собственности. И т. п. Например, если нечто нам не нужно, то ценность этого «нечто», этой собственности – падает. И она может стать вообще не собственностью, «истончиться».

АВБ. Да.

СДБ. Просто выходит за пределы института собственности. А другое нечто, к примеру, в процессе развития становится очень ценным и важным. Причем это нечто – поначалу ничья собственность. Несобственность. И вот в этом случае появляется институт, закрепляющий эту важную вещь как собственность. Вот простые классические примеры. Была земля, не являлась важной собственностью, была ничьей собственностью (и никакой не общей, не общественной!), несобственностью, а потом – стала собственностью, важной собственностью. Есть теперь земельные вложения всевозможные. Почему? Стала ресурсом, и постепенно – все более значимым, с развитием экономического общества.

Или – интеллектуальная собственность, появилось понимание в XIX веке, начали об этом задумываться. Почему задумываться? Потому что, я подчеркиваю, знания стали приближаться к тому, что они становились ресурсом, производительной силой. И поэтому, соответственно, становились все более важным ресурсом для того экономического базиса, который тогда сформировался (кстати, в НИО.2 интеллектуальная компонента производства, в виде сублимированного знания, станет основным ресурсом, но ее статус как собственности видоизменится, о чем скажем чуть позже). Соответственно, появились уложения, закрепляющие все эти вещи: патенты всевозможные, огораживание этой собственности и т.д. Но точно также будет происходить диффузия и этого вида собственности – постепенно, точно так же исто-

рически вынужденно будет «уходить» со временем, когда вот эти самые отдельные, параллельно и последовательно разделяемые функции собственности будут снижать свое значение.

Таким образом, мы перейдем к другой собственности, которую я условно мог бы назвать диффузной собственностью. Это будет «разнообразная» форма собственности, «смешанная» форма собственности, «размытая» форма собственности, которая, в то же время, для того же будет предназначена, что и сейчас – по своему назначению, по своему использованию, скажем, функциональному значению, по своей значимости и т.д. для развития общества, для удовлетворения потребностей людей. При этом будет преимущественно то, что сегодня, в нынешней экономике, пробивается как так называемая «ассоциированная собственность». Правда, я считаю этот термин некорректным принципиально, поскольку в историческом контексте идет не ассоциирование (соединение) собственности, а, наоборот, «диссоциирование», диффузия собственности. Суть явления, феномен собственности в своей сути, в НИО.2 – сохраняется, но происходит изменение ее формы, а через это – подготовка к другому ее «существованию», ее «испарению» в нооэкономике. Это – аналог изменения физической формы вещества. Вот – представим, проведем параллель, что собственность – вода. В одних условиях («замерзшее общество», экономическое общество) – это лед, кристалл. Потеплело (переход к НИО.2) – диффундировал кристалл в жидкую, размытую форму. Молекулы (и суть (удовлетворение потребностей), и корни) – одни и те же. Еще нагрели (переход общественного развития к нооэтапу) – диффундировала вода в пар, в иное, еще более диффузное состояние, постепенно (с развитием ноообщественных отношений) испаряется до полного исчезновения. Хотя отдельные молекулы (основа) остаются. Всё. Собственность как институт – испаряется. То, что составляло предмет собственности, – остается.

Сейчас мы уже видим некоторые проявления этого движения развития общества. В разных видах, и назывались эти виды проявлений по-разному, иногда даже – с искажением сути. Вспомним, к примеру, советские так называемые общественные фонды потребления. Или посмотрим на нынешние тенденции в сфере удовлетворения потребностей, всегда бывшие и ранее, но сейчас всё более проявляющиеся. К примеру, многие вещи, в том

числе произведенные в рамках создания общественного продукта, потребляемые людьми бесплатно (то есть вне парадигмы экономического способа распределения и удовлетворения потребностей людей!). Более того, в общественном производстве, в общественном удовлетворении потребностей, производятся не только продукты, в номинальном представлении, но таким продуктом являются и услуги – а сколько услуг мы получаем вне экономических отношений?! А развитие волонтерства, благотворительности, «творчества не на продажу»?!..

«Собственность» (продукт, услуга) отчуждается без замены на другую «собственность», ее значение именно как «собственности» теряется. Но это – не развитие в сторону перехода к «общественной» собственности. Это – развитие в сторону «испарения» собственности. НИО.2, с этой точки зрения, не социализм.

Теперь о другом.

Там, в социализме, если посмотрим программу КПСС, «укрепляется роль рабочего класса». Да?

АВБ. Да.

СДБ. Ничего она в НИО.2, в индустриальном обществе следующей генерации, не укрепляется, «никуда» она не укрепляется, эта роль. Ни в какую сторону. Ни в каких аспектах. Укрепляется роль не рабочего класса, а того класса, даже не класса (классов при приближении к ноообществу тоже не станет), а тех индивидов, иногда – временно объединяющихся групп индивидов, которые будут владеть основным ресурсом, им необходимым для решения задачи этого самого материального производства, т.е. знаниями. И будут вовсе не рабочие «определяющую роль» в обществе иметь, а вот эти самые люди, которые будут обладать знаниями. Рабочие ли они, или специалисты, или какие-то «воротнички», как угодно их ни назови. Но это – не то классическое представление о рабочем классе. Рабочий – наемный работник, кем-то нанят, кто владелец средств производства. Заметим, что в социализме советской парадигмы работать этот рабочий будет как наемный на средствах производства, которое, что невероятная глупость, принадлежит ему же самому. Он сам себя нанял. Вот наш социализм. Поэтому и выродилось такое общество, которое на самом деле пародией стало на нормальную жизнь. Потому что это – тавтология. Это даже не тавтология, это просто абсурд. И вот – эта самая «об-

щенародная собственность», «социалистическая собственность». Измучились десятки авторов, если не сотни, пытаюсь определить, что же такое «социалистическая собственность». «Виды собственности» описали, все что угодно, но на самом деле это – несерьезно, это абсурд. Не может быть рабочий, т. е. наемный работник, нанят самим собой. Это неправильно.

Дальше, про классы.

Понятно, что «одноклассники» имеют некие общие «классовые» интересы. Это – единственное, что их объединяет, по большому счету. Интересы – это выраженная социальная потребность, которая выражена социальным образом, потребность какая-то. Таким образом, общие интересы – это значит, что у них есть и общая потребность, по большому счету, если в глубину копнуть.

Но будут ли общие потребности у тех людей, которые будут заниматься в обществе НИО.2, у групп этих людей? Конечно, какие-то потребности где-то будут совпадать. Но расширение потребностей, расширение плюс индивидуализация потребностей приведет к тому, что у всех будут потребности более-менее разные. Скорее – всё более и более, чем менее. И объединить их в интересы, сформировать на этой базе какие-то такие массовые классы, в институциональном понимании, будет, наверное, неправильно и, вероятно, невозможно. Это могут быть ситуативные группы, это могут быть группы по интересам, это то, что происходит сейчас в мире, ситуативные конгломераты. И эта ситуация все больше и больше будет расширяться. Поэтому говорить о том, что НИО.2 и социализм «параллельны», или что НИО.2 – это аналог, вследствие и этого фактора, – неверно. Кто-то из коллег на состоявшейся недавно международной конференции правильно сказал, что чисто формальные могут быть «параллели» (по «внешнему виду»!) у идей НИО.2 и теории ноономики для тех людей, кто знает, что такое социализм и, соответственно, коммунизм. Почему я и говорю, что это – люди с одной «кафедры». Говорю «кафедра» в кавычках, в широком смысле, но, не будем уходить в сторону, можно иметь в виду – и без кавычек. А вот те, которые не знают, что такое социализм и коммунизм – для них таких параллелей не существует. Потому что их нет реально. Это – не параллельно. Но это – не слишком противоположно. Не стопроцентное отрицание, корень – общий, внешние черты во мно-

гом (по результату!) – схожи, а вот структура – разная. НИО.2, нообщество – это скорее перпендикулярно к этим традиционным понятиям – социализм, коммунизм. Это – другое.

АВБ. Да.

СДБ. Дальше. Написано в программе КПСС, квинтэссенции политэкономической мысли, насколько я, по памяти, точно воспроизвожу – что коммунизм – это некое распределение по потребностям...

АВБ. Коммунизм – это, да. Труд – по способностям, распределение – по потребностям. Но это – коммунизм...

СДБ. До этого дойдем.

АВБ. А социализм – это распределение по труду. Каждый – по способностям, каждому – по труду.

СДБ. Но будет ли это по труду в НИО.2? Не будет. Потому что, во-первых, значение труда как фактора общественного производства будет снижаться. А, во-вторых, уже сейчас мы наблюдаем, что, несмотря на повышение возможностей технологического прогресса, распределение идет абсолютно несправедливо. А то, что будет в НИО.2, – это будет бо́льшая социализация общества. Сейчас без прямого участия в трудовом процессе отдельные индивиды (инвесторы, владельцы базовых ресурсов, наниматели тех, кто может справиться с использованием этих ресурсов) получают непропорциональную долю в итоговом продукте. Растет неравенство. Потому что основано экономическое общество на владении собственностью. Чья отвертка – тот больше получает (и инвестирует потом в следующую отвертку). Тот, кто владеет этой отверткой временно, управляет ею в процессе производства продукта (работник, менеджер и т.п) – тоже отщипывает кусок пирога – но пожиже. И нет у него возможности за счет этого более жидкого куска инвестировать в новую отвертку, он свой кусок проест, но хотя бы потратит частично на получение/повышение квалификации/знаний и сможет заработать за счет инвестиций в себя следующий кусочек продукта. А знаниеемкость продукта растет, и работника вытесняют знаниенасыщенные автоматы-отвертки, и работнику уже не хватает на инвестирование в себя, он беднеет, не получая достаточных знаний/квалификации... Этот процесс ведет к расширению сферы неравенства. Как преодолеть этот порочный круг? Как и за счет

чего будет происходить это преодоление? В том числе – неравенства? А снижаться оно будет за счет того, что знания, во-первых, становятся всё более важным ресурсом и общественного производства, и развития общества, во-вторых, знания, в силу своей природы, принципиально неудержимы и будут все больше «приходить» к людям; владельцы знаний/квалификаций/компетенций будут все больше и больше «владельцами жизни». И их будет не сакрально мало, как египетских жрецов, а все больше. В этом случае они будут и добиваться, получать от общественного пирога, производственного пирога или любого другого пирога больше. Более равномерно. Более справедливо. Но – не «по труду», а по «знаниюценности». Без прямой привязки к трудовому процессу. Приложите эти два фактора к третьему – диффузии собственности, и вы получите понимание того, как будет расти социализация общества. Не социализм, не «социализмизация» – социализация! Это не значит, что не останется людей, которые будут получать как условные рантье. Их, более того, будет становиться больше, с развитием социализации – смотри выше, мы это уже обсудили (снижение значимости собственности, диффузия ее, производство общественного продукта в масштабах и качестве, все менее требующих усилий по их «добыче»...). Люди все более будут получать от общества, в процессе общественного производства, «не по труду» – средства для существования, необходимое для жизни, возможности реализации своих потребностей. Кто-то будет из них непосредственно (в меру своих знаний и сил, а также необходимости «дополучить» то, что не может пока получать «без труда») участвовать в трудовой деятельности, но у них будут гораздо более широкие возможности получить от общества необходимое для их жизни и развития. Но будут и другие люди, которые не будут в этой деятельности участвовать, но будут заниматься творческими вопросами, саморазвитием – вот, к примеру, пошутим, будут читать/писать про НИО.2. Будет ли это трудом? Труд – в экономическом обществе деятельность, предполагающая вознаграждение в рамках распределения «общественного пирога». Нельзя назвать трудом то, что человек делает вне этой парадигмы деятельности. Это будет, скажем так, – «занятие». Труд – фактор производства общественного продукта, и этот фактор будет «усыхать» в НИО.2, с вытеснением человека

техническими сущностями из производства, полностью «испаряясь» при переходе к ноономике. Так что период НИО.2 – это период такого перехода. И «получать» люди будут «не по испаряющемуся труду», а по иным критериям.

Конечно, можно заметить, что и при том социализме, который был у нас в советское время, людей, которые получали «не по труду», тоже было полно. Но! Но они жили за счет обирания общества или за счет другого человека, а вовсе не за счет труда и трудового распределения. Это – другой способ «добычи» необходимого для жизни. И это – не параллель с НИО.2.

Мне кажется, что даже исходя хотя бы из этих вещей, простого формального анализа, нельзя говорить о том, что НИО.2 и социализм – это тождественные вещи. Это – другие вещи. Понятно, что и одно и другое произрастает, если окинуть политэкономическим взглядом, из одного корня развития общества. Но – разные, по сути, отпрыски получаются.

Что касается коммунизма – высшая стадия, фаза и т. д. От каждого по способностям, каждому по потребностям. Несимулятивным потребностям, видимо, а реальным потребностям. Это – очень важная на самом деле вещь. Отличающая, так сказать, классическое «распределение» при коммунизме – по крайней мере, описанного программой КПСС, от того, что будет в НИО.2, в ноообществе. От каждого по способностям. Кому отдавать это «по способностям»? Не будет никакого «по способностям». Будут просто люди жить, и те, у кого никаких способностей нет, тоже будут жить. Будут одинаково нормально жить все в ту меру, кто как себя осознает. Полагаем, осознает себя, свои потребности, в ноокритериальной базе. Так и будут жить. И не будет никаких «общественных» вещей, потому что это не будет «общество свободных и сознательных тружеников». Да – не будет труда, не будет и тружеников. Но, конечно, они будут действительно свободны. И они действительно будут сознательные. Но вовсе – не труженики, а индивиды – члены общества.

Дальше. Общественное самоуправление в коммунизме. Будет это в ноообществе, общественное самоуправление? Не будет общественного самоуправления. Это будет другой, особый тип «управления». Вот, если вы помните, мы говорили с Вами на одном из коллоквиумов о государстве. И статью я по этому поводу

публиковал в прошлом году, если помните. О том, что государство будет менять свои функции. Останется некий аналог этого института, который будет регулировать отношения индивидов – на основе осознанного и свободного принятия ими регуляторного «бремени» (помним, свобода – это осознанная необходимость и т. п.). Не управлять, неправильно иметь в виду – управлять, но – регулировать отношения людей, не касающихся их отношений в сфере того самого производства, потребления, распределения и т.д. и т. п., экономических и вытекающих из них отношений – поскольку не будет таковых. Потому что они будут жить за счет потребления продукта, производимого (и воспроизводимого) самодействующей производственной системой, от человека отделенной, как за счет природы живут. Можно сказать, такая производственная система станет частью «природы», экосистемы ноочеловека. Они будут жить за счет материального производства, где материальная сфера, которая будет производственной системой, сама станет удовлетворять ноопотребности, несимулятивные потребности людей. Вот это будет. А вовсе не некая структура под названием «общественное самоуправление», абсолютно размытое понятие. Непонятно – что это такое за нечто, которое будет каким-то образом «самоуправляться». Самоуправляться будет производственная система под контролем человека, вот это – будет самоуправляться, если говорить так. Под контролем человека – это не совсем самоуправляться, а управляющее воздействие будет давать человек. Это – следующее отличие теоретической концепции нообщества от этого нашего коммунизма.

Или, допустим, тезис: «труд на благо обществу станет первойшей жизненной потребностью». Вопросы нет, заниматься чем-то – это потребность человека, и это действительно объективная потребность, которая будет. Станет ли она осознанной потребностью? Наверное, может быть, и осознанной человеком потребностью. Потому что он должен осознать, что у него должны быть потребности несимулятивного типа и труд (называться слово он может как угодно, в том числе и «труд», но, в его понимании, в понимании теории ноономики, это – не труд) – это занятие некое, которым человек занимается по своему собственному осознанию, разумению, убеждению и т. д. А вовсе не тем трудом, который необходим для обмена для получения возможности реа-

лизации своих потребностей, для удовлетворения своих потребностей. Потому что сегодня без труда «не выловишь и рыбки из пруда», это – экономическое понимание. А в ноообществе – выловишь. Потому что рыбку принесет робот. И труд для этого будет не нужен. В этом плане – не станет «трудом», он больше того, он не станет «необходимостью», потому что необходимости в этом не будет.

Дальше, помните, в программе КПСС – общественные блага прямо «польются полным потоком», «с наибольшей пользой для людей будут применяться способности людей» и т. д. Я задаю вопрос нашим разработчикам программы КПСС: что есть польза? Нет ответа. Польза разная для всех. Помните Библию? Червяку полезно, чтобы его не съел голубь, а голубю полезно съесть червяка. Что это такое – польза? В экономическом обществе под пользой понимается выгода. «Выгадать» у кого-то за счет кого-то. Если это применять, тогда как же быть с выгодой для народа?

АВБ. Ну, это явно не это понимание.

СДБ. А какое? Здесь просто – логический тупик, из которого нет выхода. И этот принцип нельзя использовать при построении логической конструкции. Иначе конструкция нелогична, противоречива.

Дальше, что такое «народ»? Что такое народ, Александр Владимирович? В каком «понимании» мы должны понимать понятие «народ»? А отсюда – «общенародная собственность», «интересы народа» и прочее, это что? Если классические определения народа здесь не подходят, этнографические, какие-то демографические и т. д., народонаселения, если эти определения не подходят? Политэкономического определения народа не существует. То есть программа КПСС – это полная неразбериха в определении коммунизма. Почему? Потому что никто это не разработал. И ссылаться на то, что ноообщество – это некий аналог коммунистического общества, которое абсолютно является просто чистой фантазией «недодумков», людей, которые не додумали до конца, иначе бы нашли в процессе анализа многие противоречия и как-то бы их попытались разрешить – да это просто неверно. Вот вам мое отношение к тому, что это – «параллели», «меридианы» и прочие такие вещи...

АВБ. И пару слов – про собственность, Сергей Дмитриевич, про собственность Вы хотели проговорить про экономические, производственные отношения.

СДБ. Опять возьмем статью, присланную в журнал «Экономическое возрождение России» одним из авторов. Этот ученый, кандидат наук, пишет в статье своей, если я правильно помню статью, что форма собственности в НИО.2, в ноообществе точно не определена.

Я могу сказать, там действительно не определена форма собственности. Сделано это умышленно, от слова мысль, по некоторым размышлениям. Об эволюции феномена собственности в НИО.2 я уже сказал только что. Я могу сказать, что с точки зрения моей, я не делаю каких-то исследований этого феномена в ноообществе, тем более – с точки зрения «формы» собственности, в силу того, что форма должна быть, иметь, кроме всего прочего, сначала предмет, т.е. иметь, кроме формы, еще и содержание. Если мы понимаем, что содержания некоей субстанции нет, то какая форма может быть тогда для нее определена? Естественно, там ничего не определено. Когда мы говорим о ноообществе – там отсутствует собственность и институт собственности, как таковой. И в этом плане, значит, о форме собственности говорить просто бесполезно, бессмысленно. Ну а что касается «диффузной» собственности на этапе НИО.2 и прочем, то об этом мы собирались на СПЭЖе-20 в марте поговорить, какие-то такие, мне кажется, появились тенденции, и переход феномена собственности в новое состояние изучать. Так что здесь я могу в какой-то мере согласиться, что это точно не определено было в самой книжке «Ноономика», но это – предмет дополнительных исследований вещей, о которых мы сегодня немного говорили.

В любом случае, собственность – это основа того, что и у Маркса, и у марксизма в целом, подразумевается при определении производственных отношений? Возьмем по Марксу – производственные отношения. Я думаю, что есть две трактовки, я соглашусь с Марксом и с Бузгалиным, что вообще-то это отношения не просто в производстве, а отношения к производству жизни, как мы понимаем. Опять же, какой жизни? Здесь частично можно с этим соглашаться, но в целом могу сказать – читаем в Большой Советской Энциклопедии: «отношения в процессе производства, распределения, обмена, потребления материальных

благ». И дальше – это совокупность экономических отношений. Почему это блуд? Потому что и распределение, и потребление, выпадающие эти две вещи, особенно потребление, существовали и без экономических отношений. И будут существовать позже, потому что экономические отношения – это отношения, который касаются возмездной мены (а иногда, и чаще, обмана), суть их определяется: ты – мне, я – тебе. То есть кто-то за что-то должен, не зря появилось слово «обмен» в этой трактовке, в этой формулировке. Потому что обмен предполагает появление неких критериев, почему мы меняем это на вот это, потому что мне надо это, потребность такая, а тебе это, у меня есть это, а у тебя есть это. Это появилось тоже на определенном историческом этапе. Когда потребности расширились и появилась необходимость их удовлетворять не просто за счет того, что пошел, увидел банан, съел – и удовлетворил свою потребность, да? Появилась потребности еще в чем-то другом. В результате появилась необходимость менять, что-то еще делать для обмена, деньги и т. д. Таким образом, если мы говорим о том, что вся совокупность таких вещей, обмен, потребление и т. д. – это совокупность экономических отношений, это некоторый блуд. Если вспомнить Маркса «К критике политэкономии» – там говорится об объективности этой вещи; это действительно не зависящая от воли человека объективная вещь. Потребности объективны? Здесь я могу с профессором Момджяном согласиться, что потребности существуют объективно. Как и знание. Другое дело, что человек их осознает. Здесь я бы возразил философу Момджяну, что я понимаю под потребностью то, что уже осознано человеком, после открытия им кванта знания о своей потребности. Такой вариант трактовки потребностей в теории нономики важен потому, что позволяет прийти к разделению потребностей на реальные и симулятивные (в его трактовке – вероятно, необъективные?). И когда человек осознает некую потребность, он может получить фальшивое знание о ней, на этапе осознания ему можно втемяшить все что хочешь в голову. В результате появляются симулятивные потребности. И отсюда – у меня абсолютно правильная трактовка, на мой взгляд, потому что в таком виде инструмент под названием «потребность» позволяет открыть замък нашего представления о цивилизационном развитии, понять и описать, как человек дальше развивается, в то вре-

мя как коллега Момджян, как чистый философ, относится к этому вопросу – об исследовании потребностей – философически, то есть об этой части второй, что эти потребности осознаются, не говорит. А вот Маркс говорит об осознании, об осознанных потребностях. И, кстати говоря, в классической политэкономии, и в теории научного коммунизма об этом тоже говорят. Помните, когда говорят о «сознательных тружениках»?

АВБ. Да.

СДБ. Сознательных – это от слова «осознать», но только они говорят о сознательных именно тружениках, а я считаю, что надо говорить о том, что все, что человек осознает, дает ему определенный импульс к жизни. И в этом плане – не труженик «осознает», что ему необходимо, а человек (вообще – человек!) осознает свои потребности. Осознает, какие правильные, а какие из них – неправильные, какие наносят ему ущерб, а какие – нет. Какие наносят ущерб интересам других людей, у кого-то что-то отбирается в результате... Он ищет баланс; человек постоянно ищет две вещи – баланс и надежность. Надежность обеспечит технологический прогресс в ноообществе, а баланс потребностей он должен установить сам – что симулятивно, что несимулятивно, на основе ноокритериев. Все понятно, чисто математическая модель отношений.

Дальше сложнее немного. В упоминавшемся выше недавно полученном журналом «ЭВР» тексте я нашел что? Я бы остановился на какой фразе? С одной стороны, Маркс и Энгельс, материальное производство, «диалектическое единство производительных сил и производственных отношений». И это диалектическое единство составляет базис, определяет надстройку, там, прочие такие вещи, духовное развитие...

АВБ. Политику.

СДБ. Да, да, да. Но в то же время, если мы посмотрим, опять же, Маркса, то там речь идет о чем, в «К критике политэкономии»? О том, что совокупность производственных отношений, насколько я помню, определяют экономическую структуру общества. Я бы обратил внимание не на то, что определяет экономической строй, или экономику как совокупность, или экономику, как нечто целое, а определяют структуру экономики, не экономику в целом, а структуру экономики. Экономические от-

ношения, экономика – и структура экономики, это – не одно и то же. Отсюда проистекает нетождественность этих производительных, производственных отношений и экономических отношений, нетождественность. А в статье автор делает ошибку здесь, он говорит, что «один из выводов, непредвзято если посмотреть, – это тождественность этих отношений». Это – не так. Я больше того могу сказать, все-таки если говорить о производственных отношениях, то это отношения, еще раз вспомню классическое определение, что там целая совокупность того, сего, в том числе и производства, правильно?

АВБ. Да.

СДБ. В процессе производства и т. д., так. А представьте себе, Вы нашли банан, а я нашел яблоко. Мы не трудились, производства не было, но мы с вами обменялись, вам выгодно получить яблоко, а мне банан. У нас экономические отношения?

АВБ. Ну, с вашей точки зрения, да, и с точки зрения рыночной экономики – да, а производственных отношений нет.

СДБ. Именно. Рыночная экономика – такая же экономика, как и любая другая, потому что «рыночная» – это её характеристика, а «экономика» не может исключить обмена.

АВБ. Да, это – да.

СДБ. Совокупность упоминавшихся четырех частей составляет экономическую структуру общества, а не только отношения, в которые вступают в процессе чисто производства материальных благ. Так что здесь я понимаю, что этот самый базис, определяющий надстройку, – это экономический базис. Понимаете, Александр Владимирович, в чем особенность? В том, что это еще, притом, не значит, что эта надстройка, вся, которая есть, должна определяться даже одним экономическим базисом, если говорить в целом, то есть не только опирается на совокупность производительных сил, производственных отношений, но и даже, в целом, на экономический базис, потому что надстройка – она все-таки шире. И хотя Маркс подразумевал, как пишут, то, что вся человеческая жизнь определяется именно этим, я не могу с этим до конца согласиться. Почему? Потому что не вся человеческая жизнь определяется этой частью, есть еще некая такая сфера духовная, которая определяется другими вещами. И это позволяет нам говорить о чем? О том, что может состояться разрыв меж-

ду именно экономической базой, хотя я не говорю о материальных каких-то вещах, я говорю об экономической базе, которая является не совпадающей с экономическими отношениями и совпадающей с производственными отношениями в целом. Но при этом точно так же могу сказать, что не все определяется только производственными отношениями в жизни людей, и тем более, не все определяется экономическими отношениями, потому что есть иные отношения. Если у нас отношения, условно говоря, любви, потребность в любви есть?

АВБ. И безотносительно к экономике, да. Сергей Дмитриевич, я тут на секунду перебыю. Просто у Маркса есть не только базовые высказывания, которые традиционно воспроизводятся, да и в марксизме тоже. Поэтому то, что надстройка, и тем более духовная жизнь, относительно независима от базиса и оказывает обратное влияние на него, хотя основное – это определение. Это присутствует, в общем, поэтому тут Вы вполне солидарны с современным марксизмом и даже, на самом деле, с самим Марксом, если глубже его трактовать, но не солидарны совершенно справедливо с довольно такими примитивными учебниками советской поры. Так что здесь я в полной мере Вас поддерживаю, да.

СДБ. Я как раз и подвожу – к чему? К тому, почему я и сказал, что Бузгалин может написать более ясно, это – продвинутая версия марксизма. А в то же время классические вещи это, в общем-то, четко не определяют.

АВБ. Да.

СДБ. Но я бы добавил, что на самом деле отношения, если проговорить вот этот пример о любви, то – есть любовь по потребности и которая не определяется никак экономическим базисом. А есть любовь – за деньги, проституцией называется, и выгоду ищет, и за пользу, и за «вышла за старика, потому что он богат, а люблю другого». Вся классическая литература об этом.

АВБ. Да.

СДБ. Она – о том, что это совсем не так и что не все этим определяется. Я, больше того, скажу: этап, когда возникла, – экономика – это этап проституирования отношений людей, а экономика...

АВБ. Слушайте, Сергей Дмитриевич, я прошу остановиться на секунду! Это просто, что называется, короткое четкое

выражение – афоризм, вот, не сразу даже дошло. Потрясающий совершенно афоризм, да, запомним.

СДБ. Если говорить афористично, то экономический способ удовлетворения потребностей людей – это проституированный способ удовлетворения потребностей людей. Все потребности можно удовлетворять без экономики. Экономика – это просто то, что позволяет, как механизм, каким-то определенным образом установить порядок удовлетворения потребностей. Часы – чтобы узнавать время, но оно-то существует независимо от часов. Другой порядок – «по солнышку» время узнавать... Этот порядок – как раз эти самые отношения, которые складываются в процессе производства, распределения, обмена/обмана...

АВБ. Не обманешь – не продашь!.. Да, извините, это я так.

СДБ. Не обманешь – не продашь. «Не обманёшь (есть другое, некорректное, но точное русское ненормативное слово) – не проживёшь», к сожалению, житейская мудрость, приобретенная людьми долгим проживанием в условиях экономического общества. Но Вы понимаете, это – принципиально противоречит тому, что будет в ноообществе. Ноообщество, его жизнь, определенная материальным базисом ноономики, не будет построена на экономических отношениях, которые перестанут быть основой жизни общества и его развития. Экономические отношения исчезнут, а материальное производство никуда не денется, оно останется и будет развиваться как независимая система под контролем человека для того, чтобы удовлетворять потребности людей, минуя экономический механизм распределения, обмен. Потому что каждый будет получать индивидуально то, что он осознанно, в ноомере, считает необходимым для себя получить. Точка.

**Онлайн-коллоквиум Института нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему
«Культура и социальные аспекты теории ноономики».
Стенограмма**

(Лондон – Вена, 13.07.2020 г.)

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

Л. Габриэль – директор Института межкультурных исследований и сотрудничества (Австрия), профессор.

Лео Габриэль (ЛГ). Добрый день, господин профессор! Рад очередной встрече, хотя, к сожалению, лишь в онлайн. Пожалуйста, скажите, видели ли Вы текст моего доклада, прочитанного в рамках видеоконференции под эгидой МАЭФ? В этом докладе содержатся мысли, которые могли бы, как мне кажется, оказаться полезными в Вашей дальнейшей работе над теорией ноономики и книгой «Ноономика», особенно в плане ее восприятия на Западе.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Приветствую Вас, Лео! Я тоже доволен, что удастся провести эту беседу, пусть и в онлайн.

Я бы хотел воспользоваться ситуацией и поблагодарить Вас, Лео, за Ваше участие в организации публикации «Ноономики» на испанском языке и проведенную Вами презентацию-семинар по ноономике в Мехико. Для меня это очень важно, тем более, что сам я в связи с занятостью не смог там физически присутствовать. Это – не только сотрудничество, но и взаимовыручка.

ЛГ. По моему мнению, когда дружба и деловые отношения идут рука об руку, от этого выигрывают все. Директор мексиканского издательства – мой друг. Он вдохновлен идеями, высказанными в Вашей книге. Он полностью поддерживает Ваши идеи. Кстати, сейчас он работает над довольно утопичным проектом: серией из 8 важнейших для общества книг, включающей в

себя как работы Карла Маркса, так и «Маленького принца» Экзюпери. Он хочет, чтобы эта серия легла в основу новой образовательной программы, направленной на формирование действительно важных ценностей. Это – его мечта.

СДБ. Это – замечательная мечта, и вместе с тем – крайне нужный в наше время проект. Мне кажется, что идеи «Ноономики» во многом созвучны идеям этого проекта.

ЛГ. Да, в «Ноономике» меня особенно привлекло то, что Вы не просто упомянули культуру, а сделали ее неотъемлемой частью существующей системы наравне с экономикой. Это очень важно, особенно в контексте последствий пандемии. Культура – основа всего.

СДБ. Абсолютно с Вами согласен.

ЛГ. Сегодня важно дать обществу понимание истинных ценностей. Поэтому важны такие книги, как Ваша, и я бы хотел предложить Вам издать книгу "Ноономика" на немецком языке. В ходе нашей встречи в Москве я говорил, что для издания книги на немецком я бы рекомендовал ее адаптировать для немецкоязычной аудитории, сделав акцент на том, что в «Ноономике» предлагается целостная концепция хозяйственной деятельности, которая может вместить одновременно разные аспекты культуры. В этом заключается моя идея.

Я имел контакт с австрийским издательством, которое заинтересовано в издании Вашей книги. Директор издательства сказал мне, что он готов взять на себя издание и распространение книги на немецком языке, а я мог бы выступить в качестве редактора. Для работы над книгой мы уже подобрали прекрасного переводчика Алексея Ключевского. Он может перевести текст с русского языка на немецкий. Я его хорошо знаю, поэтому мы без труда могли бы организовать совместную работу над переводным текстом, так как он хорошо меня понимает и мог бы вносить необходимые правки в процессе перевода. Решение – за Вами.

Мне кажется при этом важным донести до немецкоговорящего читателя Ваши идеи как можно точнее, но ментальность немца и особенности восприятия немецкого языка отличаются от русского или английского, поэтому я бы предложил подумать над адаптацией оригинальной версии книги с учетом этих особенностей. Если хотите, конечно, можно перевести на немецкий язык и

оригинальную версию, которая легла в основу испаноязычного издания. Однако есть и второй вариант. Может быть, мы могли бы обсудить возможность внесения изменений в текст. Возможно, мы могли бы отработать вопросы этих адаптаций совместно и воспользоваться также текущей ситуацией вокруг пандемии, которая показала полную несостоятельность рыночного фундаментализма и крах неолиберальных идей.

СДБ. Согласен, что пандемия могла бы, да и, пожалуй, должна найти свое отражение в новом издании книги. Все события последних месяцев подтверждают верность идей, высказанных мной в «Ноономике». Однако я бы не хотел чрезмерно менять оригинальный текст. Дополнения в немецкий текст можно было бы внести, к примеру, в виде сносок или примечаний, отметив отдельно их актуальность в контексте пандемии.

ЛГ. Сейчас в Западной Европе активно обсуждается ситуация, сложившаяся во время пандемии, а также рассматривается дальнейшее развитие общества по окончании пандемии. Эти темы обсуждаются очень бурно, особенно в странах Латинской Америки и Западной Европы. Все чаще звучит призыв к насаждению экономики солидарности, то есть экономики, основанной не на конкуренции, а на кооперации (взаимодействии). Сейчас эти идеи получают признание и пользуются поддержкой по всему миру. Речь идет о переходе от экономической модели, в центре которой стоят деньги, к экономической модели, центром которой будет человек. И этот тренд находит свое отражение в «Ноономике».

Однако есть один вопрос, который неоднократно поднимался в ходе обсуждения «Ноономики» на презентации в Мексике (приношу свои извинения за то, что по техническим причинам не получилось предоставить Вам видеозапись презентации книги в Мексике): что делать с огромным количеством безработных, в том числе – тех, кто потерял работу из-за пандемии? Ведь большая часть населения Латинской Америки, Африки и Азии живет в сельской местности, занимается сельским хозяйством. Какова будет судьба этих людей в рамках продвижения к ноономике? Эта проблема в книге не освещается, а она крайне актуальна не только для стран южного полушария, но также и для юга Европы (Италии, Испании, Португалии).

СДБ. Это – большая проблема, как и многие другие, однако нужно понимать, что невозможно дать в книге рецепт на все случаи жизни. Тем не менее, по моему мнению, основным направлением развития должна стать социализация экономики, то есть избрание властями социальной направленности развития общества как приоритетной. Главная цель, которую я преследовал, когда продумывал теорию ноономики и писал книгу, заключается в том, что общество и его структуры управления, власти должны осознать истинные последствия технологического прогресса. В результате научно-технического прогресса, в частности, все больше людей вытесняется "за пределы" экономики, следовательно, необходимо предусмотреть меры социальной поддержки для этих людей с учетом того, что целые поколения, которые сейчас теряют работу, невозможно быстро переучить, не получится оперативно дать им новую профессию, новый род занятий, найти им место в новой реальности.

Сейчас в полном соответствии с идеологией неолиберального подхода бытует мнение, что необходимо развивать человека как субъекта экономики. Вкладываясь в так называемый человеческий капитал. То есть человек рассматривается как капитал, как объект вложений. У меня другой взгляд: человек – это не только "экономическая единица". У человека есть цели и задачи, которые не являются экономическими. Следовательно, средства и усилия государства должны быть направлены на социализацию экономики как на способ решения таких неэкономических задач.

О чем, по большому счету, книга? О том, что вся деятельность человека обусловлена его потребностями. И механизмы удовлетворения потребностей могут быть разными. Экономический механизм – лишь один из них, исторически объективно сложившийся, но который также исторически объективно будет сменен. В «Ноономике» ставится вопрос перехода к более разумному механизму удовлетворения потребностей, и при этом, что важно, отмечается, что экономические потребности не являются единственными. Есть социальные, духовные, интеллектуальные потребности. И чем дальше развивается человек, тем больше возрастает именно эта часть потребностей. Экономика – это лишь один из механизмов удовлетворения потребностей. Есть и другие механизмы для решения стоящих перед обществом проблем, выходящие за рамки текущих экономических моделей. Экономика сейчас предлагает факти-

чески тупиковый путь развития, чреватый возгонкой интересов капитала, в ущерб интересам человека, общества, природы.

ЛГ. Я, как представитель Социального форума, много путешествую по миру. Соглашусь с Вами в том, что перемены необходимы. Я бы предположил, что фундаментом для них могли бы послужить реформы на локальном (например, муниципальном) уровне, уровне инициатив местного населения. В экономической политике сейчас наблюдается беспрецедентная ориентация на извлечение прибыли, в том числе и преступным путем. Поэтому не стоит рассчитывать на то, что власти будут выполнять просто, без принуждения, свою социальную функцию. Напротив, следует полагаться на простых людей, на решение проблем на локальном, базовом уровне. Именно такие настроения сейчас преобладают на Западе. По моему мнению, при подготовке издания «Ноономики» на немецком языке было бы целесообразно учесть вот эти текущие тенденции в развитии западной экономической мысли.

Вы в своей книге следуете логике «от большего к меньшему», или от верхнего уровня к нижнему. А в западных странах в обсуждении, чаще всего, напротив, идут «снизу вверх». Возможно, в немецкой редакции книги следует отразить оба подхода. Однако этого будет сложно добиться в формате сносок или примечаний. Я бы предложил дополнить книгу одной-двумя главами, в которых бы рассматривался "западный" подход. В то же время можно сократить "историческую" часть книги, которая, несомненно, представляет интерес, однако не имеет непосредственного отношения к дискуссиям, разворачивающимся в наши дни.

СДБ. Это возможно. То есть, как я понимаю, Вы предлагаете вариант такой: сократить часть, которую Вы называете "исторической", дать описание позиций западных авторов в рамках отдельной главы, которая будет только в немецком издании книги. Я бы согласился, но добавил бы в сноске, в тех частях, которые будут сокращены, что более полная оригинальная версия доступна на русском и английском языках, и дать ссылку на книгу на сайте ИНИРа. Это можно сделать. Этот подход, может быть, позволит взглянуть на обсуждаемые в книге вопросы с других позиций и даст книге более современное звучание, ведь с момента ее написания прошло уже около трех лет. Однако прошу Вас более подробно пояснить, что Вы понимаете под "западным" взглядом, взглядом «снизу вверх».

ЛГ. В западном понимании культура подразумевает многообразие, в отличие от капиталистического или коммунистического (социалистического) общества, насаждающего идеи «сверху». Посмотрим на мир с другой точки зрения – снизу вверх, и мы увидим разнообразие и эффективность находящихся на базовом уровне групп, организаций и структур, которые не имеют ничего общего с государственной бюрократией. Например, на муниципальном уровне функционируют кооперативы, которые координируют свои действия с муниципальными властями. Вопрос – в том, как помочь этим организациям, которые подразумевают социализацию экономики (на уровне муниципалитетов, общин), стать альтернативой «большим идеям» (рыночному фундаментализму, бюрократическому социализму и т.д.). Ведь именно такие небольшие альтернативные структуры помогают всем и каждому, будь то интеллигент или чернорабочий, найти свое место в жизни. Важно понимать, что мы все разные, но вместе формируем единое целое. Эта мысль была в свое время высказана моим отцом, известным философом Лео Габриэлем в его книге «Integrale Logik», посвященной логике интеграции. Он писал о том, что нужно отбросить противоречия, признать, что у всех нас есть свои особенности, однако, вместо того чтобы развязывать войны из-за имеющихся различий, интегрировать их.

СДБ. Это – правильная идея, которая соответствует моему пониманию экономического перехода к социальному обществу, к ноообществу, базой которого станет ноономика, через промежуточный этап, который я называю «Новое индустриальное общество второго поколения» (НИО.2). Функционирование социально-экономической системы зависит от существующих структур, которые порождены стремлением разрешать возникающие проблемы и отвечать на возникающие вызовы, однако, тем не менее, не всегда способны обеспечивать решение актуальных проблем. Однако, мне кажется, важнее другое – состояние базовых институтов, на которых держится экономика в каждый период своего развития и существования. Очевидно, что функции этих институтов могут реализовываться через различные структурные механизмы, экономические структуры различных типов, в том числе – те, о которых Вы говорите.

В этом плане не следует забывать о наличии в современной экономике такого института, как собственность, и других

механизмов – таких, как ассоциированная экономика. В дальнейшем принципы института собственности будут размываться, будет изменяться сама суть понятия собственности. Это приведет к изменениям в использовании собственности, в том числе в рамках того же, к примеру, механизма ассоциированной экономики и таких ее проявлений, как каршеринг, таймшеринг и т.д. Эти изменения позволяют решать проблемы уже с применением новых структур. В том числе – на уровне "локальной" самоорганизации.

ЛГ. Полностью с Вами согласен. Вопросы собственности и имущественные вопросы имеют ключевое значение. Эти отношения необходимо в корне изменить, и перемены их обязательно коснутся.

Итак, мы понимаем, что эти позиции было бы хорошо представить дополнительно. И – еще один вопрос. Издание книги «Ноономика» на немецком языке будет успешнее на Западе, если внести изменения в ее структуру: убрать некоторые повторы, при этом я бы хотел предложить другой вариант, более интернациональный. «Ноономика» – это удивительная книга, и она только выиграет от того, что будет восприниматься не сугубо в контексте русской/российской культуры, а в общемировом контексте.

СДБ. Это – безусловно, правильное понимание смысла книги. Она – не о российской экономике или культуре (хотя русскоязычная версия предназначалась для русскоговорящего читателя, поэтому в ней широко присутствуют образы и метафоры русской культуры и отсылы к российской ментальности); ее невозможно рассматривать в отрыве от глобального развития человеческой цивилизации. Если это надо усилить – я готов это сделать.

Я был бы признателен Вам, если бы Вы взяли составитель перечень изменений, необходимых с Вашей точки зрения – как редактора немецкой версии книги и как немецкого интеллектуала. Ведь целевая аудитория книги – прежде всего такие люди, как Вы, интеллектуалы, а не продавцы цветов, при всем к ним уважении. Могли бы Вы посмотреть, что и как следует структурно изменить или дополнить именно с позиций западной ментальности? Разумеется, у каждой нации есть свои представления. Я при написании «Ноономики» отталкивался от своих представлений, своей ментальности, поэтому для меня очень важно Ваше мнение. Прошу изложить Ваши предложения по пунктам. Мы с Вами их отработаем и напишем, что вниманию немецких читателей предлагается

новая книга, основанная на материалах оригинальной книги и статьях автора (так как я в работе над немецкой редакцией книги планирую использовать свои статьи, опубликованные в последние пару лет), под редакцией Лео Габриэля, отражающей особенности западного взгляда на рассматриваемые проблемы.

Я знаю, что Вы прочли детально «Ноономику» и хорошо знакомы с моими идеями. Кроме того, мы многое смогли сегодня обсудить. Поэтому жду Ваших комментариев.

ЛГ. Мне очень нравится такой подход, так как он основан на кооперации, а не на конкуренции. Кроме того, предлагаю в октябре этого года организовать в Вене публичное обсуждение концепции ноономики с участием экономистов и экспертов до публикации книги.

СДБ. Постараюсь включить это мероприятие в свой график на октябрь. Хотел бы также пригласить к участию в нем сотрудников ИНИР, коллег из разных российских организаций и научных институтов, которые уже занимаются ноономикой. Если бы Вы прислали свои комментарии в августе-сентябре, у нас было бы время для того, чтобы их отработать и ответить на поставленные вопросы.

ЛГ. Совершенно очевидно, что я имею честь общаться не только с великим интеллектуалом, но и с блестящим организатором. Ваш подробный разбор планируемого мероприятия показал, что Вы являетесь прекрасным управленцем.

Надеюсь на продолжение нашего диалога. Если по дороге назад в Россию Вы могли бы на пару дней задержаться в Вене, я бы с удовольствием показал Вам город.

СДБ. Благодарю за приглашение. Если получится, обязательно заеду в Вену, однако у меня очень плотный график, мероприятия ВЭО и МСЭ, кроме того, начинается учебный год, а я занят в публичных лекциях в четырех университетах. Однако если Вы сможете приехать в Москву или Санкт-Петербург, с радостью Вас здесь примем.

ЛГ. Это лишний раз подтверждает уже высказанную мной мысль о том, что дружеские и деловые отношения можно совмещать, причем с обоюдной выгодой. Большое Вам спасибо. Я узнал много нового и надеюсь, что впереди нас ждут новые возможности для интеллектуального сотрудничества.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Социализация и человек в ноономике». Стенограмма
(31.08.2020 г.)**

Участники:

С. Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Сергей Дмитриевич, сегодня мы планировали переговорить о социализации и человеке в ноономике.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Когда мы говорим о ноономике, как, собственно говоря, о какой-то концептуальной платформе, мы подразумеваем, что высшей целью развития общества в плане движения к «ноо» является формирование человека как личности и существование личности в этом пространстве. Мы часто сталкиваемся с вопросом, который задают, и мне на лекциях задают иногда, и на семинарах, и в различных научных дискуссиях: человек, дескать, существо несовершенное, оно выстроено по определенным лекалам, условно говоря, и это существо переделать, сделать из него существо, которое будет руководствоваться критериями движения к ноообществу, не так-то просто или вообще невозможно. В частности, человек – биосущество, значит – естественно, что в нем заложены принципы зоологического характера существования: конкуренция, выдвижение своих интересов как особых интересов, в противовес интересам других членов общества, сообщества, интересов своих против не только общества, но и природы – как более важных и так далее. Что, в общем-то, как наши исследования показали,

может приводить к возрастанию конфликтогенности, а вовсе не к снижению ее, конфликтогенности, в процессе перехода к дальнейшим этапам существования цивилизации (а именно об этом говорит теория ноономики, имея в виду, конечно, существование человека в период после приближающейся «точки бифуркации» цивилизационного развития, если таковую человек сумеет пройти, сохранив позитивный тренд этого самого цивилизационного развития, а также говоря о представляющейся возможности, с учетом уровня современного НТП и производства, снижения уровня конфликтогенности при осознанном правильном выборе путей и инструментов такого развития).

В конечном счете, если эта ситуация не будет нами учтена при развитии человечества и изменена, то она может привести к катастрофическим последствиям для цивилизации с учетом той парадигмы экономического развития, экономического существования, экономической реальности, ее динамики, нынешней динамики, которую мы наблюдаем (усиление роли финансового капитала, поглощение финансовым капиталом интересов людей, общества, условно, в кавычках, «интересов природы» (и так далее и тому подобное в среде существования) и прочее, в угоду тельцу, финансовому тельцу).

Поэтому, говорят скептики, поскольку человек выстроен как биосущество, как «зоо»-существо, то на то, что что-нибудь позитивное здесь в этом плане проклюнется, мы можем рассчитывать, если будем большими романтиками. Почему? Потому, что не существует якобы методов, способов объяснения человеку и принятия человеком, восприятия человеком как неперменной парадигмы существования неких других принципов существования, кроме зоологических.

На это мы, конечно, уже частично ответили в статье «От «зоо» к «ноо»...», которая была опубликована в прошлом году в журнале «Вопросы философии». Там заявлено движение человека в своем развитии от «зоо-» к ноо-принципам, это аргументировано и показано, что на самом деле человек постепенно, со становлением его как личности, все больше и больше приобретает характер существа ноотипа, гуманистического существа, учитывающего не только собственные интересы, но и интересы ок-

ружающего пространства, общества, среды, других людей, жизни, предметов вокруг себя и так далее.

Это говорит о чем? О том, что на самом деле это движение – от «зоо» к «ноо» есть и исторически подтверждается.

Другой вопрос: каким образом мы можем обеспечить прерогативу этого движения, повышение темпов движения к «ноо» взамен развития негативного, или в рамках редуцирования, так скажем, процессов, которые сводятся к «зоо», удовлетворению «зоо»-потребностей. Потому что без формирования этой прерогативы, этого приоритета мы не сможем перейти к той самой осознаваемой потребности человека в самоограничении, которое объективно необходимо для сохранения цивилизации и ее рационального и разумного развития, а также избежания того катастрофического варианта развития цивилизации, о котором мы не раз говорили и к которому мы можем перейти через точку бифуркации, если продолжим возгонку, а не осмысленное разрешение тех проблем, которые сегодня, к сожалению, все еще являются главным вектором развития ситуации. Следовательно, необходимо ускорение темпов, может быть искусственно, может быть специальным образом, может быть – как-то еще там подсказанным образом, через механизм «подсказывания» наукой, – к развитию ноопринципов существования человека.

Мы уже в своих других некоторых работах, статьях, беседах с Вами, Александр Владимирович, говорили о том, что для ускорения этого процесса необходимо усиление осознания человеком той части общественно-научного пространства, которое называется социальными науками, которые входят в тот пласт, общий пласт человеческого познания и норм поведения, формируемых на его основе под названием общая культура человека, общества, социума и так далее. Мы видим, что в динамике эта культура постоянно растет, развивается, и хотя бывают и обратные ситуации, тем не менее мы понимаем, что общий уровень культуры современного общества существенно выше, чем уровень культуры общества, норм поведения и многих других вещей, каковые были, условно говоря, десять тысяч лет назад. Хотя, заметим, многие черты «первобытного» отношения к жизни сохраняются у части людей, той части населения, у тех индиви-

дуумов, которые недостаточно вошли в это самое культурное пространство.

Здесь есть ключевой момент нашего с Вами рассуждения.

Что значит – вошли?

Мы понимаем, что, если они вошли в культурное пространство, какие-то части, страты общества, какие-то индивиды и так далее, то они более восприимчивы к тому самому пласту знаний, который называется культурой и который как раз ведет к тому, чтобы развивались потребности человека, сформировалось его отношение к жизни как ноосущества и так далее. Мы, конечно, видим многочисленные примеры где-то «недоработок» нынешнего общества в этом плане, а где-то – и умышленного выстраивания таким образом той системы, которая формирует это вхождение человека в более культурное пространство, что она не позволяет ему формироваться как личность – с целью оглушения человека, с целью упрощения манипулирования им. Этим занимается, мы можем догадаться с первого раза, финансовый капитал и его сателлиты в пространстве формирования качеств человека. Его сателлиты – это его производные, это его родные братья и сестры, это его дети и внуки, такие, как, в частности, бедность, неравенство, снижение доступа к потреблению феноменов культуры, образования и так далее, то есть недополучение человеком того арсенала, который позволяет ему себя формировать как ноочеловека. Это все используется также и для оправдания тех самых тезисов о том, что человек создан как звероподобное существо, и избавиться ему от этих вещей, этих черт, сами понимаете, в принципе как бы невозможно.

Мы возражаем против этого.

Каждый человек, индивид с рождения, наделен задатками. Задатки, как известно, не определяют способности, но являются предпосылками к их формированию и развитию. А что влияет на их формирование? Говоря языком социальной психологии, механизм такого формирования есть обобщение и закрепление в деятельности индивида всей гаммы психических процессов. Которые, в свою очередь, есть отражение, говоря уже языком философов, внешнего мира, его воздействия на индивид. Формируя, в том числе, его мировоззрение, закрепляя в его сознании «коды» и ценности, позволяя ему осознавать мир и общество.

Еще раз – мы говорим, что существует процесс осознания человеком своих потребностей. Человек способен к осознанию. И на этапе именно осознания объективно существующих потребностей (существующих вне «материального пространства», в «поле знаний») человек осознает новое знание, получает новое понимание какое-то – следовательно, он осознает какую-то конкретную потребность. Но на этом же этапе осознания человек подвержен допуску к нему, к человеку, фальшивого знания. То есть можно сказать, человек потребляет из источника чистой воды, но получает, кроме этой чистой воды, немножко, порцию подпущенного туда яда в виде лукавого «объяснения» человеку «необходимости» потреблять симулятивные вещи, формировать симулятивные потребности и так далее. Мы знаем, кто это делает – это делает глобальный капитал в силу тех же причин, по которым ему нужно существовать. Для своего существования он, как вселенское зло, всегда пытается окрасить добро в цвет, подходящий ему, и вынести это на свет Божий и говорить: «Смотрите, на самом деле – это не прозрачная вода, она всегда мутная. Давайте же будем в этой мути и кувыраться, потому что нам в этом существовать надо всегда, мы такие люди, так мы устроены».

Не так мы устроены.

Вернемся к процессу, к основной точке рассуждений. Основная точка рассуждений заключается в том, что человеку так же, как и вообще процесс осознания, свойственен процесс вхождения в общество как осознание им своего места в нем, роли, интересов своих и интересов других людей. Со своими интересами – если помните, в одном из коллоквиумов мы с Вами обсуждали, что такое интересы.

АВБ. Да, да.

СДБ. Мы уже рассматривали, как они, эти интересы, трансформируются в потребность, как они трансформируются в общественные потребности, как интересы индивидов трансформируются в интересы общества, как они влияют друг на друга, то есть мы это с Вами уже изучали, останавливаться на этом не будем.

Но я могу сказать, что вообще сам по себе процесс вхождения человека в общество, в социологической науке называемый социализацией, этот процесс является очень важным ключом для понимания того, каким образом человеку продвигаться в

сторону этого самого нооразвития собственных качеств и черт – и как человека развивать в этом направлении, и как общество должно формировать.

О чем идет речь?

Речь идет о том, что надо внимательно посмотреть, что такое процесс социализации, уже достаточно хорошо изученный социологической наукой. Это – процесс адаптации человека к общественным пространствам, к общественным нормам, требованиям, правилам поведения, установкам и так далее. Я бы сказал – к общественной идеологии, сюда подошло бы и это понятие, может быть, если чуть шире сказать.

Но дело в том, что социализация – это не односторонний процесс. Социализация является процессом двусторонним, то есть не только человек, входя в общество, познает нечто, это одна сторона дела. Вторая сторона дела – он, человек, познавая что-то, адаптируясь подо что-то, изменяет себя, меняет внутри свои ценностные и прочие установки. Общество влияет на личность. Это – одна, я бы сказал, плоскость двусторонности этого процесса. Есть и другая плоскость двусторонности этого процесса – это взаимоотношения индивида и общества. Помните, мы с Вами говорили, что у общества есть свои интересы, они формируются как некая обобщенная равнодействующая какая-то интересов общества на определенном этапе его существования?

АВБ. Да.

СДБ. Так вот, когда человек адаптируется к обществу, общество тоже, как это не покажется удивительным, адаптируется к человеку.

АВБ. Так, а как это происходит тогда?

СДБ. Если индивид сильный и мощный, он дает некие новые установки, идеи, концепции, задает нормы поведения и так далее, которые влияют на общество, а взамен общество, когда оно требует адаптации от других индивидов к себе, влияет на формирование внутреннего мироощущения других индивидов. Мысль понятна?

АВБ. Да, но я думаю, ее надо сейчас прокомментировать.

СДБ. Значит, не очень понятна.

АВБ. Нет-нет, я так это понимаю: в чем дело – в том, что человек может изменять институты, человек может изменять

правила игры, если он обладает такой возможностью, в экономике, политике, в социальных сферах или через технический прогресс, когда он воздействует на технический прогресс. Я правильно понял Вас?

СДБ. Конечно, или через религиозные установки, например, как Христос.

АВБ. Да, да.

СДБ. Он, Христос-человек, внес некую «смуту» в сознание, в умы людей, имея на это возможности, ему Господь Бог-отец предоставил такую возможность, условно скажем, познать и пропагандировать некие идеи и ценности, отличные от тех, которые были в Ветхом Завете. Поэтому это был Новый Завет, там была новая идея, новая идеология, новая платформа, но он предоставил ему, Господь, по библейской концепции, такое право, такую возможность до какого-то определенного времени, момента эти идеи нести в общество. Общество дальше стало уже само драйвером или, условно говоря, «требующей средой» для следующих людей, индивидов, которые в него адаптируются. То есть новый человек, пришедший после Христа в общество, как пример мы приведем, он уже знал, что там существует такое учение, он уже знал, что у него есть последователи, есть какие-то противодействия, есть какие-то мысли, идеи, и он – «за» или «против», неважно, он просто уже адаптируется к обществу, в котором эти идеи уже есть, и принимает для себя, соответственно, какие-то части этого знания этого общества, части идей какие-то. Как он адаптировался – это другое дело, он мог противодействовать им, он мог и поддерживать их, но это уже – дальнейшая часть, которую мы как следующую рассмотрим, динамику этих самых взаимоотношений. Но если брать срез, этакий временной срез, на каком-то конкретном времени, то всякий раз в обществе существуют нормы и правила, сформированные другими индивидами, существовавшими до создавшихся условий, до того, как конкретный индивид входит в эту самую среду. Соответственно, среда таким образом, то есть общество, влияет на формирование индивида как личности, а далее, опять же, на его социализацию.

Надо понимать, что это взаимосвязанный процесс в этих самых двух плоскостях.

АВБ. То есть, это две плоскости двух взаимосвязей, реально два аспекта двух сторон?

СДБ. Это, я бы сказал, одна двусторонность двух разных плоскостей, одна двусторонность. Потому что индивид, с одной стороны, влияя на общество, влияет на самом деле, формирует общество и влияет таким образом, создает условия для того, чтобы общество влияло на индивида, а другая плоскость есть то, что индивид, влияя на общество, влияет на самого себя.

АВБ. Да, да, конечно.

СДБ. Понимаете, адаптируюсь к обществу и влияя на общество, он тем не менее влияет на самого себя.

АВБ. Я бы сказал даже чуть по-другому. Есть процесс, когда индивид, создавая новые отношения и институты в обществе через те или иные каналы, в конечном итоге, будучи членом общества, изменяет и сам себя, то есть он изменяет себя и непосредственно (типа: я включаюсь в какую-то технологию или в какую-то религию), и опосредованно, когда все включились в эту технологию или религию, я изменяюсь, поскольку приспосабливаюсь к этим новым отношениям. Я правильно Вас понял в данном случае?

СДБ. Это – да, но это если Вы смотрите с точки зрения, когда Вы говорите «индивид», – это выглядит, как будто это один и тот же индивид. На самом деле же речь идет о том, что это не один и тот же индивид (конечно, один и тот же индивид может в таком положении находиться, это правильно), но на самом деле речь идет о взаимодействии общества и множества индивидов, и индивид здесь, я бы сказал, – с большой буквы, то есть какой-то такой обобщенный.

АВБ. Как философская категория, наверное.

СДБ. Как философская категория, отлично, как некий такой отдельный феномен, даже термин «философская категория» лучше подходит, пожалуй. Я думаю, что это примерно так происходит, поэтому задача современной науки и современного общества – это не только представление о том, что есть общество, но и – какие пути, какие там не пути даже, а какие этапы развития понимания сути общества, понимания, какие этапы развития оно может пройти и ему предстоит пройти. Что мы и делаем в теории Нового индустриального общества второй генерации, в теории

нономики, то есть мы показываем, какие там пути. Это – теоретический аспект.

Но на самом деле речь идет о практической стороне дела, и мы уже говорили, что практической стороне дела необходимы две вещи. Первая – усиление научно-технического прогресса, с другой стороны – опережающее усиление развития человека через познание им той части научного познания мира, которое предлагает нам социальное знание, которое нам дает социальная наука, формируя общую культуру человека, экуменистическое знание. Мы сегодня живем в мире, где научный процесс и прогресс научно-технический, технический, ТП, соединяется с прогрессом социальных знаний, познания человека, общества, его особенностей. На самом деле эти исследования, в общем-то, по большому счету, начались позже, чем научно-технологические, технические исследования, и это связано как раз с тем обстоятельством, что человек до этого «дошел» несколько позже. Единственное более раннее направление такого общего развития представлено в философских трактатах и идеях на протяжении двух тысяч лет. Но исследование человека как социального существа, как индивида в обществе началось с развитием психологических наук, социальных наук в конце, на мой взгляд, примерно, XIX века, и продолжалось на протяжении XX века. Уже в конце XX века, в начале XXI, получив некое признание как огромная некая сфера социальных наук.

Здесь термин «социализация», придуманный специалистами, учеными из этой сферы науки, причём в разных трактовках для разных применений, но отражающих одну общую адаптационную миссию – оно, это обозначение, позволяет нам понять, что соединение в теории нономики нашего этого подхода, связанного с развитием технологическим, с идеей опережающего познания человеком социальных знаний, формирования социальной структуры через механизм социализации, этой социализации, познание, узнавание новой сферы, перехода в этой связи к новому, делая некие новые шаги (ну, если не совсем перехода, то, скажем, движения к новому человеку), поэтапное движение к новому человеку, к новому человеку с точки зрения его адаптации в обществе и адаптации общества под себя, под него, под его реальные потребности, самоограничение и прочее – это как раз тот самый момент, на ко-

торый следует обратить внимание в практической, подчеркиваю, в практической деятельности общественных институтов, в том числе – и государственных образований, если на то пошло, и общественных особенно образований, в частности.

Еще один важный аспект, который следовало бы здесь обсудить, – это особенности психологических, в частности, подходов к формированию личности человека, психологических идей скорее, идей психологической науки. Можно обратить внимание, например, на бихевиоризм, то есть исследование поведенческих функций человека и так далее в зависимости от его понимания ситуации в обществе. Можно исследовать, можно использовать наработки специалистов в сфере когнитивных наук о процессе человеческого познания. Можно использовать, скажем, какие-то глубинные механизмы, связанные с переформатированием нашего процесса познания, включая образование, включая методы постижения реальности, потому что это – не только образование, это – и другие некоторые вещи. Мы должны это понимать, мы должны добиться понимания существа вопроса. Существо вопроса заключается в том, что все эти процессы взаимосвязаны, взаимосвязь здесь должна предполагать наше понимание общности наших интересов – членов социума, имеется в виду и наших интересов как общества.

Здесь есть много работ, в том числе и в психологии, в социальной психологии. В частности можно обратить внимание на множество работ, связанных с тем, что может объяснить, скажем, гештальт-психология австрийской школы, которая рассматривает, в частности, некие образования, гештальты как, с одной стороны, единое целое, сохраняющее целостность, с другой стороны – сохраняющее динамику, постоянное развитие. Это очень сильно перекликается с нашим пониманием системного характера и динамики существования общественных систем, в частности общественных социально-экономических систем, в последующем – развития общества как неэкономического. Методы, которые там применяются для оценки ситуации, для аналитики, эти методы тоже необходимо реализовывать в практической деятельности. Мне представляется (я тут просто примеры привел), что на самом деле, если мы захотим найти научно обоснованные методы формирования у человека этих новых особых знаний, развития

его творческих способностей, усиливающих его влияние на развитие общества, и влияния, соответственно, на общество, и – изменение общества, которое будет требовать все большего проникновения в эти знания, мы добьемся ситуации, которая позволит нам ответить на вопрос, каким образом современному человеку более активно перейти от «зоо» к «ноо».

Если коротко.

АВБ. Сергей Дмитриевич, во-первых, не очень коротко, с моей точки зрения. Во-вторых, извините, в нескольких местах я поплыл, поскольку я далек от этой тематики, но эти две двойные связи с внутренним противоречием во взаимодействии сторон, индивида и общества, которые взаимно формируют друг друга, все это мне кажется очень красивым и правильным. У меня сразу возникают, конечно, марксистские аллюзии типа знаменитого тезиса о Фейербахе молодого Маркса: «Философы различным образом объясняли мир, наше дело, наша задача состоит в том, чтобы изменить его». Но в любом случае я с огромным интересом сейчас включился в это и в то, что вы говорите.

СДБ. Этот тезис, как многое у Маркса, у марксистов составляет поле для размышлений. Почему? Потому что это – тоже постановка вопроса.

АВБ. Естественно, тут решения нет.

СДБ. Да, а мы подсказываем, каким путем искать это решение. Потому что в то время, когда эти вещи назывались, не было ни современных знаний, ни той же социальной психологии, не было ни работ той же австрийской школы, не было многих других вещей, они были еще не исследованы и не раскрыты. Нам гораздо проще, мы можем посмотреть на целый пласт, остающийся практически втуне, неиспользуемый, гигантской великолепной науки социологии и социальной психологии, двух таких важных наук. Дальше – развивающейся теории когнитивных человеческих состояний, или, в частности, эмоций, и так далее, и тому подобное, их влияние на развитие общества. Науки объясняют, каким образом мы влияем на общество и каким образом общество влияет на нас. Важно понимать, что, находясь в обществе, индивид «кодируется» обществом, принимает в процессе социализации в качестве «кода» то нравственно-ценностное ядро, которое составляет социальную сущность общества на данный

момент и которое определяются той базовой критериальной базой ценностей, которая присуща обществу в этот самый данный момент. Индивид социализируется. Но и сам индивид, влияя на общество, «социализирует» его, меняя его нравственно-ценностное ядро – и задача состоит в том, чтобы это ядро видоизменялось в направлении, определяемом ноокритериальной базой. И открытие, расширение, освоения такого знания, включение его в нравственно-ценностное ядро – есть суть социализации общества. «Делание» его более «социальным», неиндивидуалистичным (в «зловном» смысле этого слова), более комфортным к индивиду, более «ноо». То есть, если к этому добавить процесс познания, который мы рассматриваем, процесс познания индивидом, человеком своих потребностей, если мы соединим эти два процесса получения знаний одного типа и знаний другого типа в единое целое, сразу в единых рамках, с этими механизмами, с этими методическими наработками, с пониманием этого, с аналитическим пониманием, что на что и как влияет – вот здесь и есть ключ к решению задачи, как «делать» человека не просто неэкономического с точки зрения неиспользования им экономических механизмов решения своих задач удовлетворения потребностей, а с точки зрения того, что он будет осознанно работать над собой и делать то, что необходимо «в себе» и в обществе, чтобы у него, человека, был, с одной стороны, осознанный им уровень благополучия – социального, благополучия материального, благополучия душевного, духовного – и в то же время не было потребности, именно потребности, реальной потребности в расширении в какую бы то ни было сторону тех вещей, которые невозможно на таком этапе развития общества, на котором он находится, получить без ущерба обществу, окружающему миру и другим людям.

АВБ. Да, я понял сейчас, это – я согласен.

СДБ. Это... Мне кажется, что, когда мы с Вами ищем ответы на вопросы, которые нам задают студенты, мы должны подумать, что не просто так студенты задают вопросы, а – почему. Потому что они, как молодые умы, хотят добиться все-таки ответа на вопрос: «Как?».

АВБ. Да.

СДБ. Они, как правило, всегда думают, что старшие товарищи все знают.

АВБ. В данном случае требуют от них, чтобы они это знали, это точно.

СДБ. Да, да. Поэтому, когда мы сами вникаем в их вопросы, мы начинаем понимать, что вообще-то ответы на эти вопросы существуют, преимущественно, их надо найти, и как в 99% случаев, всякое новое есть хорошо не забытое старое, а хорошо примененное старое.

АВБ. Да, тоже интересно.

СДБ. Получается, говорят: «Невозможно в старые меха влить новое вино, чтобы оно получилось добротным», но на само деле – очень возможно. Пример – стратегирование, создание и реализация стратегий – уже известная теория, но возьмем и примерим его, стратегирование, к идеям теории ноономики. Получим новое качество того и другого – с одной стороны объяснение применимости стратегирования для стратегического планирования, условно говоря, этапирование там, развитие общественных институтов (допустим, мы понимаем, куда двигаться и что нужно делать), а с другой стороны – ноономика дает некоторые механизмы, как этот шаг сделать, как институт прогресса сделать, как развивать человека, определить цели. В результате мы имеем целостную концепцию того, что можно было бы получить, и мы делаем значимую попытку дать ответы на вопросы – и «что», и «как».

АВБ. На самом деле – да, и «как». Я бы сказал больше, ноономика дает больше. Во всяком случае, Ваша концепция показывает, ради чего нужно вообще заниматься стратегированием. То есть, как Вам сказать, это как все-таки различия между пониманием смыслов и целей – с одной стороны, и методов выработки дорог к этим целям – с другой. Я бы так даже, наверное, это сказал, понимаете. Потому что Вы предлагаете то, куда идти и как идти, а стратегирование говорит о том, как лучше выработать путь.

СДБ. Конкретные шаги.

АВБ. Да, как методику выработки пути к уже известным целям с использованием уже известных средств, понимаете.

СДБ. Я бы сказал, что можно и так посмотреть. Вообще-то, по моему представлению, развитие в сторону ноономики всей цивилизации предопределено в каком-то смысле, потому что оно объективно, это есть объективная потребность развития цивилизации. Другое дело, как конкретно общество «нооцивилизуется»,

движется в этом направлении, ведь бывает, что и нет. Бывает, она, эта потребность, реализуется по прямой линии, и шаг за шагом развивается, а бывает – вбок отскочили, назад вернулись, что-то еще случилось. То есть, это и есть место для применения стратегии – стратегия должна, понимая сам этот путь, цели, задачи и прочее, как бы сказать аккуратно, спрямлять этот путь: с одной стороны – не давать скатиться в рецессию, по идее, учитывать флюктуации, учитывать какие-то моменты взаимовлияний, формируя определенные практические шаги для изменения тех или иных вещей. Потому что могут произойти разные неожиданности, не знаю, к примеру, зуб можно, если он заболел, оставить и ничего не делать, и он рано или поздно развалится, через десять лет, тогда придется его удалять, а можно «пойти» по стратегии и понимать, что рано или поздно зуб развалится, зайти к стоматологу, который на рентгене просветит и скажет: «Так, трещина слева, значит, мы сейчас заделаем, через полгода мы эту временную пломбу удаляем, за это время делаем имплант, вставляем», и вы ходите всю оставшуюся жизнь с целым зубом. То же и в решении общественных задач. Это – стратегия, практические шаги: понятно – какие, есть технологии имплантов, есть технологии внедрения имплантов в челюсть, есть много чего другого, но если этой стратегии нет, вы будете кувыряться с зубной болью еще десять лет.

АВБ. Да, именно так.

СДБ. Вот, собственно говоря, очень просто и понятно, что такое ноономика и как к ней идти.

АВБ. И что такое стратегирование.

СДБ. Да, да, да. Жизнь без боли – наша цель.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему
«Генезис ноономики. Качественные изменения в
общественном производстве в процессе продвижения
общества к ноономике – диффузия собственности
(критическое сопоставление позиций классической
политэкономии и неоклассических взглядов)». Стенограмма
(03.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Я думаю, что главной темой данного коллоквиума может стать изменение ряда традиционных представлений как классической политической экономии, так и неоклассики в связи с началом качественных изменений в общественном производстве, его технологиях, факторах. Прежде всего речь может и должна идти о трансформациях содержания важнейших категорий экономической науки – собственности, стоимости – в условиях, когда главным ресурсом становится не ограниченный (материальный) ресурс, и результатом становится не производство ограниченных (материальных, в первую очередь) вещей, а использование неограниченных знаний.

Начнем, пожалуй, с проблемы собственности. Так, в тех случаях, когда мы говорим о диффузии собственности, возникает вопрос об основаниях этой трансформации. В чем они?

В своих предшествующих докладах и текстах я уже упоминал, что диффузия собственности связана со снижением значимости (мы именно такое слово употребляли) собственности как

института, обеспечивающего удовлетворение потребностей (помним, что потребность человека всегда удовлетворяется через некие общественные механизмы, институты).

В основе сегодняшнего экономического способа удовлетворения потребностей лежит собственность. Но этот (экономический) способ постепенно уходит в прошлое, и формируется социальное пространство, в котором человек получает одно, другое, третье и так далее, не опосредуясь отношениями собственности. В этом пространстве собственность имеет для него все меньшую значимость, ценность (обратим внимание на это понятие!) с точки зрения удовлетворения его потребностей.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Отмечу важный нюанс: Вы используете два понятия: и ценность, и значимость. Значимость – с точки зрения потребления, а ценность – с точки зрения сохраняющихся экономических отношений. Я правильно понимаю или нет?

СДБ. Совершенно верно. Значимость в экономике «оценивается» ценностью. В экономике, экономических отношениях. Но если представим себе удовлетворение потребности индивида в некоем, к примеру, предмете, без посредства экономики, мы можем говорить о значимости этого предмета для индивида. С точки зрения редуцирующихся экономических отношений, то есть существующих, но постепенно отмирающих, мы можем говорить о ценности с точки зрения социального контента вообще – о значимости.

В этом контексте уместно обратиться к господствующей в настоящее время неоклассической теории. В свое время маржиналисты говорили о том, что существует предельная полезность и, в отличие от классической политэкономии с ее трудовой теорией стоимости, рассматривали ценность исходя из теории предельной полезности. Чем больше происходит насыщение некоторыми предметами или объектами для удовлетворения этих самых потребностей, чем выше достигнутый уровень удовлетворения определенной потребности, тем ниже ценность объекта и, подчеркну, тем, вообще говоря, менее ценно всякое следующее приобретение (здесь мы уже входим в пространство отношений собственности) по сравнению с предыдущим. И это, в силу снижения значимости/ценности, влечет снижение стоимости объекта.

При присвоении объекта (значимость/ценность которого определяет его стоимость) он становится собственностью; она же, в свою очередь, становится (с ростом насыщения удовлетворяемой потребности) все менее значимой, вплоть до полной потери такой значимости. Диффундирует – можно посмотреть на это и так.

Я в данном случае склонен к достаточно критической оценке этого подхода по многим причинам (хотя бы, к примеру, по неуниверсальности его применения для описания реальности: не каждый конкретно следующий объект имеет меньшую значимость для удовлетворения потребности, иногда бывает равнозначная ситуация, а порой вообще может стать ровно наоборот), но это особенно критично, если мы переходим в пространство, где речь идет не об алмазах или глотке воды в пустыне, а о знаниях. Посмотрим хотя бы на такой пример, как насыщение потребности человека в некой книге. Формально рассуждая, все должно выглядеть просто: первая книга ему важна, вторая менее важна, пятая книга совсем уже не важна, и полезность ее едва ли не нулевая. Но при содержательном рассмотрении проблемы здесь встает вопрос: а о какой книге идет речь? О книге вообще? Пять книг купил, по цвету корешков подобрал, и потребность в книге удовлетворена? Очевидно, что вопрос в том, о какой книге идет речь. Если это не просто вторая, а некая другая книга? А если та же самая? У меня, например, есть молитвенник, которому 20 лет; я его вожу с собой везде, он уже поистрепался. Ценность второго точно такого же молитвенника, который я приобрел лет 10 назад, для меня существует, и она, эта ценность, не меньше, а может быть, и больше, чем первого. Почему? Да потому что, когда первый экземпляр истреплется окончательно, я буду пользоваться вторым молитвенником, и для меня важно, что он именно такой же.

В этом примере вторая (точно такая же) книга имеет не меньшую, а, наоборот, большую ценность, предельная полезность ее выше, чем у предыдущего объекта. Если же рассматривать совокупность разных по содержанию книг, то всякая новая книга для меня представляет определенную ценность, большую или меньшую, здесь говорить о том, какая книга полезнее, какая не полезнее, а где присутствуют, скажем, «противополезности», тоже сомнительное удовольствие.

Но даже если мы посмотрим на стандартный для маргиналистов пример с водой, то и здесь все будет непросто. Известное физиологическое свойство человека – удовлетворять жажду, ведь без воды, как поется в старой песенке, «ни туды и ни сюды», человек – животное, которое потребляет воду. Но известно и другое, что жидкость, потребляемая человеком, влияет на состав его крови, и если в течение короткого времени принять большое количество жидкости, то состав крови меняется, а кровь меняется по компонентам, но туда входят, например, литий и другие микроэлементы, которые влияют на функции мозга и нервной системы. При выпивании в один присест определенного количества воды, примерно 6-8 литров (в зависимости от веса человека), кровь изменится настолько, что человек умирает и спасти его уже невозможно. То есть здесь предельная полезность наступает при, скажем 5 литрах, а дальше наступает «отрицательная полезность». Как с этим? Данная теоретическая разработка ответа на этот вопрос не дает. Тогда можно ее рассматривать как некое качественное описание процесса насыщения/удовлетворения потребностей.

АВБ. Я бы сформулировал некое промежуточное резюме Ваших размышлений так: в той мере, в какой мы можем использовать маргиналистский подход, мы должны исходить из того, что применение теории предельной полезности должно быть связано не только с количественными, но и с качественными аспектами. Даже, пожалуй, иначе: возможность и целесообразность использования теории предельной полезности прямо связаны с содержанием как самих потребностей, так и того объекта, на который они направлены.

СДБ. Да, примем во внимание эту ремарку. Продолжу. На мой взгляд, вследствие своей неуниверсальности теория предельной полезности не является в полной мере научной, хотя у маргиналистов есть важное рациональное зерно, которое они (вот парадокс!) сами, как мне представляется, не очень-то и уловили. Мы к этому еще вернемся.

Посмотрим с другой стороны.

С точки зрения классической политэкономической теории собственность – это некие отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства. Но вот вопрос: производства – для чего? В чем суть производства? А суть производства –

это удовлетворение потребностей людей. Удовлетворение потребностей людей происходит тогда, когда люди присваивают то, что произведено, придавая данному феномену качество принадлежности некоторому конкретному лицу.

АВБ. И ограничение доступа кого-либо другого к объекту собственности.

СДБ. Да. Это включается в понятие принадлежности. Ну, не будем педантами, говоря об исключительной принадлежности.

Итак. В конечном счете в финале человек этот объект собственности съел или надел, или что-то еще такое, как-то применил, но никому не дал, все только сам. Себе. Для себя любимого. Это и есть собственность. Здесь собственность и полезность пересекаются с точки зрения того, что и полезность, и собственность определяются механизмом присвоения, у них общий, один и тот же механизм, по-разному трактуемый разными людьми.

И здесь важно найти соприкосновение классиков и неоклассиков: первые справедливо акцентируют собственность как отношение, но выделение вторыми такого аспекта, как предельная полезность, тоже имеет смысл. В чем он? Удовлетворение потребности, насыщение, завершение удовлетворения потребности, переход в отрицательную стадию и так далее – все эти аспекты важны, ибо они открывают путь к пониманию основ диффузии собственности.

АВБ. Если я правильно понимаю, Вы подводите к тому, что приближение к пределу насыщения потребности есть ключ к содержанию понятия «диффузия собственности»: по мере насыщения потребности ценность собственности на данный объект снижается, происходит диффузия собственности?

СДБ. Я бы сказал так: когда значение собственности падает, диффундирует, и институт под названием «отношение собственности» диффундирует вплоть до атома, до испарения, то есть до момента, когда цельный процесс производства, обмена и так далее заканчивается финальным потреблением. Этот момент и есть момент присвоения, только в данном случае это собственность. Когда она присваивается кем-то, она становится собственностью, если она не присваивается, она уже не собственность. Вот, к примеру, есть камень, лежащий на дороге, ничейный, он не собственность. Как кот Матроскин. Как только вы его обозна-

чили как *свой* камень, он стал вашей собственностью. Земля, которая стоит просто так, – ничья. Но, когда вы с помощью института собственности на землю ее огородили и назвали ее пастбищем № 6, тогда оно – это пастбище – уже может быть присвоено вами, оно уже чье-то, огорожено в соответствии с теми установками, которые есть в данный момент, которые зафиксированы в соответствующих институтах, характерных для данной стадии общественного развития.

Таким образом, если мы берем кусок земли для выпаса сотни овец, потом еще один кусок, потом еще один кусок, потом еще один кусок, а использовать эти – дополнительные – куски уже не можем, их предельная полезность для нас падает. Больше травы, чем на первых участках, ваши овцы не съедят. Остальное пропадет втуне. На каком-то этапе удовлетворение потребности в пастбище для сотни овец произошло, насыщение потребности в земле полностью завершено и присвоение каждого следующего куска для вас не имеет такой ценности, как первого куска. Здесь и «зарыта собака», которая говорит нам, что собственность, как институт, для нас становится не абсолютно значимой. Значимость пятого куска меньше, чем первого. Ценность – соответственно тоже. Цена на рынке (экономические отношения!) – тоже. В конце процесса, на каком-то этапе, это – уже незначимая вещь, не принимаемый (в собственность) объект. Несобственность. Это и есть процесс диффузии собственности.

Кстати, отметим важный «побочный» момент. Именно на этом «оселке» происходит «затачивание» другой проблемы – контрпоставления реальных и симулятивных потребностей. И – их различение. И в классических политэкономических представлениях, и у неоклассиков при рассмотрении этой конфигурации рассматриваемых понятий речь идет на самом деле об удовлетворении реальных потребностей; симулятивные потребности могут быть любимы, принципиально ненасыщаемы: нося априори иррациональный, трансцендентный характер, они – в общем случае – не могут быть в полной мере удовлетворены в принципе. В этом смысле, к примеру, еще в древности Аристотель отказал хрематике (прибыли ради прибыли, что есть суть базовой парадигмы современной «сбрендившей» «экономики», не имеющей

пределов удовлетворения симулятивной потребности в росте капитала ради роста капитала, денег ради денег...) в разумности.

Но – предлагаю вернуться к теме.

Теперь – о том, что касается происхождения собственности.

Если использовать подход классической политической экономии, современная собственность – это, как правило, продукт общественного труда, овеществленного в некотором феномене, продукт труда, который направлен на преобразование чего-нибудь в то, что нужно конкретно для удовлетворения потребностей человека.

АВБ. И здесь, если следовать Марксу, мы можем говорить о двух сторонах товара, находящегося в собственности. Одна – потребительная стоимость товара, продукт конкретного труда, удовлетворяющий конкретную потребность. Вторая сторона товара – стоимость, продукт общественного абстрактного труда. Эта стоимость в развитом товарном производстве имеет форму денег и удовлетворяет потребность в этом всеобщем эквиваленте. В капиталистическом товарном производстве стоимость товара (по Марксу) создается трудом наемного работника, который одновременно и создает новую стоимость (она равна стоимости рабочей силы + прибавочная стоимость) и переносит стоимость средств производства на создаваемый им товар. Тем самым стоимость капиталистически произведенного товара разлагается на стоимость средств производства, стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость...

СДБ. ...а расходы на зарплату в этой формуле на самом деле – это эквивалент стоимости рабочей силы, т. е. стоимости тех средств, которые нужны работнику для того, чтобы человек мог воспроизводить свою физическую и интеллектуальную способность к труду – ну и содержать семью, растить детей, которые придут ему на смену и не дадут остановиться капиталистическому производству.

Здесь я сделаю небольшое отступление. Производство, если следовать классической политэкономии в широком смысле, включает в себя и распределение, и обмен, и потребление. Но есть и понятие производства в узком смысле слова. Там есть орудия труда, предмет труда и сам труд. Так было в XIX веке. Сегодня я выделяю четыре основных компонента: это материальный

компонент – то, что связано с предметом труда, материалами и так далее, то, из чего делают продукт. Дальше – технология, т. е. каким образом, способом делают продукт. Еще дальше – то, как организованы процесс, организация производства, потому что современное разделение труда дошло до того, что у нас есть кооперация внутри производства, внутри производственной цепочки, внешняя кооперация и так далее, то есть разделение труда происходит на уровне даже вплоть до станочника. В этом плане организация производства – это отдельный фактор, который активно влияет на результат. Труд, наконец, сам труд. И – результат этого всего дела, наконец, произведенный продукт; не товар, продукт, берем просто продукт, потому что товар начинается, когда совершается обмен.

Когда мы рассматриваем эти элементы производства, мы говорим о том, что в каждом из этих элементов, в том числе и в материалах (если не брать совсем уж сырой материал, а из любого передела), присутствует знание, еще один, помимо материального (сырья, энергии и т.п.), ресурс производственного процесса. Этот ресурс по мере прогресса технологий постепенно вытесняет все другие – материальные – ресурсы. Последние (их доля) становятся все меньше и меньше (на единицу продукции), а роль знаний становится все больше. Наступает момент, когда знания становятся базовым ресурсом.

Но за счет чего происходит вытеснение знаниями других компонентов? За счет того, что знания позволяют человеку экономить время на производство единицы продукции, труда в создание товара вкладывается все меньше. Тем самым труда (субстанции стоимости по Марксу) становится все меньше и меньше.

АВБ. Позволю себе в этой связи короткое отступление. Нас, советских студентов, на спецсеминаре по «Капиталу» учили, что рост производительности труда и автоматизация производства ведут к тому, что, в соответствии с предвидением Маркса, человек становится «по ту сторону материального производства», а на смену абстрактному труду частного производителя, создающего товар в капиталистической системе, приходит всеобщий (научный, творческий) труд, который априори является общественно необходимым и не требует рыночной формы подтверждения своей общественной значимости. Это предопределяет конец

рыночно-капиталистической системы и общественной экономической формации в целом. Вы об этих положениях Маркса упоминаете в своих работах по ноономике.

СДБ. Да, это касается и живого, и овеществленного труда, постоянного капитала, который включает стоимость средств производства и предмета труда. Но на ваших семинарах не объясняли, почему это происходит. Почему «рост производительности труда и автоматизация производства» ведут к тому к чему ведут? В чем фокус? В чем причина неясности и недообъясненности?

Сюда ранее включили и знания. Не выделяя их роли, а как нечто само собой присутствующее. Не определяя специальную роль этого феномена как раз в этих процессах: роста производительности – чего? – труда и автоматизации производства, то есть редукации в этой марксовской формуле – чего? – труда! Но это совершенно необоснованно с точки зрения природы знаний, но не случайно с точки зрения принципов организации экономического общества. Между тем знания есть и в самом труде, рабочая сила более квалифицированного работника выше, ибо воспроизводство его способности к труду через повышение его квалификации предполагает освоение все больших по объему и содержанию знаний. Возникает феномен, которому я дал имя «знаниеемкий работник» – работник, у которого «емкость знания» (объем знаний и умение использовать их в производстве) гораздо больше, чем у работника предыдущего уровня квалификации и который может все больше и больше использоваться во все более знаниеемком производстве.

В любом случае труд работника, однако, все равно вытесняется. Вытесняется за счет того, что расширяется применение знаний и внедрение их через технологию в процесс производства.

Более того, эти знания присутствуют и в прибавочной стоимости. Классическая формула Маркса определяет стоимость как сумму постоянного капитала C (средств производства и предметов труда) и капитала переменного (труда и прибавочной стоимости, V и M). В отличие от Маркса, я считаю, что ее увеличивает – чем далее, тем более – не просто труд сам по себе, а внедренное через труд знание. Труд исчезает, но остается знание, знание дальше заменяет труд, в пределе этого процесса остается самодействующее производство, взаимодействие технических

устройств, то есть самоорганизация технологий и так далее. И тогда и потому и будет предсказанный Марксом переход человека «по ту сторону производства». При этом если мы знания можем овеществить не только в механические, но и в электронные и другие средства производства, в искусственный интеллект и прочее, то многие функции, которые выполнял человек, все больше и больше переходят к техническим устройствам, которые воспроизводят сами себя, постоянный капитал, С.

АВБ. В соответствии с классическим марксизмом здесь и наступает предел, конец рыночно-капиталистической системе производства. Вы видите это несколько иначе...

СДБ. Я считаю, что в этом процессе не только V исчезает, но и M постепенно превращается в С, потому что знания постепенно и замещают собой труд, и переходят в средства производства. Если труд исчезает, а знания его замещают, то прибавочная стоимость становится продуктом знания, и затем часть ее инвестируется на следующем этапе капиталистического производства не только в средства производства и труд (роль коих все время уменьшается), но и в знания, которые опредмечены и в первых, и во вторых, и в технологии, их соединяющей.

Что же такое знание, становящееся основой процесса производства? Это нечто незабываемое, точнее говоря – несоздаваемое, как станок или иное оборудование. Когда говорят «производство знаний», это неверно, не бывает производства знаний, они существуют объективно, бывает процесс «добычи», постижения, открытия, восприятия знаний. Но дело в том, что знания имеют особую природу, об этом я еще 35 лет назад писал в своей первой диссертации (что уже и тогда было далеко не открытие). Эта природа заключается в том, что знание «в руках не удержать». Если мы говорим о том, что знание (то, что является результатом научного исследования или конструкторской работы) как-то закреплено в виде интеллектуальной собственности, то это не «естественное» его состояние, не институт, существовавший вечно. Еще пару веков назад не было такого феномена, как патент. Этот и другие инструменты т. н. института интеллектуальной собственности появились с развитием экономических отношений, когда знания стали значимым ресурсом производства –

ресурсом, который уже невозможно было не учитывать в процессе производства.

В результате сформировались такие институты, как патент, патентное право, поверенные, юридически оформленная собственность на знания, т. е. был искусственно создан институт интеллектуальной собственности. Но дело в том, что знания – это не изначальный объект, который можно огородить и он в этом огороженном пространстве будет находиться в единичном экземпляре. Знание невозможно «удержать» длительное время, оно «растекается», осваивается другими и остается у них.

АВБ. Маркс это определяет как продукт всеобщего труда, неограниченный по своей природе и потенциально принадлежащий всем. Марксисты-шестидесятники ввели для обозначения этого феномена понятие «собственность каждого на все», а современные левые интеллектуалы выдвинули лозунг: «все, что можно раздавать, не теряя, не должно продаваться», не должно быть собственностью. Отсюда – практики бесплатного, открытого для всех программного обеспечения, «копи лефт» (как альтернативы «копи райт») и т. п. Неоклассики это определяют как блага, характеризующиеся свойствами неконкурентности в потреблении и неисключаемости. Знание – это то, что по идее может и должно быть доступно всем, каждому, без ограничений, нет?

СДБ. Да, за знания можно постараться слупить какие-то деньги, но даже институт патентов предусматривает *временное* огораживание знания. Это временное ограничение не случайно: оно учитывает природу знания, учитывает то, что через какое-то время знание, даже если вы его сумели «огородить» при помощи института частной собственности, становится общим достоянием, как бы кто бы ни стремился его огораживать. Теорему Пифагора невозможно эксплуатировать 2000 лет и платить Пифагору или его наследникам за эксплуатацию теоремы.

Поэтому интеллектуальная собственность имеет длительность. И – неопределяемые сверхточно границы (что называется, начало и конец), что тоже вытекает из природы знания. Отсюда, даже при наличии развитых институций интеллектуальной собственности, – сложно определяемые права ее владельцев. Посмотрите, к примеру, сколько судов по интеллектуальной собст-

венности по сравнению с судами по материальным вопросам – доли процента.

АВБ. Это – очень важная деталь, указывающая на противоречия института интеллектуальной частной собственности.

СДБ. Эта противоречивость проистекает из природы объекта. Если мы говорим об объекте материальном, то здесь собственность – понятный институт, понятен, как его защищают. Это связано с тем, что этот материальный объект принадлежит некоему лицу, само право присвоения направлено на конкретный объект, который не может одновременно быть в собственности у других людей, принадлежать другим или быть освоен другими и так далее. Он имеет точное пространственное местоположение, размеры, границы и т. п. Он персонифицирован – ваша ручка, ваш стол, ваш дом и так далее.

Но это – материальные объекты. В сфере знаний ситуация иная. Теорема, которую вы доказали, или ваша конструкторская разработка принадлежит вам, но как только вы ее внедрили куда-нибудь, объяснили ее другим, передали ее другим – она уже принадлежит фактически и другим (хотя в случае «защиты» ее патентом она как бы не есть собственность других!). Знание не может быть удержано другими, оно все дальше и дальше распространяется. Постепенно его осваивают все.

Более того, существует объективный процесс, на который я указал еще много лет назад, – процесс «ускорения ускорения» научно-технического прогресса, в основе которого лежит ускорение ускорения нашего познания мира, потому что всякое новое знание позволяет открывать новое знание. Чем больше знаний мы открываем, тем больше пространство и знания, и незнания (помните, мы когда-то говорили про шар, который раздувается: чем больше шар, тем больше поверхность, с которой он граничит, чем больше «шар» знания, но тем больше и поверхность незнания). Каждый кластер новых знаний влечет за собой не один, а множество (бесконечное, хотя мы в конкретный момент воспринимаем лишь ограниченную часть этой бесконечности) новых кластеров знания, открываемых вследствие появления первого, а каждый из новых кластеров знания, в свою очередь, как цепная реакция, все больше и больше открывает новые.

Это приводит к тому, что скорость постижения новых знаний становится все большей, а это значит, что скорость освоения предыдущих знаний тоже увеличивается. Следовательно, и патент не может быть вечным, потому что появляется новое изобретение, затем появляется еще более новое и так далее.

Отсюда – стремление к скупке патентов и в ряде случаев торможение прогресса ради сохранения интеллектуальной собственности и ренты. Здесь – налицо противоречие между тем, что сегодня вложено владельцем интеллектуальной собственности в процесс производства и новым знанием: для собственника важно окупить вложенные ресурсы в рамках приобретенного им знания, и если новое знание этому мешает, собственник будет стремиться затормозить его внедрение.

АВБ. Да, Вы правы, это – двойственность капитала по отношению к НТП. Советские политэкономы много об этом писали, но потом это все объявили «красной пропагандой», а капиталиста позиционировали исключительно как перманентного инноватора.

СДБ. Это – скорее словоблудие. Ведь капиталист просто превращает часть знаний в формуле Маркса в C (абстрагируемся от редуцирующегося параметра V), и это C надо окупить, в том числе и купленные им ранее знания (скажем, предыдущие патенты или результаты ОКР), и если он не успевает это окупить, потому что маржа M , общая масса прибыли от этого продукта, позволяющая обеспечить компенсацию инвестиций, еще не успела к нему поступить, он выступит против инноваций. А зависит это от многого: от нормы M , от того, какова скорость оборота в этом процессе (потому что что-то может долго окупаться, что-то – медленно, можно сделать много и продать, можно мало продать, можно быстро продать, можно медленно) и так далее. Зависит от того, какой это конкретно продукт, какова его рыночная позиция и пр. В целом поскольку окупаемость еще не наступила, то капиталист пытается не дать новому знанию повергнуть старое в прах и разрушить тем самым и его, и M , и в конечном итоге и C (C не окупится через перенесение его стоимости на продукт! Это – потеря капитала, разрушение производства, банкротство), и только когда жизнь его заставит прикупить новое знание и включить его в состав C , он раскошелится, этот самый «перманентный инноватор». То есть – за счет этого идет, с одной стороны, прирост зна-

ний в экономике и в обществе, знания появляются и развиваются, а с другой – институт закрепления знаний в собственность тормозит процесс общественного развития.

Что из этого дальше вытекает? Из этого дальше вытекает важное следствие: поскольку технологический прогресс невозможно остановить, да к тому же он развивается быстрее, чем социально-экономический (институты общества идут вслед, а не впереди изменения технологий), постольку возникает противоречие между первым и вторым. Прогресс технологий – это базис (во всяком случае, в соответствии с классическими политэкономическими представлениями). Знания имеют естественное происхождение, не человек их придумал, человек их открывает подобно тому, как открывают месторождение руды или новую звезду, существующие объективно. Вслед за этим – раньше или позже – изменяются и социально-экономические отношения, институты и в т. ч. собственность.

Что же касается прибавочной стоимости, то в этом процессе она (это самое М) будет постепенно всё более реализовываться не за счет труда, а за счет знания, всё более становящегося общим достоянием и «дешевающим», во-первых, и, во-вторых, с насыщением потребностей людей значимость/ценность этого М будет теряться, поскольку теряется значимость/ценность собственности (в которой реализуется М в момент присвоения) как таковой вообще.

Рассмотрим этот процесс. Эта собственность (основа экономического способа удовлетворения потребностей) нужна тогда, когда ее получил предприниматель-капиталист (предприниматель, лицо, имеющее капитал, исходные материалы для того, чтобы поддержать производственный процесс). Когда он ее получил, то он через некоторое время превращает ее в новые феномены, которые позволяют ему продолжать этот процесс. В том числе таким феноменом может стать труд, а он, как мы отметили выше, постепенно теряет свое место в производстве, исчезает. В перспективе человек-работник из труда выходит, человек производящий уходит, но остается капиталист, который владеет средствами развития, например искусственным интеллектом, патентом, оборудованием, какими-то материалами и так далее. Заметим, всё более знаниеемкими средствами. Этот фактор стремится

получить новое M для того, чтобы купить новые средства для получения последующего M , и так далее.

Остается проблема реализации произведённого богатства, в том числе овеществленного в нем M . Но если мы видим, что насыщение происходит все больше и больше, технологический прогресс идет все быстрее и быстрее, процесс освоения знаний ускоряется, а при этом знания «растекаются», то в этом случае удовлетворение потребностей приводит к тому, что ценность этого M , прибавки, которая, еще раз подчеркну, превращается в собственность с момента присвоения, теряется.

Этот промежуточный вывод подводит нас к тому, что экономический способ производства постепенно уходит в прошлое, потому что стимул, требующий нечто производить, – это наши потребности, которые не удовлетворены ныне никаким другим способом – только экономическим, но со снижением значения собственности, как выше показано, мы переходим к неэкономическому способу удовлетворения потребностей людей. Отсюда – редуцирование и экономических отношений, и экономического (капиталистического) производства.

В этом контексте интересен вопрос о том, что такое современная экономика. Если я не ошибаюсь, в V веке до нашей эры было придумано слово «экономика». Оно означало некий способ ведения хозяйства, при этом предполагалось, что будут удовлетворяться потребности за счет этого ведения хозяйства. Позже, как я уже говорил, Аристотель подчеркнул, что есть еще и проблема получения выгоды, и здесь начинается хрематистика. Он смотрел далеко вперед, предполагая, что рано или поздно возникнет «получение прибыли ради прибыли», в его терминологии – это она и есть, хрематистика. Это получило широкое распространение с того момента, когда деньги заняли определенное место в процессе удовлетворения потребностей людей – сначала как посредник, потом – как цель и средство накопления.

Почему деньги стали средством накопления? Потому что у человека есть потребность в накоплении, обеспечении «подушки безопасности». Это – реальная и правильная потребность. Она призвана решать проблему разрывов, неперманентности, негарантированности непрерывности удовлетворения потребностей. На этапе становления человека, затем – в силу недоразвития об-

ществленного производства из-за низкого уровня технологий предыдущих технологических укладов – эта неперманентность как раз компенсировалась путем накопления необходимого для обеспечения потребностей в периоды разрывов возможности их удовлетворения из природы или общественного производства. Развитие этой потребности привело к тому, что наряду с формулами товар – деньги – товар и деньги – товар – деньги появилась другая формула – всеобщая формула капитала: деньги – товар – деньги с приростом. В результате товар превратился уже в посредника, сам процесс обмена, приводящий к удовлетворению первичных потребностей, стал вытесняться, а на первый план в нашем способе удовлетворения потребностей, то есть в экономике, пришел процесс обмена с целью получения прибавочной стоимости, главное место заняла другая потребность – потребность в прибыли, получение прибыли. Хрематистика, не имеющая рационального наполнения. А удовлетворение потребностей людей стало посредником между прибылью и прибылью+. Побочным, неглавным, второстепенным, вспомогательным элементом хрематистики. Со все более возгоняющимся процессом «искривления», симуляции потребностей и даже с исключением процесса удовлетворения реальных потребностей как посредника между прибылью и прибылью+. Деньги – из денег. Без продукта.

Так мы пришли к системе современных противоречий. С одной стороны, у человека есть потребности одного типа и потребности другого типа. И реальные, и симулятивные. И надо понять: как, почему они возникают, как соотносятся, как мигрируют одни в другие. На самом деле хрематистика в наше время не стала в полной мере подменой экономики, как часто считают. Аристотель, на мой взгляд, объяснил, что есть хрематистика, но не объяснил ее происхождение, как это мы сейчас сделали. А это важно. Мы предполагаем, что в одном флаконе по имени «экономика» в наши дни смешано удовлетворение самых разных потребностей – и витальных, и симулятивных, и сверхсимулятивных – потребностей в накоплении, в добывании прибыли и так далее.

Отсюда – императив поиска альтернативы, императив воспитания человека, культуры его жизни и потребления, разумного ограничения его потребностей, в первую очередь симулятивных. Возвращение к истинному назначению производства.

Но как будет развиваться реальный процесс? Объективное требование, превращающееся в насущную потребность человеческого общества, – снижение такого рода – симулятивных – потребностей. Оно произойдет тогда и потому, когда и почему будет снижаться экономический компонент способа удовлетворения потребностей. Сейчас мы вступаем в новый не просто технологический уклад, а в уклад особый, где знания становятся базовым ресурсом производства и основным содержанием и средств производства, и продукта. Знаниеемкого продукта. Призванного удовлетворять во всё большей степени насыщение потребностей – без труда как элемента производства, экономики. Постепенно, шаг за шагом, снижение основы экономического способа удовлетворения потребностей, снижение значимости собственности, ее диффузия через механизмы, о которых я говорил, через снижение трудоемкости и – шире – роли труда и так далее, в связи с ростом знаний, ведет к тому, что экономические отношения утрачивают свою определяющую роль, и человек начинает удовлетворять свои потребности напрямую, не опосредуясь экономическими отношениями. То есть ему будет нужен продукт, а не товар, который он получит без посредника; исчезнет мена в связи с тем, что все необходимые потребности будет удовлетворять самодействующая производственная система.

Эта связка позволяет показать, что на самом деле и классики, которые заложили основы трудовой теории стоимости, и институционалисты, которые говорили об институтах, и неоклассики – все они так или иначе говорят об одном и том же. Описывают на самом деле вышеозначенный процесс происхождения, развития и ухода с исторической арены института собственности.

И остается раскрыть вопрос о том, каким – экономическим или качественно новым – способом будут удовлетворяться потребности людей и как будет развиваться (и будет ли развиваться) новый способ. Сегодня они все говорят об экономике, описывают ее с разных позиций, пытаются объяснить, исходя из разных парадигм. Мы как раз пытаемся сказать о другом – что есть в этом вопросе основное.

АВБ. Правильно ли я понимаю, что, на Ваш взгляд, главная проблема – не в том, исходя из какой методологии и на каком

языке (классической политэкономии, неоклассики или др.) объяснить экономику, а в том, как и что идет на смену экономике?

СДБ. Верно, объяснять надо фундаментальные трансформации, свидетелями которых мы являемся, и объяснять их – исходя из процесса открытия знаний, внедрения этих знаний в тонкую ткань сегодняшних производственных отношений. Если мы понимаем, что в экономических отношениях базовые компоненты исчезают, исчезают компоненты собственности и прочее, то мы понимаем, что тем самым начинается переход к другому способу удовлетворения потребностей – неэкономическому. Через этап постепенного редуцирования нынешних экономических отношений и институтов в рамках формирующегося Нового индустриального общества второго поколения, трансформации их по траектории, описанной в моей недавней книге «Нономика: траектория глобальной трансформации» и в статьях последнего времени.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему
«Измерение результатов общественного развития: к
постановке проблемы». Стенограмма
(03.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Проблема измерения результатов социально-экономического развития имеет долгую историю. В XX веке, особенно во второй его половине, типичным стал акцент на оценке результатов развития стран по объему валового внутреннего продукта (ВВП) в абсолютной величине или на душу населения. Но новый век ознаменовался началом глубоких трансформаций, которые поставили под сомнение универсальность этого измерителя, о чем вот уже не первое десятилетие идет, по сути дела, всемирная дискуссия. Вы уже не раз выступали с критикой этого показателя. Я думаю, будет правильно, если Вы подробнее остановитесь на этом вопросе.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Да, я думаю, можно дополнительно прокомментировать то, что я уже писал ранее о ВВП.

Давайте посмотрим, что на самом деле происходит с ВВП.

Итак, у нас есть валовой внутренний продукт. Мы произвели некий продукт, посчитали все, что мы произвели. Фактически же мы посчитали то, что уже неоднократно было произведено, перепроизведено в процессе работы в какой-то период времени. То есть так мы получили годовой валовой объем этой всей

продукции. Почему плохо так считать? Если мы вспомним так называемую «догму Смита», то, Вы же помните, там все считалось по 2 раза, по 3 раза, по 5 раз и так далее, в результате общий продукт включал в себя в том числе и то, что было произведено до того. Фактически – это то, что в советское время обозначалось как «вал». Сегодня нечто сходное (хотя и с несколько иной, основанной на системе национальных счетов, методикой) представляет собой ВВП.

Более того, если вдуматься и пристальнее посмотреть, мы увидим, что в ВВП включено два абсолютно разных аспекта.

Один связан с тем, что производится некий фактический, назовем его так, продукт, пусть даже он предназначен для удовлетворения симулятивных потребностей.

С другой стороны, в ВВП включено и кое-что иное – все что угодно: любые финансовые транзакции, выпуск облигаций каких-нибудь, продажа их, и пр., – все это тоже включается в ВВП. Таким образом, получается, что в определенных случаях роста реального/фактического продукта нет, но ВВП, тем не менее, растет. То есть, для того чтобы нарастить ВВП, мы можем не производить, а переливать из пустого в порожнее и за это платить, в результате воды в стакане не прибавилось, а ВВП вырос.

В этом плане показатель ВВП абсолютно не годится для того, чтобы измерять результаты экономики (поскольку экономика – это механизм, способ удовлетворения потребностей людей!), потому что удовлетворение потребности может снижаться, а ВВП – расти и наоборот (мы такие примеры приводили). Поэтому когда мы говорим о том, что нам надо обеспечить измерение развития общества, причем развития в сторону удовлетворения потребностей, когда мы говорим о социализации общества, о его гуманизации, об ориентации на расширение удовлетворения реальных потребностей социума и индивидов, то мы должны искать иные, нежели ВВП, измерители.

В самом деле, будет ли социализация выше, если будет выше ВВП? Удовлетворим ли мы в большей степени потребности людей? Будет ли людям лучше?

На самом деле, если мы будем придерживаться старого подхода, когда мы подсчитываем ВВП, то получим лишь очень косвенное отражение степени удовлетворения потребностей. Как

в кривом зеркале. И чем дальше, чем хрестоматичнее, симулятивнее становится современная экономика, тем больше.

Здесь полезно обратиться к Марксу, его известной формуле стоимости:

$$(W = C + V + M).$$

Условно говоря, Ваш постоянный капитал C – это первый Ваш капитал на бирже. Потом вы наняли на работу биржевого агента, заплатив ему за его работу (это Ваш переменный капитал, V), и получили некую прибыль (обозначим ее M , хотя это и не прибавочная стоимость в классическом ее виде). Оборот в день – 10 раз. Масса прибыли, которую Вы получите при успешной торговле на бирже, – колоссальная, ВВП растет. Кто получил какой продукт? Никто никакого продукта не получил, но при этом, если мы используем такие измерители, то мы *как бы* и социализацию общества развиваем, и жизнь у нас лучше становится, и так далее.

На самом деле – это, наоборот, усиливает рост таких проблем, как социальное неравенство, обнищание и прочих подобных негативных трендов. Потому что отвлекаются реальные средства из производственного, промышленного, индустриального (реального) сектора экономики – и переносятся в фиктивный, потому что там прибыль выше. Поэтому использовать ВВП, даже исходя из этих соображений, в качестве некоего показателя результатов развития, роста социализации общества через увеличение удовлетворения потребностей людей, – это неправильно.

Те же вопросы возникают, когда мы говорим о темпах роста. То есть увеличение посчитанного подобным образом темпа экономического роста может происходить за счет убывания эффективной части ВВП.

Это – известные феномены. ВВП критиковался неоднократно и многими, даже нобелевскими лауреатами. Тем не менее на сегодняшний день мы являемся свидетелями использования на практике именно этого неправильного подхода, мы все меряем в ВВП, мы меряем развитие темпами экономического роста, мы говорим об увеличении или падении темпов роста (или вообще спаде) экономики, но мы не говорим о развитии.

То же касается инвестиций. Так, академик А.Г. Аганбегян говорит, что без инвестиций нет роста экономики. Конечно, он

прав. Только – какого роста? Но далее он говорит, что нужно инвестировать в инфраструктуру, в производство. Правильно, это надо делать, инвестиции надо направлять именно туда. Если реально инвестировать в эти сферы, то мы, по крайней мере – опосредованно, можем увидеть удовлетворение реальных потребностей людей. Хотя, с другой стороны, тоже не очень понятно, что такое «инвестировать в инфраструктуру». Необходимо пояснение. Если мы выпускаем облигации какие-нибудь, на них делаем акции, на акции еще что-то, некие дериваты, направляем на это деньги и говорим, что мы инвестируем в железную дорогу, то тут еще вопрос: мы инвестируем реально в железную дорогу или все-таки в финансовые спекуляции? Это еще большой вопрос, какая доля инвестиций пойдет на реальное развитие инфраструктуры. Особенно в контексте нынешней «сброндившей» экономики, в которой присутствует колоссальный симулятивно-спекулятивный сектор.

То есть тут, опять же, мерять впрямую этими показателями нельзя, это неправильно. Мне некоторые экономикс-эксперты в Вольном экономическом обществе пишут формальные записки, что если мы проинвестируем, условно говоря, больше на 5% инфраструктуру России, то будет некий дополнительный экономический рост (есть разные количественные оценки). Но очень редко при этом задаются вопросом, который я еще раз повторяю: даст ли это реальный продукт в конце концов потребителю? В условиях нынешней нашей (да и не только нашей!) экономики? Мы можем инвестировать в создание «железной дороги», которая ведет в никуда.

АВБ. Да, это правда.

СДБ. Мы можем построить самолет, который не будет летать, но его все равно учтем в ВВП. Или не пригодное для перевозки полезных грузов судно – зато мы будем везде в мире говорить, что мы произвели лучший в мире подводный корабль, который летает выше всех и при этом стреляет неизвестно куда и зачем (помните старую шутку о «подводной лодке в степях Украины»?). И – учтём в нашем ВВП! Но при этом реального продукта для реального человека нет. Мы понимаем, что какая-то доля расходов должна идти на эти вещи, это важно для страны, спору нет, но это не должно учитываться в составе измерителя, по которому мы пытаемся замерять достигнутые успехи в улучшении жизни населения. Между тем у нас в ВВП вкладывается и производство такого

рода изделий. Если мы, допустим, скажем: «Давайте затянем пояс» и будем, например, строить башню до небес, потому что она защитит нас от «лапутянской» экспансии (назовем это так, следуя Свифту), или какой-нибудь другой экспансии, экспансии инопланетян, то будет ли у нас в этом случае больше хлеба, яблок, штанов или книжек, научных исследований, или чего-то еще реально потребного такого? Не будет больше. Более того, может быть – и меньше, но ВВП при этом будет расти, темпы будут наращиваться.

Продолжим. Рассмотрим наиболее актуальные в настоящее время проблемы, вызванные или обострившиеся пандемией. Пандемия привела к снижению ВВП по всему миру (ну разве что – за исключением Китая, но и там его рост резко замедлился). Все говорят: «Трагедия, снижение ВВП, бедность растет», а я говорю: «Посмотрите, ребята, какая структура этого падения». Например, услуги, которые оказались нужны людям (стали удовлетворять их потребности!) во время пандемии, выросли в десятки раз. А ненужные – отвалились. Нанося, кстати, ущерб их производителям и занятому в этих секторах населению. Потребитель проголосовал своими деньгами, спросом своим за то, что ему нужно в этих условиях. Общий ВВП упал, но упало ли «счастье» людей в этом конкретном аспекте? Может, и нет, а может – даже наоборот, потому что у них появились, к примеру, другие возможности учиться, Zoom какой-нибудь, выросло производство компьютерной техники, которая необходима для этого, сетей, программ и так далее. С точки зрения ВВП – падение, с точки зрения ухудшения качества жизни – да, оно произошло, возможно, в неких элементах, если мы привыкли к одному, а сейчас все иное. Но я прямо говорю: вот, к примеру, моя семья не особенно почувствовала какого-то снижения качества жизни (я не говорю об ощущениях, я говорю об экономических эффектах и последствиях), потому что как она могла есть конкретные продукты из магазина, так она и ест то же самое из того же самого магазина. А вот затрат денег и времени на всякие ненужные в этих условиях вещи, разные малонужные перемещения стало меньше, возможности онлайн-контактов возросли, за счет этой экономии и этих новых механизмов коммуникации стало возможным что-то дополнительно сделать или приобрести и т. д.

Более того, если ВЭО России тратило на конференции раньше по 5–10 миллионов рублей, то сейчас тратит 300–500 ты-

сяч, остальные деньги могут пойти на повышение доходов сотрудников, ремонт, приобретение необходимых для ВЭО вещей (которые нужно еще будет дополнительно кому-то произвести, обработать и др., что будет вкладом в реальную компоненту ВВП, а не в симулятивную). То есть в этом плане «ВВП ВЭО» (с точки зрения затрат) упал в разы, а «качество жизни» его существенно улучшилось. И заказы для подрядчиков в целом не уменьшились.

АВБ. Да, в этом что-то есть. Хотя у большинства людей в последний год качество жизни снизилось, и существенно.

СДБ. Это верно. Потому что есть, конечно, разные ситуации у людей, у компаний, особенно занятых в менее нужных отраслях, но именно поэтому их и невозможно «аршином общим» ВВП измерять.

Но вернемся к сути проблемы ВВП.

ВВП как способ подсчета удовлетворения потребностей, который мы сегодня используем, сформировался исторически примерно с середины XX века. Если вспомнить советское время, там были бурные споры, как мерять, что мерять, зачем мерять и так далее. Потом появился показатель, который все обозначали словом «вал», и это стало одним из факторов, приведших к трагедии Советского Союза, я считаю.

Трагедия состояла в том, что из применения такого способа учета вытекало много различных негативных последствий. Во-первых, в себестоимость продукции включался повторный счет, плюс заработная плата, плюс норма, которая отпускалась Госпланом на прибыль... Но в этом случае было выгодно получить подороже, а не подешевле продукцию на переработку, заплатить побольше денег, потратить больше материалов, электричества или чего-то еще такого, т. е. увеличить издержки по нормативам, по которым формировалась прибыль, из нее платили премии и все остальное, шло прямое стимулирование экономического роста за счет того, что затратность этого производства не снижалась, а росла. Рос «вал», цены росли, а стоимость, тем более потребительная стоимость, падала.

Это была проблема Советского Союза. В свое время (если я не ошибаюсь, в 1965 году) товарищ Косыгин пытался провести экономическую реформу. Почему он не смог провести ее? В стране ведь были экономисты, которые понимали опасность и вред валовых показателей, которые понимали, что это нужно изменить, что-

то надо в натуральных показателях считать, а что-то считать в рублях, но на основе реальных цен, а не раздувания себестоимости.

Но для использования плановой системы учета тогда не хватало технологических мощностей, не хватало техники, не хватало программ, которые позволяли бы очень быстро обчислять эти все вещи. Поэтому наше планирование было простым и строилось по принципу «от достигнутого». Отсюда – диспропорции в народном хозяйстве, а диспропорции такого рода ведут к разрушению системы. Внедрению передовых методов противостояло при этом мощное лобби, которое получало зарплаты – и государственные, и партийные руководители всех уровней, которые получали свои премии от того, что они знали, как увеличивать «вал» и наращивались проценты.

Приведу только один пример. Когда я был в советское время инструктором в партийном органе, мы как-то покритиковали руководство одного завода за то, что оно не сэкономило электроэнергию. Выяснили при проверке, что они целый месяц выпускали в ночную смену несколько человек и ставили станки на работу. Станки работали вхолостую, но потребляли электроэнергию, довольно дорогие материалы шли в отходы. Эта кажущаяся бессмысленной и, более того, вредной, операция проводилась потому, что в следующем году затраты, которые они понесли, попадут в цену, она вырастет, вырастет вал, премии и т. п. Когда мы задали вопрос директору завода: «На фига ты это делаешь? Ты же понимаешь, что это неправильно!», он ответил: «Во-первых, цены вырастут, объем произведенной продукции вырастет, и мы, и наши партийные начальники получим премии. Во-вторых, меня накажут, конечно, за то, что допустил перерасход электроэнергии, но убыток от наказания будет намного меньше, чем премия за рост вала».

Тогда мы не могли технологически решить эту проблему. И экономически не могли: рынка не было, а система учета не работала. Вы помните, что говорил товарищ Ленин? Социализм – это учет.

АВБ. Учет и контроль. Более того, мы в своих работах еще тогда, в СССР, писали, что планомерная организация производства начинается с всенародного учета и контроля.

СДБ. Он не имел в виду учет валовой, он имел в виду нормальный учет, учитывать реальный продукт, только тогда мы могли учитывать затраты, мы думать могли о том, что затраты – это и есть это самое C и это самое V . Тогда если прибыль нам не нужна была

как экономический механизм, стимул, она могла быть как-то нормирована, то прибыль можно считать постоянной величиной, а эти вещи снижались бы, если бы была экономия той же электроэнергии и других ресурсов. В результате – снижение цен, не инфляция, а дефляция, негатив которой можно было избегать и регулировать – не будем в это углубляться, сейчас не об этом речь. Это первое.

Второе. При этом удовлетворялись бы потребности людей, потому что зарплата оставалась бы такой же или чуть побольше, покупательная способность их росла бы, это было бы подстегивание спроса, который бы Госплан считал правильно, исходя из заработной платы и цен массового продукта. В результате Советский Союз мы бы сохранили.

Этот неверный показатель, неправильная политэкономическая платформа, неправильно понимаемый способ управления народным хозяйством привели к тому, что прекрасная идея, которая вполне сочетается с нооподходом, была стерилизована. А обвиняют социализм. Не социализм тут виноват был. Социализм был извращен – и в силу объективных, и в силу субъективных причин – до безобразия.

А что касается «вала», то как ни парадоксально, здесь был и элемент подражания Западу – догнать и перегнать Америку... по ВВП.

А Америку никогда не догонишь, потому что Америка пошла другим путем. В последние десятилетия США сделали гигантскую ошибку, они утратили свое лидерство, которое получили на 10-15 лет и стали гигантской империей и колоссальной страной. Они утратили это лидерство, потому что в этой стране началась деиндустриализация, а в экономике, в ВВП основные позиции стали занимать финансовый капитал, транзакции и так далее. Поэтому догнать *такую* Америку трудно.

АВБ. Я бы сказал, что догонять кого-то – все равно кого – по ВВП – это задача вчерашнего дня. Точнее, ложная задача, стремление к победе в соревновании, кто выпьет больше воды (Вы как-то справедливо напомнили, что если человек выпьет больше определенного объема воды, не помню точно, литров 8-10, за один раз, он умрет)...

СДБ. Вернемся к практикам США. Чтобы компенсировать падение внутреннего дохода, они скупали и печатали деньги и че-

рез Бреттон-Вудскую систему раздавали их по всему миру, скупали все, что можно скупить. Их производство в этом случае неизбежно должно было упасть, и оно (реальное производство) падало. В результате Америка за каких-нибудь 30 лет утратила многие свои позиции. Если ранее у них 30% людей работали в промышленности, давали реальный продукт, то в XXI веке стали работать 10-12%, и США ... стали зависеть от импорта. Некоторое время назад еще Б. Обама начал говорить о том, что Америке нужна реиндустриализация, что надо везти всё назад – оборудование, рабочих и т. п. с тем, чтобы уйти от дефицита торгового баланса, уйти от проблем с импортом, зависимости от поднимающихся стран.

В этой связи другой вопрос: а почему страны типа Китая в это же время поднимались? Потому что делали они реальную продукцию, удовлетворяющую реальные потребности и потому имеющие постоянный и высокий спрос, плюс при этом у них зарплата – V была маленькая, примерно сравнимая с мировыми ценами на экспортируемую продукцию прибыль, прибавочка – M, была повыше. И консолидировалась она целенаправленно в рамках понятной государственной политики в группе C. В результате, когда они через знания начинали повышать качество C, да и квалификацию труда, они через некоторое время освоили технологии, выкупили принадлежавшие ранее иностранцам либо создали новые производства и сейчас делают все сами. И прибыльность теперь могут устанавливать сами, владея высокочисленными C и V.

A в таком варианте ВВП будет расти быстрее едва ли не автоматически, что мы и наблюдаем, причем его структура будет качественно иной, более адекватно отражающей то, что хотели отражать, подозреваю, основоположники идеи внедрения этого показателя – уровень насыщения реальных потребностей.

Но об этом, о структуре ВВП, возможности адаптации этого показателя к оценке реальной ситуации с удовлетворением потребностей, к оценке доли и роли ноокомпонента в современной полухрестоматийной экономике и в перспективной экономике НИО.2 – в следующий раз.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему
«Рост знаниеемкости производства ведет к диффузии
стоимости и собственности». Стенограмма
(30.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономки кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). В рамках предшествующего коллоквиума мы с Вами затронули вопрос о соотношении понятий «собственность» и «стоимость»...

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Да. Продолжим. Давайте остановимся на понятии «собственность».

Собственность – это не предмет, а отношение. Я начал бы с этого...

АВБ. ...Вы в данном случае, как и в ряде других работ, используете методологию и теорию классической политической экономии. В рамках этой парадигмы собственность именно так и определяется – как общественное отношение, в котором соединяются экономическое содержание (например, отношения капиталиста и наемного работника) и правовое оформление этого содержания (например, частная собственность на капитал и прибавочную стоимость, с одной стороны; собственность наемного работника на свою рабочую силу и заработную плату – с другой).

СДБ. Кто бы спорил?! Но давайте эти абстрактные соотношения рассмотрим на примере. Когда я приехал жить в Великобританию, по-первости меня шокировало понятие property (собственность). Как это понимают британцы. Они говорят: ты

живешь в своей собственности. Подчеркну: не в своей квартире, не в своем доме, а в своей собственности. У тебя, к примеру, 5 собственности и так далее и тому подобное. На мой взгляд, это неправильно, хотя многие понимают собственность именно так – как нечто, принадлежащее тебе, как предмет. Я же рассматриваю собственность как отношение.

Представьте себе: есть кот Матроскин. Он – «ничейный». Когда у него спрашивают: «Ты чей кот?», он говорит: «Я – ничей кот. Я сам по себе, свой собственный». То есть, условно говоря, он принадлежит сам себе. Или другой пример. Стол принадлежит, например, Вам. Он – Ваш стол. Если он принадлежит мне – он мой стол. Но при этом он не перестает быть столом как предметом, а то что он «чей-то», чья-то собственность – это его качество, которое определяется нашим *отношением* к этому предмету. *Мой* стол – это Ваше и мое отношение к этому столу – скажем, отношение такое, что этот предмет является моей собственностью.

Продолжу. Что такое стоимость? Стол может стоить, условно говоря, 100 рублей. В момент, когда я сплю, он мне не нужен (вспомним о сопряжении стоимости с полезностью). Стол не стоит для меня сейчас ничего. Зато когда я работаю, он стоит, может быть, и больше ста рублей. Потому что 100 рублей – это рыночная цена этого стола. Это – отношение, которое устанавливается в процессе мены и если полезность этого стола будет равна 100 рублям, то это будет цена, в основе которой лежит стоимость этого стола. И это – отношение, которое возникает в процессе производства стола, его обмена на деньги и последующего потребления, когда кто-то, сидя за ним, работает.

АВБ. Здесь интегрируются отношения людей в процессе производства (стола), обмена и потребления, где полезность этого предмета становится практически актуальной.

СДБ. Я бы сказал иначе: эта полезность устанавливается в процессе мены и использования этого предмета – стола. При этом, подчеркну, ценность – это весьма относительная штука. И полезность – тоже относительная штука. Потому что, когда я сплю, полезность стола для меня снижается до нуля, а когда я работаю – она, напомню, возрастает и может быть больше 100 рублей. Когда я голоден, одна-единственная рыбка мне очень дорога. Но если я наелся и мне дают рыбку, я могу ее завернуть в

бумажку и положить на хранение в холодильник просто на всякий случай, или даже вообще выбросить, мне она не нужна. Хотя стоимость у нее есть. Почему? Потому что (и здесь мы уже переходим в пространство классической политической экономии) стоимость есть овеществленный абстрактный труд.

Таким образом, получается, что мы сделали этот стол или поймали эту рыбку, затратили труд, и, если мы получили на рынке денежный эквивалент, результаты этого труда обрели стоимость. При этом стоимость эта исчисляется.

Однако здесь есть место и для акцента на полезности вещи...

АВБ. ... в марксистской политической экономии есть важный тезис: товар есть единство стоимости (овеществленного абстрактного труда) и потребительной стоимости (продукта конкретного труда, полезности вещи)...

СДБ. ...и потому мы здесь видим пересечение с теорией полезности, а это, на мой взгляд, даже более взвешенная трактовка феномена «стоимость», потому что это отношение людей к предмету в процессе мены. Это – качество, которое мы придаем предмету через свои отношения в процессе обмена этими предметами, мены этих предметов, одного на другое, понимаете?

АВБ. Да, понимаю, хотя и не считаю, что для учета полезности товара надо обращаться к теории полезности.

СДБ. Хорошо, оставим этот спор. Посмотрим на компоненты, на которые разлагается стоимость. Это – постоянный капитал, переменный капитал (стоимость рабочей силы) и прибавочная стоимость. В процессе капиталистического производства создается продукт – нечто, что затем в процессе мены превращается в товар. Чей он?

АВБ. Ответ известен: капиталиста. Прибавочная стоимость присваивается капиталистом в момент, когда продукт труда работника воплощен в товаре, являющемся собственностью капиталиста.

СДБ. Один феномен – стоимость (включая прибавочную стоимость) переходит в другое качество – в качество под названием «собственность». И эта собственность чья-то.

АВБ. Капиталиста...

СДБ. Для меня в данном случае важен момент перехода.

Что дальше? Дальше, если мы говорим о собственности, то капиталист, присвоивший результат труда работника, обменивает этот результат (являющийся его собственностью товар) на рынке на деньги.

АВБ. ...Часть из них он потратит на компенсацию затрат на постоянный капитал, часть пойдет на заработную плату работника, а оставшаяся часть (прибавочная стоимость) будет использована на личное потребление и на инвестиции в расширение производства...

СДБ. Да, конечно, известное дело. Рассмотрим ту часть, которую капиталист инвестировал в процесс производства, потратив ее опять же на постоянный капитал (покупку средств производства) и на переменный капитал (найм работников). Собственно говоря, эта ситуация описывает непрерывный процесс производства, т. е. воспроизводство. В этом процессе происходит «перевод» собственности из одного состояния в другое – во второй стол, третий стол, пятый стол, но главное – в стоимость. В том числе и в прибавочную стоимость. В этом смысле всякая вновь полученная «новая» прибавочная стоимость есть «предыдущая» (включая все предыдущие циклы воспроизводства) прибавочная стоимость плюс переменный капитал «нового» цикла.

СДБ. Теперь усложним наш анализ и рассмотрим ситуацию, когда в экономике определяющую роль играют знания. Итак, есть знания. Они имплементируются в новые товары, которые становятся новыми объектами собственности капиталиста...

АВБ. ...и в этом процессе в некоем товаре опредмечиваются как те знания, которые привнес капиталист (например, купив патент на новую технологию или самостоятельно сделав изобретение подобно Генри Форду, которому приписывают идею конвейера), так и те, которыми обладают работники (скажем, знания, полученные в процессе бесплатного общественного образования в МГУ). Результаты и того и другого присваивает собственник произведенного при помощи этих знаний товара, т. е. капиталист.

СДБ. Сделаю несколько иной акцент: знание находится «внутри» и переменного капитала, и постоянного капитала, и оно (это знание), в отличие от других факторов производства, относительно дешевет. При этом знания сублимируются в предметы, которые становятся собственностью капиталиста и выносятся на рынок.

В следующем цикле мы имеем более квалифицированную рабочую силу, которая формирует новое качество переменного капитала, такой работник обладает большими знаниями и способностью создавать большую стоимость и большую прибавочную стоимость. Кроме того, знаний становится все больше и в постоянной части капитала, которая переносится на вновь создаваемый товар. Все это входит в следующий цикл производства, в котором используются и те знания, которыми обладает наемный работник, и те, что воплощены в новом постоянном капитале. И произведенный продукт, и воплощенные в нем знания прогрессируют. И самое главное – постоянно, все время увеличиваются доля и роль знаний как в переменном, так и в постоянном капитале (по Марксу).

Более того, в этом процессе снижается роль труда как такового, в первую очередь – физического.

В результате знаниеемкость произведенного продукта, являющегося собственностью капиталиста, растет. Вслед за этим растет знаниеемкость постоянного капитала и «знаниеемкость» работника.

АВБ. Отмечу последнее, это важно. В результате технологического развития, с одной стороны, стоимость рабочей силы наемного работника увеличивается. В нее во все большей степени входят затраты на образование, на здравоохранение, культуру, свободное время и т. п. С другой стороны, сокращается объем необходимых для производства товара затрат труда.

СДБ. Ах, как точно Вы это заметили! Доля труда, несмотря на рост его знаниеемкости и стоимости его, падает с ростом знаниеемкости производства в целом! А в перспективе, по Марксу, наступит время, когда человек выйдет за пределы материального производства.

АВБ. Да, Маркс писал даже об «уничтожении труда»...

СДБ. Он как бы тем самым говорит сначала о том, что переменный капитал исчезнет. Но при этом Маркс говорит что? Что прибавочная стоимость – это результат исключительно труда!..

АВБ. Да. Это именно так.

СДБ. Но если труд исчезает, то исчезает и прибавочная стоимость.

АВБ. Да. А вместе с этим исчезнет и капитализм, и рынок.

СДБ. А если исчезает прибавочная стоимость, то тогда исчезает и стоимость! И стоимость, переходящая в собственность...

АВБ. ...тоже исчезает.

СДБ. Редуцируется, по крайней мере. Да. Более того, в этом случае мы, с одной стороны, имеем больше знаний, а с другой – все меньшая роль труда приводит к тому, что собственность как таковая как бы все больше порождает саму себя. Есть ли в этом экономический, именно экономический (!), смысл? Его нет, потому что сам факт или акт присвоения становится ненужным в этом процессе. И в результате получается, что исчезают экономические отношения как таковые.

Это – очень важное следствие всех моих рассуждений.

АВБ. Этот вывод прямо корреспондирует с тем, что Вы писали в своих работах по ноономике.

СДБ. Рассмотрим еще один вопрос (все-таки – о полезности): а как сказанное связано с проблемой полезности? Если, скажем, полезность нашей вещи, какой-то для нас, важна как для потребителя, то мы готовы за эту вещь, скажем, что-то другое отдать. Но – представьте себе, что собственности как таковой нет.

Возникает коллизия: с одной стороны – предмет (пусть все тот же стол) для меня полезен. Но при этом он не мой стол и не ваш стол, он ничей – стол.

Описание вот этого процесса, скажем производства, наращивания, присвоения благ через схему предельной полезности, является в общем-то неточным. Но и у Маркса это неправильно подано...

АВБ. А что с Вашей точки зрения у Маркса неправильно?

СДБ. А неправильно то, что в теории прибавочной стоимости Маркса жестко утверждается, что она есть результат исключительно труда. А это в современных условиях, как мы показали выше, результат не исключительно труда. Это результат наращивания знаниеемкости во всех процессах. Это – результат снижения «трудоемкости» производства, снижения в нем доли труда с наращиванием знаниеемкости всех компонент производства продукта и последовательным соответствующим редуцированием собственности. Фактически знание заместит труд, переводя его в качестве субчасти в то, что Маркс назвал постоянным капиталом. Функции труда перейдут к машинам. И что? Теперь

исключительно они, а не «исключительно труд», будут создавать новый результат «общественного производства». Собственность, которая диффундирует.

АВБ. Сергей Дмитриевич, я позволю себе реплику. В марксизме принято считать, что в условиях господства автоматизированного производства и вытеснения живого труда из непосредственного производственного процесса на смену рыночно-капиталистической организации производства приходит иная. Капитализм, рынок несовместимы с автоматизированным производством подобно тому, как феодализм несовместим с господством индустрии. Исключения возможны (например, использование труда крепостных на металлургических фабриках Демидова в Российской империи), но только и именно исключения. И в этих – новых – условиях стоимость не создается. Создаются общественные блага, стоимости не имеющие. Учету подлежат только общественно необходимые затраты овеществленного труда. Соответственно в этих условиях нет ни прибавочной стоимости, ни капитала, ни частной собственности. Такова концепция Маркса.

СДБ. Я с этим согласен, и теория ноономики подводит к сходным выводам. Но никакого (!) объяснения этого феномена эти самые «люди в марксизме» не дают, и больше того, если вы открываете советские учебники политэкономии (а я ответ на этот вопрос поискал в четырех учебниках), то везде находите нечто иное. Точнее – того, что Вы, Александр Владимирович, говорите, Вы там не найдете. Кстати, найдите мне в «Капитале» положение о том, что автоматизированный труд приведет к исчезновению капитализма.

АВБ. В «Капитале», быть может, и не найду, разве что в одном из фрагментов III тома, где говорится о «царстве свободы», но в экономических рукописях 1957-1958 годов есть тезисы, говорящие, что творчество как всеобщий труд есть предел капитализма. Ну а то что я говорил выше, это не столько Маркс, сколько марксизм 60-х – 70-х годов XX века – то, на чем я вырос и то, чем мы занимались в МГУ. Так что тут Вы правы: у Маркса этот тезис лишь обозначен.

СДБ. Творчество – да, да только это не совсем то, о чем мы сейчас говорим. Творил и древний человек. И мастер в средневековье. Да уровень знаниеемкости их, если хотите, «творче-

ской компоненты» труда был разный. Именно это, знаниеемкость, ее рост ведёт к «уничтожению труда»!.. И вообще – что есть этот Марксов «всеобщий труд»?.. Нет проясняющего комментария ни у него, ни у марксистов.

Но – давайте оставим историю вопроса и перейдем к реалиям XXI века. Я в рамках теории ноономики пытаюсь объяснить, почему исчезают и труд, и прибавочная стоимость. Потому что идет процесс насыщения всех компонентов производства, в том числе тех, что перечисляет Маркс, знаниями. В результате знание, становясь важнейшим фактором производства, изменяет содержание последнего, ибо знание – это фактор, который имеет особую природу. Он размывает то объективное отношение, которое имеет имя «стоимость».

Причина фундаментальна: по мере повышения роли знаний в производстве стоимость снижается вплоть до исчезновения. В зависимости от того, сколь широко используются те или другие знания для производства, происходит диффузия стоимости. В результате, когда идет процесс насыщения знаниями, знания перетекают в продукт производства, и если рассматривать экономическое инвестирование, то в этом процессе знания постоянно накапливаются и умножаются. Говоря упрощенно, их (знаний) там, в продуктах производства, становится все больше и больше. Как в производстве, условно говоря, iPhone (этот пример мы разбирали в книге о ноономике). А стоимость становится все меньше и меньше, потому что там меньше и меньше труда.

АВБ. Я так понимаю, что дальше Вы перейдете к проблеме диффузии не только стоимости, но и собственности.

СДБ. Да, но надо иметь в виду, что диффузия стоимости – это лишь часть более общего процесса. Речь идет о том, что по мере прогресса знания экономические отношения редуцируются и, в частности, редуцируются отношения собственности. «Исход» экономических отношений – это как бы конец всего процесса, всей этой цепочки, а посередине стоит диффузия собственности.

Диффузия собственности и диффузия стоимости взаимосвязаны, ибо мы в процессе общественного производства создаем стоимость, которая перетекает в собственность в момент присвоения имеющего стоимость товара. В момент инвестирования в производство стоимость, овеществленная в объекте собственно-

сти, опять перетекает в стоимость постоянного капитала. Соответственно, если диффундирует одно, то диффундирует и другое.

Этот процесс, еще раз подчеркну, идет следующим образом. Повышение знаниеемкости приводит к тому, что редуцируется труд как фактор производства – он замещается знаниями сначала во все большей мере, а в конечном итоге – целиком, и далее накапливаются уже знания. Но знание – и вот здесь – особая важность: это – особый фактор производства, и этот фактор имеет другую природу, нежели материальные факторы и труд, и он (этот новый фактор, знание) имеет особое свойство – дешеветь в силу того, что его стоимость «размазывается» на огромное (в пределе – бесконечное) количество тех, кто получает это знание.

АВБ. Пожалуй, стоит сделать на этом акцент: знание – это «продукт», который можно раздавать сколь угодно широкому кругу потребителей, при этом его не теряя. Раз, однажды «произведенное» знание (скажем, $2 + 2 = 4$), в перспективе может получить любой человек. Так возникает потенциальная возможность перехода к отношениям, которые советский марксист конца XX века Вадим Межуев назвал собственностью каждого на все, а Вы, как мне кажется, назовете... исчезновением собственности.

СДБ. «Собственность каждого на все» как понятие ничего не объясняет. И оно базируется на ложном понимании сохранения отношения собственности. А оно «испаряется»! Здесь – другое. Знание становится доступно все более широкому (в абсолюте – бесконечному!) кругу потребителей, поэтому присвоение не может быть единым актом, оно становится множественным, «разомкнутым» во времени и пространстве, и в этом – коренное отличие знания от всех других вещей. Соответственно, происходит сокращение основных компонентов в формуле Маркса $c + v + m$, сокращение значимости стоимости и как следствие – сокращение значимости собственности, а в перспективе – и вообще экономических отношений. Отсюда, собственно говоря, простой вывод: с наращиванием научно-технического прогресса, его развитием связан процесс редуцирования экономических отношений. И всякое сопротивление этому процессу создает возможность конфликта, причем не только общественно-экономического.

А раз так – встает фундаментальная задача: социализация общества как естественная потребность, которая пересекается с

идеями марксистов о том, что необходимо «счастье для всех», равенство – хотя бы в доступе к благам и так далее.

И это – не только проблемы будущего. Недавно в Давосе в очередной раз говорили о кризисе, о его последствиях. Одно из последствий сегодняшней экономической обстановки, так скажем, ее развитие – это не только высокая геополитическая конфликтность и связанные с этим вопросы, но и основная проблема – проблема неравенства, бедности, экономического эгоизма и так далее. Ее неразрешенность приводит, собственно говоря, к разрушению экономической системы именно как системы. Потому что здесь напряжение экономических отношений достигает своего высокого градуса, возможно – предельного. В результате экономика – и не только экономика, собственно, социальная сфера – могут не выдержать...

Теория ноономики, объясняя причины происходящего, не просто – описательная история. Она еще и тенденции развития цивилизации формулирует, и строго доказывает, какие тренды грядут. И – главное: на этой основе, научной основе, предлагает конкретные решения. Социализация общества – новая мощная объективная потребность человечества – невозможна без солидарного подхода мирового сообщества к реализации этих решений. Отсюда – и потребность в солидаризме как идеологической платформе ноономики, о чем я говорил в своем докладе на нашем международном ИНИРовском семинаре в декабре 2020 года.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. V-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 638 с.

Подписано в печать 15.03.2021.
Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. 638 с., 34,8 печ. л.
Заказ № 10234/2

Институт нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
197101, Санкт-Петербург,
ул. Большая Монетная, 16.

Отпечатано в типографии ООО «Кси-Принт»,
192029, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, 36.